

УСЛОВИЯ И СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК СУБЪЕКТА ИННОВАЦИЙ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Сборник докладов/статей
участников XV Всероссийской
научно-практической конференции
в рамках инициативной программы
«Проблемы социокультурной эволюции
России и ее регионов»

Санкт-Петербург,
9–11 октября 2019 года

XV Всероссийская
научно-практическая конференция
в рамках инициативной программы
«Проблемы социокультурной эволюции
России и ее регионов»

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

COORDINATING RESEARCH COUNCIL
“PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL EVOLUTION OF RUSSIA AND ITS REGIONS”,
THE SECTION OF PHILOSOPHY, POLITICAL SCIENCE, SOCIOLOGY, PSYCHOLOGY, AND LAW,
THE DIVISION OF SOCIAL SCIENCES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
CENTER FOR THE STUDY OF SOCIO-CULTURAL CHANGE

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
“HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS”
IN ST. PETERSBURG

CONDITIONS AND METHODS OF INCREASING OF THE ACTIVITY OF THE YOUTH AS A SUBJECT OF INNOVATION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONS

Collection of reports/papers of the participants
of the XV All-Russian research and practice conference
within the Initiative Program
**“Problems of Socio-Cultural Evolution
of Russia and its regions”**

Saint Petersburg,
October 9–11, 2019

Compiled by N. I. Lapin, R. H. Salakhutdinova
Editor-in-chief A. V. Nemirovskaya

Saint Petersburg
R E N O M E
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ
«ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ»
СЕКЦИИ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПСИХОЛОГИИ, ПРАВА
ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

УСЛОВИЯ И СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК СУБЪЕКТА ИННОВАЦИЙ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Сборник докладов/статей участников
XV Всероссийской научно-практической конференции
в рамках инициативной программы
**«Проблемы социокультурной эволюции
России и ее регионов»**

Санкт-Петербург,
9–11 октября 2019 года

Составители: Н. И. Лапин, Р. Х. Салахутдинова
Ответственный редактор А. В. Немировская

Санкт-Петербург
Р Е Н О М Е
2019

Редакционная коллегия:
член-корреспондент РАН *Н. И. Лапин* (председатель);
к. социол. н., к. филол. н. *А. В. Немировская* (отв. ред.),
д. социол. н., вед. н. с. *Л. А. Беляева*;
д. филос. н., вед. н. с. *Н. А. Касавина*,
к. социол. н., доц. *Р. Х. Салахутдинова*

Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов : сб. докл./ст. участников XV Всерос. науч.-практ. конф. в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Санкт-Петербург, 9–11 октября 2019 г. / сост. Н. И. Лапин, Р. Х. Салахутдинова ; отв. ред. А. В. Немировская. — СПб. : «Реноме», 2019. — 648 с.

ISBN 978-5-00125-239-9

DOI: 10.25990/hse.conf-15.21ve-cg22

В сборнике представлены тексты докладов/статей участников XV Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», которая осуществляется с 2005 г. Молодое население является креативным достоянием общества, способствующим созданию и осуществлению инноваций в экономике и других сферах его жизни. Миссией XV Всероссийской научно-практической конференции «Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов» является привлечение внимания как самой молодежи, так и представителей органов управления, науки, образования, бизнеса, широкой общественности России и ее регионов к проблемам активизации инновационной деятельности молодежи в контексте устойчивого развития регионов и всей страны. Участники конференции сосредоточили внимание на трех основных направлениях этой миссии: I. Потенциал и факторы инновационной активности молодежи; II. Роль инновационной активности молодежи в развитии регионов и муниципальных образований; III. Молодежь как ресурсный потенциал развития инновационных систем в регионах.

Сборник полезен молодым специалистам, ориентированным на реализацию своих компетенций в регионах как стартовых площадках молодых лидеров России, учащимся и преподавателям университетов и других вузов, государственным и муниципальным служащим, ответственным за развитие регионов и местных сообществ, а также всем интересующимся судьбами России и ее регионов сегодня и в ближайшем будущем.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 332.1
ББК 65.04+60.59

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-011-20144*

© Санкт-Петербургский филиал
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», 2019
© Авторы, 2019
© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2019

ISBN 978-5-00125-239-9

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лапин Н. И.</i> Вступительное слово	15
--	----

Пленарное заседание МОЛОДЕЖЬ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ: ПОТЕНЦИАЛ, АКТИВНОСТЬ, ИННОВАЦИИ

<i>Беляева Л. А.</i> Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы социализации	19
---	----

<i>Лапин Н. И.</i> Синергия коммуникационного пространства региональных инновационных систем — ресурс успеха молодых специалистов	33
---	----

<i>Немировская А. В., Соболева Н. Э.</i> Трудовые аттитуды и самооценка трудового положения молодежи и взрослого населения Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга ..	44
---	----

<i>Плотникова Е. Б., Маркова Ю. С.</i> Социальные проекты промышленных предприятий как технологии повышения социальной активности молодежи в преодолении социокультурных рисков территорий	60
---	----

<i>Тарасов В. Т.</i> Инновационная активность молодых ученых в регионах России	71
---	----

<i>Шабунова А. А.</i> Риски и возможности развития человеческого потенциала молодого поколения в контексте цифровизации экономики и общества	91
--	----

Секция 1 ПОТЕНЦИАЛ И ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Общетеоретические предпосылки

<i>Звоновский В. Б., Прохоров Д. В., Цлаф В. М.</i> О механизме формирования социокультурных характеристик поколения	107
--	-----

<i>Калачикова О. Н., Морев М. В.</i> Гражданская активность молодежи: тренды и условия реализации	129
---	-----

<i>Козай Е. А.</i> Социокультурный потенциал молодежи Центрального Черноземья в реализации стратегий регионального развития	141
---	-----

<i>Козырева Л. Д.</i> Мотивационный комплекс молодого человека поколения Z	153
---	-----

<i>Крупчатникова В. В.</i> Роль молодежи в модернизации социума	162
<i>Леонидова Г. В.</i> Готовность молодежи к проявлению инновационной активности	173
<i>Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А.</i> Динамика составляющих социального самочувствия молодежи и предикторы доверия	185
<i>Тарасова А. Н.</i> Потенциал постсоветского поколения в формировании зрелого гражданского общества	200

Молодежь в условиях цифровизации

<i>Давыдова Ю. А., Королевский Е. О., Каргаполов С. В., Слободский А. И.</i> Электронная культура молодежи как социальная инновация	212
<i>Касавина Н. А.</i> Молодежь в цифровом обществе: риски и возможности	222
<i>Никитина Д. О.</i> Социализация молодежи в условиях цифровизации общества	230
<i>Руденкин Д. В.</i> Интернетизация социальной реальности российской молодежи на повестке дня	235
<i>Семёнова А. А.</i> Цифровая грамотность как средство активизации молодежи при выборе профессий будущего	250

Молодежь, наука, образование

<i>Ломоносова М. В., Князева В. В., Бушенкова И. А.</i> Дополнительное образование школьников как стратегический фактор инноваций (на примере программы дополнительного образования «Биотехнологии: наука и человек в XXI веке»)	260
<i>Ланцев В. Л.</i> Влияние общественно-профессиональных объединений на повышение профессиональной активности молодых учителей в условиях внедрения профстандарта педагога	272
<i>Минзарипов Р. Г., Ишкинеева Ф. Ф., Ахметова С. А.</i> Специфика формирования региональной научной школы: 1964–2019 гг.	281

Секция 2

**РОЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ
В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ**

Общетеоретические предпосылки

<i>Каргаполова Е. В., Дулина Н. В.</i> Молодежь региона как субъект инновационного развития (на примере Астраханской области)	293
<i>Лавренюк Н. М.</i> Социальная системная инженерия в развитии инновационной активности молодежи регионов России	308
<i>Мосин В. И.</i> Инновационные подходы в экологическом воспитании молодежи в Тульской области	325
<i>Насибуллин И. Р., Редюк А. Л.</i> Учет интересов досуговых предпочтений подростков, имеющих девиантное поведение, в работе подростково-молодежных клубов	332
<i>Огарева Е. И., Круглов Р. Г.</i> Инновационный вектор развития традиционной писательской организации (на примере работы Совета молодых литераторов Союза писателей России)	349
<i>Пасовец Ю. М.</i> Предпринимательский потенциал молодежи и возможные пути его активизации: опыт регионов Центрального Черноземья	359

**Молодежное самоуправление
и инновационное развитие территорий**

<i>Афанасьева Ю. А.</i> Стратегии повышения самоуправленческой активности молодежи региональными властями на примере Новосибирской области	368
<i>Галынская Ю. С.</i> Значение коммуникативных навыков студентов в освоении самоуправленческих компетенций	381
<i>Васильченко Д. Д.</i> Социокультурные основания реализации молодежной политики в регионах Центрального Черноземья	394
<i>Кох И. А.</i> Отношение к предпринимательской деятельности и ценностные ориентации студенческой молодежи	407
<i>Мостовая Е. Б.</i> Роль молодежи в модернизации социума: самоуправленческий ракурс ..	419

Секция 3
МОЛОДЕЖЬ КАК РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ
ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РЕГИОНАХ

Общетеоретические предпосылки

Баранец С. Н.

Управление региональным развитием:
структуры, субъекты, потенциалы 437

Лежебоков А. А., Сергодеева Е. А.

Молодежные некоммерческие организации как потенциал
инновационного развития региона 447

Плеханов Е. А., Петросян Д. И., Соколова М. В.

Ценностные ориентиры молодежи в контексте
инновационного развития региона 453

Тарасова А. Н., Андрианова Е. В.

Труд глазами студенческой молодежи: деньги или интерес? 466

Макрорегионы

Груздева М. А.

Особенности социокультурных характеристик молодежи регионов
Северо-Западного федерального округа 476

Гутенева В. В., Козгай Е. А.

Приоритеты развития регионов Центрального Черноземья
в представлениях студенческой молодежи
(по материалам фокус-групп) 491

Проходская М. А.

Грантовая деятельность молодежи как инновационный фактор
трансформации образа жизни и социального развития сельских
сообществ (на примере районов Ближнего Севера России) 499

Хорошилова А. В.

Инновационный потенциал молодежи регионов
Центрального Черноземья 507

Республики

Бойко И. И., Харитонов В. Г.

Формирование инновационного потенциала студентов в вузах
Чувашской Республики 517

Семедова-Полупан Н. Г.

Молодежь как субъект инновационного и устойчивого развития
Чувашской Республики 527

Юсупов М. М.

Ценностный индикатор социальной активности молодежи
в Чеченской Республике 532

Области

<i>Мерзлякова И. Л.</i> Оценка эффективности и факторы реализации государственной молодежной политики в Ростовской области	541
<i>Немировский В. Г.</i> Образ желаемого будущего у молодежи в контексте ее конкурентоспособности (на материалах исследований в Тюменской области)	551
<i>Скворцова О. В.</i> Инновационная активность студенческой молодежи Новосибирской области: опыт социологического исследования	561
<i>Сырчин А. Е.</i> Возможности реализации потенциала молодежи на рынке труда Свердловской области в контексте повышения пенсионного возраста ..	577
<i>Петрушенко Т. К., Федорова Т. Н.</i> Молодежь о проблемах своего региона (на примере малых городов и поселений Ленинградской области)	588
<i>Ушакова Ю. О.</i> Проблемы подготовки научно-технических кадров в регионе (на примере Вологодской области)	602
<i>Дергунова Н. В.</i> Механизмы формирования гражданской активности молодежи (на примере студентов вузов Ульяновской области)	612
<i>Кадничанская М. И., Галкина Е. П.</i> Основные проблемы развития и реализации инновационного потенциала молодежи Ульяновской области	623
Сведения об авторах	634
Проект Резолюции участников конференции	643

CONTENTS

<i>Lapin N. I.</i> Opening address	15
--	----

Plenary session

THE YOUTH OF RUSSIA AND ITS REGIONS: POTENTIAL, ACTIVITY, INNOVATION

Belyaeva L. A.

Russian youth in an era of change: structural changes and new challenges of socialization	19
--	----

Lapin N. I.

The synergy of the communication space of the regional innovation systems — a resource for the success of young professionals	34
--	----

Nemirovskaya A. V., Soboleva N. E.

Labor attitudes and self-assessment of the labor situation of youth and adults in the Leningrad Region and St. Petersburg	45
--	----

Plotnikova E. B., Markova Y. S.

Social projects of industrial enterprises as a technology for increasing the social activity of youth in overcoming socio-cultural risks of territories	61
---	----

Tarasov V. T.

Innovative activity of young scientists in the regions of Russia	71
--	----

Shabunova A. A.

Risks and opportunities for the development of the human potential of the younger generation in the context of digitalization of the economy and society	91
--	----

Section 1

POTENTIAL AND FACTORS FOR INNOVATIVE ACTIVITIES OF THE YOUTH

General theoretical background

Zvonovskii V. B., Prokhorov D. V., Tslaf V. M.

On the mechanism of the generation socio-cultural characteristics formation	108
--	-----

Kalachikova O. N., Morev M. V.

Youth civic activism: trends and the conditions of implementation	129
---	-----

Kogay E. A.

Socio-cultural potential of the youth of the Central Black Earth Region in the implementation of regional development strategies	141
---	-----

<i>Kozyreva L. D.</i> Motivational complex of a young person of generation Z	153
<i>Krupchatnikova V. V.</i> The role of youth in the modernization of society	162
<i>Leonidova G. V.</i> The readiness of youth for creative labor activity	173
<i>Romashkina G. F., Davydenko V. A.</i> The dynamics of components of the social well-being of the youth and the predictors of trust	185
<i>Tarasova A. N.</i> The potential of post-soviet generation in the formation of mature civil society	200

Youth in digitalization

<i>Davydova Y. A., Korolevskii E. O., Kargapolov S. V., Slobodskiy A. I.</i> E-culture of young people as a social innovation	213
<i>Kasavina N. A.</i> The youth in the digital society: risks and opportunities	222
<i>Nikitina D. O.</i> Socialization of youth in the conditions of the digitalization of society	230
<i>Rudenkin D. V.</i> The internetization of the social reality of the Russian youth on the agenda	235
<i>Semenova A. A.</i> Digital literacy as a means of energizing youth in choosing the professions of the future	250

Youth, science, education

<i>Lomonosova M. V., Knyazeva V. V., Bushenkova I. A.</i> Additional education of schoolchildren as a strategic factor for innovation (exemplified by the extended educational program “Biotechnology: science and human being in the XXI century”)	261
<i>Lantsev V. L.</i> The influence of public-professional associations on the increasing the professional activity of young teachers in the conditions of implementing of a teacher’s professional standard	272
<i>Minzaripov R. G., Ishkineeva F. F., Akhmetova S. A.</i> The specifics of the formation of a regional scientific school: 1964–2019	282

Section 2

THE ROLE OF INNOVATIVE ACTIVITY OF THE YOUTH IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS AND MUNICIPALITIES

General theoretical background

<i>Kargapolova E. V., Dulina N. V.</i> The youth of the region as a subject of innovative development (on the example of the Astrakhan Region)	293
<i>Lavrenyuk N. M.</i> Social system engineering in the development of the innovative activity of the youth in Russian regions	308
<i>Mosin V. I.</i> Innovative approaches to the environmental education of youth in the Tula Region	325
<i>Nasibullin I. R., Redyuk A. L.</i> Taking into account the interests of leisure preferences of teenagers having deviant behavior in the work of teenage and youth clubs	332
<i>Ogareva E. I., Kruglov R. G.</i> An innovative vector of development of a traditional writers' organization (on the example of the work of the Council of Young Writers of the Union of Writers of Russia)	349
<i>Pasovets Y. M.</i> The entrepreneurial potential of youth and possible ways of its activation: the experience of the regions of Central Black Earth Region	359

Youth self-government and innovative development of territories

<i>Afanasyeva Y. A.</i> Strategies for increasing youth self-government activity by regional authorities on the example of the Novosibirsk Region	368
<i>Galynskaya Y. S.</i> The significance of students' communication skills in mastering self-governing competencies	381
<i>Vasilchenko D. D.</i> Socio-cultural basis for the implementation of youth policy in the regions of the Central Black Earth Region	394
<i>Kokh I. A.</i> Attitude to entrepreneurial activity and value orientations of students	407
<i>Mostovaya E. B.</i> The role of youth in the modernization of society: self-governing angle	419

Section 3
YOUTH AS RESOURCE POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT
OF INNOVATIVE SYSTEMS IN REGIONS

General theoretical background

<i>Baranets S. N.</i> Regional development management: structures, subjects, potentials	437
<i>Lezhebokov A. A., Sergodeeva E. A.</i> Youth non-profit organizations as a resource for innovative development of the region	447
<i>Plekhanov E. A., Petrosyan D. I., Sokolova M. V.</i> The system of values of youth in the context of innovative development of the region	453
<i>Tarasova A. N., Andrianova E. V.</i> Students' view of labor: money or interest?	466

Macroregions

<i>Gruzdeva M. A.</i> Features of socio-cultural characteristics of youth in the regions of the North-West Federal District	476
<i>Guteneva V. V., Kogay E. A.</i> Priorities for the development of the regions of the Central Black Earth Region in the perceptions of students (based on focus groups materials)	491
<i>Prokhodskaya M. A.</i> Grant activity of youth as an innovative factor in the transformation of lifestyle and social development of rural communities (on the example of the regions of the Near North of Russia)	499
<i>Khoroshilova A. V.</i> Innovation potential of youth in the Central Black Earth regions	507

Republics

<i>Boyko I. I., Kharitonova V. G.</i> Formation of innovative potential of students in universities of the Chuvash Republic	517
<i>Semedova-Polupan N. G.</i> Youth as a subject of the innovative and sustainable development of the Chuvash Republic	527
<i>Yusupov M. M.</i> Value indicator of social activity of the youth in the Chechen Republic	532

Regions

<i>Merzlyakova I. L.</i> Assessment of efficiency and factors for the implementation of the state youth policy in the Rostov Region	541
<i>Nemirovskiy V. G.</i> The image of the desired future of the youth in the context of their competitiveness (based on empirical research in the Tyumen Region)	551
<i>Skvortsova O. V.</i> Innovative activity of student youth of the Novosibirsk Region: the experience of sociological research	561
<i>Syrchin A. E.</i> Opportunities for realizing the potential of the youth in the labor market of the Sverdlovsk Region in the context of raising the retirement age	577
<i>Petrushenko T. K., Fedorova T. N.</i> The youth about the problems of their region (on the example of small towns and settlements of the Leningrad Region)	588
<i>Ushakova Y. O.</i> Problems of training of scientific and technical personnel in the region (on the example of the Vologda Region)	602
<i>Dergunova N. V.</i> The mechanisms of formation of civic activity of youth (based on the example of university students of the Ulyanovsk Region)	612
<i>Kadnichanskaya M. I., Galkina E. P.</i> The main problems of development and implementation of the innovative potential of the youth of the Ulyanovsk Region	623
Information about the authors	634
Resolution of the participants of the conference (draft)	643

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Открывая XV конференцию Межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», я считаю необходимым хотя бы кратко сказать, что такое наши ежегодные конференции в отличие от обычных разовых. Для нас это один из двух основных способов осуществления Программы. Конечно, первый способ — это собственно исследования, которые специалисты реализуют в виде проектов: создают идеи, инструментарий, проводят полевые исследования, получают и осмысливают их результаты. Конференция — это способ первой публикации полученных результатов, их обсуждения и оценки в представительном сообществе специалистов, а также публикации для широкой общественности. ***Наши конференции — это необходимые этапы завершения и оформления полученных результатов, но также и способ формирования вектора дальнейших исследований. Это узлы саморазвития Программы как сетевого исследовательского процесса, способы неформальных коммуникаций исследователей.***

Надо также добавить, что каждая конференция проходит в столице одного из субъектов Российской Федерации. В конце имеющегося у вас текста программы приведен перечень всех уже состоявшихся конференций, с указанием места их проведения. Это столицы республик и областей. В Москве состоялась лишь первая конференция, участники которой поддержали замысел, программу и инструментарий исследований. В каждом регионе мы оказывались не по чьему-либо принуждению, а по инициативе ведущего университета или института региона. Руководители и сотрудники этих организаций брали на себя высокую ответственность, значительную организационную, отчасти и финансовую нагрузку по подготовке и проведению очень непростого мероприятия, становились двигателями очередного этапа нашего исследовательского процесса.

Сегодня нас принимает Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Огромное спасибо руководителям этого авторитетного университета и его филиала, персонально — руководителю организационного комитета конференции Анне Валентиновне Немировской, доценту, кандидату филологических и социологических наук, руководителю департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ-ВШЭ.

Особая наша благодарность — Российским научным фондам: **РНФ** и **РФФИ**, без системной поддержки которых наша Программа не могла бы существовать. Такая поддержка — осуществление высокой миссии этих фондов.

Об эффективности их поддержки можно судить уже по тому, что наша Межрегиональная программа выросла из Всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы», который был инициирован Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН ровно **30 лет назад** — в сентябре 1989 г., незадолго до самораспада СССР. Проведение этого первого Всероссийского опроса (раньше были Всесоюзные) в 1990 г., в условиях нараставшего хаоса, стало возможно благодаря тому, что одновременно было создано Российское общество социологов: решение о проведении опроса о ценностях было принято на учредительном съезде РОС. Так что Мониторинг и РОС — близнецы. А проведение второго опроса через четыре года и тем самым придание опросам статуса Мониторинга стало заслугой только что созданного РФФИ. Через десять лет, в 2005 г., на основе инструментария Мониторинга была инициирована Межрегиональная программа. С тех пор тандем Мониторинг — Программа успешно осуществляет свою миссию. В научно-методическом плане деятельность Программы координирует специализированный Научный совет при Секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, который был создан с этой целью в 2006 г. Остается добавить, что через десять лет, в 2016 г., Президиум РАН своим решением о присуждении премии имени Максима Ковалевского подтвердил факт создания научного направления «Межрегиональная социокультурная компаративистика». Таковы формальные вехи нашего компаративистского сетевого исследования.

Для понимания смыслов этого исследования важны его содержательные вехи. Начальную веху я представил в сборнике материалов первой, Московской конференции (2006 г.). Спустя десять лет я охарактеризовал эволюцию исследований в сборнике материалов десятой, Пермской конференции. Здесь кратко напомним и дополню их.

Первые пять лет (2005–2010 гг.) были в основном *портретными*. Второй этап (2011–2017 гг.) был центрирован на изучении социокультурной *модернизации* в регионах. За десять лет в 24 регионах были выполнены около 70 исследований, в ходе которых опрошены почти 80 тыс. респондентов и свыше 1500 экспертов. Результаты опубликованы в 1170 статьях и 110 коллективных трудах, а их авторами стали свыше 240 специалистов. Обобщение результатов представлено в двух коллективных монографиях. Подсчеты публикаций на следующем этапе мы не успели закончить, основным итогом стал «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (2016 г.). С 2016 г. начались поиски нового вектора исследований. Ориентация на муниципальные образования не реализовалась, в основном из-за размытости объекта изучения. Возникла ориентация на развитие региональных инновационных систем (РИС). Ее воплощение упирается в упорную неготовность регионов создавать полноценные РИС при отсутствии соответствующих директив сверху.

Приходится констатировать тупиковость осуществившегося «гибридного транзита» России к модернизированному «капитализму для своих». Требуются концептуальные поиски новых векторов исследований, отвечающих потребностям перехода России в новую историческую эпоху — эпоху развития российского цивилизационного процесса в направлении реального гуманизма.

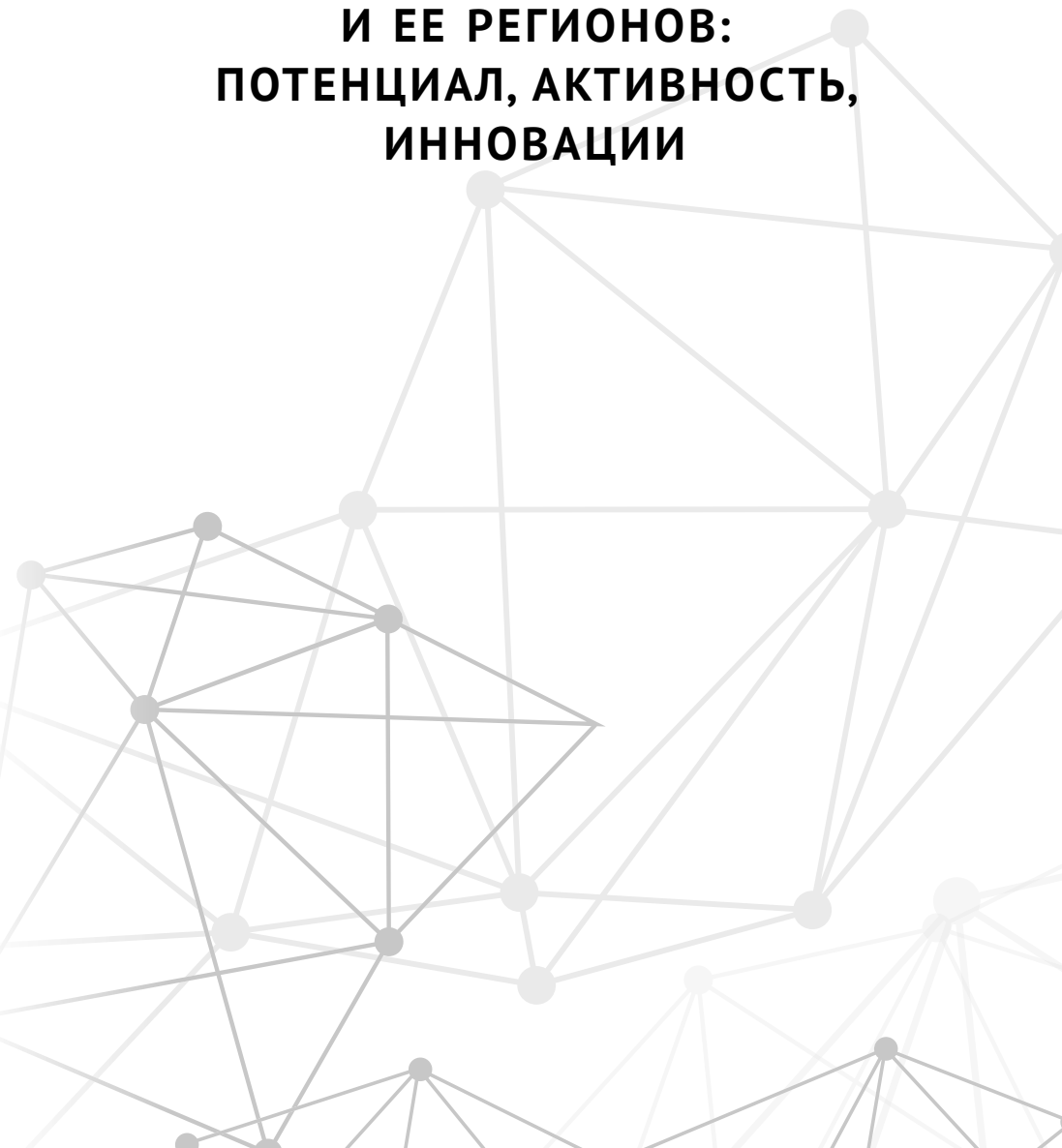
24 августа 2019 г.

Руководитель программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»,
Председатель Программного комитета XV конференции,
Руководитель Центра изучения социокультурных изменений
Института философии РАН,
член-корреспондент РАН

Н. И. Лапин

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

**МОЛОДЕЖЬ РОССИИ
И ЕЕ РЕГИОНОВ:
ПОТЕНЦИАЛ, АКТИВНОСТЬ,
ИННОВАЦИИ**

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Л. А. Беляева

Институт философии РАН, г. Москва

E-mail: bela46@mail.ru

*Исследование выполнялось в рамках проекта РФФИ
«Социальное пространство современной России» (грант № 17-03-50073).*

Аннотация. В статье проанализированы данные статистики и Европейского социального исследования (ESS) по молодежной группе в населении России. Они, в соответствии с градацией поколений В. Штрауса и Н. Хау [1], относятся к поколению Y, или поколению миллениалов. Показано, что в России существует молодежная социальная стратификация. Молодежь заняла свое, отличное от взрослых поколений, место на рынке труда. Сравнение некоторых признаков поколения Y в России и в пяти странах Европы показало отличия, связанные с особенностями экономического и политического развития стран, и сходство ценностных ориентиров, обусловленных возрастными и поколенческими характеристиками.

Ключевые слова: поколение Y, социальная стратификация молодежи, рынок труда, социализация, образование, ценностные ориентиры.

RUSSIAN YOUTH IN AN ERA OF CHANGE: STRUCTURAL CHANGES AND NEW CHALLENGES OF SOCIALIZATION

L. A. Belyaeva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bela46@mail.ru

Abstract. The article analyzes the data of statistics and the European Social Survey (ESS) for the youth group in the Russian population. This group, in accordance with the gradation of generations of V. Strauss and N. Howe, belongs to the generation Y, or the generation of millennials. The youth social stratification in Russia is revealed in this research. Young people have taken their place, different from adult generations, in the labor market. Comparison of some features of the Y generation in Russia and five European countries showed differences related to the peculiarities of the economic and political development of these countries, and the similarity of value guidelines due to age and generational characteristics.

Keywords: generation Y, social stratification of youth, labor market, socialization, education, value orientations.

Постановка проблемы

Если отказаться от общеизвестной истины, что молодежь — это будущее страны, а посмотреть на нее как на группу российского общества, имеющую свою социальную стратификацию, положение на рынке труда и другую, отличную от взрослого населения, систему ценностей, то можно обнаружить действительно уникальные черты современной молодежи в России. Их анализ позволяет как бы протестировать слова Карла Мангейма, что использование молодежи каждый раз зависит от характера и социальной структуры общества, она — скрытый ресурс каждого общества, от которого зависит его жизнеспособность [2, с. 571–572]. Это важная характеристика функций молодежи в любом обществе, но их реализация выступает на передний план, когда обществу особенно необходимо инновационное развитие. Думается, что случай современной России как раз вписывается в это утверждение. Чтобы понять возможности участия молодежи в инновационном развитии страны, нужно помимо всего прочего знать достаточно много о ней. В представляемом материале будут рассмотрены только три проблемные характеристики молодого поколения на мой взгляд, очень существенные, чтобы оценить потенциал молодежи для ее активного участия в развитии страны.

Во-первых, вписанность молодежи в социальную стратификацию современного российского общества, определение, по возможности, иерархической структуры самой молодежи. Во-вторых, место молодежи на российском рынке труда, появление новых форм молодежной занятости. В-третьих, изменения в социализации молодежи, усвоение ею новых социокультурных ценностей и моделей поведения. В анализе использован эмпирический материал, представленный официальной статистикой, и данные Европейского социального исследования (ESS-2016).

При определении границ молодежи и ее внутренней возрастной градации я исхожу из того, что эти характеристики подвижны и определяются конкретными историческими обстоятельствами взросления и обретения нового, не молодежного статуса, когда в основном проходит период возрастной социализации. Для анализа поставленных проблем не принципиально установить внешние и внутренние границы молодежи, важнее иметь возможность сопоставления молодежных групп внутри страны и между стран для решения исследовательских задач и для понимания направлений развития этих групп. Следуя этому принципу, за основу был взят максимальный возрастной диапазон — 14–35 лет с возможностью отклонения от этих границ при анализе конкретного эмпирического материала.

Молодежь может рассматриваться, с одной стороны, как социально-демографическое образование, которому присущи общая система ценностей, субкультура, некое стандарты поведения, мировоззрение. Но с другой стороны, в современных российских условиях можно говорить о множественности социокультурных обликов молодежи. Различия этих обликов

связаны с социальной дифференциацией общества и социальным расслоением самой молодежи.

Актуальность исследования намеченной проблематики подчеркивается в том числе количественными изменениями места молодежи в обществе. Они довольно тревожные. Только за четыре года (2013–2017 гг.) численность молодежи в возрасте 14–30 лет сократилась на 5 млн человек, или на 5 п., составив к концу периода 29,4 млн человек, или 20% всего населения. Распределение молодежи по стране характеризуется сильной асимметрией, что по прогнозу Росстата сохранится и в будущем. В соответствии со средним вариантом прогноза до 2025 г., минимальная доля молодежи будет — в Москве и Санкт-Петербурге — немного меньше 15%, самая большая в южных республиках — Чечне, Дагестане и Ингушетии, 26,7, 23,9, 23,3% соответственно¹. Это несколько меньше, чем сейчас (более 30% в населении при очень большой молодежной безработице), но ярко выраженная асимметрия в распределении молодежи по стране будет сохраняться. Внимание к количественным пропорциям молодежи в населении обуславливается и перспективой роста демографической нагрузки, которая к 2035 г. достигнет по стране в целом 834 нетрудоспособных на каждую тысячу трудоспособных².

При таких тенденциях развития необходимо больше знать о группах молодежи в нашей стране, структурных особенностях и ценностных ориентациях. Новые грани такого знания выявляются при сравнении молодежи России и других стран Европы.

Молодежная стратификационная модель

Для дифференциации современной российской молодежи решающее значение приобрели три критерия — материальный уровень жизни семьи, качество образования и место жительства. Материальное благосостояние семей наследуется молодым поколением, предопределяя его социальный статус и социальную мобильность. Если в советский период материальный уровень был не самым существенным индикатором статуса [3, с. 5–28], то сейчас положение изменилось вследствие глубокой материальной дифференциации населения. И хотя в оценке уровня дохода своей семьи молодежь более оптимистична, чем старшие поколения, тем не менее 33% в возрасте 15–24 года и 42% 25–34-летних признались, что их семье на получаемый доход жить трудно или очень трудно (табл. 1).

¹ Демографический прогноз численности населения РФ до 2031 г. (средний вариант), скорректированный по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. — URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 15.05.2019).

² http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.05.2019).

Таблица 1

**Какое высказывание наиболее точно описывает уровень дохода
Вашей семьи? (ESS-2016, %)**

Возраст, лет	Россия				
	15–24	25–34	35–44	45–59	60+
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	8	8	6	7	5
Этого дохода нам в принципе хватает	52	45	45	39	35
Жить на такой доход довольно трудно	26	32	33	35	39
Жить на такой доход очень трудно	7	10	11	15	20
Затрудняюсь ответить	7	5	5	4	1
ИТОГО	100	100	100	100	100

Рассчитано по данным: <http://www.ess-ru.ru>.

Если же сравнить данные по России с оценками молодежи других европейских стран, то становится очевидной острота проблемы. В России только у 60% молодежи в возрасте 15–24 года семья получает доход, на который можно жить, не испытывая материальных затруднений, но в других европейских странах этот показатель значительно выше (90% в Польше, 68% в Чехии, 77% в Испании, в Германии и Швеции по 91%). С возрастом уровень благополучия возрастных групп в России снижается, это же происходит в Польше и Чехии (примерно на 10% при сравнении групп 15–24 года и 60+). Но в других странах — в Испании, Германии и Швеции — он остается даже среди самых старших, на уровне молодежных групп. Следует признать, что примерно 40% жителей России имеют недостаточный доход для жизни и, следовательно, не имеют материальных ресурсов для полноценного качественного образования для молодежи, учитывая, что существует тесная связь между поступлением в вузы и расходами на образование, которые несут российские семьи (затраты на репетиторов, платное обучение, съем жилья при отсутствии в вузе общежития и т. д.).

По социологическим опросам, к верхней части имущественной пирамиды относятся большинство предпринимателей (90–95%). Наряду с управленцами для их детей существует материальная основа для подготовки к поступлению в вузы [4, с. 171–191]. Несмотря на сложности в развитии бизнеса в России, большинство предпринимателей готовят своих детей к занятию предпринимательством, обеспечивая для них получение высшего образования, в том числе и за рубежом, и намерены передать свой бизнес подросткам. Таким образом, в большинстве случаев наследуется социальный статус и место на вершине молодежной социальной пирамиды¹. Дети родителей,

¹ «Не нужно вешать на детей свой бизнес». Предприниматели — о том, передавать ли ребенку свое дело. URL: <https://rb.ru/opinion/preemniki-biznesa/> (дата обращения: 25.06.2019).

имеющих высшее образование, с большой вероятностью пополняют слой специалистов и составляют основу среднего класса, выходцы из рабочих семей получают, как правило, среднее общее или среднее профессиональное образование и занимают рабочие места на предприятиях или имеют статус фрилансеров в сфере обслуживания, строительства и т. д.

Значительное влияние на социальный статус молодежи оказывает место жительства и тип населенного пункта. Это влияние объясняется двумя факторами. Во-первых, более низкими материальными возможностями жителей в местностях, удаленных от столиц и больших городов, а также более низким качеством подготовки для поступления в вузы в этих населенных пунктах. Как показано в монографии 2018 г., высокодоходные слои в Москве и Санкт-Петербурге составляли 51 % населения, в областных центрах — 7 %, в районных — 4 %, в сельской местности — 2 %. Региональная дифференциация уровня жизни и разное качество школьных образовательных учреждений определяют уровень подготовки молодежи и возможности для поступления в престижные вузы страны. Следствием этих факторов является занятие периферийного или центрального места на рынке труда.

Особенности молодежного рынка труда

Положение в системе молодежной стратификации в значительной мере определяется местом на рынке труда. Подробно изменение рынка труда в течение 2000–2015 гг. рассмотрено в докладе специалистов ГУ ВШЭ [5]. Этот доклад содержит основные характеристики рынка труда, но молодежный аспект в докладе не является предметом специального изучения.

По последним статистическим данным за десять лет, доля молодежи 15–19 лет в численности занятых сократилась на 2,9 %, при этом доля работников в возрасте 55–72 лет выросла на 4,2 % (табл. 2). Есть много причин изменения этих пропорций, но при внедрении современных технологий очень желателен приток молодых на производство, но таких ресурсов в стране явно не хватает.

Таблица 2

Структура занятых по возрастным группам (в %)

Год	Всего	В том числе в возрасте, лет										
		15–19	20–24	25–29	Молодежь 15–29	30–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–72
2005	100	2,1	9,6	12,7	24,4	24,0	14,5	14,6	12,1	6,7	2,0	1,8
2010	100	1,0	9,4	13,6	24,0	25,3	11,5	13,7	13,0	8,3	3,0	1,2
2014	100	0,6	7,8	14,5	22,9	26,3	12,0	11,8	13,3	9,0	3,7	1,2
2015	100	0,6	7,0	14,5	22,1	26,9	12,2	11,4	13,0	9,3	3,9	1,2
2016	100	0,6	6,4	14,5	21,5	27,4	12,5	11,2	12,7	9,4	4,0	1,3

Данные по источнику: Труд и занятость в России – 2017. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 17.05.2019).

Характерно, что возрастная группа молодежи 15–24 года сократилась в численности занятых, многие из этой группы продолжили образование в разного типа учебных заведения. При этом больше в экономике стало представителей старшей молодежной группы 25–29-летних.

Существенные изменения произошли в отраслевой структуре молодежной занятости вслед за изменениями общей отраслевой структуры экономики. Молодежь активно пошла работать в сферу услуг — торговлю, финансовое посредничество, операции с недвижимостью и гостинично-ресторанный бизнес. Произошедшая деиндустриализация экономики обеспечила игнорирование молодежью производственного сектора и занятие мест в секторе обслуживания.

Появился новый тип занятости — фриланс, который привлекает молодежь все больше, так как дает свободу в организации своего труда, независимость места работы от места жительства, достаточно высокий заработок, хотя и нестабильный заработок и отсутствие социальной защиты. При этом выделяется два типа фрилансеров — профессионалы, которые в основном заняты в IT-секторе, и молодежь с невысоким уровнем образования, занятая в торговле, строительстве, услугах — транспортных, бытовых и личных. Здесь практикуется отходничество, в основном молодежью из сельской местности и небольших городов. По некоторым оценкам, неформальную занятость или фриланс практикуют до 25 % занятого населения.

Современная молодежь, особенно имеющая только среднее образование, в том числе профессиональное, активно организует собственный бизнес (рис. 1). В 2016 г. молодежь до 30 лет составляла 17,1 % работающих не по найму, а самостоятельно в качестве строителей, водителей, продавцов, поставщиков разноплановых услуг.

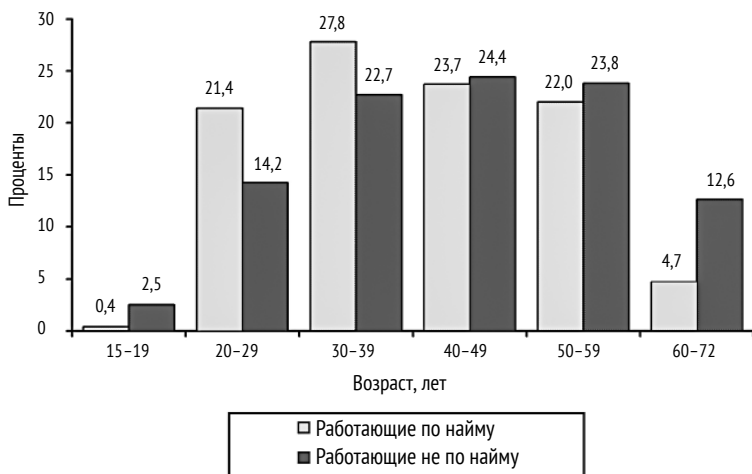

Рис. 1. Структура занятых по возрастным группам и статусу в 2016 г. (в %)
Источник: Труд и занятость в России – 2017. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 17.05.2019).

Отраслевые изменения в экономике повлекли сдвиги в квалификационном составе работающих. Нефизический труд стал доминирующим видом активности молодежи, места, требующие больших физических усилий, в основном занимают трудовые мигранты. При возрастающей потребности в квалифицированных рабочих кадрах молодежь предпочитает другие, нербочие специальности. Сейчас около одной трети всех занятых в гостиничном бизнесе, финансовой сфере представлены молодежью до 30 лет, 26 % в торговле и бытовом обслуживании¹.

На фоне низких показателей безработицы в стране (5,2 % трудоспособного населения в 2017 г.) молодежная безработица имеет специфический характер. Она в период 2000–2017 гг. колебалась в районе 40 % всех безработных. При этом одну пятую часть всех безработных составляли выпускники вузов и столько же получившие среднее профессиональное образование. Поиски работы составляют до восьми месяцев.

Специфика молодежной безработицы связана с региональными особенностями рынка труда в России. Самый низкий уровень безработицы отмечается в Центральном федеральном округе, самый высокий — в Северо-Кавказском федеральном округе. При этом молодежь 20–29 лет, уже получившая, как правило, профессиональное образование, в общей численности безработных составляет по РФ 34,4 %, а в таких субъектах РФ, как Москва, Санкт-Петербург, где сосредоточено большое число учебных заведений, уровень молодежной безработицы в составе всех безработных превышает показатели большинства других регионов (40,5 и 50,8 % соответственно), приближаясь к «лидерам» по этим показателям — Ингушетии (54,3 %) и Ямало-Ненецкому ФО (52,4 %). Перенасыщенность двух столиц учебными заведениями, привлекательность мегаполисов для молодежи и нежелание уезжать в провинцию, отсутствие там рабочих мест с достойной оплатой создают ситуацию, когда молодежь всеми возможными способами стремится остаться в столицах и, надо отметить, эти города дают такую возможность. После поиска работы в течение какого-то срока молодые специалисты, как правило, находят ее, но часто не по специальности, полученной в учебном заведении. В Москве и Петербурге в группе молодежи 20–29 лет самый низкий процент безработных среди всех регионов России (соответственно 3,2 и 4,1 %)².

Таким образом, российский рынок труда и система образования дифференцируют современную российскую молодежь, предоставляя ей неравные возможности для получения качественного образования, соответствующего, с одной стороны, запросам молодых людей, а с другой — количеству и качеству существующих и перспективных рабочих мест. Негативное влияние

¹ Труд и занятость в России — 2017 г. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения 17.05.2019).

² Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2018 г. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm (дата обращения 26.05.2019).

на положение молодежи на рынках труда окажет намеченное сокращение бюджетных мест в российских вузах, преимущественно региональных. Как сказано в докладе правительства Федеральному Собранию о политике в сфере образования в июле 2019 г., к 2024 г. число бюджетных мест сократится на 17% по сравнению с 2019 г., при этом число абитуриентов возрастет на 15%. Соответственно шанс получить высшее образование за счет государства уменьшится для молодежи на 25%¹. Это затронет, прежде всего, вузы тех регионов, где существует дефицитный региональный бюджет, что еще более усложнит путь региональной молодежи к качественному образованию и вынудит способную молодежь к миграции в столичные города для учебы с последующим трудоустройством в столицах. Депрессивные регионы потеряют перспективных специалистов.

Социализация молодежи: новые вызовы

Социализация молодежи в современном российском обществе протекает под воздействием процессов глубокой социальной дифференциации общества, что сказывается и на дифференциации молодежи, изменений на рынке труда и глобализации информационного пространства. Интеграция молодежи в социальную систему, овладение ею социальными нормами, правилами и ценностями находится под противоречивым воздействием социалистического наследия с его традиционализмом и современных ценностей и поведенческих практик. В этом контексте выразительно проявляют себя возрастные категории молодежи, например, 15–24 и 25–34 лет, у которых можно проследить влияние не только возрастных особенностей социализации, но и других факторов. Данные ESS позволяют сравнить эти категории молодежи между собой и с молодежью других европейских стран: Польши, Чехии, Испании, Германии, Швеции. Эти страны были выбраны по принципу различия в уровнях развитости экономики и стабильности демократии. В анализе использованы данные и по группе взрослого населения, уже в основном прошедшего социализацию, но активного и работоспособного (45–59 лет).

Прежде всего рассмотрим вопрос о политической социализации. В России, как и в каждой из стран, представленных на рис. 2, интерес к политике возрастает с взрослением респондентов. Но в бывших социалистических странах, а также в Испании, этот интерес в одних и тех же возрастных группах намного ниже (особенно в Чехии), чем в Германии и в Швеции.

При оценке удовлетворенности демократией в своей стране респонденты, наоборот, в процессе взросления больше разочаровываются в ней, чаще показывают свое недовольство (табл. 3).

¹ <https://iz.ru/891457/anna-ivushkina/defitcit-biudzheta-besplatnykh-mest-v-vuzakh-stanet-menshe-na-chetvert> (дата обращения: 16.07.2019).

Рис. 2. «Насколько Вы интересуетесь политикой?»

Таблица 3

**Насколько Вы удовлетворены тем, как работает демократия в стране?
(средний балл по 10-балльной шкале)**

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15-24	5,1	5,0	5,8	4,2	6,4	7,1
25-34	4,3	4,5	5,5	4,2	6,1	6,4
45-59	4,1	4,7	4,8	4,5	5,9	6,5

Рассчитано по данным: <http://www.ess-ru.ru>.

В России, как и в Чехии, понижение максимальное, тогда как в Польше это снижение минимальное — не более 0,3 баллов, что может свидетельствовать о большей политической консолидации возрастных когорт в этой стране. Этого нельзя сказать о России, где разница составляет более 1 балла. Известно, по данным ESS и другим исследованиям, что доверие к политическим институтам в Германии и Швеции одно из самых высоких в Европе, а в России эти оценки довольно низкие уже в течение всего постсоветского периода.

Наконец, в исследовании оценивалась эмоциональная связь респондентов со своей страной. В России в младшей молодежной когорте оценки близки к Испании, Германии, Швеции, но они заметно ниже, чем в Польше и Чехии. При этом оценки у взрослых в России не так сильно растут, как в Германии и Швеции (табл. 4).

Таблица 4

**Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к своей стране?
(средний балл по 10-балльной шкале)**

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15-24	6,6	7,4	7,2	6,7	6,3	6,2
25-34	6,8	7,9	7,6	7,3	6,9	7,5
45-59	7,4	8,7	7,8	7,8	7,6	8,2

Рассчитано по данным: <http://www.ess-ru.ru>.

Видимо, эмоциональная связь со своей страной — это очень сложное состояние сознания, оценить которое на основе только вопроса в интервью не представляется возможным. Нужны более глубокие исследования. Что можно сказать более-менее определенно, так это то, что понятие Родины, эмоциональное отношение к своей стране являются общечеловеческой ценностью и занимают свое место в индивидуальном сознании.

Социализация молодежи в трудовой сфере тесно связана с участием в управлении, в принятии решений, когда к ее мнению прислушиваются и его учитывают. Молодежь России оценила свои возможности участия в принятии решений в своей организации на довольно низком уровне, как, впрочем, и более взрослые респонденты. Эта ситуация нетипична для таких стран, как Германия и особенно Швеция, где представители старших групп имеют большие возможностей для такого участия. Обратить внимание на эту проблему в России было бы очень своевременно, если действительно, а не формально, развивать социальное партнерство, которое будет способствовать социализации молодежи в трудовой сфере.

Российское общество сегодня проходит испытание на толерантность. Социализация молодежи происходит в обстановке своего рода борьбы внутри общества между воспитанием толерантного отношения к инаковости и непримиримости к иным точкам зрения и моделям поведения, отличным от традиционных представлений и ценностей. Одним из наглядных примеров отличий российской молодежи от молодых людей в других европейских странах является отношение к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. На рис. 3 представлены данные ответов на вопрос: «Должны ли геи и лесбиянки иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам?». Были объединены ответы «полностью согласен» и «согласен», а также «не согласен» и «совершенно не согласен», кроме того, выделена группа, занимающая промежуточное положение между этими двумя крайними мнениями.

В целом в российском обществе, по данным Левада-Центра, Фонда общественного мнения и другим исследователям, уровень толерантности к этим группам повышается¹. Но в сравнении с другими европейскими странами у российских респондентов толерантность на очень низком уровне, особенно в старших возрастных группах. Среди самой молодой молодежной когорты лица, согласные с правом на их образ жизни или относятся нейтрально 40%, в группе 25–34 года 32%, у взрослых россиян 45–59 лет — 28%. Как видно на рис. 3, в других странах толерантное отношение показывают от 76% (Польша, 45–59 лет) до 97% (Швеция, 15–24 года). Хотя для России это, возможно, не самые животрепещущие проблемы, но рост толерантности к «инаковости» в среде молодежи является свидетельством роста уважения к разнообразию поведенческих практик и демонстрацией иного восприятия мира по сравнению с более старшими возрастными когортами.

¹ <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2019/5ce530039a7947172f79405d> (дата обращения: 16.09.2019).

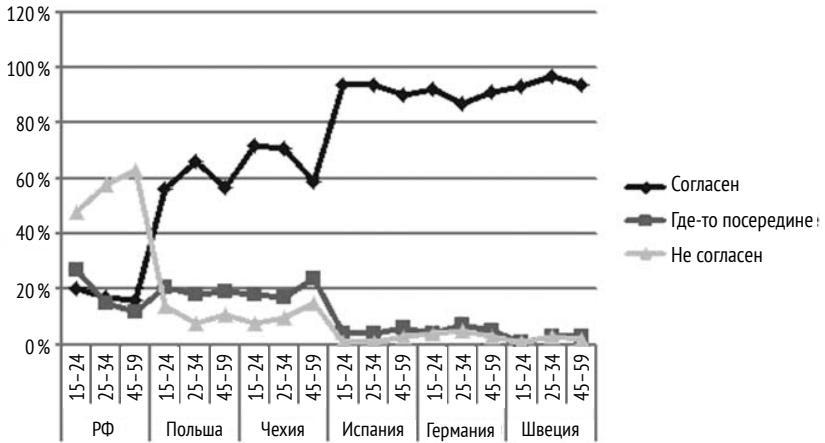

Рис. 3. «Должны ли геи и лесбиянки вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам?»
Рассчитано по данным: <http://www.ess-ru.ru>

В конце исследования рассмотрим то эмоциональное и психологическое состояние молодежи России и нескольких стран Европы, которые можно оценить как уровень счастья. В ESS был задан традиционный для современных исследований вопрос: «Насколько Вы счастливы?». Молодежь в России и здесь демонстрирует отличия от молодежи других стран (рис. 4), давая оценку в среднем на 1–1,5 балла (по 10-балльной шкале) ниже, чем молодежь других стран.

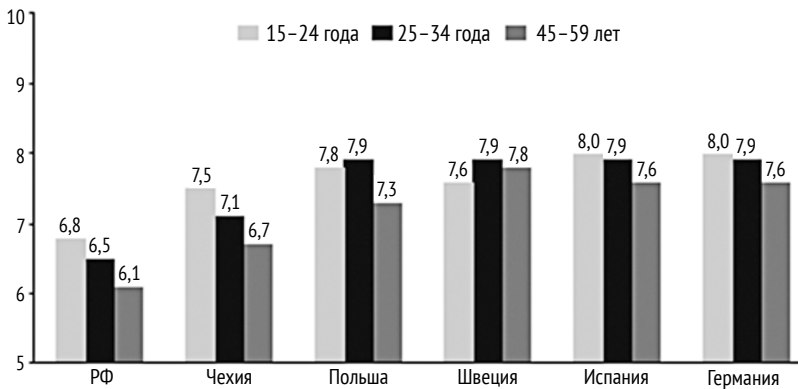

Рис. 4. «Насколько Вы счастливы?»
Оценка уровня счастья
(средний балл по возрастным группам по 10-балльной шкале)

Обращает на себя внимание тот факт, что по сравнению с младшей молодежной группой уровень счастья снижается в группе 25–34 года и у 45–59-летних во всех странах, кроме Швеции. Очевидно, что в экономически развитом обществе с длительными демократическими традициями и эффективной системой защиты населения психологически комфортно себя чувствуют индивиды независимо от их возраста.

Заключение

Исследование показано, что в России сложилась социальная стратификация российской молодежи, своего рода молодежная социальная пирамида. Молодежь заняла свое, отличное от взрослых поколений, место на рынке труда. У молодежи в возрасте 15–35 лет более критическое отношение к политической системе страны, отчуждение от управления в организациях, более толерантное восприятие других мнений и образа жизни, отличное от традиционных представлений и ценностных ориентиров старших возрастных когорт.

Материальный уровень жизни молодежи, образование и место проживания дифференцируют российскую молодежь, создавая своего рода стратификационную молодежную пирамиду. Фиксируется зависимость материального положения молодежи и места в социальной стратификации от материального и социального положения родителей, их образования, когда молодой человек наследует от них материальные и социальные ресурсы.

Молодежь занимает сокращающееся место на рынке труда в масштабах страны при увеличении доли занятых в возрасте 55–72 года, что, видимо, не способствует инновационному развитию экономики. Доминирующей отраслью для занятости молодежи стала сфера услуг: торговля, финансовое посредничество, операции с недвижимостью и гостинично-ресторанный бизнес. Деиндустриализация и медленная модернизация экономики не способствуют притоку молодежи в материальное производство. Значительная часть молодежи предпочла такой вид занятости, как фриланс: профессионалы — в IT-секторе, молодежь с невысоким уровнем образования, без профессиональной подготовки — в торговле, строительстве и секторе услуг. В самостоятельном мелком бизнесе доминируют молодые люди со средним образованием. Безработица в России имеет молодежное лицо при неуклонном возрастании среди безработных выпускников вузов и средних профессиональных учебных заведений. Получение качественного образования предопределяет центральное или периферийное положение на рынке труда и определяется территориальной локацией места жительства молодого человека.

Социализация современной молодежи имеет противоречивый характер, обусловленный ее глубокой социальной дифференциацией, неустойчивым положением на рынке труда и воздействием глобальных информационных процессов. Для политической социализации молодежи характерен низкий уровень интереса к политике, усиление критического отношения

к демократическому развитию страны при взрослении. Эмоциональная связь молодежи России со своей страной более слабая, чем в других странах Европы, но при взрослении эта связь укрепляется, не достигая все же уровня других стран Европы, включенных в анализ. Социализации в трудовой сфере довольно пассивная, что препятствует установлению социального партнерства на производстве и в организациях, чем отличаются развитые демократические страны Европы, например Швеция.

Что же дальше? Многие исследователи отмечают, что алгоритм смены ценностных представлений поколений общий для стран и определяется ключевыми событиями и явлениями в мире (сегодня это появление интернета, распространение мобильной связи и IT). Но поколения молодежи разных стран имеют своеобразие в зависимости от исторического пути и стадии развития общества, что показали данные ESS. Для уточнения и развития тех наблюдений, которые выявило это исследование, нужно было бы провести комплексное изучение современной молодежи. К сожалению, специальные, репрезентативные социологические исследования молодежи сейчас проводятся крайне редко, российские социологи ограничиваются изложением теории В. Штрауса и Н. Хоу и конструированием своих теоретических построений относительно поколений в России. Больше повезло поколению 35–56-летних, или поколению X [6; 7; 8; 9]. На необходимость изучения двух поколений — миллениалов и предшествующего им реформенного поколения — обратил внимание В. Радаев, который считает, что именно эти поколения вносят наибольший вклад в социальные изменения в современной России [10].

Можно ожидать, что поколения Y и Z, те, кому сегодня 35 и меньше, предъявят обществу свои ценностные ориентиры и окажут влияние на изменение существующего положения в экономике, социальной сфере и политике. Поэтому сегодня особое внимание необходимо уделить изучению современной молодежи поколений Y и Z, для чего использовать актуальный эмпирический материал, собранный по методике, разработанной специально для такого анализа. Социологам и обществу полезно больше знать об этих поколениях.

Источники

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. — New York : William Morrow & Co, 1991.
2. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. — М. : Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010.
3. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и в современной России // *Общественные науки и современность*. — 2011. — № 2. — С. 5–28.
4. Константиновский Д. Л. Измерение неравенства в образовании // *Россия реформирующаяся* : ежегодник. — Вып. 16 / отв. ред. М. К. Горшков. — М. : Новый Хронограф, 2018. — С. 171–191.

5. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова и С. Рошина. — М., 2017.
6. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
7. Антипов А., Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. — М. : Синергия, 2016.
8. Травин Д., Гельман В. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ // Неприкосновенный запас. — 2013. — № 4. — С. 14–38. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/4/zagoguliny-rossijskoj-modernizaczi-smena-pokolenij-i-traektorii-reform.html> (дата обращения: 29.07.2019).
9. Матвейчук В., Воронов В., Самуль И. Детерминанты удовлетворенности трудом работников X и Y поколений : региональное исследование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз. — 2019. — Т. 12, № 2. — С. 225–237.
10. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 15–33.

СИНЕРГИЯ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ — РЕСУРС УСПЕХА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Н. И. Лапин

член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель Центра изучения социокультурных изменений,
Институт философии РАН, г. Москва

E-mail: lapini31@mail.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Антропосоциокультурный эволюционизм как принцип изучения
сложности становления нового российского общества и его региональных
сообществ» (грант № 18/19-011-00386А).*

Аннотация. Автор рассматривает малоизученный синергийный эффект сетевого коммуникационного пространства, формирование которого желательнее в контексте региональных инновационных систем, как ресурс успеха молодых специалистов при решении задач по созданию новой информационной техники и технологий ее производства. Такое пространство характеризуется не просто как территория разворачивания инновационной деятельности, а как активный участник ее процессов. От его свойств зависят коммуникации, взаимодействия партнеров и результаты их деятельности. Рассмотрение этих вопросов конкретизировано характеристикой видов сетевых коммуникационных площадок, маркетинговой стратегии инноваций, формирования сбалансированного портфеля инновационных проектов для снижения рисков, создания частных венчурных фирм и фондов, а также в целом потребности российского общества в региональных инновационных системах.

Ключевые слова: новые поколения молодых специалистов, сетевое коммуникационное пространство, маркетинговая стратегия инноваций, портфель инновационных проектов, венчурный фонд, региональная инновационная система.

THE SYNERGY OF THE COMMUNICATION SPACE OF THE REGIONAL INNOVATION SYSTEMS — A RESOURCE FOR THE SUCCESS OF YOUNG PROFESSIONALS

N. I. Lapin

corresponding member of the Russian Academy of Sciences,
chief research fellow, head of the Centre for Study of Social
and Cultural Change, Institute of Philosophy of RAS, Moscow

E-mail: lapini31@mail.ru

Abstract. The author examines the little studied sinergie effect of network communication space, forming that it is desirable in the context of regional innovation systems, as a resource for the success of the young specialists in the task of building new information technology and its production. Such space is not just territory deployment of innovation, and as an active participant in its processes. From its properties depend on communication, interaction partners and the results of their activities. Consideration of these issues detailed characteristic of network communication platforms, marketing strategy innovation, formation of a balanced portfolio of innovative projects to reduce risks, creation of private venture firms and funds, as well as the overall needs of Russian society in regional innovation systems.

Keywords: a new generation of young professionals, network communication space, marketing strategy innovation, portfolio of innovative projects, venture fund, regional innovation system.

XV конференция нашей инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» посвящена конкретной, очень важной, малоизученной и трудной теме: условиям и способам повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов. Основной объект исследований и адресат их результатов, обсуждаемых на данной конференции, — молодежь современной России. Это новые поколения ее граждан, вступившие в полноценную жизнь десятилетия спустя после распада СССР. Они обретают и уже обрели иные, чем их родители, грани человеческого достоинства и ожидания иной жизни — качественно более высокого содержания труда и его условий, быта и отдыха, сокращения сроков решения жизненно важных проблем.

Конечно, как всегда в истории обществ, есть разные молодые люди, среди них немало тех, кто стремится *взять от жизни все и сразу*, любыми способами. Но мы, участники конференции, имеем в виду не их, а прежде всего молодых специалистов, действительно получивших высшее образование по одной из современных специальностей и ориентированных на квалифицированный труд, интересный и полезный — для себя, своей семьи и своего народа, а может, и для всего человечества. В каких предметных областях и как

молодой специалист может успешно реализовать такие свои ориентации?

Поиск ответа на этот вопрос влечет его, как Одиссея звуки сирен, в сферу *неопределенности*, где выбор, как правило, сопряжен с высокими рисками. Молодой специалист может сделать свой выбор, рассчитав эти риски с помощью сложных математических формул. Но можно начать просто с того, чтобы уяснить, какая область *применения* полученных знаний наиболее интересует его, и сосредоточить в этой области свое внимание, весь свой инновационно-креативный потенциал. Для этого молодому специалисту необходимо изучить новейшие публикации, близкие его профессиональным ориентациям, и сделать выводы о ее перспективах как возможной области инноваций, имеющих массовый потребительский спрос. Если выводы будут отрицательными, то придется предпринять поиск в иных областях.

В настоящее время большинство экспертов и интернет-поисковики обращают внимание молодых специалистов технико-математических и смежных специальностей на приоритетность компьютерной вычислительной техники и способов создания информационных технологий (IT-технологий) как объектов массового потребительского спроса. Эта приоритетность продолжает утверждаться по мере выявления возможностей *цифровизации* экономической и других областей жизни общества и человека, а слово **цифра** стало ее брендом. Но при этом в России сохраняется высокая неопределенность направлений и масштабов цифровизации, равно как и ее риски при сохранении периферийного олигархо-корпоративного «капитализма для своих».

Этой тематике посвящены несколько докладов на нашей конференции. Активно поддерживая их, я хочу обратить особое внимание на тот редко рассматриваемый факт, что успех использования инновационных компетенций молодого специалиста зависит от особенностей того социокультурного пространства, в котором он намерен реализовать себя. На современном этапе во многих регионах — субъектах Российской Федерации, а также в муниципальных образованиях далеко недостаточно используются возможности для реализации инновационного потенциала молодых специалистов. В большинстве субъектов РФ могут быть созданы региональные инновационные системы (РИС) как первичный уровень национальной инновационной системы (НИС), а сами РИС могут уже на муниципальном уровне создавать площадки сетевых коммуникаций инновационно-ориентированной молодежи — площадки, обладающие синергичным эффектом рождения новых идей, подходов. Синергичный эффект таких коммуникаций может обрести всероссийское и даже глобальное значение. Реализация существующих возможностей регионов и муниципальных образований во многом зависит от инициативы и энергии самих молодых специалистов, для которых их деятельность может стать стартом как новых лидеров России.

Именно инновационно ориентированные молодые специалисты, особенно если они освоили теорию и методологию инноватики, могут рационально

убедить работников региональных и местных органов управления в необходимости и возможности создавать синергийные площадки сетевых коммуникаций в тех регионах и муниципалитетах, где они живут и работают. И через их развитие как компонент региональных инновационных систем показать, что молодые специалисты умеют это делать и создавать инновации, вызывающие рыночный спрос. Этим они создадут высокооплачиваемые рабочие места для себя, своих сверстников и не только для них.

Синергия сетей коммуникаций молодых специалистов и сетевая структура IT-инновационных процессов

Инновационные процессы в области информационных технологий составляют необходимое условие развития экономики знаний и эволюции индустриального общества в информационное. В России эти процессы шли медленно и вновь замедлились. Преодолеть эту негативную тенденцию может их интенсификация в регионах на основе развития РИС.

Об этом свидетельствуют успехи стран Европы и США в развитии экономики знаний и результаты многочисленных исследований по данной тематике, выполненных в этих странах в 70–90-е гг. XX в. Они обобщены в «Руководстве по региональным инновациям и росту» [1]. Важнейшие результаты зарубежных, также и российских исследований представлены в изданной Советом по изучению производительных сил (СОПС) объемной книге «Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания». Ответственный редактор этой книги профессор А. Н. Пилясов, представивший доклад на нашей X конференции (Пермь, 2014 г.) [2], так изложил смысл ее содержания: «Авторы глав характеризуют пространство как арену творческого процесса, как место создания нового знания, как среду перетоков знания. Но мало сказать, что пространство — это территория разворачивания инновационной деятельности. Оно активный участник этих процессов. От его свойств зависит, как будут налажены взаимодействия и коммуникации партнеров, как пойдут процессы коллективного обучения» [3].

Почему пространство обретает такие свойства? Потому, что инновационные процессы создания и коммерциализации информационных технологий — качественно другие, чем процессы создания и коммерциализации машин и индустриальных технологий. Результатами IT-инновационных процессов становятся совсем иные новшества: персональные компьютеры, сотовые телефоны, интернет, электронная почта; их использование создает новые виды деятельности, трудовой, познавательной, развлекательной. В них вовлекаются огромные массы людей. Компьютерный стол по месту жительства все чаще становится квалифицированным рабочим местом. Возникают новые потребности, немислимые ранее. Меняются и прежние виды деятельности: машины и механизмы, бытовые приборы и сами

жилища насыщаются электроникой, становятся «умными» и требуют от их пользователей новых знаний и умений.

Изменившийся характер новшеств требует принципиально иных, отличающихся от классических «кабинетных» способов поиска и создания таких новшеств. Прежде всего — максимального использования маркетинговой стратегии инноваций, суть которой составляет *поиск новой выгоды* для потребителей. Далее я скажу о ней подробнее, а сейчас подчеркну, что такой поиск становится успешным благодаря плотным **сетям коммуникаций** инноваторов с другими людьми, обладающими креативной интуицией относительно « витающих в воздухе » потребностей населения в новых выгодах своей повседневной деятельности. В этом отношении молодые специалисты обладают значительными конкурентными преимуществами: они имеют плотные личностные контакты со своими товарищами по учебе в вузе и могут активно их использовать при поиске новых выгод, а также товаров и услуг, позволяющих получить эти выгоды — на работе, в быту, на отдыхе. Наибольший эффект достигается при наличии в регионах комфортных **площадок для сетевого общения** потенциальных участников IT-инновационных процессов. Именно так возникли инновационные эффекты знаменитой Силиконовой долины и ее аналогов. Тем самым синергично креативной предпосылкой IT-инновационных процессов становятся сетевые коммуникации их участников.

Существуют несколько видов сетевых коммуникационных пространств, или «площадок», естественно сложившихся или специально создаваемых для контактов инновационно ориентированной молодежи. Прежде всего, это территории университетов, их факультетов и кафедр, где ведется подготовка молодых специалистов, а многие из них работают. Это и уютные, с небольшими кафе, уголки в городах и поселках городского типа, комфортные для общения молодежи, перед входом в которые витает виртуальный вопрос: какие новые выгоды для жизни людей ты придумал и хочешь поделиться ими с товарищами? Или технопарки, специализирующиеся на поддержке начальных стадий (стартапов) инноваций. И конечно, специализированные формы интернет-общения («в контакте», «одноклассники, однокурсники», чаты и т. п.). И тем более целые наукограды. Если в том или ином регионе нет площадок для таких коммуникаций, значит, их нужно создать. Так делается, например, в Москве, Московской области с ее наукоградами, Татарстане («Иннополис») и еще в ряде регионов. Но далеко не во всех.

О маркетинговой стратегии инноваций

Современный подход к управлению инновациями соединяет инноватику с маркетинговой стратегией: наиболее успешные инновации — это одновременно и прежде всего новые маркетинговые концепции. При таком подходе на первый план выступает тот факт, что потребители нуждаются не в самом

по себе новом продукте, а в новых выгодах от него. Соответственно, как подчеркнул Питер Дойль, следует различать изобретения и инновации: «**изобретение** — это новый продукт, а **инновация** — новая выгода» [4, с. 262].

Поэтому, как говорится в учебниках по маркетингу, важно разделять идею товара и концепцию его позиционирования для потребителей. Она, в отличие от идеи товара, относится к сфере выбора *целевого рынка* и способов выгодного предложения. Различие между идеей товара и концепцией его позиционирования является решающим. По сути, каждое успешное нововведение означает изобретение не только идеи товара, но и новой концепции его позиционирования.

Еще недавно эти рациональные правила наталкивались в России на почти непреодолимые препятствия. Как может деловая организация реализовать эту маркетинговую ориентацию нововведений в дезорганизованной инновационной среде, в определенной мере еще сохраняющейся в российской экономике? Ответ состоит в необходимости иметь сбалансированный портфель инновационных проектов.

Сбалансированный портфель инновационных проектов для снижения рисков

Успешный предприниматель (не венчурный) может идти лишь на определенный, рассчитанный риск, при котором вероятность успеха не ниже, а практически выше вероятности неудачи. Конкретнее говоря, в портфеле начинаний успешного предпринимателя должны преобладать начинания с рисками ниже среднего при умеренных потенциальных доходах и присутствовать несколько начинаний с высокой степенью риска и большим потенциальным доходом.

Как я отметил в учебнике по инноватике, «этот рациональный вывод до сих пор слабо усвоен российской культурой предпринимательства и вообще российской культурой человеческих взаимодействий. Бытуют традиционные представления о риске как готовности действовать, полагаясь на “авось”, везение или фатум» [5, с. 203]. Между тем предложены и продолжают активно разрабатываться формализованные и полуформализованные подходы и методы измерения неопределенностей, присущих инновационным процессам. Следовательно, есть возможность рационально взвешивать инновационные риски и определять отношение деловой организации к конкретному риску, оценивать его приемлемость или неприемлемость в данной ситуации. Но сложности измерения и оценки рисков возрастают при переходе от совершенствующих инноваций к базовым или радикальным, от отдельно взятого нововведения — к некоторому их множеству, а среди множеств — от разрозненных к взаимосвязанным между собою нововведениям, комплексным инновационным потокам. В подтверждение сказанного напомним характеристики методических разработок П. Абетти (Ронселерский политехнический

институт) [6] и Р. Форстера («Маккинзи энд Компани») [7]. Первые относятся преимущественно к разрозненным нововведениям, вторые — к их взаимосвязанным потокам.

При оценке проекта *совершенствующей инновации* чаще всего применяются количественные методы сравнения соотношения выгод и затрат. Например, используется такой индекс:

$$I = \frac{S \times N \times P \times T}{C} = \frac{B}{C},$$

где S — максимальный объем продаж в год, N — чистая прибыль от продаж (в %); P — вероятность успеха = $pt \times pc \times pf$ (pt — вероятность технического успеха, pc — коммерческого, pf — финансового успеха); T — коэффициент дисконта, учитывающий временной разрыв между затратами на НИР и пиком продаж; C — будущие затраты на НИР; B — предварительная оценка выгоды.

При оценке проектов *радикальных инноваций*, означающих выбор новой продукции, технологии или рынков, более применимы качественные методы.

Если имеется некоторое *множество разрозненных проектов*, связанных между собою лишь тем, что они находятся на рассмотрении в одной и той же организации, то решается задача формирования сбалансированного портфеля проектов. С помощью соответствующих матриц и иных процедур проекты взвешиваются: с технической точки зрения; в отношении рынков, которые они будут обслуживать; времени, которое пройдет до позитивного движения денежных средств; по степени риска.

В инновационной сфере неизбежны технический, коммерческий и финансовый *риски*. Новых проектов с нулевым риском не существует. Поэтому ожидаемая стоимость проекта рассчитывается по формуле: $S = V \times P$, где S — ожидаемая стоимость проекта НИР, V — ценность или отдача проекта, P — вероятность успеха или степень рисков проекта.

Сбалансированный портфель проектов может включать новшества с широким спектром рисков, демонстрируя готовность рисковать, но не склонность к азартным предприятиям!

Создание частных венчурных фирм и фондов в регионах — призвание молодых

Создание площадок для сетевого общения может стать не только способом использования маркетинговой стратегии ИТ-инноваций, но и фактором возникновения организационных структур венчурного капитала — венчурных малых фирм и венчурных фондов. На их основе возникнет *венчурное предпринимательство* — недостающий и крайне необходимый для России

экономический институт. Создание этого экономического института — дело не столько государства, которое обычно создает малоэффективные государственно-частные партнерства, но прежде всего самих граждан, которые могут создавать эффективные частные или частно-государственные фирмы и фонды.

Инициативные IT-инновационные проекты, венчурные фирмы и фонды — необходимые элементы региональных инновационных систем. Начиная с создания этих, по сути, основных элементов РИС, молодой специалист, освоивший курс инноватики, имеет хорошие шансы стать успешным лидером РИС в целом. Если он отнесется к этому делу с полной отдачей сил, то перед ним открываются новые перспективы — не только обычное продвижение по службе, но и участие в конкурсах «Новые лидеры России». Таким образом, *лидерство в РИС — это и старт для новых лидеров России.*

Потребность в региональных инновационных системах

Имеются объективные причины необходимости формирования инновационных систем в каждом регионе России. Прежде всего, это многоукладность ее хозяйства: в нем значимо присутствуют все три исторические способы производства — архаико-аграрный, устаревающий индустриальный и перспективно-информационный. В 85 субъектах Российской Федерации преобладают разные способы хозяйства; их комбинации в каждом регионе также весьма многообразны. Если учесть культурно-исторические особенности каждого региона, их этническое и конфессиональное многообразие, то получаем многомерно-мозаичную картину геофизически обширного, социокультурно разнородного пространства России, ее региональных сообществ.

Диспропорции эволюции регионов означают не только контрасты их состояний в настоящее время, но и асимметрию темпов и векторов: в одних регионах происходит быстрый рост, в других — длительный застой, а в третьих — снижение достигнутых показателей. Одним из показателей динамики регионов служит **комплексное состояние их модернизованности**, которое учитывает не только уровни, но фазы и стадии их модернизации. В «Атласе модернизации России и ее регионов» представлены шесть таких состояний, а каждый регион идентифицировал с одним из них. По данным 2012 г., 83 региона России дифференцированы на три большие группы (по два смежных состояния в каждой группе) [8].

Низко модернизованные регионы: 29 регионов (типы 1 и 2); общая численность их населения — 28,1 млн человек, 19,6% всего населения России. В том числе: 6 регионов самого низкого состояния модернизованности (тип 1), 3,6 млн человек.

Средне модернизованные регионы: 40 регионов (типы 3 и 4); общая численность их населения — 69,5 млн человек, 48,5% всего населения России. В том числе: 29 регионов зрелой фазы индустриальной стадии модернизации

(тип 3), 55,8 млн человек; 11 регионов начальной фазы информационной стадии модернизации (тип 4), 13,7 млн человек.

Высоко модернизированные регионы: 14 регионов (типы 5 и 6), общая численность их населения — 45,7 млн человек, 31,9% всего населения России. В том числе: 10 регионов высокого состояния модернизированности (тип 5), 18,1 млн человек; 4 региона самого высокого состояния модернизированнойности (тип 6), 27,6 млн человек. Вопреки скептическим ожиданиям, связанным с началом кризиса, в 2010–2012 гг. к трем регионам самого высокого состояния модернизированнойности (тип 6) добавился еще один, а к четырем регионам высокого состояния (тип 5) добавились еще шесть. В результате число регионов, относящихся к высокому, третьему этапу, удвоилось (стало 14 вместо 7), а численность их населения уже составляет почти треть всех россиян. Эти регионы, их население и органы управления могут формировать в своей экономике пятый и шестой технологические уклады, а также элементы информационной стадии модернизации.

В докладе на нашей XIII конференции (Тюмень, 2017 г.) я уже говорил, что России необходимы инновационные структуры, которые органично выросли в локальных сообществах и содействуют их устойчивому развитию. При этом и для общероссийской, и для региональных инновационных систем более адекватен их *смешанно-сетевой характер*. Это должна быть рыночная система, основанная на паритетно-партнерском участии государства, частных и смешанных структур, — не иерархическая, а сетевая [9].

Во многих регионах имеются социально-экономические проблемы-потребности и организационно-правовые возможности активизировать инновационные процессы с помощью региональных инновационных систем. Это потребности улучшения жизни населения, осуществлению которых препятствуют: низкая востребованность социокультурного потенциала населения, социально несправедливый раскол на узкие сверхбогатые и массовые бедные слои, глубокие диспропорции в социально-экономическом развитии территорий.

Одну из наиболее острых проблем во всех регионах страны составляет углубляющееся *несоответствие между растущими потребностями молодежи* в квалифицированной, достаточно оплачиваемой работе и *сохранением дефицита высокотехнологичных рабочих мест*. 72,4% экономически активного населения — работники средней и низкой квалификации, а почти 25% уверены, что их работа вообще не требует профессионального образования. При существующих тенденциях потребуется около 30 лет на замену этих рабочих мест. Такая квалификационная перспектива малопривлекательна для молодежи [10]. Образование остается для нее важнейшим адаптационным ресурсом. Быстрый рост спроса на профессиональное образование значительно превысил потребности стагнирующей экономики в квалифицированной рабочей силе. 45% занятых работают не по полученной специальности, каждый пятый выпускник вуза и каждый третий выпускник средних

специальных учебных заведений никогда не работали по приобретенной специальности. В условиях кризиса и санкций существенно снизилась уверенность в возможности трудоустройства в случае непредвиденного увольнения [11]. Таким образом, в России в последние годы растет и остается неудовлетворенной потребность в интенсификации инновационного развития, социокультурной модернизации регионов, несмотря на намерения решить ее путем записей в указах или стратегиях.

Своеобразие этих процессов в России, как и в других среднеразвитых странах, состоит в том, что одновременно с развитием индустриальной стадии модернизации возникают и нарастают элементы второй, информационной ее стадии. Между элементами этих двух стадий возможно взаимодействие, которое облегчает переходы к более высоким состояниям модернизированнойности; например, неоиндустриализация может осуществляться, используя достижения высоких информационных технологий. Китайские ученые предложили рассматривать координируемое взаимодействие двух стадий как **интегрированную модернизацию** [12; 13]. Понятно, что такое взаимодействие будет осуществляться в каждом регионе по-своему.

Молодые специалисты могут внести значительный вклад в это развитие, одновременно — и в свое инновационное **саморазвитие**, о котором на опыте своей жизни красочно рассказал Вячеслав Сергеевич Дудченко — самоотверженный российский теоретик и практик новаторства: он осуществил сотни инновационных исследований, создал успешную частную инновационную, по сути, венчурную фирму, блестяще защитил кандидатскую и докторскую диссертации по социологии, стал известным и заслуженно признанным авторитетом в области инноватики [см.: 14].

Источники

1. Handbook of Regional Innovation and Growth / Ed. by Ph. Cooke, B. Asheim, R. Boschma, R. Martin, D. Schwartz and F. Tödtling. — 2011.
2. *Пилясов А. Н.* Региональные инновационные системы и сетевые структуры в региональном развитии. (По результатам анализа 4 конгрессов Европейской ассоциации региональной науки: 2005–2008 гг.) // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». — Пермь : Пермский гос. НИУ, 2014. — С. 43–50.
3. *Пилясов А. Н.* Слово ответственного редактора // Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / отв. ред. А. Н. Пилясов. — М. ; Смоленск : СОПС, 2012. — С. 8.
4. *Дойль П.* Менеджмент: стратегия и тактика. — М., 1999. — 560 с.
5. *Лапин Н. И.* Теория и практика инноватики. — М., 2008. — 328 с.
6. *Абетти П.* Оценка и определение приоритетности проектов // Современное управление : энциклопедический справочник / под ред. Д. Н. Карпухина, Б. З. Мильнера. — Т. I. — М., 1997. — Разд. 7. — С. 15–20.

7. *Фостер Р.* Готовность фирм к технологическим изменениям // Современное управление : энциклопедический справочник / под ред. Д. Н. Карпущина, Б. З. Мильнера. — Т. I. — М., 1997. — Разд. 7. — С. 6–10.
8. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / отв. ред. Н. И. Лапин. — М., 2016. — 360 с.
9. *Лапин Н. И.* Большие вызовы новой России и развитие инновационных систем ее регионов // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. — 2017. — Т. 3, № 3. — С. 8–18.
10. *Шереги Ф. Э.* Образование как социальный институт // Грани российского образования / предс. редкол. М. К. Горшков. — М. : Социоцентр, 2015. — С. 31–36.
11. *Козырева П. М.* Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Грани российского образования / предс. редкол. М. К. Горшков. — М. : Социоцентр, 2015.
12. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае / гл. ред. Чуаньци Хэ ; рус. изд. под ред. Н. И. Лапина. — М., 2011. — 252 с.
13. *Chuanqi He.* Roads of integrated modernization // He Chuanqi. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. — Springer-Verlag, 2012. — P. 225–244.
14. *Дудченко В. С.* Саморазвитие. — М., 2007. — 400 с.

**ТРУДОВЫЕ АТТИТЮДЫ И САМООЦЕНКА
ТРУДОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
И ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
и г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

А. В. Немировская

Лаборатория сравнительных социальных исследований,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: annanemirov@hse.ru

Н. Э. Соболева

Лаборатория сравнительных социальных исследований,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: nsoboleva@hse.ru

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
«Ценностная трансформация и субъективное качество жизни:
региональная перспектива» (проект № 18-18-00341).*

Аннотация. В статье рассматривается человеческое измерение вызовов модернизации в Санкт-Петербурге и Ленинградской области через анализ некоторых базовых социокультурных характеристик, трудовых аттитюдов и самооценки трудового положения среди различных возрастных групп. Отдельный акцент сделан на социокультурных особенностях ресурсного потенциала молодежи, представленной двумя возрастными группами, от 18 до 24 и от 25 до 34 лет, в контексте региональных рынков труда. Согласно данным репрезентативного опроса 2019 г., по сравнению с молодежью из Ленинградской области, среди молодых респондентов из Санкт-Петербурга отмечается более низкая удовлетворенность работой, более выраженные миграционные настроения, вместе с тем, более оптимистичные оценки перспективы нахождения новой работы. Также молодые петербуржцы более амбициозны в трудовой деятельности и демонстрируют более высокий предпринимательский потенциал. Для молодежи из обоих регионов характерен низкий уровень обобщенного доверия, но при этом достаточно высокий уровень внутреннего локуса контроля. В целом, делается вывод, что согласно сравнительному анализу опросных данных по ряду базовых социокультурных индикаторов и установок, ресурсный потенциал молодежи Санкт-Петербурга в региональной модернизации несколько выше, чем у молодежи в Ленинградской области.

Ключевые слова: трудовые аттитюды, самооценка трудового положения, обобщенное доверие, интернальный локус контроля, молодежь, возрастные группы, Ленинградская область, Санкт-Петербург.

LABOR ATTITUDES AND SELF-ASSESSMENT OF THE LABOR SITUATION OF YOUTH AND ADULTS IN THE LENINGRAD REGION AND ST. PETERSBURG

A. V. Nemirovskaya

Laboratory for Comparative Social Research,
National Research University «Higher School of Economics», Moscow

E-mail: annanemirov@hse.ru

N. E. Soboleva

Laboratory for Comparative Social Research,
National Research University «Higher School of Economics», Moscow

E-mail: nsoboleva@hse.ru

Abstract. The article considers the human dimension of the challenges of modernization in St. Petersburg and the Leningrad Region through an analysis of some basic socio-cultural characteristics, labor attitudes, and self-assessment of employment status among various age groups. Special emphasis is placed on the socio-cultural characteristics of the resource potential of young people, represented by two age groups, from 18 to 24 and from 25 to 34 years, in the context of regional labor markets. According to a representative survey of 2019, compared with young people from the Leningrad Region, among young respondents from St. Petersburg there are lower job satisfaction, more pronounced migration sentiments, and at the same time, more optimistic assessments of the prospects of finding a new job. Also, young Petersburgers are more ambitious in their work and demonstrate higher entrepreneurial potential. Young people from both regions are characterized by a low level of generalized trust, but a rather high level of the internal locus of control. In general, it is concluded that according to a comparative analysis of the survey data for several basic socio-cultural indicators and attitudes, the resource potential of St. Petersburg youth in regional modernization is slightly higher than that of young people in the Leningrad Region.

Keywords: labor attitudes, self-assessment of the labor situation, generalized trust, internal locus of control, youth, age groups, Leningrad Region, Saint Petersburg.

Введение

Неотъемлемый компонент и одновременно фактор устойчивой региональной модернизации — это человеческий потенциал населения территории в совокупности его социокультурных, демографических, социоэкономических и поколенческих характеристик, реализуемый на рынке труда. Среди активной рабочей силы региона одновременно представлены различные поколения людей, чья социализация, получение образования, профессионализация, обретение жизненного опыта и формирование ценностной системы пришлось на различные периоды истории нашей страны, весьма отличные друг от друга социокультурные условия. Поэтому анализ и сравнение

ценностных установок в отношении труда, занятости, профессии, а также социальных норм в этой сфере, присущих разным возрастным группам среди населения региона, важен для понимания как специфики региональной социокультурной среды, так и вызовов для устойчивого развития территории со стороны его человеческого капитала. Особое внимание в таком анализе отводится молодежным возрастным группам, как возможным носителям новых ценностей и норм и, главное, как представителям активной рабочей силы на десятилетия вперед, которая будет определять вектор и динамику регионального развития.

В фундаментальном труде, обобщающем результаты многих региональных исследований в России за десять лет по Инициативной программе Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН «Социокультурная эволюция регионов России» под руководством чл.-корр. Н. И. Лапина и проф. Л. А. Беляевой, делается вывод о незавершенной социетальной трансформации России, социокультурной дисфункциональности и торможении модернизации, основная проблема которых заключается в не востребованности культурного потенциала населения в качестве культурного капитала для преодоления последствий деиндустриализации экономики России, разбалансированности, фрагментарности ее спонтанной модернизации [2, с. 305, 318]. Задача этой статьи — рассмотреть человеческое измерение вызовов модернизации во втором по величине в России городе федерального значения Санкт-Петербург и прилегающей к нему Ленинградской области через анализ базовых социокультурных норм, трудовых аттитюдов и самооценки трудового положения среди различных возрастных групп и охарактеризовать особенности молодежи и взрослых как ресурсного потенциала региональной модернизации.

Исследовательская проблема

Согласно методике оценки типов модернизированности региона, разработанной Китайской академией наук и адаптированной и дополненной Н. И. Лапиным применительно к изучению российских регионов, Ленинградская область представляет собой регион средней степени модернизированности, в стадии зрелости первичной (индустриальной) модернизации [2, с. 312]. Резкий контраст с Ленинградской областью показывает граничащий с ней город-мегаполис Санкт-Петербург, в котором проживает наибольшая часть населения Северо-Западного федерального округа. Санкт-Петербург, напротив, сосредотачивает в себе условия для научно-технического прогресса и инновационного развития региона, являясь вторым в России городом, после Москвы, по индексу развития человеческого потенциала, предоставляя населению диверсифицированный рынок труда, различные образовательные и культурные возможности.

При изучении модернизационного потенциала региона на группу молодежи следует обратить особое внимание. Именно от молодежи зависит

развитие общества в долгосрочной перспективе. Молодежь в большей степени обладает мобильностью на рынке труда, имеет возможности выбора места жительства, степени участия в общественной и политической жизни. Вместе с тем, молодежь относится к одной из наиболее уязвимых групп на рынке труда. Молодежь чаще сталкивается с проблемой безработицы, чем остальные группы населения [3]. По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень безработицы среди молодежи выше, чем в среднем по всему населению страны. В первую очередь, это касается возрастных групп 15–19 лет и 20–24 года. Среди сельского населения уровень безработицы выше, чем среди городского. В Ленинградской области уровень молодежной безработицы намного выше, чем в Санкт-Петербурге [12]. Стоит также отметить, что трудовое законодательство в России и странах СНГ в большей степени учитывает интересы молодежи, чем в других странах. В частности, это касается совмещения учебы с работой, привлечения к сверхурочной работе. Однако в реальности строгость законодательства ведет либо к несоблюдению гарантий, либо к распространению неформальной занятости, что делает положение молодежи лишь более уязвимым, особенно это касается девушек [3].

Одним из основных критериев развития страны и региона является субъективное благополучие населения [16]. Удовлетворенность работой играет ключевую роль среди аспектов, влияющих на субъективное благополучие человека и его удовлетворенность жизнью в целом [19, 24]. Важно, что удовлетворенность в сильной степени зависит от характеристик стран. Было показано, что в более благополучных странах с выраженной социальной политикой люди в целом больше довольны своей работой [21]. Кроме того, удовлетворенность работой выше в странах с большим размером зарплаты и количеством профсоюзов и ниже — с более высоким уровнем безработицы и неравенством [22]. В целом, удовлетворенность трудом выше всего в странах Западной Европы, ниже всего — в постсоветских странах, в особенности в России [10]. Следовательно, мы можем предположить, что удовлетворенность работой будет зависеть и от характеристик региона.

Что касается возрастного фактора, согласно западным исследованиям, молодежь и пожилые люди часто больше довольны работой, чем представители среднего возраста [15]. По России, однако, были получены другие выводы. Молодежь в возрасте 18–25 лет в целом меньше удовлетворена многими из аспектов работы, по сравнению с более старшими возрастными группами. Прежде всего, это касается профессиональной удовлетворенности, морального удовлетворения, удовлетворенности выполняемыми обязанностями и расстоянием до работы (хотя есть некоторые различия между мужчинами и женщинами). Работающие люди старше 55 лет, напротив, больше довольны практически всеми аспектами работы. Это может быть связано с тем, что в 55 лет с рынка труда прежде всего уходят работники, которые в меньшей степени довольны своей работой [11].

Одной из ключевых социокультурных характеристик регионального социума, касающейся трудового положения и одновременно базовых жизненных ориентаций человека, являются трудовые ценности. В 1990-е гг. переходный период в большой степени затронул ситуацию на рынке труда [13]. Имело место формирование новой системы мотивации труда, где акцент делался на высокий заработок, карьерный рост, интересную работу, увеличение самостоятельности в работе. С 1991 по 2004 г. трудовые ценности населения России сильно трансформировались. Было показано, что за это время возросла значимость таких ценностей, как хороший заработок, интересная работа, надежность работы, возможность чего-то достичь. При этом ценностям большего отпуска, соответствия работы способностям и возможности инициативы стало придаваться меньшее значение [7]. В сравнительной перспективе можно выделить несколько групп стран по трудовым ценностям. В большинстве стран Северной и Западной Европы, а также в Испании, Словении, Польше и Эстонии приоритетной является ориентация на достижения. В средиземноморских и постсоветских странах преобладает ориентация на надежность рабочего места. Для России и Украины характерна ориентация на высокий заработок и карьерное продвижение [8].

Трудовые ценности представляют собой важную часть общей ценностной системы, потому трудовое положение и трудовые ценности молодежи нельзя рассматривать в отрыве от других ценностей. Одним из критериев успешной модернизированности социума является переход от ценностей выживания к эмансипационным ценностям. Такому переходу способствует экономическое развитие, имеющее следствием рост экзистенциальной защищенности. Увеличивающаяся экзистенциальная защищенность ведет к большей культурной открытости, толерантности, формированию демократических институтов, а также увеличению межличностного доверия [17]. Формирование модернизационных трудовых аттитюдов невозможно без наличия общих модернизационных ценностей. Например, важным аспектом является наличие внутреннего локуса контроля, когда индивид готов брать ответственность за свои поступки, сам определять свою жизненную и карьерную траектории. Высокий уровень обобщенного доверия, или доверия к людям в целом, входит в набор ценностей постматериалистического синдрома по Р. Инглхарту и К. Вельцелю и является признаком гражданского и экономического взаимодействия, присущ эгалитарным обществам, способствует открытости и сотрудничеству между индивидами [6, с. 376]. Доверие к людям в целом позволяет формировать горизонтальные связи между членами общества, важные в модернизированном, постиндустриальном социуме, где индивиды получают большую свободу выбора и проявляют больше гибкости в определении своей жизненной позиции и трудового выбора, где ценятся эмансипация человека и его самовыражение, где возникают новые формы социального взаимодействия, новаторские идеи, инновационные предприятия.

Методика исследования

Опрос проводится в 2019 г. с формулировками вопросов по методике Всемирного исследования ценностей, по репрезентативной выборке населения жителей Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга 18 лет и старше. Метод опроса — телефонный (САТИ). Размер выборки составляет 300 эффективных интервью в Ленинградской области и 500 — в г. Санкт-Петербурге. Границы генеральной совокупности определены регионом в его административных границах. Генеральной совокупностью является наличное население региона в возрасте 18 лет и старше, имеющие доступ к телефонной связи — мобильной или стационарной. К наличному населению относятся люди, проживающие на территории региона не менее трех месяцев до начала опроса и собирающиеся проживать на территории региона в последующие после опроса 3 месяца. Выборка смешанная по своей основе — мобильные и стационарные телефоны (пропорция примерно 75 % на 25 % соответственно). При выборке мобильных телефонов — прямой отбор респондента (респондент-пользователь мобильного номера). При выборке стационарных телефонов — случайный отбор респондента внутри домохозяйства.

Анализ опросных данных представлен в двух разрезах: по всей выборке респондентов и по возрастным группам, в интервалах 18–24, 25–34, 35–44, 45–54, 55–64 и 65 лет и старше. К молодежи в данном исследовании относятся первые две возрастные группы, общим интервалом от 18 до 34 лет включительно. Хотя согласно утвержденным Правительством РФ «Основам государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» к молодежи сейчас относятся лица в возрасте от 14 до 30 лет, в некоторых случаях, определенных нормативными актами РФ и субъектов РФ, граница молодого возраста повышается до 35 лет или даже 40 лет. Кроме того, в связи с увеличившейся в последние десятилетия в России продолжительностью жизни, более поздним выходом на рынок труда в связи с получением высшего образования, предоставления возможности принимать участие в различных молодежных организациях и пользоваться разнообразными мерами молодежной социальной политики после 30 лет, сейчас ведется активная дискуссия и экспертная работа над предложениями и поправками в федеральный законопроект «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» о повышении возраста молодежи до 35 лет.

В настоящем исследовании для описания трудовых аттитюдов населения Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга использовались вопросы о целях работы, удовлетворенности работой, оценке возможности найти работу, предпринимательских интенциях, трудовых миграционных намерениях, а также некоторые индикаторы базовых социокультурных характеристик регионального социума, таких как интернальный локус контроля и обобщенное доверие. Анализ эмпирического материала, в силу примененных методов и ограничения имеющихся в наличии переменных, носит описательный

характер, основывается на частотных распределениях ответов респондентов в сравнении различных возрастных групп и не претендует на полноту объяснения причин и выявление факторов сложившейся ситуации.

Результаты исследования

Как показали результаты опроса, по самооценке респондентов, в Санкт-Петербурге выше доля безработных, в Ленинградской области — экономически неактивного населения (табл. 1). Скорее всего, связано с тем, что реальная возможность найти работу в Ленинградской области намного ниже. Особенно высокие уровни безработицы по самооценке в Санкт-Петербурге среди самой юной и средней возрастных групп: 18–24 и 45–54 лет. Неудивительно, что в Санкт-Петербурге значительно больше студенческой молодежи, по сравнению с областью.

Таблица 1

Трудовое положение респондентов (в % от числа ответивших)

		Возраст респондентов						Вся выборка
		18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше	
Работаете — постоянно, временно, военнослужащий	Санкт-Петербург	50	78	82	77	49	15	60
	Ленинградская обл.	50	77	79	76	53	15	56
Не работаете: занимаетесь домашним хозяйством	Санкт-Петербург	0	3	7	2	0	0	2
	Ленинградская обл.	8	6	6	2	1	0	3
Неработающий пенсионер, инвалид	Санкт-Петербург	0	2	0	9	46	85	24
	Ленинградская обл.	8	0	2	14	42	85	33
Безработный, ищите работу	Санкт-Петербург	12	7	7	10	5	0	6
	Ленинградская обл.	0	0	4	6	3	0	2
Временно не работаете (в декрете и т. д.)	Санкт-Петербург	0	9	4	1	0	0	3
	Ленинградская обл.	8	17	9	2	1	0	5
Учитесь в дневном учебном заведении	Санкт-Петербург	38	1	0	1	0	0	4
	Ленинградская обл.	25	0	0	0	0	0	1

Респондентам также задавался набор вопросов об удовлетворенности различными сферами жизни, в том числе своей нынешней работой, и предлагалось, используя для ответа шкалу от 1 до 5, где 1 означает, что респондент «совершенно не удовлетворен» этой сферой жизни, а 5 — «полностью удовлетворен», выбрать любое значение шкалы в соответствии со своим собственным мнением. В обеих группах молодежи удовлетворенность работой выше среди проживающих в Ленинградской области (табл. 2).

Таблица 2

**Удовлетворенность своей нынешней работой
(в % от числа ответивших)**

		Возраст респондентов						Вся выборка
		18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше	
Совершенно не удовлетворен (1)	Санкт-Петербург	0	2	5	6	3	0	4
	Ленинградская обл.	0	3	2	8	0	0	3
(2)	Санкт-Петербург	8	5	8	5	5	7	6
	Ленинградская обл.	0	5	10	5	5	0	6
(3)	Санкт-Петербург	16	18	19	21	8	21	18
	Ленинградская обл.	0	16	12	23	8	9	14
(4)	Санкт-Петербург	28	39	35	35	31	21	34
	Ленинградская обл.	50	27	36	31	46	9	34
Полностью удовлетворен (5)	Санкт-Петербург	48	36	33	33	54	50	39
	Ленинградская обл.	50	49	40	33	41	82	44

Трудно сказать, не имея необходимых данных для проверки, что служит причиной этой ситуации. Можно высказать предположение, что удовлетворенность зависит как от уровня ожиданий, так и от интенсивности труда, рабочего графика, уровня оплаты труда. Вполне вероятно, что студенческая молодежь (большинство в группе молодежи 18–24 лет) занята на временной работе, не по специальности, однако в более старшей молодежной группе этот разрыв между жителями Санкт-Петербурга и Ленинградской области исчезает — суммируем процент ответивших «совершенно удовлетворен» и «скорее удовлетворен», и получаем 76 % в СПб и 100 % в ЛО в группе 18–24 года, и 75 % в СПб и 76 % в ЛО в группе 25–34 года. В период «зрелой молодости» люди

работают уже либо по своей специальности, либо там, где смогли устроиться по ряду причин, либо заняты построением конкретной карьеры, в любом случае, как правило, это занятость с завершенным образованием, более осознанная и долгосрочная, по сравнению с работой в юности, и здесь находится больше причин быть неудовлетворенным своей нынешней работой.

Согласно опросу, существенно хуже перспективы поиска работы в Ленинградской области (табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами возможности найти работу в регионе (городе) проживания в настоящее время (в % от числа ответивших)

		Возраст респондентов						Вся выборка
		18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше	
Очень хорошее	Санкт-Петербург	16	6	11	5	1	0	6
	Ленинградская обл.	17	6	0	4	0	3	3
Довольно хорошее	Санкт-Петербург	64	63	48	41	46	30	48
	Ленинградская обл.	25	35	34	45	35	30	35
Довольно плохое	Санкт-Петербург	18	26	26	40	24	26	27
	Ленинградская обл.	50	42	40	37	35	38	39
Очень плохое	Санкт-Петербург	2	3	6	11	9	8	6
	Ленинградская обл.	0	13	17	10	19	12	14
Затрудняюсь ответить	Санкт-Петербург	0	2	9	2	20	37	12
	Ленинградская обл.	8	4	9	4	11	16	10

Обращает на себя внимание факт, что значительное число респондентов старшего возраста, в основном пенсионеры, затрудняются ответить на этот вопрос, причем в Ленинградской области таких в два раза больше, чем в Санкт-Петербурге. Это можно объяснить тем, что пенсионеры чаще остаются на рынке труда в Санкт-Петербурге, где больше возможностей для их трудоустройства. Опрос показывает противоречивую картину: с одной стороны, молодежь значительно оптимистичнее более старших возрастных групп в оценке перспектив поиска работы в своем регионе, это касается и области, и города федерального значения; с другой стороны — молодые жители Ленинградской области значительно пессимистичнее молодых

петербуржцев. Так, доля ответивших, что возможность найти работу в настоящее время в регионе проживания «довольно плохая», в 2,5–1,5 раза выше в Ленинградской области, причем этот разрыв между представлениями жителей области и Санкт-Петербурга становится меньше с увеличением возраста респондентов: 18 % и 50 % в группе 18–24 года и 26 % и 40 % в группе 35–44 года.

В различных исследованиях отмечается, что субъективное негативное восприятие экономической ситуации характерно для молодежи в различных российских регионах [1], это провоцирует определенные миграционные установки, стимулирует трудовую миграцию, приводит в итоге к оттоку активной рабочей силы в более экономически привлекательные города и территории. При этом Санкт-Петербург выступает центром притяжения трудовых мигрантов, а Ленинградская область — его донором, испытывая отток трудовых мигрантов [9]. Респондентам был задан вопрос «Планируете ли Вы переехать за пределы Санкт-Петербурга и Ленинградской области в ближайшие 2–3 года?», как показывает распределение ответов в табл. 4, половина опрошенных в младшей группе молодежи хотела бы уехать из Ленинградской области насовсем или временно; среди молодых петербуржцев эти мнения выразила треть респондентов. Намерения уехать резко снижаются уже у респондентов 25–34 лет, в особенности жителей Санкт-Петербурга, и в остальных возрастных категориях не наблюдается больших отличий, лишь малый процент ответивших сообщил о своих планах на переезд из своего региона или города.

Таблица 4

Планируете ли Вы переехать за пределы области (края, республики) в ближайшие 2–3 года? (в % от числа ответивших)

		Возраст респондентов						Вся выборка
		18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше	
Насовсем	Санкт-Петербург	6	4	4	3	4	0	3
	Ленинградская обл.	42	7	2	4	0	1	4
Временно — на заработки, на работу, а потом вернуться	Санкт-Петербург	21	7	8	4	4	0	6
	Ленинградская обл.	8	11	4	2	0	1	3
Вообще не планируете уезжать	Санкт-Петербург	73	90	88	94	92	100	91
	Ленинградская обл.	50	83	94	94	100	97	93

Обращает на себя внимание высокая амбициозность молодежи, которая с увеличением возраста снижается в ответах респондентов (рис. 1). На 20% чаще молодежь, по сравнению со взрослыми опрошенными, отвечает, что для них «важно добиться чего-то в жизни, продвинуться». При этом в младшей молодежной группе есть видимые региональные различия, такие установки более ярко проявляются у петербуржцев. Половина опрошенных из младшей молодежной группы в Ленинградской области отметили, что им важно, «чтобы работа не занимала много времени». По тому, что важно в работе, различия больше наблюдаются в группах средних возрастов, в старшей молодежной группе их практически нет. Установки на достижение, более всего характерные для младшей молодежной группы, могут рассматриваться как позитивный фактор для модернизационных процессов в городе и регионе, служить предпосылкой высокой молодежной активности на рынке труда, трудовой инициативы и создания собственного бизнеса.

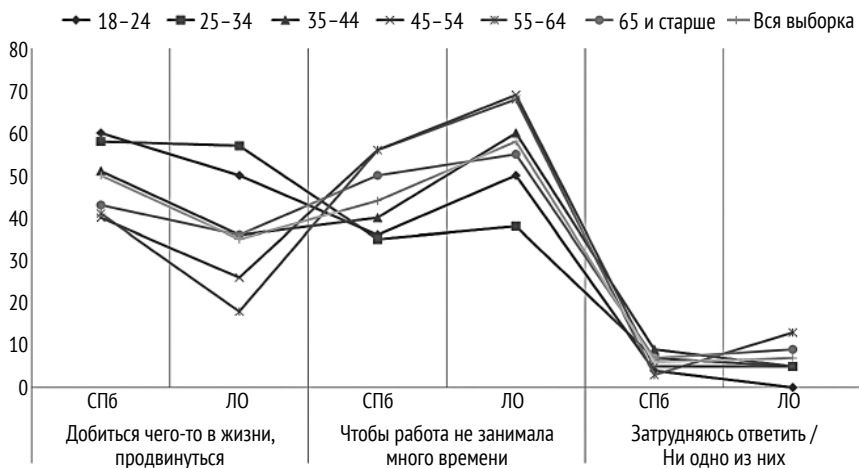

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас наиболее важно в работе?» (в % от числа ответивших)

Еще одним индикатором, указывающим на модернизационный потенциал трудовых установок молодежи, является их представление о своей возможности заняться частным предпринимательством. Как выявил опрос, предпринимательский потенциал по самооценке выше у проживающих в Петербурге, как среди молодых респондентов, так и взрослых, однако в более старших возрастных группах различия выражены сильнее (рис. 2). В целом, очень небольшое число опрошенных, около 10–15% в разных возрастных группах, отмечают, что у них или их семьи есть свой бизнес, и возрастные отличия здесь есть только между пенсионерами и всеми остальными, также

ситуация практически одинакова и в Санкт-Петербурге, и в области. Эти цифры согласуются с данными Росстата о числе предпринимателей в России и свидетельствуют о том, что пока частное предпринимательство скорее является возможностью, перспективой, чем данностью. Вместе с тем, предпринимательский опыт больше характерен для петербуржцев, причем в старших возрастных группах, как и предпринимательские намерения в ближайшие 5 лет и в более долгосрочной перспективе — только эти планы в опросе чаще заявляли более молодые респонденты.

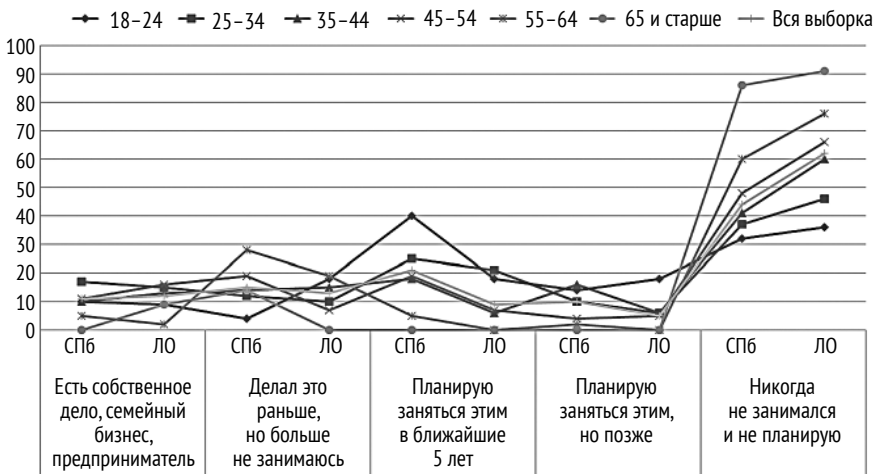

Рис. 2. Самооценка возможности заняться частным предпринимательством (в % от числа ответивших)

Вопрос о степени влияния человека на ход своей жизни позволяет оценить его локус контроля, т. е. выявить степень его интернальности, самостоятельности и свободы принятия решений. Этот индикатор внутренней готовности человека полагаться, прежде всего, на себя, впервые предложенный в концепции Дж. Роттера [23], полезен в изучении трудовых ценностей и установок для понимания активности, адаптивности и эффективности индивида в профессиональной деятельности. Одними из первых работ об использовании локуса контроля в изучении поведения людей на рынке труда, в частности, адаптации и восстановления занятости уволенными работниками, были исследования В. Е. Гимпельсона и В. С. Магуна [4; 5], которые выявили, что готовность людей действовать самостоятельно и понимание ими своей личной ответственности принципиально важно для восстановления их занятости. При этом такая личностно-психологическая характеристика как локус контроля играет не меньшую роль, чем разные параметры социального и человеческого капитала и внешние обстоятельства.

По данным опроса, влияние на ход жизни в младшей молодежной группе выше в Петербурге (7,8 баллов по шкале от 1 до 10), чем в Ленинградской области (6,6 баллов), в старшей молодежной группе этот индикатор имеет одинаковые показатели (7,6), и далее, с увеличением возраста респондентов, интернальный локус контроля слегка снижается. Любопытно, что показатели интернального локуса контроля для самой старшей возрастной группы от 65 лет выше на 1 балл в Ленинградской области и соотносятся с показателями самой младшей группы молодежи.

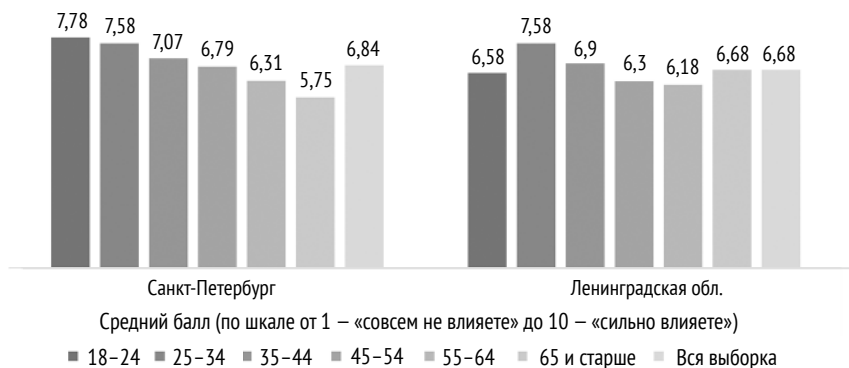

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В какой степени Вы влияете на ход своей жизни?» (в % от числа ответивших)

Для оценки распространенности модернизационных ценностей в массовом сознании различных возрастных групп используем вопрос об обобщенном доверии, сформулированный как «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?». По этому параметру явных различий между жителями Санкт-Петербурга и Ленинградской области, особенно в молодежных возрастах, не наблюдается (табл. 5). Однако, в целом, уровень доверия в рассматриваемых нами региональных обществах достаточно низкий, особенно среди молодежи и людей старшего возраста (19% в группе 18–24 года и 19–21% в группах 55–64 и 65 и старше в Санкт-Петербурге; 18% в группе 18–24 года и 29–26% в группах 55–64 и 65 и старше в Ленинградской области). Доверие является одной из ключевых характеристик социального капитала, позволяя расширять социальные связи индивида, и, следовательно, играет важную роль в формировании интеграции в обществе, его консолидации, без доверия невозможно достичь кооперации, конструктивного сотрудничества в профессиональной сфере, это также значимый предиктор развития частного бизнеса и инновационной деятельности. Доказано, что уровень обобщенного доверия в обществе является сильным коррелятом с ВВП на душу населения

и экономическим ростом [14; 20], сигнализируя об уровне благополучия социума. Поэтому низкий уровень обобщенного доверия в Ленинградской области и Санкт-Петербурге, особенно среди молодежи и взрослых средних лет, активных в настоящее время на рынке труда, свидетельствует о в целом непростых перспективах модернизации этих регионов.

Таблица 5

Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми? (в % от числа ответивших)

		Возраст респондентов						Вся выборка
		18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше	
Большинству можно доверять	Санкт-Петербург	19	30	28	38	21	19	26
	Ленинградская обл.	18	24	25	28	29	26	26
Нужно быть очень осторожными в отношении с людьми	Санкт-Петербург	81	70	72	62	79	81	74
	Ленинградская обл.	82	76	75	72	71	74	74

Заключение

Для самой молодой группы опрошенных характерны миграционные трудовые установки, более всего для жителей Ленинградской области, которые ответили, что хотели бы уехать из своего региона насовсем. При этом молодые жители Санкт-Петербурга демонстрируют больше амбиций: по сравнению с респондентами из области, чаще заявляют о том, что им важно добиться чего-то в жизни, продвинуться. Следует отметить, что для опрошенной молодежи в целом характерен низкий уровень и доверия, но достаточно высокий уровень локуса контроля. Несмотря на то что молодые жители Санкт-Петербурга и Ленинградской области скорее склонны быть осторожными с другими людьми, они считают, что могут оказывать влияние на ход своей жизни. Таким образом, эти разные модернизационные социокультурные характеристики у молодежи выражены в разной степени. По уровню доверия модернизационный потенциал достаточно низкий, а по уровню локуса контроля — более-менее высокий. Для лучшего понимания ситуации целесообразно проанализировать данные показатели в динамике.

Между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью были выявлены некоторые различия. По данным опроса, в Санкт-Петербурге относительно

выше доля безработных, в Ленинградской области — экономически неактивного населения. Хотя в Санкт-Петербурге представители молодежи в целом менее довольны своей работой, для них в меньшей степени свойственны миграционные настроения, они считают перспективы нахождения новой работы в своем регионе более благоприятными. Также опрос выявил, что у молодых петербуржцев выше предпринимательский потенциал, по сравнению с респондентами из Ленинградской области.

По некоторым социокультурным показателям и аттитюдам ресурсный потенциал молодежи в региональной модернизации вызывает оптимизм. Это касается общего уровня удовлетворенности работой, стремления чего-либо в работе достичь, внутреннего локуса контроля. При этом для молодежи в целом характерен достаточно низкий предпринимательский потенциал и уровень обобщенного доверия, что может выступать в роли социокультурного барьера модернизации. По данным опроса можно сделать вывод, что модернизационный ресурсный потенциал молодежи Санкт-Петербурга несколько выше, чем в Ленинградской области, что вполне соответствует общей ситуации в данных регионах.

Источники

1. Арбуз А. В., Широколобова О. С. Молодежная миграция в условиях регионального рынка труда (на материалах Омской области) // *Siberian Socium*. — 2017. — Т. 1, № 2. — С. 61–71.
2. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы : коллективный научный труд / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. — М. : «Весь Мир», 2016. — С. 305, 318.
3. Баскакова М. Е., Соболева И. В., Кубишин Е. С. Молодежь стран СНГ на рынке труда: гендерный аспект // *Общественные науки и современность*. — 2018. — № 6. — С. 16–30.
4. Гимпельсон В. Е. Уволенные работники на рынке труда: влияние локуса контроля на восстановление занятости // *Социологический журнал*. — 1995. — № 2. — С. 123–140.
5. Гимпельсон В. Е., Магун В. С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // *Социологический журнал*. — 1994. — № 1. — С. 134–149.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. — М. : Новое издательство, 2011.
7. Магун В. С. Динамика трудовых ценностей экономически активного населения России, 1991–2004 гг. // *Российский журнал менеджмента*. — 2006. — Т. 4, № 4. — С. 45–74.
8. Магун В. С., Монусова Г. А. Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. — Кн. 3. — М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. — С. 516–526.
9. Мкртчян Н. В. Внутрироссийская трудовая миграция: масштабы и структурные характеристики // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН* / гл. ред. А. Г. Коровкин. — М. : МАКС Пресс, 2016. — С. 546–561.
10. Монусова Г. А. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2008. — № 12. — С. 74–83.

11. Поплавская А. А., Соболева Н. Э. Удовлетворенность различными аспектами работы мужчин и женщин в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 5. — С. 271–288.
12. Труд и занятость в России — 2017. Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения 24.09.2019).
13. Хахулина Л. А. Ориентации населения в сфере труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 1999. — № 6. — С. 31–37.
14. Algan Y., Cahuc P. Inherited trust and growth // *The American Economic Review*. — 2010. — Vol. 100, No. 5. — P. 2060–2092.
15. Clark A., Oswald A., Warr P. Is job satisfaction U-shaped in age? // *Journal of occupational and organizational psychology*. — 1996. — Vol. 69, No 1. — P. 57–81. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.2044-8325.1996.tb00600.x> (дата обращения: 18.09.2019).
16. How's Life? 2015: Measuring Well-being. — Paris : OECD Publishing, 2015. — URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/how-s-life-2015_how_life-2015-en (accessed: 18.09.2019).
17. Inglehart R., Norris P. *Rising tide: gender equality and cultural change around the world*. — New York : Cambridge University Press, 2003.
18. Inglehart R., Welzel C. *Changing mass priorities: The link between modernization and democracy* // *Perspectives on Politics*. — 2010. — Vol. 2, No. 8. — P. 551–567.
19. Kalleberg A. L. *Good and Bad jobs: the Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s*. — New York : Russell Sage Foundation, 2011.
20. Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. — 1997. — Vol. 112, No. 4. — P. 1251–1288.
21. Oswald A. J. On the common claim that happiness equations demonstrate diminishing marginal utility of income // IZA Discussion paper 1781, and University of Warwick working paper. — 2005, Sept.
22. Pichler F., Wallace C. What are the reasons for differences in job satisfaction across Europe? Individual, compositional, and institutional explanations // *European Sociological Review*. — 2008. — No. 25(5). — P. 535–549.
23. Rotter J. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // *Psychological Monographs*. — 1966. — Vol. 80, No. 1. — P. 1–28.
24. Sousa-Poza A. Well-Being at Work // *Journal of Socio-Economic*. — 2000. — No. 29(6). — P. 517–539.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ПРЕОДОЛЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ ТЕРРИТОРИЙ

Е. Б. Плотникова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

E-mail: plotnikova1958@yandex.ru

Ю. С. Маркова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

E-mail: julyamarkova@gmail.com

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Модернизационная роль промышленных предприятий в преодолении социокультурных рисков территорий (на примере муниципальных образований Пермского края)», № 19-011-00369.

Аннотация. Статья посвящена анализу роли социальных проектов промышленных предприятий (на примере ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» в Пермском крае) в повышении социальной активности молодежи как способа преодоления социокультурных рисков. Исследование проведено в стратегии кейс-стади, первого его этапа — экспертного опроса. Исследуемые территории Пермского края: Ильинский, Чернушинский, Добрянский и Пермский муниципальные районы. Эмпирическая база включает 20 экспертных интервью с представителями власти, общественных организаций, менеджерами предприятия. Установлено, что социальные проекты предприятия способствуют формированию инициативных и творческих стратегий поведения молодежи и снижают риски деструктивных девиаций.

Ключевые слова: социальные проекты, промышленные предприятия, социокультурные риски, социокультурные угрозы, молодежь, девиантное поведение, муниципальное образование.

SOCIAL PROJECTS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES AS A TECHNOLOGY FOR INCREASING THE SOCIAL ACTIVITY OF YOUTH IN OVERCOMING SOCIO-CULTURAL RISKS OF TERRITORIES

E. B. Plotnikova

Perm State University, Perm

E-mail: plotnikova1958@yandex.ru

Y. S. Markova

Perm State University, Perm

E-mail: julyamarkova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of social projects of industrial enterprises (using the example of LLC LUKOIL-PERM in the Perm Krai) in increasing the social activity of young people as a way to overcome social and cultural risks. The study was conducted in a case study strategy, its first stage — an expert survey. The studied territories of the Perm Krai are the Ilinsky, Chernushinsky, Dobriensky and Perm municipal districts. The empirical base includes 20 expert interviews with representatives of government, public organizations, managers of the enterprise. It has been established that the social projects of the enterprise contribute to the formation of initiative and creative strategies for the behavior of young people and reduce the risks of destructive deviations.

Keywords: social projects, industrial enterprises, socio-cultural risks, socio-cultural threats, youth, deviant behavior, municipality.

В настоящее время в России существуют различные источники опасности в развитии общества, среди которых социокультурные угрозы вызывают социальные напряжения, конфликты, в целом процессы торможения в модернизационном развитии территорий. Социокультурные риски обуславливают процессы архаизации, деиндустриализации, диспропорции, исключение муниципальных образований из глобального развития. По причине этого противодействие социокультурным угрозам, наравне с преодолением техногенных и биогенных рисков, обозначено как одно из приоритетных направлений научно-технологического развития Российской Федерации [1].

Молодежь в силу присущих ей социально-психологических особенностей является одним из ключевых субъектов гражданской жизни общества, муниципального образования. Ее творческая активность может становиться действенным инструментом преодоления социокультурных угроз, существующих в территориях. Одновременно молодые люди нередко выступают агентами деструктивных девиаций как разновидности социокультурных рисков. Отсюда требуются институционализированные технологии, которые позволяли бы направлять реализацию человеческого потенциала молодежи в конструктивные формы, как способствующие развитию молодежной

культуры, так и выступающие катализатором позитивных общественных трансформаций. Одной из таких технологий являются социальные проекты, реализуемые промышленными предприятиями в городских округах и муниципальных районах.

В теории существует две ключевые традиции к исследованию феномена риска: реалистический (позитивистский) и социокультурный [2, с. 3–4; 3, с. 106]. Согласно реалистическому подходу риск трактуется как объективно существующий социальный факт [1, с. 4], выступающий потенциальной или реальной опасностью для социума и / или природы. Методология изучения риска в рамках данного подхода ориентирована, прежде всего, на его количественную оценку, измерение и прогнозирование. Одно из первых обоснований реалистического подхода к исследованию риска содержится в исследованиях Ф. Найта, который подчеркивал возможность количественного определения вероятности наступления риска [4]. Использование данного подхода можно обнаружить, например, в работах таких авторов, как В. Г. Шаптала, М. А. Латкин и Ю. В. Ветрова, которые предлагают методику количественной оценки величины различных рисков (природных, техногенных, экологических, террористических) в системе высшего образования [5].

Социокультурный подход, развиваемый в работах У. Бека, Э. Гидденса, М. Дуглас, О. Н. Яницкого и др. [6; 7; 8; 9; 10], перемещает фокус в исследовании риска на социальные и культурные условия его конструирования и восприятия. Риск в данном подходе анализируется как составляющая социальной реальности, находящейся в процессе непрерывного создания и воспроизводства социальными субъектами. Авторы этих риск-теорий исследуют современные риски как продукт новейших технологий, процессов глобализации, модернизации (или демодернизации) и активной деятельности человека по преобразованию окружающей природной среды. Риски связываются с процессом принятия решений и его последствиями, которые могут оказать негативное влияние на качество жизни и здоровье населения. Ставится вопрос о необходимости управления рисками и обеспечения оптимальной риск-коммуникации как условий сохранения и развития человечества. В настоящем подходе немаловажным аспектом изучения рисков выступает также анализ их восприятия различными группами населения, что отражено в исследованиях таких авторов, как А. Вилдавски, К. Дейк, П. Словик, Б. Фишхофф, С. Лихтенштейн, Д. Канеман, Ж. Бонта, Р. К. Хансон и др. [11; 12; 13; 14].

Методология исследования риска в настоящей работе опирается на социокультурный подход, позволяющий анализировать социальные и культурные контексты воспроизводства рисков в условиях конкретных муниципальных образований, отличающихся своеобразием своего развития.

Традиционным является рассмотрение рисков, существующих на определенной территории, в аспекте трех фундаментальных сфер (сред): а) естественной, или природной; б) искусственной, или технико-технологической;

в) социокультурной. Отсюда все риски в самом общем виде можно подразделить на природные, техногенные и социокультурные.

Социокультурные риски, их сущность и характерные черты представлены в работах У. Бека, Э. Гидденса, В. В. Зотова, Т. Н. Каменевой, Г. В. Вержибок, С. З. Семерник, Ю. В. Балахонской, Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова, С. А. Кравченко и др. [6; 7; 15; 16; 17; 18; 19]. Социокультурные риски рассматриваются в диалектике взаимоотношений трех компонент: личности, культуры и социальности. Поэтому социокультурные риски связаны, с одной стороны, с вероятностью реализации неблагоприятных вариантов развития в ценностно-нормативной структуре общества и личности, базовых гуманистических принципов и смыслов социальных взаимодействий; с другой стороны — с дезорганизацией и повышенным потенциалом конфликтности социальной структуры общества, территориальной общности, с неустойчивостью социального статуса индивида или социальной группы.

А. Ю. Зубок и В. И. Чупров указывают на две составляющие социокультурных рисков: материальную и нематериальную [20, с. 151]. Материальная составляющая, по мнению исследователей, выражается в угрозе уничтожения культурной инфраструктуры, а нематериальная — в деформации коренных основ национального самосознания. Последнее находит отражение в опасности утраты исторической памяти, разрушении складывающейся веками культурной идентичности и нравственных принципов, нарушении естественных прав и свобод человека, дискриминации по национальному или религиозному признакам, возникновении девиантных контркультур.

С. И. Кравченко показывает, что в обществе риска складывается два типа поведенческих и психологических реакций по отношению к риску: рискофобия и рискофилия [19]. Если рискофобия основывается на негативном восприятии риска и тем самым побуждает людей избегать опасностей и угроз, то рискофилия, в основе которой лежит осознание риска как возможного ресурса и блага, стимулирует неконформное, или девиантное, поведение. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что девиация, с одной стороны, сама выступает риском для общества, а с другой стороны, является результатом особого восприятия риска.

Девиантное поведение, вслед за Р. Мертоном [21, с. 254], можно трактовать как поступки и действия индивидов и социальных групп, отклоняющиеся от приемлемых в обществе культурных целей, а также от институционализированных социальных норм, определяющих способы достижения этих целей. Девиация может реализовываться в двух основных формах: позитивной (созидательной) и негативной (деструктивной). Позитивная девиация направлена на прогрессивное развитие общественного целого. Она может быть выражена, например, в социально значимой инновации, улучшающей качество жизни населения. Деструктивные практики девиантного поведения создают опасности разбалансировки нормативно-ценностной системы сообщества, угрозы для благополучия, жизни и здоровья жителей территориальной общности.

Молодежь традиционно вступает одним из главных потенциальных и реальных субъектов девиации, так как отличается относительно большей гибкостью поведенческих реакций и склонностью к отрицанию общепринятого родительским поколением культурного опыта. Известно, что многие девиантные субкультуры формируются именно среди молодежи, выступая основой как для конструктивных творческих коллективов, так и для опасных криминальных сообществ.

В контексте анализа молодежной девиации как социокультурного риска важной представляется концепция Э. Лемерта, выделяющего первичную и вторичную девиации [22, р. 19–25]. Первичная девиация слабо влияет на трансформацию «Я-концепции» человека, не способствует закреплению девиантной мотивации, а само нарушение социальных норм не побуждает окружение к применению строгих методов социального контроля по отношению к нарушителю. В контексте рискогенности наибольшим негативным потенциалом обладает вторичная девиация (в том случае, когда она по своей сути деструктивна). Это объясняется тем, что вторичная девиация связана с формированием достаточно стабильной установки к повторению девиантных практик, она ведет к конструированию девиантной идентичности и, возможно, девиантной карьеры.

В настоящее время на разных уровнях организации российского общества разрабатываются и реализуются различные технологии, нацеленные на повышение социального активизма и субъектности молодежи, а также снижение рисков формирования негативных девиантных практик в молодежной среде. Одним из акторов, создающих подобные механизмы, являются промышленные предприятия, которые в рамках политики социальной ответственности реализуют разнонаправленные социальные проекты, обращенные к населению в целом и к молодежи в частности. Цель данной статьи — проанализировать роль социальных проектов промышленных предприятий (на примере ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» в Пермском крае) в актуализации социальной активности молодежи в преодолении социокультурных рисков территорий.

Эксперты, отвечая на вопросы о социальных рисках территорий, сконцентрировали внимание исследователей на существующей угрозе процесса социализации, различных препятствий социальной адаптации молодого поколения. Поэтому, предупреждая деструктивное отклоняющееся поведение молодежи, административная власть в муниципальных образованиях применяет различные технологии, возрождающие активное деятельностное поведение молодых людей, которое, прежде всего, нацелено на формирование патриотических настроений, идентификацию себя с территорией проживания. Одной из технологий как совокупности способов и приемов в сфере социальной активизации молодежи в муниципальных образованиях Пермского края выступают модернизационные проекты ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» в виде конкурсов грантов социокультурной направленности. Для исследования роли модернизационных проектов в формировании позитивного

социального поведения молодежи использован экспертный опрос в четырех муниципалитетах Пермского края: Ильинском, Чернушинском, Добрянском и Пермском районах. В указанных территориях проведено 20 экспертных интервью, в каждой из которых было опрошено по пять экспертов. В качестве экспертов выступили представители органов местного самоуправления, общественных организаций, работники ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ».

В рамках конкурса социальных проектов представляется возможным выделить несколько направлений, формирующих социокультурный потенциал социальной активности молодежи в территориях. Это — проекты волонтерского движения; развитие творчества у подрастающего поколения; внедрение в образовательный процесс практикоориентированных элементов, позволяющих соответствовать образованию обучающейся молодежи потребностям времени; формирование общекультурных, социокультурных навыков, таких как умение коммуницировать с разными социальными группами, развитие командной работы, развитие стратегического мышления, умение планировать; помощь молодым людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Привлечение молодого поколения к социальной деятельности осуществляется через внедрение позитивного девиантного поведения молодежи. Особую роль в этом направлении играют проекты, связанные с **волонтерской деятельностью**. Лукойловские проекты включают различные формы волонтерского движения. Во всех исследуемых территориях получило развитие православное волонтерство. Молодежные волонтерские отряды создаются *«на площадке храма»*, *«у них есть свой молодежный актив, ребята тоже целеустремленные, готовы писать проекты, не просто говорить, а действовать, такие люди нужны территории»* (Пермский район). Также в Пермском районе посредством волонтерского движения реализуется *«проект возрождения этнокультурного заповедника преподобного Трифона. Каждый год ребята что-то делают, какие-то мосточки, целый двухэтажный дом гостевой сделали, построили купель, сделали колодец, сейчас идет речь о полном восстановлении храма»*. В Добрянском и Чернушенском районах *«благодаря проекту волонтеры — это молодые ребята с воскресных школ»*. В рамках волонтерского движения под эгидой ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» проводится акция «Дети и Лукойл за экологию». *«В этой акции дети участвуют, им привозят многолетники, кустарники, они их высаживают на территориях школ, на территориях благоустроенных скверов и так далее. То есть своим волонтерским трудом принимают участие в этой акции, а компания доставляет кустарники для этих целей»* (Ильинский район). По словам экспертов, через проекты ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» расширяются социальные контакты молодежи с другими социальными группами территорий, происходит личностная самореализация, а также снимаются барьеры в развитии волонтерских движений, разрешается проблема институционализации отношений в предоставлении механизмов вовлечения молодежи в добровольчество, выстраиваются партнерские отношения с властными структурами.

Эксперты административного управления муниципалитетов при разработке и отборе проектной документации для подачи заявок на грантовый конкурс особое внимание уделяют **развитию творчества молодых людей**. Творческие успехи, прежде всего, реализуются через распространение занятий народными промыслами. *«Развитие творчества у подрастающего поколения»* формируется посредством организации фестивальных движений в муниципалитетах. Среди них можно выделить фестиваль Сладостей, «Камская урбаника», «В гости к Чуче», которые проводятся в Добрянке, «Театральная пестрядь» в Ильинском районе. В рамках фестиваля «Камская урбаника» различные слои населения, в том числе и молодежь, создают арт-объекты на территории района. Руководитель фестиваля Сладостей *«создал группу из ребят, общественную организацию без всякой поддержки со стороны администрации. Они организовали этот фестиваль, и сегодня он уже набирает обороты, и к нам приезжают не только представители территории Пермского края, но и приезжают из других субъектов Российской Федерации [из других стран, в 2019 г. в фестивале участвовали кулинары из Франции]»*. Данное мероприятие создает потенциал инициативности у молодежи: *«они в соц-сетях общаются, просто он [руководитель] выходит с инициативой, и кому интересно — отзываются. И он так вот набрал первых волонтеров, эти волонтеры привели своих друзей: кто-то помогает пиломатериалом, кто-то помогает транспортом, они создают такие лавочки-домики, где идет продажа сладостей»* (Добрянка).

Развитие любительского творчества, с одной стороны, это своего рода организация самозанятости, досуга, развитие гражданской активности молодого поколения. С другой — вовлечение молодежи в жизнь района, потому что именно через реализацию творческих начал каждый представитель молодого сообщества проявляет себя как патриот своей малой родины. С помощью творческих проектов происходит самореализация молодежи, *«обустроивается их личная жизнь и в целом жизнь муниципалитета»*. Взаимодействие в творческих проектах подводит молодых акторов к пониманию проблем территории проживания, они становятся соучастниками процесса предупреждения социокультурных рисков. *«То есть они, вовлекаясь в решение этих проблем и решая эти проблемы, более чётко понимают и свою роль, а еще самое главное, благодаря реализации проектов у очень многих спадают с глаз вот эти шоры потребительские, что им должны что-то дать, принять за них решение...»* (Ильинский район).

Внедрение **в образовательный процесс практикоориентированных элементов**, позволяющих соответствовать образованию обучающейся молодежи потребностям времени, реализуется за счет приобретения информационно-коммуникационного оборудования. В учреждениях дополнительного образования, в школах технического развития, технического творчества школьникам предоставляется возможность заниматься *«такими техническими направлениями: робототехника, авиамоделирование... за счет средств “Лукойл” приобретаем необходимые комплектующие, и у ребят есть*

возможность пройти обучение, потом они поступают в технические вузы. В прошлом году [2018] был проект — Полазенская школа номер 3, смогли приобрести за счет средств гранта оборудование для развития цифрового обучения для детей, для учащихся школы» (Добрянка). Такого рода проекты помогают сформировать инновационную составляющую образовательных практик молодежи.

Формированию общекультурных, социокультурных навыков: умению коммуницировать с разными социальными группами, развитию командной работы, стратегического мышления, способности к планированию — способствует вовлечение представителей молодого поколения в написание заявок на грантовый конкурс ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ». Включение молодых людей в написание конкурсных заявок стало одной из технологий активизации деятельности молодого поколения. В муниципалитетах созданы «команды инициаторов», в которые входят «представители молодежных активов, потому что это движущая сила сельских поселений» (Пермский район). Ведение реестра молодых людей, способных «принести нам заявки», помогает властным структурам отслеживать проекты, ориентированные на стратегию социального развития территории, «что для нас важно, что для нас актуально». В некоторых территориях созданы школы «социального проектирования», в которых обучают молодежь грамоте по написанию заявок, как правильно формулировать основные компоненты грантового документа. Подготовленные проекты оцениваются представителями властных структур, поддерживаются сопроводительными письмами. Социальная активность молодежи формируется посредством взаимодействия с главами сельских поселений, «они активно пишут с молодежными командами и подают проекты», «главы районов пишут с молодежными командами проекты в лице нас [молодежного актива], это всегда так интересно, и выиграется тема, которая актуальна» (Пермский район).

Важно отметить, в рамках лукойловских конкурсов формируется преемственность поколений по написанию заявок. Эксперты подчеркивают: молодые люди, которые сегодня состоят «в молодежных активах», вспоминают, что «родители у них писали, они рассказывают: “Когда-то у меня мама было в команде... мы писали проект на Лукойл, я вот помню эту хоккейную коробку”» (Пермский район).

Помощь молодым людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Особое внимание властные структуры муниципальных образований уделяют социализации «ребят, которые не дружат с законом». Для ребят, которые находятся в группе риска, посредством грантового финансирования применяются различные способы предотвращения их деструктивного поведения.

Для внедрения технологий, формирующих позитивные акты поведения в целом учащейся молодежи, в том числе молодых представителей социальных групп, находящихся в социально опасном положении, в муниципалитетах разрабатывают проекты «детского туризма». В каникулярное время

«организуется палаточный лагерь на протяжении летнего периода несколько смен, чтобы ребята прошли школу выживания, познакомились с туристическими навыками, и чтобы в начале учебного года этих ребят вовлечь в туристические наши секции» (Добрянка).

К данным технологиям относятся проекты «юнармейского движения, потому что ребята должны быть готовы не только к армейской службе, но вообще должны быть моменты патриотического воспитания, присутствовать на протяжении всего календарного года. Поэтому в задумках создание некой базы, для того, чтобы мы могли с ребятами круглогодично заниматься не только военным направлением, но и могли какие-то еще элементы ввести в это юнармейское движение» (Добрянка).

Кроме того, в преодолении риска делинквентного поведения подростков участвуют представители социального института церкви. Для молодых людей в Добрянском районе создан отряд при храме имени Святого Ильи Муромца. *«Матушка Марфа вышла со своей инициативой, и был выигран грант, она смогла купить форму для ребят. В основном там проживают ребята в приемных семьях. Она смогла создать такой отряд, и с ними круглогодично занимается спортом, лыжами, в летний период у нее такой военизированный отряд, выходит с ними на трудовые десанты, они облагораживают свой причал. То есть занимаются трудовыми какими-то делами, и в то же время она для них проводит какие-то различные мероприятия. Опять же... старт этому отряду дал именно лукойловский конкурс» (Добрянка).*

Также, используя средства выигранных грантов, в муниципалитетах социальную активность развивают среди молодежи с ограниченными возможностями здоровья. Для них созданы клубы при учреждениях дополнительного образования, комнаты здоровья со спортивными тренажерами, компьютеры с программным обеспечением для данной категории молодых людей. *«У них сейчас есть возможность обучиться работе с компьютером, заниматься на этих компьютерах ... игры мы для них приобрели тоже с определенной направленностью, приобрели спортивные тренажеры именно для данной категории молодых людей, и проводим для них туристические слеты» (Добрянка).*

Социально ориентированное направление лукойловских конкурсов создает благоприятную среду в территориях. *«Причем это не только инфраструктура, как мы понимаем, а создание благоприятного климата»,* выражающегося в социальном эффекте, когда акцент в проектах делается на *«построенной площадке»,* а результат — *«счастливые дети, счастливые родители — это больше взаимоотношений... соседские связи строятся хорошо на детских площадках» (Пермский район).* *«Соседский климат, такой очень добрый, уютный»,* формирует *«тепло и чувство безопасности в первую очередь, это очень важно»* для становления социального капитала территорий, в котором молодежь является одним из ключевых акторов сетевого взаимодействия.

Анализ содержания грантовых проектов территориальных образований Пермского края, поддержанных ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ», позволяет сделать вывод об использовании муниципальными властями проектной деятельности промышленных предприятий в качестве технологии повышения социальной активности молодежи. В целом можно обобщить нацеленность всех проектов на развитие модернизационных ценностей молодежи: самостоятельности, инициативности, новизны, потребности в преодолении рисков. Управление рисками и обеспечение оптимальной риск-коммуникации молодого поколения является условием сбалансированного развития территорий, преодоления кризисных тенденций в муниципалитетах.

Источники

1. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 // KREMLIN. RU: Администрация Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1> (дата обращения: 13.07.2019).
2. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. — 2003. — № 1. — С. 3–33.
3. Молчанов А. В. Социальная феноменология риска: риск как социальный конструкт // Омский научный вестник. Философские науки. — 2007. — № 4 (58). — С. 105–108.
4. Knight F. Risk Uncertainty and Profit. — Boston : Houghton Mifflin Co., 1921.
5. Шантала В. Г., Латкин М. А., Венрова Ю. В. Количественные методы оценки и прогнозирования рисков // Инновационная наука. — 2016. — № 4. — С. 51–53.
6. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с.
7. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. — 1994. — № 5. — С. 107–134.
8. Дуглас М. Риск как судебный организм // Thesis. — 1994. — № 5. — С. 242–276.
9. Яницкий О. Н. Риск в современном обществе. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. — 2004. — № 2. — С. 5–15.
10. Яницкий О. Н. Глобализация и цивилизационные риски // Управление риском. — 2017. — № 3 (83). — С. 48–56.
11. Вилдавски А., Дейк К. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? // Thesis. — 1994. — № 5. — С. 268–276.
12. Словик П., Фишхофф Б., Лихтенштейн С. Факты против страха: понимание воспринимаемого риска // Принятие решений в неопределенности / под ред. Д. Канемана, П. Словика и А. Тверски. — Харьков : Гуманитарный центр, 2005. — С. 527–562.
13. Kahneman D. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. — 1979. — Vol. 47, No. 2. — P. 263–291.
14. Bonta J., Hanson R. K. Gauging the Risk for Violence: Measurement, Impact and Strategies for Changes. — Canada Solicitor General, 1994. — 45 p.
15. Зотов В. В., Каменева Т. Н. Социокультурный риск: понятие и классификация // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю. А. Зубок. — Белгород : Изд-во ООО «ИТ», 2015. — С. 392–396.

16. *Вержибок Г. В.* Риск как социокультурный феномен современного общества // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность : материалы V международной научно-практической конференции / под ред. Т. И. Рябовой. — Брянск : Изд-во БГИТУ, 2018. — С. 180–186.
17. *Семерник С. З., Балахонская Ю. В.* Социокультурные риски как предмет социогуманитарной рефлексии и феномен современного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 2 (66). — С. 239–244.
18. Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления: монография / Ю. А. Зубок (отв. ред.), В. И. Чупров, И. С. Шаповалова и др. — Белгород : ООО «ЭПИЦЕНТР», 2016. — 208 с.
19. *Кравченко С. А.* Сосуществование рискофобии и рискофилии — проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. — 2017. — № 2. — С. 3–13.
20. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Рискогенность социокультурной среды обитания как фактор формирования социальных настроений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2018. — № 43. — С. 148–160.
21. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — С. 245–277.
22. *Lemert E. M.* Crime and Deviance: Essays and Innovations of Edwin M. Lemert / Ed. and with essays by Charles C. Lemert and Michael F. Winter. — Rowman & Littlefield Publishers, 2000. — 320 p.

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В РЕГИОНАХ РОССИИ

В. Т. Тарасов

Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Чебоксары

E-mail: tarvlad2015@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется гипотеза о возможности управления коллективным возрастом исследователей с целью повышения их результативности. Метод панельной регрессии используется на основе фактических данных о возрастных характеристиках исследователей и их инновационной активности в регионах России за 2010–2017 гг. В связи с этим анализируются различные группировки регионов, в том числе в разрезе: 1) федеральных округов, 2) возрастных характеристик исследователей, 3) значений рейтинга инновационных регионов России (АИРР). Выявлена генеральная тенденция, подтверждающая положительное влияние процесса омоложения персонала исследователей на их инновационную активность. Определен возрастной интервал, в пределах которого активность исследователей перестает снижаться и может несколько возрасть.

Ключевые слова: региональная инновационная система, рациональная возрастная структура исследователей, инновационная активность исследователей в период зрелости.

INNOVATIVE ACTIVITY OF YOUNG SCIENTISTS IN THE REGIONS OF RUSSIA

V. T. Tarasov

Cheboksary branch of the Russian Academy of National Economy and
Public Administration Under the President of the Russian Federation,
Cheboksary

E-mail: tarvlad2015@yandex.ru

Abstract. The article examines the hypothesis about the possibility of managing the collective age of researchers in order to increase their effectiveness. The panel regression method is used on the basis of actual data on the age characteristics of researchers and their innovative activity in the regions of Russia for 2010–2017. In this regard, various groupings of regions are analyzed, including in the context of: 1) federal districts, 2) age characteristics of researchers, 3) values of the rating of innovative regions of Russia (AIRR). The general trend has been identified, confirming the positive impact of

the process of rejuvenating the research staff on their innovative activity. An age interval was determined within which the activity of the researchers ceases to decrease and may increase slightly.

Keywords: regional innovation system, rational age structure of researchers, innovative activity of researchers in the period of adulthood.

Введение

Анализ инновационной активности молодых ученых и оценка ее влияния на результаты функционирования региональных инновационных систем не является обычной постановкой вопроса в социоэкономической тематике. Чаще исследуется связь возрастных характеристик ученых с их творческой продуктивностью в целом без учета регионального аспекта, особенно зарубежными авторами [1; 2; 3; 4; 5]. Основной лейтмотив данных исследований направлен на то, чтобы определить влияние фактора возраста на профессиональную деятельность. Например, Харви Леман на основе огромного количества информации о творческих достижениях человека в различных областях деятельности (от спорта до философии) получил статистические оценки зависимости достижений от возраста. По Леману, наивысший подъем творческой продуктивности различается в зависимости от области знания: 23 года — у математиков, 32–33 года — у физиков и изобретателей, 35–39 лет — у медиков, 40–44 года — у астрономов [2].

Прекрасный обзор различных точек зрения, причем во многом противоречивых и взаимоисключающих, являющихся результатами исследований порядка 30 зарубежных и около десятка российских ученых относительно связи возрастных характеристик людей с их творческими проявлениями, представил Е. П. Ильин в [6, с. 36–43]. Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии однозначных инвариантных феноменов индивидуального развития человека в период его зрелости. Отмечаются случаи и раннего упадка способностей, и высокой творческой продуктивности в условиях долголетия. Также выяснилось, что возраст достижения максимальной творческой продуктивности отличается в различных науках. Кроме того, отдельные исследователи не без оснований приходят к выводу о двух пиках творческой активности. Второй пик относится к периоду 50–60 лет и проявляется у 15% творческих работников [7, с. 226].

Интересными представляются выводы М. В. Фора, полученные им на основании психологического тестирования 470 испытуемых в возрасте 18–60 лет, представленных мужчинами и женщинами практически поровну [8, с. 252–253]. Итоговый вывод исследования состоит в том, что динамика сферы человеческого мышления в период зрелости имеет двойственный характер. В интеллектуальной части данная сфера развивается, а в креативной — деградирует ввиду меньшей востребованности по мере взросления, особенно в старшем возрасте. Интеллект при этом рассматривается как адаптивная категория, т. е. как свойство приспособляться к внешним

условиям, а креативность — как способность решения принципиально новых, т. е. нестандартных проблем, с которыми человек еще не встречался.

Неоднозначным остается и ответ на вопрос о длительности продуктивного творчества и продолжительности жизни творческих работников [6, с. 43–44]. Е. П. Ильин приводит зависимость процентного соотношения общей продуктивности творческих людей от возраста в трех сферах деятельности, заимствованную из работы Дж. Ботвиника [9]. Зависимость представлена тремя выпуклыми кривыми с острым пиком на уровне 40 лет для деятелей искусств и более пологими (от 30 до 60 и более лет) — для ученых и гуманитариев.

В. Е. Григорьев в учебнике «Социология науки» представляет оригинальную концепцию Сатоши Каназава, в основу которой положена гипотеза о наличии причинно-следственной связи между творческими достижениями ученого и концентрацией гормона тестостерона [10, гл. 3]. Динамика уровня тестостерона в крови мужчины в зависимости от возраста описывается выпуклой кривой с быстрым достижением пика в интервале 35–44 лет и медленным спадом в последующие годы.

Белорусский ученый Г. Е. Несветаилов, анализируя связь между возрастом и творчеством, выделяет два понятия: индивидуальный и коллективный возраст, отмечая при этом большое сходство между возрастной динамикой научного коллектива и индивидуальным старением ученых [11, с. 116]. Он отмечает: и научный коллектив, и отдельный ученый проходят различные стадии своего развития с разным уровнем продуктивности. Однако разница между этими понятиями состоит в том, что коллективный возраст и его динамика, в отличие от индивидуального, формируются в процессе организационного управления, в частности по параметру «средний возраст».

Управление динамикой коллективного возраста ученых представляется актуальной задачей в связи с неудовлетворительной динамикой численности занятых исследованиями и разработками и неблагоприятными тенденциями в их возрастной структуре. По данным Росстата, численность персонала, занятого исследованиями и разработками, снизилась с 1943,4 тыс. чел. в 1990 г. до 707,9 тыс. чел. в 2017 г., т. е. в 2,7 раза [12, с. 44]. При этом в общей динамике персонала выделяются два сильно различающихся понижательных линейных тренда. Первый относится к 1991–1997 гг., в течение которого численность персонала снизилась особенно резко — в 2,1 раза (до 934,6 тыс. чел. в 1997 г.). Затем характер тенденции заметно поменялся, темпы снижения замедлились и уровень численности рассматриваемого контингента в 2017 г. снизился всего на 24,3% по сравнению с 1997 г. (рис. 1).

Что касается возрастной структуры контингента научных работников, то ее основная негативная деформация произошла в период массового оттока работников данной сферы (1991–1997 гг.), вследствие чего проявилась острая нехватка ученых наиболее трудоспособного и продуктивного возраста 30–45 лет. Как следует из отчета масштабного исследования, проведенного автономной некоммерческой организацией «Центр прикладных исследований и программ» в 2009 г., катастрофическая нехватка научных кадров

продуктивного возраста была характерна во всех отраслях знаний и типов научных учреждений, особенно в прикладной науке, за исключением медицины [13, с. 183]. А. Е. Варшавский, обосновывая необходимость обеспечения научно-технологической безопасности страны в условиях глобализации экономики, выделил в этой связи пять групп угроз и признал ухудшение возрастной структуры занятых в сфере НИОКР и высоких технологий в качестве одной из угроз второй группы, причины которой обусловлены преимущественно непродуманной экономической политикой [14, с. 11]. Он обосновал и предложил критические значения индикаторов научно-технологической безопасности, в том числе касающиеся возрастной структуры исследователей. Этот индикатор, рассчитываемый в виде отношения численности исследователей 60 лет и выше к численности кадров до 40 лет, назван индексом постарения исследователей [14, с. 36].

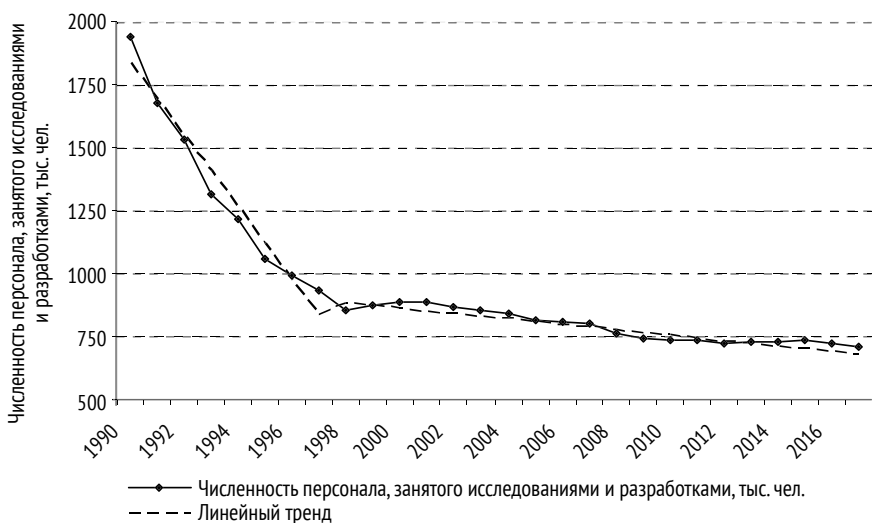

Рис. 1. Динамика персонала, занятого исследованиями и разработками в Российской Федерации в 1991–2017 гг.

В результате принятия и реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» ситуация начала медленно выправляться. О состоянии процесса омоложения научных кадров в разрезе федеральных округов и страны в целом в 2010–2017 гг. можно судить по динамике показателя удельного веса исследователей в возрасте до 39 лет в их общей численности, который А. Е. Варшавский называет показателем преемственности. Он предлагает его использовать в анализе для выявления наиболее опасных областей науки

и техники, в которых ожидается потеря преемственности, полагая наличие некоего оптимального уровня [15, с. 138] (рис. 2). Именно старшее поколение ученых, обладая, как правило, хорошими фундаментальными знаниями, накопленным практическим опытом и широким кругозором, призвано прививать молодым ученым научные традиции.

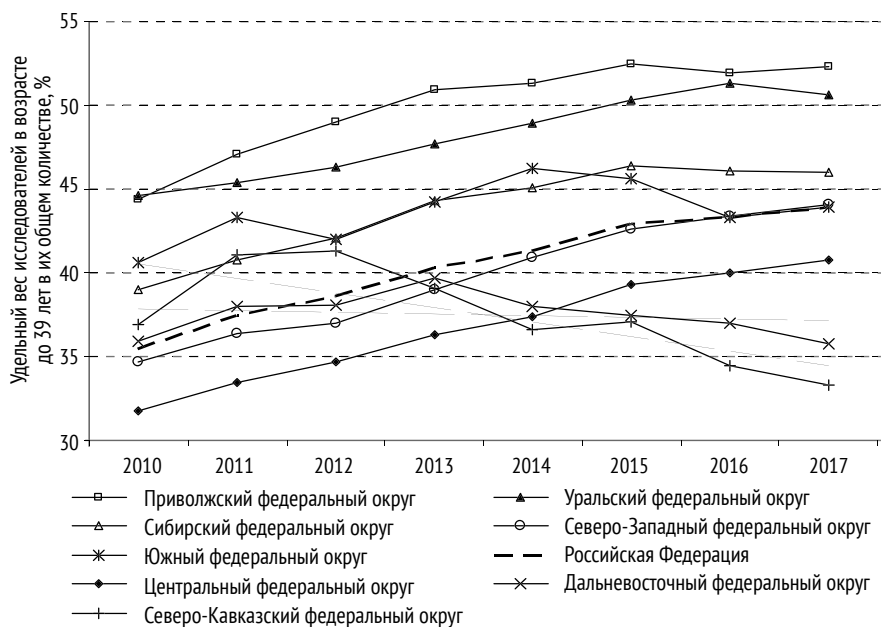

Рис. 2. Динамика удельного веса исследователей в возрасте до 39 лет в их общем количестве в 2010–2017 гг. (рассчитано автором по данным [15])

Как показывает рис. 2, показатель преемственности во всех федеральных округах и в стране в целом следует повышательной тенденции, что свидетельствует о положительных изменениях в структуре научных кадров, кроме двух округов — Северо-Кавказского и Дальневосточного. Если в первом федеральном округе подобную тенденцию частично можно объяснить относительно высокой продолжительностью жизни населения округа по сравнению с другими округами, то динамика второго округа объясняется, по-видимому, исключительно продолжающимся оттоком данной возрастной категории научных работников из макрорегиона.

Вышесказанное подводит к тому, что формирование представлений о влиянии возрастного аспекта научных работников на результаты их деятельности в рамках региональных инновационных систем представляется весьма актуальным с точки зрения разработки инструментов управления возрастом научных коллективов. Кроме того, важно исследовать гипотезу

о наличии оптимального уровня преемственности или структурной сбалансированности возрастного состава исследователей в региональных инновационных системах. В связи с этим цель настоящей статьи состоит в исследовании гипотезы о возможности управления коллективным возрастом исследователей, в особенности находящихся в наиболее продуктивном возрасте, с целью повышения их инновационной активности, измеряемой поступлением патентных заявок на изобретения и полезные модели.

Источники информации и методика исследования. В единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС) в открытом доступе имеются данные о среднем возрасте исследователей, а также об их удельном весе в возрасте до 39 лет в общем количестве по субъектам Федерации за 2010–2017 гг. [16]. Другие показатели, характеризующие процесс функционирования региональных инновационных систем, в том числе: численность персонала, занятого исследованиями и разработками, и исследователей с учеными степенями, внутренние затраты на научные исследования и разработки, поступление патентных заявок на изобретения и полезные модели — заимствованы из статистических ежегодников Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» за соответствующие годы.

В целях межрегиональной сопоставимости показателей осуществлялось их нормирование. В частности, поступление патентных заявок, внутренние затраты рассчитывались относительно численности персонала, занятого исследованиями и разработками для каждого региона. Внутренние затраты на научные исследования и разработки предварительно были пересчитаны в цены 2017 г. с помощью годовых дефляторов регионального валового продукта. Численность исследователей с учеными степенями нормировалась по отношению к общей численности исследователей. Таким образом, была сформирована исходная база сопоставимых показателей по 78 регионам России за 2010–2017 гг., представляющая собой сбалансированную панель пространственных (в разрезе регионов) данных, имеющих временную динамику. Автономные области учитывались в составе соответствующих субъектов Федерации. Из-за отсутствия некоторых данных в выборку не вошли Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, Крымский федеральный округ и г. Севастополь. Преимущество панельных данных состоит в том, что их использование с помощью специальных методов позволяет элиминировать влияние индивидуальных особенностей объекта, являющихся серьезной проблемой одномерных данных.

С учетом имеющейся информации был выбран способ ее обработки — метод панельной регрессии. Он позволяет, с одной стороны, учесть большой разброс характеристик, присущий регионам, т. е. их неоднородность, а с другой — принять во внимание их временные изменения. В связи с этим для панельных данных разработаны специальные модели регрессионных уравнений и процедуры расчета параметров, включая систему статистических тестов [17].

Обсуждение результатов анализа. В приложении (табл. П-1) представлены оценки параметров панельной регрессии для России в целом и в группировке федеральных округов. В ней помещены только уравнения, удовлетворяющие статистическим критериям значимости, за исключением тех, у которых по отдельным параметрам (отмечены затемненным фоном) несколько превышена допустимая пятипроцентная значимость их устойчивости. Рисунок 3 демонстрирует зависимость поступления патентных заявок на изобретения и полезные модели от удельного веса исследователей в возрасте до 39 лет согласно уравнению 1 (табл. П-1), рассчитанному по данным 78 регионов страны.

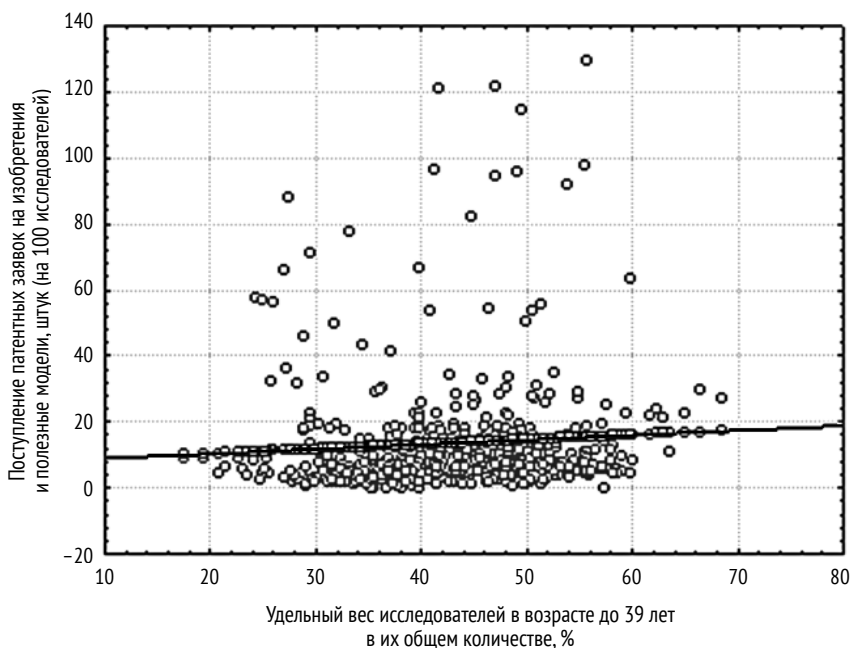

Рис. 3. Поле рассеяния и график зависимости инновационной активности исследователей от их удельного веса в возрасте до 39 лет в общем количестве в регионах России в 2010–2017 гг.

Из рисунка видно, что инновационная активность исследователей России в анализируемом периоде испытывала небольшую повышательную тенденцию, что свидетельствует о положительном влиянии фактора омоложения персонала науки (повышения уровня преемственности) на инновационную деятельность. С другой стороны, благотворное влияние снижения среднего возраста исследователей страны на результативность их исследовательской деятельности также подтверждается оценкой соответствующего параметра в модели 3 (табл. П-1), в которой коэффициент при регрессоре X_2 ,

характеризующем средний возраст исследователей, имеет отрицательный знак, что свидетельствует об отрицательном угле наклона прямой на графике.

К сожалению, не для всех федеральных округов удалось получить статистически значимые оценки, подтверждающие общероссийские тенденции положительного влияния фактора омоложения научных работников на их активность в виде подачи патентных заявок на изобретения и полезные модели. К таковым относятся Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, объединенные в одну группу, а также Приволжский и Уральский федеральные округа. Для наглядности все оценки по другим округам помещены в табл. 1.

Таблица 1

Коэффициенты, характеризующие влияние факторов на инновационную активность исследователей в федеральных округах России

Федеральный округ	Количество регионов	Факторы					
		X1	X12	X2	X22	X3	X4
Российская Федерация	78	0,142	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	0,003	-0,178
	74	0,080	-	-	-	-	-
		-	-	-0,262	-	-	-
Центральный	18	0,431	-	-	-	0,020	-
		-	-	-1,570	-	0,020	-
Северо-Западный	10	0,159	-	-	-	0,011	-
		-	-	-0,419	-	0,011	-
		-	-	-	-	0,006	-0,217
Сибирский	12	-0,233	-	-	-	-	-
		-	-	0,531	-	0,008	-0,233
Дальне-восточный	7	1,755	-0,021	×	×	×	×
		×	×	17,60	-0,188	×	×
		-0,160	-	-	-	-	-0,161
		-	-	0,567	-	-	-0,175

Обозначения: Y_{it} – подано патентных заявок на изобретения и полезные модели в i -м регионе в году t (в расчете на 100 занятых исследованиями и разработками); $X1_{it}$ – удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей в i -м регионе в году t ; $X2_{it}$ – средний возраст исследователей в i -м регионе в году t ; $X3_{it}$ – внутренние затраты на научные исследования и разработки (в расчете на 100 занятых исследованиями и разработками); $X4_{it}$ – удельный вес исследователей с учеными степенями в общей численности исследователей в i -м регионе в году t .

Анализируя данные табл. 1, выделим Центральный федеральный округ, в котором наиболее наглядно обозначилось влияние омоложения научных кадров. Коэффициент, характеризующий прирост инновационной активности исследователей при увеличении доли молодых исследователей, на 1 п. равен 0,431 и является самым большим среди всех округов. В то же время связь инновационной активности исследователей с их средним возрастом носит обратный характер, поскольку коэффициент при данном регрессоре отрицательный (-1,570). Он характеризует меру прироста инновационной активности исследователей при снижении среднего возраста исследователей на 1 год. Северо-Западный и Сибирский федеральные округа заметно уступают Центральному по уровню влияния фактора омоложения исследователей на их инновационную активность. Кроме того, в Сибирском федеральном округе влияние среднего возраста ученых на их инновационную активность оказалось статистически не значимым.

Следует отметить слабое стимулирующее воздействие на инновационную активность исследователей фактора X3, характеризующего внутренние затраты на научные исследования и разработки, значительная часть которых включает оплату труда. Более того, получение исследователями ученых степеней оказывает вообще отрицательное влияние на динамику их активности. Эта особенность характерна как для страны в целом, так и для отдельных федеральных округов, представленных в табл. 1.

Можно предположить, что рост доли ученых со степенями сопровождается повышением их среднего возраста, что, как выяснилось, в определенной мере понижает их инновационную активность. Однако данное понижение активности, по-видимому, не компенсируется ее повышением за счет ученых степеней.

Вместе с тем в Дальневосточном федеральном округе зависимость между инновационной активностью ученых и их возрастными характеристиками описывается двумя многочленами второй степени, которые, как известно, имеет экстремальные точки. В нашем случае — это значения показателей удельного веса исследователей до 39 лет и среднего возраста исследователей, соответствующих наивысшему уровню их инновационной активности. В результате несложного расчета имеем значение первого показателя на уровне 41,8%, а второго — 46,8 лет. Таким образом, на примере одного округа подтверждается гипотеза о принципиальной возможности управления возрастной структурой коллектива исследователей с целью максимизации их исследовательской деятельности.

На следующем этапе связь инновационной активности ученых с их возрастными характеристиками анализировалась в группировке регионов России на основе их ранжирования по среднему значению возраста исследователей за 2010–2017 гг. Для этого методом робастной локально-взвешенной регрессии была построена кривая зависимости инновационной активности исследователей от их среднего возраста (рис. 4).

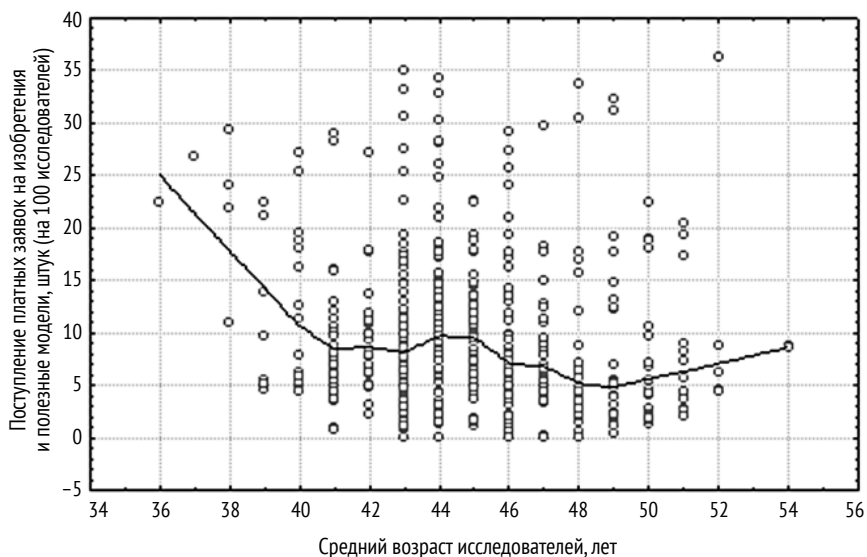

Рис. 4. Поле рассеяния и график робастной локально-взвешенной регрессии, характеризующей зависимость инновационной активности исследователей от их среднего возраста в регионах России в 2010–2017 гг.

Визуальный анализ графика позволяет выделить на горизонтальной оси три характерных интервала (38–40; 41–50 и 50–52 года), в пределах которых инновационную активность исследователей можно представить соответствующими локальными отрезками кривых. В приложении (табл. П-2) представлены оценки параметров панельной регрессии в группировке регионов страны путем их ранжирования по значению среднего возраста исследователей. В целях анализа они сконцентрированы в табл. 2.

Обращает на себя внимание некоторая стабилизация среднего уровня инновационной активности исследователей после ее снижения в возрастном интервале 41–43 года и даже небольшой последующий рост в интервале 43–45 лет. Затем вплоть до 49 лет наблюдается снижение исследовательской активности, а затем заметный ее рост за пределами данного возраста. Таким образом, общий понижательный тренд результативности инновационной деятельности исследователей по мере их старения дважды кратковременно меняет свою направленность. Однако эти предварительные выводы сделаны на основе визуального анализа с помощью сглаженной кривой, которая на панельных данных не гарантирует получение удовлетворительных оценок. Поэтому были проведены соответствующие расчеты на панельных данных.

Таблица 2

**Коэффициенты, характеризующие влияние факторов
на инновационную активность исследователей в регионах России,
группированных по возрастным признакам**

Возраст исследователей в группе, лет	Количество регионов	Факторы*					
		X1	X12	X2	X22	X3	X4
38–50	72	0,131	–	–	–	–	–
		–	–	–0,532	–	–	–
		–	–	–0,424	–	0,011	–
		–	–	–	–	0,0034	–0,124
41–50	67	0,121	–	–	–	–	–
		–	–	–0,532	–	–	–
		0,129	–	–	–	0,010	–
		–	–	–0,473	–	0,010	–
41–54	72	–0,806	0,104	–	–	–	–
		–	–	–8,609	0,095	–	–
		–	–	–	–	0,0024	–0,118

* Обозначения факторов см. в табл. 1.

Полученные регрессионные уравнения позволили определить возрастной интервал, на котором средний уровень активности исследователей вначале стабилизируется после ее снижения, затем несколько возрастает с последующим снижением. Для этого были определены точки пересечения уравнений 6 и 10 табл. П-2 приложения. Первое уравнение носит линейный характер, содержит усредненные оценки 67 регионов с учетом активности исследователей в возрастном интервале 41–50 лет, а второе уравнение представляет вогнутую параболу, построенную по данным 72 регионов для исследователей в возрасте 41–52 года. Предположительно, первое уравнение отсекает область второй кривой в интересующем нас возрастном интервале, на котором вначале приостанавливается снижение активности исследователей, после чего, условно говоря, открывается их второе дыхание, обеспечивающее некоторый импульсный всплеск инновационной активности. Несложные расчеты позволили выделить отмеченный возрастной интервал в диапазоне 40,4–44,9 лет со средним значением 42,7 года, что соответствует диапазону показателя удельного веса исследователей в возрасте до 39 лет в пределах 43,4–55,9% со средним значением 49,5%.

Данные табл. 2 демонстрируют смену знака параметра, характеризующего влияние доли молодых исследователей на их активность, для массива обрабатываемых данных, расширенных за счет исследователей в возрасте 50–52 лет. Это меняет представления о сложившемся соотношении эффективности старшего и молодого поколения ученых, что подтверждается следующим расчетом. Из уравнений 2 и 12 табл. П-2 следует, что снижение среднего возраста исследователей на 1 год увеличивает поступление патентных заявок на изобретения и полезные модели на 0,532 ед. на 100 исследователей, повышая одновременно удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет на 2,78 п. Вместе с тем указанное повышение удельного веса исследователей в возрасте до 39 лет приводит к увеличению поступления патентных заявок на изобретения и полезные модели, согласно уравнению 1 табл. П-2, только на 0,364 ($0,131 \times 2,78$) ед. на 100 исследователей. Следовательно, уровень инновационной активности исследователей старшего поколения, вопреки сложившемуся мнению, в среднем превосходит результативность молодых исследователей национальной инновационной системы примерно в 1,5 раза ($0,532 / 0,364$).

Расчеты в данной группировке регионов также подтвердили ранее сделанные выводы о низкой роли удельных внутренних затрат на исследования и разработки в повышении инновационной активности исследователей и негативном влиянии фактора присуждения ученых степеней на активизацию их деятельности.

Итак, определенлся возрастной диапазон исследователей, в рамках которого их инновационная активность стабилизируется после снижения с некоторым небольшим всплеском в середине интервала (примерно 40–45 лет). Поиск причин подобной тенденции должен опираться на специальные исследования. Если, однако, признать правомерными концепции Лемана, Ботвинника, Каназавы и др. и наложить полученные ими зависимости на генеральную тенденцию понижения творческой активности исследователей по мере их старения, то контур равнодействующей кривой окажется похожим на кривую, представленную на рис. 4. Более того, всплеск исследовательской активности, продемонстрированный на рисунке, должен был проявиться, по нашему мнению, более выраженным, если бы не «эхо» бимодального распределения ученых по возрастам в середине нулевых годов. Два пика данного распределения, напоминающего двугорбого верблюда, отмечены возрастными 35 и 55 лет [15, с. 136]. Вследствие этого была разрушена связь поколений, негативно отразившаяся на ученых среднего поколения, которому пришлось формироваться в условиях пониженной конкуренции.

На завершающем этапе исследования зависимость инновационной активности ученых от их возрастных параметров анализировалась в группировке регионов, ранжированных в нормированной линейной шкале по среднему за 2014–2018 гг. значению рейтинга инновационных регионов России. Он рассчитывается и публикуется в открытом доступе Ассоциацией

инновационных регионов России (АИРР) [18]. Результаты расчетов в данной группировке представлены в приложении (табл. П-3), а коэффициенты, характеризующие влияние факторов, сгруппированы в табл. 3.

Таблица 3

Коэффициенты, характеризующие влияние факторов на инновационную активность исследователей в регионах, сгруппированных на основе рейтинга инновационных регионов России (АИРР)

Группа регионов с рейтингом**	Количество регионов	Факторы*				
		X1	X12	X2	X3	X4
0,43–0,69 (50–100%)	26	-0,125	-	-	-	-
		-	-	0,396	-	-
		-	-	0,695	0,0013	-0,294
0,36–0,69 (37–100%)	50	0,279	-	-	0,012	-
		-	-	-0,733	0,012	-
0,27–0,69 (20–100%)	69	0,192	-	-	0,012	-
		-	-	-0,621	0,013	-
0,43–0,50 (50–64%)	14	-1,322	0,0147	-	-	-
		-	-	0,802	-	-
		0,262	-	-	0,012	-0,204
		-	-	1,025	-	-0,302
0,36–0,50 (37–64%)	38	0,329	-	-	0,016	-
		-	-	-0,910	0,016	-

* Обозначения факторов см. в табл. 1.

** В скобках указан интервал рейтинга в нормированной линейной шкале от 0 до 100%.

В ранжированном ряду от 0 до 100%, согласно известной шкале Харрингтона, были выделены регионы с очень низким (0–20), низким (20–37), средним (37–64), высоким (64–80) и очень высоким (80–100) значениями рейтинга. Заметим, что в группе регионов с очень низким значением рейтинга (республики Хакассия, Дагестан, Калмыкия, Алтай, Карачаево-Черкесская, Тува, Ингушетия и Амурская область) не удалось получить статистически значимых оценок. Группа регионов с очень высоким (города Санкт-Петербург, Москва, Республика Татарстан) и высоким (Томская, Московская, Калужская, Новосибирская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Ульяновская области и Республика Башкортостан) также не отличилась

результатами, удовлетворяющими статистическим критериям. Данные регионы, по всей видимости, используют модели инновационного развития, отличные от функциональных линейных. Полагаем, что взаимосвязи компонентов региональных инновационных систем этих регионов носят нелинейный характер, а некоторые из них, возможно, функционируют в саморазвивающейся инновационной среде. Такие региональные инновационные системы характерны для регионов четвертого типа модернизированнойности, которые достигли зрелой информационной стадии модернизации [19]. По этой причине данная совокупность регионов *была расширена за счет* 14 регионов со средним значением рейтинга в их верхней по шкале группе (от 50 до 64 %).

Что следует из расчетов? В группе регионов с очень высоким, высоким и частично средним уровнем рейтинга влияние факторов X_1 и X_2 на активность исследователей в случае увеличения их значений оказалось разнонаправленным, однако не соответствующим общей тенденции. Из анализа оценок следует, что активность исследователей повышается в условиях роста их среднего возраста (X_2) и соответственно снижения их доли в возрасте до 39 лет (X_1). Следовательно, в данных регионах наглядно проявляется доминирующая роль исследователей старших возрастов в результативности инновационной деятельности.

В верхней группе регионов со средним значением рейтинга (50–64%) доминирующая роль исследователей старших возрастов проявилась еще больше по сравнению с предыдущим случаем. В нижней группе (37–50%) данная особенность исчезает, следуя общей повышательной тенденции инновационной активности исследователей за счет фактора их омолаживания. Кроме того, в нижней группе регионов со средним значением рейтинга доминирующая роль старшего поколения ученых относительно молодежи полностью утрачивается и устанавливается примерно одинаковый уровень факторного влияния возрастных характеристик. Так, удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет, согласно уравнению 12 табл. П-2, как уже отмечалось, повышается на 2,78 п., что приводит к увеличению поступления патентных заявок на изобретения и полезные модели, согласно уравнению 12 табл. П-3, на 0,915 ($0,329 \times 2,78$) ед. на 100 исследователей. С другой стороны, из уравнения 13 табл. П-3 следует, что снижение среднего возраста исследователей на 1 год увеличивает поступление патентных заявок на изобретения и полезные модели на 0,910 ед. на 100 исследователей, т. е. практически в той же мере, как и фактор повышения доли молодых исследователей.

В данной группировке регионов также устойчиво обозначилась малая роль фактора удельных внутренних затрат в повышении инновационной активности исследователей и отрицательное влияние их научной остротности на результативность исследований.

Заключительные положения

В ходе проведенного исследования на основе фактических данных подавляющего числа регионов страны за 2010–2017 гг. была выявлена генеральная тенденция о положительном влиянии процесса омолаживания персонала исследователей на их активность. Поступления патентных заявок на изобретения и полезные модели растут, если снижается средний возраст исследователей и соответственно возрастает их доля в общем количестве, однако данная тенденция не выглядит гладкой. По мере омоложения коллектива на определенном возрастном интервале (примерно 40–45 лет) активность исследователей перестает снижаться и даже может несколько возрасти, затем следует в русле генеральной тенденции примерно до 50 лет, после чего вновь наблюдается ее заметный рост. Таким образом, полученные результаты исследования в определенной мере согласуются с концепциями зарубежных ученых Х. Лемана, Дж. Ботвиника, С. Каназавы.

Указанная неравномерность генеральной тенденции по-разному проявляется в разрезе отдельных региональных группировок. В регионах Дальневосточного федерального округа, в отличие от остальных округов, метод панельной регрессии позволил определить возрастную структуру персонала исследователей, соответствующую их наибольшей инновационной активности. В трех макрорегионах (Приволжский, Уральский и объединенные Южный и Северо-Кавказский федеральные округа) метод не дал результатов, удовлетворяющих статистическим критериям.

Группировка регионов, упорядоченных по возрастным характеристикам, позволила выделить вышеназванный возрастной интервал, в пределах которого уровень активности исследователей стабилизируется в ходе трендового снижения, а также определить возрастные характеристики, при которых инновационная активность исследователей старшей группы начинает доминировать над молодыми исследователями.

Наконец, в группировке регионов, упорядоченных по уровню рейтинга инновационных регионов (АИРР), были выделены те, в которых инновационная активность исследователей старшей группы заметно результативнее активности молодежи, а также те, в которых эта активность практически нивелирована по возрастному признаку.

Таким образом, инструментарий, использованный в настоящем исследовании, способствует разработке механизмов управления коллективным возрастом исследователей, занятых в региональных инновационных системах, с целью активизации их научной деятельности. Представляется целесообразным применение данного инструментария (при наличии соответствующей информации) применительно к различным видам научной деятельности, а также в разрезе классификаций, представляющих основные результаты инновационной деятельности региональных организаций.

Источники

1. Kanazawa S. Why productivity fades with age: The crime-genius connection // Journal of Research in Personality. — 2003. — Vol. 37. — P. 257–272.
2. Lehmann N. C. Age and achievement. — Princeton (NJ), 1953.
3. Lehmann N. C. The creative production rates of present versus past generations of scientists // Middle age and aging. Reader in Social Psychology / Ed. by B. L. Neugarten. — Chicago, 1968.
4. Stephan P., Levin S. Age and the Nobel prize revisited // Scientometrics. — 1993. — Vol. 28, No. 3. — P. 387–399.
5. Stevens R. The age problem in research workers: viewpoint of the research administrator // Scientific Monthly. — 1951. — Vol. 72.
6. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. — СПб. : Питер, 2009. — 448 с.
7. Бодалев А. А., Рудкевич Л. А. Как становятся великими или выдающимися? — М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2003. — 285 с.
8. Фор М. В. Динамика интеллекта и креативности в период взрослости // Ананьевские чтения — 2007 : материалы науч.-практ. конф. 23–25 окт. 2007 г. / С.-Петербург. гос. ун-т, Фак-т психологии. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. — [Вып. 1.] / под ред. Л. А. Цветковой. — 690 с.
9. Botwick J. Cognitive Processes in Maturity and Old Age. — New York : Springer Publishing Co., 1967. — 212 p.
10. Гризовев В. Е. Социологии науки : учебник. — М. : Проспект, 2018. — 384 с.
11. Несветайлов Г. А. Научные кадры: возраст и творчество // Социологические исследования. — 1998. — № 9. — С. 115–119.
12. Индикаторы науки: 2018 : стат. сб. / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : НИУ ВШЭ, 2018. — 320 с.
13. Современное поколение ученых: ценности, мотивация, стиль жизни. Научный отчет. М. : Автономная некоммерческая организация «Центр прикладных исследований и программ», 2009. — 190 с. — URL: http://www.inop.ru/files/5_2_2008_195.pdf (дата обращения: 24.09.2019).
14. Инновационный менеджмент в России (проблемы стратегического управления и научно-технологической безопасности) / рук. автор. колл. В. Л. Макаров, А. Е. Варшавский. — М. : Наука, 2004. — 889 с.
15. Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия (социально-экономические аспекты развития) / рук. авт. колл. В. Л. Макаров, А. Е. Варшавский. — М. : Наука, 2001. — 636 с.
16. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). — URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 24.09.2019).
17. Ратникова Т. А., Фурманов К. К. Анализ панельных данных и данных о длительности состояний: учеб. пособие / Т. А. Ратникова, К. К. Фурманов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 373 с.
18. Ассоциация инновационных регионов России : официальный сайт. Рейтинги. — URL: <http://i-regions.org/reiting> (дата обращения: 24.09.2019).
19. Лапин Н. И. Региональные инновационные системы — способ саморазвития российских регионов // Социокультурные и социальноэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докладов участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (15–17 окт. 2018 г., Тула) / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, В. И. Мосин. — Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2018. — С. 7–19.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П-1

Оценки параметров панельной регрессии для России в целом и в группировке федеральных округов

Федеральный округ	Уравнение регрессии (в скобках – <i>t</i> -статистика)	R-sq			Вид модели GLS regression, число наблю- дений (число регионов)
		within	between	overall	
Российская Федерация	1. $Y_{it} = \frac{7,46}{(2,32)} + \frac{0,142 X1it}{(1,80)} + eit$	0,0479	0,0052	0,0119	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =624 (78)
	1a. $Y_{it} = \frac{6,09}{(3,70)} + \frac{0,080 X1it}{(2,00)} + eit$	0,0507	0,0518	0,0432	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =592 (74)
	2. $Y_{it} = \frac{15,75}{(6,46)} + \frac{0,003 X3it}{(2,16)} - \frac{0,178 X4it}{(-2,97)} + eit$	0,0217	0,0321	0,0217	One direction fixed-effects <i>n</i> =624 (78)
	3. $Y_{it} = \frac{20,77}{(3,70)} + \frac{0,080 X2it}{(2,00)} + eit$	0,0040	0,0751	0,0558	Random-effects <i>n</i> =592 (74)
Центральный	4. $Y_{it} = \frac{-11,95}{(2,06)} + \frac{0,431 X1it}{(2,06)} + \frac{0,020 X3it}{(3,40)} + eit$	0,1703	0,0302	0,0099	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =144 (18)
	5. $Y_{it} = \frac{76,22}{(2,54)} - \frac{1,570 X2it}{(-2,46)} + \frac{0,020 X3it}{(3,50)} + eit$	0,1824	0,0330	0,0120	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =144 (18)
Сибирский	6. $Y_{it} = \frac{23,02}{(4,81)} - \frac{0,233 X1it}{(-3,65)} + \frac{0,009 X3it}{(3,75)} - \frac{0,242 X4it}{(-2,97)} + eit$	0,3738	0,0459	0,0596	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =96 (12)
	7. $Y_{it} = \frac{-10,34}{(-0,89)} + \frac{0,531 X2it}{(1,92)} + \frac{0,008 X3it}{(3,10)} - \frac{0,233 X4it}{(-2,54)} + eit$	0,2961	0,0458	0,0559	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =96 (12)
Северо-Западный	8. $Y_{it} = \frac{-6,021}{(-2,92)} + \frac{0,159 X1it}{(3,18)} + \frac{0,011 X3it}{(10,11)} + eit$	0,6959	0,0284	0,0728	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =80 (10)
	9. $Y_{it} = \frac{19,24}{(2,63)} - \frac{0,419 X2it}{(-2,68)} + \frac{0,011 X3it}{(9,96)} + eit$	0,6829	0,0327	0,0775	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =80 (10)
	10. $Y_{it} = \frac{9,78}{(3,06)} + \frac{0,006 X3it}{(6,83)} - \frac{0,217 X4it}{(-5,09)} + eit$	0,6247	0,0001	0,0075	Random-effects <i>n</i> =80 (10)

Таблица П-1 (окончание)

Федеральный округ	Уравнение регрессии (в скобках – <i>t</i> -статистика)	R-sq			Вид модели GLS regression, число наблюдений (число регионов)
		within	between	overall	
Дальневосточный	11. $Y_{it} = \frac{-28,60}{(-2,92)} + \frac{1,755 X1_{it}}{(3,18)} + \frac{0,011 X1^2_{it}}{(10,11)} + eit$	0,1446	0,0465	0,0467	Random-effects <i>n</i> =56 (7)
	12. $Y_{it} = \frac{-403,66}{(-2,92)} + \frac{17,60 X2_{it}}{(3,18)} - \frac{0,011 X2^2_{it}}{(10,11)} + eit$	0,2689	0,0000	0,0098	Random-effects <i>n</i> =56 (7)
	13. $Y_{it} = \frac{20,97}{(3,06)} - \frac{0,160 X1_{it}}{(6,83)} - \frac{0,161 X4_{it}}{(-5,09)} + eit$	0,1949	0,2750	0,1601	One direction fixed-effects <i>n</i> =56 (7)
	14. $Y_{it} = \frac{-11,12}{(-1,26)} + \frac{0,567 X2_{it}}{(2,74)} - \frac{0,175 X4_{it}}{(-3,79)} + eit$	0,2474	0,3186	0,1667	One direction fixed-effects <i>n</i> =56 (7)

Обозначения:

Y_{it} – подано патентных заявок на изобретения и полезные модели в *i*-м регионе в году *t* (в расчете на 100 занятых исследованиями и разработками);

$X1_{it}$ – удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей в *i*-м регионе в году *t*;

$X2_{it}$ – средний возраст исследователей в *i*-м регионе в году *t*;

$X3_{it}$ – внутренние затраты на научные исследования и разработки (в расчете на 100 занятых исследованиями и разработками);

$X4_{it}$ – удельный вес исследователей с учеными степенями в общей численности исследователей в *i*-м регионе в году *t*;

eit – ошибка уравнения.

Таблица П-2

**Оценки параметров панельной регрессии в группировке регионов России
по признаку среднего возраста исследователей**

Возрастной интервал	Уравнение регрессии (в скобках – <i>t</i> -статистика)	R-sq			Вид модели GLS regression, число наблюдений (число регионов)
		within	between	overall	
38 – 50 лет	1. $Y_{it} = \frac{5,570}{(1,71)} + \frac{0,131 X1it}{(2,06)} + eit$	0,0060	0,0300	0,0238	Random-effects <i>n</i> =576 (72)
	2. $Y_{it} = \frac{35,894}{(3,62)} - \frac{0,532 X2it}{(-2,42)} + eit$	0,0503	0,0434	0,0386	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =576 (72)
	3. $Y_{it} = \frac{22,901}{(2,37)} - \frac{0,424 X2it}{(-2,01)} + \frac{0,011 X3it}{(6,76)} + eit$	0,1305	0,0009	0,0004	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =576 (72)
	4. $Y_{it} = \frac{12,655}{(5,60)} + \frac{0,0034 X3it}{(2,74)} - \frac{0,124 X4it}{(-2,11)} + eit$	0,0207	0,0314	0,0217	One direction fixed-effects <i>n</i> =576 (72)
41 – 50 год	5. $Y_{it} = \frac{4,871}{(1,78)} + \frac{0,121 X1it}{(2,19)} + eit$	0,0100	0,0014	0,0026	Random-effects <i>n</i> =536 (67)
	6. $Y_{it} = \frac{33,979}{(4,19)} - \frac{0,532 X2it}{(-2,99)} + eit$	0,0178	0,0073	0,0089	Random-effects <i>n</i> =536 (67)
	7. $Y_{it} = \frac{-1,482}{(-0,58)} + \frac{0,129 X1it}{(2,13)} + \frac{0,010 X3it}{(6,07)} + eit$	0,1172	0,0035	0,0000	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =536 (67)
	8. $Y_{it} = \frac{24,958}{(2,94)} - \frac{0,473 X2it}{(-2,59)} + \frac{0,010 X3it}{(6,30)} + eit$	0,1213	0,0021	0,0001	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =536 (67)
41 – 52 года	9. $Y_{it} = \frac{25,834}{(3,37)} - \frac{0,806 X1it}{(-2,21)} + \frac{0,0104 X1^2it}{(2,43)} + eit$	0,0546	0,0017	0,0139	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =576 (72)
	10. $Y_{it} = \frac{205,745}{(2,63)} - \frac{8,609 X2it}{(-2,50)} + \frac{0,0947 X2^2it}{(2,50)} + eit$	0,0533	0,0577	0,0451	Bidirectional fixed-effects <i>n</i> =576 (72)
	11. $Y_{it} = \frac{12,131}{(6,20)} + \frac{0,0024 X3it}{(2,00)} - \frac{0,118 X4it}{(-2,50)} + eit$	0,0179	0,0197	0,0108	One direction fixed-effects <i>n</i> =576 (72)
38 – 52 года	12. $X1it = \frac{168,23}{(48,73)} - \frac{2,780 X2it}{(-36,33)} + eit$	0,7077	0,9431	0,8957	One direction fixed-effects <i>n</i> =576 (72)

Примечание: обозначения факторов см. в табл. П-1.

Таблица П-3

**Оценки параметров панельной регрессии регионов, сгруппированных
на основе рейтинга инновационных регионов России (АИРР)**

Интервал рейтинга*	Уравнение регрессии (в скобках – t-статистика)	R-sq			Вид модели GLS regression, число наблю- дений (число регионов)
		within	between	overall	
0,43–0,69 (50–100%)	1. $Y_{it} = \frac{13,048}{(5,57)} - \frac{0,125 X1it}{(-2,73)} + eit$	0,0424	0,0006	0,0029	Random-effects n=208 (26)
	2. $Y_{it} = \frac{-10,126}{(-1,38)} + \frac{0,396 X2it}{(2,41)} + eit$	0,0430	0,0047	0,0013	Random-effects n=208 (26)
	3. $Y_{it} = \frac{-17,952}{(-0,89)} + \frac{0,531 X2it}{(1,92)} + \frac{0,008 X3it}{(3,10)} - \frac{0,233 X4it}{(-2,54)} + eit$	0,1211	0,2897	0,2090	One direction fixed-effects n=208 (26)
0,36–0,69 (37–100%)	4. $Y_{it} = \frac{-7,89}{(-1,63)} + \frac{0,279 X1it}{(2,61)} + \frac{0,012 X3it}{(5,19)} + eit$	0,1294	0,0024	0,0000	Bidirectional fixed-effects n=400 (50)
	5. $Y_{it} = \frac{36,15}{(2,66)} - \frac{0,733 X2it}{(-2,40)} + \frac{0,012 X3it}{(5,29)} + eit$	0,1267	0,015	0,0000	Bidirectional fixed-effects n=400 (50)
0,27–0,69 (20–100%)	6. $Y_{it} = \frac{-3,80}{(-1,17)} + \frac{0,192 X1it}{(2,50)} + \frac{0,012 X3it}{(7,15)} + eit$	0,1562	0,0053	0,0002	Bidirectional fixed-effects n=552 (69)
	7. $Y_{it} = \frac{31,73}{(2,97)} - \frac{0,621 X2it}{(-2,67)} + \frac{0,013 X3it}{(7,41)} + eit$	0,1577	0,0038	0,0000	Bidirectional fixed-effects n=552 (69)
0,36–0,50 (37–64%)	8. $Y_{it} = \frac{-11,03}{(-1,75)} + \frac{0,329 X1it}{(2,54)} + \frac{0,016 X3it}{(5,02)} + eit$	0,1561	0,0027	0,0000	Bidirectional fixed-effects n=304 (38)
	9. $Y_{it} = \frac{42,77}{(2,63)} - \frac{0,910 X2it}{(-2,44)} + \frac{0,016 X3it}{(5,09)} + eit$	0,1544	0,0021	0,0000	Bidirectional fixed-effects n=304 (38)
0,43–0,50 (50–64%)	10. $Y_{it} = \frac{39,427}{(2,96)} - \frac{1,322 X1it}{(-2,20)} + \frac{0,0147 X1^2it}{(2,16)} + eit$	0,3099	0,3458	0,2171	Bidirectional fixed-effects n=112 (14)
	11. $Y_{it} = \frac{-26,576}{(-2,26)} + \frac{0,802 X2it}{(3,05)} + eit$	0,0703	0,1386	0,1255	Random-effects n=112 (14)
	12. $Y_{it} = \frac{-8,783}{(-1,51)} + \frac{0,262 X1it}{(2,56)} + \frac{0,0122 X3it}{(7,11)} - \frac{0,204 X4it}{(-2,31)} + eit$	0,5397	0,1415	0,0617	Bidirectional fixed-effects n=112 (14)
	13. $Y_{it} = \frac{-29,030}{(-2,36)} + \frac{1,025 X2it}{(3,53)} - \frac{0,302 X4it}{(-3,14)} + eit$	0,1567	0,4462	0,2705	One direction fixed-effects n=112 (14)

Примечание: обозначения факторов см. в табл. П-1.

* В скобках указан интервал рейтинга в нормированной линейной шкале от 0 до 100%.

РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

А. А. Шабунова

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук»,
г. Вологда

E-mail: aas@volnc.ru

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01039
«Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения
в условиях социально-экономических трансформаций общества».*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования тенденций вовлеченности детей в информационное пространство через использование гаджетов и сети Интернет. Проведена оценка рисков и возможностей информатизации для формирования человеческого потенциала детей и подростков. Выявлено, что средний возраст начала использования интернета и гаджетов в среднем составляет 6,8 года, при этом он имеет тенденцию снижения: у дошкольников — 3,6 года, у подростков 15–17 лет — 9,2 года. Время пребывания в сети превышает допустимые возрастные нормы более чем в 3 раза, признаки интернет-зависимости выявлены у 9% детей. Однако нельзя не признать, что навыки использования «умной» техники и цифровых ресурсов и рациональное их использование положительно влияют на успеваемость, интеллектуальное и социокультурное развитие детей.

Ключевые слова: цифровизация, молодое поколение, человеческий потенциал, интернет, «умные» гаджеты, навыки.

RISKS AND OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT OF THE HUMAN POTENTIAL OF THE YOUNGER GENERATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY AND SOCIETY

A. A. Shabunova

Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Vologda

E-mail: aas@volnc.ru

Abstract. The article presents the results of a study of trends in the involvement of children in the information space through the use of gadgets and the Internet. An assessment of the risks and possibilities of informatization for the formation of the human potential of children and adolescents was carried out. It is

revealed that the average age of the start of using the Internet and gadgets is on average 6.8 years, while it tends to decrease: for preschoolers — 3.6 years, for adolescents 15–17 years old — 9.2 years. The time spent in the network exceeds the permissible age norms by more than 3 times, signs of Internet addiction were found in 9% of children. However, it must be admitted that the skills of using “smart” equipment and digital resources and their rational use have a positive effect on the academic performance, intellectual and socio-cultural development of children.

Keywords: digitalization, young generation, human potential, Internet, smart gadgets, skills.

Благодаря новым методам и способам, а также средствам распространения информация стала выполнять ведущую роль в развитии экономики и общества. Каждый человек, так или иначе, ежедневно поглощает и перерабатывает большой объем сведений, контактирует с людьми, которых никогда не встречал в жизни. Цифровизация затрагивает не только экономику, предъявляя требования к смарт-компетенциям работников, но и повседневность, трансформируя каналы передачи информации, способы и содержание коммуникации людей. Резкий скачок развития цифровых технологий стал причиной стратификации общества по уровню владения ими. Взрослые люди, имеющие сформированную психику, представления о нормах, границах допустимого, имеют более высокую критичность, попадая в информационное пространство. Современные дети не имеют возможности сравнить жизнь «до и после», интернет и устройства доступа к нему — часть их повседневности, часть их культуры. Однако отсутствие четких правил и системы их трансляции несет риски нарушения физического и психического здоровья (ухудшение зрения, осанки, гиподинамия, интернет-зависимость, нервные расстройства и проч.). В данном исследовании была поставлена цель выявления масштабов и проявлений использования детьми гаджетов, обеспечивающих доступ к сети Интернет, и их влияния на человеческий потенциал подрастающего поколения.

В российских исследованиях проблематика информатизации и ее влияния на развитие детей рассматривается в ракурсе угроз и возможностей. Оценка рисков и негативных последствий вовлечения детей в информационное пространство представлена достаточно широко: рассматриваются последствия длительного пребывания «за компьютером» для физического здоровья, выявлен ряд «новых» видов психологических расстройств, обусловленных нарушениями в первую очередь детско-родительских отношений (интернет-зависимость, игромания, вовлеченность в деятельность сообществ «самоубийц», кибербуллинг и проч.) [1–4], а также системные трансформации мыслительных процессов — «клиповое мышление» [5; 6]. Вместе с тем цифровизация экономики входит в число стратегических приоритетов России и приведет не только изменениям в производственных и бизнес-процессах,

управлении, но и к трансформации условий жизни людей [7], которые побуждают смотреть на происходящее не столь критично. Дети поколения Z используют информационные технологии практически с рождения, что обеспечивает им более высокие шансы на успешную адаптацию в цифровой экономике.

В исследовательском проекте «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества» мы выдвинули гипотезу о том, что использование детьми гаджетов и сети Интернет при адекватной организации процесса может стать максимально полезным, усиливая позитивное влияние на социокультурную и интеллектуальную составляющие развития детей и снижая риск их здоровью.

Для проверки гипотезы был разработан инструментарий, позволяющий оценить тренды вовлеченности детей в интернет-пространство, использование «умной» техники и их взаимосвязь с развитием человеческого потенциала молодого поколения. Сбор эмпирических данных проводился в 2018 г. в форме раздаточного анкетирования родителей детей. В ходе него было опрошено 1500 домохозяйств, имеющих детей в возрасте от 3 до 17 лет, в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Междуреченском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); возрастной структуры детского населения области. Квоты для формирования выборки определялись на основании статистических данных о возрастном-половом составе населения Вологодской области по состоянию на 01.01.2017. Ошибка выборки не превышала 3% при доверительном интервале 4–5% [8].

Использование детьми гаджетов и сети Интернет в регионе свидетельствует об их высокой вовлеченности в информационную среду: 75% детей имеют доступ к сети, столько же «умный» мобильный телефон, 70% — компьютер. Наименее популярны фитнес-браслеты, музыкальные плееры и игровые приставки. Исследование подтвердило рейтинг «любимых» устройств, выявленный Институтом современных медиа в 2017 г. для юных российских медиапотребителей [9]. Весьма заметны различия возрастных групп: подростки 15–17 лет практически все пользуются интернетом, лишь у 5% нет смартфона или компьютера, но среди них больше тех, кто слушает музыку на плеере, играет на приставке (табл. 1).

Возраст начала использования гаджетов и интернета заметно различается даже на исследованной выборке. При среднем значении 6,8 года в младшей возрастной группе он составил 3,6 года, в старшей — 9,2 (табл. 2). Это свидетельствует о том, что информационные технологии, «умные» устройства все раньше входят в жизнь детей.

Таблица 1

**Использование «умной» техники и цифровых ресурсов детьми разных
возрастных групп (варианты ответа «часто» и «не пользуются», %)**

Возраст детей	Частота использования*	Интернет	Компьютер (стационарный, ноутбук)	«Умный» мобильный телефон	Планшет	Игровая приставка	Музыкальный плеер	«Умный» браслет, фитнес-трекер
3–17 лет	Часто	29,8	23,0	37,8	16,3	6,7	9,2	3,7
	Не пользуются	25,8	30,0	26,1	49,1	73,5	72,4	87,4
3–6 лет	Часто	11,2	8,1	12,2	9,4	2,3	2,9	1,2
	Не пользуются	59,7	66,4	54,4	60,4	86,9	89,4	93,6
7–10 лет	Часто	24,2	20,3	37,6	19,5	7,9	9,1	3,7
	Не пользуются	19,3	21,0	21,2	40,8	68,0	71,4	86,0
11–14 лет	Часто	40,1	29,8	52,8	17,6	7,3	10,4	4,5
	Не пользуются	6,9	10,7	9,3	46,2	68,0	65,5	85,9
15–17 лет	Часто	59,0	46,5	64,3	23,0	12,3	19,7	7,0
	Не пользуются	0,8	4,1	5,7	45,2	64,8	51,5	79,8

* Здесь и далее: часто – практически постоянно, несколько раз в день.

Источник: опрос родителей детей в возрасте от 3 до 17 лет, ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.

Таблица 2

**Средний возраст начала использования «умной» техники
и цифровых ресурсов (лет)**

«Умная» техника и цифровые ресурсы	В среднем по всем возрастам	3–6 лет	7–10 лет	11–14 лет	15–17 лет
Интернет	6,8	3,6	6,2	7,6	9,2
Компьютер (стационарный, ноутбук)	6,8	3,8	6,1	7,4	8,8
«Умный» мобильный телефон (смартфон)	6,8	3,5	6,1	7,8	9,6
Планшет	6,0	3,5	5,6	7,2	8,5
Игровая приставка	6,3	3,8	5,8	7,0	8,1
Музыкальный плеер	7,4	3,4	6,1	7,9	9,9
«Умный» браслет, фитнес-трекер и пр.	7,2	3,8	6,1	8,3	10,0

Источник: опрос родителей детей в возрасте от 3 до 17 лет, ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.

Одним из ключевых рисков развития патологий органов зрения является превышение норм использования устройств, требующих концентрации внимания. Действительно, даже в группе 3–6 лет время непрерывного пребывания у монитора составляет почти час (табл. 3), достигая 3 часов у подростков.

Таблица 3

**Времяпрепровождение (бесперывное) детей за «умной» техникой
и цифровыми ресурсами (в минутах)**

«Умная» техника и цифровые ресурсы	В среднем по всем возрастам	3–6 лет	7–10 лет	11–14 лет	15–17 лет
Интернет	112	63	82	132	163
Компьютер (стационарный, ноутбук)	102	59	75	120	143
«Умный» мобильный телефон (смартфон)	118	47	92	150	174
Планшет	68	50	60	92	78
Игровая приставка	60	63	48	70	63

Источник: опрос родителей детей в возрасте от 3 до 17 лет, ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.

Причем если сопоставить длительность использования и частоту, наблюдается любопытная зависимость: чем чаще ребенок имеет доступ к гаджету и сети, тем меньше время сеанса. Очевидно, методы ограничения доступа будут малоэффективны и могут, напротив, усугубить вред.

Оценка наличия гаджет- и интернет-зависимости требует специального обследования. В рамках данного проекта в анкету был включен маркерный вопрос, позволяющий косвенно определить вероятность проблемы. Выраженная негативная реакция на просьбы отвлечься, «выйти из интернета» наблюдается у 9 % детей, причем в младшей и старшей группе их больше — 11 % в каждой; 44 % родителей отметили, что реакция может быть разной и зависит от настроения ребенка, 47 % детей реагируют спокойно.

Для понимания целей использования детьми сети Интернет были привлечены результаты очередной волны когортного мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения», проведенного ФГБУН «ВолНЦ РАН» в 2018 г. Согласно данным мониторинга с целью общения посредством социальных сетей в интернет ежедневно выходят 73 % подростков в возрасте 14 лет и 93 % в возрасте 17 лет. В целях поиска информации для выполнения учебных заданий ежедневно к глобальной сети обращаются 50 % 14-летних и 62 % 17-летних подростков. Для просмотра развлекательного контента 14-летние школьники чаще всего пользуются интернет-ресурсами несколько раз в неделю (38 %) или реже (35 %), тогда как большинство опрошенных детей в возрасте 17 лет — ежедневно (59 %). Для самообразования сетевые ресурсы применяются детьми преимущественно несколько раз в неделю (38 % 14-летних и 41 % 17-летних подростков). С целью совершения онлайн-покупок, просмотра новостей, проверки и отсылки сообщений по электронной почте и участия в онлайн-играх опрошенные подростки выходят в интернет в основном один раз в неделю и реже.

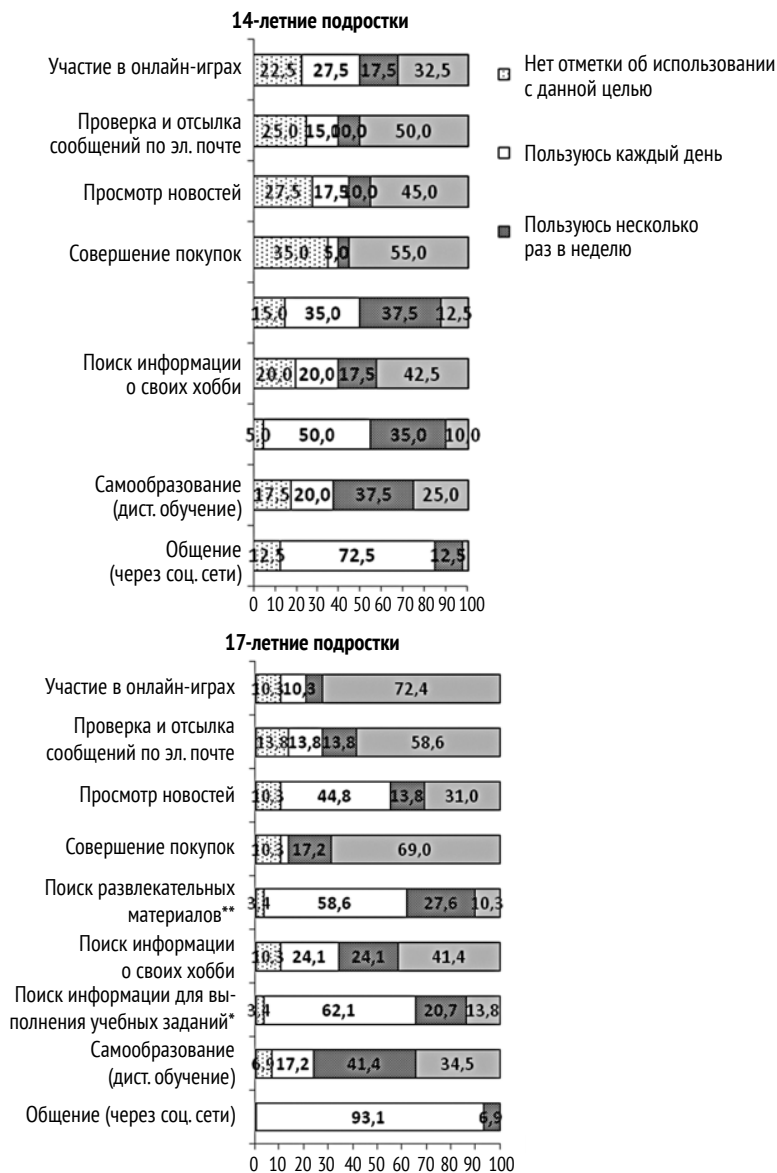

Рис. 1, 2. Распределение ответов подростков в возрасте 14 и 17 лет на вопрос «Как часто ты используешь сеть Интернет с целью ...?» (в %).

* Фильмов, видео, форумов, блогов и т. д.

** Словари, энциклопедии, научные статьи и т. д.

Источник: Данные когортного мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения», 2018 г. N (14 лет)= 40 человек, N (17 лет)= 29 человек

При столь широком использовании интернета при наличии объективных рисков для психики ребенка актуализируется роль родителей, поскольку именно благополучные отношения в семье являются ведущим условием профилактики негативных влияний виртуальной жизни [10]. Однако родительский контроль в данной сфере крайне недостаточен. Почти 7% родителей не знают, есть ли у их детей страница в социальной сети, четверть — о том, пользуется ли ребенок мессенджерами, 19% никак не контролируют содержание общения и спектр интересов ребенка в социальных сетях, только четверть полагают, что они в курсе всего происходящего.

Такой важный вопрос, как взаимосвязь информатизации и развития детей, был оценен с помощью оценки форсированности интеллектуальных, социокультурных навыков и навыков здоровья (подробнее о методике оценки в [8]). Исследование показало, что у детей, использующих сеть Интернет, персональный компьютер и смартфон, все виды интеллектуальных навыков (памяти, мышления, воображения, внимания, цифровых) сформированы в большей степени по сравнению с теми детьми, кто не применяет эти сетевые ресурсы и цифровую технику (табл. 4). Использование других видов IT-техники способствует лишь более выраженному развитию цифровых навыков.

Примечательно, что у пользующихся интернетом детей помимо интеллектуальных способностей лучше сформированы хозяйственно-бытовые навыки, навыки соблюдения режима дня и отдыха, общения и этикета. Вероятно, это связано с их большей информированностью по данным вопросам благодаря интернет-ресурсам и опыту онлайн-общения.

Любопытен тот факт, что степень сформированности человеческого потенциала детей зависит и от частоты использования детьми ИКТ технологий. Так, дети, редко прибегающие к использованию практически всех видов «умной» техники и ресурсов, характеризуются более сформированным человеческим потенциалом и его компонентами (табл. 5). Примечательно, что наиболее высокими значениями субиндексов здоровья, интеллектуального и социокультурного развития обладают дети, достаточно редко использующие сеть Интернет, компьютер и смартфон, что свидетельствует об ограниченном положительном влиянии цифровых технологий на развитие ребенка и, как следствие, о необходимости контроля за частотой и продолжительностью его контакта с этими цифровыми ресурсами.

В ходе анализа также выявлена взаимосвязь между частотой использования ИКТ технологий и успеваемостью детей: значительно чаще отмечали у своего ребенка хорошую успеваемость и высокое интеллектуальное развитие те родители, чьи дети регулярно (часто или периодически) используют интернет-ресурсы и периодически — персональный компьютер, смартфон или планшет (табл. 6).

Таблица 4

**Влияние использования «умной» техники и цифровых ресурсов
на сформированность навыков у детского населения (средний балл)**

Компонент ЧПД	Навыки	Интернет		Компьютер		Смартфон		Планшет		Игр. при- ставка		Муз. плеер		«Умный» браслет	
		Используют	Не используют	Используют	Не используют	Используют	Не используют	Используют	Не используют	Используют	Не используют	Используют	Не используют	Используют	Не используют
Навыки здоровья	Физической активности	4,2	4,0	4,2	4,0	4,2	4,0	4,1	4,2	4,1	4,2	4,1	4,1	4,0	4,2
	Питания	4,0	3,9	4,0	3,9	4,0	3,8	3,9	4,0	3,9	4,0	4,0	4,0	3,8	4,0
	Режима дня и отдыха	4,2	3,9	4,2	4,0	4,2	3,9	4,1	4,1	3,9	4,1	4,1	4,1	3,8	4,1
	Гигиены	4,4	4,3	4,4	4,3	4,4	4,2	4,3	4,4	4,3	4,4	4,3	4,4	4,1	4,4
	Стрессо-устойчивости	3,9	3,8	3,9	3,8	3,9	3,8	3,8	3,9	3,8	3,9	3,9	3,9	3,7	3,9
Интеллектуальные навыки	Памяти	4,0	3,6	4,0	3,7	4,0	3,7	3,9	3,9	3,8	3,9	3,9	3,9	3,9	3,9
	Мышления	4,1	3,8	4,1	3,9	4,1	3,8	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Воображения	4,0	3,6	4,0	3,7	4,0	3,6	3,9	3,8	3,8	3,9	3,9	3,8	3,8	3,9
	Внимания	4,1	3,7	4,1	3,8	4,0	3,8	4,0	4,0	3,9	4,0	4,0	4,0	3,9	4,0
	Цифровые навыки	4,0	3,4	4,0	3,6	4,0	3,4	4,1	3,7	4,0	3,8	4,0	3,8	4,1	3,8
Социокультурные навыки	Этикета	4,1	3,7	4,1	3,8	4,1	3,7	4,0	4,0	4,0	4,0	4,1	3,9	4,0	4,0
	Морально-этические	4,1	3,9	4,1	4,0	4,1	3,8	4,1	4,1	4,1	4,1	4,1	4,1	3,9	4,1
	Общения	4,1	3,8	4,1	3,8	4,0	3,8	4,0	4,0	3,9	4,0	4,0	4,0	3,8	4,0
	Хозяйственно-бытовые	3,9	3,6	3,9	3,7	3,9	3,6	3,8	3,9	3,8	3,8	3,9	3,8	3,8	3,8
	Волевые	3,9	3,7	3,9	3,7	3,9	3,6	3,8	3,9	3,8	3,9	3,8	3,9	3,8	3,9

Источник: составлено по данным опроса родителей детей в возрасте от 3 до 17 лет, ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.

Таблица 5

**Влияние использования «умной» техники и цифровых ресурсов
на сформированность человеческого потенциала детского населения
и его компонентов**

«Умная» техника и ресурсы	Частота использования	Субиндекс здоровья	Субиндекс интеллектуального развития	Субиндекс социокультурного развития	ИСЧПД*
Интернет	Часто	0,840	0,809	0,816	0,818
	Периодически	0,807	0,791	0,785	0,792
	Редко	0,843	0,825	0,831	0,830
	Не пользуются	0,789	0,728	0,746	0,748
Компьютер (стационарный, ноутбук)	Часто	0,835	0,808	0,811	0,814
	Периодически	0,810	0,791	0,789	0,794
	Редко	0,846	0,824	0,830	0,831
	Не пользуются	0,802	0,745	0,760	0,763
«Умный» мобильный телефон	Часто	0,832	0,803	0,812	0,812
	Периодически	0,811	0,792	0,788	0,794
	Редко	0,839	0,823	0,830	0,827
	Не пользуются	0,790	0,732	0,741	0,749
Планшет	Часто	0,806	0,792	0,786	0,791
	Периодически	0,800	0,779	0,769	0,780
	Редко	0,833	0,836	0,833	0,832
	Не пользуются	0,825	0,775	0,793	0,793
Игровая приставка	Часто	0,807	0,786	0,788	0,790
	Периодически	0,769	0,752	0,760	0,757
	Редко	0,843	0,835	0,832	0,833
	Не пользуются	0,824	0,787	0,792	0,797
Музыкальный плеер	Часто	0,806	0,787	0,791	0,791
	Периодически	0,809	0,795	0,792	0,796
	Редко	0,849	0,798	0,805	0,813
	Не пользуются	0,817	0,780	0,788	0,791
«Умный» браслет, фитнес-трекер и пр.	Часто	0,763	0,789	0,763	0,768
	Периодически	0,763	0,764	0,767	0,762
	Редко	0,848	0,832	0,812	0,828
	Не пользуются	0,822	0,784	0,791	0,795

* ИСЧПД – индекс сформированности человеческого потенциала детского населения.

Источник: опрос родителей детей в возрасте от 3 до 17 лет, ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.

С одной стороны, дети, имеющие возможность часто или периодически обращаться к сети Интернет, в том числе через персональный компьютер, смартфон и планшет, имеют больший доступ к информационным ресурсам и специальным программам для выполнения учебных заданий, что, в свою очередь, способствует и более высоким достижениям в учебной деятельности. С другой стороны, стоит отметить, что больше всего неуспевающих по школьной программе или отстающих в интеллектуальном развитии от сверстников оказалось среди тех детей, которые совсем не пользуются интернет-ресурсами или, напротив, часто используют такие гаджеты, как компьютер, смартфон и планшет. Такое противоречие можно объяснить неоднозначной ролью цифровых технологий в развитии ребенка. Сеть Интернет служит важным инструментом поиска информации и взаимодействия учащихся не только друг с другом, но и с учителями (посредством электронных дневников, социальных сетей). Однако чрезмерно длительное время (тем более использование гаджета по его запросу посредством оповещений о пришедших сообщениях, обновлениях, новостях, которые поступают весьма часто) времяпрепровождение за компьютером, планшетом и смартфоном, выступает фактором, отвлекающим ребенка от учебной деятельности, и может быть сопряжено с определенными рисками (гаджет-, интернет- и игровой зависимости).

Таблица 6

**Влияние использования «умной» техники и цифровых ресурсов
на интеллектуальное развитие детского населения***

«Умная» техника и ресурсы	Частота использования	Не справляется с учебной программой, основные оценки 2 и 3 (интеллектуальное развитие ниже, чем у сверстников ¹⁾)	Справляется с учебной программой, основные оценки 3 и 4 (соответствует интеллектуальное развитие сверстников ¹⁾)	Хорошо справляется с учебной программой, основные оценки 4 и 5 (интеллектуальное развитие выше, чем у сверстников ¹⁾)
Интернет	Часто	3,4	44,7	51,9
	Периодически	3,0	47,9	49,0
	Редко	4,0	58,4	37,6
	Не пользуются	7,3	67,7	24,9
Компьютер (стационарный, ноутбук)	Часто	6,6	68,6	24,9
	Периодически	3,2	44,4	52,3
	Редко	4,1	43,9	52,0
	Не пользуются	1,4	60,7	37,9

«Умная» техника и ресурсы	Частота использования	Не справляется с учебной программой, основные оценки 2 и 3 (интеллек. развитие ниже, чем у сверстников ¹⁾)	Справляется с учебной программой, основные оценки 3 и 4 (соответствует интеллек. развитию сверстников ¹⁾)	Хорошо справляется с учебной программой, основные оценки 4 и 5 (интеллек. развитие выше, чем у сверстников ¹⁾)
«Умный» мобильный телефон	Часто	7,3	64,6	28,1
	Периодически	2,3	44,1	53,6
	Редко	4,3	51,8	44,0
	Не пользуются	4,0	63,2	32,8
Планшет	Часто	5,2	56,2	38,6
	Периодически	2,9	45,4	51,7
	Редко	4,6	51,1	44,3
	Не пользуются	2,0	62,4	35,6
Игровая приставка	Часто	4,1	55,2	40,7
	Периодически	8,1	41,4	50,5
	Редко	4,3	51,0	44,7
	Не пользуются	2,5	46,3	51,3
Музыкальный плеер	Часто	4,2	55,7	40,1
	Периодически	2,9	40,1	56,9
	Редко	6,5	46,3	47,2
	Не пользуются	1,8	62,5	35,7
«Умный» браслет, фитнес-трекер и пр.	Часто	4,3	53,9	41,8
	Периодически	5,6	46,3	48,1
	Редко	4,8	48,1	47,1
	Не пользуются	0,0	52,0	48,0

* 100% по строке.

¹⁾ Родители детей 3–6 лет оценивали уровень интеллектуального развития по сравнению со сверстниками.

Источник: опрос родителей детей в возрасте от 3 до 17 лет, ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.

Среди детей, часто использующих интернет и гаджеты (за исключением планшета), оказалась большей доля тех, кто часто болел на протяжении последних 12 месяцев. Тогда как наименее подверженными заболеваниями оказались дети, периодически или редко применяющие «умную» технику и цифровые ресурсы.

Таблица 7

**Влияние использования «умной» техники и цифровых ресурсов
на заболеваемость детского населения**

«Умная» техника и ресурсы	Частота использования	Частота заболеваемости (за последние 12 месяцев)*				
		Постоянно	Часто (5 и более раз)	Иногда (3–5 раз)	Редко (1–3 раза)	Не болел
Интернет	Часто	4,7	16,4	32,7	35,1	11,1
	Периодически	0,9	4,7	26,0	53,5	14,9
	Редко	3,4	7,7	26,2	46,6	16,1
	Не пользуются	4,0	7,9	25,4	47,6	15,1
Компьютер (стационарный, ноутбук)	Часто	4,3	15,4	33,6	37,6	9,1
	Периодически	0,3	5,3	24,6	49,4	20,5
	Редко	3,6	7,1	24,6	49,9	14,8
	Не пользуются	2,7	7,5	29,3	46,3	14,3
«Умный» мобильный телефон	Часто	3,1	14,4	30,1	36,4	16,0
	Периодически	0,9	5,2	25,6	52,7	15,7
	Редко	5,7	7,9	27,2	45,7	13,6
	Не пользуются	3,9	14,1	30,5	45,3	6,3
Планшет	Часто	2,9	9,0	29,1	42,8	16,2
	Периодически	2,5	8,0	23,9	51,7	13,9
	Редко	4,0	10,0	28,3	45,3	12,5
	Не пользуются	1,9	10,7	25,2	53,4	8,7

«Умная» техника и ресурсы	Частота использования	Частота заболеваемости (за последние 12 месяцев)*				
		Постоянно	Часто (5 и более раз)	Иногда (3–5 раз)	Редко (1–3 раза)	Не болел
Игровая приставка	Часто	3,1	9,7	28,3	44,8	14,0
	Периодически	2,0	8,2	22,4	44,9	22,4
	Редко	3,8	8,6	29,0	46,7	11,9
	Не пользуются	1,2	6,2	21,0	58,0	13,6
Музыкальный плеер	Часто	3,2	10,6	28,2	43,5	14,6
	Периодически	2,2	4,4	23,4	58,4	11,7
	Редко	3,7	6,5	30,2	45,6	14,0
	Не пользуются	0,0	7,0	21,1	54,4	17,5
«Умный» браслет, фитнес-трекер и пр.	Часто	3,1	9,5	28,3	45,3	13,8
	Периодически	3,7	7,4	18,5	53,7	16,7
	Редко	2,8	6,6	26,4	44,3	19,8
	Не пользуются	0,0	7,4	18,5	59,3	14,8

* 100% по строке.

Источник: опрос родителей детей в возрасте от 3 до 17 лет, ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.

Таким образом, проведенный в статье анализ позволяет сделать ряд выводов:

- в настоящее время наиболее популярными и часто используемыми детьми видами «умной» техники и цифровых ресурсов становятся сеть Интернет, персональный компьютер и смартфон;
- с одной стороны, частое использование интернета, персонального компьютера, игровых приставок приводит к большим временным затратам на них. С другой стороны, нечастое применение гаджетов (смартфона и планшета) может компенсироваться более долгим непрерывным контактом ребенка с ними;
- у 9% детей отмечается выраженная негативная реакция на вынужденное отвлечение от компьютера, что косвенно может свидетельствовать о наличии у них гаджет- и интернет-зависимости;

- ресурсы сети Интернет используются детьми преимущественно с целью общения, поиска информации для выполнения учебных заданий и просмотра развлекательного контента. При этом широкое распространение среди подростков получили практики использования социальных сетей и приложений-мессенджеров. Вместе с тем сфера углубленного развития цифровых навыков на профессиональном уровне (в учреждениях допобразования) остается слабо освоенной;
- у детей, использующих «умную» технику и ресурсы, в большей степени сформированы навыки мышления, памяти, внимания, воображения и цифровые компетенции, а также хозяйственно-бытовых навыки, навыки соблюдения режима дня и отдыха и общения. Кроме того, эти дети характеризуются более сформированным человеческим потенциалом и его компонентами. Однако большое значение имеет частота использования цифровой техники: слишком частые времяпрепровождение за компьютером, смартфоном и планшетом повышает риск неуспеваемости, низкого интеллектуального развития, а также высокой заболеваемости ребенка. Данный факт подтверждает гипотезу о том, что положительное влияние цифровой техники и ресурсов на человеческий потенциал ребенка возможно только при разумном их использовании.

Источники

1. Меликова Н. Д. Влияние Интернета на психику детей // *Universum: психология и образование*. — 2015. — № 11–12 (20). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-interneta-na-psihiku-detey> (дата обращения: 28.07.2019).
2. Меркулова Д. Ю., Печерская Э. П. Дошкольники в сети интернет // *Теория и практика общественного развития*. — 2013. — № 10. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doshkolniki-v-seti-internet> (дата обращения: 27.07.2019).
3. Иксанов Р. А., Бикамова З. И., Гимазетдинова Ю. Р. Информационная безопасность ребенка в сети Интернет // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2018. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-rebenka-v-seti-internet> (дата обращения: 27.07.2019).
4. Осадчая А. В., Макарова Е. А. Психологическое и психосоматическое воздействие кибер-буллинга на всех его участников // *Вестник ТИУиЭ*. — 2017. — № 2 (26). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-i-psihosomaticheskoe-vozdeystvie-kiber-bullinga-na-vseh-ego-uchastnikov> (дата обращения: 29.07.2019).
5. Микляева А. В., Безгодова С. А. Экспериментально-психологическое исследование «Клипového мышления»: результаты апробации программы эксперимента // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. — 2016. — Т. 17. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalno-psihologicheskoe-issledovanie-klipovogo-myshleniya-rezultaty-aprobatcii-programmy-eksperimenta> (дата обращения: 29.07.2019).
6. Семеновских Т. В. Феномен «Клипového мышления» в образовательной вузовской среде // *Вестник евразийской науки*. — 2014. — № 5 (24). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede> (дата обращения: 29.07.2019).

7. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 82 с.
8. Короленко А. В., Гордиевская А. Н. Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка // Социальное пространство. — 2018. — № 5 (17). — URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28003> DOI: 10.15838/sa.2018.5.17.3 (дата обращения: 06.07.2019).
9. Дети. Медиапотребление 2017: доклад. — URL: http://cyberpsy.ru/articles/children_media_2017_tom1/ (дата обращения: 25.07.2019).
10. Нацун Л. Н., Разварина И. Н. Родительский контроль общения ребёнка в социальных сетях // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Тула, 21–22 нояб. 2018 г.). Электрон. дан. — Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2018. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — С. 91–93.

СЕКЦИЯ 1

ПОТЕНЦИАЛ И ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

УДК 316.4.051

DOI: 10.25990/hse.conf-15.br5w-gz45

О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОКОЛЕНИЯ

В. Б. Звоновский

Самарский государственный экономический университет,
г. Самара

E-mail: zvb@socio-fond.com

Д. В. Прохоров

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева, г. Самара

E-mail: devipr@yandex.ru

В. М. Цлаф

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева, г. Самара

E-mail: victor.tslaf@yandex.ru,
ssu_econcentre@mail.ru

Аннотация. Сформулировано понятие поколения как элемента социокультурной структуры социума, рассмотрены механизмы формирования его ценностно-социокультурных характеристик под влиянием социальной среды и изменений жизненных обстоятельств. Выделено три типа ситуаций изменения жизненных обстоятельств: ситуация новых возможностей, ситуация новых целей и ситуация новых проблем. Механизмы изменения социокультурных норм проанализированы в ракурсе антропосоциетального подхода, разработанного Н. И. Лапиным. Механизмы формирования социокультурных характеристик поколения и влияющие на них исторические факторы рассмотрены применительно к результатам количественных социологических исследований, проведенных в 2004 и 2018 гг.

Ключевые слова: поколение, молодежь, ценностно-социокультурные характеристики, механизмы формирования, социальная среда, условия жизнедеятельности, антропосоциетальный подход, принцип преемственности, типы ситуаций.

ON THE MECHANISM OF THE GENERATION SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS FORMATION

V. B. Zvonovskii

Samara State Economic University, Samara

E-mail: zvb@socio-fond.com

D. V. Prokhorov

Samara National Research University, Samara

E-mail: devipr@yandex.ru

V. M. Tslaf

Samara National Research University, Samara

E-mail: victor.tslaf@yandex.ru,
ssu_econcentre@mail.ru

Abstract. The concept of generation as an element of socio-cultural structure of society is formulated, the mechanisms of forming its value and socio-cultural characteristics under the influence of social environment and changes in life circumstances are considered. Three types of changing life circumstances situations: the situation of new opportunities, the situation of new goals and the situation of new problems — are distinguished. The mechanisms of socio-cultural norms changing are analyzed using the antroposocietal approach developed by N. I. Lapin. The mechanisms of forming the socio-cultural characteristics of the generation and the historical factors affecting them are considered in relation to the results of quantitative sociological studies conducted in 2004 and 2018.

Keywords: generation, youth, value and socio-cultural characteristics, mechanisms of forming, social environment, life circumstances, antroposocietal approach, situation types.

Формирование и реализация молодежной политики в России во многом определяется пониманием той роли, которую играет происходящая на наших глазах смена поколений, факторов и механизмов формирования ценностно-социокультурных характеристик каждого поколения. Выполненные за последние три десятилетия социологические исследования [1–9] дают развернутую картину ценностно-социокультурной системы молодежи этого периода и факторов, вызвавших изменения этой системы. Однако механизм воздействия этих факторов на ценности и социокультурные нормы остается во многом неисследованным, хотя именно эти механизмы нужно учитывать при разработке программных мероприятий реализации молодежной политики. Заполнению этого пробела и посвящена настоящая работа.

Настоящее исследование построено на материалах авторской разработки теоретических основ формирования ценностной и нормативно-культурной

системы социума в приложении к результатам количественных социологических исследований, проведенных в 2004 и 2018 гг. В качестве единицы социокультурной структуры общества выбрано поколение, что позволяет связать изменения ценностно-социокультурной системы общества с историческими процессами.

Понятие *поколение* занимает особое место в социологии, характеризуя совокупность индивидов, не связанных друг с другом ни формальными (институционализированными), ни неформальными отношениями (такие отношения могут охватывать только части этой совокупности, образующие общности и организации), не отличающихся особым правовым или социальным статусом, социальной ролью, принадлежащих к разным социальным классам по отношению собственности и имущественному положению, транснациональную и трансконфессиональную. Это люди, которые в каком-то смысле принадлежат одному времени и, в силу этого, обладают в каких-то отношениях сходными социокультурными характеристиками.

Опираясь на понятие современности, предложенное Б. Г. Капустиным [10, с. 14], мы определяем поколение как *часть социума, объединяющую людей, родившихся и первично сформировавших свою ценностную и нормативно-культурную систему в один из временных (исторических) периодов, в течение которых сохраняется понимание современности, т. е. остаются актуальными неизменные ответы на вопросы «как жить» и «зачем жить».*

Как писал К. Мангейм, каждое поколение имеет свое определенное и отличное от других поколений местоположение в социальном пространстве, характеризуемое «тенденцией, ориентирующей на определенные способы поведения, чувствования и мышления» [11, с. 25], своей особой *энтелехией*¹ — способом действия, выражением жизне- и мироощущения [11, с. 16]. Каждое поколение встроено в исторический («потерянное поколение» 1880–1899 гг. рождения; «величайшее поколение» — 1900–1919 гг.; «молчаливое поколение» — 1920–1939 гг. и т. д.) или биологический (родители — дети — внуки и т. д.) ряд поколений, между которыми образуются как естественные, так и искусственные процессы трансляции культуры. Как понятие, формируемое, преимущественно, социокультурными атрибутами, поколение может рассматриваться как один из возможных базовых элементов социокультурной структуры общества.

В литературе встречаются иные толкования термина «поколение», например, как совокупность людей близкого возраста, живущих в одно время. Люди близкого возраста, живущие в одно время, соответственно, и родились приблизительно в одно время, так что это определение при условии совпадения интервалов дат рождения задает объем понятия «поколение», близкий к объему понятия, задаваемого нами. Однако смыслы, вкладываемые в эти

¹ *Энтелехия* (термин Аристотеля) — способ бытия вещи, активное начало, превращающее возможность в действительность и тем самым исчерпывающее возможность [12].

определения, атрибутивная структура понятий — различны. Нас интересует не антропологическая, а социокультурная характеристика поколения. Очевидно, что мы имеем дело с языковой омонимией, когда один термин обозначает разные понятия. Так как нас интересует определенное понятие, имеющее определенное место в социологии, а не филологический аспект данного термина, то иные значения этого слова мы рассматривать далее не будем.

Поколение, в процессе своего развития, переходит из одной возрастной группы в другую. Формирование поколения начинается с групп ранних возрастов. В этом смысле социокультурные характеристики поколения задает молодежь, принадлежащая к данному поколению. По мере взросления и затем старения члены поколения меняют свои социокультурные характеристики под влиянием образа жизни и кросскультурных связей, в том числе сформированных в зрелом возрасте связей с представителями иных поколений, отчасти стирая особенности данного поколения, однако заложенная в молодом возрасте основа ценностной и нормативно-культурной системы остается. Поэтому наиболее «чистое» представление о социокультурных характеристиках поколения дают исследования принадлежащей к данному поколению молодежи.

Социологи Фонда социальных исследований в течение нескольких десятилетий изучали процесс адаптации молодежи Самарской области к складывающимся социально-экономическим условиям повседневности. Каждый этап представлял собой опрос 800 жителей региона в возрасте от 14 до 30 лет, репрезентирующий эту возрастную группу по полу, возрасту и типу населенного пункта. Еще в 2001 г. был сформирован специальный инструмент для изучения ценностных ориентаций, включавший в себя как инструментальные характеристики (например, «здоровый образ жизни», «большой круг общения» и др.), так и нормативно-ценностные особенности («стремление получать образование», «ориентация на карьеру» и пр.) [8]. Данный репертуар самооценок был использован в рамках мониторинга неоднократно, но для нас наибольший интерес представляют собой изменения, произошедшие в период между 2004 и 2018 гг. За этот период возрастная когорта, которая в предыдущих волнах исследования относилась к молодежи, обновилась почти полностью. Можно сказать, что мы сравниваем самооценки различных поколений молодежи Самарской области.

Данные 2004 г. получены от респондентов 1974–1990 гг. рождения, данные 2018 г. — от респондентов 1988–2004 гг. рождения. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Как показывают эти результаты, в 2018 г. наиболее явным для молодежи Самарской области (54 %) является стремление зарабатывать много денег — более половины респондентов отмечают эту особенность своей социальной группы. Естественно, это не значит, что все они следуют этой максиме, но это указывает на то, что они учитывают ее в своем повседневном поведении во взаимодействии со своими сверстниками. Вторую строку с большим отрывом занимает стремление получить образование (45 %), затем молодежь отмечает

в себе стремление быть всесторонне развитым (43%), ориентацию на здоровый образ жизни (41%) и нацеленность на карьеру (39%). Как видим, первую пятерку черт занимают преимущественно положительные или нейтральные характеристики. Получается, что молодежь сегодня стремится заработать деньги, построить карьеру, получив образование, всесторонне развиваясь и придерживаясь здорового образа жизни.

Таблица 1

**Динамика самооценки молодежи Самарской области
(%, 2004–2018 гг., N=800)**

Характеристика	2004 г.	2018 г.
Стремление зарабатывать много денег	54	54
Стремление получать образование	54	45
Стремление быть разносторонне развитым (иметь несколько видов образования, владеть несколькими языками, специальностями)	30	43
Ориентация на здоровый образ жизни	30	41
Нацеленность на карьеру	38	39
Большой круг общения	42	32
Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	13	31
Увлечение спиртными напитками	60	27
Желание помогать нуждающимся людям	10	26
Ответственность перед обществом	13	24
Равнодушие к окружающим людям	47	23
Широкий кругозор	11	22
Легкомысленность, беспечное отношение к жизни	21	21
Отсутствие интереса к политике	20	18
Большое количество сексуальных связей	35	16
Отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире	28	15
Использование нечестных методов при достижении целей	17	13
Нежелание работать	22	13
Увлечение наркотиками	31	9

Самарская молодежь 15-летней давности радикально отличалась от нынешней. В 2004 г. трое из каждых пяти молодых жителей области (60 %) считали основной (!) чертой своей группы увлечение спиртными напитками. Вторую-третью строчку тогда делили стремление получать образование и зарабатывать (по 54 %). Затем следовали равнодушие к окружающим людям (47 %), большой круг общения (42 %) и нацеленность на карьеру (38 %). Иначе говоря, из списка наиболее характерных для сегодняшней молодежи черт поведения исчезли увлечение спиртными напитками, равнодушие к окружающим людям и большой круг общения. Напротив, актуализировались здоровый образ жизни и тяга к разностороннему развитию. Можно предположить, что нынешняя молодежь видит себя менее подверженной вредным привычкам (в качестве аргумента сюда же можно добавить падение актуальности наркотизма с 35 до 9 %).

Очевидно, что обнаруженные тренды носят долговременный характер, и те небольшие изменения, которые можно обнаружить уже сегодня, лишь через некоторое время изменят самооценку нынешней молодежи. Тем не менее уже сегодня можно увидеть начавшиеся изменения. Помимо отмеченного выше роста популярности здорового образа жизни и карьерных устремлений, необходимо отметить заметное снижение значимости «получения образования». Несмотря на то что это эта характеристика признается самой молодежью значимой, сама она потеряла в «весе». Если в 2004 г. ее наличие признавали 54 %, то в 2018 г. — только 45 %. При этом стремление к карьере практически не изменились (38 и 39 % соответственно), как и стремление к большим деньгам (54 и 54 % соответственно). Как видим, при сохранении желаний зарабатывать и строить карьеру, потребность в образовании распознается самой молодежью значимо меньше, чем 14 лет назад. Можно предположить, что нынешнее поколение молодых самарцев сегодня видят хорошо оплачиваемую работу, карьеру и образование меньше связанными друг с другом, чем предыдущее поколение.

Не вошло в топ-5 самооценок «желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине» (31 %), но по сравнению с 2004 г. (13 %) этот параметр существенно возрос. Иначе говоря, молодые самарцы все чаще видят друг в друге общественно активных людей. На это же указывает рост доли тех, кто видит среди сверстников намерение помочь нуждающимся людям (10 % в 2004 г. и 26 % — в 2018 г.), ответственности перед обществом (13 и 24 % соответственно), а также сокращение доли респондентов, фиксирующих отсутствие интереса к общественным событиям, происходящим в стране и мире в целом (28 и 15 % соответственно).

Однако неверно понимать такую динамику как рост самооценки политической активности молодежи. Скорее, речь идет о деятельности, не связанной с политикой. Отсутствие политической активности отмечали респонденты в 2004 г. (20 %), и эта оценка значимо не изменилась в 2018-м (18 %).

Важным представляется существенное сокращение тех, кто зафиксировал «большое число сексуальных контактов» в молодежной среде с 35 % в 2004 г.

до 10 % в 2018-м. Иначе говоря, сегодня молодежь считает, что ведет более размеренную сексуальную жизнь, что в целом подтверждается данными статистики: увеличением возраста первых рождений у женщин, возраста вступления в первый брак, сокращением числа аборт и прямых данных о числе сексуальных контактов.

Таким образом, ценностные ориентации молодых людей приобрели качественно новые черты, не свойственные прежним молодым поколениям и поведению старших возрастных групп. Во-первых, нынешняя молодежь отмечает в себе приверженность ориентации на трудовую деятельность, карьерные достижения и финансовый успех. Во-вторых, радикальное ослабление девиантных практик — злоупотребления алкоголем, наркотиками и, напротив, расширение практик здорового образа жизни. В-третьих, расширение практик добровольного участия в помощи другим людям, но по-прежнему неучастие в политической жизни. В-четвертых, ослабление стремления к получению образования как инструменту для жизненного и трудового успеха.

Что касается результатов исследований, выполненных другими организациями и представленными в литературе, с нашей точки зрения, следует отметить исследование поколения Z (родившиеся после 1995 г.), проведенное компанией ValiData по заказу Сбербанка [13]. Согласно результатам этого исследования, для поколения Z характерны смена межпоколенческой конфронтации на отношения комплиментарного сотрудничества, снижение авторитета взрослых, осознаваемое самими взрослыми, рост гиперопеки уже взрослых детей, рост ценностей внутрисемейного общения, ослабление нацеленности на карьеру в противовес намерению работать там, где интересно, причем сам предмет интереса может меняться в зависимости от результата — цель, которую не получается достичь за короткий срок, теряет привлекательность.

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, репрезентативного для населения РФ и проведенного в декабре 2016 г., главным отличием нынешней молодежи россияне старше 35 лет считали материальную ориентированность (75%), общительность (70%) и расточительность (57%) [14]. Так российскую молодежь оценивали другие поколения россиян. По данным Фонда «Общественное мнение», в 2008 г. сами молодые россияне на первое место ставили благополучие в семье (75%) и материальный достаток (62%), собственное здоровье и хорошую физическую форму (30%), а также хорошую, интересную работу (26%) (данные приведены в [1, с. 134–136]). Как видим, за исключением материальной прагматичности различные исследования дают существенно различающиеся представления о ценностях современной российской молодежи. Одно из возможных объяснений этого — различие методик: все исследования проводились количественными методами по заранее сформированным спискам вопросов, состав которых отвечал априорным представлениям исследователей и оказался различным. Как видно из приведенных данных, различия относятся к разным вопросам,

не повторяющимся от исследования к исследованию, а приоритетная в результатах всех исследований ценность высокого заработка в нашем исследовании подтверждалась 54% респондентов, в исследовании Фонда «Общественное мнение» — 62%, т. е. различие невелико. Что же касается данных ВЦИОМ, то они отражают не самооценку молодежи, а ее оценку представителями старших групп, обладающими другими ценностями и, следовательно, другим видением мира; трудно ожидать, что такие оценки будут совпадать с самооценками молодежи.

Практически все исследования, посвященные данной тематике, проведенные в 90-х гг. прошлого века и первом десятилетии 2000-х, касаются трансформации ценностных ориентаций в период становления рыночной экономики. Этот период характеризуется изменением базовых принципов жизнедеятельности всего общества, «ломкой ценностей», переосмыслением норм, позиций, стратегий поведений [7, с. 45–48; 1, с. 76–96]. Молодежь, как наиболее восприимчивая и приспособляющаяся к новым условиям часть общества, с легкостью усваивает новые правила, ценности и адаптируется к новым условиям. Так, к примеру, исследование трансформации жизненных ценностей россиян в период модернизации показало становление ценностей рыночного общества, которые нашли наибольшую поддержку у молодежи [5]. Новые социально-экономические условия обусловили развитие таких ценностей молодых людей, как инициативность, предприимчивость, стремление рисковать и другие, то есть характеристики «делового» человека [1, с. 45–57; 3]. Новые ценностные ориентации и притязания нашли свое отражение, прежде всего, в изменении способов достижения целей, улучшении материального положения, освоении новых трудовых практик и т. п.

Каковы же механизмы формирования и изменения норм культуры¹, отраженных в приведенных результатах исследования?

Согласно сложившимся представлениям формирование культуры индивида начинается в детстве и далее продолжается путем ассимиляции культурных норм социального окружения — присвоения и освоения действующих в обществе поведенческих и деятельностных стереотипов, в том числе путем подражания. При достижении определенного уровня зрелости — формировании более или менее целостной ценностной структуры личности — развивается критическое отношение к нормам культуры окружающего социума, вызывающее пересмотр и собственных норм культуры. Это более свойственно людям, у которых формируется целерациональный тип детерминации поведения по М. Веберу [15, с. 628], но так или иначе, с большим участием эмоционального отношения и интуиции, проявляется и у субъектов с другими типами детерминации (ценностнорациональным, аффективным, традиционным). Этот процесс — одна из важнейших

¹ Далее для краткости ценности и нормы культуры мы обозначаем одним термином «нормы культуры».

составляющих *личностного развития* — инициируется в том случае, если критикуемые нормы противоречат ранее привитой индивиду системе ценностей и часто бывает следствием противоречий ценностей и норм культуры, принятых в семье индивида и в окружающем социуме. Однако изменения сложившихся норм культуры индивида этим не ограничиваются. Изменения среды существования — условий жизни и деятельности, снижающие результативность действий, осуществляемых соответственно освоенным нормам культуры, тем самым препятствующие исполнению ожиданий, удовлетворению потребностей, а порой приводящие к критическим ситуациям, требуют изменения этих норм в течение всей жизни индивида. У индивидов с рациональной (целерациональной, ценностнорациональной по М. Веберу) детерминацией поведения такое изменение осуществляется путем рефлексивного анализа ситуации, поиска разрешения ситуации путем коммуникации с другими индивидами, при невозможности, нерезультативности или нежелательности такой коммуникации — посредством собственного мышления и *сознательного* изменения норм, что в целом соответствует разработанной Г. П. Щедровицким схеме мыследеятельности [16]. У индивидов с другими типами детерминации большую роль, как и ранее, играют эмоции, интуиция, заимствование норм у людей, более успешных в аналогичных ситуациях. Способы выработки новых норм поведения в различных жизненных ситуациях чрезвычайно многообразны и отнюдь не всегда представляются рациональными, как и выработанные с их помощью нормы. М. Вебер обращал внимание на то, что «жизнь можно «рационализировать» с весьма различных точек зрения и в самых различных направлениях... «Рационализм» — историческое понятие, заключающее в себе целый мир противоположностей» [17, с. 95]¹. В частности, он отмечал, что одна из характернейших черт капиталистической культуры — способность полностью отдаваться деятельности в рамках своей профессии — с определенных позиций представляется иррациональной [17].

Как бы то ни было, изменения совокупности условий жизнедеятельности — того, что мы далее называем *жизненными обстоятельствами*, — оказывают влияние на нормы культуры индивида, определяя их корректировку в соответствии с изменениями условий.

Но связь изменений жизненных обстоятельств и изменений норм культуры неоднозначна.

Можно выделить три типа изменения условий жизнедеятельности:

- позитивные изменения, открывающие новые возможности осуществления жизнедеятельности, в том числе институциональные изменения

¹ О том же, обобщая опыт западноевропейской и российской истории, пишет В. О. Ключевский: «...человеческое общежитие создается не одними потребностями разума; едва ли естественно подчинять все силы человека деспотизму одной из них и едва ли человечество можно превратить в логический прибор или в пустыню с философским уставом» [18, с. 202].

(принятие новых нормативных актов, создание новых учреждений и др.), научные открытия и изобретения, изменения бытовых условий в населенном пункте, создающие возможность привлечения ранее отсутствовавших кадров и др.;

- позитивные изменения, способствующие постановке новых целей, реализуемых в существующих институциональных, материальных и социальных условиях, например появление в окружающей среде образцов или информации об образцах производства / получения новых благ с использованием ранее существовавших возможностей;
- негативные изменения, затрудняющие или исключаящие продолжение жизнедеятельности с теми же качественными и количественными характеристиками, что и раньше.

Мы будем говорить в первом случае о *ситуации новых возможностей*, во втором — о *ситуации новых целей*, в третьем — о *ситуации новых проблем*.

Новые возможности и новые цели могут быть привлекательны для акторов, готовых осуществлять деятельность в соответствии с этими возможностями / целями, тем, что они позволяют этим акторам получить новые блага (материальные, социальные, когнитивные или любые другие) или большее количество имеющихся благ.

Активизация этих субъектов может быть обусловлена потребностью в самореализации, пониманием материальных, статусных или иных выгод¹, получаемых в случае использования новых возможностей / реализации новых целей, в том числе идеологическими (выполнить долг перед обществом), этическими (совершить добро), эстетическими (создать что-то прекрасное) факторами.

Однако в практике возникают ситуации новых возможностей, когда использование этих возможностей необходимо обществу, но не приносит очевидных выгод непосредственно акторам, или выгоды использования новых возможностей не видны акторам вследствие их недостаточной квалификации или по идеологическим причинам, или эти выгоды недостаточны для преодоления инерционности акторов и создания мотивации к запуску практических действий. В таких случаях необходимо стимулирование активизации акторов предоставлением дополнительных выгод, осуществляемое от имени общества государством. Искусственные (порожденные внешними стимулирующими воздействиями) процессы со временем оестествляются, сформированные под действием стимулов новые правила становятся нормами культуры, определяющими дальнейшую деятельность, а может быть — и поведение акторов в будущих ситуациях новых возможностей.

¹ Мы понимаем выгоду актора как превышение субъективной оценки актором полученного блага (материальной ценности, социального статуса, нового круга общения, удовольствия от самореализации, исполненного долга или принесенного добра, создания прекрасного и т. п.) над субъективной оценкой им затрат, совершенных ради приобретения блага (затрат денежных средств, материальных ценностей, труда, «нервов» и т. п.).

Значительно более сложным является разрешение ситуации новых проблем, требующее изменений норм культуры как реакции на негативные изменения среды в целях адаптации к изменившейся среде¹.

В принципе в такой ситуации следует ожидать реакции, описанной выше: рефлексивного анализа ситуации и сознательного конструирования и реализации новых норм либо интуитивного поиска нового способа поведения, в том числе заимствования его у успешных в новой ситуации людей. Однако в реализацию такой реакции вмешиваются факторы консервативного характера.

Дальнейшее исследование нами указанных изменений опирается на следующую гипотезу: *изменение культуры индивида в ответ на изменения жизненных обстоятельств определяется его заученной реакцией на эти обстоятельства, т. е. сформированными ранее нормами культуры*. Эта гипотеза может быть названа *гипотезой преемственности* — она утверждает, что формирование норм культуры, никак не связанных с ранее освоенными нормами, невозможно, и каждое новое состояние культуры индивида определяется как причинами, породившими изменение культуры, так и состоянием его культуры до произошедшего изменения.

Если изменения условий жизнедеятельности вызывают практически одинаковые изменения норм деятельности большинства членов некоторого социума, можно говорить об изменениях социокультурных норм. Гипотеза преемственности распространяется и на изменения социокультурных норм.

Сформулированный нами в форме гипотезы принцип преемственности вносит существенные трудности в осуществление индивидом адаптации к изменившимся условиям жизнедеятельности. Из сказанного выше следует, что неудовлетворенность условиями жизнедеятельности заставляет людей изменять свое отношение к определенным жизненным обстоятельствам и способы действия в этих обстоятельствах, т. е. изменять свои нормы культуры. Однако проблематизирующее воздействие неудовлетворенности условиями жизни может вступить в противоречие с принципом преемственности. В частности, «унаследованный» от предыдущего культурного статуса личности патернализм подменяет адаптацию к условиям жизнедеятельности выдвиганием требования к властям изменить эти условия — в том числе и в случае, когда эти условия созданы не властями и не могут быть изменены властями. В силу принципа преемственности неудовлетворенность условиями жизнедеятельности с большей вероятностью приводит к социальной напряженности и протестной активности, чем к изменению социокультурных норм в целях адаптации к ситуации и реализации продуктивных самостоятельных действий по ее изменению.

¹ Мы относим к адаптации изменения культуры индивида, позволяющие ему не только пассивно существовать в новых условиях, подчиняясь обстоятельствам, но и проявлять активность, выражающую его волю, в том числе при необходимости — активность по изменению обстоятельств.

Дальнейший анализ изменения социокультурных норм под действием негативных изменений условий жизнедеятельности требует введения типологии этих условий.

Член-корреспондент РАН Н. И. Лапиным разработан антропосоциетальный подход к анализу социума, обосновывающий перечень основных социетальных функций: жизнеобеспечивающая, духовно-интегрирующая, статусно-дифференцирующая, властно-регулирующая, антропо-коммуникативная [19; 20]. Этот перечень определяет основные категории условий, в рамках которых осуществляется деятельность индивида, и, соответственно, основные типы влияния среды на социокультурные нормы.

Жизнеобеспечивающая функция социума обуславливает, в первую очередь, важнейшую характеристику образа жизни — *уровень жизни*, совокупность материальных условий жизнедеятельности, ее экономическую сторону — взаимоотношение затрат любых ресурсов: материальных, времени, труда и иных — и получаемых при этом результатов — благ, удовлетворяющих потребности индивида. Помимо благ, приобретаемых посредством экономической деятельности, т. е. путем обмена на блага, произведенные индивидом, уровень жизни учитывает также *социальные блага* («бесплатное» образование, здравоохранение, социальная защита и др.), приобретаемые за счет общества, в первую очередь, за счет средств граждан, изъятых государством в виде налогов и сборов и сконцентрированных в бюджетной системе страны. Удовлетворенность уровнем жизни может быть оценена по известным шкалам потребностей Маслоу, Мэррея, Рокича, Шета, Ньюмена и Гросса и др., систематизированным и синтезированным в качестве характеристик потребительской позиции в рамках стратегического маркетинга [21, с. 73–79] — науки, предметом которой является удовлетворение потребностей человека, где удовлетворенность совокупностью приобретенных благ можно рассматривать как эквивалент удовлетворенности уровнем жизни.

Современный маркетинг и, в особенности, его «продолжение» — брендинг — рассматривают не только удовлетворение существующих, но и создание новых потребностей. Отличие маркетинга от психологии применительно к рассматриваемой задаче заключается в том, что психология изучает потребности, а маркетинг — практические способы их создания и удовлетворения, т. е. рассматривает *потребности в совокупности с деятельностью, объектом которой являются потребности*. Подобный системный подход другими науками не реализуется. Изменение социокультурных норм под влиянием изменений условий жизнедеятельности осуществляется для удовлетворения потребностей, следовательно, оно может рассматриваться в категориях маркетинга.

Видный европейский специалист в области маркетинга Ж.-Ж. Ламбен, анализируя и синтезируя результаты многочисленных психологических школ, приходит к следующему пониманию мотивационной сферы человека.

«Исследования психологов позволяют установить общие направления мотивации, которые могут объяснить целую гамму повелений и представляют собой факторы, способствующие объяснению общего благополучия индивида. Эти детерминанты можно свести в три группы: **комфорт, наслаждение и стимуляция...**

Три **мотивационные силы**, детерминирующие благополучие индивида, можно кратко описать следующим образом.

- Поиск **комфорта**, обусловленный поведением двух видов: одним, снижающим напряжение путем удовлетворения гомеостатических потребностей¹, и другим, направленным на борьбу со скукой посредством таких стимулов, как новизна, перемена, нестабильность, неопределенность, риск и т. д.
- Поиск **наслаждения**, который также проистекает из двух источников: наслаждения, с необходимостью присутствующего при снижении напряжения, и наслаждения, обеспечиваемого стимулами.
- Поиск **стимуляции**, не только как средства борьбы со скукой, но и ради самой стимуляции, вне стремления к какой-либо иной цели, помимо самой себя, создающей наслаждение и формирующей возможности для развития и самореализации индивида» [21, с. 71–72].

Позиция Ж.-Ж. Ламбена, разумеется, не единственная. Но маркетинг — не столько наука, сколько сфера социальной практики. Интерпретация мотивационных сил Ж.-Ж. Ламбеном прошла испытание коммерческой практикой во многих странах. Не будем ставить вопрос об *истинности* изложенной концепции, поскольку, согласно логике, общие суждения не могут быть доказаны никаким количеством подтверждающих примеров. Практика показала, что эта позиция в достаточно широком диапазоне условий *прагматически полезна*. Такая характеристика для настоящей работы достаточна.

Приведенная цитата позволяет сделать два важных методологических замечания.

Во-первых, позиция Ж.-Ж. Ламбена в общемировоззренческом смысле соответствует современным представлениям о мире, стремящемся не к состоянию равновесия, а к поддержанию неравновесия как источника дальнейшего движения. Во-вторых, соответственно, неудовлетворенность уровнем и, более широко, качеством жизни может быть вызвана не только недостаточностью материальных благ, свобод, коммуникативных возможностей и т. п., но и недостатком выявленных и сформулированных проблем, требующих раскрытия человеческого потенциала для их разрешения. Именно такая неудовлетворенность рождает культуру инновационной деятельности, приводящей к самореализации актора.

Разумеется, стремление к неравновесным состояниям имеет разную силу у разных индивидов. Лица с традиционным (по М. Веберу) типом

¹ *Гомеостатическая потребность*, по Ж.-Ж. Ламбену, — это потребность восстановить нарушенное равновесие и, тем самым, ликвидировать побуждение, создающее активность [21, с. 65].

детерминации поведения, довольствуясь самореализацией в удовлетворении гомеостатических потребностей, этого стремления не проявляют или проявляют в значительно меньшей степени, чем люди с другими типами детерминации. Упомянутая выше культурная консервативность — противоположность стремлению к неравновесным состояниям; оба свойства личности, как правило, сосуществуют, но в разных соотношениях, у каждого индивида.

Испытывая неудовлетворенность, индивид, не склонный к патернализму, активизируется в поисках комфорта, наслаждения и стимуляции, как они определены выше. Это значит, что он ищет способы разрешения гомеостатических проблем, создавая и развивая какие-то виды деятельности в том смысле, который вкладывают в понятие социально-экономического развития экономическая наука и традиционная социология. Он также ищет нерешенные проблемы и *конструирует проблемы, дотоле не известные обществу*, для самореализации в их решении, он создает новые материальные продукты, новые виды коммуникации, новые знания — для этого он создает новые образцы деятельности, привлекательные для других индивидов, вследствие чего образуются автоволны¹ распространения этих образцов в социуме и превращения их в социокультурные нормы.

С нашей точки зрения, полностью аналогичные механизмы формируют изменения социокультурных норм применительно к духовно-интегрирующей, статусно-дифференцирующей, антропо-коммуникативной социетальным функциям, а точнее — все эти социетальные функции действуют совокупно с жизнеобеспечивающей функцией, комплексно, иницируя изменения социокультурных норм. Однако применительно к властно-регулирующей функции ситуация видится принципиально иначе.

Властно-регулирующая функция реализуется в деятельности трех видов: нормотворческой (для государственных и муниципальных органов — правотворческой), оперативной-распорядительной по управлению текущими процессами в соответствии с принятыми нормами и правоприменительной (применение санкций, предусмотренных правовыми нормами и договорами² за невыполнение норм). Эти виды деятельности осуществляются лицами,

¹ *Автоволновой процесс* — особый тип процессов в активных средах; этот тип процессов известен в естественных науках, в том числе в физиологии, но, по нашим данным, до сих пор не изучался применительно к социальной среде. Возможность образования автоволн в социально-экономических средах упоминается в ряде работ ученых-естественников, например в работе биофизиков В. А. Твердислова и Л. В. Яковенко [22].

² Правовые нормы устанавливают санкции, определяемые государством. Локальные нормативные акты организаций не могут содержать санкций, не предусмотренных правовыми нормами. Гражданско-правовые договоры могут предусматривать санкции за невыполнение или ненадлежащее выполнение договора, устанавливаемые по соглашению сторон, но в случае возникновения споров по вопросам невыполнения или ненадлежащего выполнения договора фактическое применение этих санкций может определяться судом.

обладающими *властью*, т. е. возможностью и способностью реализовать свою волю в действиях других лиц путем принуждения, убеждения, использования авторитета или стимулирования. К их числу относятся государственные и муниципальные органы, руководство коммерческих и некоммерческих организаций и лидеры неформальных сообществ.

Возникновение неудовлетворенности связано с уровнем понимания обществом ситуации, необходимых действий власти, а также последствий реальных действий. Сложность современных политических, правовых, экономических, социальных, социокультурных процессов зачастую исключает их понимание без специальной профессиональной подготовки. Например, население и бизнес, за исключением профессиональных юристов — специалистов по государственному и муниципальному праву, редко информированы о правовых ограничениях деятельности органов власти, каждый из которых имеет жестко ограниченную область возможных решений и столь же жестко определенные регламенты их принятия. Невозможность принятия тех или иных решений, вытекающую из правовых ограничений, при некомпетентном рассмотрении легко приписать «злой воле чиновников», что постоянно используется политической оппозицией. Необходимой правовой и управленческой подготовкой не обладает не только большинство граждан, но и, к сожалению, многие лица, обладающие правом принимать властные решения (несмотря на регулярно осуществляемое «повышение квалификации»), вследствие чего принимаются нерезультативные или противоречащие правовым нормам решения. В результате возникновение социальной напряженности, протестных акций, социального конфликта становится неизбежным, но результат протеста с точки зрения общественной полезности непредсказуем. Можно привести множество примеров некомпетентного принятия властных решений и столь же некомпетентных возражений против этих решений. Социокультурная экспертиза нормативных актов при оценивании последствий их принятия не проводится никогда, официальные эксперты в этой области отсутствуют, процедура социокультурной экспертизы не предусмотрена никакими регламентами или иными нормативными актами. Дефекты решения выявляются в процессе его исполнения, но никто не сможет назвать истинную причину неудач. Если следствием неудач будет ухудшение качества жизни населения или условий для бизнеса, то протестные акции будут неизбежны, но безрезультатны — могут последовать замены «действующих лиц» ситуации, наложение иных санкций, но останется никем не понятая и, следовательно, неустраняемая некорректность решений.

Таким образом, неудовлетворенность выполнением властно-регулирующей функции, как правило, выражается в возникновении социальной напряженности, вплоть до социального конфликта, но действия акторов по изменению норм культуры в этих ситуациях маловероятны. По-видимому, именно этим объясняется отмеченный выше факт, что интерес молодежи к политической деятельности как в 2004-м, так и в 2018 г. мало изменился в количественном выражении и остается довольно низким — не выше 20%.

Изложенное выше описывает общие механизмы формирования и изменения норм культуры применительно к индивиду, социальной группе, в том числе организации, общности. Специфические условия и механизмы формирования и изменения социокультурных норм необходимо рассматривать, если речь идет о социокультурных нормах *поколения*. Эти вопросы во многом исследованы К. Мангеймом [11].

Как показано выше, социокультурные характеристики поколения задает молодежь, принадлежащая к данному поколению. Культура молодых людей формируется, согласно общему правилу, путем ассимиляции культуры окружения. Но применительно к поколению возникает одна особенность. Социальное и социокультурное окружение каждого молодого человека различно, соответственно, казалось бы, нельзя ожидать какого-либо сходства культур отдельных индивидов. Мангейм цитирует Пиндера: «Каждый проживет свою жизнь с людьми, принадлежащими и к одному с ним, и к другим векам. Разнообразие возможностей опыта, с которыми все они сталкиваются, имеет сходные черты, но для каждого “одно и то же время” — это разное время — иначе говоря, оно представляет различные периоды бытования его “я”» [11, с. 16]. Но, замечает Мангейм, «быть современниками — значит подвергаться одинаковым влияниям» [11, с. 15]. Он приводит цитату из работы Хайдеггера: «Направление, перспективу личных судеб обуславливают сопричастность к одному и тому же миру и связанная с этим обстоятельством предрасположенность к специфическому набору возможностей» [11, с. 15].

Именно специфический набор возможностей, свойственный тому или иному периоду, когда возникают и в течение этого периода сохраняются новые ответы на вопросы «как жить» и «зачем жить» — а эти ответы, разграничивающие поколения, определяются во многом именно возможностями, — эти возможности, *созданные предыдущим поколением, но плохо использованные им в силу «давления» старых норм культуры*, определяют «энтелехию» нового поколения. Молодые люди подражают тем, кто успешен в условиях текущего момента, кто, используя новые возможности, вырвался вперед. Старые поколения уходят. Мангейм акцентирует уход предыдущего поколения как важнейшее условие формирования культуры нового поколения: «Непрерывное выбывание прежних участников культурного процесса... наделяет нас способностью забывать. Поскольку общество имеет протяженность во времени, забвение и действие, начинающееся как бы с нуля, так же важны, как и социальная память»¹ [11, с. 29]. Важнейшим феноменом, «подразумеваемым просто самим фактом существования поколений», Мангейм называет *появление новых участников культурного процесса при смене поколений* [11, с. 25]. «...наше общество, где поколение сменяет поколение, характеризуется тем обстоятельством, что культуротворчество и накопление культуры не доводятся до конца одними и теми же лицами; вместо того то и другое

¹ По выражению проф. В. А. Лукова, «способность забывать — освобождаться от прошлого опыта и его канализирующих рамок для любых обновлений» [23].

непрерывно воспроизводится в новых возрастных группах. Первым делом, это означает, что нашу культуру развивают люди, сызнова вступающие в соприкосновение с накопленным наследием. Наша психическая природа такова, что свежий контакт (встреча с чем-либо сызнова) всегда подразумевает изменение чувства дистанции относительно объекта и новый подход к усвоению, использованию и развитию предлагаемого материала. ...Хорошо известно, что во всех этих случаях происходит заметная, разительная трансформация сознания лиц, о которых шла речь, причем не просто в том, что касается содержания опыта, но его личностного — умственного и духовно-го — переживания» [11, с. 27–28].

Из сказанного не следует, что новое поколение неизбежно является в каком-то смысле более «прогрессивным», в том числе «инновационным», чем старое. «Нет ничего более ложного, чем обычное мнение, которое разделяется большинством исследователей проблемы поколений, будто молодое поколение является “прогрессивным”, а старшее, по определению, — консервативным... Консервативна молодежь, реакционна или прогрессивна зависит (если не полностью, то, по крайней мере, в главном) от того, обеспечивают ли социальная структура и собственное общественное положение реальные возможности для достижения поставленных социальных и интеллектуальных целей» [11, с. 58–59, примеч. 29].

В числе исторических явлений и процессов, обусловивших изменения, выявленные описанными социологическими исследованиями, с нашей точки зрения, нужно выделить следующие.

Рассматриваемый нами период — 1993–2018 гг. — применительно к истории России, с одной стороны, можно объединительно назвать «постсоветским», а с другой — признать очевидную неоднородность происходящих за эти годы экономических, политических, социальных и социокультурных процессов.

Так, уже в демографическом плане можно отметить и то, что объединяет весь указанный период, а именно резкое сокращение численности всего населения, а также исчисляемые десятками и сотнями тысяч человек миграционные потоки прибывающих на российскую территорию и покидающих ее. В то же время к концу 2000-х гг. падение численности российского населения прекратилось, и по 2018 г. наблюдался общий демографический прирост. Миграционные потоки при этом характеризуются большим перевесом в пользу иммиграции, однако до сих пор актуальна проблема структурной дифференциации им- и эмиграционных потоков — пресловутые «утечка мозгов» и приезд «дешевой рабочей силы». Еще одной демографической особенностью этого периода является интенсивная урбанизация. Данный процесс, конечно же, не уникален и стал «набирать темпы» задолго до распада СССР, но в качестве особенности последних десятилетий в этом аспекте можно указать на массовую миграцию в крупнейшие городские агломерации уже не столько сельского населения, сколько прежних (прежде всего, молодых) жителей малых, средних, больших и крупных городов — неоспоримое лидерство

в качестве «полюса притяжения» здесь занимает, разумеется, Московская, а на втором месте с большим отрывом от первой — Санкт-Петербургская — агломерации.

Самое начало реформ молодыми встретили те, кто родился в начале — середине 1970-х гг. В период своей ранней социализации (10–15 лет) они застали «перестроечное время», закончившееся распадом Советского Союза. Специфическими историческими обстоятельствами социокультурного формирования данной когорты являются «прорыв» информационной блокады, радикальное освобождение СМИ от цензуры, практически всеобъемлющее и интенсивно нарастающее отрицание традиционных и идеологически окрашенных ценностей предыдущего поколения, таких как положительный образ патерналистского государства, коллективизм, патриотизм, рассматриваемый в ракурсе противостояния с Западом, приоритет общественного блага над личным благосостоянием. Результатом стал ценностный нигилизм — отказ «жить так, как жили родители» [24, с. 195]. Однако в сознании этой когорты уже достаточно прочно закрепились «советские» ценности — они прошли весь пионерский период и еще застали «школу комсомола», правда, в таких социокультурных условиях, когда все эти огромные организации рассматривались в основном как объект повальной критики, как инструмент карьерного роста, уже навсегда лишенный позитивного идейного смысла. Когда с началом «шоковых» экономических реформ 1990-х гг. представители этого поколения вступали в период взросления и выбора образовательной и профессиональной траектории (им было по 15–20 лет), то в массе своей они не видели ценности в долговременном планировании этого пути, желая поскорее и всеми возможными способами «делать деньги». Диапазон таких способов включал в себя предпринимательскую активность, востребованную занятость в качестве технического и обслуживающего персонала, а также (зачастую одновременно с вышеуказанными способами) криминальную деятельность. Далеко не у всех получалось жить исключительно прагматически. Тот же ценностный нигилизм в совокупности с ситуацией резкого экономического спада в стране, распространения социальной аномии и среди старших поколений, и среди молодежи (что, как правило, можно было наблюдать в рамках одной семьи) привел к массовой алкоголизации, резкому росту наркомании именно среди молодежи 1990-х гг.

Родившиеся в конце 1970-х — начале 1980-х гг. — так называемое «поколение X» — формировали свои ценности уже по большей части в первое десятилетие реформ 1990-х гг. Они еще застали советскую систему социализации на первых ее ступенях — детский сад и начальная (а также у многих и средние классы) школа — но дальше их формирование шло в условиях «новой» России. Повседневный жизненный опыт этой когорты в формативный период складывался на фоне растущего демонстративного неравенства в доходах, в уровне и стилях жизни. Вместо привычной в течение предшествующего периода ситуации товарного дефицита возникли номинально высокие возможности «потребительского выбора», но при этом многие

товары для подавляющего большинства были недоступны из-за реального низкого уровня жизни. В 1990-е гг. окончательно исчезла «символическая граница» между Россией и остальным миром как в плане информационных потоков, так и в плане реальной возможности зарубежных поездок. В этот период советская система социализации, в первую очередь образовательная, была основательно разрушена. Находясь в состоянии аномии, государство впервые за многие десятилетия не могло оказывать организованного идеологического воздействия на становление молодежи. Образование из единой общегосударственной системы превратилось в механизм воспроизводства социального неравенства в подрастающих поколениях. Образование рассматривается молодежью 1990-х гг. в основном как средство достижения профессиональных, карьерных и материальных целей — высшее образование рассматривается с точки зрения его престижности и эффективности для достижения данных целей. Приоритетной становится прагматическая ориентация молодежи 1990-х гг. на «интенсивный труд и материальный достаток» и на «открытие собственного дела» [24, с. 198]. Одновременно ситуация продолжающегося экономического спада в России на протяжении всего последнего десятилетия XX в. способствовала дальнейшему распространению алкоголизма и наркомании среди молодежи, массовую популярность приобретают различные «неформальные» субкультуры, субкультура «ночных клубов», «тусовки», причем подобные заведения не только количественно растут в это время, но и дифференцируются в зависимости от социально-материальных статусов своих «целевых аудиторий».

В течение 1990-х гг. окончательный распад советской системы привел к тому, что уже к концу этого десятилетия и далее, в 2000-х гг., огромная часть ответственности за социализацию будущего поколения перекладывалась на семью. Родившиеся во второй половине 1980-х — в 1990-е гг. («поколение Y», или «миллениалы») — те, кто уже с раннего детства жил в новых отечественных реалиях, — в большинстве своем не видят ничего удивительного в том, что их вплоть до подросткового возраста практически всегда на улице сопровождали взрослые (по пути до школы и обратно, на прогулке), тогда как для предыдущей когорты подобное было бы, скорее, нонсенсом и объектом для насмешек. Но времена изменились — рост криминализации, серия громких терактов, распад детских и юношеских организаций, где можно было заниматься вне школы, демонстративное девиантное поведение части молодежи и т. д. — полностью оправдывали данную чрезмерную, по недавним меркам, семейную опеку. Теперь родители постоянно стремятся контролировать своих детей — куда они пошли, с кем и т. д., ведь стало нужным учитывать социальный статус тех семей, с детьми которых общается свой ребенок, их образ жизни — это обстоятельство, конечно, учитывалось и в советское время, но в «новой» России оно стало намного более значимым фактором, так как многие семьи не смогли сохранить свое более или менее благополучное в советское время материальное положение, другие же при удержании или даже улучшении своего материального положения

«свалились» криминальными связями и девиантными практиками. С другой стороны, подобная гиперопека, которая, как подтверждают приведенные нами эмпирические результаты, сохраняется до сих пор, «поляризуется» в данное время тем обстоятельством, что родители миллениалов вынуждены были много работать, чтобы обеспечить приемлемый уровень жизни, поэтому у них не было достаточного количества свободного времени для обсуждения со своими детьми того, что происходит в их жизни, что они думают о своем будущем и т. п. [25, р. 37]. Тем не менее поколение миллениалов — это поколение «периода стабилизации» в России, родившееся преимущественно в период реформ, но взросление которого происходило в России уже в куда более стабильный и относительно благополучный период — с начала нового тысячелетия. Во многом отсюда проистекает зафиксированный во многих исследованиях, в том числе и в нашем, резкий спад популярности употребления табака, алкоголя и наркотиков и практически симметричный рост ценности здорового образа жизни.

Очевидно, что при всей краткости и неполноте данного исторического обзора условий социализации российской молодежи невозможно обойтись без оценки роли цифровых технологий и интернета в этом процессе. Хотя сеть Интернет активно развивалась в России в течение всех 1990-х гг.¹, не случайно именно миллениалов называют также «цифровым поколением» — они уже не могут помнить того времени, когда интернета не было. Это поколение также называют «цифровыми аборигенами» в отличие от предшествующего поколения — «цифровых иммигрантов». Цифровые технологии, виртуальная реальность, интернет-пространство — все это является мощным современным социализирующим фактором, самым существенным образом влияющим на ценностное и в целом социокультурное формирование молодежи первых двух десятилетий третьего тысячелетия. Пребывание в интернете для современного молодого человека — это не просто досуг, времяпрепровождение, а, прежде всего, жизнь в альтернативной социальной реальности со своими законами, акторами и ценностями.

Из изложенного могут быть сделаны следующие выводы.

1. В поколении российского социума, начиная с 2000-х гг. рождения, наблюдается естественный (осуществляемый без внешнего стимулирования и управления) процесс позитивных социокультурных изменений: снижение интереса к потреблению алкоголя и наркотиков, беспорядочным половым связям и т. п. при сохранении приоритетов материального и карьерного успеха. Это означает, что возможна на основе указанного естественного процесса организация искусственного (управляемого, стимулируемого) процесса *ускорения и интенсификации позитивных изменений*.

¹ Первый домен появился еще в 1991 г. при существовании СССР и назывался .su, а первые сайты на русском языке были созданы в 1992 г. С 1997 г. интернет в России считается развитым: появились первые онлайн-журналы, а 27 октября создается поисковая сеть Яндекс. В 1998 г. была запущена первая электронная почтовая служба в России — Mail.ru.

2. Приоритетным типом ситуации, вызывающей дальнейшее изменение социокультурных норм, является ситуация новых возможностей. Эти возможности должны открывать пути к высоким доходам, карьерным успехам, при обязательном условии, что ведущая к этим ориентирам деятельность должна быть интересной и приводить к самореализации и к решению проблем, актуальных для общества.

3. Для выполнения указанного в предыдущем пункте условия актуальные проблемы общества должны быть известны молодежи. В настоящее время публично обсуждаются более всего проблемы политического плана, мало интересующие молодежь. Реальные проблемы производства, сферы услуг (медицинских, образовательных, информационных, коммунальных и других) известны, в основном, представителям старших возрастных групп, непосредственно включенных в соответствующие виды деятельности. При этом инновационная активность молодых изобретателей и предпринимателей зачастую направлена на решение надуманных задач, не актуальных для общества. В силу этого она не приносит ни материального благополучия, ни карьерных успехов. Развитие инновационной активности требует знания реальных проблем, решение которых принесет «славу и деньги». Обсуждение *реальных* проблем необходимо включать в образовательные программы как основного, так и дополнительного образования, преодолевая усиливающийся схоластический характер образовательного процесса, что должно вернуть образованию приоритетное место в системе ценностей молодежи.

Эти выводы, с нашей точки зрения, должны быть учтены, в частности, при формировании государственных и муниципальных программ интенсификации инновационной активности молодежи.

Источники

1. *Звоновский В. Б.* Социология пространства повседневности. — Самара : Самарский университет, 2009. — 168 с.
2. *Зоркая Н. А., Дюк Н. М.* Ценности и установки российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2003. — № 4 (66). — С. 66–77.
3. *Ибрагимова Д. Х.* Когортный анализ потребительских ожиданий населения России (1996–2010): теоретико-методологические основы исследования // Экономическая социология. — 2014. — Т. 15. — № 2. — С. 99–118.
4. *Иванова Е. И.* Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность // Социологические исследования. — 2012. — № 4. — С. 42–53.
5. *Козлова Т. З.* Оценка старшим поколением молодежи. — URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kozlova_tz/gerontos_38.html (дата обращения: 24.06.2019).
6. *Лисовский В. Т.* Ценности жизни и культуры молодежи (социологическое исследование). — URL: http://anthropology.ru/ru/texts/lisovsky/mysl01_09.html (дата обращения: 24.06.2019).
7. *Магун В. С., Энговатов М.* Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985–2005 годы // Отечественные записки. — 2006. — № 3. — С. 76–96.

8. Молодежь Самарской области в 2003 году: современное положение и тенденции развития. Научно-информационный бюллетень / под ред. В. Б. Звоновского. — Самара : Фонд социальных исследований, 2004. — 222 с.
9. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 15–33.
10. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. — М. : Российская политическая энциклопедия, 1998. — 308 с.
11. Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции : пер. с англ. — М. : ИНИОН РАН, 2000. — С. 8–63.
12. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — М. : Гардарики, 2004. — 1072 с.
13. Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. — URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 24.06.2019).
14. Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115996> (дата обращения: 24.06.2019).
15. Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — С. 602–643.
16. Щедровицкий Г. П. Схема мышледеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. — М. : Школа культурной политики, 1995. — С. 281–298.
17. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — С. 61–272.
18. Ключевский В. О. Новейшая история Западной Европы в связи с историей России // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения / под ред. акад. М. В. Нечкиной. — М. : Наука, 1983. — 416 с. — С. 198–291.
19. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. — 2000. — № 7. — С. 3–12.
20. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С. 28–36.
21. Ламбен Ж.-Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива. — СПб. : Наука, 1996. — XV + 589 с.
22. Твердислов В. А., Яковенко Л. В. Активные среды, автоволны и самоорганизация. От физико-химических систем к биологическим и социальным системам // Российский химический журнал. — 2000. — Т. 44, № 3. — С. 21–32.
23. Луков В. А. Проблема поколений (1928) // Социология молодежи. Электронная энциклопедия. — URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/studies/155-problema-pokoleniy-1928.html> (дата обращения: 15.07.2019).
24. Семенова В. В. Социальный портрет поколений // Россия реформирующаяся. — 2002. — № 2. — С. 184–212.
25. Russian youth in the dynamics of decades. Statistical materials and research results / D. L. Konstantinovskiy, G. A. Cherednichenko et al. — М. : IS RAS, 2017. — 175 p.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ТRENДЫ И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

О. Н. Калачикова

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН», г. Вологда

E-mail: onk82@yandex.ru

М. В. Морев

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН», г. Вологда

E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены ценностные ориентации, готовность к изменениям, готовность и реальное участие в общественно-политической жизни, проанализированы общественные настроения молодежи. Выявлено, что при наличии высокой готовности и реальных действий в работе над собой, мобильности молодежи активность в сфере гражданского участия довольно низка. Существует потенциал повышения гражданского участия молодежи путем стимулирования интереса и создания условий для осуществления общественной деятельности молодых людей, в том числе через примеры влияния на положение дел.

Ключевые слова: молодежь, гражданская активность, общественно-политическая жизнь.

YOUTH CIVIC ACTIVISM: TRENDS AND THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION

O. N. Kalachikova

Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Vologda

E-mail: onk82@yandex.ru

M. V. Morev

Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Vologda

E-mail: 379post@mail.ru

Abstract. Valuable orientations, readiness for changes, readiness and real participation in socio-political life are examined, social moods of youth are analyzed. It was revealed that with high readiness and real actions in working on oneself, youth mobility, activity in the field of civic participation is quite low. There is the potential to increase the civic participation of youth by stimulating interest and creating conditions for the implementation of social activities of young people, including through examples of influence on the situation.

Key words: youth, civic activism, social and political life.

Актуальность рассматриваемого вопроса связана не только с общепризнанным постулатом о роли молодежи как носителя инновационной активности и творческого потенциала (что приобретает особую роль в условиях стремительных темпов научно-технического прогресса, предъявляющего специфические требования к человеку в освоении новых, высоких технологий), но и с ходом социальных изменений, происходящих в нашей стране в постсоветский период. Двигаясь от необходимости ликвидировать комплексные последствия развала Советского Союза и периода «лихих 90-х», попутно преодолевая крайне тернистый путь восстановления геополитического статуса, к середине 2010-х гг. Россия пришла к твердому осознанию необходимости решать проблемы «самим внутри страны, в своем собственном доме» [1].

Со стороны российского общества это понимание выразилось в возникновении двух тенденций, которые продолжают с 2014 г., — рост потребности в переменах, а также рост числа «самодостаточных» россиян [2]. Со стороны государства — в формулировке целей политического курса на период до 2024 г., которые были изложены в Послании Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. и позже нашли отражение в «майских указах» и национальных проектах.

Очевидно, что достаточно амбициозные задачи, сформулированные в вышеуказанных документах, не могут быть реализованы без активного участия самого общества. Иными словами, высокий уровень патернализма, которым традиционно характеризуется российское общество, в нынешних условиях становится серьезным препятствием для реализации нацпроектов и в целом для будущего России.

В этой связи вопросы о том, как смотрит на жизнь современная молодежь, насколько она готова реализовывать свой потенциал во благо национальных интересов, приобретают первостепенное значение. Особенно если учесть тот факт, что российское общество в целом в ходе своей трансформации за последние 30 лет стало гораздо более артикулированно осознавать свою субъектность, свою роль как активного участника преобразования социальной реальности (об этом, в частности, говорит острота общественного резонанса всего российского населения на различного рода локальные конфликты, происходящие в субъектах РФ: строительство храма в Екатеринбурге, организация мусорного полигона в архангельском Шиесе и т. д.).

Усиление роли граждан в решении социальных проблем возможно двумя путями: снизу вверх через протестные и консенсуальные формы и сверху вниз через стимулирование гражданской активности со стороны органов власти [3, с. 130, 4]. Для российской действительности характерно сочетание ряда условий развития гражданского общества, в том числе усилий власти по его развитию «сверху» [5, с. 17]. Что касается участия молодежи в преобразовании социальной реальности, решении актуальных проблем, его значение осмысливается с позиций готовности, активности и участия, новаций и инновационности.

Об особых свойствах молодежи как носителя «креативности» относительно высокой гражданской, социальной активности известно давно [3, с. 132]. Ее инновационный потенциал в [6, с. 12] определен, на наш взгляд, весьма удачно: «готовность проектировать изменения в сфере мысли или деятельности, имеющие целью перемены действительных обстоятельств жизни людей — независимо от направленности, масштабов и последствий таких перемен. Исходя из этого, оценка инновационного потенциала молодежи предполагает, во-первых, установление намерения к инновации: в каких сферах жизни готовность есть, в каких ее нет или она низка, где молодежь “видит себя”, где нет. Во-вторых, степень целевой определенности. В-третьих, масштабы молодежной экспансии в сфере инновации». Коллеги видят причину новационных свойств молодежи в отсутствии опыта, которое стимулирует решать возникающие задачи неизвестными для субъекта способами. Разумеется, эти решения не всегда инновационны, но сам процесс их поиска, свободный от неоспоримости ранее полученного знания, обуславливает большую вероятность появления инноваций [6, с. 11]. При этом особую роль будут играть условия жизни, субъективно оцениваемые молодыми людьми.

Концептуализируя гражданское участие, Е. А. Савельева отмечает, что это совокупность ценностных ориентаций (на благо общества) и реальных действий, которые могут проявляться как через формальные институты — общественные организации, так и неформальные — помощь соседям, поддержка кого-либо, участие без членства [7, с. 23].

Таим образом, оценивая гражданскую активность молодежи и ее инновационный потенциал в данной сфере, необходимо знать их ценности, готовность к изменениям и реальные действия, участие как в формальных, так и неформальных объединениях, неинституционализированные формы участия и оценку фона общественно-политической жизни в стране.

По свидетельству ряда региональных исследований ценностных ориентаций молодежь во многом наследует ценности старшего поколения. Первое место среди терминальных ценностей молодежи занимают здоровье, на втором находится семья, на третьем — материальная обеспеченность. Главной инструментальной ценностью считается образованность, в числе превалирующих ответов молодежи находятся также честность и ответственность [8; 9]. Более актуальны для молодых людей получение образования, самореализация и свобода [10].

Молодежь действительно обладает более высоким потенциалом в первую очередь менять себя, свою жизнь. Это проявляется не только в декларации собственных намерений, но и на практике (табл. 1). Так, освоением новых знаний и навыков, личностным и профессиональным развитием занимаются 24% молодых людей, изучением и использованием новых технологий — 18%, изучением иностранного языка — 16% и т. д. Стоит оговориться, что в силу возрастных особенностей молодежь сильнее вовлечена в различные образовательные программы, в результате чего данные оценки могут быть завышены.

Тем не менее сам факт готовности к изменениям позволяет судить о больших возможностях к преодолению возникающих сложностей [11].

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы готовы...?»
(в % от числа опрошенных)¹**

Вариант ответа	Уже реализуют		Готовы реализовать	
	среднее	в т. ч. молодежь	среднее	в т. ч. молодежь
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	16,4	23,9	41,8	60,2
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	11,5	17,7	47,5	60,2
Изучить иностранный язык	6,9	16,0	24,2	40,8
Стать высококлассным специалистом	12,5	14,1	39,1	65,4
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	9,3	13,4	42,5	59,4
Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)	4,5	7,6	31,0	49,2
Организовать собственное дело, семейный бизнес	3,8	5,0	25,4	42,2
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	2,7	5,0	24,0	45,6
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе творческих организаций, профсоюзов, политических партий и т. д.)	2,7	3,3	15,5	24,4

Почти половина опрошенных представителей молодежной среды (47%) говорят о том, что не участвуют и даже не готовы к участию в инновационных проектах, направленных на решение конкретных социальных задач (табл. 2). Однако нельзя не отметить тот факт, что готовность к участию в инновационных проектах (21%) значительно выше, чем реальное участие. Следовательно,

¹ Социологический опрос совершеннолетнего населения Северо-Западного федерального округа «Социокультурная модернизация регионов» был проведен в 2017 г. Вологодским научным центром РАН. Анкетирование проходило в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях, а также в Республике Карелия. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки — 3108 человек, ошибка выборки не превышает 5%.

потенциал все-таки есть, и речь надо вести не только о том, как мотивировать молодежь, но и о том, как создать условия для тех 20 %, которые к этому участию готовы.

Таблица 2

Лично Вы готовы к участию в инновационных проектах, направленных на решение конкретных социальных задач? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	До 30 лет	От 30 до 60 (55) лет	Старше 60 (55) лет
Уже участвую	0,8	0,7	1,5
Готов, но не участвую	20,9	19,9	13,4
Не участвую и не готов	46,5	55,2	66,2
Затрудняюсь ответить	31,8	24,1	19,0

Источник: опрос населения Северо-Западного федерального округа, n=2300, 2019 г., ВолНЦ РАН.

Это подтверждается данными, полученными в ходе опроса, проведенного в 2019 г. в рамках гранта РФФИ «Социальное здоровье трансформирующегося общества». На безвозмездной основе в мероприятиях, направленных на решение социально значимых проблем в регионе (городе, селе), за последние 12 месяцев принимали участие 20% представителей молодого возраста (регулярно или время от времени); один раз или никогда — 40% (табл. 2). Главные причины — нехватка времени (39%) и отсутствие интереса (33%). Самооценка степени участия в общественно-политической жизни у четверти молодых людей находится в «активном спектре», более половины признают свою пассивность (табл. 3).

Таблица 3

Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни? (в % от числа опрошенных)

Категория населения	Активное						Пассивное					
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
До 30 лет	25,0	20,5	17,2	16,5	17,0	24,2	50,5	56,7	56,0	67,0	59,2	56,2
30–55 лет	23,5	25,4	17,5	16,3	21,2	25,5	49,7	52,4	51,7	60,4	58,7	53,5
Старше 55 лет	20,5	17,9	18,2	13,1	20,5	19,6	49,3	54,7	48,4	60,1	59,8	57,0

Источник: здесь и далее, если не указано иное: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, n=1500, ВолНЦ РАН.

Обращаясь к итогам комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата за 2018 г., можно заключить, что степень формального

участия невелика: только 5 % молодых людей являются членами каких-либо общественных, добровольных или благотворительных организаций (движений) [12]. Из них большинство — 63 % — состоят в профсоюзных организациях, 11,5 % — в политических партиях, массовых молодежных объединениях, женских союзах, обществах инвалидов и т. п., 6,5 % — в общественных самодеятельных политических, социальных, экологических движениях, 5,5 % — творческих союзах, добровольных движениях.

Почти 3,5 % молодых людей работают в качестве волонтеров, причем если в 2016 г. число волонтеров на 1000 населения в возрастных группах 15–19 и 20–29 лет была наибольшей, то в 2018 г. их вовлеченность снизилась. В структуре волонтеров (вопреки ожиданиям) доля молодежи не превышает четверти (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение населения, работающего в качестве волонтеров,
по возрастным группам в 2016–2018 гг.**

Группа/год	2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	на 1000 населения	в % от числа волонтеров	на 1000 населения	в % от числа волонтеров	на 1000 населения	в % от числа волонтеров
Всего ИЗ НИХ:	9,8	100	10,0	100	10,7	100
Возраст						
15–19	17,5	8,2	18,2	8,3	22,3	10,0
20–29	13,1	19,2	12,0	16,1	12,2	14,8
30–39	11,4	18,6	11,6	18,8	12,0	19,0
40–49	14,1	17,2	12,5	16,7	13,1	17,1
50–59	14,3	21,4	13,6	19,5	14,3	19,1
60 и старше	7,3	15,3	10,0	20,7	9,8	19,7

Составлено и рассчитано К. Е. Косыгиной по данным [13].

Гражданская активность молодежи формируется на фоне социально-экономической и политической ситуации в стране. Результаты долгосрочного мониторинга, который проводит ВолНЦ РАН на территории Вологодской области с 1996 г., показывают, что динамика общественного мнения о ситуации в стране в различных возрастных категориях, включая лиц молодого возраста, имеет в целом позитивную тенденцию: оценка политической ситуации в России остается стабильной. При этом за период с 2012 г. (за «точку отсчета» для анализа современных тенденций мы взяли начало третьего президентского срока В. Путина) очевиден тренд увеличения поддержки главы государства. Растет доля положительных характеристик своего повседневного настроения; повышается запас терпения и снижается потенциал

протеста. Все это говорит о том, что общество конструктивно подходит как к оценке ситуации в стране, так и к реализации задач по ее постепенному реформированию (табл. 5).

Таблица 5

Некоторые параметры социального самочувствия населения (%)

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Доля положительных оценок политической ситуации в России							
До 30 лет	40,1	42,8	40,0	29,2	28,3	37,1	42,7
30–55 лет	40,1	42,7	34,4	25,2	26,2	34,6	40,1
Старше 55 лет	38,9	38,6	35,0	23,8	23,0	31,3	39,8
Доля положительных оценок экономической ситуации в России							
До 30 лет	10,8	10,1	11,9	7,4	9,4	12,7	16,5
30–55 лет	10,9	11,9	9,6	5,8	7,3	11,7	14,7
Старше 55 лет	10,5	9,2	8,0	5,8	6,7	10,6	13,1
Уровень одобрения деятельности Президента							
До 30 лет	49,7	52,9	63,3	68,0	68,4	64,6	63,0
30–55 лет	50,9	55,4	63,0	68,5	65,1	65,6	64,9
Старше 55 лет	54,6	57,1	66,2	70,4	71,1	71,0	69,9
Доля положительных оценок социального настроения							
До 30 лет	72,3	75,5	75,1	77,1	76,3	78,0	79,9
30–55 лет	67,9	69,2	69,5	67,2	67,4	71,5	72,6
Старше 55 лет	62,1	62,4	65,4	65,5	64,0	64,8	65,2
Запас терпения (доля людей, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть»)							
До 30 лет	78,1	81,7	83,7	81,6	81,7	80,6	78,7
30–55 лет	76,6	79,4	80,8	78,0	76,8	76,8	77,3
Старше 55 лет	75,1	77,2	78,8	77,1	77,4	77,4	76,0
Потенциал протеста							
До 30 лет	19,1	17,4	17,7	20,5	15,4	15,3	16,7
30–55 лет	20,9	17,3	20,1	22,9	20,9	18,1	19,1
Старше 55 лет	19,6	17,4	18,0	19,1	19,4	17,7	19,8

Вместе с тем сохраняются проблемы, связанные с оценкой экономической ситуации и своего личного материального положения. Доля отрицательных оценок экономической ситуации в стране, а также своего личного материального положения превалирует над удельным весом позитивных характеристик. Снижается доля людей «среднего достатка» и растет удельный вес тех, что субъективно причисляет себя к категории «бедных и нищих». Индекс потребительских настроений, отражающий прогнозы людей относительно будущего экономики России и своего личного благосостояния, хотя и увеличивается последние три года (с 2015 г.), по-прежнему остается в пределах 100 пунктов (что говорит о преобладании пессимистических суждений, табл. 6).

Таблица 6

Оценка экономической ситуации в стране и материального положения (%)

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Доля положительных оценок экономической ситуации в России							
До 30 лет	10,8	10,1	11,9	7,4	9,4	12,7	16,5
30–55 лет	10,9	11,9	9,6	5,8	7,3	11,7	14,7
Старше 55 лет	10,5	9,2	8,0	5,8	6,7	10,6	13,1
Доля отрицательных оценок экономической ситуации в России							
До 30 лет	22,8	27,7	22,5	32,0	34,4	29,9	25,5
30–55 лет	26,4	29,2	27,6	36,8	38,2	33,0	27,0
Старше 55 лет	26,1	29,6	26,0	35,8	38,4	32,2	28,3
Доля положительных оценок материального положения своих семей							
До 30 лет	11,9	11,3	14,0	10,4	12,8	12,1	14,0
30–55 лет	11,0	12,3	11,3	6,9	9,0	11,5	12,0
Старше 55 лет	7,2	7,3	9,1	7,6	7,6	8,8	10,4
Доля отрицательных оценок материального положения своих семей							
До 30 лет	22,2	24,8	24,0	28,8	26,4	29,5	25,5
30–55 лет	28,4	28,2	29,2	32,3	34,0	31,8	29,7
Старше 55 лет	30,0	30,6	29,2	31,2	34,3	33,2	33,0
Доля тех, кто субъективно относит себя к категории «людей среднего достатка»							
До 30 лет	52,8	48,8	47,5	41,2	47,9	46,0	43,9
30–55 лет	45,0	44,6	43,6	38,7	42,5	44,0	44,0
Старше 55 лет	37,4	39,0	39,8	37,2	38,3	39,3	39,4

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Доля тех, кто субъективно относит себя к категории «бедных и нищих»							
До 30 лет	36,6	42,8	44,6	47,7	42,7	43,8	40,4
30–55 лет	44,0	46,3	48,6	51,3	49,4	45,4	43,2
Старше 55 лет	51,9	50,8	52,7	51,7	52,0	51,4	50,6
ИПН							
До 30 лет	97,0	94,5	93,0	82,9	83,6	88,0	93,8
30–55 лет	91,9	91,4	87,5	75,2	76,8	85,1	90,5
Старше 55 лет	86,3	85,6	84,2	76,0	75,4	82,0	87,1

Возможно, эта «двойственность» оценки ситуации в стране оказывает влияние на специфические тенденции в динамике показателей гражданской активности и процессов социальной консолидации. Так, например, больше половины молодых людей говорят о том, что они готовы объединяться для достижения общих целей. В то же время широко распространено мнение о том, что сегодня в стране больше несогласия и разобщенности, чем согласия и сплоченности (табл. 7).

Таблица 7

Мнение о сплоченности в стране и готовность к объединению (%)

Категория населения	Готовы объединяться						Не готовы объединяться					
	2013 г.*	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
До 30 лет	50,0	58,5	53,1	41,4	47,7	55,5	19,1	14,6	18,8	24,6	19,5	17,0
30–55 лет	45,3	56,8	54,5	41,2	47,2	48,8	20,2	14,6	19,0	24,2	21,2	24,8
Старше 55 лет	33,3	48,5	43,9	32,8	43,0	44,5	20,2	16,4	18,8	29,6	23,3	26,0
	Сегодня в стране больше согласия, сплоченности						Сегодня в стране больше несогласия, разобщенности					
До 30 лет	12,1	29,2	21,8	24,9	23,1	25,3	58,9	38,6	49,8	44,1	47,7	41,5
30–55 лет	16,8	28,6	21,8	22,8	23,1	24,3	57,6	47,1	48,9	49,0	46,3	44,1
Старше 55 лет	11,1	29,3	20,7	17,5	22,2	24,5	63,5	43,3	49,0	50,2	47,1	44,7

* Вопрос задается с 2011 г. В 2012 г. вопрос не задавался.

Молодые люди, как и население старших возрастов, ощущают последствия атомизации. Это выражается в невысоких оценках ответственности и способности изменить положение дел в населенном пункте, регионе, стране. Более уверены молодые люди в своих возможностях влияния на семью (81 %) и работу (41 %, табл. 8).

Таблица 8

Чувство ответственности и оценка возможности влияния на положение дел... (%)

Вариант ответа	Возрастная группа					
	до 30 лет		от 30 до 60 (55) лет		старше 60 (55) лет	
	1*	2**	1	2	1	2
<i>В Вашей семье</i>						
Да	83,7	80,6	92,8	89,3	85,9	79,6
Нет	5,4	9,3	3,2	4,5	5,6	8,9
Затрудняюсь ответить	10,9	10,1	4,0	6,2	8,6	11,5
<i>У Вас на работе</i>						
Да	49,6	41,1	62,9	54,2	33,1	26,0
Нет	30,2	38,8	24,4	32,3	42,4	49,4
Затрудняюсь ответить	20,2	20,2	12,7	13,4	24,5	24,5
<i>В Вашем доме, дворе, где Вы живете</i>						
Да	27,9	24,0	40,0	34,8	37,5	30,9
Нет	48,8	50,4	41,5	45,8	40,9	44,6
Затрудняюсь ответить	23,3	25,6	18,4	19,4	21,6	24,5
<i>В Вашем городе, районе</i>						
Да	11,6	7,0	13,4	8,5	14,5	6,7
Нет	61,2	65,1	60,4	67,9	60,6	65,4
Затрудняюсь ответить	27,1	27,9	26,1	23,6	24,9	27,9
<i>В Вашем регионе</i>						
Да	7,0	3,1	9,0	5,5	5,2	3,0
Нет	64,3	67,4	63,9	70,9	66,2	68,4
Затрудняюсь ответить	28,7	29,5	27,1	23,6	28,6	28,6
<i>В стране в целом</i>						
Да	7,8	3,9	8,5	5,0	5,6	3,3
Нет	63,6	66,7	63,4	70,6	63,9	67,7
Затрудняюсь ответить	28,7	29,5	28,1	24,4	30,5	29,0

* 1. Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел...

** 2. Можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел...

Сегодня государство действительно чувствует потребность молодежи в том, чтобы менять ситуацию. Поэтому сегодня «существует множество способов вовлечения активной молодежи в общественно-политическую жизнь страны. В частности, в этом вопросе хорошо себя зарекомендовали молодежные образовательные форумы, объединяющие тысячи участников из разных регионов Российской Федерации и разных профессий («Территория смыслов», «Таврида», «Балтийский Артек» и многие другие)» [14]. Регулярно проводятся общероссийские конкурсы, на которых молодежь может проявить свои творческие таланты и организаторские способности. Так, в 2017 г. впервые был проведен конкурс «Лидеры России», на который было зарегистрировано 199 тыс. заявок. Из них почти 20 % — от людей моложе 30 лет; треть заявленных — в возрасте 31–35 лет; 38 % — от 36 до 45 лет и 7,5 % — от 46 до 50 лет [15].

Однако подобные мероприятия помогают появляться отдельным молодежным лидерам и помогают реализовываться конкретным проектам. В целом же социологические исследования показывают, что в общественно-политическую жизнь активно вовлечена незначительная часть молодежи, ее готовность к активным действиям удовлетворена не в полной мере, что дает основания прогнозировать рост гражданского участия молодежи при реализации эффективной молодежной политики.

Заключая, отметим, что

- общие тенденции (оценки ситуации, гражданской активности) в молодежной среде не сильно отличаются от динамики в других возрастных категориях;
- сохраняется конструктивный настрой по отношению к власти, к необходимости постепенного реформирования ситуации в стране. Однако «камнем преткновения» становится динамика уровня и качества жизни;
- у молодежи есть внутренний потенциал, готовность к проявлению социальной активности, однако реальное участие весьма умеренно. Следовательно, надо мотивировать и создавать реальные условия (чтобы «отсутствие интереса» и «нехватка времени» не была главным препятствием в социальном участии).

Источники

1. Прямая линия с В. Путиным 2013 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49261> (дата обращения: 22.07.2019).
2. Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. — 2018. — № 11. — С. 40–53.
3. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. — 2011. — № 1 (13). — С. 130–139.
4. Матраева А. Д. Креативность студенчества как фактор инновационного развития общества // Власть. — 2017. — № 7.
5. Горшков М. К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий Юга России. — 2013. — № 1. — С. 12–22.

6. Луков В. А., Луков С. В., Погорский Э. К. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook. — 2014. — № 2. — С. 6–18.
7. Савельева Е. А. Гражданская активность молодежи: варианты концептуализации понятия // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2013. — № 2.
8. Ласточкина М. А. Нравственные ценности современной молодежи (региональное исследование) // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 8. — URL: <http://human.snauka.ru/2014/08/7535> (дата обращения: 22.07.2019).
9. Ласточкина М. А. Ценности молодежи в контексте социальных трансформаций / М. А. Ласточкина // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты : материалы 5-го Тюменского междунар. социол. форума, 5–6 окт. 2017 г. : [сб. ст.] / Тюм. гос. ун-т, Тюм. обл. Дума, Правительство Тюм. обл., Федеральный научный исследовательский социологический центр Российской академии наук, Тюм. индустр. ун-т, Сургут. гос. ун-т, Тюменское областное отделение Академии социальных наук. — Тюмень, 2017. — С. 862–868.
10. Шогенова Ф. З. Современные ценностные ориентации молодежи (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2018. — № 2.
11. Устинова К. А., Попов А. В. Объективные и субъективные барьеры трудоустройства молодежи в современной России // Вестник НГУЭУ. — 2018. — № 3. — С. 51–64.
12. Россия в цифрах : стат. сб. 2019 г. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_11/Main.htm (дата обращения: 27.07.2019).
13. Обследование рабочей силы // Сайт Федеральной службы государственной статистики России. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 01.07.2019).
14. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. — М. : Общественная палата Российской Федерации, 2016. — С. 35.
15. Завершился прием заявок на участие в конкурсе «Лидеры России» // РИА новости от 8 ноября 2017 г. — URL: <https://ria.ru/society/20171108/1508371945.html> (дата обращения: 27.07.2019).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Е. А. Когай

Курский государственный университет, г. Курск

E-mail: eakogay@mail.ru

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00739
«Социокультурные основания стратегического планирования развития
российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».*

Аннотация. В статье поднимается проблема развития и реализации социокультурного потенциала молодежи регионов Центрального Черноземья. Социокультурный потенциал представлен в работе как ведущий параметр состояния общества. На основе статистических данных, рейтинговых позиций и результатов эмпирических исследований дается оценка состояния ведущих компонентов социокультурного потенциала молодежи. Осуществлен анализ результатов количественных и качественных исследований, проведенных в Курской и Воронежской областях. Делается вывод о наличии весомого социокультурного потенциала молодежи и затруднений в его реализации.

Ключевые слова: регионы Центрального Черноземья, молодежь, потенциал, стратегии развития, полевые исследования.

SOCIO-CULTURAL POTENTIAL OF THE YOUTH OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGIES

E. A. Kogay

Kursk State University, Kursk

E-mail: eakogay@mail.ru

Abstract. The author raises the problem of development and realization of socio-cultural potential of youth in the regions of the Central Black Earth Region. Socio-cultural potential is presented in the work as a leading parameter of the state of society. On the basis of statistical data, rating positions and results of empirical studies, the assessment of the state of the leading components of the socio-cultural potential of young people is given. The analysis of the results of quantitative and qualitative studies conducted in Kursk and Voronezh regions is carried out. The author concludes that there is a significant socio-cultural potential of young people and difficulties in its implementation.

Key words: Central Black Earth regions, youth, potential, development strategies, field research.

В настоящее время весомо возрастает потребность в исследованиях динамики социокультурных процессов, происходящих в российских регионах, а также их аналитического представления в контексте динамики трансформации социокультурного пространства всей России. Происходящие изменения актуализируют проблемы разработки стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, нацеливающих на их устойчивое функционирование и развитие, повышение их социокультурного потенциала. Подготовка и реализация стратегий, в свою очередь, предполагает предварительную оценку этого потенциала, выявление ключевых проблем его реализации и развития. Особое место в данном потенциале занимает социокультурный потенциал молодежи, с которой в значительной мере связано будущее развитие страны и ее регионов. На региональном уровне это нашло отражение в предвыборной программе врио губернатора Курской области: «Мы должны сделать все для того, чтобы молодые люди хотели связать свое будущее с малой родиной, имели возможность для трудоустройства и профессиональной самореализации» [1, с. 13].

Как справедливо заметил Амаратии Сена, лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 г., целью социального развития должно быть не беспредельное возрастание материального или экономического благосостояния, это должно быть, прежде всего, создание людям возможностей выбора, который реализуется через участие в значительном количестве дел, через стремление вести долгую и здоровую жизнь, через обладание доступом к знаниям. И сам факт развития он связывает с вопросом свободы [2, с. 42–43]. Многие формы развития человека имеют социокультурный характер, соответственно реализация этих форм в значительной степени детерминирована социокультурным потенциалом.

Задача данной работы — воссоздать социокультурный потенциал молодежи одного из макрорегионов России — Центрального Черноземья в контексте принятых и разрабатываемых стратегий социально-экономического развития данных регионов.

Одним из первых к изучению социокультурных изменений обратился П. Сорокин [3], указав, что социокультурные переменные выступают факторами этих изменений, так как именно факторы социального и культурного порядка задают вектор движущих сил данных изменений. Социокультурный подход акцентирует внимание на паритетности культуры и социальности из взаимодополнительности. На это обращают внимание российские исследователи А. С. Ахиезер, Н. И. Лапин, Ж. Т. Тощенко и ряд других [4; 5; 6]. Социокультурный потенциал в ходе трансформации социальной жизни задает обширный круг потенциальных возможностей социокультурного развития.

Социокультурный потенциал выступает ведущим параметром состояния общества, так как в него включен довольно широкий спектр позиций — культура в целом (как совокупность ценностей, традиций, религиозных ориентаций, уровня образования и др.), система социальных позиций и иерархий,

активность населения и т. д. В. А. Абрамов подчеркивает, что понятие социокультурного потенциала применяется на макроуровне анализа возможностей осуществления социальной трансформации, обращение к данному понятию способствует выявлению путей и направлений развития, а также препятствий и ограничений «трансформации и жизнеспособности глобализирующегося и регионализирующегося общества» [7, с. 20–21].

Т. И. Заславская называет социокультурный потенциал комплексной характеристикой «сравнительной силы и жизнеспособности крупных социальных общностей... их способности адаптироваться к вызовам внешней — мир-экономической, геополитической и природной — среды и преобразовывать ее в собственных интересах» [8, с. 16].

В нашей работе мы акцентируем внимание на молодежном социокультурном потенциале, на вопросах возможностей его использования в реализации стратегий регионального развития. В этом плане отметим понимание понятия потенциала, представленного в Универсальном энциклопедическом словаре: это «...источники, возможности, средства и запасы, имеющиеся в наличии и могущие быть использованными для достижения определенных целей, осуществления планов, решения задач», а также «возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [9, с. 1026].

Под молодежным потенциалом мы будем понимать совокупность возможностей и способностей разных групп молодежи, которые могут быть задействованы ими в целедостижении, исполнении планов, решении задач, самореализации. В структуре социокультурного потенциала молодежи можно вычленил такие структурные компоненты, как: *демографический потенциал*; *потенциал здоровья*; *образовательный потенциал*; *трудовой потенциал*; *культурный потенциал*; *гражданский потенциал*; *духовно-нравственный потенциал* [10, с. 667]. Проявление действенности ряда из обозначенных компонентов в контексте регионального стратегирования станет одной из задач данной работы.

Но прежде нам следует уточнить понятие молодежи и воссоздать ее возрастные параметры. К возрастной группе молодежи в данной работе мы относим представителей возрастной категории от 14 до 30 лет. Такие рамки заданы распоряжением Правительства от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года». Обратимся к соответствующему определению: «Молодежь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет...» [11]. Для нашего исследования важна верхняя возрастная граница, с учетом которой при анализе результатов эмпирических социологических исследований нами будет произведен отбор именно молодых респондентов.

Как уже отмечалось, в ряде российских регионов в настоящее время уже приняты новые стратегии социально-экономического развития, в других идет активное обсуждение новых стратегических проектов. Анализ данных

документов приводит к выводу о том, что в них постепенно преодолевается технократизм и экономизм, и все более весомую роль начинают играть именно социокультурные факторы, что позволяет надеяться на повышение эффективности стратегий, а также принимаемых на их основе управленческих решений. Этот тренд соответствует установкам, отмеченным Центром стратегических разработок (ЦСР) [12], — необходимости при подготовке документов стратегического характера учета социокультурных условий их реализации — как способствующих, так и препятствующих инновационному развитию российской экономики. Полагаем, что социокультурный потенциал молодежи обозначенного нами макрорегиона — Центрального Черноземья является одним из важнейших социокультурных условий подготовки и воплощения в жизнь стратегических документов.

Эмпирической основой данной работы являются результаты полевого социологического исследования ($N=550$), проведенного в мае-июне 2018 г. на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета на основе типовой методики «Социокультурный портрет региона» [13]. Выборочная совокупность формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов. Выборка в полной мере являлась репрезентативной для региона (с учетом пола, возраста, уровня образования, а также места жительства респондента); ошибка выборки по одному признаку не превышала 3%. В данной работе будут представлены ответы респондентов, возраст которых не превысил на момент исследования 30 лет.

Помимо того, в данной работе найдут отражение результаты четырех фокус-групп, проведенных в ноябре 2018 г. в г. Курске, и двух фокус-групп, проведенных в мае-июне 2019 г. в г. Воронеже на тему «Общественное мнение жителей о социально-экономическом развитии региона». В обозначенных фокус-группах приняли участие респонденты разного возраста, мы же сосредоточим внимание именно на ответах представителей молодежи.

Наконец, будут воссозданы также некоторые сюжеты из глубинных интервью, проведенных в мае-июне 2019 г. с молодыми журналистами, членами НКО, предпринимателями, активистами партий, управленцами по вопросам современной миссии представителей этих социальных институтов в обществе.

Анализ результатов осуществленного исследования позволяет проявить ряд характеристик социокультурного потенциала региона в контексте ряда его составляющих компонентов, а также проявить некоторые препятствия, которые тормозят его реализацию.

Для начала акцентируем внимание на общей оценке человеческого потенциала регионов Центрального Черноземья, фиксируемой через индекс человеческого развития. Отметим, что на 2016 г. все регионы ЦЧ получили относительно высокие значения данного индекса. Белгородская область при этом заняла 8-ю строчку в рейтинге регионов, Липецкая разделила 15–17-е места с Республикой Коми и Свердловской областью, Воронежская

и Курская область заняли 19–21-е строчки вместе с Московской областью, Тамбовская разделила 33–35-е места с Калужской и Нижегородской областями, наконец, Орловская область заняла 38–39-ю позицию вместе с Новгородской областью [14, с. 161–162]. При этом наиболее выигрышные позиции регионы демонстрируют в показателях доли учащихся в возрасте 7–24 лет и индекса образования. Довольно высокими являются также показатели вовлеченности жителей регионов ЦЧ (кроме Липецкой области) в высшее образование: по критерию количества студентов вузов на 10 тыс. чел. Орловская область в 2017 г. заняла 4-е место в России, Воронежская — 8-е, Курская — 9-е, Белгородская — 16-е, Тамбовская — 29-е и лишь Липецкая — 64-е место [15]. Тем самым можно утверждать, что уровень образования молодежи макро-региона является достаточно высоким, знаниевый потенциал в социокультурном потенциале может быть оценен как весьма достойный.

При этом возникают вопросы о том, насколько данный потенциал удастся реализовать, насколько он позволяет молодым людям ощущать себя полноправными гражданами своей страны и выстраивать свои перспективы, связанные со своей малой родиной. Ряд ответов на обозначенные вопросы получены нами в ходе полевых исследований, проведенных в типичном регионе Центрального Черноземья — Курской области — в мае 2018 г. Обратимся сначала к вопросам об удовлетворенности жизнью и уверенности в будущем представителей молодого поколения (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Удовлетворенность жизнью молодых жителей Курской области

	Молодежь региона	Жители Курской области в целом
Полностью удовлетворен	11,1	13,7
Скорее удовлетворен	48,0	54,3
Затрудняюсь сказать точно	14,2	11,5
Не очень удовлетворен	22,4	16,0
Совсем не удовлетворен	3,8	0,4
Отказ от ответа	0,5	0,1

Данные таблицы свидетельствуют о том, что удовлетворенность жизнью курской молодежи без малого на 9% (68 против 59,1%) уступает удовлетворенности жизнью населения региона в целом. Помимо возможного неприятия некоторых условий жизни в регионе этот показатель можно связать с характерными особенностями возраста, для которого присуще весьма критическое восприятие наличных ресурсов.

Теперь вопрос об уверенности в будущем молодых жителей региона.

Таблица 2

Уверенность в будущем молодых жителей Курской области

	Молодежь региона	Жители Курской области в целом
Вполне уверен	16,0	14,4
Скорее уверены, чем нет	34,4	35,6
Не могу сказать точно	25,2	25,3
Скорее не уверен, чем уверен	16,0	16,4
Совершенно не уверен	8,4	7,8
Отказ от ответа	–	0,5

Данные таблицы показывают, что уверенность в будущем у молодежи региона практически совпадает с уверенностью в будущем жителей области в целом (50,4 против 50,0%), при этом практически совпадает как доля неуверенных в будущем, так и доля неопределившихся с ответом. Можно сказать, что в ответах на данный вопрос молодые люди, как и остальные жители региона, демонстрируют весьма реалистический настрой на ближайшую перспективу и трезвую самооценку своих возможностей. Подтверждением данной позиции является также оценка своих собственных сил, а также сил ближайшего и отдаленного, но весьма влиятельного круга людей и социальных институтов (табл. 3).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что ответы молодых респондентов довольно близки к ответам жителей региона в целом по большинству вопросов, за исключением первого вопроса. Согласно проведенному исследованию 95,4% молодых людей выразили уверенность в том, что улучшение их жизни зависит, прежде всего, от них самих, по региону эта уверенность несколько ниже — 90,4%. Такие оценки свидетельствуют о позитивном ценностном сдвиге в сознании как молодых граждан, так и жителей региона в целом, о постепенном преодолении патерналистской позиции и выражении готовности к проявлению ответственности за свою собственную судьбу, за свое благосостояние.

Определенные представления о трудовом потенциале молодежи мы получили из распределения ответа на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?». Каждый третий молодой респондент дал ответ «Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее» (29 против 18,7% в регионе в целом), каждый пятый — «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» (20 против 12,2% в регионе в целом). Как видим, молодежи присуща большая смелость при выборе форм работы по сравнению с более взрослыми людьми, а также более высокая степень готовности к риску и самостоятельности в работе.

Таблица 3

**Распределение ответов жителей Курской области на вопрос
«Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни
сегодня зависит...» (в % от опрошенных)**

	От Вас самих		От Ваших близких родственников		От друзей, земляков		От областных властей		От общероссийской власти	
	Молодежь	Все жители	Молодежь	Все жители	Молодежь	Все жители	Молодежь	Все жители	Молодежь	Все жители
Полностью зависит	80,9	70,9	18,3	21,6	5,4	7,1	14,5	12,9	26,0	25,8
Пожалуй, зависит	14,5	19,5	51,9	50,2	28,2	29,5	33,6	36,2	38,9	38,9
Не знаю, трудно сказать	3,8	4,7	13,7	10,2	21,4	19,3	22,9	18,7	14,5	13,5
Пожалуй, не зависит	0,0	2,9	10,7	11,6	30,5	25,6	22,9	19,5	13,0	12,0
Совсем не зависит	0,1	2,0	5,3	6,4	14,5	18,5	6,1	12,7	7,6	9,8

Культурные предпочтения молодежи в определенной мере были проявлены в ответах на вопрос, как часто удавалось посещать молодым людям те или иные культурные и спортивные учреждения. Лидером по посещаемости стал при этом кинотеатр (еженедельно или 1–3 раза в месяц его посещают 44 % молодых респондентов), далее идут стадион (35 %), дискотека (29 %), библиотека (18 %) и клуб по интересам (16 %). Наименьшие предпочтения оказаны цирку (3 %), довольно редко посещает молодежь театр и музей (тот и другой — 9 %). При этом важно отметить высокий уровень обеспеченности молодых людей современными технологическими средствами — практически 100 % молодежи обеспечены мобильными телефонами, компьютерами, имеют выход в интернет и общаются в социальных сетях.

Что касается гражданского потенциала молодежи, то здесь следует отметить довольно низкую вовлеченность молодых людей в деятельность общественных организаций: 8 % молодых людей указали на членство в профсоюзных организациях, 2 % — культурных организациях, 1 % — религиозных организациях и 1 % — других организациях. Если же обратиться к протестному потенциалу молодежи, то его можно назвать весьма весомым — 54,4 % (против 40,9 % — ответы жителей региона в целом) выразили готовность принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека. Данный потенциал можно назвать латентным, но,

помноженный на вовлеченность молодежи в коммуникацию в социальных сетях, этот потенциал может привести к весьма серьезным и даже опасным последствиям в реальной жизни.

Соответственно крайне важно молодежную активность направлять в конструктивное, созидательное русло. И привлечение молодых людей к разработке и реализации в жизнь стратегий регионального развития — одно из таких направлений творческого взаимодействия представителей органов управления и представителей молодежи. Доказательства данному тезису мы получили при проведении качественных исследований — фокус-групп на тему «Общественное мнение жителей о социально-экономическом развитии региона» в Курской и Воронежской областях.

Какие же предложения изменению социокультурной ситуации в регионах Центрального Черноземья прозвучали в данных исследованиях? Обратимся к некоторым из них.

В *Курской области* молодыми участниками фокус-групп активно обсуждались вопросы обеспечения комфортной городской среды посредством привлечения молодых специалистов-архитекторов; решения проблемы мусора, очищения рек с привлечением молодежи, с применением социальной рекламы; максимального использования социальных сетей для обеспечения обратной связи органов власти и молодежи («Необходимо наладить работу в социальных сетях. Реакция органов власти в информационном пространстве может позволить снизить уровень возмущений населения. Наладить обратную связь с населением. Интерактивная информация для граждан». София, 26 лет). Молодые общественники указали на необходимость создания зон отдыха «для детей, мам и разных категорий населения», на важность наполнения «городской среды и ее объектов душой» (Григорий, 22 года). Студенческая молодежь акцентировала внимание на важности омоложения кадрового аппарата администрации региона, обеспечения выпускников вузов достойно оплачиваемыми рабочими местами, создания экспертного совета при губернаторе области по определению приоритетов социально-экономического развития региона, широкого развития транспортной сети в областном центре и за его пределами; реставрации зданий — памятников культуры, создания исторической зоны в городе Курске, его архитектурном преобразении и многих других вопросах. В качестве приоритетных направлений развития региона представители студенчества указали на развитие системы трудоустройства молодежи; поддержку отдельных отраслей экономики (образования, здравоохранения и др.) и видов деятельности со стороны государства, способных привести к созданию новых рабочих мест; повышение престижности среднего профессионального образования в молодежной среде; усиление контроля над обеспечением чистоты и порядка на улицах курских городов; активизацию деятельности муниципальных служб; повышение гражданской ответственности жителей региона; активизацию усилий по изысканию финансовых средств на решение социально-экономических проблем, а также на реставрацию исторических зданий и памятников

культуры. В качестве *приоритетных направлений развития* студенчеством также была названа молодежная политика, в рамках осуществления которой было предложено обеспечить более тесное взаимодействие молодежных общественных организаций и органов власти, а также существенно повысить уровень информированности молодежи о возможностях проектной деятельности и ее практической реализации. У молодежи появляется много идей. Но при этом возникает и множество вопросов: «*Как это организовать? Что можно сделать? К кому следует обращаться?..*».

Следует отметить, что проведение самих фокус-групп в Курской области было инициировано врио губернатора Р. В. Старовойтом. На основе анализа данных качественных исследований, а также результатов полевых опросов в регионе был дан толчок проведению проектных мастерских по корректировке и содержательному наполнению проекта стратегии социально-экономического развития Курской области. Работа проектных мастерских продолжалась в течение ряда месяцев, где участники дискуссий, среди которых существенную часть составили молодые люди, представили множество конкретных предложений осуществления преобразований в регионе по приоритетным направлениям развития [16; 17; 18]. Под влиянием работы данных мастерских была произведена значительная корректировка проекта стратегии социально-экономического развития, и реализация проактивной молодежной политики была обозначена в нем в качестве одной из ключевых задач социального развития [19].

Довольно плодотворными можно считать итоги проведения фокус-групп в *Воронежской области*. Ведущими проблемами развития региона молодые участники исследования назвали вопросы транспортной инфраструктуры, утилизации мусора, качества медицинского обслуживания и ряд других.

К *приоритетным направлениям* социально-экономического развития были отнесены антимонопольная политика в сельском хозяйстве, реорганизация губернаторской команды с целью повышения качества управленческой работы, возрождение промышленности в регионе, привлечение инвестиций в область для ее социально-экономического развития, обращение к вопросам развития культурной политики, а также политики молодежной, создание мер эффективного стимулирования выпускников школ и вузов, повышение уровня жизни воронежцев, обеспечение условий для развития третьего сектора — предпринимательства, развитие рекреационного потенциала, создание комфортной городской среды. Важно отметить при этом, что настрой аудитории в воронежских группах был более сдержанный, а сами высказывания и предложения — более приземленными и расчетливыми. Что касается вопроса о привлечении молодежи к разработке и реализации стратегии развития региона, то тут также были высказаны довольно осторожные позиции. Вот некоторые из них. Был задан вопрос о том, на чью поддержку может рассчитывать губернатор в реализации проектов развития региона. Готовы ли участники фокус-группы помочь и в чем, если готовы. В ответах прозвучали предложения рассчитывать на поддержку тех слоев населения,

которые в этом, возможно, разбираются. И далее замечание: «Я пока что не готов, так как я пока что только обучаюсь» (Николай). Схожая позиция: «У губернатора существуют определенная программа, с которой он приходит к власти, и соответственно он должен опираться на те слои населения, интересам которых эта программа соответствует. Лично я, так я являюсь учащимся и предпочитаю сконцентрировать все свои усилия на учебе, я лично ничем... не могу помочь...» (Алексей). И еще одна такого же рода: «На кого он (губернатор. — Е. К.) может опираться, честно, я не знаю. А по поводу себя, мне кажется, что на данном этапе вот именно молодежь, начиная с 16 и до 20, 22, мы можем быть полезны только, если... какое-то волонтерское задание, то, что в наших силах. Именно учитывать наше мнение в каких-то вопросах не образования, более серьезных, так как мы не прожили еще жизнь, я думаю, что это бесполезно и даже глупо». Мы видим некоторую нарочитую отстраненность молодых людей от сферы принятия решений, от возможностей вовлечения в проектные дела, причем демонстративного характера. Справедливости ради отметим, что в ходе исследования были представлены и иные позиции, допускающие возможность участия молодежи в реализации проектов в меру их компетентности и возможностей. А вовлеченные в общественную работу и деятельность НКО участники фокус-групп ответили на вопрос о возможности и желании помогать губернатору кратко: «Уже...». Тем самым можно прийти к выводу об амбивалентной оценке молодых жителей Воронежской области ближайшего будущего региона и возможностей применения своего собственного потенциала в реализации стратегических региональных проектов на ближайшую перспективу. Хочется также дополнить полученные в исследовании результаты высказыванием, прозвучавшим из уст одного из участников региональной научно-практической конференции «Общество и власть. История и современность»: «После ухода губернатора Гордеева у нас складывается впечатление, что о нашем регионе попросту забыли».

Обратимся теперь к нескольким содержательным сюжетам, которые нам удалось получить в ходе проведения глубинных интервью с молодыми представителями различных социальных групп в Курской области. Так, *представитель власти* обратил внимание на факт повышения меры ответственности сотрудников органов управления и усиления требований к органам власти со стороны населения: «Работать в органах власти очень непросто, нужно владеть большим объемом <информации>, надо принимать решения, нести ответственность, это обязательная часть государственной службы, люди за это переживают, большая моральная и физическая нагрузка ложится... Чем больше доверия к власти, тем больше люди хотят эту власть поддерживать, голосовать за нее. Вот я обещал это сделать, я либо это сделал, либо нет. Если я этого не сделал, то, естественно, на следующих выборах мне это припомнят, если я выполнил свое обещание, то мне это припомнят в хорошем смысле этого слова. Сейчас все люди хотят конкретных результатов, обещаний уже недостаточно».

Молодые предприниматели в регионе, как правило, одновременно являются и активистами-общественниками, вовлекаются в работу экспертного

совета молодых профессионалов, сотрудничают со структурами местного самоуправления и дают высокую оценку региональной молодежной политике: «Молодежь у нас замечательно развита, у нас очень высокий рейтинг в плане развития молодежи среди регионов. По вопросу развития молодежной политики мы лидеры. У нас очень хорошо развита молодежь, а молодежь — наше завтра, поэтому инициативных ребят очень много среди молодежи и возможности быть услышанными у них очень много».

Представители НКО акцентируют внимание на необходимости «...активно ... заниматься молодежью, непосредственно от школьной скамьи и далее в университетах. Поскольку это своего рода такое же общественное самоуправление. Активная работа в учебных заведениях далее выливается в общественную деятельность. Итак, популяризация, поддержка государства, воспитание молодежи — это самые главные факторы формирования гражданского активиста».

Представители СМИ высоко оценивают вероятность появления политических инициатив в регионе в будущем: «...сейчас много волонтерских организаций, активистов, общественников, все это молодые люди, и когда они войдут в зрелый возраст от 30 лет, конечно, они начнут заниматься политической повесткой, то есть они уже сейчас начинают этим заниматься. Все касается политики так или иначе, если мы политику достаточно широко понимаем, не просто коммуникацию, но как управленческую модель, это новая элита, новые лидеры...»

Нельзя не отметить также, что молодые *партийные активисты* усматривают свою миссию в осуществлении активной работы с молодежью: «Миссия активиста партийного — это, прежде всего, развитие молодежной политики на территории города, области. Заключается она именно в деятельности общественной — проводить акции, мероприятия и т. д.». Они отмечают, что в регионе при муниципальных образованиях существует множество молодежных советов, создан молодежный парламент при Курской областной думе. И резюмируют утверждением о том, что в Курской области можно найти очень много заинтересованной молодежи.

Завершить данную работу хочется довольно любопытным парадоксом, отмеченным на одном из мероприятий общественности Курской области. После освещения множества ярких сюжетов, касающихся эффективности молодежной политики в регионе, была подведена своеобразная черта: молодежная политика у нас хорошая, но молодежь из региона активно уезжает. Отсюда можно сделать следующий вывод: социокультурный потенциал молодежи регионов Центрального Черноземья является довольно весомым, однако он встречает весомые препятствия на пути трансформации в реальный капитал, причем препятствия как внешнего порядка (социокультурные условия), так и внутреннего (мотивы, ценности, интересы). Выразим надежду на то, что в определенной мере разрешить данное противоречие помогут новые разрабатываемые в регионах стратегии социально-экономического развития и реальное приобщение молодежи к их реализации.

Источники

1. *Старовойт Р. В.* Время эффективный действий! Предвыборная программа. — Курск, 2019. — 36 с.
2. СМ. : *Веряскина В. П.* Ценностно-нормативные источники концепции человеческого потенциала // Человек. — 2005. — № 2. — С. 41–45.
3. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. статья и коммент. В. В. Сапова. — М. : Астрель, 2006. — 1176 с.
4. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). — Т. 1. От прошлого к будущему. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. — 807 с.
5. *Лапин Н. И.* О социокультурной эволюции и модернизации // Философские науки. — 2017. — № 7. — С. 9–15.
6. *Тощенко Ж. Т.* Социология жизни. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. — 399 с.
7. *Абрамов В. А.* Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. — М. : Восточная книга, 2010. — 240 с.
8. *Заславская Т. И.* О социально-трансформационной структуре современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перспективы. — 2000. — № 1. — С. 15–19.
9. Универсальный энциклопедический словарь / под ред. А. П. Горкина. — М. : Большая российская энциклопедия, 1999. — 1551 с.
10. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. Опыт междисциплинарного комплексного исследования / под ред. Е. Г. Слущкого. — СПб. : Знание, 2004. — 734 с.
11. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 10.06.2019).
12. *Аузан А. А., Авдиченкова М. А., Андреева Д. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Бутаева К. О.* и др. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. — М. : Центр стратегических разработок, 2017. — 192 с.
13. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). — М. : ИФРАН, 2010. — 111 с.
14. Человек и инновации. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. — М. : Аналитический центр при правительстве РФ, 2018. — 170 с.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 1162 с.
16. Проектные мастерские в Курске разрабатывают стратегию развития региона. — URL: <http://riakursk.ru/proektnye-masterskie-v-kurske-razrab/> (дата обращения: 20.05.2019).
17. *Белякова Ю.* В Курске подводят первые итоги работы «Мастерских проектов». — URL: <https://seyminfo.ru/v-kurske-podvodyat-pervye-itogi-raboty-masterskih-proektov.html> (дата обращения: 20.05.2019).
18. *Леонова К.* Как «Мастерские проектов» помогут решить проблемы Курского края // Курские известия. — 2019. — 25 июня. — URL: <http://kursk-izvestia.ru/news/96228/> (дата обращения: 27.06.2019).
19. Стратегия социально-экономического развития Курской области до 2030 года. Регион прорыва (проект по состоянию на 17.07.2019 г.) // Администрация Курской области [официальный сайт]. — URL: <http://adm.rkursk.ru/index.php?id=1747> (дата обращения: 27.09.2019).

УДК 316.47

DOI: 10.25990/hse.conf-15.2bgs-1k65

МОТИВАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА ПОКОЛЕНИЯ Z

Л. Д. Козырева

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

E-mail: kozyreva-ld@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлены методологические проблемы изучения системы мотивации поведения и деятельности молодого поколения. Новизна исследования заключается в разработке модели мотивационного комплекса типичного представителя поколения на основе концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности В. А. Ядова. Практическая значимость данной модели состоит в возможности алгоритмизировать деятельность в сфере проектирования эффективных систем мотивации и стимулирования труда, обучения и воспитания.

Ключевые слова: мотив, мотивация, мотивационный комплекс, теория поколений, поколение Z, концепция диспозиционной регуляции социального поведения личности.

MOTIVATIONAL COMPLEX OF A YOUNG PERSON OF GENERATION Z

L. D. Kozyreva

North-West Institute of Management of RANEPa,
Saint Petersburg

E-mail: kozyreva-ld@ranepa.ru

Abstract. The article presents methodological problems of studying the system of motivation of behavior and activity of the younger generation. The novelty of the study is to develop a model of motivational complex of a typical representative of the generation on the basis of the concept of dispositional regulation of social behavior of the individual V. A. Yadov. The practical significance of this model is the ability to algorithmize activities in the design of effective systems of motivation and stimulation of labor, training and education.

Key words: motive, motivation, motivational complex, generation theory, generation Z, the concept of dispositional regulation of social behavior.

Введение

Сегодня по всему миру в активную жизнь вступает новое поколение, представители которого родились на рубеже веков. Совершенно очевидно, что в ближайшее время именно они будут определять важнейшие направления

мирового развития. Изучение особенностей данного поколения составляет сложную и актуальную исследовательскую проблему.

Особую значимость эта проблема приобретает в трудовой сфере, когда речь заходит о поиске наиболее эффективных систем мотивации труда для нового поколения работников. Практики (работодатели и HR-специалисты) столкнулись с данной проблемой, когда на рынке труда появилось предшествующее поколение, отличающееся отсутствием интереса к напряженной работе, командным формам ее организации. Уже тогда начались поиски новых систем мотивации и стимулирования труда. К примеру, международная сеть компаний PricewaterhouseCoopers (PwC) в период 2011–2012 гг. провела 30 фокус-групп, 1000 интервью с представителями данного поколения, 144 000 онлайн-опросов в 18 регионах мира. В 2013 г. PwC совместно с Университетом Южной Калифорнии и Лондонской школой бизнеса представила результаты масштабного исследования, на основе которых были сформулированы рекомендации для работодателей [1]. Аналогичная проблема возникает и сегодня, когда на рынке труда появилось поколение Z.

Изучение мотивов поведения и деятельности важно и для разработки эффективной молодежной политики, решения проблем образования и воспитания. В этом направлении также появились работы, заслуживающие внимания. Однако в целом следует признать, что отечественные разработки сегодня значительно отстают от западных. В них отсутствует системность, нет прочного методологического фундамента.

Цель данного исследования — на основе анализа особенностей поколения Z смоделировать мотивационный комплекс молодого человека — типичного представителя данного поколения, тем самым предложить методологию и алгоритм исследования данного феномена.

Совершенно очевидно, что предстоит создать идеальный тип, но для разработки практических рекомендаций для работы с данным поколением такой методологический прием представляется целесообразным. Хотя необходимо оговориться, что здесь мы абстрагируемся от отдельных индивидуальных черт каждого отдельного человека поколения, идя на известный исследовательский риск. Как отмечает У. Кемпбелл, когда вы проводите исследования групповых отличий — независимо от того, идет ли речь о культурах, полах или поколениях, — всегда есть риск рассматривать различия и стереотипировать отдельных людей в негативном (и иногда в позитивном) ключе. В каждом поколении представлено большое разнообразие индивидуальностей [2].

Теоретико-методологические основы исследования: 1) содержательные теории мотивации, в рамках которых рассматривается сущность (мотив — внутреннее побуждение) и структура внутренних побуждающих причин (потребностей), в первую очередь, диспозиционная модель В. А. Ядова и др.; 2) теория поколений, на современном уровне ее разработанности в научной литературе. Исследование сфокусировано на поколении молодежи, которое в настоящее время вступает в активную трудовую жизнь и будет определять важнейшие направления развития. В исследовании оно определяется как поколение Z.

Эмпирическая база исследования — данные международных исследовательских организаций и центров, проводящих исследования по поколенческой проблематике, — Делойт (Deloitte), Ипсос (Ipsos) и др.; аналитические материалы отечественных исследовательских центров — ВЦИОМ, ФОМ и др.; результаты исследований российских социологов, представленные в рамках проекта «RuGenerations — Теория поколений в России»; данные социологических исследований динамики ценностных ориентаций, проводимых автором с середины 80-х годов прошлого века.

Логика исследования такова: определение сущности понятия «поколение»; выявление особенностей поколения Z на основе сравнительного анализа с предшествующими поколениями; определение доминирующих ценностей и мотивов деятельности изучаемого поколения; создание модели мотивационного комплекса молодого человека поколения Z.

Категория «поколение» в социологической теории

Категория «поколение» давно является предметом исследовательского интереса в политических, социальных и гуманитарных науках, менеджменте и маркетинге, связях с общественностью. Подход каждой отдельной дисциплины обладает определенной спецификой, что отразилось, к примеру, в классификации В. Т. Лисовского. Он утверждает, что можно говорить о *демографическом* поколении (совокупность сверстников, родившихся приблизительно в одно время и образующих возрастной слой населения); об *антропологическом* поколении (совокупность людей, имеющая общих предков); об *историческом* поколении (охватывает отрезок времени, равный интервалу между рождением родителей и рождением детей); о *хронологическом* поколении (живет в определенный период времени); о *символическом* поколении (современники, жизнь которых совпала с особым периодом истории, сделав их свидетелями и участниками определенных событий) [3].

Социологический подход, с одной стороны, интегрирует представления о поколениях в различных науках, с другой — образует для них методологический фундамент исследования данного социального феномена. На наш взгляд, в наибольшей степени это отразилось в исследовании М. В. Глотова, определившем «поколение» как объективно складывающуюся социально-демографическую и культурно-историческую общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени. Социолог подчеркивает, что поколению присущи типичные антропогенетические, социально-психологические, идейно-нравственные и этнокультурные характеристики, сходные духовные ценности, социальный опыт и образ жизни. Работа М. В. Глотова значима еще и тем, что в ней уточнены понятия «конфликт поколений», «преемственность поколений» и т. д. [4, с. 42].

С начала 90-х гг. прошлого века на Западе, как в публицистике, так и в науке, проявился интерес к поколенческой проблематике. Одной из первых

таких работ стала монография У. Штраус (William Strauss) и Н. Хоува (Neil Howe) «Поколения. История Американского будущего. 1584–2069», в которой на основе анализа значительного исторического материала целого ряда стран (США, Южной Кореи, Гонконга, Сингапура, Японии, ЮАР, стран Европы и Латинской Америки) были сделаны выводы, составившие *теорию поколений*. В данной работе и последующих публикациях «поколение» определяется как совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени (примерно 20 лет) или проживших в один исторический период как минимум одну фазу жизни: детство, молодость, средний возраст или старость, которая соответствует трем критериям: проживают в одну историческую эпоху с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями; разделяют определенные общие убеждения и модели поведения; имеют сходный опыт и особенности мировосприятия [5].

Даже поверхностный анализ отечественных дефиниций и западного подхода позволяет сделать вывод о том, что в американских исследованиях поколений сделан «аксеологический акцент». Ключевой категорией теории поколений является понятие «поколенческие ценности», являющиеся важнейшей составной частью системы ценностных ориентаций человека. Они формируются в возрасте 12–14 лет под воздействием окружающей среды и воспитания в семье.

Следует оговориться: поколенческий подход в «американском варианте» весьма уязвим для критики. Оппоненты упрекали создателей теории поколений в спекулятивности их рассуждений, поводом не в последнюю очередь стал публицистический стиль изложения; ссылались на слабую эмпирическую обоснованность выводов. Главная же претензия состояла в том, что глобальные выводы были сделаны на основе «судьбы» и ценностей представителей американского среднего класса, т. е. в рамках американского культурно-исторического контекста.

Следующим этапом в развитии теории поколений стали системные исследования (с 2003 г.) поколенческой динамики в рамках проекта «RuGenerations — Теория поколений в России» под руководством Е. Шамис и Е. Никонова. Отечественные исследователи попытались адаптировать «классическую» теорию поколений к российским реалиям, результатом чего стали многочисленные публикации последователей теории поколений — экономистов, психологов, представителей управленческой науки и т. д.

Интересным представляется проект, подготовленный социологами Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), Фондом подготовки кадрового резерва «Государственный клуб», Фондом социальных и маркетинговых исследований (Калининград), в рамках которого было констатировано снижение и переориентация притязаний молодых, проявившееся в более выраженном стремлении к хорошей работе, карьере, образованию; чаще выражаемому желанию создать семью и воспитать детей; менее выраженном акценте на материальных ценностях. На основе метода интегральной типологизации социологи представили пять типов российской молодежи поколения Y:

«госрезерв» (16 %); «яппи» (19 %); «офисный планктон» (20 %); «бюджетники» (13 %); «пролетарии» (17 %) [6].

Значимым для изучения динамики ценностных ориентаций молодежи был проект ФОМа «Новое поколение» (2009–2011), в рамках которого осуществлялся мониторинг социальных и политических ценностей российской молодежи. Исследования показали, что российская молодежь более лояльна к власти, чем старшие группы населения, и реже готова выйти на улицы, чтобы отстаивать свои права [7].

В 2015–2017 гг. группой исследователей под руководством М. Р. Мирошкиной реализуется комплексное междисциплинарное исследование по теме «Цифровое поколение. Портрет в контексте образования». Одним из значимых выводов данного исследования стало положение о том, что сегодня практически сформирована иная жизненная среда человечества — цифровое биосоциальное пространство, в котором виртуальное пространство есть продолжение физического и социального. Сегодняшние дети — это цифровые дети. Исследователи утверждают, что современное интернет-поколение можно охарактеризовать как *глобальных детей*, у которых неограниченные возможности получения и переработки информации, знаний [8, с. 33].

Особенности поколения Z

Ценности, ценностные ориентации и мотивы действий представителей того или иного поколения формируются на основе опыта предшествующих поколений, собственного опыта и, конечно, под воздействием политических и экономических событий.

Сошлемся на исследования, проводимые международными исследовательскими центрами и организациями. Так, существенные отличия поколения Z от предшествующего изучаются «Делойт». Эта международная организация ежегодно проводит исследования, направленные на анализ процесса восприятия респондентами из поколения Y и Z возникающих угроз и возможностей, которые несет в себе все более усложняющийся мир. В отчете этой организации подчеркивается, что представители поколения Y «пессимистично относятся к перспективам политического и социального роста и обеспокоены вопросами безопасности, социального равенств и экологической устойчивости» [9]. Поколение Z в этом отношении более оптимистично, но не намного.

Отмечается снижение воздействия мотивирующих и стимулирующих факторов, обусловленное несоответствием декларируемых ценностей реально существующим в организации. По мнению опрошенных, демотивирующим фактором выступают приоритеты значительного числа компаний. Они полагают, что три ключевых приоритета в их организациях — повышение прибыли, эффективности и производства / продаж товаров и услуг — должны являться наименее важными задачами, в то время как основное внимание следует уделить созданию рабочих мест и улучшению жизни людей.

Конечно, подобные высказывания представителей поколения Z можно рассматривать как юношеский максимализм, отсутствие жизненного опыта и опыта общения, в том числе и с руководством. Но нельзя отрицать демотивирующий характер погони за прибылью — и не только для молодого поколения.

Представители поколений Y и Z выступают за создание в организации мотивирующей и стимулирующей среды, основанной на соблюдении руководством принципа многообразия. Многообразие понимается как, во-первых, толерантность, инклюзивность и открытость (18% представителей поколения Y, 19% представителей поколения Z); во-вторых, уважение и признание личности (17% представителей поколения Y, 21% представителей поколения Z); разнообразие идей и образов мышления (14% в обеих группах) [9].

Есть исследования, в которых утверждается, что моральные ценности представителей поколения Z более консервативны, чем у предшествующих поколений. Результаты многочисленных опросов свидетельствуют о том, что они реже, чем предыдущие поколения, употребляют наркотики и алкоголь, меньше курят и занимаются сексом. Здоровье в их системе ценностей занимает далеко не последнее место [10].

По данным исследовательской организации Ipsos, представители поколения Z меньше совершают преступлений и вообще против насилия в любых его формах [11].

Поколению Z предрекают счастливое будущее. Утверждается, что, переболев пубертатными болезнями, поколение Z, обвиняемое в эгоизме и нарциссизме, сделает первые шаги к сбалансированному лайфстайлу будущего, при котором работают для созидательного удовольствия и общественной пользы, создают семью из чувств, а не потому что в обществе считается неприличным быть одному, заводят детей не для стакана воды в старости, а чтобы передать свои повзрослевшие цифровые и либертарианские ценности следующему поколению [12].

Мотивационный комплекс как методология исследования

В социологии понятие «мотивационный комплекс» является относительно новым. Первые подходы к данному понятию можно отметить в середине 1980-х гг., когда особенно интенсивно изучаются проблемы социологии труда, в том числе его мотивации и стимулирования. Так, в работах румынского ученого К. Замфира предлагается разделение мотивации на внутреннюю и внешнюю. «Внутренние мотивы порождаются самой трудовой деятельностью: ее общественной полезностью, удовлетворением, которое приносит работа благодаря содержащимся в ней возможностям творчества, изобретательства, участия в организации и руководстве, общения с людьми. Внешняя мотивация содержит те мотивы, которые находятся за пределами труда как такового и самого работника: заработок, боязнь осуждения, стремление

к престижу». Внешнюю мотивацию К. Замфир разделяет на две группы: положительную, заключающую в себе «стимулы, ради которых человек считает нужным приложить свои усилия», и отрицательную, связанную с избеганием «системы наказаний, штрафов, критики, осуждения и т. д.» [13, с. 69].

Отечественные исследователи, изучая проблемы трудовой мотивации, пошли дальше: ввели и обосновали понятие «мотивационный комплекс» трудовой деятельности. Последний понимался как целостная система взаимосвязей между пятью группами мотивов труда: мотивы приобретения; мотивы удовлетворения; мотивы безопасности; мотивы подчинения и мотивы энергосбережения. В эмпирических исследованиях качестве инструментария ими использовалась диагностическая методика «Мотивация», разработанная А. А. Литвинюком, и ее компьютерная версия, адаптированная к специфике трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава российских университетов [14, с. 215].

Изучение мотивационного комплекса, создание его модели основано на идеях классической социологии, в рамках которой формируется представление о социальных ценностях и социальных установках (У. Томас, Ф. Знанецкий), методах их измерения (Л. Тёрстоун, М. Рокич и др.). В середине 70-х гг. прошлого века В. А. Ядов предлагает диспозиционную концепцию регуляции социального поведения личности.

По мнению В. А. Ядова, диспозиции личности, представляющие собой предрасположенность к определенному восприятию условий деятельности и к определенному поведению в этих условиях, образуют иерархически организованную систему (от простого к сложному):

- 1) *элементарные фиксированные установки*, выражающие потребность и готовность к действию по удовлетворению витальных потребностей в пище, тепле и др.;
- 2) *ситуационные установки*, формируемые на основе потребности в общении в обычных повседневных обстоятельствах;
- 3) *базовые социальные установки*, определяющие общую направленность интересов, деятельности личности;
- 4) *ценностные ориентации личности*, определяющие формирование целей жизни и основных средств их реализации (достижения), образуют высший диспозиционный уровень [15].

На основании разработанной классиком отечественной социологии методологии представим мотивационный комплекс молодого человека поколения Z следующим образом:

- 1) мотивы, отражающие витальные потребности и выраженные в элементарных фиксированных установках;
- 2) мотивы, формируемые на основе потребности в общении в обычных повседневных обстоятельствах;
- 3) мотивы, определяющие общую направленность интересов, деятельности личности;
- 4) мотивы, основанные на ценностных ориентациях.

Таким образом, мотивационный комплекс представляет собой сложную совокупность взаимодействующих мотивов — внутренних побуждений — на основе которых осуществляется регуляция социального поведения личности. Структура мотивационного комплекса лежит в основе алгоритма исследования данного феномена и деятельности по проектированию эффективных систем мотивации и стимулирования труда, обучения и воспитания молодого поколения.

Заключение

Поколение Z еще только вступает во взрослую жизнь. От этого поколения политики, руководители, работники образования и науки ждут многого. Изучение мотивов — внутренних побуждений, определяющих поведение и деятельность представительней данного поколения, является насущной теоретической и практической проблемой.

На наш взгляд, представленная методология и алгоритм изучения мотивационного комплекса типичного представителя поколения Z обладают значительным познавательным потенциалом, который может быть реализован в различных направлениях:

- в политике — возможность плодотворного использования мотивационного комплекса в деятельности политических субъектов, разработке и эффективной реализации государственных и политических программ, для разработки проектов и программ, направленных на повышение эффективности молодежной политики;
- в экономике и управлении персоналом — для разработки стратегии мотивации и стимулирования труда, программ повышения его эффективности;
- в маркетинге — для изучения мотивации и сегментации потребителей;
- в образовании — для оптимизации учебного процесса, повышения его качества;
- в воспитании — для повышения эффективности воспитательных мероприятий и т. д.

Изучая мотивы, ценности и ценностные ориентации, необходимо учитывать тот факт, что даже в серьезные трансформационные периоды, периоды аномии базовые ценности индивидов не претерпевают значительных изменений.

Источники

1. Millennials: The Challenger Generation. — URL: <https://myslide.ru/presentation/Millennials-The-Challenger-Generation> (дата обращения: 30.06.2019).
2. Twenge J. M., Campbell W. K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. — Simon and Schuster, 2009. — 304 p.
3. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России : учебное пособие. — СПб. : СПбГУП, 2000. — 508 с.

4. *Глотов М. В.* Поколение как категория социологии // Социологические исследования. — 2004. — № 10. — С. 42–49.
5. *Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. — New York : William Morrow & Company, 1991. — 649 p.
6. Поколение XXI века: опыт социологического исследования. — URL: <https://docplayer.ru/29457105-Pokolenie-xxi-veka-opyt-sociologicheskogo-issledovaniya.html> (дата обращения: 30.06.2019).
7. Поколение XXI. Проект ФОМ. — URL: <https://bd.fom.ru/map/pokolenie21> (дата обращения: 30.06.2019).
8. *Мирошкина М. Р.* Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. — 2017. — № 6. — С. 30–35.
9. Deloitte. Результаты опроса поколения третьего тысячелетия за 2018 год. — URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/human-capital/articles/2019/millennial-survey-report-2018.html> (дата обращения: 30.06.2019).
10. *Сандерс М.* Пять ключей к пониманию поколения Z. — URL: <https://www.refnews.ru/read/article/797471> (дата обращения: 30.06.2019).
11. *Duffy B., Shrimpton H., Clemence M.* Beyond Binary. The lives and choices of Generation Z. — URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2018-07/ipsos-thinks-beyond-binary-lives-loves-generation-z.pdf> (дата обращения: 30.06.2019).
12. Поколения XYZ: как в них разобраться? — URL: <https://zillion.net/ru/blog/316/pokoleniia-x-y-z-kak-v-nikh-razobrat-sia> (дата обращения: 30.06.2019).
13. *Замфир К.* Удовлетворенность трудом. Мнение социолога. — М. : Политиздат, 1983. — 143 с.
14. *Литвинюк А. А., Жигун Л. А., Полевая М. В., Камнева Е. В.* Применение теории мотивационного комплекса трудовой деятельности к анализу организационного поведения преподавателей вуза // Креативная экономика. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 215–226.
15. *Ядов В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. — М. : Наука, 1975. — С. 89–105.

УДК 316.422-057.87(063)

DOI: 10.25990/hse.conf-15.gq98-k638

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИУМА

В. В. Крупчатникова

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск

E-mail: krupchatnikova@corp.nstu.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается влияние молодежи на развитие общества, социально-экономический прогресс. Анализ деятельности молодежных организаций с целью выявления их влияния на модернизацию является актуальным в связи с тем, что именно молодежи присущи некоторые необходимые для модернизации черты. В работе представлены теоретические аспекты и исторические примеры молодежных движений и организаций: комсомола в Советском Союзе, хунвейбинов в Китае, красных кхмеров в Камбодже и др. Этот анализ позволил достаточно аргументированно сделать вывод о противоречивом, неоднозначном влиянии молодежи на развитие социума.

Ключевые слова: модернизация, молодежное движение, молодежная организация, «культурная революция», красные кхмеры, скаутское движение.

THE ROLE OF YOUTH IN THE MODERNIZATION OF SOCIETY

V. V. Krupchatnikova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

E-mail: krupchatnikova@corp.nstu.ru

Abstract. This paper examines the impact of youth on the development of society, social and economic progress. Analysis of the activities of youth organizations in order to identify their impact on modernization is relevant due to the fact that it is the youth inherent in some of the necessary features for modernization. The paper presents theoretical aspects and historical examples of youth movements and organizations: the Komsomol in the Soviet Union, whoonwaybins in China, the red Khmers in Cambodia, etc. This analysis made it possible to draw a fairly reasoned conclusion about the contradictory, ambiguous influence of young people on the development of society.

Key words: modernization, youth movement, youth organization, «cultural revolution», «Khmer Rouge», scout movement.

Проблема, которая рассматривается в данной работе, — влияние молодежи на развитие общества, на социальный и экономический прогресс.

Базовая гипотеза — недостаточная самостоятельность молодежи для принятия независимых решений и претворения их в жизнь. Влияние молодежных организаций противоречиво. Создание массовых молодежных организаций осуществляется, как правило, властными структурами, которые не во всех странах и не во все времена стремились к действительной модернизации социума.

Модернизация — это процесс придания наиболее современных и прогрессивных черт и характеристик объекту, которым в данной работе является общество в целом как высшая форма социума. Модернизация имеет конкретные проявления, такие как создание промышленности и ее перевооружение современными техническими средствами (в период первичной модернизации), рост образовательного уровня населения, повышение информационной доступности и рост скорости распространения информации (в условиях вторичной модернизации) и пр. Эти проявления в разных странах даже в один и тот же временной период различны, что подтверждается количественными характеристиками процесса модернизации (индексами модернизации). Модернизация — это сложный и противоречивый процесс. С одной стороны — это рациональное решение проблем экономического, политического и социального развития. С другой стороны — это развитие может привести к социальной напряженности и конфликтам, которые зависят от многих факторов, в том числе они могут порождаться и исходить от субъекта модернизации. Модернизация претворяется в жизнь людьми, причем разные слои населения играют разную роль на каждом этапе этого процесса. Нашей задачей было попытаться определить роль молодежи и молодежных организаций в этом поступательном развитии общества.

Молодежь — это особая социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет, проходящих стадию взросления, т. е. становления личности, усвоения знаний, социальных ценностей и норм, необходимых для того, чтобы состоять как полноправный член общества. Это, возможно, почти треть всего населения (20–30% или больше), которая очень неоднородна по многим параметрам. Влиять на состояние общества или на процессы, которые в обществе протекают (в том числе на модернизацию), она способна в том случае, если есть активные группы, однородные по каким-то критериям, сформулировавшие цели, методы и инструменты своего влияния. Оценить влияние группы, т. е. части всей молодежи общества, можно сопоставив ее цели и результат. В противном случае влияние молодежи в целом — это агрегированное влияние нескольких, весьма разнообразных и, возможно, противоречивых по своим целям, групп молодежи. Такое комплексное влияние молодежи очень важно изучать, так как оно и есть реальное воздействие на социально-экономическое и политическое развитие общества. Поскольку далеко не вся молодежь формально объединяется молодежными организациями (МО) в такие однородные группы, роль молодежи и роль молодежных организаций — это две разные роли. Вся молодежь в целом может не принимать активного участия в модернизации, но могут быть одна-две

МО, которые ярко заявляют о себе и влияют на социально-экономические процессы в обществе. На наш взгляд, важно изучать влияние молодежных объединений, их вклад в модернизацию общества, так как именно они являются наиболее активными участниками общественной жизни, формируют молодежное движение, от которого зависит в конечном итоге влияние молодежи в целом на исследуемые процессы. Молодежное движение есть форма социальной активности молодежи. Субъектами молодежного движения являются молодежные объединения, каждое из которых стремится бороться за оказание влияния на определенные стороны общественной жизни.

Анализ формирования и деятельности МО для выявления их влияния на модернизацию актуален и важен в связи с тем, что именно молодежи присущи некоторые очень важные для модернизации черты. Некоторые из них положительно влияют на модернизацию, стимулируя внедрение новых и прогрессивных изменений в общественную жизнь, деятельность других МО может негативно сказываться на темпах модернизации либо вообще прекращать ее развитие. К первой группе черт, присущих именно молодежи, можно отнести восприимчивость к новому; стремление к самостоятельности; мобильность; стремление к знаниям через повышение качества профессиональной подготовки и образования; интерес к интеграции в международное молодежное сообщество. К негативным чертам молодежи, имеющим место в модернизирующемся обществе, относятся: несамостоятельность, инфантилизм и иждивенческие настроения некоторой части этой социально-демографической группы; житейская неопытность, нетерпеливость молодых людей; экстремизм молодых, приводящий к принятию необдуманных, спонтанных решений; криминализация молодежной среды. Такие черты молодежи могут привести к высокому уровню отчуждения молодежи от участия в событиях политической, экономической и культурной жизни общества.

Конкретные социально-экономические и политические условия в стране могут существенным образом отразиться на активности разных групп населения и, конечно, молодежи, которая очень восприимчива к изменению этих условий. Изменение ситуации в экономике (стагнация или экономический рост), в демографических процессах (изменение возрастной структуры населения, в частности уменьшение или увеличение доли молодого населения), в социальных характеристиках (изменение степени дифференциации доходов населения), в государственном устройстве (усиление демократических основ государственного управления или отсутствие демократических реформ) могут привести как к росту активности некоторых групп молодежи и усилению их влияния, так и к уменьшению участия молодежи в разных сферах общественной деятельности и, следовательно, к невозможности воздействия на них. Особенно важным нам кажется возможность участия молодежи в политической жизни общества, так как именно политические институты во многом определяют возможность участия разных групп населения, в том числе молодежи, во всех сферах общественной деятельности [1, с. 119]. Так, если происходит отчуждение молодежи от существующих политических институтов,

это напрямую ведет к ее неучастию в политической жизни в стране, ведет к монополизации политических институтов функционерами, которые получают возможность безграничного влияния на все стороны жизни общества в своих целях, как правило, тормозя модернизацию, проявляя инертность в мышлении и действиях. Огромную роль в формировании активности молодежи, в том числе в формировании МО, играет государственная молодежная политика, которая «делает» молодежь такой, какая нужна государственной власти, формирует деятельность молодежи в приоритетных направлениях той стратегии, которая сформулирована государственной властью. Возможно, что там, где государство не демократическое, где господствует диктатура, стремление сохранить власть даже в ущерб прогрессу и модернизации социума, государственная молодежная политика может стать тормозом формированию самостоятельности молодежного движения и инновационному характеру активности молодежи.

Есть два пути создания молодежной организации: во-первых, ее создание может быть инициировано государством, партией или конкретным государственным деятелем, во-вторых, она может быть результатом самоорганизации молодежи, т. е. результатом стихийного процесса. В первом случае МО, как правило, становится проводником в общественную жизнь идей партии, воли государства и ее влияние на модернизацию общества может и не быть «молодежным». В таком случае инициатор создает МО такой, какая ему нужна. Если государство демократическое, с развитой промышленностью и наукой, с адекватным соответствующему уровню развитием культуры, есть надежда на некоторую самостоятельность в действиях МО и на ее участие вместе с другими государственными или партийными структурами в процессе модернизации социума. Однако есть опыт некоторых стран, где государство или его лидер создавали молодежное движение только ради достижения своих амбициозных целей, не обеспечивающих общественный прогресс и модернизацию. В том случае, когда МО создана «снизу», т. е. по инициативе ее участников и с целями, сформулированными без влияния «взрослых», как правило, она имеет более прогрессивный или нейтральный характер, но и возможности повлиять на ход истории, ускорить модернизацию общества у нее гораздо меньше.

История молодежного движения XX в. дает богатый материал для анализа участия МО в модернизации социума [2]. На примере нескольких крупных и активных молодежных организаций мы хотим показать, каким может быть влияние молодежи на модернизацию социума.

В 1918 г. в России была создана коммунистическая молодежная организация, прежде всего, для вовлечения молодежи в политическую борьбу. Комсомол был первой в истории молодежной организацией, созданной не по инициативе общественности, а по желанию политического руководства государства. Были декларированы основные цели создания этой организации:

- пропаганда идей коммунизма;
- участие молодежи в революционном строительстве советской России;

- распространение основ миропонимания и культуры;
- защита правовых и экономических интересов молодежи;
- создание международного объединения молодежи.

До 1991 г. молодежное движение в СССР и России было монополизировано. Единственной молодежной организацией был комсомол, который собрал в свои ряды более 30% всей молодежи Советского Союза. За 73 года существования ВЛКСМ членами этой организации было очень много сделано для решения важных задач экономического и социального прогресса, укрепления обороноспособности страны.

Назовем те задачи, в решении которых комсомольцы приняли активное или даже основное участие:

- индустриализация России;
- коллективизация в сельском хозяйстве. При всех негативных сторонах, касающихся способов проведения коллективизации, она позволила получить крупные сельскохозяйственные предприятия, оснащенные современной техникой;
- повышение общей грамотности населения. Именно комсомол выступил с инициативой создания вечерних школ и всеобуча. Многие рабочие пошли учиться в вузы. В середине 30-х гг. рабочие составляли уже половину студентов;
- комсомол призвал молодежь идти в науку, представлять советскую культуру и спорт;
- во время Великой Отечественной войны и в период послевоенного восстановления хозяйства комсомольцы всегда были «на передовой»;
- комсомольцы, как самая мобильная часть населения, обеспечила после войны региональное перераспределение трудовых ресурсов. На ударные комсомольские стройки «по комсомольским путевкам» они ехали строить БАМ, осваивать целину и создавать научные центры.

Этот список направлений участия молодежи в восстановлении и модернизации хозяйства можно дополнить участием комсомольцев в создании студенческих строительных отрядов, которые работали на стройках, убирали урожай, работали пионервожатыми в летних лагерях. После того как рухнул железный занавес, участие в экономической и общественной жизни было дополнено еще и возросшей ролью советской молодежи в мире, когда о молодых советских ученых, спортсменах и артистах, которые практически все были членами ВЛКСМ, узнали во многих странах. Комсомольцы были активными и основными участниками этих процессов. Вот несколько цифр. В 1974–1978 гг. комсомол шефствовал над 245 всесоюзными ударными стройками, в 1980-х гг. — над 135. В целом по стране на новостройки по общественному призыву прибыло за 1966–1970 гг. 350 тыс., 1970–1975 гг. — 500 тыс., 1976–1980 гг. — свыше 500 тыс. молодых людей [3]. Надо отметить, что все эти процессы и есть основные проявления модернизации социума практически во сферах деятельности, о чем было сказано в начале главы при определении конкретных проявлений модернизации.

Резюмируя сопоставление деятельности ВЛКСМ и процесса модернизации в России, можно отметить бесспорно позитивное влияние молодежной организации на процесс модернизации в экономике, политике, культуре, международных отношениях России. Добиться такого влияния оказалось возможно в первую очередь благодаря тому, что это была МО, созданная коммунистической партией и выполнявшая поставленные партией задачи (это важнейшая причина большой роли комсомола, но, с другой стороны, это и свидетельство полной зависимости ВЛКСМ от КПСС). Вторая причина заключается в массовости этой организации, ее монопольном влиянии на молодежь. Комсомол объединял в своих рядах более 42 млн человек в 1984 г. и даже в год самороспуска в 1991 г. в его рядах числилось более 21 млн чел. За 73 года существования через эту молодежную организацию прошло около 200 млн человек. Важной особенностью этой молодежной организацией было и то, что в ее ряды принимали представителей всех слоев населения: школьников и студентов, рабочих, колхозников и интеллигенцию.

После роспуска комсомольской организации в сентябре 1991 г. характер молодежного движения в России существенно меняется. Появляются многочисленные молодежные объединения, специализирующиеся на определенном виде досуга, творческого самовыражения и социальных предпочтений. Новые партии, борясь за лидерство, стали формировать молодежные пропартийные организации как молодежные филиалы партий: всероссийское молодежное общественно-политическое движение «Наш дом — Россия» (Олег Бочаров), Всероссийское МД «Новый курс» (Григорий Антонов), молодежное «Яблоко» (Андрей Шаронов), Молодежный союз «Демократический выбор России» (Борисов, Ефросинин, Крылов), Российский коммунистический союз молодежи (Дарья Митина). В своем уставе данные движения придерживаются программ своих «взрослых» движений. Таким образом, молодежное движение превращается в монополизированное, вариативное по направлению деятельности (профессиональная, творческая, экологическая и т. д.), разнообразное по формам и механизмам реализуемых программ и проектов, но при этом не влияющее на ключевые направления общественного развития и модернизацию (по крайней мере, так, как влиял комсомол, ведомый коммунистической партией). Если за основу оценки положительного опыта комсомола взять практику, которая содействует прогрессивному развитию общества, то его безусловно следует признать положительным. При всех издержках комсомольского движения практика и результаты деятельности ВЛКСМ был направлены на созидание. Эта молодежная организация оказала положительное воздействие на процесс модернизации в СССР.

В истории нет других примеров молодежного движения, которое бы за годы своего существования охватило около 200 млн человек и имело реальные достижения в самых разных областях общественного развития, Пример ВЛКСМ показывает, что молодежное движение может быть влиятельным, когда в его основе есть сильная молодежная организация с большим

количеством членов и программой с целями, имеющими важное значение для всех членов общества.

Другой пример молодежного движения, которому тоже нет равных в мире, но по негативному влиянию на жизнь и развитие общества — это движение хунвейбинов в Китае. В борьбе Мао Цзэдуна против ревизионизма в Китае 60-х гг. основной силой стала молодежь. Движение хунвейбинов («красных охранников») было инспирировано сверху ближайшим окружением Мао Цзэдуна. Воспользовавшись нетерпеливостью, неопытностью, стремлениями к переменам, свойственным молодежи, партия Мао призвала этих совсем еще юных школьников и студентов к борьбе со всем старым: старыми мыслями, старой культурой, старыми обычаями и т. п. Это было летом 1966 г., а в декабре этого же года в городах стали создаваться отряды «бунтарей» (цзаофаней). В них входила рабочая молодежь, которая должна была нести идеи «культурной революции» за пределы учебных заведений, откуда вышли хунвейбины. Хунвейбины — члены созданных в 1966–1967 гг. отрядов студенческой и школьной молодежи в Китае, одни из наиболее активных участников «культурной революции».

Не случайно, что в данном контексте термин «культурная революция» взят в кавычки. На самом деле это была революция полуграмотных и неграмотных бунтарей против интеллектуалов: учителей и ученых, инженеров и конструкторов, литераторов и музыкантов. Хунвейбины были выходцами из беднейших слоев населения, среди них помимо учащихся было много бездомных, хулиганов и карманников. Такое молодежное движение трудно назвать массовым независимо от количества участников ввиду того, что оно не представляет никакие другие слои населения.

Одной из самых популярных фраз Мао была «без разрушения нет созидания». Молодые бунтари, не зная ничего про созидание, стали разрушать все: старые мысли, старую культуру, старые обычаи. Им в этом очень помогало покровительство правящей партии и армия. Методы, которыми хунвейбины боролись за обновление и борьбу со старым злом, отличались особой жестокостью. Они избивали, унижали, убивали тех, кто, по их мнению, был представителем всего старого. При этом они уничтожали и те материальные ценности, которые были, по их мнению, свидетельствами несоответствия современным представлениям о прогрессе и новизне (книги, картины, храмы и пр.). Многовековая история Китая не знала разрушений, по масштабам равных тем, которые совершили хунвейбины. Молодежная организация стала в данном случае разрушительной силой, барьером для прогрессивных изменений в обществе, в том числе модернизации. «Культурная революция», в которой самое активное участие принимала молодежь, принесла стране невыносимые потери. За 10 лет «культурной революции» было арестовано 4 млн 200 тыс. человек; более 7 730 000 человек умерли неестественной смертью, более 135 000 человек казнены как контрреволюционеры; более 237 000 человек были убиты; более 7 030 000 человек были искалечены в вооруженных нападениях; более 71 200 семей полностью распались. За эти страшные годы появился серьезный

дефицит образованных специалистов и ученых, промышленное производство сократилось, упала добыча полезных ископаемых, снизились объемы перевозок всеми видами транспорта, возникли серьезные финансовые проблемы. В этот период была уничтожена значительная часть культурного наследия, созданного народами, населяющими Китай [4].

Никакие лучшие качества молодого поколения сознательно не были использованы руководством страны. Хунвейбины не были самостоятельной силой, их вел Мао Цзэдун со своими соратниками, используя в своих корыстных целях присущий этой молодежной организации оголтелый экстремизм, всячески провоцируя молодежь на разрушительную, а не созидательную деятельность [5].

Еще одним трагическим примером участия молодежи в преобразовании общества является движение красных кхмеров в Камбодже 1975–1979 гг. В 1953 г. Камбоджа получила независимость от Франции. Вся полнота власти в стране перешла в руки короля Нородона Сианука. Против режима Сианука выступила ультралевая группировка, возглавляемая Пол Потом, призывавшая к вооруженной борьбе. Пол Пот считал, что главное — захватить власть, а для этого нужно дестабилизировать и разрушить старое общество, а сделать это должна монолитная, радикальная коммунистическая партия с железной дисциплиной. Такую партию и решили создать в начале 50-х гг. кхмерские студенты, которые получили образование в Париже, среди которых были Пот и Иенг Сари — будущие лидеры коммунистической партии и движения красных кхмеров. Основную опору красных кхмеров составляла крестьянская молодежь в возрасте от 12 до 15 лет [6].

Идеология красных кхмеров, окончательно сложившаяся к середине 1970-х гг., представлялась крайне радикальной даже по сравнению с китайским маоизмом, предполагавшей необходимость и возможность перехода к коммунистическому обществу без промежуточных этапов. Краеугольным камнем концепций идеологов красных кхмеров было признание беднейшего крестьянства ведущим революционным классом в Камбодже. Поэтому основную опору красных кхмеров составляла крестьянская молодежь. Молодежь и подростки были наиболее желанной целевой аудиторией красных кхмеров, которые распространяли цитатники Мао Цзэдуна и призывали молодежь вступать в ряды Национально-освободительной армии Камбоджи. Армия стала организацией, цементирующей экономическую систему Камбоджи. При наборе в армию от призывников требовалась полная преданность «делу революции». В армию брали молодежь начиная с 12 лет. Такие «революционные» бойцы, набранные из глухих деревень, должны были создавать «народный рай» [7]. Главной задачей воспитания подрастающего поколения, составляющего основу полпотовской армии, заключалась в формировании у него чувства слепого повиновения властям. Так насаждался в стране режим абсолютной диктатуры и геноцида собственного народа. Красные кхмеры выгоняли жителей городов в отдаленные деревни, закрыли школы, ликвидировали образование, культуру, медицину и науку, запретили иностранные

языки. Интеллигенция в стране была физически уничтожена полностью. В результате массового истребления граждан погибло более 3 млн человек [8]. Какие-либо прогрессивные изменения в жизни граждан Камбоджи стали невозможны. Ни о какой модернизации общества не могло быть и речи, пока 12–15-летние солдаты творили этот ужас в стране. Политика Пол Пота полностью лишила личной свободы граждан страны: тотальная мобилизация, насильственное переселение горожан в деревни, полная коллективизация сельского хозяйства, закрытие учебных заведений, запрещение товарообмена и денег, полная регламентация личной жизни. Массовое истребление населения, по существу, геноцид своего народа, превратило выживших в рабов, а страну — в систему концентрационных лагерей.

Режим красных кхмеров считается одним из самых жестоких режимов в истории человечества. Власть Пол Пота — Иенг Сари была низвергнута в начале 1979 г., когда недовольство народа вылилось в массовое национально-освободительное движение [9].

Формально ни хунвейбины, ни красные кхмеры не были молодежными организациями. Но в этих движениях молодежь составляла большинство. В Китае и Камбодже лидерам партий приходилось бороться за власть, и они опирались в своей пропаганде и в своих действиях на тот слой населения, который был большим (не менее 30%), в основном малограмотным, экстремально настроенным, но доверчивым и поддающимся влиянию.

Как показал исторический опыт, молодежное движение может быть очень действенной силой, способной направлять политическое и экономическое развитие общества. При определенных условиях молодежное движение может способствовать модернизации общества, экономическому и политическому прогрессу, а в других случаях может привести к национальной трагедии.

Подростки и молодежь участвуют в молодежных организациях (молодежных движениях), вступая в период, когда человек уже сознательно относится к своему положению в обществе, к социальным отношениям. Для молодых людей это сложный процесс вхождения во взаимодействие с людьми из разных слоев общества. Это процесс социализации, которому надо учиться, чтобы стать полноправным и сознательным членом общества, а не слепым исполнителем чьей-то воли. Социализация предполагает получение знаний о принятых в обществе нормах, ценностях, санкциях, которые могут иметь как формальный, так и неформальный характер. Социализация — это воспитание молодежи, обучение социальным отношениям. Для защиты демократического общества, гражданских, национальных и личных ценностей необходимо, прежде всего, воспитать активных граждан. Считалось, что воспитание гражданских и патриотических ценностей было обязанностью государственной образовательной системы, а моральных — делом семьи и церкви. Рост различных детско-подростковых «бригад» в Великобритании стал наиболее значимым воздействием на молодежь не только со стороны государства, семьи и церкви, но самостоятельно действующих

групп подростков. Многие из таких групп активно использовали военные методы (армейские названия, муштру, строгую дисциплину и стрельбу из пневматических винтовок), так как с конца XIX в. необычайно выросли роль и место армии и военных ценностей в гражданском обществе, обязательность и значимость воинской повинности и военной подготовки. Руководители молодежных групп пытались добиться соответствия между военными методами и духовными целями. В начале XX в. аналогичные цели преследовали в своей работе руководители скаутского движения, которое использовало и объединило в себе опыт существовавших до этого в разных странах детских и молодежных организаций. А основателем скаутинга был генерал Баден-Пауэлл — легендарная личность, национальный герой Британии. Скаутское движение важнейшей целью имеет воспитание молодежи в соответствии с целями, принципами и методами, которые сформированы основоположниками скаутского движения. Целью скаутского движения является содействие развитию молодых людей для достижения их полного интеллектуального, общественного и духовного потенциала как индивидуумов, как ответственных граждан и как членов местных, национальных и международных сообществ. Скаутинг является одним из многих факторов, способствующих развитию молодежи, но его следует воспринимать как движение, дополняющее воспитательное воздействие таких институтов, как семья, школа, спортивные секции, религиозные и другие социальные институты [10]. Скаутское движение предполагает непрерывную серию организованных мероприятий. Эти мероприятия должны кем-то подготавливаться, организовываться. То есть для скаутского движения нужна организация. Такие организации, объединяющие детей и молодежь в возрасте от 7 лет до 21 года, созданы уже более чем в 150 странах мира, в том числе и в России. Они создаются на добровольной основе, являются неформальными и неполитическими. Скаутинг — это воспитательное движение, направленное на разностороннее развитие и воспитание личности. «Воспитание» здесь подразумевает развитие способности «учиться познавать». Несмотря на такие позитивные и прогрессивные цели и принципы скаутского движения, оно не является настолько массовым, чтобы оказывать заметное влияние как на основную часть молодежи, так и на общество в целом.

Активное скаутское движение невозможно без определенного участия в этом движении государства в лице его отдельных представителей (в основном, молодых), которые «опекают» скаутские организации.

Социально ориентированное государство заинтересовано во включении населения и в первую очередь молодежи в реализацию целей его (государства) социальной политики. Следовательно, совпадает потребность государства в поддержке его действий со стороны молодежи и желание молодых участвовать в прогрессивных преобразованиях общества. Если у власти (экономической и социальной) нет потребности в привлечении молодых к самоуправлению, то власть и не будет создавать для этого благоприятные условия. Никакие организации скаутов или другие неполитические, неформальные

группы не смогут активизировать участие молодежи в благотворительной, миротворческой, добровольческой, гуманитарной и пр. деятельности без реальной поддержки и одобрения государства. Но даже и в том случае, если молодежные движения успешно действуют и способствуют социализации молодежи, необходимо понимать насколько это сложный и длительный процесс. Вот уже второе столетие скаутское движение воспитывает молодежь многих стран мира, но еще далеко не все положения основ скаутинга получили должное развитие, в том числе фундаментальные положения скаутского движения: верность своей стране и международной дружбе. Воспитание молодежи, привитие огромному количеству молодых людей навыков «учиться познавать», может проявиться только через 2–3 поколения.

Для того чтобы делать выводы о влиянии молодежи и молодежных организаций на общественное развитие, модернизацию и прогресс, нужно использовать современные научно обоснованные методы оценки этого влияния. Необходим специальный аппарат, позволяющий выделять влияние интересующего нас фактора на показатели модернизации и давать количественную оценку этому влиянию. Только в таком случае можно рассчитывать не на субъективную оценку одного исследователя, а на результат комплексного беспристрастного анализа.

Источники

1. *Коряковцева О. А.* Развитие общественно-политической активности молодежи в условиях модернизации // Среднерусский вестник общественных наук. — 2009. — № 2. — С. 117–122.
2. *Топилдиев О. Р.* История молодежных организаций в мире // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — 2014. — № 4 (94). — С. 126–128.
3. ВЛКСМ от съезда к съезду: XVI: 26–30 мая 1970, XVII: 23–27 апреля 1974. — М., 1974; ВЛКСМ: 1974–1978. Информационные материалы. — М.: Молодая гвардия, 1978.
4. Китай в годы «Культурной революции». — URL: <https://studbooks.net/598315/istoriya/vvedenie> (дата обращения: 10.12.2019).
5. *Лян Сяошэн.* Исповедь бывшего хунвейбина / пер. с кит. Г. Кашубы. — Минск: Лимариус, 1999. — 446 с.
6. *Дементьев Ю. П.* Кампучия: крах маоистского эксперимента. — М.: Международные отношения, 1979. — 56 с.
7. *Бондаренко А. С.* Идеология «красных кхмеров», «революционный эксперимент» в демократической Кампучии 1975–1979 годов // Юридический факт. — 2018. — № 28. — С. 19–21.
8. *Мосяков Д. В.* Кампучия: особенности революционного процесса и полпотовский «эксперимент». — М.: Наука, 1986. — 163 с.
9. *Ху Ти.* Модернизационные процессы в политической системе Камбоджи: противоречия и перспективы развития : автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — Воронеж, 2011.
10. *Бондарь Л. А.* Что есть скаутинг. Книга для скаутского лидера. — Женева: Всемирная Организация Скаутского Движения, 1992. — 96 с.
11. Роль скаутского движения в социализации личности. — URL: <https://www.bestreferat.ru/referat-161305.html> (дата обращения: 10.04.2019).

ГОТОВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ К ПРОЯВЛЕНИЮ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Г. В. Леонидова

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН», г. Вологда

E-mail: galinaleonidova@mail.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-010-00717.*

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов, детерминирующих готовность молодежи к инновационной деятельности. Показано, что в настоящее время инновационная активность молодых людей не достаточна для поступательного движения к инновационной экономике. В то же время в среде молодежи присутствует высокий запрос на участие в инновационных проектах. Результаты анализа показывают, что более активно в инновационном плане проявляет себя группа 25–29-летних. Исследование сформированности компетенций у молодого населения, проведенное с использованием социологических данных опроса молодежи Вологодской области, показало, что более высокий уровень развития компетенций обеспечивает более высокую инновационную активность (наличие проектов, разработок и изобретений) студентов.

Ключевые слова: молодежь, инновационная активность, творческая деятельность, изобретательская активность, модернизация, человеческий капитал, компетенции.

THE READINESS OF YOUTH FOR CREATIVE LABOR ACTIVITY

G. V. Leonidova

Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Vologda

E-mail: galinaleonidova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the factors determining the readiness of young people to innovate. It is shown that at present the innovative activity of young people is not enough for the progressive movement to the innovative economy. At the same time, among young people there is a high demand for participation in innovative projects. The results of the analysis show that the group of 25–29-year-olds is more active in terms of innovation. The study of the formation of competencies in the young population, conducted using sociological data from a survey of young people in the Vologda oblast, showed that a higher level of competence development provides a higher innovative activity (the presence of projects, developments and inventions) of students.

Key words: youth, innovative activity, creative activity, inventive activity, modernization, human capital, competences.

Актуальность

Размах и глубина происходящих в России перемен свидетельствуют о том, что страна переживает процессы модернизации, затрагивающие интересы всего общества. Несомненную важность в связи с этим приобретают вопросы готовности к модернизационным переменам, к проявлению инновационной активности такой социальной группы населения, как молодежь [1]. Можно с уверенностью говорить, что конкурентоспособность страны напрямую связана с наращиванием человеческого капитала молодого поколения как наиболее восприимчивой к нововведениям части социума. Не случайно молодежи приписывают такие черты, как креативность, амбициозность, высокая обучаемость и адаптивность, инициативность и т. д., которые играют большую роль в инновационной экономике.

Исследования ВЦИОМ показывают, что сегодня каждый третий из опрошенных молодых людей интересуется информацией, которая может привести к профессиональной деятельности, связанной со сферой инноваций и высоких технологий [2]. Однако существующие возможности не приводят к росту инновационной активности молодежи. Как свидетельствуют ответы молодежи, 7 % реализуют сейчас проект в научно-технической сфере или имеют такой опыт в прошлом. Из них: 58 % (4 % от общей выборки) считают свой проект инновационным; 24 % имеют опыт создания прототипа; 12 % привлекали инвестиции и готовили производство; 5 % имеют опыт инвестирования собственных средств; 4 % вышли на серийное производство. При этом только 3 % опрошенных хотели заняться инновационным бизнесом, из них (имеющих или желающих открыть свой бизнес): 45 % затрудняются назвать его профиль; 30 % ориентированы на торговлю и сферу услуг; 19 % — информационные и другие высокие технологии; 6 % — производство.

Таким образом, налицо несоответствие между потребностями (интересами) молодежи и теми реальными действиями (ситуацией), которые складываются в этой сфере. Соответственно, выявление факторов, детерминирующих готовность молодежи к инновационной активности, становится сегодня актуальной научной и практической проблемой.

Теоретические аспекты исследования

Как показал анализ научной литературы, в разные периоды интенсивность исследовательского интереса к изучению проблем молодежи менялась. В 1920–1980-е гг. был опубликован большой спектр работ по молодежной проблематике, предметом исследования были проблемы быта и материального положения студенчества (А. Кауфман); положение рабочих-подростков на производстве (И. Янжул, А. Бернштейн-Коган); домашний быт молодых семей (Е. Кабо). Данная проблематика изучалась отечественными исследователями в период 1960–1970 гг. Анализом положения молодежи занимались Б. А. Грушин, В. А. Ядов, В. Т. Лисовский, М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган,

Ю. Е. Волков, З. И. Файнбург. В 1990-е гг. в России отмечался значительный спад интереса к этому направлению, что проявилось в прекращении деятельности многих исследовательских групп, приостановке мониторингов из-за недостаточного финансирования и т. п. В 2000-е гг. отмечен возврат к изучению молодежной проблематики, о чем свидетельствует увеличение количества опубликованных монографий, статей в академических изданиях по итогам теоретических и эмпирических исследований, связанных с социализацией, развитием молодежи и отдельных ее подгрупп. Всплеск внимания к изучению молодежных проблем в определенной степени был связан и с объявлением 2009 г. «годом молодежи» [3].

Наряду с ранее развивавшимися теориями, в основе которых была трактовка молодежи как социально-демографической группы и общественного ресурса (И. С. Кон, В. Т. Лисовский, М. Н. Руткевич и др.), появились концептуальные работы Ю. А. Зубок, И. М. Ильинского, А. И. Ковалевой, В. А. Лукова, Е. Л. Омельченко, В. И. Чупрова, Т. И. Яковук и ряда других авторов, которые обогатили теоретические представления о сущности и характерных чертах молодежи, молодежного движения.

В зависимости от того, какой аспект затрагивается исследователями при изучении молодежной проблематики, можно выделить несколько подходов к определению молодежи. В соответствии со *стратификационным подходом* молодежь рассматривается как особая социально-демографическая группа людей, ограниченная возрастными рамками, со своими специфическими ролями, статусом и социальными позициями. В *социально-психологическом подходе* акцент сделан на возрастных, биологических и психологических особенностях. В соответствии с *субъектным подходом* молодость рассматривается как особое ощущение мира и себя, устремленность в будущее, оптимизм, жизнелюбие, стремление к интенсивной и эффективной деятельности.

Представители *ролевого подхода* к изучению молодежи обращают внимание на «молодость» как особую поведенческую фазу в жизни каждого человека, когда он не играет больше роли ребенка и в то же время не является полноправным носителем ролей взрослых людей. В соответствии с *конфликтологическим подходом* к изучению молодежи рассматривается «молодость» как период в жизни человека, полный стрессов, проблем, конфликтов с самим собой и обществом и значимый для каждого человека. *Субкультурный подход* позволяет рассматривать молодежь как особую социальную группу со своим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами и ценностями [4].

Традиционными подходами к изучению молодежи считаются взгляды Стенли Холла, Карла Мангейма и Талкотта Парсонса. Общим для них было то, что «молодежь» характеризовалась через биологическую природу, с присутствующими только ей психологическими особенностями, а культурные и исторические посредники (ключевые события эпохи, поколенческое сознание, система верований) влияли на то, как эта биолого-психологическая сущность молодежи проявляла себя в то или другое время.

Среди подходов к определению молодежи также выделяют *биополитический*, в соответствии с которым учитываются следующие параметры: психологические характеристики, социальные особенности, поведенческие установки, ценности молодежи.

Таким образом, на основе анализа различных подходов к определению молодежи можно выделить следующие характерные черты данной группы населения:

- возрастные границы молодежи;
- специфика социального статуса;
- ролевые функции и особенности поведения;
- социально-демографические характеристики;
- социально-психологические особенности;
- самоидентификация и самоопределение молодежи.

Характеристики этой группы населения находят свое проявление в определениях молодежи. Одно из первых формулировок понятия «молодежь» в конце 1960-х гг. было предложено основателем ленинградской школы исследований молодежных проблем социологом В. Лисовским [5]. Он характеризовал молодежь как поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих культурные ценности и подготавливаемых к выполнению социальных ролей.

Конкретизировал и дополнил данную формулировку молодежи И. Кон [6], который учитывал возрастные характеристики, особенности социального положения и социально-психологическую специфику данной группы населения. В. И. Добрынина [7], раскрывая понятие «молодежь», обратила внимание на психофизиологические, экономические и социальные параметры (молодежь характеризует как физически и духовно не окрепшую возрастную группу, которая еще не стала самостоятельной, материально независимой). Н. А. Чистякова [8] определяет молодежь как группу населения со специфической позицией в процессе воспроизводства социальной структуры, со способностью не только наследовать, но и преобразовывать сложившиеся общественные отношения.

Наиболее полное определение как с позиций социальных, так и биологических характеристик дает В. В. Павловский [9]. Он обращает внимание на возрастные особенности, определяет молодежь как особую биосоциальную группу людей от 13–14 до 29–30 лет, которая занимает переходное положение между общностями людей подросткового и взрослого зрелого возраста, детерминируется конкретно-историческим типом общества с его государственным строем и другими особенностями социального развития; является результатом социализации пяти основных сфер жизни общества; осуществляет переход от репродуктивной (подготовительной) к продуктивной деятельности, эволюцию от общественной и гражданской несамостоятельности — к статусу взрослых деятельных членов общества, полноправных граждан и сформировавшихся личностей.

Анализ теоретико-методологических подходов позволил сформулировать обобщенное авторское определение, на которое будем опираться при

выполнении исследования: *молодежь — это особая социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет, обладающая таким уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает ее от других социальных групп и позволяет быстрее приспосабливаться к новым условиям жизни ввиду своих социально-психологических, творческих и физических особенностей играющая значительную роль в развитии инновационного потенциала территории* [10].

Молодое поколение является особой социально-демографической группой, выполняющей важные социальные функции. Она, с одной стороны, наследует достигнутый уровень и обеспечивает преемственность развития общества и государства, с другой — формирует образ будущего и несет функцию социального воспроизводства, обладает инновационным потенциалом развития в интересах как страны в целом, так и ее регионов.

Инновационный сектор сегодня становится источником накопления высококачественного человеческого капитала [11]. Инновационная активность «представляет такую форму активности, которая предполагает выход за границы и пределы устоявшихся установок и поведенческих стереотипов» [12]. При этом исследователи указывают, что для проявления активности «необходимо наличие таких ситуативных факторов, как инновационные возможности индивида и наличие среды, которая восприимчива к таким возможностям, где становится возможной их реализация». Это следует из мотивационных концепций (А. Маслоу, Д. МакКлеланд, Ф. Герцберг и др.), согласно которым внутренние побуждения (потребности) заставляют людей действовать установленным способом. Например, в исследованиях Д. МакКлеланда определено, что успехи в области научно-инновационной деятельности зависят не только от способностей, навыков и знаний, но и от мотивов достижения, мобилизующих творческие способности личности на выявление проблем, постановку и решение вытекающих из них конкретных задач [13, с. 228]. Он выделил такие основополагающие характеристики мотива достижения, как стремление к инновационной деятельности, высокое чувство ответственности, планирование действий, готовность к риску. По мнению МакКлеланда, «мотив достижения» связывается с такими целями, которым присуще, прежде всего, сопоставление с критериями успешности» [13, с. 125]. Именно мотив достижения, т. е. стремление молодых людей к участию в жизни общества и государства, к удовлетворению и реализации различных социальных потребностей и интересов, ведет к возникновению разнообразных форм социальной, в том числе инновационной, активности [14].

Информационная база

Информационную базу исследования составили:

- данные мониторинга социально-экономического положения молодежи, проведенного ФГБУН «ВолНЦ РАН» в октябре–ноябре 2012 г. во всех муниципальных образованиях Вологодской области. Объем

- выборочной совокупности, состоящей из молодежи области в возрасте 14–30 лет, — 2923 респондента. При организации выборочного обследования учитывалась возрастно-половая структура населения, соотношение городского и сельского населения, а также численность проживающих в каждом районе области;
- данные пилотного опроса (в октябре 2015 г.), направленного на определение уровня развития компетенций студентов высших и средних профессиональных образовательных организаций г. Вологды и влияния его на инновационную активность молодежи. Выборка (500 чел.) сформирована с учетом удельного веса студентов той или иной образовательной организации в общей численности обучающихся и разной успеваемости для исключения смещенности данных;
 - данные мониторинга качества трудового потенциала населения (ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.). Объектом исследования выступает население региона в возрасте от 16 до 54 лет — для женщин и от 16 до 59 лет — для мужчин (общий объем выборки — 1500 чел.). Опросы проводятся в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области: Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки не превышает 3–4% при доверительном интервале 4–5%;
 - данные социологического опроса, посвященного проблемам социокультурной модернизации регионов Северо-Западного федерального округа РФ, проведенного ФГБУН «ВолНЦ РАН» в 2017 г. (общий объем выборки — 2500 чел.).

Результаты исследования

В исследованиях отмечается, что одной из групп населения, имеющей инновационный потенциал и его реализующей, являются молодые люди. Однако на практике инновационные способности зачастую формируются и используются неэффективно. Об этом свидетельствует тот факт, что половина молодежи Вологодской области, впрочем, как и трудоспособного населения, в своей деятельности больше ориентируется на использование в трудовой деятельности и повседневной жизни традиционных методов, а не на генерирование инновационных идей и рационализаторских предложений (рис. 1).

Примерно пятая часть молодых людей проявляют себя творчески лишь в том случае, когда получают соответствующее задание от начальства, чуть меньше — в случае практической необходимости, а постоянно занимается творчеством и изобретательством лишь малая часть молодого населения (около 10%). Территориально большую активность проявляют молодежь Вологды и Череповца, меньшую — районов Вологодской области.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере для Вас в настоящее время характерно занятие творческой (рационализаторской, изобретательской деятельностью)», % от числа опрошенной молодежи Вологодской области.

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области (ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2018 г.)

Одним из параметров, определяющих инновационный потенциал молодых, является наличие у них готовых научных разработок. Результаты анализа показывают, что более активно в инновационном плане проявляет себя группа 25–29-летних (табл. 1).

Таблица 1

Наличие научных разработок (технических, технологических, конструкторских, экономических, экологических, в области информационных технологий и др.), готовых к использованию (% от числа опрошенной молодежи)

Вариант ответа	Пол		Возраст		
	мужской	женский	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
Да	59,7	40,3	20,8	34,7	44,4
Нет	45,9	54,1	9,7	38,5	51,9

Источник: данные мониторинга социально-экономического положения молодежи Вологодской области (ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2012 г.).

Среди обладателей вузовских дипломов, а также тех, кто продолжает свое дальнейшее обучение в магистратуре / аспирантуре, более 40% имеют научные разработки, которые могут быть внедрены в практическую деятельность. У молодежи со средним специальным образованием таковые имеются у 21%, а у учащихся колледжей — 36%. Возможно, одним из объяснений достаточно высокой активности молодых людей в период получения профессии может быть то, что в организациях профессионального образования участие в творческих, научно-исследовательских и других видах работ является

организованным (табл. 2). Одним из параметров, влияющих на инновационную активность, является уровень дохода. Так, 46 % из группы среднеобеспеченных и 44 % из наиболее обеспеченных молодых людей имеют, судя по их ответам, научные разработки, предназначенные для практического использования.

Таблица 2

Наличие научных разработок (технических, технологических, конструкторских, экономических, экологических, в области информационных технологий и др.), готовых к использованию (% от числа опрошенной молодежи)

Вариант ответа	Образование			Доходные группы		
	неполное среднее; среднее, в т. ч. ПТУ со средн. образованием	среднее спец.	неоконч. высшее, высшее	20 % наименее обеспеченных	60 % среднеобеспеченных	20 % наиболее обеспеченных
Да	36,1	20,8	43,1	10,3	46,2	43,6
Нет	31,5	27,9	40,6	16,3	62,0	21,7

Источник: данные мониторинга социально-экономического положения молодежи Вологодской области (ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2012 г.).

В большей степени заинтересованы в продвижении имеющихся разработок мужчины (63%), а также молодые люди в возрасте 20–24 и 25–29 лет (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Заинтересованы ли Вы в продвижении имеющихся научных разработок?» (% от числа молодежи, у которой имеются разработки)

Вариант ответа	Пол		Возраст		
	мужской	женский	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
Да	63,0	37,0	25,9	37,0	37,0
Нет	50,0	50,0	5,6	27,8	66,7

Источник: данные мониторинга социально-экономического положения молодежи Вологодской области (ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2012 г.).

Фактором, способствующим распространению инноваций, является образование (около 40% молодежи с неоконченным высшим, высшим и послевузовским образованием заинтересованы в продвижении научных разработок; табл. 4). Этому же способствует материальное положение изобретателей и рационализаторов — заинтересованных в продвижении разработок больше среди среднеобеспеченных групп молодежи.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос: «Заинтересованы ли Вы
в продвижении имеющихся научных разработок?»
(% от числа молодежи, у которой имеются разработки)**

Вариант ответа	Образование			Доходные группы		
	неполное среднее; среднее, в т. ч. ПТУ со средн. образованием	среднее спец.	неоконч. высшее, высшее	20 % наименее обеспеченных	60 % среднеобеспеченных	20 % наиболее обеспеченных
Да	38,9	22,2	38,9	10,0	50,0	40,0
Нет	27,8	16,7	55,6	15,4	38,5	46,2

Источник: данные мониторинга социально-экономического положения молодежи Вологодской области (ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2012 г.).

Усиление конкуренции на глобальном и внутреннем рынках предъявляет новые требования к качеству человеческого потенциала, на национальном, региональном и местном уровне уже в сегодня востребованы междисциплинарные знания и навыки работников. Исследование сформированности компетенций у молодого населения, проведенное с использованием социологических данных опроса молодежи Вологодской области¹, показало (табл. 5), что более высокий уровень развития компетенций обеспечивает инновационную активность (наличие проектов, разработок и изобретений) студентов (3,93 баллов против 3,69 — при отсутствии разработок). В 60 % случаев наличие изобретений обеспечивалось за счет участия в инновационном процессе студентов с компетенциями «выше среднего» (3,71–4,25 баллов по пятибалльной шкале). Зависимость изобретательской активности молодежи в большей степени связана с уровнем развития инновационных навыков (способность к исследовательской работе, навыки управления проектами, проявление креативности).

Таблица 5

Наличие изобретений и их патентование (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Среднее	ВПО, всего	СПО, всего
Да, у меня есть изобретения и они запатентованы	0,8	1,1	0,0
Да, у меня есть изобретения, но они не запатентованы	8,3	7,2	12,3
Нет, у меня нет никаких изобретений	90,9	91,6	87,7

Источник: данные пилотного социологического опроса уровня развития компетенций ВПО и СПО г. Вологды, 2015 г., N = 500 чел.

¹ Пилотный опрос (октябрь 2015 г.), направленный на определение уровня развития компетенций студентов высших и средних профессиональных образовательных организаций г. Вологды (500 чел.) и влияния его на инновационную активность молодежи. Выборка сформирована с учетом удельного веса студентов той или иной образовательной организации в общей численности обучающихся и разной успеваемости для исключения смещенности данных.

Ограничивающими факторами осуществления инновационной деятельности молодежь отмечает административные барьеры (28%), отсутствие стимулирования (27%), а также недостаточный уровень квалификации и профессиональной подготовки (24%; табл. 6).

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос: «Назовите препятствия к осуществлению Вами инновационной деятельности?»
(% от числа молодежи, имеющей готовые разработки)**

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Вологодская область
Правовые и административные барьеры для внедрения	50,0	20,0	26,9	27,9
Низкий уровень материального поощрения за инновационные разработки	0,0	40,0	26,9	26,5
Недостаточный уровень квалификации и профессиональной подготовки	33,3	10,0	25,0	23,5
Отсутствие заинтересованности в участии в инновационной деятельности	16,7	30,0	21,2	22,1

Источник: данные мониторинга социально-экономического положения молодежи Вологодской области (ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2012 г.).

Как показывают результаты исследования ФГБУН «ВолНЦ РАН», около 50% жителей Северо-Западного федерального округа готовы изучать и использовать в своей работе (в быту) новые технологии (рис. 2). Чуть более 40% готовы усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современной жизни, осваивать новые знания и навыки; лично и профессионально развиваться; стать высококлассными специалистами. Каждый третий респондент готов заняться инновационной деятельностью, участвовать в создании чего-то нового (33%).

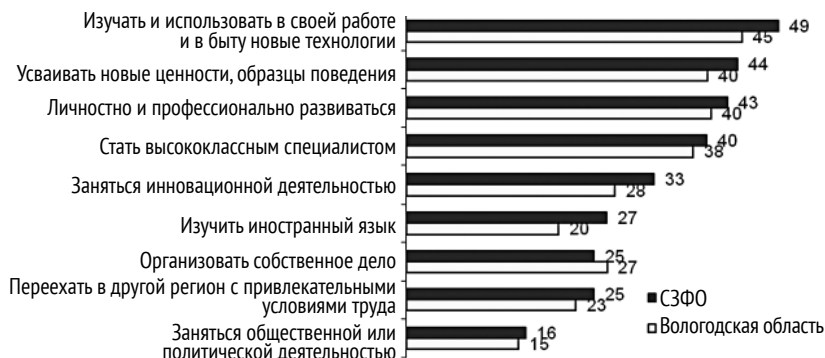

Рис. 2. Доля населения, ответившего что они готовы к следующим изменениям, в %.

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенный ФГБУН «ВолНЦ РАН» в 2017 г.

Данные показывают, что готовность к переменам незначительно изменяется в зависимости от возраста респондентов (табл. 7). Выделилась в этом вопросе молодежь от 18 до 29 лет, их готовность к каким-либо изменениям оказалась выше, чем в остальных возрастных группах.

Таблица 7
Доля населения СЗФО, готовых следующим изменениям, 2017 г. (в %)

Вариант ответа	Пол		Возрастная группа*		
	Мужчины	Женщины	Молодежь	Средний возраст	Пожилые
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	50	46	60	56	27
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	44	40	60	51	16
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	44	41	59	49	22
Стать высококлассным специалистом	42	37	65	47	11
Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)	33	29	49	37	11
Организовать собственное дело, семейный бизнес	30	22	42	30	9
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	28	21	46	26	8
Изучить иностранный язык	24	24	41	28	9
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе творческих организаций, профсоюзов, политических партий и т. д.)	16	15	24	16	9

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН «ВолНЦ РАН» в 2017 г.

Заключение

Таким образом, готовность молодежи к инновационной активности имеет достаточно высокий уровень. Вместе с тем проявление себя в инновационном плане в большей степени связано с воздействием извне (практическая необходимость или задание от начальства), а не с собственной инициативой молодых людей. Все вышеперечисленное приводит к тому, что потенциал молодежи в должной степени не используется в модернизационных преобразованиях, в некоторых случаях попросту недоиспользуется. Несмотря на то что на федеральном и региональном уровнях предпринимаются меры для изменения ситуации, их роль недостаточна для решения проблем

в молодежной среде и зачастую они носят несистемный характер. Нацеленность молодежи в будущее обусловлена необходимостью четко сформулированной перспективы модернизационных преобразований. В этом случае процесс вовлечения молодых людей в социально-экономический потенциал государства видится в качестве вероятного сценария становления молодежи как субъекта модернизации.

Источники

1. О положении молодежи в Самарской области : доклад / Т. А. Фомина, М. В. Чураков, Т. Н. Громова и др. — Самара, 2011. — С. 5–6.
2. *Дымарская О. Я.* От кого ждать инноваций? Исследование вовлечения молодежи в инновационную деятельность в Москве // *Материалы VII междунар. социол. Грушинской конф. «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях»*, 15–16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. — М. : АО «ВЦИОМ», 2017. — 1886 с. — С. 478–482.
3. *Луков В. А.* Теории молодежи: возможности для развития. — URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4015/> (дата обращения: 23.09.2019).
4. Молодежь как социально-демографическая группа. Методологические аспекты исследования молодежи как системы. — URL: http://socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=256:q-q-11-&catid=51:2012-02-22-10-27-30 (дата обращения: 23.09.2019).
5. *Социология молодежи* / под ред. проф. В. Т. Лисовского. — СПб. : Изд-во СПб ун-та, 1996. — 460 с.
6. *Кон И. С., Иконникова С. Н.* Молодежь как социальная категория : доклад на VII Всемирном социологическом конгрессе. Варна, 1970. — М., 1970. — 14 с.
7. Девиантность в поведении современной российской молодежи: социокультурный анализ / В. И. Добрынина, О. М. Добрынина, П. Н. Кочетков, О. В. Крухмалева // *Культура и образование*. — 2019. — № 1 (32). — С. 38–46.
8. *Чистякова Н. А.* Особенности социального развития молодежи в условиях кризисного состояния общества в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. — М., 1999. — 29 с.
9. *Павловский В. В.* Социология молодежи и ювенология // *Социологические исследования*. — 1999. — № 5. — С. 46–52.
10. Молодежь современной России — ключевой ресурс модернизации: монография / А. А. Шабунова, Г. В. Леонидова, М. А. Антонова, И. Н. Дементьева, В. С. Каминский, О. Н. Калачикова, Т. П. Кожина, Н. А. Кондакова. — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. — 148 с.
11. *Емельянов Ю. С., Хачатурян А. А.* Человеческий капитал и модернизация России: институциональный и корпоративные аспекты. — М. : Едиториал УРСС, 2011. — С. 214–216.
12. *Бабосова Е. С.* Инновационная активность молодежи: особенности и перспективы // *Вестн. Перм. ун-та*. — 2013. — Вып. 3 (15). — С. 144–154.
13. *McClelland D.* Human Motivation. — N. Y., 1988. — 676 p.
14. *Королькова С. Ю.* Социальная активность молодежи // *Молодой ученый*. — 2015. — № 12.2. — С. 39–40. — URL: <https://moluch.ru/archive/92/20339/> (дата обращения: 31.07.2019).

ДИНАМИКА СОСТАВЛЯЮЩИХ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЕЖИ И ПРЕДИКТОРЫ ДОВЕРИЯ

Г. Ф. Ромашкина

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

E-mail: gr136@mail.ru

В. А. Давыденко

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

E-mail: vlad_davidenko@mail.ru

Аннотация. Приводится анализ динамики составляющих социального самочувствия, институционального доверия молодежи Тюменской области по данным социокультурного мониторинга в 2006–2019 гг. Основными проблемами-опасностями выступают произвол чиновников, бедность и потеря работы. Показаны две противоположные тенденции — в более молодых когортах быстро повышается частота обращения к интернету и снижается доверие к институтам. Обобщенное доверие зависит от возраста, а по мере повышения частоты обращения к интернету практически не меняется. Этот вывод противоречит утвердившемуся в СМИ мнению о негативном влиянии интернета на гражданское самосознание молодых людей.

Ключевые слова: социокультурный, мониторинг, социальное самочувствие, защищенность, доверие, институты, интернет-активность.

THE DYNAMICS OF COMPONENTS OF THE SOCIAL WELL-BEING OF THE YOUTH AND THE PREDICTORS OF TRUST

G. F. Romashkina

University of Tyumen, Tyumen

E-mail: gr136@mail.ru

V. A. Davydenko

University of Tyumen, Tyumen

E-mail: vlad_davidenko@mail.ru

Abstract. The analysis of dynamics of components of social well-being, institutional trust of youth of the Tyumen Region is carried out according to the data of social and cultural monitoring in 2013–2019. The main problems-dangers are the arbitrariness of officials, poverty and loss of work. Two opposite trends are shown — in younger cohorts the frequency of access to the Internet is rapidly increasing and trust in institutions is decreasing. Generalized trust depends only

on age, and as the frequency of access to the Internet increases, it does not change much. This conclusion contradicts the established opinion in the media about the negative impact of the Internet on the civic consciousness of young people.

Key words: socio-cultural, monitoring, social well-being, security, trust, institutions, Internet activity.

Введение

В данной работе мы опирались на концепты культуры доверия, социального самочувствия, коммуникационных (интернет) сетей. Культура доверия создает условия для развития общественной жизни и экономики, в благополучном обществе люди привыкают доверять друг другу и общественным институтам, но верно и обратное. Обобщенное доверие — это отношение к лично незнакомым людям, уверенность в том, что они будут действовать в соответствии с общепринятыми правилами и ценностями [1]. В контексте тематики проводимой конференции отметим, что активизация инновационной и позитивной общественной деятельности молодых людей и общества в целом опирается на доверие к институтам общества и государства. Согласно теории Т. Ямагиши, люди доверяют другим в целом, потому что это адаптивно или выгодно в определенном типе социальной среды [2, p. 107]. Т. Ямагиши проверял свою теорию, анализируя результаты сравнительного анкетирования жителей США и Японии. Смысл его выводов состоит в том, что люди доверяют другим в целом в среде, в которой общее доверие приносит полезные результаты. Если речь идет о доверии людям, о которых ничего не известно, на помощь приходит опыт прошлых взаимодействий или репутация «большинства людей» [3, p. 272]. В благополучной, то есть побуждающей позитивную деятельность среде доверие должно прямо коррелировать с социальным самочувствием, и самооценками материального положения, то есть подкрепляться взаимодействиями. Более молодые люди предполагают, что «большинству людей можно доверять» на основании своего воспитания: в семье, школе, других институтах социализации.

Коммуникационные сети состоят из паттернов контактов, которые создаются с помощью потока сообщений между коммуникаторами в пространстве и времени [4, p. 3]. Главным из признаков современного общества все чаще называют его сетевой характер [5, p. 41]. По М. Кастельсу, сетевое общество — это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых посредством переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий. Такое общество избирательно распространяется по планете, функционируя в уже существующих структурах. Социальная структура такого общества является глобальной, но основная часть человеческого опыта локальна как в территориальном, так и в культурном измерениях [6]. Общества определяются границами национальных государств, культурными границами, включение и исключение граждан из глобальных сетей определяет потребление,

коммуникацию и власть. Как справедливо заметил Д. Малган, сети созданы не только для обмена данными и коммуникаций, но также для создания социального статуса [7, р. 21]. Взаимосвязь доверия и интернет-активности неоднозначна. Среди исследователей существует мнение, что в целом обобщенное и институциональное доверие уменьшились, но в некоторых исследованиях показано, что с расширением сети коммуникаций доверие возрастает [8].

В рассматриваемой в работе мы попытались выявить характер связи социального самочувствия, обобщенного доверия и включенность индивидуума в сетевые коммуникации. Объектом эмпирических исследований являлись жители Тюменской области, основной фокус рассуждений направлен на молодежь региона (возраст от 18 до 34 лет). Мы предполагали, что современное общество пронизано сетями коммуникаций, которые создают предпосылки для формирования и корректировки социального самочувствия и культуры доверия.

Данные и методика их анализа

Эмпирической базой исследования являются результаты социокультурного мониторинга (массовых опросов), проведенного в Тюменской области, объем выборок можно увидеть в приложении к данной статье. Методика исследования приведена, например, в [9; 10]. Выборки, привлекаемые в анализе данной статьи, репрезентируют население Тюменской области (без автономных округов) старше 18 лет по половозрастной структуре и образованию в разрезе территории проживания и типа поселения. Далее в тексте регион опросов, если не указано другое, будем обозначать Тюменская область или ТО. Ошибка выборок по одному признаку по формуле Паниотто не превышала 3%. Результаты мониторинга были опубликованы в ряде статей и монографий, в том числе [11; 12; 13]. Особенностью данных является их мониторинговый характер и региональная локация. Анализ данных проводится на основе индексного метода. Субиндексы вычислялись по соответствующим вопросам. Далее, по формуле средневзвешенного по шкале от 0 (минимум) до 1 (максимум), были найдены индексы защищенности, социального оптимизма, социального самочувствия, институционального доверия. Основные вопросы, привлекаемые в анализе, и методика вычисления индексов приведены в [12] и в приложении к данной статье.

Результаты

В концепции Н. И. Лапина представлена методика изучения социального самочувствия, которая включает в себя самооценки уровня защищенности по различным направлениям социальной жизни, индекс вычислялся как среднее арифметическое по всем основным проблемам-угрозам [9; 10]. На рис. 1 показана структура самооценок уровня защищенности молодежи Тюменской области по данным 2016–2019 гг. Динамика индекса

защищенности, определенного как среднее арифметическое от 11 проблем-опасностей показан на рис. 1. Отметим, что рейтинг проблем-опасностей по степени незащищенности молодежи ТО практически не меняется, и по своей структуре подобен всей выборке. По остроте напряженности лидируют проблемы: произвол чиновников, бедность, потеря работы, преступность и произвол правоохранительных органов.

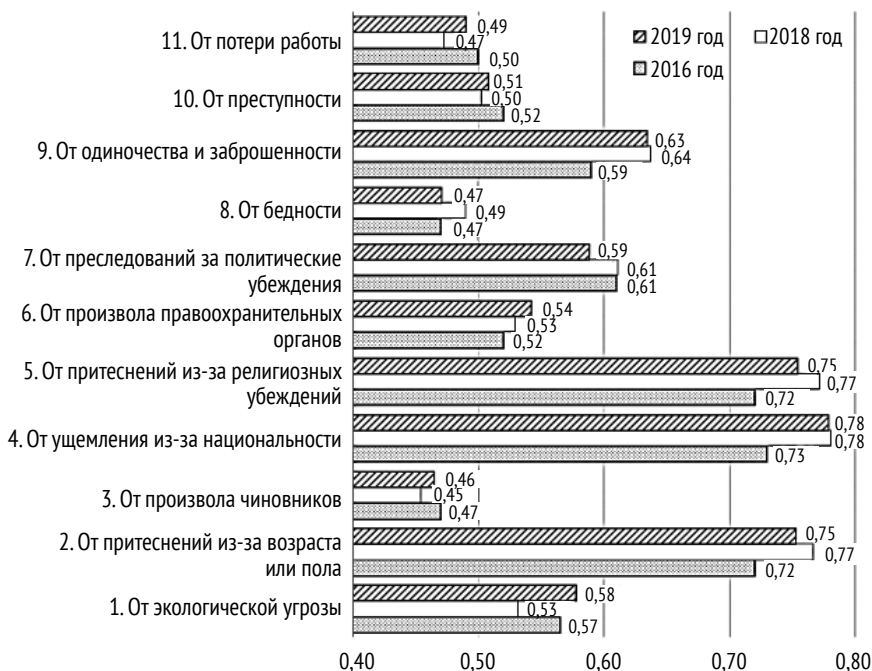

Рис. 1. Составляющие индекса защищенности молодежи Тюменской области (от 18 до 34 лет) от различных проблем-опасностей, репрезентативные опросы 2016–2019 гг.

Уровень защищенности вычислялся как среднее по шкале от 0 (совершенно не защищен) до 1 (полностью защищен) по всем 11 основным проблемам-опасностям

Если сравнить уровень защищенности молодежи (18–34 года) и жителей региона старше 34 лет, то видно, что по всем параметрам молодежь ощущает себя более защищенной, но различия очень малы. Рейтинг проблем-опасностей почти не зависит от возраста респондента (табл. 1). Молодежь значительно более оптимистична, поэтому индекс социального самочувствия молодых людей выше, чем в среднем по региону.

На рис. 2 отражена динамика составляющих социального самочувствия и доверия к институтам в среднем для молодежи региона с 18 до 24 лет.

Удовлетворенность жизнью и уровень защищенности в целом имеют повышающую динамику. Удовлетворенность жизнью за рассмотренные 13 лет выросла наиболее существенно. Три вопроса направлены на вычисление социального оптимизма граждан: оценки текущего года, тактический и стратегический оптимизм. Ответы на вопрос: «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?», это оценка текущей динамики материального положения. Оптимизм, который был назван «тактическим», измерялся в ответах на вопрос «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?».

Таблица 1

**Составляющие индекса защищенности от проблем-опасностей,
индекса доверия, социального самочувствия, N=1642,
опрос в мае 2019 г. на территории Тюменской области**

	Рей- тинг	Возраст	
		18–34 года	Старше 34 лет
От экологической угрозы	6	0,58	0,51
От притеснений из-за Вашего возраста или пола	9	0,75	0,68
От произвола чиновников	1	0,46	0,42
От ущемления из-за Вашей национальности	11	0,78	0,77
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	10	0,75	0,77
От произвола правоохранительных органов	5	0,54	0,51
От преследований за политические убеждения	7	0,59	0,60
От бедности	2	0,47	0,42
От одиночества и заброшенности	8	0,63	0,61
От преступности	4	0,51	0,46
От потери работы	3	0,49	0,46
Индекс защищенности		0,60	0,54
Индекс доверия к институтам (10)*		0,50	0,48
Индекс обобщенного доверия*		0,46	0,48
Индекс социального оптимизма*		0,65	0,57
Индекс социального самочувствия*		0,66	0,61

* Все индексы и субиндексы рассчитаны по формуле средневзвешенного по шкале от 0 (минимум) до 1 (максимум) без учета пропущенных ответов.

Третья компонента названа стратегическим оптимизмом, измерялся в ответах на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены, или не уверены в своем будущем?». Оценки текущего года наиболее волатильны, поскольку реальное состояние экономики не стабильно. В период наблюдений попали два кризисных периода – 2009 и 2016 гг., которые отмечены существенным снижением оценок текущего года. При этом большинство молодых людей не теряют веры в будущее и надеются на улучшение в ближайшее время. Ситуация, которая сложилась в 2016 г. оказалась наиболее тяжелой для всего региона, по мнению молодежи региона, индекс оценки текущего года принял значение 0,45. Тем не менее отметим, что социальное самочувствие молодежи Тюменской области в целом имеет повышательную динамику.

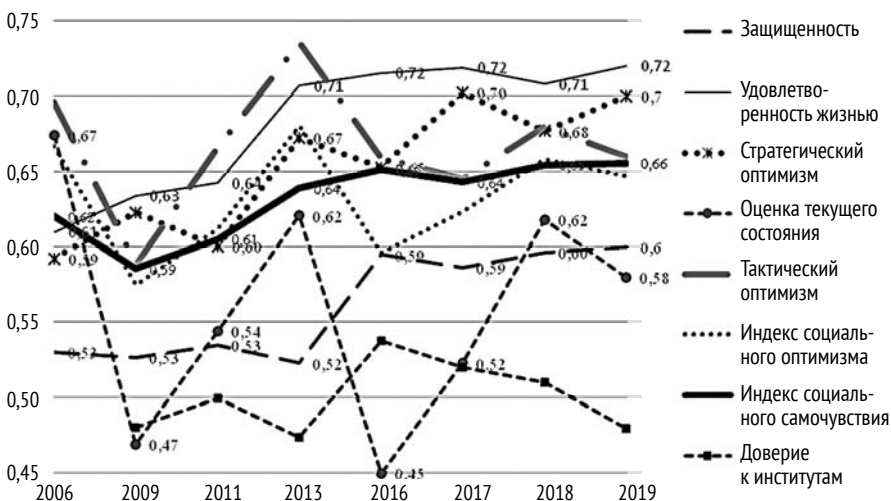

Рис. 2. Динамика составляющих индексов социального самочувствия и доверия к институтам молодежи Тюменской области, возраст от 18 до 34 лет, опросы 2006–2019 гг.

Индексы вычислялись как среднее по шкале от 0 до 1

Рассмотрим следующий компонент – уровень доверия. Доверие изучалось через доверие к «незнакомым людям» (обобщенное доверие) и доверие к институтам. В методике был приведен список из 15 основных общественных и государственных институтов региона, и по каждому был найден уровень доверия. Доверие к институтам вычислено через среднее арифметическое от десяти составляющих доверия, см. приложение к статье. Уровень доверия – самый низкий из рассмотренных индикаторов, но общая тенденция практически тождественна динамике уровня защищенности, тактического оптимизма и удовлетворенности жизнью. Стратегический оптимизм и оценки текущего года колеблются практически в противофазе всем остальным индикаторам, фактически играя роль компенсационного механизма.

Как демонстрируют эмпирические данные, молодые люди менее склонны доверять незнакомым людям, нежели более старшее поколение (рис. 3). Этот феномен весьма устойчив, как мы отмечали ранее по другим массивам [13]. Доверие к институтам выше, чем обобщенное доверие, вплоть до 44 лет. Позднее происходит смена приоритетов — люди предпочитают доверять «другим людям, пусть даже незнакомым», но менее доверяют институтам. При этом доверие к институтам относительно снижается в группе 45–54 года.

Обобщенное доверие достигает своего минимума в группе 25–44 года, и в этой же группе наблюдается наибольшее значение протестного потенциала (рис. 3). Последнее соответствует ситуации, когда в группе молодых людей 18–24 года в той или иной степени готовы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека) 12%, а в группе 24–34 года уже 32% опрошенных. Это молодые люди, которые начинают работать и, скорее всего, сталкиваются с трудностями устройства на работу, становления в жизни, в карьере. Повышение уровня обобщенного доверия и доверия к институтам сопровождается снижением уровня протестного потенциала.

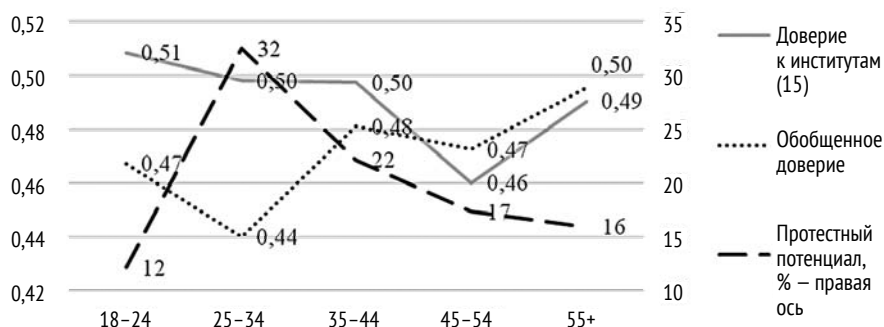

Рис. 3. Уровень доверия к институтам, обобщенного доверия (индексы) и протестного потенциала (%) представителей различных поколений, $N=1642$, опрос в мае 2019 г. на территории Тюменской области.

Обобщенное доверие и доверие к институтам измерялись через индексы по шкале от 0 (все не доверяют) до 1 (все доверяют), левая ось. Протестный потенциал измерялся через долю, в процентах, ответивших «готовы» или «пожалуй, готовы» на вопрос методики «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?», правая ось

Молодые люди больше доверяют всем институтам, кроме церкви (см. табл. 2). При этом значимы эти различия по отношению к интернет-СМИ ($F=16,2, p=0,000$), предпринимателям, бизнес-сообществу ($F=12,7, p=0,000$), церкви ($F=10,8, p=0,001$), суду ($F=8,3, p=0,004$), профсоюзам ($F=6,3, p=0,012$),

прокуратуре ($F=5,6, p=0,019$), общественным организациям ($F=5,3, p=0,021$)¹. Эти институты выделены курсивом в табл. 2. Можно заключить, что молодежь более, чем старшее поколение доверяет общественным институтам и институтам защиты прав личности (суд и прокуратура).

Таблица 2

Составляющие индекса* доверия к институтам, 2019 г.

Институты, которым доверяют (1) / не доверяют (0)	Возраст респондентов	
	18–34 года	Старше 34 лет
Вашему работодателю	0,62	0,60
Церкви	0,51	0,56
Суду	0,54	0,50
Правительству Тюменской области	0,53	0,51
<i>Прокуратуре</i>	<i>0,53</i>	<i>0,49</i>
Губернатору	0,51	0,50
Тюменской областной Думе	0,51	0,49
Полиции	0,50	0,48
Муниципальным, местным органам управления	0,50	0,48
<i>Предпринимателям, бизнес-сообществу</i>	<i>0,51</i>	<i>0,46</i>
<i>Общественным организациям</i>	<i>0,50</i>	<i>0,47</i>
<i>Профсоюзам</i>	<i>0,49</i>	<i>0,45</i>
<i>Интернет-СМИ</i>	<i>0,46</i>	<i>0,40</i>
Политическим партиям	0,43	0,41
СМИ (печать, радио, телевидение)	0,42	0,42

* Индекс и субиндексы вычислялись как среднее по шкале от 0 до 1.

Рассмотрим одну из самых ярко выраженных проблем настоящего времени, которая охватила молодых людей во всем мире, — интернет-активность (рис. 4). Мы задавали вопрос «Пользуетесь ли Вы сетью Интернет дома, и если да, то как часто?» (см. приложение, табл. 3). Во всей выборке 81 % жителей региона в 2019 г. пользуются интернетом практически ежедневно. Перелом

¹ Значимыми являются различия, достоверные на уровне выше 95 % (p — значимость или вероятность истинности нуль-гипотезы), то есть при $p < 0,05$. F — критерий Фишера для проверки различий межгрупповой (числитель) и внутригрупповой (знаменатель) дисперсий. Таким образом, чем больше F -критерий, тем более значимо различаются межгрупповая и внутригрупповая дисперсии при разбиении по изучаемому критерию. Тест Левена не дает значимого результата (во всех случаях $p > 0,05$), значит дисперсии гомогенные, и использование теста ANOVA корректно.

частоты обращения к интернету происходит в возрасте до 45 лет. Важно, что частота обращения к интернету и институциональное доверие связано прямо, тогда как обобщенное доверие такой тенденции не демонстрирует (рис. 4). То есть нельзя сказать, что молодые люди, которые часто обращаются к интернету, менее доверяют институтам. Мы не утверждаем обратное, поскольку подвыборка молодых людей, не использующих интернет, слишком мала. Однако имеются две противоположные тенденции — в группе молодых быстро повышается частота обращения к интернету и снижается доверие к институтам. Тогда повышение доверия к институтам с элиминированием влияния возраста демонстрирует еще более сильное повышение силы тенденции, отраженной на рис. 2.

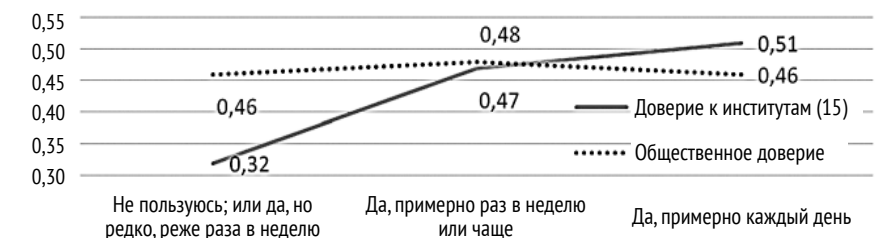

Рис. 4. Различия уровня доверия к институтам и обобщенного доверия (0 – недоверие, 10 – доверие) по ответам на вопрос «Пользуетесь ли Вы сетью Интернет дома, и если да, то как часто?», N=721, опрос в мае 2019 г., Тюменская область, данные по молодежи 18–34 года

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Пользуетесь ли Вы сетью Интернет дома, и если да, то как часто?» для различных поколений, % по строке, N=1642, опрос в мае 2019 г., Тюменская область

Частота обращения к интернету	Возраст респондента					В целом по выборке
	18–24	25–34	35–44	45–54	55+	
Практически не пользуюсь		2	2	7	19	5
Да, но редко, реже раза в неделю	1	1	3	6	13	4
Да, примерно раз в неделю или чаще	4	5	9	13	16	9
Да, практически каждый день	96	93	85	73	52	81

Для проверки гипотезы была построена порядковая регрессия, которая отражает влияние факторов на изменчивость целевой переменной. В качестве целевой переменной мы взяли доверие к институтам (среднее по 15 институтам), предикторы — возраст, ответы на вопрос «Пользуетесь ли Вы сетью Интернет дома, и если да, то как часто?», обобщенное доверие (табл. 4).

В результате были выделены группы с наиболее значимыми различиями, что показано на рис. 5. Порядковая регрессия подтвердила прогноз, что вариация доверия к институтам по частоте обращения к интернету не объясняется возрастом респондента.

Важность фактора демонстрирует вес фактора (по шкале от 0 до 1) в сумме всех отобранных факторов по его влиянию на вариацию зависимой переменной.

Обобщенное доверие и доверие к институтам связано положительно, другими словами, в среднем по всей выборке они возрастают одновременно (табл. 4, рис. 5). Однако в когорте молодых людей (18–34 года) наблюдается относительное снижение обобщенного доверия и повышение доверия к институтам (см. рис. 3). Эта тенденция является весьма устойчивой и не теряет своей актуальности в последние три волны мониторинга.

Таблица 4

Влияние факторов на индекс доверия к институтам, коэффициенты порядковой регрессии, на основе данных опроса мая 2019 г., N=1642, Тюменская область

Индекс доверия к институтам	Коэффициент	Значимость (p)	Важность
Свободный член	0,375	0,000	
Обобщенное доверие	0,218	0,000	0,925
Пользуетесь ли Вы сетью Интернет дома, и если да, то как часто	-0,04	0,039	0,036
Возраст респондента по приведенной шкале	0,024	0,031	0,039

* Значимость (p) есть вероятность истинности нуль-гипотезы при уровне достоверности 95%. Если значимость ниже 0,05, можно принять гипотезу 1 (есть влияние фактора).

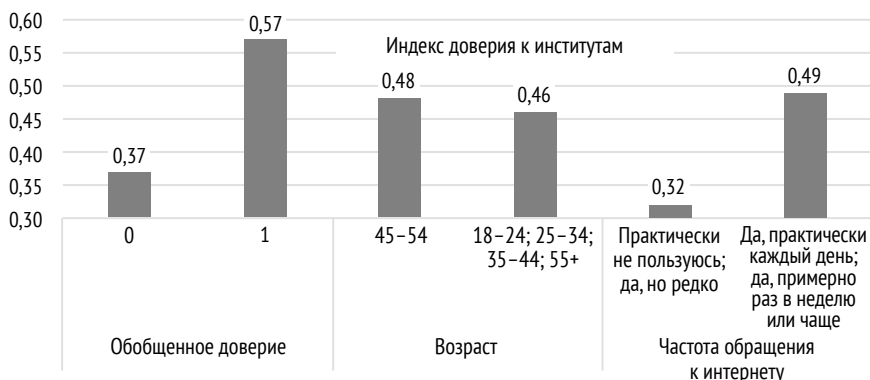

Рис. 5. Различия индекса доверия к институтам по результатам анализа порядковой регрессии, N=1642, опрос в мае 2019 г., Тюменская область (без автономных округов)

Таким образом, мы проверили гипотезу, что, одновременно со снижением доверия к институтам в когорте молодых людей, частота обращения к сети Интернет повышает склонность людей доверять институтам. Отметим, что для молодых людей эффектом, повышающим доверие к институтам, является обучение на очном отделении вуза (для студентов очного обучения $I_{дов} = 0,54$). Этот факт тем более заметен, если обратить внимание на быстрое снижение обобщенного доверия в возрасте, когда бывшие студенты начинают работать (после 25 лет). Однако самый высокий уровень доверия к институтам демонстрируют те, кто наиболее склонен доверять «незнакомым людям» ($I_{дов} = 0,57$, если индекс обобщенного доверия = 1), см. рис. 5.

Выводы

Весь период наблюдений оценки социального самочувствия, несмотря на неустойчивую динамику, в целом повышаются, в том числе и со стороны молодежи региона. Доверие к институтам и обобщенное доверие остаются на самом низком уровне из всех рассмотренных индикаторов и уже три года подряд снижаются в динамике.

По всем составляющим социального самочувствия молодежь ощущает себя более защищенной, но различия очень малы. Основные проблемы-опасности для молодых людей, это произвол чиновников, бедность, потеря работы, преступность и произвол правоохранительных органов, как и для всех жителей региона. Рейтинг проблем-опасностей очень слабо зависит от возраста респондента.

Молодежь значительно более оптимистична, поэтому индекс социального самочувствия молодых людей выше, чем в среднем по региону. В среднем можно отметить, что, чем более оптимистичен человек, тем он больше доверяет «другим людям», институтам, ощущает себя более защищенным.

Молодые люди меньше доверяют «незнакомым людям», но больше доверяют всем институтам, исключение составляет доверие к церкви. При этом значимы различия в доверии по отношению к интернет-СМИ, предпринимателям, бизнес-сообществу, церкви, суду, профсоюзам, прокуратуре, общественным организациям. Можно заключить, что молодежь больше, чем старшее поколение доверяет общественным институтам и институтам защиты прав личности (суд и прокуратура).

Имеются две различные тенденции — в более молодых когортах быстро повышается частота обращения к интернету и снижается обобщенное доверие. Элиминирование влияния возраста демонстрирует сильную тенденцию роста среднего доверия к институтам по мере повышения частоты обращения к интернет-сети. Одновременно значимое положительное влияние на доверие к институтам оказывает личная предрасположенность людей доверять «незнакомым людям», обусловленное, скорее всего, культурными особенностями, но в молодых когортах обобщенное доверие ниже среднего по выборке. Обобщенное доверие зависит только от возраста, а по мере

повышения частоты обращения к интернету практически не меняется. Этот вывод противоречит утвердившемуся в СМИ мнению о негативном влиянии интернета на гражданское самосознание молодых людей. Возможное влияние, скорее всего, обусловлено личностными характеристиками и не определяется частотой обращения молодых людей в сети Интернет.

Отметим, что в группе тех, кто часто или постоянно обращается к интернету, возрастает доверие к губернатору, прокуратуре, правительству, работодателям, интернет-СМИ. Но снижается доверие к полиции, традиционным СМИ и церкви.

Обобщенное доверие достигает своего минимума в группе 25–44 года, и в этой же группе наблюдается наибольшее значение протестного потенциала. Это молодые люди, которые начинают работать и, скорее всего, сталкиваются с трудностями устройства на работу, становления в жизни, в карьере. Обобщенное доверие жестко связано в общественном сознании с уровнем протестного потенциала и колеблется в противофазе. Чем выше уровень доверия, тем ниже уровень протестного потенциала.

В заключение заметим, что инновации и повышение позитивной гражданской активности невозможны, если молодые люди не доверяют государственным институтам, ощущают в качестве основных проблем произвол чиновников, поэтому представителям государственного управления и власти необходимо обратить особое внимание на понижающую динамику доверия к институтам и обобщенного доверия. Отметим также существенную переоценку роли интернета в социальном самочувствии молодых людей. В настоящее время основными проблемами остаются не транслируемые в сети, а реально проявляющиеся в жизни проблемы-опасности.

Источники

1. *Rosenberg M.* Occupations and Values. — Glencoe, Illinois : The Free Press, 1957.
2. *Yamagishi T.* Trust: The Evolutionary Game of Mind and Society. — Publisher: Springer, 2011. — 177 p.
3. *Bjørnskov Ch.* Social trust and fractionalization: A possible reinterpretation // European Sociological Review. — Oxford, 2008. — Vol. 24. — P. 271–283.
4. *Monge P., Contractor N.* Theories of Communication Networks. — Oxford : Oxford University Press, 2003.
5. *Castells M.* Communication Power. — Oxford: Oxford University Press, 2009.
6. *Norris P.* A Virtuous Circle: Political Communications in Postindustrial Societies / P. Norris. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
7. *Mulgan G.* Communication and Control: Networks and the New Economies of Communication / G. Mulgan. — Cambridge: Polity Press, 1991.
8. *Ромашкина Г. Ф.* Динамика и возможности развития социальных коммуникаций на уровне регионов России // Вестник Тюм. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. — 2017. — Т. 3, № 1. — С. 84–99. — DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-84-99.
9. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. — М. : Весь Мир, 2016. — 360 с.

10. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). — М. : МФРАН, 2010.
11. *Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф.* «Идентичность места» как критерий поддержки сетевых взаимодействий: теоретический анализ и эмпирические оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10, № 6. — С. 104–119.
12. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. — Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015. — 358 с.
13. *Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В.* Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // Вестник СПб ун-та. Социология. — 2018. — Т. 11, № 4. — С. 464–486.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мы смогли собрать данные по динамике социального самочувствия населения Тюменской области (без автономных округов) благодаря финансовой поддержке РГНФ (2006¹, 2009², 2011³, 2016⁴ гг.) и Тюменской областной Думы (2013, 2017, 2018, 2019 гг.). В 2006, 2009, 2013, 2016 гг. были проведены исследования по методике «Социокультурные портреты регионов России» [10] в Тюменской области (включая автономные округа), в 2011, 2017, 2018, 2019 гг. в рамках исследования по заказам Тюменской областной Думы в методику были частично включены вопросы, направленные на изучение компонентов качества, уровня жизни и социального самочувствия населения Тюменской области (без автономных округов) [12]. В данной работе привлекались данные только для Тюменской области (без автономных округов).

Структура и объем выборок социокультурного мониторинга в Тюменской области (без автономных округов)

Возраст респондента	Год опроса							
	2006	2009	2011	2013	2016	2017	2018	2019
18–24 года	344	297	386	193	160	182	185	306
25–34 года	347	330	489	278	321	389	384	415
35+	1024	933	1460	800	941	1069	1041	921
Вся выборка	1715	1560	2335	1271	1422	1640	1610	1642

¹ РГНФ № 06-03-00566а.

² РГНФ № 09-03-00676а.

³ РГНФ № 12-03-00304а.

⁴ РФФИ № 16-03-00500.

Вопросы методики [10], используемые в статье

1. Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или, Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает? по шкале от 0 (даже и излишняя осторожность не мешает) до 1 (большинству людей можно доверять). Соответствующий индикатор назван «обобщенное доверие» или «доверие к незнакомым людям».

2. Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете: Суду, губернатору, профсоюзам, прокуратуре, полиции, Правительству Тюменской области, политическим партиям, Тюменской областной Думе, СМИ (печать, радио, телевидение), Муниципальным, местным органам управления, Вашему работодателю, предпринимателям, бизнес-сообществу, интернет-СМИ, общественным организациям, церкви. Пятичленная шкала: 0 — совсем не доверяю, 1 — полностью доверяю. Соответствующий индикатор вычисляется как среднее по 15 институтам, назван в статье «доверие к институтам».

3. Группы по возрасту (полных лет). Приведенная шкала: 1: 18–24 года; 2: 25–34 года; 3: 35–44 года; 4: 45–54 года; 5: старше 55 лет.

4. Удовлетворенность жизнью: *Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?* 0: совсем не удовлетворены; 0,25: не очень удовлетворены; 0,5: затрудняюсь сказать точно; 0,75: скорее удовлетворены; 1: полностью удовлетворены.

5. Индекс защищенности. *Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?* Пятичленная шкала: 0 — совсем не защищен, 1 — защищен. Средняя уровня защищенности от десяти наиболее актуальных проблем-опасностей: 1) От экологической угрозы. 2) От притеснений из-за Вашего возраста или пола. 3) От произвола чиновников. 4) От ущемления из-за Вашей национальности. 5) От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений. 6) От произвола правоохранительных органов. 7) От преследований за политические убеждения. 8) От бедности. 9) От одиночества и заброшенности. 10) От преступности. Пятичленная шкала ответов: 0: совсем не защищен; 0,25: пожалуй, не защищен; 0,5: трудно сказать; 0,75: пожалуй, защищен; 1: Защищен.

6. Социальный оптимизм: средняя арифметическая от трех компонентов.

- 1) *Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?* Четырехчленная шкала. 0: скорее не уверены, чем уверены; 0,333: не могу сказать точно; 0,667: скорее уверены, чем нет; 1: вполне уверены.
- 2) *Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?* Пятичленная шкала. 0: стали жить намного хуже; 0,25: стали жить несколько хуже; 0,5: ничего не изменилось; 0,75: стали жить несколько лучше; 1: стали жить намного лучше.

3) *Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?* Пятичленная шкала. 0: будем жить значительно хуже; 0,25: будем жить несколько хуже; 0,5: ничего не изменится; 0,75: будем жить несколько лучше; 1: будем жить значительно лучше.

7. *Интернет-активность. Пользуетесь ли Вы и Ваши дети (при наличии) сетью Интернет дома, и если да, то как часто?* Четырехчленная шкала. 0: практически не пользуюсь; 0,333: да, но редко, реже раза в неделю; 0,666: да, примерно раз в неделю или чаще; 1: да, практически каждый день.

8. *Протестный потенциал. Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?* Четырехчленная шкала. 1: готов; 0,667: пожалуй, готов; 0,333: пожалуй, не готов; 0: не готов. Индекс вычислялся по средневзвешенной от 0 (не готов) до 1 (готов), либо по сумме процентов ответивших на вопрос «готов», «пожалуй, готов».

ПОТЕНЦИАЛ ПОСТСОВЕТСКОГО ПОКОЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЗРЕЛОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А. Н. Тарасова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

E-mail: a.n.tarasova@mail.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-011-00632.*

Аннотация. В статье рассматриваются эмотивная, когнитивная и поведенческая составляющие потенциала постсоветского поколения в формировании зрелого гражданского общества. На материалах мониторинговых опросов населения Тюменской области раскрыт имеющийся потенциал развития гражданского общества, а также показана степень реализации этого потенциала в контексте смены поколений. Выделены три молодежных кластера, отличающихся уровнем гражданской активности и ориентированности на взаимодействие или противодействие власти и государству.

Ключевые слова: постсоветское поколение, молодежь, гражданское общество, потенциал молодежи, гражданская активность, социальный капитал, молодежные кластеры, гражданственность.

THE POTENTIAL OF POST-SOVIET GENERATION IN THE FORMATION OF MATURE CIVIL SOCIETY

A. N. Tarasova

Ural Federal University named after the first President of Russia

B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

E-mail: a.n.tarasova@mail.ru

Abstract. The article discusses the emotive, cognitive and behavioral components of the potential of the post-Soviet generation in the formation of a mature civil society. The materials of monitoring surveys of the population of the Tyumen Region revealed the existing potential for the development of civil society, as well as the degree of realization of this potential in the context of the generational change. Three youth clusters are distinguished, differing in the level of civic activity and orientation towards interaction or opposition of the authorities and the state.

Keywords: post-Soviet generation, youth, civil society, youth potential, civic engagement, social capital, youth clusters, citizenship.

Еще десять лет назад исследователи говорили о том, что гражданское общество еще только формируется, отмечалось много проблем [9; 14]. К примеру, И. В. Мерсиянова в своей статье 2009 г. приводит результаты всероссийского репрезентативного опроса населения ($n = 3064$ чел.), показывая, что на тот момент времени лишь 15 % россиян полагали, что в России уже сформировалось гражданское общество, противоположной точки зрения придерживалось 64 % респондентов. И, рассмотрев предпосылки развития гражданского общества, она делает заключение, что они «вряд ли могут обеспечить бурный рост общественной активности и гражданского самосознания» [9, с. 191]. Но за прошедшие десять лет подросло новое поколение — постсоветское, это поколение тех, кто родился и вырос уже в «эпоху рыночных отношений», причем их социализация проходила не в «лихие девяностые», а в относительно более благополучный период начала 2000-х гг. Ю. М. Вассерман отмечает, что каждое поколение в процессе социализации усваивает определенные регуляторы поведения, приспособляя свое поведение к внешним условиям, обеспечивая тем самым модернизацию общества [2, с. 60]. Для постсоветского поколения характерны несколько иные ценности, жизненные цели и установки, стандарты, чем для предыдущих поколений, хотя бы уже в силу изменения исходных внешних условий жизни, что подтверждается целым рядом исследователей [3; 13; 16]. Учитывая, что молодые склонны (благодаря возрастным свойствам личности) сами конструировать социальную реальность под свои запросы и потребности, как верно заметил М. А. Головчин [3, с. 216], можно предположить, что меняется и гражданское общество. Соответственно актуализируется исследовательская задача по изучению вклада нового постсоветского поколения в формирование зрелого гражданского общества.

В рамках данной статьи ставилась цель раскрыть имеющийся потенциал развития гражданского общества в контексте смены поколений. Понятие «поколение» задается в традиции Л. Н. Когана, который определял поколение как объективно сложившуюся социально-демографическую общность, которая характеризуется: а) общими, типичными жизненными условиями формирования личности; б) едиными задачами по сохранению или изменению этих условий в своей практической деятельности; в) общностью доминирующих возрастных, социально-психологических и нравственных черт [6, с. 73]. В качестве объективного критерия отнесения к постсоветскому поколению взят возраст участников исследования (год рождения после 1991 г.). Есть и одно значимое событие, дифференцирующие постсоветское поколение от предыдущего, — это обязательная сдача ЕГЭ. К 2009 г. (это как раз примерно время выпуска из школы тех, кто родился в 1991 г.) единый государственный экзамен стал обязательным — до этого его сдавали в тестовом режиме.

Данное исследование построено на материалах мониторинга «Социокультурный портрет Тюменской области», включающих в себя данные 4 волн опроса населения (2006, 2009, 2013 и 2016 гг.). Детальное описание проекта

и характеристика выборок представлены в [1; 17]. Опросы проводились по квотированной выборке по полу, возрасту, образованию и типу населенного пункта, с применением принципов случайного отбора респондентов. Учтя, что опрос проводился среди лиц старше 18 лет, четко выделить постсоветское поколение стало возможно лишь в данных 2016 г., где соответствующая подвыборка составила 535 человек (результаты остальных волн использованы лишь для сравнения). Кроме материалов мониторинга использованы результаты опросов молодежи 2010 и 2019 гг. Размер выборочной совокупности исследования 2019 г. составил 1880 человек, охватывающей студентов различных специальностей всех вузов Тюменской области, а также всех курсов, включая бакалавриат и магистратуру. Данная молодежь относится к постсоветскому поколению. В 2010 г. опрошено 1274 человека в возрасте от 18 до 30 лет, относящихся к предыдущему поколению переходного периода. Структура выборки по полу, возрасту и типу населенного пункта соответствует структуре генеральной совокупности. По всем представленным наборам данных при доверительной вероятности 95 %, ошибка выборки менее 3 %, что свидетельствует об их репрезентативности, а соответственно и о достоверности полученных результатов.

В статье Е. А. Реанович приводятся самые различные смысловые значения понятия «потенциал» [15]. Ориентируясь на стандартное социологическое его толкование, раскрываем потенциал через возможности реализации имеющихся ресурсов и способностей. А. В. Кисиленко, рассматривая потенциал самоорганизации российской молодежи, выделяет только установки молодежи в отношении волонтерской деятельности и опыт участия (в нашей трактовке эмотивный и поведенческий аспект), во-первых, игнорируя когнитивный аспект, во-вторых, понимая под потенциалом только не задействованный интерес (готовы стать волонтерами, но нет опыта волонтерской деятельности) [5, с. 67]. В данной же статье предлагается более развернутая схема, предложенная М. В. Певной [12] и включающая эмотивную, когнитивную и поведенческую составляющие потенциала, а также потенциал среды как совокупность имеющихся внешних условий для перевода возможностей в актуализированное состояние. Рассмотрим эти составляющие более подробно.

Эмотивная составляющая внутреннего потенциала молодежи по развитию гражданского общества в России определяется такими переменными, как: 1) отношение к своей стране и своему региону; 2) восприятие молодежью своих возможностей в формировании зрелого гражданского общества; 3) готовность к защите прав своих и чужих; 4) желание и готовность участвовать в добровольческой деятельности, вступать в общественные организации.

Отношение к своей стране и своему регион — один из важнейших показателей, определяющих потенциал молодежи к формированию гражданского общества, ведь при негативном отношении теряется мотивация

к изменению социальной реальности. Большинство молодых людей Тюменской области (чуть более 70 %) довольны своим регионом. Даже видя какие-то недостатки своего региона, не собираются никуда уезжать еще 14 % молодежи. Однако сохраняется, и даже с 2006 г. немного выросла, доля тех, кто хотел бы вообще уехать из России. По результатам исследования 2019 г. среди молодежи, фактически каждый десятый (11 %) стремится уехать из страны, и еще около 3 % хотели бы уехать в другой регион. Отношение к своему региону максимально значимо коррелирует с показателем отношения к своей стране (коэффициент корреляции Спирмана 0,475 при ошибке менее 0,0001). Большинство молодых людей в какой-то мере считают себя патриотами (27 % определено, 49 % отчасти), но 17 % опрошенных себя таковыми не считают.

Однако, если сопоставить эти данные с результатами опроса молодежи Тюменской области 2010 г. [10, с. 75], то выясняется, что никаких изменений в соотношении патриотов / не патриотов по сравнению с предыдущим поколением не наблюдается. Но меняется само восприятие патриотизма (рис. 1). Если в 2010 г. патриотизм для молодежи — это, прежде всего, привязанность к родной земле, языку, традициям (60 %), то для постсоветского поколения привязанность к родине хоть и остается на первом месте, но теперь данный вариант выбирают уже чуть меньше половины (48 %). Снижается выбор ответов «гордость за спортивные достижения» (с 22 до 9 %), «национальное достоинство» (с 21 до 11 %). Но при этом значительно возрастает доля таких ответов, как: «стремление к развитию своей страны, города» (с 19 до 39 %), «чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей» (с 24 до 35 %), «готовность жертвовать личными интересами ради интересов отечества» (с 8 до 18 %), что характеризует более активную молодежную позицию в реализации потенциала патриотизма.

Оценка восприятия молодежью своих возможностей в формировании зрелого гражданского общества оценивалась через вопрос «Согласны ли вы с тем, что, активно участвуя в жизни своего города / села, молодежь может многое изменить?». Среди опрошенных 86 % отметили, что они с этим полностью согласны (38 %) или скорее согласны (48 %). Можно отметить рост самооценки своих возможностей, поскольку в 2010 г. согласились с данным утверждением лишь 50 % опрошенной молодежи (в т. ч. 21 % полностью согласны). Порядка 13 % с этим не согласились (в 2010 г. — 23 %), посчитав, что молодежь не в состоянии что-то поменять в обществе. Примечательно, что эта доля пассивной молодежи примерно соответствует доле тех, кто в портретном мониторинге 2016 г. отметил полную зависимость от власти, причем чаще отмечается зависимость от общероссийской власти, чем от местных, городских властей (14–15 %). Сравнивая эти показатели поколения постсоветского с тем, что демонстрировало поколение переходного периода, можно отметить, что самооценка зависимости именно от власти не снизилась, а даже чуть выросла, но при этом значимо увеличилась доля

тех, кто считает, что улучшение их жизни полностью зависит от них самих. Так, в 2006 г. среди молодежи (поколение переходного периода) 74 % опрошенных взяли на себя полную ответственность за свою жизнь, а в 2016 г. (постсоветское поколение) таких уже 85 % респондентов.

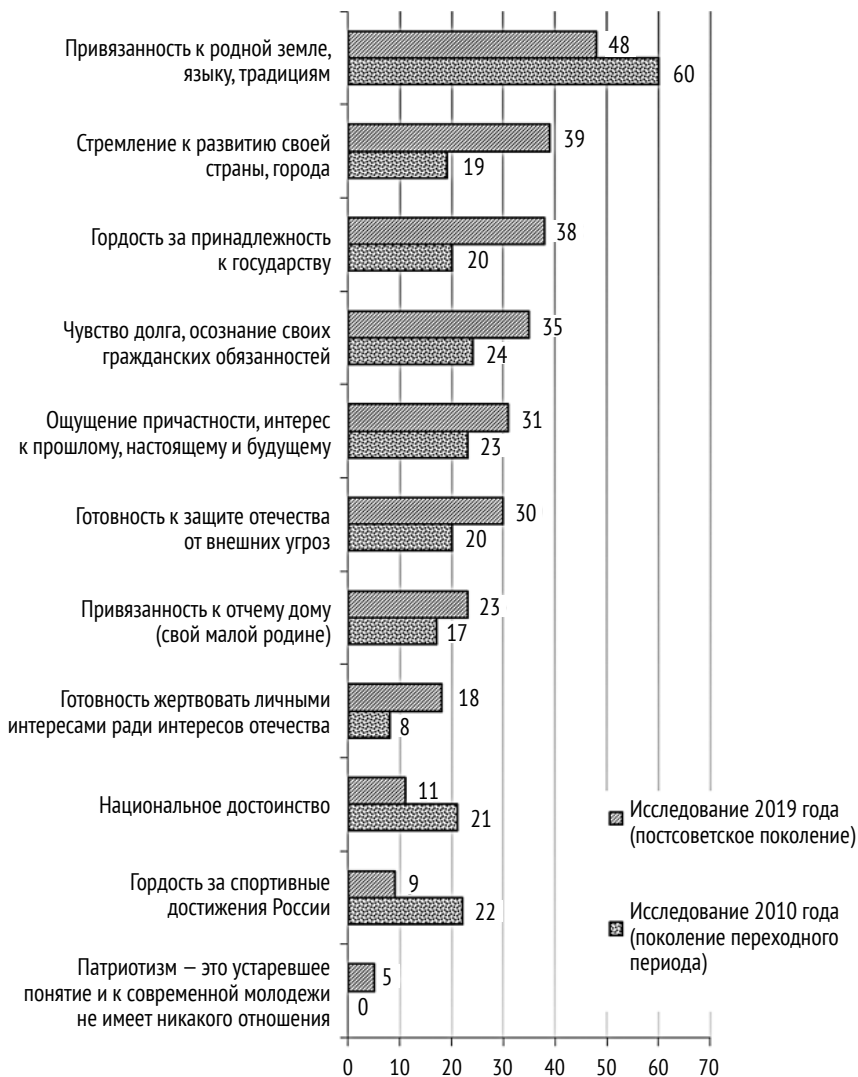

Рис. 1. Понимание патриотизма с точки зрения молодежи (в % от числа опрошенных)

Готовность к защите своих прав (а тем более чужих) среди молодежи не высока. Порядка трети опрошенных молодых людей даже не пытаются отстаивать свои права при их нарушении. И в этом направлении никаких подвижек не наблюдается. Постсоветское поколение ничем не отличается от предыдущего поколения переходного периода. Готовность участвовать в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека немного снижается: среди молодежи 2006 г. были готовы к протесту 44 %, в 2016 г. — 39 % респондентов. Интересно, что при этом сокращается и доля тех, кто не готов к протестным выступлениям, с 53 до 36 %. Среди постсоветского поколения очень большая доля затруднившихся с ответом на данный вопрос (26 %). Такая динамика может свидетельствовать, с одной стороны, о готовности отстаивать права свои и чужие, с другой — об отсутствии революционных устремлений в отстаивании этих прав, желании решать проблемы в рамках имеющегося институционального и правового поля, а не через протест.

Интерес к общественной деятельности оценивался через вопрос: «Хотели бы вы стать членом какой-то общественной организации? Напишите какой». Более трети молодых людей (39 %) отметили свое желание стать членом какой-то общественной организации (волонтерской, экологической, политической, спортивной и др.), из них 10 % даже указали, какой именно организации. Высока ориентация на волонтерскую деятельность (28 %), на участие в экологических мероприятиях (31 %), творческих проектах (53 %), спортивных мероприятиях, направленных на поддержание здоровья (38 %), встречах и общении с людьми разных культур и национальностей (37 %).

В целом оценивая потенциал в формировании зрелого гражданского общества через эмотивную составляющую, можно отметить, что он у постсоветского поколения вырос. Но не столько за счет роста доли молодежи, ориентированной на активное участие в общественной жизни (как и ранее порядка 10–15 % молодежи настроены отрицательно, считая, что все их усилия бесполезны, и стремясь вообще уехать из страны), сколько за счет пересмотра своей роли в формировании гражданского общества, роста самооценки своих возможностей. К примеру, если для предыдущего поколения любовь к своей родине (стране / региону) — это скорее привязанность, привычка, отчасти гордость за прошлые достигнутые успехи, то для постсоветского актуализируются деятельностные компоненты патриотизма — стремление развивать свою родину, готовность жертвовать личными интересами, осознание своих гражданских обязанностей. Вкупе с ростом понимания того, что многое зависит именно от нее, постсоветское поколение несомненно несет в себе больший потенциал гражданственности, нежели предыдущее поколение переходного периода.

Следующая составляющая потенциала постсоветского поколения — когнитивная, может раскрываться через 1) знания молодежи о своей стране и своем регионе; 2) об основных институтах гражданского общества, их

деятельности; 3) через умения ориентироваться в правовом поле (правовую грамотность).

Если эмотивный аспект показывает отношение, готовность, желание участвовать в формировании гражданского общества, то когнитивный показывает подготовленность молодежи к такому участию. Действительно, каким бы высоким ни было желание участвовать в жизни общества и улучшать регион / страну, если отсутствуют элементарные знания о том, как внести свои предложения, какие организации помогают в этом, куда можно обратиться при нарушении тех или иных прав, то говорить о высоком потенциале не приходится. Невозможно сформировать гражданское общество, не зная своей истории, не ориентируясь на опыт прошлых поколений. Как отмечает В. А. Косамара, проблема деградации исторического знания у современного молодого поколения не раз озвучивалась официальными лицами [7, с. 56]. Он же приводит слова бывшего главы Минобрнауки О. Васильевой¹: «надо знать хорошо историю своей страны, литературу, живопись своей страны, музыку, достижения техники для очень простой цели — чтобы в сердце всегда было чувство гордости и сопричастности» [7, с. 56]. Но знания не только формируют «гордость и сопричастность» у молодого поколения, они помогают развить критическое мышление и на более осознанном уровне включиться в конструктивный диалог между различными общественными силами.

В рамках имеющегося эмпирического материала когнитивный аспект замерен всего двумя открытыми вопросами: 1) назовите, пожалуйста, какие памятники истории и культуры в нашем регионе нуждаются в срочном ремонте, восстановлении (реставрации); 2) пожалуйста, припомните, по каким важным вопросам республиканские (краевые, областные), местные власти приняли постановления за последний год. В 2016 г. на первый вопрос дали ответ лишь 13% опрошенных молодых людей постсоветского поколения. Полученные результаты свидетельствуют не только о низком уровне информированности об истории своего города, но и о об отсутствии должного интереса к этой теме. Какие-либо законы, постановления, решения органов власти за последний год смогли припомнить лишь 8% молодых респондентов.

Хотя замер когнитивной составляющей потенциала развития гражданского общества проведен ограниченным числом переменных, не позволяющих оценить его в должной мере, но все же полученный результат свидетельствует о его ограниченности. Именно поэтому сейчас все чаще говорят о необходимости формирования правовой грамотности среди молодежи (еще лет 5–10 назад акцент был на финансовую грамотность, актуальную для поколения переходного периода).

Поведенческая составляющая — это третий компонент потенциала развития гражданственности. Данная составляющая включает в себя 1) реальный

¹ <https://regnum.ru/news/2276765.html>.

опыт участия в тех или иных общественных движениях, организациях, добровольческой деятельности; 2) опыт нарушений и защиты своих и чужих прав. Данный компонент неоднозначен. С одной стороны, реальный опыт — это уже реализация потенциала, поскольку участие в общественной жизни и формирует гражданское общество. С другой стороны, получаемый опыт может рассматриваться и как потенциал для последующего, более системного включения в систему институтов гражданского общества. Поведенческая составляющая тесно взаимосвязана с эмоциональным и когнитивным компонентами, поскольку любой опыт сопровождается накоплением новых знаний и изменением своего восприятия социальной реальности.

Результаты мониторинга 2016 г. показывают, что порядка 10–11 % опрошенных молодых людей Тюменской области являются членами каких-либо общественных организаций: политических партий (1,4 %), профсоюза (4,5 %), религиозных организаций (1 %), культурных движений (2 %) и других общественных организаций (2,4 %). Данный уровень участия и членства в общественно-политических организациях не отличается от того, что демонстрирует поколение переходного периода. Но в исследовании 2019 г. среди студенческой молодежи выявлен относительно высокий уровень включенности в волонтерские движения и организации: около 8 % респондентов являются членами волонтерских организаций «Вега», «Волонтеры Тюмени», «Моя территория» и других. Среди опрошенных 64 % ответили, что в их жизни был опыт волонтерской деятельности. Активное включение молодежи в волонтерскую деятельность подтверждают и другие исследователи [8].

Как поведенческий компонент можно рассмотреть опыт защиты прав у молодежи (табл. 1). В среднем постсоветское поколение чуть реже сталкивается с нарушениями своих прав (примерно каждый пятый), чем поколение переходного периода (примерно каждый четвертый). Но вот показатели интенсивности защиты (отношение доли тех, кто взялся отстаивать свои права, к тем, кто с такими нарушениями столкнулся) почти не меняются. Выросла только интенсивность защиты религиозных свобод и свободы совести, право частной собственности, свободы слова. Остальные не изменились либо даже немного сократились. В среднем порядка трети молодежи даже не пытаются отстаивать свои нарушенные права. Показатель успешности защиты (отношение доли тех, кто смог отстоять свои права, к тем, кто пытался это сделать) весьма красноречиво показывает, почему молодежь отказывается бороться за свои права: в половине случаев отстоять свои права не удается.

Такой негативный опыт отрицательно сказывается на потенциале молодежи в формировании и развитии гражданского общества в России. С чем связана такая ситуация? Первый очевидный и явно напрашивающийся ответ — это неэффективность работы органов государственной власти: институты должны защищать этого не делают, и все усилия по защите своих прав оказываются тщетными. Но возможно и другое объяснение.

Есть вероятность, что низкий показатель успешности (и интенсивности) защиты связан с недостаточной сформированностью когнитивной составляющей молодежного потенциала, т. е. элементарно отсутствуют знания о своих правах, возможностях их защиты, организациях, которые могут помочь. К примеру, в исследованиях трудового поведения неоднократно отмечалось, что работники говорят о нарушении своих прав в том случае, если происходит нарушение исходной договоренности с работодателем, не принимая во внимания нормы трудового законодательства [18].

Таким образом, каждая из составляющих молодежного потенциала может способствовать развитию остальных, а может, напротив, их ограничивать, снижая тем самым возможности молодого поколения влиять на общественное развитие.

Таблица 1

**Показатели нарушаемости прав, интенсивности и успешности их защиты
среди молодежи до 25 лет**

	2006 г. (n=867) – поколение переходного периода			2016 г. (n=535) – постсоветское поколение		
	Столкно- вание с наруше- ниями, %	Интен- сивность защиты, %	Успеш- ность защиты, %	Столкно- вание с наруше- ниями, %	Интен- сивность защиты, %	Успеш- ность защиты, %
Свобода слова	31	70	67	26	74	57
Право на безопасность и защиту личности	34	69	68	26	65	57
Свобода объединений, групп, союзов	19	67	58	18	63	50
Право народа на его собственный язык и культуру	17	63	60	18	64	43
Религиозные свободы и свобода совести	18	59	50	20	69	47
Равенство перед законом	37	66	52	27	63	49
Право на труд	32	67	60	22	64	46
Право частной собственности	28	62	63	21	69	51
Право на образование и обучение	28	73	68	20	72	58
Право на тайну личной переписки	28	65	59	19	65	48
Право на эмиграцию	16	67	50	16	66	42
Среднее по всем правам	26	66	60	21	67	50

Помимо внутреннего потенциала самой молодежи, рассмотренного выше, можно выделить потенциал среды, который фактически определяется текущим уровнем развития гражданского общества. Как отмечает И. М. Ильинский: «Кроме интереса и способности к социально-преобразующей деятельности молодежь должна иметь также соответствующие возможности, условия, стимулы. Тут решающее значение принадлежит обществу и государству: они могут ограничивать или высвобождать эту субъектность с помощью права и политики, морально-психологической атмосферы, которая складывается стихийно или сознательно формируется вокруг молодежи» [4, с. 77]. К показателям потенциала среды можно отнести: 1) уровень развития институтов гражданского общества (профсоюзов, некоммерческих организаций, политических движений и др.); 2) соблюдение прав и свобод граждан; 3) распространение в обществе ценностей свободы, демократии, закона, правопорядка; 4) уровень доверия в обществе (обобщенного и институционального); 5) уровень гражданской ответственности; 6) социальное самочувствие.

Динамика этих показателей в Тюменской области положительная. Но это одна из самых благополучных областей. В различных регионах России гражданское общество формируется не равномерно [9, с. 192], что связано как раз с различием исходных условий среды.

Стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство. Как замечает Н. В. Паршина, в России существование и развитие гражданского общества невозможно без участия государства [11, с. 43]. Т. А. Рассадина к государству добавляет еще и бизнес: «формирование гражданского общества в России принципиально зависит от двух игроков: государства и бизнеса, которые, по сути, определяют и пути развития, и модели его политического участия» [14, с. 168]. Она же замечает, что гражданское общество может строиться в русле двух парадигм: 1) на его противопоставлении власти, критике ее; 2) на поиске согласия, компромиссном улаживании проблем (так называемая конструктивная позиция) [14, с. 169]. Исходя из этого выделены три молодежных кластера: 1) кластер, отличающийся высоким уровнем протестного потенциала, гражданской активности, при низком уровне доверия к институтам власти, ориентация на построение гражданского общества в противовес власти и государству; 2) кластер, реализующий свою высокую гражданскую активность либо в прогосударственных организациях, либо вне политических структур, характеризуется высокой вовлеченностью в социальную / волонтерскую деятельность, уровень доверия относительно высок; 3) кластер пассивной молодежи характеризуется высокими показателями зависимости, сомнениями в своих возможностях что-то изменить в обществе, доверие к институтам власти невысокое.

Таким образом, оценивая потенциал постсоветского поколения в формировании и развитии гражданского общества, можно сделать следующие выводы:

1. В целом потенциал постсоветского поколения оценивается выше, чем потенциал поколения переходного периода, прежде всего благодаря более высокому уровню гражданской ответственности (осознание своих гражданских обязанностей) и возросшему стремлению к развитию своей страны, региона, города среди представителей данного поколения.

2. Рассматривая потенциал как комплекс взаимосвязанных составляющих эмотивных, когнитивных и поведенческих характеристик, следует отметить неравномерность их развития. Недостаточная сформированность у молодежи когнитивной составляющей негативно сказывается на уровне ее гражданской активности. Можно предположить, что именно вследствие этой несбалансированности составляющих процесс развития гражданского общества в России носит противоречивый характер.

3. Очень неоднозначно отражается на потенциале гражданственности поведенческая составляющая. С одной стороны, участие в правозащитной деятельности, волонтерском движении и т. п. способствует обогащению эмотивной и когнитивной составляющей потенциала. С другой стороны, получение неуспешного опыта ограничивает возможности реализации потенциала гражданственности в будущем.

4. В рамках постсоветского поколения могут быть выделены разные молодежные кластеры в зависимости от уровня их гражданской активности и ориентированности на взаимодействие или противопоставление власти и государству. Попадание в тот или иной кластер связано с уровнем образования и материального положения.

Источники

1. Андрианова Е. В., Тарасова А. Н., Печеркина И. Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2018. — № 3 (145). — С. 324–343.
2. Вассерман Ю. М. Время большой длительности в исследовании социокультурной динамики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. — 2015. — Т. 1. — С. 58–65.
3. Головчин М. А., Мкоян Г. С. Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2018. — Т. 11, № 3. — С. 215–229. — DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14.
4. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. — М.: Голос, 2001.
5. Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. — 2018. — Т. 4, № 1. — С. 63–71.
6. Коган Л. Н. Понятие «поколение» в теории научного коммунизма // Научный коммунизм. — 1974. — № 5.
7. Косамара В. А., Сорокина А. А. Советская и постсоветская Россия: исторические представления поколения миллениалов // Общественные науки и современность. — 2017. — № 6. — С. 55–66.
8. Кузьминчук А. А. Институциональное регулирование волонтеров как социальной общности : дисс. ... канд. социол. наук. — Тюмень, 2016.

9. Мерсиянова И. В. Предпосылки формирования гражданского общества в России // Личность. Культура Общество. — 2009. — Вып. 1 (№ 46–47). — С. 186–192.
10. Молодежь в социальном пространстве региона: коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2012. — 236 с.
11. Паршина Н. В. Формирование гражданского общества в современной России // Перспективы науки. 2016. — № 10 (85). — С. 43–45.
12. Певная М. В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография. — Екатеринбург, 2016.
13. Пищик В. И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. — 2011. — № 2. — С. 80–88.
14. Рассадина Т. А. Некоторые проблемы формирования гражданского общества в современной России // Симбирский научный вестник. — 2016. — № 2 (24). — С. 168–172.
15. Реанович Е. А. Смысловое значение понятия «потенциал» // Международный научно-исследовательский журнал. — 2012. — № 7–2 (7). — С. 14–15.
16. Сиврикова Н. В. Особенности самоидентификации представителей разных поколений // Здоровоохранение, образование и безопасность. — 2016. — № 3 (7). — С. 108–112.
17. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области : коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. — Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2015. — 358 с.
18. Тарасова А. Н., Андрианова Е. В. Основные механизмы вовлечения в неформальную занятость различных социально-демографических групп населения // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. — 2017. — Т. 3, № 2. — С. 53–65. — DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-53-65.

УДК 316.723

DOI: 10.25990/hse.conf-15.0jnd-eb44

ЭЛЕКТРОННАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИННОВАЦИЯ

Ю. А. Давыдова

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва

E-mail: ylkadav@mail.ru

Е. О. Королевский

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва

E-mail: korollegor@yandex.ru

С. В. Каргаполов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

E-mail: avestas@list.ru

А. И. Слободский

Московское суворовское военное училище, г. Москва

E-mail: slobodskoy51@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является выявление влияния электронной культуры на жизнь современной молодежи. Содержательную основу статьи составляет анализ и оценка отношения молодежи к виртуальному миру. Для этого используются результаты конкретного социологического исследования, целью которого было выявление тех возможностей и рисков, которые предоставляет интернет-пространство в представлении студенческой аудитории. Авторы обращают внимание на то, что респонденты понимают, какие перспективы предоставляет им виртуальный мир и какими рисками он им грозит. В статье сделан вывод о том, что такой феномен, как электронная культура, прочно вошел в жизнь современной молодежи.

Ключевые слова: электронная культура, социальная инновация, интернет-пространство, виртуальное пространство, молодежь.

E-CULTURE OF YOUNG PEOPLE AS A SOCIAL INNOVATION

Y. A. Davydova

Russian University of Economics by G. V. Plekhanov, Москва

E-mail: ylkadav@mail.ru

E. O. Korolevskii

Russian University of Economics by G. V. Plekhanov, Москва

E-mail: korollegor@yandex.ru

S. V. Kargapolov

Volgograd State University, Volgograd

E-mail: avestas@list.ru

A. I. Slobodskiy

Moscow Suvorov military school, Moscow

E-mail: slobodskoy51@mail.ru

Abstract. the purpose of this study is to identify the impact of electronic culture on the life of modern youth. The content of the article is based on the analysis and evaluation of the attitude of young people to the virtual world. For this purpose, the results of a specific sociological study are used, the purpose of which was to identify the opportunities and risks that the Internet space provides in the representation of the student audience. The authors draw attention to the fact that respondents understand what prospects the virtual world provides them and what risks it threatens them. The article concludes that such a phenomenon as electronic culture has become firmly established in the life of modern youth.

Keywords: electronic culture, social innovation, Internet space, virtual space, young people.

Общество начала XXI в. характеризуется стремительными инновационными преобразованиями. Инновации выступают генеральным индикатором модернизационных процессов в общественной жизни. Под воздействием таких инноваций, как информатизация и цифровизация, происходит трансформация всех сторон жизнедеятельности человека, что в сфере культуры проявляется в становлении электронной культуры. Этот новый феномен социального пространства выступает площадкой для различных инноваций, в котором создаются новые коммуникационные возможности, новые законы, свободы и права, новый язык и, в целом, новый «жизненный мир».

Влияние электронной культуры на различные аспекты жизни человека и общества вызывает несомненный интерес у зарубежных и отечественных исследователей. Электронная культура исследуется в социально-гуманитарном знании в русле компетентностного [1; 2], деятельностного [3], аксиологического [4; 5], институционального [6], коммуникативного [7] и других теоретико-методологических подходов.

Развитие электронной культуры приводит к «росту “плотности” межличностных и межгрупповых коммуникаций, создает возможность изменения направлений потока этих коммуникаций, способного тем самым реально трансформировать социальную структуру общества» [8, с. 175]. Поэтому рассматривать феномен электронной культуры в одном ряду с другими составляющими социокультурной системы современного общества не представляется возможным. Электронная культура выступает как сущностная черта современной цивилизации, она изменяет содержание социальной жизни и кардинально трансформирует все ее сферы. Поэтому предпочтительным будет исследовать этот феномен как социальную инновацию, которая не только способствует внедрению новых технологий в нашу повседневную жизнь, но и глобально трансформирует социальные коммуникации, нормы, ценности и стандарты поведения. Электронную культуру можно рассматривать как инновационную, технологически-опосредованную форму культуры. Вместе с тем необходимо отметить, что «картография» общественной и личной жизни в цифровом социокультурном пространстве остается достаточно примитивной [9] и противоречивой, так как электронная культура находится в стадии становления, имеет черты протокультуры и не обеспечивает устойчивые механизмы идентификации личности.

При анализе проблемы нами использовались результаты конкретного социологического исследования «Электронная культура студенчества вузов», разработанного и реализованного под руководством С. В. Каргаполова методом анкетирования в два этапа среди студентов вузов Астрахани и Волгограда (первый этап — май/декабрь 2014 г., $N=750$ чел.; второй этап — октябрь–ноябрь 2018 г. ($N=1128$ чел.). В марте 2019 г. были опрошены студенты вузов Москвы ($N=1240$ чел.). Исследования носили зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако количество опрошенных позволяет сделать предположения, сформулировать гипотезы. Анализ и обработка результатов проведены с использованием программы SPSS 17.0. Результаты первого этапа исследования опубликованы [см., напр., 10; 11]. В данной статье мы представляем результаты анализа второго этапа.

Студенческая молодежь вузов выбрана нами в качестве целевой аудитории социологического исследования не случайно. Именно студенчеству в силу содержания и социальных возможностей будущей профессиональной деятельности принадлежит важная роль авангарда в распространении электронных технологий и формировании электронной культуры. Студенты вузов выполняют особую миссию трансляторов электронной культуры с кумулятивного к повседневному уровню.

Первый блок вопросов затрагивал отношение молодых людей к всемирной сети. 85,4% респондентов считают, что интернет является ценностью современной культуры (табл. 1). При этом следует отметить, что суммарный процент студентов московских вузов, отстаивающих эту позицию, выше, чем

астраханских и волгоградских (92,5 % против 79,3 % и 74,7 % соответственно). Вероятно, такая разница объясняется тем, что доступность глобальной сети в мегаполисе на порядок выше, чем в остальных городах России.

В то же время респонденты, признавая безусловные плюсы от использования интернета, отмечают опасность интернет-зависимости и ухода в виртуальную реальность. С этим согласились 74,1 % опрошенных, и среди студентов Москвы доля согласившихся больше, чем среди студентов Астрахани и Волгограда (табл. 2). Практически одна пятая участников опроса не признает опасности интернет-зависимости.

Второй блок вопросов касался социальной сферы. С утверждением «Интернет разделяет людей по уровню доходов» не согласились 57,9 % респондентов (табл. 3).

Таблица 1

Ответы студентов на вопрос «Считаете ли вы, что интернет – ценность современной цивилизации и культуры?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	43,6	34,6	59,1	50,0
Пожалуй, согласен	35,7	40,1	33,4	35,4
Трудно сказать	15,5	16,6	0,0	7,6
Скорее не согласен	3,5	3,5	4,5	4,1
Полностью не согласен	1,2	2,0	0,8	1,1

Таблица 2

Ответы студентов на вопрос «Существует опасность интернет-зависимости, ухода в виртуальную реальность?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	36,3	34,6	43,4	39,7
Пожалуй, согласен	34,6	29,5	36,0	34,4
Трудно сказать	13,4	14,0	0,0	6,5
Скорее не согласен	9,5	13,1	13,8	12,4
Полностью не согласен	5,2	6,4	4,8	5,2

Таблица 3

Ответы студентов на вопрос «Интернет разделяет людей по уровню доходов?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	7,1	4,9	13,1	9,8
Пожалуй, согласен	12,1	9,5	15,2	13,3
Трудно сказать	28,2	27,5	0,0	13,3
Скорее не согласен	27,2	28,2	37,7	32,9
Полностью не согласен	23,0	25,5	25,9	25,0

Одна пятая опрошенных согласилась с этим утверждением, то есть признали, что разница в уровнях доходов проявляется и в виртуальном пространстве. Московские студенты отмечали этот факт значительно чаще, чем студенты астраханских и волгоградских вузов. С противоположным по смыслу утверждением «Интернет уравнивает всех людей вне зависимости от уровня доходов» согласились 60,4% опрошенных и среди студенчества Москвы, как это ни парадоксально, доля согласившихся также больше по сравнению со студентами Астрахани и Волгограда (табл. 4).

Таблица 4

Ответы студентов на вопрос «Интернет уравнивает всех людей вне зависимости от уровня доходов?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	21,3	19,5	28,8	24,9
Пожалуй, согласен	32,5	28,4	39,8	35,5
Трудно сказать	28,7	29,5	0,0	13,8
Скорее не согласен	9,7	12,9	16,9	14,1
Полностью не согласен	5,8	4,9	6,2	5,8

Третья группа вопросов касалась навыков коммуникации в виртуальном пространстве. При ответе на вопрос «Интернет отсекает возможность живого общения между людьми?» (табл. 5) мнения респондентов разделились. 44,2% согласились с этим утверждением, а 44,7% так не считают. Заметна и разница в ответах не согласившихся. Так, московские студенты более категоричны, чем астраханские и волгоградские (21,4% против 14,6 и 16% соответственно). При ответе на противоположный по смыслу вопрос «Интернет сближает людей?» 74% опрошенных дали положительный ответ, что несколько противоречит данным по предыдущему вопросу (табл. 6). Очевидно, что более трети респондентов не идентифицируют понятия «близкое общение» и «живое общение».

Таблица 5

Ответы студентов на вопрос «Интернет отсекает возможность живого общения между людьми?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	19,4	19,3	20,2	19,8
Пожалуй, согласен	21,9	23,5	26,2	24,4
Трудно сказать	16,1	18,2	0,0	8,1
Скорее не согласен	25,6	20,8	28,8	26,3
Полностью не согласен	14,6	16,0	21,4	18,4

Таблица 6

Ответы студентов на вопрос «Интернет сближает людей?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	31,0	24,6	37,6	33,3
Пожалуй, согласен	38,1	38,8	42,9	40,7
Трудно сказать	18,3	24,2	0,0	9,8
Скорее не согласен	8,9	8,4	12,8	10,8
Полностью не согласен	2,4	2,2	2,4	2,4

Коммуникативный блок включал в себя также следующий вопрос: «Разрушает ли интернет границы личного пространства?» (табл. 7). При ответе на него у респондентов наблюдались прямо противоположные мнения. 46,5% опрошенных не согласны с этим утверждением, а 34,8% считают это утверждение верным. При этом в Москве не согласны с тем, что интернет разрушает личное пространство, более половины опрошенных.

Таблица 7

Ответы студентов на вопрос «Интернет разрушает границы личного пространства?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	12,3	6,4	15,8	13,0
Пожалуй, согласен	18,8	15,1	25,9	21,8
Трудно сказать	29,4	31,5	0,0	14,4
Скорее не согласен	23,8	25,1	33,0	28,9
Полностью не согласен	13,3	17,3	20,0	17,6

Далее респондентам был задан вопрос «Ограничение эмоционального контакта в интернете может привести к психологическим проблемам?» (табл. 8).

Таблица 8

Ответы студентов на вопрос «Ограничение эмоционального контакта в интернете может привести к психологическим проблемам?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	14,5	14,0	22,0	18,3
Пожалуй, согласен	21,6	22,4	31,2	26,8
Трудно сказать	32,9	32,4	0,0	15,6
Скорее не согласен	16,7	14,6	26,8	21,6
Полностью не согласен	11,8	12,6	10,9	11,5

Так же как и при ответе на предыдущий вопрос, мнения респондентов разделились. 45,1% респондентов согласились с этим утверждением, в то

время как 33,1% опрошенных считают, что это не так. При этом ответы студентов из Москвы более категоричны, чем опрашиваемые в Астрахани и Волгограде (53,2% против 36,1 и 36,4% респондентов соответственно). То есть более половины москвичей считают, что у человека могут возникнуть психологические проблемы из-за ограничения эмоционального контакта в интернете.

Следующий вопрос касался проблемы безопасности в интернет-пространстве. Респондентам был задан вопрос «В интернете трудно адекватно оценить собеседника из-за его анонимности?» (табл. 9). 69,4% опрошенных согласились с тем, что сделать это достаточно трудно. Очевидно, что подобное единодушие связано с тем, что студенты знакомы с правилами безопасности в интернете и понимают специфику и опасность анонимного виртуального общения.

Таблица 9

Ответы студентов на вопрос «В интернете трудно адекватно оценить собеседника из-за его анонимности?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	27,8	29,7	34,9	31,9
Пожалуй, согласен	35,2	34,6	39,8	37,5
Трудно сказать	20,7	17,3	0,0	9,2
Скорее не согласен	9,6	10,4	15,4	12,8
Полностью не согласен	5,3	5,5	5,9	5,7

Четвертый блок вопросов затрагивал проблемы адекватности восприятия студентами виртуального мира. При ответе на вопрос «Согласны ли вы с утверждением, что виртуальный мир во многом превосходит реальный мир, основная функция виртуального мира – создание нового искусственного мира, в котором все ощущения человека заменяются имитацией?» 37,3% всех опрошенных респондентов либо согласны, либо «пожалуй, согласны» с данным утверждением. 44,3% всех опрошенных студентов либо не согласны, либо «полностью не согласны» с данным утверждением (табл. 10). Таким образом, свыше трети студентов считают, что виртуальный мир «круче» реального.

Таблица 10

Ответы студентов на вопрос «Виртуальный мир во многом превосходит реальный мир, основная функция виртуального мира – создание нового искусственного мира, в котором все ощущения человека заменяются имитацией?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	13,1	13,3	19,7	16,6
Пожалуй, согласен	18,6	20,0	22,1	20,7
Трудно сказать	25,6	25,5	0,0	12,2
Скорее не согласен	21,0	19,5	28,8	24,8
Полностью не согласен	19,4	16,9	20,5	19,5

Продолжил тему адекватности восприятия виртуального мира вопрос «Виртуальный мир дублирует реальный мир, и основная функция виртуального мира — обслуживание реального мира?» (табл. 11). 50% респондентов считают именно так, при этом в Москве согласны с этим утверждением 60,8%, в то время как в Астрахани и Волгограде 40,9 и 33,9% соответственно. При этом и в Астрахани, и в Волгограде треть студентов затруднились при ответе на этот вопрос, в то время как в Москве этот вопрос не вызвал трудностей ни у одного респондента.

Таблица 11

Ответы студентов на вопрос «Виртуальный мир дублирует реальный мир, и основная функция виртуального мира — обслуживание реального мира?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	11,5	13,3	21,7	17,2
Пожалуй, согласен	29,4	20,6	39,1	32,8
Трудно сказать	30,9	33,7	0,0	15,2
Скорее не согласен	16,2	14,9	20,5	18,2
Полностью не согласен	8,4	12,9	9,9	10,0

76,6% считают, что интернет — мир свободного самовыражения и открытости. Очевидно, этой группе представляется, что возможности, которые открывает интернет в реализации разнообразной творческой деятельности, значительно больше, чем в реальном мире.

Таблица 12

Ответы студентов на вопрос «Интернет — мир свободного самовыражения, открытости и самореализации?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	36,8	30,8	49,1	42,1
Пожалуй, согласен	34,3	35,0	34,4	34,5
Трудно сказать	15,5	18,2	0,0	7,9
Скорее не согласен	7,8	8,0	9,8	8,9
Полностью не согласен	3,5	4,2	3,1	3,4

Еще один вопрос, оценивающий виртуальное пространство с точки зрения безопасного времяпровождения, был поставлен таким образом: «Интернет — это враждебная территория, необходима карта этой территории и четкое знание ее законов и допустимых действий. Ошибки опасны, и их тяжело исправить». Более половины респондентов не согласны с этим утверждением (табл. 13). В то же время интересным нам кажется тот факт, что при ответе на противоположный по смыслу вопрос «Интернет — это дружественная, интуитивно понятная среда, которая сама подскажет способы оптимального взаимодействия. Ошибки не важны и легко исправимы» только 16,1% полностью

согласились с этим утверждением, 30,7% согласились частично и более трети затруднились ответить на этот вопрос. То есть студенты не воспринимают интернет-пространство как враждебную среду, но и полностью не принимают его в качестве дружественной и понятной.

Таблица 13

Ответы студентов на вопрос «Интернет – это враждебная территория, необходима карта этой территории и четкое знание ее законов и допустимых действий. Ошибки опасны, и их тяжело исправить» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Астрахань	Волгоград	Москва	Всего
Полностью согласен	8,3	4,9	16,3	11,8
Пожалуй, согласен	11,1	9,8	18,8	14,9
Трудно сказать	24,4	27,5	0,0	12,2
Скорее не согласен	25,7	23,5	25,9	25,4
Полностью не согласен	26,4	27,7	28,4	27,7

Подводя итоги нашего исследования, хотелось бы отметить, что электронная культура прочно вошла в жизнь современной молодежи. Практически все студенты отметили, что интернет является достижением человечества и они не представляют себе жизнь без виртуального пространства. Оценивая те возможности, которые предоставляет электронная культура, респонденты обратили внимание, прежде всего, на возможность самореализовываться и заниматься творчеством. Оценивая коммуникационные возможности, опрашиваемые отметили, что интернет-коммуникации раздвигают границы и сглаживают расстояния, тем самым расширяя возможности общения. Стирает интернет и социальные границы, поскольку в интернет-пространстве нет такой острой социальной дифференциации, как в реальном мире.

В то же время студенческая аудитория прекрасно осознает и те риски, которые есть в интернете. Прежде всего, они отметили риск виртуальной зависимости, возникновения психологических проблем из-за ограниченности эмоциональных контактов. Адекватно студенты оценивают и опасности нарушения границ личного пространства, риски, связанные с анонимностью собеседника. Интересным нам показался тот факт, что у опрашиваемых нет четкого представления о том, чем для них лично является интернет: враждебной территорией или дружественной средой. Треть опрошенных затруднилась ответить на этот вопрос, а мнения остальных респондентов разделились практически поровну.

Как отмечают отдельные исследователи, «виртуальный мир, создаваемый социальными сетями, становится причиной утраты индивидом связи с реальным миром, ведет его к эгоцентризму. Многие утрачивают способность отвечать за свои действия и слова» [12, с. 112]. Вместе с тем наш опрос показал, что респонденты разделяют виртуальный и реальный мир, понимают, что в виртуальном пространстве реальные ощущения человека заменяются имитацией.

Источники

1. *Алексеев А. Ю.* Интеллектуализация электронной культуры — ключевое направление модернизации России [Электронный ресурс]. — URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-268493.html>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 20.04.2015).
2. *Мурзина К. Б.* Способы понимания электронной культуры: от виртуальных музеев к хакерской этике // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства: электронный научный журнал.* — 2014. — № 2 (8). — С. 55–64. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-ponimaniya-elektronnoy-kultury-ot-virtualnyhmuzeev-k-hakerskoj-etike>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 29.04.2015).
3. *Баева Л. В.* Социокультурные изменения в условиях развития высоких технологий // *Инноватика и экспертиза.* — 2012. — Вып. 2 (9). — С. 110–118.
4. *Родзин С. И., Титаренко И. Н.* NBIC-технологии, искусственный интеллект и электронная культура // *Информатика, вычислительная техника и инженерное образование.* — 2013. — № 2 (13). — С. 1–14.
5. *Лях С. С.* Электронная культура как составная часть духовного развития современного российского общества // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : сб. статей по мат-лам XXXIII Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 27 янв. 2014 г.) / отв. ред. А. И. Гулин.* — Новосибирск : СибАК, 2014. — С. 80–85. — URL: <http://sibac.info/13021>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 29.04.2015).
6. *Schwarz M.* e-Culture: crossovers and challenges. — [Электронный ресурс.] — URL: <http://www.eculturefactory.de/eculturetrends/download/schwarz.pdf>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 20.04.2015).
7. *Клюева Н. Ю.* Электронная культура и коммуникация // *Человек и культура.* — 2014. — № 6. — С. 107–120. — URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_14763.html, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 29.04.2015).
8. *Герасименко А. П.* Сетевая виртуальная среда и ее влияние на социальные процессы // *Россия и АТР.* — 2011. — № 4 (74). — С. 174–182.
9. *Bollier D.* The Future of Community and Personal Identity in the Coming Electronic Culture. A Report of the Annual Aspen Institute Roundtable on Information Technology (3rd, Aspen, Colorado, August 18–21, 1994). — Aspen Inst., Queenstown, MD, 1994. — 57 p.
10. *Дулина Н. В., Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В.* Менталитет молодежи в условиях социокультурной модернизации // *Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития : материалы Всероссий. науч. конф. / отв. ред. Г. Г. Матишов.* — Р. н/Д., 2014. — С. 41–47.
11. Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа) / А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова ; под общ. ред. Н. В. Дулиной. — Волгоград, 2016.
12. *Джиган О. В.* Философские аспекты использования сетевых технологий // *Экономические и социально-гуманитарные исследования.* — 2015. — № 1 (5). — С. 110–115.

МОЛОДЕЖЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Н. А. Касавина

Институт философии РАН, г. Москва

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Бытие-в-мире электронной (online-, cyber-, digital-) культуры: новые экзистенциальные, аксиологические, этические вызовы», грант РФФИ № 18-011-00056.

Аннотация. Цифровые технологии являются инструментом масштабных социальных изменений, механизмом осуществления и координации инновационной деятельности, важнейшей платформой коммуникации. Молодежь — активный субъект этих изменений, культуру которого необходимо понять как культуру всеобъемлющих медиа, конструирующих новый социальный мир. Роль социально-гуманитарных наук состоит в осуществлении критической оценки усиливающегося влияния современной цифровой реальности на жизненный мир новых поколений, в создании критериев и механизмов «человекоразмерности» электронной культуры, в постановке принципа благополучия человека в центр развития информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: молодежь, цифровое общество, цифровое поколение, личностная идентичность, интернет-пространство, интернет-зависимость, социальные сети, цифровое гражданство, гражданское общество.

THE YOUTH IN THE DIGITAL SOCIETY: RISKS AND OPPORTUNITIES

N. A. Kasavina

RAS, Institute of Philosophy, Moscow

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Abstract. Digital technologies are a tool of large-scale social change, an implementation and coordination mechanism of innovative activity, and an essential platform for communication. Youth is an active subject of those changes, which culture should be understood as a comprehensive culture media constructing the new social world. The critical assessment of the growing influence of contemporary digital reality on the lifeworld of the new generations is the function of the social sciences and humanities as well as establishing of criteria and mechanisms of e-culture's humanization. They are also expected to positioning the principle of human well-being into the focus of information and communication technologies' development.

Keywords: youth, digital society, digital generation, personal identity, Internet, Internet addiction, social networks, digital citizenship, civil society.

Понимание современного общества все в большей степени связывается с распространением и внедрением в специализированные сферы и повседневную жизнь человека информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Особое внимание в исследовании процесса цифровизации общества уделяется молодежи — цифровому или сетевому поколению, чья социализация проходит в условиях активного становления электронной культуры. С начала 2000-х гг. темы «молодежь и медиа», «молодежь и сети», «молодежь и интернет» являются трендовыми для западной социально-гуманитарной науки и общественного дискурса.

Первое поколение, выросшее в цифровую эпоху, объединяет людей, родившихся в период между 1977 и 1996 гг. (применительно к западным странам) [1; 2]. В российском обществе возрастные границы цифрового поколения иные — начиная с конца 80-х и позднее, что связано с менее активным распространением компьютерных технологий по сравнению с развитыми странами [3].

Молодежь является наиболее подвижной социально-демографической группой, быстро осваивающей цифровые инновации. К современному обществу вполне применимы черты «префигуративной культуры», которые обозначила М. Мид, говоря о культуре, ориентированной на будущее, где молодежь не только учится у родителей, но и многому учит их, так как сама активно создает культурные тренды [4]. Одновременно молодежь является и более уязвимой группой, чем взрослые, так как обладает меньшим адаптационным потенциалом. В связи с этим в исследовательской литературе в фокусе внимания оказываются опасения, связанные с развитием электронной культуры: ее когнитивными, психологическими, ценностными, экзистенциальными следствиями.

В центре опасений — проблема изменения личностной идентичности, рост ее искажений, инфантилизма, что открывает возможности для манипуляций индивидуальным и общественным сознанием молодежи. По мнению целого ряда исследователей, личность сегодня становится мишенью для дезадаптирующего и деструктивного влияния информационной среды, формирования аутических симптомов и других нарушений идентичности [5; 6]. Поток информации (в том числе содержащей вред), большие объемы коммуникации, клиповость (фрагментарность, поверхностность) мышления подрастающего поколения, подмена реальных социальных связей виртуальными являются факторами и проявлениями этих нарушений. Дети и подростки оказываются в ситуации риска в силу несформированности когнитивного, ценностного и эмоционального каркаса.

Многokратное возрастание информационной нагрузки в совокупности с дефицитом двигательной активности, перестройкой восприятия провоцирует истощение нервной системы, проблемы со зрением и общим развитием

организма. Виртуальные возможности оборачиваются расщеплением идентичности, отчуждением личности от собственной телесности, угрозой физическому и психическому здоровью. Яркое это продемонстрировала Ю. Вознесенская в своем футуристическом романе «Кассандра, или Путь с макаронами», показав подавление личностного развития преобладанием цифровой реальности в жизненном пространстве человека. В связи с этим молодое цифровое поколение, безусловно, нуждается в помощи со стороны взрослых в освоении принципов и норм использования цифровых технологий.

Особую тревогу у специалистов вызывают феномены интернет-акселерации, интернет-зависимости, интернет-агрессии, влияния на детей и подростков деструктивного онлайн-контента. Россия, по сравнению со странами Евросоюза, входит в зону повышенного риска вследствие высокой пользовательской интернет-активности российских школьников, снижения возрастного ценза пользования сетью, ее бесконтрольности, роста числа контентных и коммуникационных онлайн-рисков. Положение усугубляет низкая цифровая грамотность родителей, их неосведомленность об опасностях интернет-среды [7].

Вместе с тем на примере изменения научного и социального отношения к проблеме интернет-зависимости, которая была концептуализирована в науке в 1990-е гг., можно показать трансформацию оценки влияния процесса цифровизации на общество и человека. Самыми сильными показателями интернет-зависимости, поддержанными эмпирическими исследованиями, являются: время соединения; уход от реальности; навязчивое желание войти в интернет; более частое использование интернета, чем это практически необходимо; потеря интереса к другим социальным, профессиональным и досуговым мероприятиям; игнорирование физических или психологических последствий использования интернета [8]. Эти критерии должны присутствовать у конкретного человека не менее 1 года, чтобы считать их аддиктивными.

Однако объем цифровой информации и электронных услуг во всех сферах жизни людей привел к такому проникновению интернет (включая устройства, приложения и социальные платформы) в жизнь человека и общества, что он трактуется уже не как средство, к которому может возникнуть зависимость, а как продолжение или расширение разума, познания и деятельности. Интернет понимается сегодня как среда существования человека, которая характеризует и меняет когнитивные и психические процессы [9; 10].

Исследователями признано, что нарушения социальной адаптации молодежи в целом зачастую предшествуют симптоматике интернет-зависимости, что подчеркивает ее возможный сопутствующий характер в отношении других, более глубоких, нарушений [11]. Расстройство внимания, трудности включения в образовательную среду и общение со сверстниками сказывается на общем развитии личности и увеличивает риски патологической привязанности к интернету.

Оценивая негативные следствия информатизации общества, следует принимать во внимание, что они могут быть вызваны целым спектром факторов, в том числе не связанных с цифровыми технологиями. Так, известно, что Россия занимает одно из первых мест в мире по активности использования социальных сетей и других порталов виртуального общения [12]. При этом, согласно исследованию ВЦИОМ 2018 г., ожидаемо максимальный уровень вовлеченности в социальные сети выявлен среди молодежи. В группе 18–24 лет почти ежедневно пользуются социальными сетями 91 %, среди опрошенных 25–34 лет таких 69 % (для сравнения, в группе старше 60 лет — только 15 %) [13].

Однако это может определяться не только привлекательностью социальных сетей и склонностью россиян к интернет-зависимости, но и низким качеством жизни в России, выраженным расслоением и наличием большого числа людей с низкими доходами. Люди не могут позволить себе качественную рекреацию, заменяя ее общением в социальных сетях или медиапотреблением. Кроме того, как показывает отмеченное выше исследование социальных сетей, активность россиян в социальных сетях снижается, а значит, происходит адаптация человека к распространению информационно-коммуникативных технологий. Она связана с развитием способностей взаимодействия человека с пространством интернета, снижением его отрицательного воздействия.

В сфере интерактивных, цифровых и мобильных медиатехнологий количество информации огромно. В связи с этим особое значение имеет управление ими, чтобы в информационных потоках не были потеряны конструктивные возможности поиска нужных сведений и качественного дискурса. Изучение интернета как новой среды существования человека дает начало новым исследовательским трендам в области социально-гуманитарных исследований. К ним относятся, в частности, когнитивная экология интернета, или медиа-экология, направленная на понимание особенностей и снятие рисков постоянного доступа человека к огромному массиву информации. Научные ресурсы управления медиа-пространством, когнитивные изменения и когнитивное благополучие человека, феномен расширенного разума — эти и другие задачи современных исследований отражают переход от оценки интернета как источника человеческих рисков к пониманию его новых возможностей [14; 15; 16]. Этот переход подразумевает как необходимость работы с человеком, так и формирование человекообразного киберпространства.

Важнейшей частью адаптации человека к миру цифровых возможностей является формирование особых интеллектуальных качеств, или «добродетелей», как актуальных и адекватных ответов на вызовы электронной культуры, а также поворота к ее новым ресурсам для личностного развития. В качестве таких добродетелей в одном из исследований имеются в виду: любопытство, интеллектуальная независимость, интеллектуальная умеренность, внимательность, интеллектуальная аккуратность, интеллектуальная

открытость, интеллектуальное упорство и мужество. По мнению автора, их воспитание должно быть включено в содержание образования (школьных и университетских программ, курсов критического мышления) и способствовать успешной адаптации к интернет-пространству [17].

Есть и попытки определения качеств и ценностей нового «поколения сети». На основании интервьюирования Д. Тэпскотт обозначил следующие его образцовые характеристики: самостоятельность и независимость, хорошее образование, право на неприкосновенность частной жизни и свободу слова, невозможность расовой дискриминации, эмоциональная поддержка со стороны родителей, гражданская ответственность [1].

При грамотном использовании интернет помогает достигать личной автономии, социализироваться в различных группах, укреплять социальные отношения и качества. Именно молодежь оказывается той социальной группой, которая в большей степени направлена на коммуникативный обмен, массовое сотрудничество и организацию, критическое отношение к реальности, современным инструментом реализации которых является интернет.

К особенностям образа жизни «цифровых кочевников» [18] относятся фильтрация информации и постоянная коммуникация, что стало возможным благодаря слиянию техники и индивида через развитие мобильных и персонализированных медиа [19]. При этом направления развития современных медийных площадок не только усилены распространением цифровых сетей, но и являются результатом увеличившейся скорости медиа в целом. Цифровые кочевники выражают особенности современной культуры с ее принципами индивидуализации, стремления к инновациям, новым социальным связям, общественному взаимодействию.

Как выражение процесса адаптации общества к цифровой реальности все большую актуальность обретает формирование «цифрового гражданства» (digital citizenship). За рубежом активно вводятся образовательные программы по цифровому гражданству для понимания гражданами преимуществ, которые дают ИКТ, форм защиты от рисков, связанных с ними, для создания условий развития новых технологий.

Ученые, разрабатывающие концепцию цифрового гражданства, связывают его с проблемами нового понимания современной идентичности в контексте глобальной инфосферы. Все большее распространение находит идея, что перед начальной и средней школой стоит задача формирования и продвижения концепции цифрового гражданства в современной информационной и технологической среде (разработка новых образовательных стандартов XXI в., способов обучения в цифровой области, развитие интереса и способности к непрерывному образованию и пр.) [20].

Открывающиеся перспективы информационного общества создают новые источники познания и самопознания, творческой самореализации и самопрезентации, удовлетворения когнитивных потребностей.

Креативность, поощрение индивидуального развития и культурного своеобразия — важнейшие признаки информационного общества, отмеченные еще А. Туреном, Э. Тоффлером, М. Кастельсом. Человеку через соответствующие технологии доступны сегодня новые возможности получения образования и проявления творческих способностей благодаря расширению форм обучения и развитию системы гибкого трудоустройства. В целом в информационном обществе актуализируются новые навыки жизненной и когнитивной ориентировки: эффективное перемещение, оценка, сравнение, синтезирование информации и др. [17]. Через интернет большое количество людей одновременно совершают когнитивные операции по сходным темам, что способствует сотрудничеству, обмену информацией, координации коллективных усилий и коллективного принятия решений.

Возникает новое качество социальной среды: возможность и осуществление социальной кооперации, аккумуляция усилий, расширенный интеллект или разум. Развитие цифровых технологий является фактором формирования цифровых платформ, способствующих организации совместной деятельности людей по решению различных социальных проблем. Гражданский активизм оказывается тесно связанным с использованием цифровых технологий и ИКТ, которые позволяют сформировать новые механизмы гражданского и политического участия, формированию большей солидарности между гражданами [21]. В связи с этим медиа можно рассматривать как фактор усиления активности гражданского общества, «драйвер» его роста [22].

Частными аспектами защиты человека в цифровой среде является разработка систем управления процессами идентификации и контроля личной информации. Важно, что во многих европейских странах уже проделан большой путь по безопасному использованию ИКТ, как в исследовательском плане, так и в плане практических действий и решений. В России эта практика также набирает темпы. Так, основными целями деятельности Фонда развития интернета в России являются: поддержка проектов, связанных с развитием сети Интернет; содействие развитию глобальных информационных сетей, информационной инфраструктуры, внедрению новейших информационных технологий; содействие разработке проектов, направленных на защиту информации в сети Интернет; проведение и поддержка научных исследований в области связи и информационных технологий; содействие развитию компьютерной грамотности самых широких слоев населения.

Итак, цифровое пространство интерпретируется сегодня как «среда обитания» человека и общества, в которой появились новые риски и возможности социализации молодежи, объединения опыта индивидов, социальной интеграции. Интернет и цифровые технологии являются инструментом масштабных социальных изменений, механизмом для осуществления и координации инновационной деятельности, важнейшей платформой

коммуникации. Деятельность, связанная с цифровизацией, нуждается в реализации этических, правовых, социальных, образовательных и иных оснований защиты человека в цифровом пространстве. Молодежь — активный субъект этих изменений, культуру которого необходимо понять как культуру «всеобъемлющих новых медиа» (Дж. Тэпскотт), конструирующих новый социальный мир.

Роль социально-гуманитарных наук состоит в понимании современной цифровой реальности, осуществлении критической оценки ее усиливающегося влияния на жизненный мир новых поколений, создании критериев и механизмов ее «человекоразмерности», постановке принципа благополучия человека в центр развития ИКТ (в противовес негативным следствиям влияния политики, бизнеса, массовой культуры, нередко рассматривающих человека как средство удовлетворения своих целей).

Источники

1. *Tapscott D.* Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. — McGraw-Hill Companies, 1999. — 338 p.
2. *Tapscott D.* Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. — McGraw-Hill, 2008. — 384 p.
3. *Максимова О. А.* «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 22 (313). — Филология. Искусствоведение. Вып. 81. — С. 6–10.
4. *Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. — М.: Наука, 1988.
5. *Patridge S.* The incorrigible social meaning of video game imagery // Ethics and Information Technology. — 2011. — Vol. 13. — P. 303–312.
6. *Botz-Borstein T.* Virtual Reality and Dreams. Towards the Autistic Condition? // Philosophy in the Contemporary World. — 2004. — Vol. 11, No. 2. — P. 43–49.
7. *Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П.* Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России / Фонд Развития Интернет, Факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ФГАУ «Федеральный институт развития образования» Министерства образования и науки РФ. — URL: [http://detionline.com/assets/files/helpline/RussianKidsOnline_Final %20ReportRussian.pdf](http://detionline.com/assets/files/helpline/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf) (дата обращения: 12.09.2019).
8. *Young K. S.* Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder // CyberPsychology and Behavior. — 1998. — Vol. 1, No. 3. — P. 237–244.
9. *Floridi L.* The 4th Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 248 p.
10. *Musetti A., Corsano P.* The Internet Is Not a Tool: Reappraising the Model for Internet-Addiction Disorder Based on the Constraints and Opportunities of the Digital Environment // Frontiers in Psychology. — 2018. — Vol. 9. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00558/full#B40> (дата обращения: 12.09.2019).
11. *Davis R. A.* A cognitive-behavioral model of pathological Internet use // Computers in Human Behavior. — 2001. — Vol. 17, No 2. — P. 187–195.

12. Дужникова А. С. Социальные сети: современные тенденции и типы пользования // Мониторинг общественного мнения. — 2010. — № 5. — С. 238–251.
13. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Данные исследования использования россиянами социальных сетей и мессенджеров. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 12.09.2019).
14. Fuller M. Media Ecologies: Materialist Energies in Art and Technoculture. — MIT Press, 2005.
15. Smart P., Heersmink R., Clowes R. W. The Cognitive Ecology of the Internet // Cowley S., Vallée-Tourangeau F. (eds.). Cognition Beyond the Brain: Computation, Interactivity and Human Artifice (2 ed.). — Springer, 2017. — P. 251–282.
16. Clowers R. W. Immaterial engagement: human agency and the cognitive ecology of the internet // Phenomenology and the Cognitive Sciences. — 2018. — P. 1–21. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11097-018-9560-4> (дата обращения: 12.09.2019).
17. Heersmink R. A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education // Social Epistemology. — 2018. — Vol. 32, No. 1. — P. 1–12.
18. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. — New York : Wiley, 1997.
19. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. — London : Abacus, 1974.
20. Jason B. Ohler. Digital community, digital citizen. — Corwin Press, 2010. — 241 p.
21. Масланов Е. В. Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий: новые вызовы или обострение старых проблем? // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. — 2019. — Т. 2, № 1. — С. 6–21.
22. Kim B. J., Kavanaugh A. L., Hult K. M. Civic Engagement and Internet Use in Local Governance: Hierarchical Linear Models for Understanding the Role of Local Community Groups // Administration & Society. — 2011. — Vol. 43, Iss. 7. — P. 807–835.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Д. О. Никитина

Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

E-mail: shvyrkova.darya@mail.ru

Научный руководитель: Л. Д. Козырева, доктор философских наук,
профессор Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Данная статья посвящена процессу социализации молодежи в современном информационном обществе. Среди всех агентов социализации на первое место выходит глобальная сеть и информационные технологии. Роль интернета в жизни человека весьма большая и важная, есть свои достоинства и недостатки, но отвергать его важность уже невозможно. В условиях цифровизации общества трансформируются и другие социальные институты, в том числе и институт образования. Структура высшего учебного заведения также изменяется и реформируется, чтобы соответствовать вызовам современного мира. Все это затратно, но будет способствовать повышению качества образования и формированию положительного имиджа заведения. Введение процесса цифровизации полностью меняет корпоративную культуру заведения, разрабатываются новые программы для подготовки кадров к работе в новом формате, способствует внедрению информационных и электронных сервисов. Этот процесс необходим, потому что сейчас все студенты являются активными пользователями сети, быстро осваивают и применяют в обыденной жизни современные технологии. Большинство современных востребованных профессий сейчас связано с работой с информационными технологиями.

Ключевые слова: социализация, цифровизация общества, интернет, система образования.

SOCIALIZATION OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF THE DIGITALIZATION OF SOCIETY

D. O. Nikitina

North-Western Institute of management of RANEPa, Saint Petersburg

E-mail: shvyrkova.darya@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the process of socialization of youth in the modern information society. Among all agents of socialization in the first place goes

global network and information technology. The role of the Internet in a person's life is very large and important, there are advantages and disadvantages, but it's impossible to reject its importance. Under the conditions of digitalization of society, other social institutions, including the institute of education, are being transformed. The structure of institution of higher education is also changing and reforming to meet the challenges of the modern world. All this are costly, but it will contribute to improving the quality of education and creating a positive image of the institution. The introduction of the digitalization process completely changes the corporate culture of the institution, develops new programs for training personnel to work in the new format, promotes the introduction of information and electronic services. This process is necessary, because now all students are active users of the network, quickly master and apply modern technologies in everyday life. Most modern popular professions are now associated with work with information technology

Key words: socialization, digitalization of society, Internet, system of education.

Современное общество характеризуется появлением и распространением инфокоммуникационных технологий, поэтому мы смело можем назвать общество информационным. Глобальная всемирная сеть Интернет становится постоянным обязательным атрибутом каждого человека. Наличие интернета сегодня это не роскошь, это необходимость. У интернета появляются свои функции, например познавательная, развлекательная и коммуникативная.

Всем известно, что процесс социализации начинается у человека с рождения и длится долго, вплоть до наступления зрелого возраста. Современные коммуникации и гаджеты — это неотъемлемая часть современного человека. У многих школьников уже в начальной школе появляются гаджеты с выходом в интернет, они умеют общаться в виртуальном мире, умеют просматривать популярный контент. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что процесс социализации претерпевает изменения, к основным агентам социализации смело теперь можно отнести и глобальную сеть.

Особенно активной пользовательской группой интернета является молодежь. Около 59% всех пользователей сети Интернет — люди в возрасте от 18 до 35 лет [3, с. 179]. Достаточно много работ посвящены анализу влияния глобальной сети на жизнь людей. Работ много, но в общем можно отметить следующее: интернет — это невероятно большая платформа с неизмеримыми возможностями, которая позволяет открывать новое, облегчать работу и жизнь людей, но, в свою очередь, имеет ряд серьезных недостатков, негативно влияющих на жизнь и развитие людей. Подробнее все-таки хочется остановиться на функциях интернета. Если с коммуникативной и развлекательной функциями все понятно, то познавательная функция требует особого внимания, так как протекать незаметно она не может.

Что же нам могут дать интернет-технологии в процессе обучения? [3, с. 180]

- Повышают эффективность процесса обучения за счет внедрения новых интерактивных методов обучения.

- Получение большего эффекта за счет доступа к базам данных и каталогам электронной литературы не только отечественной, но и зарубежной.
- Уменьшение разрыва между желающими получить образование и системой образования за счет появления дистанционного образования.
- Возможность внедрения группового взаимодействия и работы над проектами и кейсами.
- Возможность проведения интернет-конференций и семинаров для сокращения затрат на поиск рабочей площади, транспортных и временных затрат.

Институты образования являются социальным институтом социализации личности, следовательно, очень важно, чтобы его развитие происходило в ногу со временем. Главным образом внедрение технологий в высшие учебные заведения происходит путем реформирования в учебные заведения нового формата. Все это затратно, но будет способствовать повышению качества образования и формированию положительного имиджа заведения.

Уже довольно популярно появление и распространение множества онлайн-курсов, интернет-платформ по получению знаний и прохождению курсов повышения квалификации, получения дополнительного образования и т. д. Здесь можно отметить уже известную платформу «Национальная платформа открытого образования». Это образовательная платформа, которая предлагает онлайн-курсы по всем базовым дисциплинам, которые изучаются в российских университетах. Все представленные курсы бесплатны и не требуют дополнительных знаний. Для тех, кто хочет, чтобы результат пройденного курса зачли при обучении в бакалавриате и магистратуре, те могут по окончании получить сертификат. Его можно получить при выполнении всех контрольных мероприятий с идентификацией личности обучающегося и контролем условий их прохождения. У данных курсов есть некоторые особенности:

- все курсы разрабатываются в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов;
- все курсы соответствуют требованиям к результатам обучения образовательных программ, реализуемых в вузах.

Многие высшие учебные заведения вводят и практикуют часть занятий в виде дистанционного обучения. Изучение языков, собеседования, проведение научных и экономических, политических конференций в режиме онлайн. Создание и развитие электронных библиотек заметно улучшают и упрощают ситуацию с получением открытого доступа к большим отечественным и зарубежным базам данных и архиву многочисленных электронных популярных изданий. Кроме того, уже почти во всех вузах применяются базовые информационные сервисы, такие как видеозкраны для проведения лекций и семинаров, создание электронного адреса почты для студенческих групп для получения и отправки работ, создание облачного хранилища для хранения всех материалов обучения и легкого доступа к ним с любого устройства вне

учебного заведения. Коммуникации между работниками вуза и абитуриентами, студентами по поводу учебного процесса, изменений в расписании, новостные и рекламные объявления. Довольно удобный способ общения между студентами и преподавателями через электронную почту: получение заданий, отметок, советы по исправлению работ, получение консультаций для написания курсовых работ и дипломных и т. д.

Многие европейские и зарубежные вузы стремятся создать как можно больше кампусов в других странах, привлекать и приглашать как можно больше иностранных преподавателей, проводить обмен студентов. Стали популярными и наиболее доступными стажировки в других вузах на короткие и длительные периоды обучения, тематики стажировок различны, каждый может выбрать себе; единственное условие — знание иностранного языка.

Введение процесса цифровизации полностью меняет корпоративную культуру заведения, разрабатываются новые программы для подготовки кадров к работе в новом формате, что способствует внедрению информационных и электронных сервисов. В феврале 2018 г. был утвержден план мероприятий «Кадры и образование», который действует в рамках программы по развитию цифровой экономики в России [2, с. 110]. План предполагает следующее:

- мотивация населения на освоение необходимых компетенций в рамках развития цифровой экономики;
- обоснование необходимости построения такой системы образования, которая сможет готовить компетентные кадры в сфере цифровой экономики и ИТ;
- увеличение активности и интереса работодателей к развитию персонала с учетом новых требований и проведение переобучения кадров, создание новых рабочих мест.

Этот процесс необходим, потому что сейчас все студенты являются активными пользователями сети, быстро осваивают и применяют в обыденной жизни современные технологии.

Появление и развитие инновационных технологий в деятельности высших учебных заведений положительно влияет не только на имидж учебного заведения, но и повышает эффективность его работы и конкурентоспособность.

Еще одним важным моментом является вопрос об изменении характера социальных связей в эпоху всемирной сети. Анализ научной литературы дает право отметить трансформацию социальных связей. Стоит отметить, что этот процесс приводит к позитивным и негативным последствиям [1, с. 100]. Самым отрицательным моментом является крайняя степень интернет-зависимости, которая приводит к полному разрыву социальных сетей. Но этот разрыв можно предотвратить с помощью грамотных управленческих решений и корректным курсом молодежной политики. Данный курс должен учитывать интересы и потребности современной молодежи и не допустить, чтобы представители «бунтарской» молодежи ушли в сеть, где у них появилось бы больше возможностей сформировать свое социальное общество.

Большинство современных университетов чаще всего становятся самостоятельными в принятии решений, но поддержка и участие государства необходима. Не все вузы в России могут самостоятельно перейти на систему образования, которая будет отвечать всем современным вызовам мира и общества.

Источники

1. *Козырева Л. Д., Зверькова С. А.* Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе // Социодинамика. — 2017. — № 4. — С. 94–104.
2. *Кузнецова К. А., Мирошниченко М. А.* Цифровизация образовательного процесса университетов в рамках развития цифровой экономики // Экономика знаний: инновационная экосистема и новая индустриализация региона : материалы III Всеросс. науч. конф. по инноватике / науч. ред. В. В. Ермоленко. — 2018. — С. 110–118.
3. *Тулонова И. С., Отбоева С. Д.* Интернет-технологии как фактор воздействия на студенческую молодежь // Вестник современных исследований. — 2018. — № 9.3 (24). — С. 179–184.

ИНТЕРНЕТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ

Д. В. Руденкин

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Аннотация. Ключевой вопрос работы — какие особенности сознания и поведения свойственны российской молодежи, которая привыкла пользоваться интернетом с ранних лет. Автор отмечает: российская наука давно констатировала возможность формирования у таких молодых людей особых черт сознания и поведения, но вопрос о том, каковы эти особенности и как к ним относиться, исследован мало. Обращаясь к данным собственного социологического исследования и материалам вторичного анализа других исследований, автор прослеживает специфическую роль интернета в повседневной реальности современной российской молодежи. В работе использованы данные, собранные в ходе реализации проекта РФФИ № 16-29-09512.

Ключевые слова: интернет, молодежь, интернетизация российского общества, экстремистский контент, экстремистская информация.

THE INTERNETIZATION OF THE SOCIAL REALITY OF THE RUSSIAN YOUTH ON THE AGENDA

D. V. Rudenkin

Ural Federal University named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Abstract. The key question of the paper is the features of consciousness and behavior of representatives of Russian youth, who are used to using the Internet from an early age. The author notes: Russian science recognizes the possibility of the formation of special features of consciousness and behavior of such young people, but the question of what these features are and how to describe them has been little studied. Using the data of his own sociological research and materials of the secondary analysis of other researches, the author traces the specific role of the Internet in the everyday reality of modern Russian youth. This article is based on the data of the project funded by the Russian Foundation for Basic Research (№ 16-29-09512).

Keywords: Internet, youth, Internetization of Russian society, extremist content, extremist information.

Специфическая роль, которую интернет играет в повседневной социальной реальности современной российской молодежи, уже давно вызывает у исследователей выраженный интерес. Эта тема становится титульной для многочисленных семинаров и конференций, ей посвящаются масштабные эмпирические исследования, которые регулярно получают поддержку в виде заказов и грантов. Подоплека устойчивого интереса к этой теме со стороны социально-гуманитарной науки понятна. Сложилось определенное противоречие между интуитивным представлением многих ученых о том, что интернет играет в жизни нынешних молодых россиян очень важную роль, становясь своего рода основой их быта, и отсутствием в науке каких-то устойчивых объяснительных моделей, которые помогли бы описать суть этой роли и проследить перемены, прослеживаемые в молодежной культуре благодаря распространению информационных технологий. Актуальные исследования показывают, что среднестатистический молодой россиянин привык заходить в интернет каждый день и проводить в нем очень значительное время. Предположение о том, что такая высокая интенсивность использования интернета может влиять на сознание и поведение молодых людей, выглядит не только логичным, но и очень правдоподобным. Однако действительно ли такое предположение справедливо? И если да, то какие эффекты распространения интернета в социальной реальности российской молодежи вызывает в сознании и поведении молодых россиян? В данной работе мы обратимся к вторичному анализу данных ранее проведенных социологических исследований и результатам собственного анкетного опроса для того, чтобы разобраться в этих запутанных вопросах.

Интернет в жизни современных молодых россиян

В начале работы стоит сделать одно важное уточнение. Неясность вокруг влияния интернета на сознание и поведение молодых россиян обусловлена во многом тем, что сам кейс его проникновения в жизнь российской молодежи если и не уникален, то как минимум довольно специфичен. Особенность этого кейса отнюдь не в том, что российской молодежи свойственна какая-то повышенная активность использования интернета, которая не прослеживается у молодых людей в других странах. Какой-то очевидной уникальности российская молодежь здесь не имеет: исследования, проведенные в США и странах Европы, показывают, что абсолютному большинству молодежи в других странах тоже свойственно пользоваться интернетом ежедневно, проводить в нем значительное время [1] и даже воспринимать именно интернет как основной источник информации [2]. Более того, в других странах интенсивность использования интернета представителями молодежи не только не рассматривается как что-то странное или новое, но и является основой для воплощения конкретных проектов по работе с молодежной аудиторией. Специфичным российский кейс делает другое обстоятельство — стремительная скорость, с которой интернет проник в повседневную реальность,

окружающую молодых россиян. О том, что скорость проникновения интернета в социальную реальность российского общества была аномально высокой, писали многие исследователи — как российские [3], так и иностранные [4]. Из-за такой высокой скорости его проникновения в жизнь российского общества нынешние молодые россияне оказались, по сути, первым поколением молодежи, взросление которого почти целиком прошло в условиях стремительной цифровизации социальной реальности. Иными словами, природа вопросов вокруг роли интернета в жизни российской молодежи в основном связана не с тем, что ее поведение в виртуальном пространстве как-то очевидно отличается от того, что характерно для молодежи других стран. Корень этих вопросов — в новизне явления.

Чтобы не выглядеть голословными, обратимся к фактам. В ранние 2000-е гг. доля активных (ежедневных) пользователей интернета в России оценивалась аналитиками как крайне низкая: к ним причисляли не более 3–4% населения [5]. Исследования последующих лет показывали, что на том же уровне этот показатель оставался еще довольно долго, по сути, на протяжении всех 2000-х гг. Стремительно расти процент пользователей интернета в России стал лишь в 2011 [6] или 2012 гг. [3, с. 174]. По крайней мере, именно эти годы эксперты обычно называют моментом, когда более или менее регулярно пользоваться интернетом стали более половины россиян. Сегодняшнее значение этого показателя довольно высоко и достигает, по последним данным, 70% [7] или даже более 80% населения [8]. При этом россияне не только привыкли пользоваться интернетом, но и довольно многогранны в привычках его использования. Более двух третей россиян привыкли регулярно использовать интернет для оформления банковских операций и покупать билеты [9], не менее трети относятся к нему как главному источнику информации [10]. Закономерно, что, судя по данным актуальных опросов, большинство жителей России напрягает или даже пугает перспектива остаться без доступа к интернету [8]. Иначе говоря, факты подтверждают, что проникновение интернета в социальную реальность российского общества было просто стремительным: то, что еще менее 20 лет назад оставалось экзотикой для абсолютного большинства россиян, сегодня стало абсолютно привычной и неотъемлемой частью их быта.

Вернемся снова к российской молодежи и той роли, которую интернет играет в ее жизни. Стремительность, с которой интернет стал привычной частью жизни современного российского общества, привела к существенным и очень быстрым изменениям в контексте вступления в жизнь молодых россиян. Нынешние представители российской молодежи прошли особый путь взросления, который существенно отличался от того, который был привычен и понятен прежним поколениям. Вся (или почти вся) их сознательная жизнь протекала в условиях прогрессирующего распространения интернета в обществе. Интернет не приходил в их жизнь в тот момент, когда они были уже взрослыми, он с самого начала их жизненного пути присутствовал в привычной им реальности. И это не метафора: данные актуальных исследований показывают, что интернет появился в жизни большинства

российской молодежи очень рано. Здесь информативны, например, показатели, приведенные в специальном докладе «Детский рунет», который был подготовлен при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Согласно данным, которые приводятся в этом докладе, средний возраст первого посещения интернета у российских детей в последние годы составляет 4–5 лет, а к 8–11 годам большинство из них уже имеет личное устройство для входа в сеть, к которому родители могут вообще не иметь доступа [11]. Это в прямом смысле слова «дети эпохи цифровизации российского общества».

Закономерно, что из-за того, что многие представители современной российской молодежи привыкают пользоваться интернетом с первых лет жизни, их интернет-поведение становится даже более активным и многогранным, чем у других поколений. Собственно, сама доля ежедневных пользователей интернета среди российской молодежи младше 30 лет в настоящий момент оценивается экспертами или как приближающаяся к 100% [12], или как уже достигшая этого значения [6] (при том, что по населению в целом этот показатель, напомним, сейчас составляет от 70 до 80%). Но показательно не только это. Исследования также показывают, что для представителей молодежи крайне редко характерно ощущение сложностей, невозможности решить какую-то проблему при использовании компьютера и интернета: только каждый десятый из молодых людей младше 30 лет сталкивается с подобными проблемами, тогда как в других возрастных группах этот показатель держится на уровне 40% [13]. Характерна и выраженная гибкость использования интернета, прослеживаемая у молодых россиян: 80% и более из них привыкли пользоваться для посещения интернета не стационарными, а мобильными устройствами, тогда как среди старших поколений более популярны как раз именно компьютеры [14, с. 21]. Таким образом, в целом можно сказать, что нынешние молодые россияне, привыкшие видеть интернет вокруг себя с первых лет жизни, пользуются им даже более активно и уверенно, чем другие поколения россиян. Интернет становится для них удобным и гибким инструментом, который присутствует в их повседневной жизни каждый день.

Примечательна и многогранность использования интернета, которая прослеживается у многих представителей российской молодежи. Показательно, что молодежь до 30 лет вдвое чаще других возрастных групп рассматривает интернет как предмет досуга: если в целом среди россиян таких только 21%, то среди молодежи их доля превышает 40% [15]. Таким же показательным выглядит и тот факт, что интернет становится для молодежи основным источником информации, вытесняя из ее жизни интерес к таким классическим СМИ, как телевидение или газеты [16]. Иначе говоря, российская молодежь не только активно пользуется интернетом и проводит в нем много времени, но и тяготеет к довольно разносторонним практикам своей интернет-активности.

По сути, можно сказать: несмотря на то что интернет в целом сильно проник в повседневную жизнь российского общества, его проникновение

в повседневную реальность молодежи оказалось существенно более высоким. Из-за того, что жизненный путь этого поколения уникален и нов, в российской социально-гуманитарной науке сейчас прослеживается определенная растерянность вокруг интерпретации влияния интернета на молодежную культуру. Процесс слишком нов, и объяснительные модели еще не сформированы.

Современное состояние исследований

Сложность выработки ясных объяснительных моделей, которые помогли бы четко описать и оценить влияние интернета на сознание и поведение молодежи, на наш взгляд, существенно повышается из-за некоторого консерватизма отечественных исследователей. Анализ актуальной научной литературы показывает, что в российской науке на данный момент прослеживается определенная обеспокоенность высокой активностью и многогранностью использования интернета в молодежной среде. Большинство российских исследований проникновения интернета в повседневную реальность молодежи тяготеют к оценке рисков и деструктивных последствий, связанных с этим явлением. Исследователи нередко усматривают в интернете источник и фактор распространения в молодежном сообществе различных патологических явлений: экстремистской активности [17], девиантного поведения [18], вовлечения в преступные сообщества [19] или формирования различного рода зависимостей [20]. Нам не известны случаи, когда исследователи предлагали бы ограничить распространение интернета среди молодежи, но рекомендации по профилактике различных рисков его распространения формулируются постоянно. Смещение вектора исследований именно в эту область, на наш взгляд, ограничивает аналитический взгляд и мешает пониманию реальной многогранной роли, которую интернет играет в социальной реальности российской молодежи.

Безусловно, речь не идет о том, что анализировать риски, связанные с проникновением интернета в жизнь молодежи, не надо вообще. С нашей стороны было бы очень странно спорить с тем, что активность, которую российская молодежь проявляет при использовании интернета, является источником всех перечисленных рисков. Тем более что в литературе не только упоминается гипотетическая возможность существования подобных рисков, но и описываются вполне конкретные кейсы их проявления. Очевидно, что профилактика рисков интернетизации социальной реальности молодежи должна являться важным направлением исследований и менеджмента. Тем не менее мы полагаем, что последствия от активности, которую проявляет российская молодежь в своем использовании интернета, очень многогранны и сложны, а потому говорить о том, что эта активность приводит лишь к росту подобных рисков, было бы неправильно. Соответственно, и концентрировать управленческие и исследовательские проекты следует на большем количестве направлений, чем профилактика подобных рисков.

Здесь важно принимать во внимание как минимум два обстоятельства.

Во-первых, высокая интенсивность использования интернета в молодежной среде является уже свершившимся социальным фактом и крайне ограниченно подлежит коррекции. Интернет крайне динамичен и гибок в развитии, поэтому искусственные барьеры слабо влияют на уровень его распространения в обществе в целом и в отдельных социальных группах. Кейс несостоявшейся блокировки сервиса «Telegram» на территории России показал, что даже при наличии четкого намерения искусственно ограничить распространения интернета в целом или отдельного ресурса добиться этого довольно сложно. Несмотря на то что формально этот сервис заблокирован еще в апреле 2018 г., он до сих пор продолжает оставаться технически доступным и сохраняет свою устойчивую аудиторию: весной 2019 г. им продолжает активно пользоваться около 3 млн россиян, причем подавляющее большинство из них или вообще не заметили блокировки, или легко ее обошли [21]. Вероятно, можно рассуждать о том, что интенсивность использования интернета среди российской молодежи в перспективе может стать меньше в том случае, если изменятся интересы и запросы молодых россиян. Однако на данный момент интернет привычен им, и плодотворность попыток искусственно ограничить распространение интернета среди них вызывает большие сомнения. Соответственно, даже при том, что мы понимаем важность и глубину рисков, которые создает столь интенсивное распространение интернета в молодежной среде, мы едва ли можем устранить или хотя бы минимизировать эти риски какими-то жесткими запретительными мерами.

Во-вторых, стоит помнить, что интернет представляет из себя всего лишь техническое средство для общения и распространения информации. Сам по себе он лишен субъектности и не способен ни тиражировать какую-то информацию, ни провоцировать реакцию пользователей на эту информацию. Это всего лишь технический инструмент, эффекты применения которого напрямую зависят от культуры и намерений того, кто его использует. Техническая гибкость интернета действительно делает его удобным инструментом для распространения информации, которая может как-то провоцировать деструктивные активности молодежи или способствовать ее вовлечению в преступные или экстремистские сообщества. Однако эта же гибкость интернета делает его эффективным инструментом распространения принципиально противоположного по своему смыслу контента — такого, который, наоборот, будет способен повышать популярность социально одобряемых поведенческих практик. Более того, в иностранной научной литературе подробно описываются конкретные кейсы использования интернета для работы с молодежью именно в этом направлении: в актуальной научной периодике упоминаются перспективные возможности использования интернета для популяризации занятий спортом [22], гражданской активности [23] и других социально одобряемых поведенческих практик. Аналогичные кейсы (пусть и существенно реже) описываются и в российских исследованиях [24]. Иными словами, популярность интернета среди российской молодежи не

только провоцирует определенные риски, но и открывает перспективные возможности для работы с ее установками и настроениями.

В сумме эти обстоятельства говорят о том, что концентрировать фокус исследований и управленческих проектов следует скорее не на ограничении доступности и популярности интернета в молодежной среде, а на конвертации популярности виртуальных сервисов в перспективные механизмы управления запросами и установками молодежной аудитории. Несомненно, что высокая активность молодежи в интернет-пространстве делает ее потенциальной уязвимой перед многочисленным деструктивным контентом, который в этом пространстве циркулирует, и благоприятствует остроте тех самых рисков, о которых шла речь выше. Но консервативное стремление минимизировать подобные риски путем простого запрета на использование интернета или создания технических барьеров едва ли будет эффективным. Интернет уже сейчас настолько привычен молодежи и встроен в структуру ее повседневной реальности, что подобные запреты и барьеры лишь переведут интернет-активность молодых людей в латентное состояние и сделают ее совершенно непрозрачной для общества. В то же время продуманное использование интернета для работы с молодежной аудиторией открывает много перспективных возможностей и может открыть путь к более эффективной социализации молодежи и даже повышению ее склонности к совершению социально одобряемых действий. Поэтому мы полагаем, что к высокой популярности интернета в молодежной среде следует относиться осторожно, но без неоправданной тревожности. Интернетизация социальной реальности российской молодежи не только провоцирует существенные риски, но и открывает перспективные возможности. И стоит научиться использовать эти возможности.

Для того чтобы разобраться в том, как именно возможно использование интернета в этом направлении, мы обратимся к данным собственного социологического исследования, которое было проведено нами в 2018 г. среди городской молодежи г. Екатеринбурга. В ходе реализации проекта нами выполнено анкетирование, опирающееся на приемы психодиагностического инструментария и социологического опроса. Анкетирование было реализовано на базе Уральского государственного педагогического университета в период с ноября 2017 г. по март 2018 г. Всего в ходе исследования опрошено 2051 человек, разделенных на два сегмента по возрастному критерию: 1004 респондента сегмента «Подростки» (13–17 лет) и 1047 респондента сегмента «Юноши» (18–29 лет). Для отбора в обоих сегментах была использована квотная выборка по полу, возрасту и району проживания. Размеры квот определены пропорционально официальным статистическим данным о половозрастной структуре населения районов г. Екатеринбурга на конце 2017 г. Анкета тиражировалась среди респондентов в двух формах: в традиционном бумажном варианте и в интерактивной форме, подготовленной на платформе GoogleForms. В результате анкетирования сформирована база итоговых диагностических данных, построенная на ответах 2051 респондента.

По итогам проделанной работы удалось сделать несколько ключевых выводов, характеризующих как общие черты поведения молодежи в виртуальном пространстве, так и частные закономерности ее реакций на различный информационный контент в интернете.

Результаты исследования

В целом проведенный анализ позволил сделать несколько примечательных выводов. Прежде всего, стоит отметить, что интернет вплетен в жизнь нынешнего поколения российской молодежи очень естественно и устойчиво. Те данные, которые были получены в ходе нашего исследования, показывают результаты, схожие с итогами других научных замеров: доля тех, кто посещает интернет ежедневно, среди молодых людей близка к максимальной и достигает 97 %. Однако анализ показал не только высокую субъективную оценку молодыми людьми своей активности в интернете, но и крайнюю многогранность использования ими интернета (см. рис. 1).

Рис. 1. «Для чего Вы пользуетесь Интернетом?»
(поливариантный вопрос, % от числа ответивших)

Абсолютное большинство опрошенных из них используют интернет для того, чтобы искать информацию, поддерживать контакты с друзьями, просматривать видео, слушать музыку и читать новости. Характерно и среднее время, которое молодые люди ежедневно проводят на различных информационных ресурсах: 65,7 % проводят не менее 3 часов в день в социальных сетях, 46,2 % — на учебных и научных сайтах, 43,0 % — на игровых сайтах. Конечно, эти показатели важно правильно понимать: россияне, судя по данным недавних исследований, сейчас в принципе проводят в интернете в среднем по 2–3 часа в день и больше, и молодежь на их фоне выделяется не сильно [7]. Но все же по этим показателям отчетливо видно, насколько активно и многогранно нынешние представители российской молодежи

пользуются интернетом и насколько значимую роль он играет в их жизни. Это действительно привычный и устоявшийся атрибут их повседневной жизни.

Впрочем, здесь будет уместно сделать небольшое попутное отступление и пояснить, что эти показатели свидетельствуют именно о высокой активности, которая характерна российской молодежи в использовании интернета, но не о наличии у молодых людей массовой зависимости от общения в виртуальном пространстве. Мы уже отмечали выше, что о риске формирования такой зависимости пишут многие российские авторы, и с морально-этических позиций нам близка их обеспокоенность. Но полученные нами данные говорят о том, что предположение о высокой вероятности формирования зависимости от интернета у российской молодежи если и не беспочвенно, то как минимум преждевременно. Зависимость от интернета в таких исследованиях обычно трактуется именно как некое патологическое состояние, в котором человек не способен отказаться от посещения интернет-ресурсов даже тогда, когда это негативно сказывается на других сторонах его жизни [25]. Примечательно, что данные, которые были получены нами, говорят скорее об отсутствии у большинства молодых людей такого патологического состояния. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, мы задавали опрошенным серию проективных вопросов о том, как они поведут себя в случае объективной невозможности пользоваться интернетом или социальными сетями (например, в том случае если это будет запрещено из-за ограничений на работе или невозможно чисто технически). Характер ответов, полученных от большинства опрошенных, показывает, что попадание в подобную ситуацию будет для них неприятно, но все же не вызовет явной фрустрации или желания искать доступ в интернет любой ценой (см. рис. 2–3).

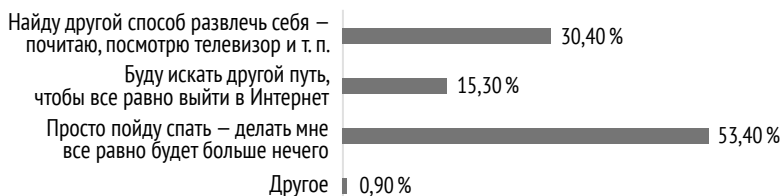

Рис. 2. «Что Вы сделаете, если приехали в отель, в котором из-за поломки связи нет доступа в Интернет?» (альтернативный вопрос, % от числа ответивших)

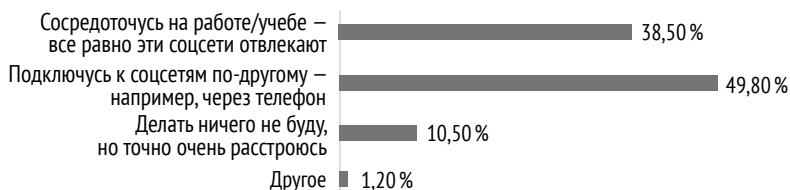

Рис. 3. «Что Вы сделаете, столкнувшись с требованием начальника не использовать социальные сети на работе?» (альтернативный вопрос, % от числа ответивших)

Иными словами, большинство из них способны обойтись без интернета (или, по крайней мере, думают, что способны). Принимая во внимание это обстоятельство, мы полагаем, что говорить о тенденции формирования у нынешней российской молодежи зависимости от интернета все же не следует.

Характерно при этом, что использование интернета у этих молодых людей часто локализуется в специфическом пространстве — социальных сетях. О том, что социальные сети более популярны именно у наиболее молодых пользователей, исследователи уже писали: специфика России в том, что пользователи старше 30–35 лет проявляют к социальным сетям гораздо меньший интерес, чем молодежь [14]. Наше исследование лишь подтверждает этот факт. Во-первых, выяснилось, что распространение социальных сетей в молодежной среде близко к абсолютному, повсеместному: только 0,4% опрошенных (это 8 человек) приписывают себе отсутствие регистрации хоть в каких-то социальных сетях, у остальных такая регистрация есть. Во-вторых, именно на социальные сети приходится наиболее значительное время молодежи в интернете: 65,7% опрошенных проводят в них более 3 часов ежедневно, интенсивность использования остальных интернет-ресурсов гораздо скромнее. В-третьих, социальные сети используются молодежью фактически так же многогранно, как и интернет в целом: 87,2% пользуются ими для общения с друзьями, 69,8% — для развлечения, 63,6% — для чтения новостей. Ведущую роль «ВКонтакте» в данном контексте определяет его гипертрофированная популярность среди опрошенных: 96,2% имеют там регистрацию, а 87,6% относят к наиболее используемым (другие социальные сети в соответствующих вопросах называются как минимум вдвое реже). Иначе говоря, можно сказать, что российская молодежь не только демонстрирует внушительную активность при использовании интернета, но и локализует ее во вполне конкретном пространстве. Причем похоже, что это пространство востребовано в первую очередь именно у них: социальные сети не закрыты для пользователей других возрастов, но реальный запрос на их использование в старших возрастных группах намного меньше: исследователи отмечают, что такими сервисами среди более старших возрастных групп пользуются менее половины пользователей [7].

Еще одной характерной чертой поведения этих молодых людей, судя по данным исследования, можно считать принципиальную коммуникативную открытость, готовность к быстрому выстраиванию новых социальных связей. Об этом говорит два факта. Во-первых, как уже отмечалось выше, сама исходная цель использования интернета у многих из них — именно общение: ради коммуникации с друзьями в интернет заходит более 80%. Во-вторых, еще более важно то, что большинству из них свойственна готовность вступать в коммуникацию с совершенно незнакомыми людьми в интернете, то есть выстраивать новые социальные связи. В ходе опроса мы просили ответить респондентов на проективный вопрос о том, что они будут делать, если им в социальной сети будет писать человек, с которым они не знакомы. Ответы, которые были получены на этот вопрос, довольно красноречивы (см. рис. 4).

Рис. 4. «Представьте, что Вы получили сообщение в социальной сети от человека, которого Вы не знаете. При каких условиях Вы начнете с ним общаться?» (поливариантный вопрос, % от числа ответивших)

Видно, что большинство из них потенциально готовы будут начать с таким человеком общение. Многие из них готовы обсуждать конкретные условия, при которых они начнут в такой ситуации отвечать и общаться. И условия, которые для этого должны соблюдаться, как видим, довольно вариативны. Поэтому едва ли можно говорить о массовой наивности и доверчивости таких людей: сама готовность обдумывать подобные условия говорит скорее об их скептичности и критичности. Но все же видно, что большинство из них саму возможность такого общения, по всей видимости, допускают.

Принципиальной установки на жесткий и категорический отказ от общения у большинства из них нет. И это позволяет нам констатировать, что они именно открыты, готовы к выстраиванию новых социальных связей в интернете.

Учитывая этот факт, стоит обратить внимание на еще одну характерную черту этих молодых людей, которая проявилась в ходе опроса. Похоже, что интернет постепенно превращается для них если не в основную, то в очень востребованную площадку для поддержания уже существующих социальных связей. Одной из частных гипотез, которые мы проверяли в ходе исследования, являлось предположение о том, что большинство молодых людей может предпочитать интернет как основной способ общения и пренебрегать

другими, более традиционными формами коммуникации (такими как телефон или личные встречи). Стремясь проверить это предположение, мы в ходе анкетирования задавали опрошенным два схожих по смыслу вопроса: «Оцените, пожалуйста, насколько часто Вы общаетесь с друзьями в интернете?» и «Как часто Вы предпочитаете встречаться с друзьями ради общения?». Заведомо абстрактная категория «как часто» в данном случае использовалась целенаправленно, поскольку нас интересовали не фактическая частота общения опрошенных со своими друзьями в интернете и вне его, а именно субъективная оценка ими такой частоты. Комбинируя ответы опрошенных на эти вопросы, мы смогли составить собственную типологию их общения: «замкнутые» мало общаются с друзьями и в интернете, и за его пределами; «виртуалы» (в основном общаются с друзьями через интернет, редко общаются с друзьями в оффлайне); «общительные» (в основном общаются с друзьями через интернет, но часто общаются и в оффлайне) «традиционалисты» (предпочитают общаться с друзьями в оффлайне, редко пользуются для этих целей интернетом). Распределение опрошенных по этим сегментам оказалось примечательным (см. рис. 5).

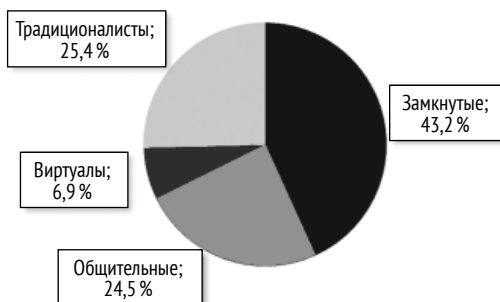

Рис. 5. Комбинированная типология опрошенных по степени ориентации на оффлайн- / онлайн-коммуникацию с друзьями (на основе комбинации двух вопросов, % от числа ответивших на оба вопроса)

В каком-то смысле эти показатели обнадеживают. Мы видим, что «виртуалы» (то есть те, кто уже сейчас общается с друзьями больше именно в интернете) составляют среди опрошенных явное меньшинство. Но важно понимать и другой факт. Какого-то явного преобладания «традиционалистов» в массиве опрошенных тоже не прослеживается, то есть говорить об устойчивой популярности традиционных форм общения над интернетом тоже довольно сложно. Еще более показательным то, что самой массовой в выборке оказывается группа «замкнутых», то есть именно тех, кто мало склонен общаться как в интернете, так и за его пределами. По сути, этот результат означает, что для многих молодых людей альтернативой отказа от интенсивного общения с друзьями в интернете является не общение в традиционных

формах, а скорее полный отказ от общения. В конечном счете получается, что интернет не вытеснил из жизни молодых людей более традиционных форм общения, но все же он стал играть в их общении довольно значимую роль и перспектива такого вытеснения в будущем, похоже, отнюдь не исключена. И это важная деталь к портрету нынешних молодых россиян.

Наконец, примечательна и еще одна особенность, которая проявилась в ходе исследования. Интернет постепенно начинает выступать площадкой для организации социальной активности российской молодежи. Его востребованность в этом статусе пока скорее локальна, чем массова: половина опрошенных признаются в том, что никогда не участвовали в мероприятиях и социальных активностях, о которых узнали через интернет. Но все же в этом значении он уже нередко используется, причем довольно многогранно: среди тех, кто все же бывал на таких мероприятиях, упоминаются очень разные ответы: прогулки (на них были 40% от общего числа тех, кто вообще бывал на таких мероприятиях); флешмобы (38,9%); экскурсии (27,3%), митинги (15,2%), благотворительные акции (14,3%), вечеринки (13,7%) и др.

О чем это говорит? Мы полагаем, что в первую очередь — о том, что роль интернета в жизни молодых людей становится все более многогранной: он выступает для них не только как средство общения или обмена информацией, но и как фактическое пространство организации поведенческих практик, в том числе и таких, которые происходят за пределами виртуального пространства. Здесь также уместно будет вспомнить факт, который уже упоминался выше: цели использования интернета у этих молодых людей очень разнообразны и не ограничиваются только развлечением и обменом информацией: многие из них учатся, работают или завязывают новые связи.

Заключение

Подведем краткий итог. В целом можно отметить, что из-за необычной скорости проникновения интернета в социальную реальность российского общества в стране за последние годы выросло первое поколение, для представителей которого интернет стал абсолютно естественной, доступной и понятной деталью жизни. Взрослевшие в условиях интенсивной интернетизации большинства общественных процессов, эти люди с детства привыкли пользоваться информационными технологиями и относятся к ним как к привычному и неотъемлемому атрибуту своей повседневной жизни. Ясное представление о конкретных особенностях сознания и поведения этих людей в социально-гуманитарной науке до сих пор продолжает формироваться. Ученые понимают, что столь специфические обстоятельства взросления создают почву для формирования неких особенностей сознания и поведения этих молодых людей, но четкого представления о том, что именно это за особенности и как они могут использоваться, пока не сложилось. Собственно, отталкиваясь от понимания этого противоречия, мы и перешли к проведению собственного анализа. Результаты проделанной нами работы

показывают, что предположение о существовании примечательной специфики интернет-поведения этих молодых людей в целом действительно не лишено смысла.

Взрослея в условиях повсеместного проникновения интернета в жизнь общества, нынешние представители российской молодежи привыкли постоянно пользоваться этим информационным ресурсом. Вероятно, назвать их зависимыми от интернета в полном смысле было бы преувеличением: если у них и существует патологическая привязанность к виртуальным сервисам, ими самими она, скорее, не осознается. Но все же интернет играет в их жизни крайне важную роль. Он используется для повседневного общения, для создания социальных связей, для выполнения функциональных задач. Более того, сложились предпосылки для того, чтобы со временем все общение этих молодых людей переместилось именно в виртуальное пространство, либо вытеснив такие традиционные формы коммуникации, как общение по телефону или личная встреча, либо существенно сократив их частоту. Пока полной подмены не случилось, но имеющиеся у нас данные говорят о том, что в будущем такая перспектива в целом довольно вероятна.

Источники

1. *Eek-Karlsson L.* Between responsibility and positioning: a study about young people's interactions in social media // *Young*. — 2018. — № 27 (1). — P. 1–17.
2. *Wood M. A., Bukowski W. M., Lis E.* The digital self: how social media serves as a setting that shapes youth's emotional experiences // *Adolescent Research Review*. — 2015. — № 1 (2). — P. 163–173.
3. *Волченко О. В.* Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2016. — № 5. — С. 163–182.
4. *Nocetti J.* Contest and conquest: Russia and global internet governance. *International Affairs*. — 2015. — № 1 (91). — P. 111–130.
5. Исследование Mail.ru Group к 25-летию Рунета // Официальный портал Mail.ru. — URL: <https://corp.mail.ru/ru/press/infograph/10391/> (дата обращения: 22.07.2019).
6. Проникновение Интернета в России: итоги 2018 года // Официальный сайт ГФК «Русь». — URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii/> (дата обращения: 22.07.2019).
7. Аудитория Интернета в России. Доклад MediaScope // Материалы клиентской конференции Mediascope 2018. — URL: http://conf.mediascope.net/upload/files/2018/mediascope_conference_2018_radio.pdf (дата обращения: 22.07.2019).
8. Жизнь без интернета: рай или апокалипсис? // Официальный сайт ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681> (дата обращения: 22.07.2019).
9. Цифровизация услуг в России: уже на пороге // Официальный сайт ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9667> (дата обращения: 22.07.2019).
10. Интернет против телевидения: битва продолжается // Официальный сайт ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 22.07.2019).
11. Детский Рунет 2018. Отраслевой доклад // Сайт Института исследований Интернета. — URL: <https://internetinstitute.ru/detskii-runet-2018-otraslevoi-doklad/> (дата обращения: 22.07.2019).

12. 5 поколений пользователей: как меняется поведение россиян в сети // Портал ThinkWithGoogle. — URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/5-generations/> (дата обращения: 22.07.2019).
13. Каждый четвертый россиянин имеет высокий уровень цифровой грамотности // Официальный сайт аналитического центра «НАФИ». — URL: <https://www.nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/> (дата обращения: 22.07.2019).
14. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 15–33.
15. А на досуге мы танцем буги-вуги? // Официальный сайт ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559> (дата обращения: 22.07.2019).
16. Интернет против телевидения: битва продолжается // Официальный сайт ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 22.07.2019).
17. Пшеничная О. В. Экстремизм в Интернете // Современные научные исследования и разработки. — 2017. — № 5 (13). — С. 507–510.
18. Ивченков С. Г., Титовская О. А. Молодежь под влиянием компьютера: социологический анализ // Наука, образование, общество. — 2016. — № 3 (9). — С. 103–109.
19. Абрадова Е. С., Кисловская Е. В. Молодежь в социальных сетях // Власть. — 2018. — № 3. — С. 150–153.
20. Варламова С. Н., Гончарова Е. Р., Соколова И. В. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения. — 2015. — № 2. — С. 165–182.
21. Акишина В. Д. Проблема управляемости на примере блокировки Telegram // Аллея науки. — 2018. — № 8 (24). — С. 570–575.
22. Hanson S., Cross J., Jones A. Promoting physical activity interventions in communities with poor health and socio-economic profiles: A process evaluation of the implementation of a new walking group scheme // Social Science & Medicine. — 2016. — № 169. — P. 77–85.
23. Mohamad B., Dauda S. A., Halim H. Youth offline political participation: trends and role of social media // Jurnal Komunikasi, Malaysian Journal of Communication. — 2018. — № 34 (3). — P. 192–207.
24. Круглов В. В. Использование интернет-сообществ в воспитании детей и молодежи // Техническое творчество молодежи. — 2017. — № 1 (101). — С. 9–12.
25. Гайнцев Е. Г. Мотивация интернет пользователей, или почему возникает зависимость от интернета // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 2. — С. 65–67.

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИЙ БУДУЩЕГО

А. А. Семенова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

E-mail: Semyonovaa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «цифровая грамотность»; приводятся примеры зарубежного опыта по успешному развитию цифровой грамотности. Автор обосновывает необходимость актуализации цифровых навыков продвинутого уровня для успешного освоения профессий будущего, которые находятся на пересечении следующих дисциплинарных областей — STS (science and technology studies), исследований инноваций (innovation studies), STEM (science, technology, engineering, mathematics). Представлены краткие характеристики уникальных профессий в цифровом мире. Отмечается острая необходимость в своевременном планировании влияния цифровых технологий на рабочие места.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая грамотность, профессии будущего, цифровые технологии, цифровой барьер, инновации, молодежь.

DIGITAL LITERACY AS A MEANS OF ENERGIZING YOUTH IN CHOOSING THE PROFESSIONS OF THE FUTURE

A. A. Semenova

The Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University),
Saint Petersburg

E-mail: Semyonovaa@mail.ru

Abstract. The article discusses the concept of digital literacy; examples of foreign experience in the successful development of digital literacy are given. The author substantiates the need to actualize advanced digital skills for the successful development of professions of the future, which are at the intersection of the following disciplinary areas — STS (science and technology studies), innovation research (innovation studies), STEM (science, technology, engineering, mathematics). Brief characteristics of unique professions in the digital world are presented. There is an urgent need for timely planning of the impact of digital technology on jobs.

Keywords: digitalization, digital literacy, professions of the future, digital technologies, digital barrier, innovation, youth.

В настоящее время понимание и принятие преимуществ от использования цифровых технологий определяет запрос на формирование цифровой грамотности и овладение цифровой компетентностью для реализации в «профессиях будущего».

Перспектива безработицы среди специальностей низшей и средней квалификации — угроза цифровизации, возможно сокращение и среднего класса в силу того, что рабочие места будут «замещаться роботами». По мнению аналитиков, к 2029 г. около 10 млн новых рабочих мест будут созданы для компетентных специалистов с развитыми цифровыми навыками. При этом специалисты отмечают и риски, связанные с дефицитом квалифицированных работников в сфере цифровизации. Поэтому важно уже сейчас разрабатывать национальные стратегии развития цифровых навыков у молодежи и создавать условия для инновационной деятельности и создания рабочих мест в цифровой экономике. Так, в 2017 г. Международный союз электросвязи (МСЭ) и Международная организация труда (МОТ) приступили к осуществлению совместной кампании «Цифровые навыки для достойных рабочих мест». Проект предназначен для молодежи и нацелен на привлечение ресурсов для обучения к 2030 г. пяти миллионов юношей и девушек цифровым навыкам, которые позволят им получить рабочие места [1]. В рамках данного проекта реализуются учебные курсы по программированию (от 3 до 6 мес.), хакатоны поддерживает авторов инноваций, креативные идеи в предпринимательской деятельности и др.

Цифровая грамотность — важнейший навык в современном мире наряду с критическим мышлением или умением эффективно сотрудничать. Постепенно в образовательных организациях появляются программы для детей и молодежи, которые направлены на формирование цифровой грамотности, реализуются условия для цифрового обучения. Особо отметим тот факт, что некоторые страны уже ввели в школах такие предметы, как «Программирование» и «Цифровые технологии» (Австралия и Великобритания).

В Сингапуре Национальная библиотека разработала единую платформу для электронных ресурсов, где собрана большая коллекция учебных и внеучебных материалов, которые доступны круглосуточно.

В Америке на регулярной основе проводятся Молодежные технонедели (Teen Tech Week), а некоммерческая организация Common Sense Media успешно разработала проект «Цифровой паспорт»: ученики выполняют ряд заданий, по результатам которых продемонстрированные навыки и знания позволяют им получить «цифровой паспорт». То есть паспорт является определенным маркером, демонстрирующим, достиг ли ученик нужного для своего возраста уровня цифровой грамотности.

В Канаде организация MediaSmarts разработала программу для подростков «Мой мир», в которой прорабатываются основные аспекты цифровой грамотности: поиск достоверной информации в интернете, приватность и репутация в сети, онлайн-общение и этичное использование цифровых технологий.

Много усилий направлено и на ответственное использование интернетом, например, в Австралии функционирует Комиссия по интернет-безопасности с целью профилактики кибербуллинга и работы с нелегальным контентом в сети.

В Корею работает Центр интернет-зависимости, который борется со многими потребностями, например чрезмерный лайфлоггинг (lifelogging) — это повседневный стиль цифровой фиксации любого каждодневного опыта вне зависимости от его оригинальности или значимости [2]. Или фаббинг (phubbing, от англ. phone — «телефон» и snubbing — «пренебрежительное отношение») — манера собеседника часто переключаться на свой гаджет во время беседы, акт пренебрежения диалогом. К основным признакам фаббинга эксперты относят следующие привычки: во время приема пищи человек работает с гаджетом; держит смартфон в руке даже во время занятия спортом; моментально берет в руки смартфон при сигналах во время разговора; во время отдыха большую часть времени проводит в гаджете; беспочвенное листание уже увиденного в сети и др. (термин появился в 2012 г., а его автором стало рекламное агентство McCann).

Постепенно в Америке и Европе внедряются цифровые библиотеки и цифровые кампусы университетов. К 2035 г. в России планируется открытие Университета для обучения роботов и искусственного интеллекта, на базе которого будут совершенствоваться технологии цифрового сознания. Придется признать, что в настоящее время в нашей стране нет учебных заведений, которые обучают «педагогике» искусственного интеллекта, но прогнозируется, что в ближайшие годы подобные специализации будут доступны в технических вузах.

Далее в статье под цифровой грамотностью мы будем понимать комплекс знаний и умений, которые требуются для устойчивого и продуктивного применения цифровых технологий и ресурсов интернета.

Цифровая грамотность включает в себя: цифровое потребление (применение интернет-услуг для профессиональной деятельности и повседневной жизни); цифровую компетентность (возможности человека оперативно находить и использовать информационно-коммуникационные технологии для разных целей); цифровую безопасность (система мер, направленная на защиту приватности, вирусных атак).

С 2015 г. в России проводится Всероссийское исследование «Индекс цифровой грамотности граждан РФ», которое направлено на измерение уровня знаний и умений населения для продуктивного цифрового потребления. Индекс цифровой грамотности по России в целом с 2015 г. поднялся на 5,7 % [3].

Ключевыми трендами цифровой грамотности, которые выявлены разработчиками группы Региональной общественной организации «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ), являются:

- «неуклонный рост большинства измеряемых показателей. Наблюдается тенденция роста практически всех компетенций — от проведения

финансовых операций через интернет до производства мультимедийного контента. Ключевыми выступили компетенции в области поиска информации в интернете, проведения финансовых операций онлайн и потребления товаров и услуг в интернете»;

- «сокращение разрыва в уровне индекса между федеральными округами»;
- «рост численности аудитории мобильных и интернет-пользователей»;
- «неуверенность населения в своих знаниях в области цифровой экономики, фишинга и агрегаторов товаров и услуг. В большей степени граждане уверены в знании таких сервисов, как интернет-магазин (97%), поисковая система (96%) и социальные сети (96%)» [4].

Далее особо отметим, что понимание цифровой трансформации предполагает свободное оперирование такими терминами, как интернет ценностей, интернет вещей.

Интернет ценностей (ValueWeb) характеризуется новым дополнительным качеством интернета наряду с обменом информацией, товарами, общением людей, появлением цифровых продуктов — системой обмена ценностями в рамках цифровой экономики. Цифровая ценность — активы (имущество и иные ценности), выраженные в виде буквенно-цифровых идентификаторов и зарегистрированные в блокчейне. Для свободного перемещения ценностей в интернете созданы новые методы их передачи и хранения как аналог собственной финансовой системы и инструментов, применимых в интернет-среде, — это криптовалюты и токены (цифровой аналог какого-либо актива, представляющего некую ценность для конкретных потребителей). В научный оборот термин ввел эксперт в области финансовых технологий Крис Скиннер, который поясняет, что ValueWeb делает транзакции проще и дешевле благодаря переводу физических токенов ценности, биржи и хранилища в цифровую форму [5]. Так, физические деньги и карты становятся цифровыми криптовалютами и токенами ценности; физические магазины и розничные компании становятся цифровыми доменами и сайтами; физические сети отделений банков становятся цифровыми хранилищами ценностей. Интернет ценностей — это не только обмен деньгами или валютой, но и количество отметок «нравится» и «добавить в избранное».

Интернет вещей (Internet of Things, IoT) — набор материальных предметов (от личного автомобиля до зубной щетки), снабженных датчиками и обладающих вычислительными возможностями для осуществления дистанционного мониторинга и контроля, интеграции данных практически без участия человека. Термин был предложен в 1999 г. Кевинем Эштоном.

В основе интернета вещей лежат следующие технологии: средства идентификации (каждый объект физического мира, пусть даже не подключенный к сети, все равно имеет уникальный идентификатор), средства измерения (обеспечивают преобразование информации о внешней среде в данные, пригодные для передачи их средствам обработки), средства передачи

и обработки данных (включая облачные системы), исполнительные устройства с датчиками. Google занимается разработкой голосового интерфейса, благодаря которому домашняя электроника научится понимать естественную речь человека. Apple предлагает платформу HomeKit, которая предназначена для управления домашней электроникой. Предполагается, что к 2020 г. интернет вещей будет применяться в самых различных отраслях (промышленность, транспорт, умный дом, коммунальные службы, здравоохранение, аграрный сектор и др.).

Составной частью интернета вещей является индустриальный (или промышленный) интернет вещей (Industrial Internet of Things, IIoT). А в недалеком будущем придет «интернет всего» (Internet of Everything, IoE).

Интернет всего (Internet of Everything, IoE) — это интеллектуальная связь людей, процесса, данных и вещей. Интернет, который будет состоять из сети облаков.

Инновационный прорыв в технике, науке и образовании связывают с цифровыми инструментами решения сложных практических задач в области конструирования, строительства, производства, инжиниринга, IT и др., что предполагает подготовку ответственных профессионалов.

Совместное будущее двух дисциплинарных областей — STS (science and technology studies) и исследований инноваций (innovation studies) однозначно перспективное. И концентрация на STEM-образовании и STEM-карьере актуальна как никогда.

Аббревиатура STEM расшифровывается как: S — science (естественные науки), T — technology (технологии), E — engineering (инженерия), M — mathematics (математика). STEM объединяет межотраслевой подход, смысловым стержнем для которого является соединение естественных наук в технологии, техническое творчество и математику. STEM имеет неограниченные возможности как по популяризации технических дисциплин, так и «раскручиванию» востребованных в будущем профессиях в аспекте цифровой трансформации общества.

Интересное исследование относительно того, что ожидания работодателей часто расходятся с реальными «цифровыми умениями» студентов, приводится исследователями Филиппом Вентимилья и Джорджем Пуллманом. Так, студентов попросили оценить собственные цифровые навыки и готовность к работе. 44% респондентов сообщили, что «хорошо подготовлены» или «очень хорошо подготовлены». При этом 18% опрошенных работодателей подтвердили, что студенты по-настоящему готовы работать на самых низких должностях. Ф. Вентимилья и Д. Пуллман конкретизировали составляющие цифровой грамотности:

- находить информацию в интернете и оценивать ее качество и достоверность;
- исследовать проблему и находить ее решение с помощью цифровых инструментов;

- пользоваться доступностью информации для непрерывного обучения в течение всей жизни;
- выбирать из разнообразных технологических инструментов подходящий для решения определенной проблемы;
- изучать и применять с легкостью новые инструменты;
- «настраивать под себя» и совмещать друг с другом различные технологические инструменты для решения проблемы.

Исследование использования цифровых технологий в различных сферах деятельности человека приводит к переосмыслению основных понятий, изучению новых профессий, которые связаны с освоением цифровой грамотности [6].

Так, влияние новых информационных технологий на государственно-правовую сферу жизни общества обуславливает необходимость подготовки профессионалов по новым направлениям.

Например, в атласе новых профессий обозначены:

- «сетевой юрист» — профессионал, способный сделать возможным правовое взаимодействие в сети, конструировать комплексы правовой защиты человека и собственности;
- «модераторы платформы общения с госорганами» — поддерживают контакты между гражданскими активистами и представителями органов власти, ответственных за определенные сферы (например, социальная политика, строительство и др.) с целью выработки приемлемых решений;
- «виртуальный адвокат» — это профессионал по удаленной юридической поддержке, включающей сопровождение дел иностранных клиентов. Отметим, что уже роботы и юристы могут сразиться на правовом поле. Так, в рамках Петербургского международного юридического форума в 2018 г. партнер юридической фирмы и робот, разработанный с использованием технологий искусственного интеллекта, провели показательный гражданско-правовой спор [8].

Перспективность и интерес к IT-сфере подтверждается последующим развитием таких уникальных профессий, как:

- «консультант по безопасности личного профиля» (проводит анализ представленности клиента в сети, работает с информацией о клиенте);
- «персональный бренд-менеджер» (диагностирует и управляет имиджем клиента с использованием социальных сетей);
- «адвокат по роботэтике» (инициирует комплекс правил и разрабатывает законодательство, регулирующие сотрудничество роботов и людей);
- «инфостилист» (осуществляет поиск конкретных сведений с последующей публикацией на основе требований клиента);
- «персональный бренд-менеджер» (разрабатывает личный имидж с помощью применения различных онлайн-платформ на основе пожеланий клиента);

- «разработчик моделей Big Data» (составляет и анализирует большие данные сети Интернет и т. п.);
- «аналитик “интернета вещей”» (анализирует данные и ищет новые методы интеграции бытовых приборов в единые системы для «умных домов»);
- «ИТ-проповедник» (обучает пользователей применять актуальные и «свежие» онлайн-платформы, поясняет уникальные возможности работы с определенными сервисами);
- «киберследователь» (расследует компьютерные преступления: хищение финансовых средств, вирусные атаки с целью последующего ограбления и нарушения приватности, деятельность по внедрению сетевых вирусов и неправомерного информационного содержания в сети);
- «трендвотчер / форсайтер» (выявляет актуальные тренды по различным сферам экономики, политики, культуре и т/ п., анализирует и готовит отчеты о влиянии данных тенденций на клиентские потребности) [8];
- «сити-фермер» (обеспечивает озеленение мегаполисов, особенно на крышах и фасадах небоскребов);
- «молекулярный диетолог»;
- «Medtech», или «онлайн-доктор» (принимает пациентов по видеосвязи);
- «менеджер по космическому туризму»;
- «реконструкторы» (обеспечивает перестройку аварийных памятников архитектуры с сохранением исторической ценности);
- «проектировщик финансовой траектории», или специалист по финансовым технологиям;
- «тренер по майнд-фитнесу» и «координатор настроения» (поддерживает людей и организации в поддержании здорового психического климата).

Кроме того, в нашей стране появится новая профессия — цифровой куратор (консультант в области развития цифровых компетенций населения) [9].

К трудовым функциям цифрового куратора следует отнести: консультирование граждан в области развития цифровой грамотности, организация и проведение мероприятий по консультированию граждан в области развития цифровой грамотности. Консультирование будут осуществлять по нескольким направлениям: по вопросам применения цифровых технологий и онлайн-сервисов в сферах жизни, содействие развитию цифровых компетенций различных групп населения. Так, специалисты новой профессии будут консультировать пожилых людей: как пользоваться интернет-ресурсами, как совершать электронные платежи, например за коммунальные услуги, как проводить банковские операции с помощью компьютера. По данным опроса, проведенного Национальным агентством финансовых исследований,

60 % пожилых людей не знают о современных способах проведения платежей, а 74 % пенсионеров предпочитают по старинке производить оплату наличными: в банках или в пунктах приема платежей.

Министерство труда и социальной защиты предполагают, что обучающая программа должна заработать в 2019 г., и планируются создать 10 экзаменационных центров для цифровых кураторов. Полностью проект должен быть завершен к 2024 г. — к этому сроку предполагается достичь показателей, заданных программой «Цифровая экономика». Результаты проекта на 2019–2024 гг. прогнозируются следующим образом: 1000 центров цифровой грамотности (ЦЦГ) в 85 субъектах нашей страны; 10 000 цифровых кураторов; 2 000 000 граждан, прошедших обучение по программам цифровой грамотности [10].

Таким образом, деятельность государства, различные некоммерческие организации, частный сектор, академические организации, гражданское общество в силах совместно обеспечить развитие у молодежи цифровой грамотности для освоения профессий будущего. Эффективная цифровая экосистема нуждается в своевременном планировании влияния цифровых технологий на рабочие места.

В ближайшие годы мы ожидаем, что системы искусственного интеллекта (ИИ) будут все шире использоваться в таких областях, как транспорт, сервисные роботы, здравоохранение, образование, сообщества с ограниченными ресурсами, общественная безопасность, занятость и рабочие места, а также сфера развлечений и досуга. Именно цифровая грамотность может гарантировать молодежи знания, необходимые для управления ИКТ, для программирования, разработки приложений, управление сетями, машинного обучения, анализа больших данных, интернета вещей (IoT), кибербезопасности и использования цифровых финансовых услуг и др. [1].

Но чтобы развивать необходимые цифровые навыки, нужно обеспечить в учебных программах:

- сотрудничество с «цифровыми лидерами», т. е. с теми успешными акторами-практиками, которые имеют глобальное видение, воображение, возможности объединить заинтересованные стороны для цифровой трансформации;
- поддержку со стороны региональных и местных властей.

Подобная систематическая деятельность по развитию цифровой грамотности позволит успешно внедрять цифровые инновации в рамках своей профессиональной деятельности для обеспечения процветания цифровой экономики; развивать успешные цифровые бизнес-модели; акцентировать внимание на высокой значимости отражения показателей цифровой экономики в национальной статистике, перманентной работе по обновлению статистических показателей для последующего осуществления оценки воздействия реализуемых цифровых стратегий.

Источники

1. Охват молодежи цифровыми технологиями. — URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/digital-inclusion-of-youth.aspx>.
2. URL: <http://drlev.ru/>.
3. Проект Региональной общественной организации «Центр Интернет-технологий» [сайт]. — URL: <http://xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/mindex/2017/>.
4. Индекс цифровой грамотности. 2017: Всероссийское исследование. — URL: http://xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/media/Digital_Literacy_Index_2017.pdf
5. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. — М. : ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019. — 304 с.
6. Проект Региональной общественной организации «Центр Интернет-технологий» [сайт]. — URL: <http://xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/>.
7. Юрист и робот сразились на правовом поле // Адвокатская газета: [сайт]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/yurist-i-robot-srazilis-na-pravovom-pole/>.
8. Атлас новых профессий [сайт]. — URL: <http://atlas100.ru/>.
9. Профессиональные стандарты. Программно-аппаратный комплекс. — URL: http://profstandart.rosmintrud.ru/upload/medialibrary/138/%D0%9F%D0%A1%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%2030_08_2018_new%203.pdf.
10. В комитете Госдумы по образованию и науке раскрыли тонкости новой профессии — цифрового куратора // Невские новости [сайт]. — URL: <https://nevnov.ru/609497-v-komitete-gosdumy-po-obrazovaniyu-i-nauke-raskryli-tonkosti-novoi-professii-cifrovogo-kuratora>.
11. Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев и др. ; под общ. ред. А. В. Кешелава ; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. — М. : ВНИИГеосистем, 2017. — 28 с.
12. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». — М. : Буки Веди, 2017. — 257 с.
13. Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. и мат-лов междунар. конф. «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека, 14–17 февр. 2018 г., Коломна / под общ. ред. Р. В. Ершовой. — Коломна : Государственный социально-гуманитарный ун-т, 2018. — 452 с.
14. Охват молодежи цифровыми технологиями / Международном союзе электросвязи [сайт]. — URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/digital-inclusion-of-youth.aspx>.
15. Why // Decent jobs for youth [сайт]. — URL: <https://www.decentjobsforyouth.org/theme/digital-skills-for-youth#Why>.
16. Appreciating apprenticeship / What works in Youth Employment [сайт]. — URL: <https://www.wwiney.org/by-theme/skills-training/the-ilo-is-organising-a-regional-workshop-on-201quality-apprenticeships-and-work-experience-measures-to-improve-the-school-to-work-transition201d>.
17. Байназаров Н. 10 технологических профессий будущего, которым нужно учиться уже сейчас / Rusbase [сайт]. — URL: <https://rb.ru/list/ne-prospi/>.
18. Профессии будущего: ТОП-20 новых и перспективных. — URL: <https://info-profi.net/professii-budushhego/>.
19. Дымарская О. От кого ждать инноваций? Исследование вовлечение молодежи в инновационную деятельность в Москве // VII Грушинская социологическая

- конференция «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях» : презентация. — URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2017/prez/6_dymarskaya.pdf.
20. *Твитчетт Л.* Повышение цифровой грамотности детей и молодёжи: возможности и проблемы для библиотек // Территория L : газета российской государственной библиотеки для молодежи. — URL: <http://gazetargub.ru/?p=6383>.
 21. *Сидоров Г.* Цифровой университет: применение цифровых технологий в современных образовательных учреждениях // itWeek [сайт]. — URL: <https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=192831>.
 22. About the knowledge platform // Decent jobs for youth [сайт]. — URL: <https://www.decentjobsforyouth.org/knowledge>.
 23. Университет НТИ 20.35 [сайт]. — URL: <http://2035.university/>.
 24. Администрация Санкт-Петербурга [официальный сайт]. — URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_center/provedenie-konkursa-podderzhka-nauchnogo-i-inzhenernogo-tvorchestva-sh/.
 25. Лифт в будущее // Благотворительный фонд «Система» [сайт]. — URL: <http://bf.sistema.ru/programs/lift/>.
 26. Society // European Commission website. — URL: <http://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/area/society>.
 27. Country Reports | Women in Digital scoreboard // European Commission website. — URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/country-reports-women-digital-scoreboard>.
 28. Women less likely to be shown ads for high-paid jobs on Google, study shows // The Guardian [сайт]. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/jul/08/women-less-likely-ads-high-paid-jobs-google-study>.

УДК 371.398

DOI: 10.25990/hse.conf-15.2rg5-pj88

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ИННОВАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «БИОТЕХНОЛОГИИ: НАУКА И ЧЕЛОВЕК В XXI ВЕКЕ»)

М. В. Ломоносова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

E-mail: lomonosovamv@mail.ru

В. В. Князева

ГБОУ «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга,
г. Санкт-Петербург

E-mail: knyazeva_vera@mail.ru

И. А. Бушенкова

ГБОУ «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга,
г. Санкт-Петербург

E-mail: bushenkovairina@yandex.ru

Аннотация. В XXI в. развитие страны напрямую зависит от научных открытий и инноваций в области технологий, поэтому формирование инновационной компоненты человеческого потенциала является важной задачей на уровне государства. Успешное решение этой задачи невозможно без создания специальных институциональных условий на уровне школьного образования. Отвечая на вызовы современного общества, «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга обеспечивает интеграцию основного и дополнительного образования, предлагая широкий спектр образовательных программ. Программа «Биотехнологии: наука и человек в XXI веке» демонстрирует пример того, как дополнительное образование школьников, способствуя комплексному развитию человеческого потенциала в настоящем, является стратегическим фактором инноваций в будущем.

Ключевые слова: дополнительное образование школьников, биотехнологии, инновации, человеческий потенциал, человеческий капитал, профориентация.

**ADDITIONAL EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN AS
A STRATEGIC FACTOR FOR INNOVATION
(EXEMPLIFIED BY THE EXTENDED EDUCATIONAL
PROGRAM “BIOTECHNOLOGY: SCIENCE AND HUMAN
BEING IN THE XXI CENTURY”)**

M. V. Lomonosova

St. Petersburg State University, St. Petersburg

E-mail: lomonosovamv@mail.ru

V. V. Knyazeva

Engineering and Technology School No 777, St. Petersburg

E-mail: knyazeva_vera@mail.ru

I. A. Bushenkova

Engineering and Technology School No 777, St. Petersburg

E-mail: bushenkovairina@yandex.ru

Abstract. The formation of the innovation component of human potential is important in Russia. This task can be solved only by creating special institutional conditions at the level of school education. Responding to the challenges of modern society, «Engineering and Technology School No. 777» of St. Petersburg ensures the integration of basic and additional education. The school offers a wide range of educational programs. The program «Biotechnology: science and man in the XXI century» demonstrates an example of how additional education at school, contributing to the integrated development of human potential in the present, is a strategic factor for innovation in the future.

Keywords: additional education in school, biotechnology, innovation, human potential, human capital, career guidance.

Введение

В последние десятилетия не утихают споры о необходимости преодоления кризиса системы образования в России, а сама система претерпевает значительные трансформации, вызванные как волюнтаристскими решениями чиновников, так и объективными факторами динамики развития науки и общества. Школьное образование, находящееся почти целое десятилетие в 90-х гг. прошлого века в глубоком кризисе, который был инициирован социальным и экономическим коллапсом после распада СССР, сегодня представляет собой основополагающий социальный институт, отвечающий за сохранение и развитие человеческого потенциала и человеческого капитала в Российской Федерации, и как следствие выступает стратегическим фактором инноваций. От качества школьного образования в конечном итоге зависит не только сможет или нет отдельный молодой человек продолжить свое обучение в системе высшего образования и затем участвовать в инновационной и научно-исследовательской деятельности, но и то, будут ли на уровне целого

поколения сформированы ценности и способности, отвечающие за принятие и готовность к активному участию в инновационных преобразованиях. Таким образом, развитие инновационных секторов экономики невозможно без целенаправленного формирования у подрастающего поколения мировоззрения, ядром которого выступает научно-исследовательская и инновационная деятельность, а также когнитивные потребности. И именно школа закладывает фундамент научного мировоззрения и будущих инноваций.

Отечественные и зарубежные социологи и экономисты в начале XXI в. при анализе экономических и социальных проблем стали все большее внимание уделять не макроэкономическим процессам, а «человеческому фактору» — как влиянию глобальных трансформаций на человека, так и роли человека в глобальных трансформациях. Если в структуре российской экономики природные ресурсы занимают главенствующую роль, то, например, в Японии именно человек — как изобретатель и новатор, определяет вектор экономического развития. Экономисты даже используют специальный термин для описания этой ситуации — «ресурсное проклятие», когда страны, богатые природными ресурсами, являются экономически и социально менее развитыми, чем страны, не обладающие богатыми запасами природных ресурсов. Поэтому инновационная компонента человеческого потенциала приобретает особое значение в условиях конкуренции между странами за лидерство в мировой экономической структуре. Уже не столько запасы нефти, газа, леса и других природных ресурсов составляют основу экономической безопасности того или иного государства, а прежде всего наука и новые технологии обеспечивают рост национального дохода и благосостояния в обществе. Фундаментальные открытия в науке приводят к появлению новых технологий, которые, в свою очередь, радикально изменяют жизненный мир человека. Мир индустриальной экономики капитализма с неизбежностью уходит в прошлое, поставив человечество перед лицом актуальных проблем, от решения которых зависит будущее человечества. Но в то же самое время зарождающиеся в наши дни индустрии будущего открывают грандиозные возможности в преодолении социальных, экономических, экологических и многих других проблем. Фундаментом индустрий будущего как раз и являются инновационные решения и научные открытия, а также принятие инноваций обществом и его готовность участвовать в активной инновационной деятельности. В конечном итоге можно говорить о том, что если государство осознает значимость формирования и развития инновационной компоненты человеческого потенциала и прилагает определенные усилия в этом направлении, создавая для этого специальные условия и культивируя особую систему ценностей и мотиваций у подрастающего поколения, то именно это государство и его граждане будут задавать вектор инноваций и находиться в авангарде глобальной экономики. Основоположник и разработчик комплексного подхода в проведении социально-экономических исследований О. И. Иванов отмечает, что без целенаправленного формирования в российском обществе культуры лидерства в науке и технологиях сохранить и приумножить инновационный

потенциал невозможно, поскольку: «Быть первым, лучшим в мире — это не только свойство массового сознания населения этих стран, это также свойство поведения деятельной части их граждан. Эти свойства явились результатом взаимодействия различных социальных, культурных, политических, экономических факторов» [1, с. 176].

Современное школьное образование в России за последние десятилетия сильно изменилось. Вслед за динамикой социальной стратификации стратифицировалась и школа по целому спектру индикаторов. Теория социальной стратификации Пьера Бурдьё убедительно доказывает, что в современном обществе в действительности не существует равенства возможностей, ибо элиты изобрели новые методы для передачи власти от поколения к поколению. Особые педагогические методы и способы коммуникации между учеником и учителями, выбор дисциплин обучения и внедрение новых образовательных технологий создают прочную базу для детей из экономически привилегированных страт общества для их дальнейшей успешной вертикальной мобильности по сравнению с детьми из других социальных страт с более низкими показателями образования экономических привилегий. В условиях глобализации целые страны и регионы оказываются на обочине научного прогресса, который напрямую зависит от показателей экономического развития страны. Низкие рейтинги российских университетов по сравнению с ведущими мировыми университетами являются ярким подтверждением глобального неравенства возможностей. С другой стороны, отечественное образование обладает уникальным потенциалом за счет сохранения лучших традиций советской системы образования, человеческих ресурсов и активной интеграции лучшего мирового опыта в этой области. Победы российских школьников на международных олимпиадах и конкурсах, успешная научно-исследовательская деятельность студентов в российских и мировых научных центрах позволяют достаточно высоко оценить уровень отечественного образования. Поэтому сегодня очень сложно дать однозначную оценку качества российского школьного образования, так как, с одной стороны, необходимо определиться с критериями оценки: содержание образования, показатели единого государственного экзамена, духовно-нравственное воспитание, готовность к непрерывному образованию или инновационной деятельности, с другой стороны, нужно принять точку зрения и учитывать задачи тех социальных институтов, которые непосредственно связаны и зависят от системы школьного образования. К таким социальным институтам прежде всего относятся: семья, система профессионального образования, наука, промышленность и рынок труда, армия, церковь. По мнению многих экспертов, интересы и цели каждого из этих институтов относительно системы школьного образования редко совпадают, а зачастую радикально расходятся по основным установкам и ценностям. Таким образом, в отечественной педагогике наблюдается глубокий кризис педагогического целеполагания как единого методологического основания построения современной системы школьного образования в России.

Можно указать на одну из важных положительных тенденций в динамике развития российской системы школьного образования, ярко проявившуюся в последние годы. Она выражается в том, что государство стало активно поддерживать инновационные образовательные проекты, тем самым создавая тренд будущих стратегических преобразований. При этом в качестве социальных партнеров государства выступают школа, семья, высшая школа и рынок труда, демонстрируя единство целей и интересов. В рамках данной статьи рассмотрим пример программы дополнительного образования школьников как фактора инноваций на базе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга.

Основная часть

Начавшиеся после системного кризиса глобальной экономики и бурного развития конвергентных технологий переходные процессы, затронувшие все страны и континенты, ставят новые задачи перед системой образования, истоки которой были заложены еще в конце XIX в. В этих условиях одной из стратегических и актуальных задач российского образования является ориентация молодежи на непрерывное образование, фундаментальную науку и инженерные профессии, так как сегодня конвергентные и инженерные науки превращаются в реальную политическую силу. При этом в последние десятилетия сами инженерные специальности стремительно трансформируются, а их объектом все чаще выступают органические системы и живые организмы. И ключевую роль в этих глобальных трансформационных преобразованиях играют конвергентные технологии (информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии). Причем если изначально конвергентные технологии были исключительно областью исследований естественных наук, то «их развитие в долгосрочной перспективе неизбежно приведет к изменению жизненного мира человека, что является объектом исследования наук социальных» [2, с. 91]. Эта абсолютно новая для человеческого социума ситуация диктует новые стандарты получения знаний, когда фундаментальным ядром современных образовательных программ с неизбежностью должна выступать идея конвергенции наук. Именно эта идея легла в основу открытия Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга в 2017 г.¹ Учебному процессу, начавшемуся в школе в 2019/2020 учебном году, предшествовала

¹ Образовательное учреждение было создано на основании распоряжения Комитета по образованию от 25.10.2017 г. № 3250-р. Наименование при создании: Государственное бюджетное негиповое образовательное учреждение «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга. Учредителем Образовательного учреждения является Санкт-Петербург в лице уполномоченных исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга. <http://www.school777.spb.ru/>.

фундаментальная работа по разработке основного учебного плана и программ дополнительного образования школьников. Наряду с основными целями образовательной деятельности по программам начального общего, основного общего и среднего общего образования «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга обозначила достижение важных стратегических целей развития системы среднего и профессионального образования в России. В школе была создана инновационная образовательная среда как с точки зрения использования новых информационных технологий, инженерного оборудования и современных подходов к обучению, так и с точки зрения разработки уникальной образовательной стратегии обучения для каждого школьника. Концепция школы нацеливает педагогов на достижение следующих основных задач:

- приобретение учащимися в школе глубоких знаний по математике, информатике и предметам естественнонаучного цикла, которые позволят в дальнейшем получить техническое и инженерное образование;
- стимулирование развития исследовательской деятельности;
- получение навыков работы с высокотехнологичной техникой и новыми компьютерными технологиями и техникой в условиях современного глобального общества;
- развитие навыков работы с информацией в решении актуальных задач;
- ранняя профориентация и приобщение к миру инженерных профессий;
- формирование устойчивого интереса к науке, инновациям и конвергентным технологиям;
- выявление уникальных способностей и талантов учащихся с целью максимального раскрытия их потенциала.

Отвечая на актуальные вызовы современного общества и задачи, выдвигаемые перед системой образования, нужно опираться в большей степени не на многочисленные «Программы развития...», «Дорожные карты...» и другие «Приоритеты развития...», принимаемые Правительством Российской Федерации за последние 20 лет, а на результаты конкретных исследований, отражающие реальное состояние российского общества в этой области и убедительно доказывающие следующее: «...имеющийся в России человеческий потенциал не может обеспечить переход ее экономики на инновационные рельсы, ибо жизненно необходимые для этого компоненты (образовательная, трудовая, предпринимательская, конкурентная, инновационная, а также управленческая, научно-техническая, культурная) недостаточно развиты...» [3, с. 94]. В связи с этим необходимо целенаправленно формировать уже начиная со средней школы основные компоненты человеческого потенциала, являющегося основным фактором инноваций. Поэтому Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга обозначила в качестве одной из своих задач совершенствование форм дополнительного

образования на основе социального партнерства с образовательными организациями высшего образования, научно-исследовательскими институтами, промышленными предприятиями и бизнес-структурами. Таким образом, это обеспечит гармоничную среду для раскрытия и развития всех компонентов человеческого потенциала как обучающихся, так и педагогов школы. Ведущая роль в процессе построения новых моделей и форм обучения принадлежит Центру дополнительного образования детей «Инженерно-технологической школы № 777», обеспечивающему многоканальную интеграцию основного и дополнительного образования, раннюю профориентацию и формирование научного и инженерного мышления детей. В ближайшей перспективе Центр дополнительного образования имеет все шансы выступить в качестве фактора развития инновационного потенциала молодежи Санкт-Петербурга, поскольку именно программы дополнительного образования позволяют формировать у обучающихся как новые интеллектуальные потребности и интересы, так и морально-нравственные ценности.

На примере программы дополнительного образования «Биотехнологии: наука и человек в XXI веке» покажем, как дополнительное образование школьников, способствуя комплексному развитию человеческого потенциала в настоящем, является важным стратегическим фактором инноваций в будущем.

Биомедицина и биотехнологии для человека и общества в XXI в. несут не только решение многих проблем, но оборачиваются новыми угрозами глубинных трансформаций человеческого бытия. Развитие и использование биотехнологий усложняется широким спектром экономических, юридических, морально-нравственных и этических вопросов, на многие из которых нет однозначных ответов.

Выход России на лидирующие позиции в области разработки биотехнологий позволит создать конкурентоспособные индустрии будущего в различных сегментах глобальной экономической системы, которые смогут выступить в качестве основы модернизации и выстраивания фундамента постиндустриальной экономики.

Приоритетными задачами «Комплексной программы развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года» являются: «создание современных образовательных программ и системы подготовки кадров в области биотехнологии; сохранение и развитие биоресурсного потенциала Российской Федерации как основы биоиндустрии; решение актуальных социально-экономических, энергетических, экологических и других проблем страны методами и средствами биотехнологии; интеграция отечественной биотехнологии в мировую биоэкономику» [4]. Тем не менее в базовые общеобразовательные программы среднего образования по биологии и химии практически не включены темы, отражающие достижения и тенденции развития фундаментальной науки. А учебные программы по обществознанию не содержат разделы и темы, отражающие те новые вызовы, с которыми столкнулось общество в результате бурного развития науки и конвергентных

технологий. Таким образом, важные области науки и технологий, определяющие контуры развития современного общества и как следствие — динамику изменений в мире профессий и специальностей, остаются до сих пор не охваченными в рамках системы школьного образования в РФ¹.

Таким образом, программа «Биотехнологии: наука и человек в XXI веке» способствует преодолению разрыва между школьным образованием и реальными задачами и потребностями российской науки и экономики. Спецификой программы является ориентация на гуманитарные вопросы и социальные аспекты развития биотехнологий.

Актуальность данной программы дополнительного образования обусловлена тремя важными факторами: объективными законами развития науки и технологий, потребностью в развитии и усилении инновационного потенциала молодежи, поиском адекватных ответов на угрозы и вызовы XXI в. Рассмотрим далее более подробно каждый из этих факторов.

Объективные законы развития науки и технологий. Очарованные распространением информационных технологий, люди оставили практически без внимания один тренд в развитии современного общества, имеющий прямое отношение к жизни и жизненному миру человека, — колоссальное, не имеющее аналогов в истории развитие биотехнологий. Человек всегда мечтал об усовершенствовании своей природы, но он не только мечтал. Развитие науки и техники стремительно улучшали условия жизни человека, способствовали увеличению продолжительности жизни человека, подарили исцеление от неизлечимых в прошлые века болезней. В начале XXI в. накопленные веками научные знания и бурно развивающиеся конвергентные технологии позволяют человеку совершить революцию в области изменения самой природы человека. Впервые в мировой истории люди приобрели знания и возможности проникнуть в области, которые еще несколько десятилетий назад были совершенно неподвластны его разуму, воле и желаниям. Сегодня границы между жизнью и смертью, естественным и искусственным, природным и социальным становятся все более размытыми и подвижными. Новейшие научные открытия последних лет в области биологии и медицины не только меняют научную картину мира, но и трансформируют традиционные ценности и представления о человеческой природе, оказывают все более значительное воздействие на социальные отношения и общество. Таким образом, знакомство школьников с основными достижениями в области

¹ Стоит отметить, что в нашей стране с 2010 г. одним из инструментов государственной инновационной политики является Фонд инфраструктурных и образовательных программ, входящий в Группу РОСНАНО. Этот Фонд реализует образовательную программу «Школьная лига РОСНАНО», целью которой является продвижение в школах Российской Федерации идей, направленных на развитие современного образования, в первую очередь — естественнонаучного образования. Анализ «Отчета о реализации Программы Школьная лига РОСНАНО за 2016–2018 годы» (http://schoolnano.ru/sites/all/files/report_2016-2018.pdf) показывает, что мероприятия и проекты «Школьной лиги РОСНАНО» являются в большей степени имиджевыми.

биотехнологий и приоритетными направлениями развития конвергентных технологий в целом обусловлено объективным приростом научного знания и научной революцией в области биотехнологий.

Развитие и усиление инновационного потенциала молодежи. Несмотря на то что в общественном мнении, сформированном средствами массовой информации и политической пропагандой, доминирует представление об информационных и нанотехнологиях как передовых направлениях развития науки и техники, в действительности именно биотехнологии и когнитивные технологии определяют контуры и перспективы динамики современного общества. Поэтому в процессе формирования инновационной компоненты человеческого потенциала необходимо уделять первостепенное значение биотехнологиям как приоритетным направлениям науки и технологий, развивая уже у школьников систему потребностей, способностей и готовности выполнять такую деятельность, результатом которой будут инновации, открывающие новые возможности в решении актуальных социальных, научно-технических, экологических, экономических и многих других проблем.

Поиск адекватных ответов на угрозы и вызовы XXI в. Мы сегодня являемся свидетелями и современниками великих научных открытий, описанных в самых смелых философских и литературных утопиях (анти-утопиях) и долгое время не выходивших за пределы научной фантастики. Генномодифицированные продукты питания, генная диагностика и терапия, генная инженерия и производство, геномика, индивидуальное секвенирование в медицине, модификация поведения человека нейрохимическими препаратами, биологическое оружие и биобезопасность, биотерроризм — все это определяет жизненный мир современного человека, порождая новую социальную реальность и новые социальные практики. Глобальные вызовы XXI в. в области науки стремительно вовлекают всех и каждого в водоворот трансформаций. Первым юридическим документом, призванным координировать и регулировать процесс создания и применения новых биомедицинских технологий, стала принятая Советом Европы еще в 1997 г. «Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине». Тем не менее изначально созданные для терапевтических целей, многие биомедицинские технологии начинают использоваться в других, не терапевтических случаях. Открываются все новые возможности их применения, а терапевтические достижения биомедицины порождают безграничную веру в потенциальную способность технологий менять мир, преодолевая любые биологические и естественные границы. Многими умами начинает овладевать идея «усовершенствования» самой человеческой природы. И здесь возникает очень сложный важный вопрос: можно ли регулировать практическое использование достижений научных открытий в области биотехнологий, и если можно, то каким образом? В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» для «эффективного

ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук» [5], необходимо обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем знаний в различных областях современной науки и готовых решать комплексные задачи в ситуации стремительных и зачастую непредсказуемых изменений. Программа дополнительного образования «Биотехнологии: наука и человек в XXI веке» нацелена на решение этой задачи, так как профессиональная ориентация школьников не на сферу «шоу-бизнеса» или сферу обслуживания «общества потребления», а на фундаментальную науку приобретает в современном российском обществе важное стратегическое значение. От того, какое место будет занимать российская наука в мировой науке, будет зависеть не только благосостояние и здоровье нации, но и место страны на мировой геополитической арене.

Таким образом, очевидно, что актуальность разработки и внедрения программы дополнительного образования «Биотехнологии: наука и человек в XXI веке» в систему школьного образования нацелена на решение важных стратегических задач и развитие инновационного потенциала молодежи. Отличительной особенностью программы является ее междисциплинарный характер: биология — биомедицина — философия — социология — экономика — право. Программа дает представление обучающимся о разнообразии, структуре, взаимодействии и значении естественных наук, об их объектах и методах исследований, о смежных и комплексных научных дисциплинах, о профессиях и специальностях, связанных с биотехнологиями, о значении точных и гуманитарных наук для развития биотехнологий и наоборот; знакомит подростков с философскими основами биотехнологий; рассматривает вопросы, связанные со значением биотехнологий для охраны окружающей среды, для решения глобальных экологических проблем, изучения и сохранения биологического разнообразия, повышения эффективности здравоохранения и развития медицины. Программа рассчитана на детей 14–17 лет и реализуется с использованием современных информационно-коммуникативных технологий и интерактивных методов обучения.

Как было отмечено выше, анализ учебной литературы для школьников показал, что базовые общеобразовательные программы среднего общего образования практически не затрагивают темы, связанные с развитием биотехнологий. Можно отметить только нескольких авторов, восполнивших этот пробел в школьном образовании, чьи учебные курсы и пособия стали доступными для учителей и школьников. Разработчиком контрольных измерительных материалов для проведения аттестации по образовательным программам основного общего и среднего общего образования по биологии и автором учебников по биологии — Е. А. Никишовой около десяти лет назад была разработана программа и методические рекомендации преподавания дисциплины дополнительного образования «Основы

биотехнологии» [6; 7]. Эта дисциплина, будучи интегрирована в общую систему профильного обучения, поддерживает изучение биологии в ракурсе развития современных биотехнологий, обеспечивая трансляцию современных узкоспециализированных знаний. В пособии рассматривается как история возникновения и развития биотехнологий, так и новейшие открытия в области молекулярной биологии и генетики, на которых базируются современные биотехнологии, их роль в медицинской практике, селекции растений и животных, разработке новых медицинских препаратов, решении проблем возобновляемых ресурсов, голода, утилизации бытовых и промышленных отходов. Если пособие Е. А. Никишовой рассчитано в большей степени на педагогов биологии, то учебное пособие «Профессиональное самоопределение школьников Москвы. Биотехнологии» [8], разработанное П. М. Скворцовым и Я. В. Скворцовой, нацелено на учащихся и ставит своей целью раннюю профориентацию в профессиональные области биотехнологий. В сравнении с указанными программами и курсами программа дополнительного образования «Биотехнологии: наука и человек в XXI веке», реализуемая в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга, носит комплексный и междисциплинарный характер, нацелена на решение не только предметных и профориентационных задач, но прежде всего на формирование человеческого потенциала, способного стать основой будущих инновационных преобразований российской науки, технологий, экономики и общества в целом.

Заключение

Развитие высоких технологий в инновационной экономике требует прогрессивных творческих подходов, носителем которых выступает человек. А на уровне школьного образования этим носителем выступают педагоги, способные сформировать у учеников когнитивные способности и потребности, а также комплекс морально-нравственных ценностей, как востребованных в современном обществе, так и позволяющих в будущем совершить инновационный прорыв, изменяя его контуры и границы. Основные направления и меры реализации государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации включают в себя в качестве одной из важных составляющих: «развитие современной системы научно-технического творчества детей и молодежи как основы для выявления талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки, технологий, инноваций и развитие интеллектуального потенциала страны» [5]. Таким образом, программа дополнительного образования «Биотехнологии: наука и человек в XXI веке», реализуемая ГБОУ «Инженерно-технологической школой № 777» Санкт-Петербурга, как стратегический фактор инновационных преобразований вносит свой вклад в формирование и развитие человеческого потенциала и человеческого капитала.

Источники

1. *Иванов О. И.* Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). — СПб. : Скифия-принт, 2013. — 336 с.
2. *Ломоносова М. В., Богомягкова Е. С.* Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства // *Экономические стратегии.* — 2015. — № 9 (134). — С. 90–97.
3. *Иванов О. И.* Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // *Социологические исследования.* — 2014. — № 6. — С. 89–95.
4. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. Правительством РФ от 24 апреля 2012 г. № 1853п-П8 [Электронный ресурс]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4e85f0b854eb1b02d.pdf>.
5. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1>.
6. *Никишова Е. А.* Основы биотехнологии: 10–11 классы: учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. — М. : Вентана-Граф, 2008. — 160 с.
7. *Никишова Е. А.* Основы биотехнологии: 10–11 классы: методическое пособие. — М. : Вентана-Граф, 2009. — 144 с.
8. *Скворцов П. М., Скворцова Я. В.* Профессиональное самоопределение школьников Москвы. Биотехнологии : учеб. пособие для учащихся 9–11 классов. — М. : Образовательно-издательский центр «Академия» : ОАО «Московские учебники», 2011. — 224 с.

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ПРОФСТАНДАРТА ПЕДАГОГА

В. Л. Ланцев

Бюджетное учреждение Орловской области дополнительного профессионального образования «Институт развития образования»,
г. Орел

E-mail: vic_lan@mail.ru

Научный руководитель: Н. В. Проказина, доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий

Аннотация. В статье обсуждаются механизмы внедрения профессионального стандарта педагога и национальной системы учительского роста. В работе проведено исследование влияния деятельности Ассоциации молодых учителей математики Орловской области на процесс профессионального становления молодых специалистов. Отмечен потенциал ресурсов общественно-профессиональных объединений в условиях недостаточного функционирования системы наставничества в общеобразовательных организациях. Выявлено положительное влияние мероприятий, проводимых Ассоциацией, на формирование профессиональных компетенций учителей и готовности развиваться, в том числе через поиск и разработку инновационных идей и практик.

Ключевые слова: молодые учителя, профессиональная активность, профессиональный стандарт педагога, профессионально-общественные объединения.

THE INFLUENCE OF PUBLIC-PROFESSIONAL ASSOCIATIONS ON THE INCREASING THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF YOUNG TEACHERS IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTING OF A TEACHER'S PROFESSIONAL STANDARD

V. L. Lantsev

The Budgetary institution of the Orel Region of additional professional education, Orel

E-mail: vic_lan@mail.ru

Abstract. The article discusses the mechanisms of implementation of the professional standard of the teacher and the national system of teacher

growth. In the work the influence of the Association of young teachers of mathematics of the Orel Region on the process of professional development of young professionals has been studied. The potential of resources of social and professional associations in the conditions of insufficient functioning of the system of mentoring in educational organizations is noted. It was shown the positive impact of the activities carried out by the Association on the formation of professional competencies of teachers and their readiness to develop, including through the search and development of innovative ideas and practices.

Keywords: young teachers, professional activity, professional standard of the teacher, professional and public associations.

Система образования в Российской Федерации в настоящее время проходит непростой период глубоких системных преобразований, направленных по повышению конкурентоспособности выпускников образовательных организаций не только в стране, но и за рубежом. В наибольшей мере процесс модернизации затронул сферу общего образования, в рамках которого закладывается фундамент для получения будущей профессии, а также формируются навыки, необходимые для обучения в течение всей жизни. Причиной появления ряда новаций стали достаточно низкие результаты, полученные российскими школьниками и педагогами в ряде сравнительных мониторинговых исследований качества образования, в том числе инициированных международными агентствами и ассоциациями. В конечном итоге было принято решение о внедрении новых инструментов, которые бы позволили вывести систему общего образования на качественно новый уровень. Среди подобных документов в первую очередь следует отметить федеральные государственные стандарты второго поколения, которые были разработаны и постепенно внедряются на всех ступенях образования. Ведущей идеей стандартов стало достижение не только предметных, но и метапредметных, а также личностных результатов обучения. В связи с чем возникла необходимость в изменении требований к учителям, которым предстоит работать в новых условиях. К наиболее значимым событиям следует отнести разработку и внедрение профессионального стандарта педагога, а также внедрение концепции национальной системы учительского роста, включающей в себя внедрение профстандарта как одно из базовых направлений реализации [1]. Эти инструменты, с одной стороны, призваны дать представление о необходимых компетенциях, которыми должен обладать педагог для качественного выполнения им своих трудовых функций, а с другой стороны, могут стать ориентиром в выстраивании траектории профессионального развития специалиста системы образования [2]. В реальности процесс внедрения этих инструментов идет с большим трудом и сопровождается их неоднократной доработкой, сопротивлением профессионального педагогического сообщества, а также отсутствием понимания, как должны работать эти инструменты на практике. Один из наиболее острых вопросов, стоящих перед менеджерами различного уровня в системе образования, заключается в выборе

оптимальных социально-управленческих механизмов, использование которых позволит внедрить и заставить работать на благо педагогов и обучающихся профстандарт и национальную систему учительского роста. Очевидно, что в этих условиях необходимо делать акцент на работе с молодыми педагогами, только входящими в профессиональную деятельность, открытыми ко всему новому, готовыми учиться и передавать свой опыт. И особую значимость в этой связи приобретают общественно-профессиональные объединения педагогов, к которым следует отнести региональные учебно-методические объединения, всероссийские и региональные предметные ассоциации, клубы, советы педагогов и некоторые другие [3; 4; 5]. Поэтому целью нашего исследования стало выявление роли общественно-профессиональных объединений педагогов в повышении профессиональной активности молодых учителей в условиях внедрения профстандарта педагога.

Наши исследования проводились на территории Орловской области. В данном субъекте действует функционирует несколько десятков общественно-профессиональных сообществ педагогов не только регионального, но и муниципального уровней. Среди наиболее крупных следует отметить следующие: региональное учебно-методическое объединение по общему образованию, в составе которого работают 20 секций, объединяющих учителей по отдельным предметам или предметным областям, а также директоров и заместителей руководителей образовательных организаций; региональные отделения всероссийских предметных ассоциаций; профессиональное сообщество учителей участников конкурсов профессионального мастерства «Учительское единство» и некоторые другие. Следует отметить, что состав этих сообществ достаточно разнообразный, что затруднило возможность обеспечения однородности исследуемой совокупности. С учетом этого обстоятельства, а также в связи с целью исследования, в качестве объекта для изучения была выбрана региональная Ассоциация молодых учителей математики, которая функционирует в регионе на протяжении пяти лет. В настоящее время в состав Ассоциации входит около 40 учителей в возрасте от 25 до 40 лет, преподающих математику на уровне основной и средней общеобразовательной школы в городских и сельских школах. Для изучения роли общественно-профессиональных сообществ на повышение профессиональной активности молодых специалистов нами была разработана анкета, содержащая вопросы, направленные на выявление затруднений, которые испытывают молодые педагоги в начале трудовой деятельности, способах преодоления профессиональных затруднений и о роли Ассоциации в формировании компетенций, необходимых для выполнения трудовых функций. Анкетирование проводилось в конце апреля 2019 г. Всего в опросе приняло участие 32 респондента, что составило около 80 % всех участников данного сообщества.

При выявлении структуры исследуемой совокупности по такому признаку, как продолжительность участия в мероприятиях Ассоциации, все респонденты были разделены на три группы: учителя, состоящие в Ассоциации до 1 года (группа № 1 — 25 % от общего числа респондентов), от 1 до 3 лет

(группа № 2 — 31 %) и свыше 3 лет (группа № 3 — 44 %). Подобный подход позволил нам выявить сходства и различия в исследуемых параметрах в зависимости от времени, в течение которого молодой педагог являлся членом сообщества. Учитывая, что анкетирование проводилось практически на момент окончания 2018/2019 учебного года, все респонденты были достаточно хорошо осведомлены о деятельности Ассоциации, принимали участие как минимум в нескольких мероприятиях и в большей или меньшей степени ощутили на себе формирующее воздействие данного общественно-профессионального объединения.

Отвечая на вопрос о том, с какими трудностями им пришлось столкнуться в первый год работы, респонденты из всех трех групп отметили степень сложности по каждому из предложенных критериев, используя интервальную шкалу. Расчет средних арифметических по каждому из критериев показал, что наибольшие затруднения молодые педагоги испытывали при написании рабочих программ (5,1), выборе методов и приемов обучения (4,95), в процессе публичных выступлений (4,9). Также определенную сложность представляли подготовка и проведение уроков (4,7) и внеурочных занятий и внеклассных мероприятий (4,7), в выстраивании взаимоотношений с обучающимися и их родителями (4,45). При этом представители группы № 1 в качестве одного из наиболее сложных видов деятельности назвали организацию воспитательной работы с классом, а группа № 2 — подготовку обучающихся к государственной итоговой аттестации. На этом фоне меньше всего затруднений у представителей всех групп вызывали общение с коллегами и заполнение рабочей документации. Полученные данные свидетельствуют об однородности сложностей, с которыми сталкиваются молодые учителя математики при приеме на работу, что позволяет предположить наличие примерного одинакового уровня стартовой подготовки молодых специалистов в данной предметной области.

Затем респондентам был задан вопрос «Что помогло Вам преодолеть данные трудности?». Среди наиболее значимых членов каждой из групп отметили постоянное самообразование (8,25), участие в мероприятиях региональной Ассоциации учителей математики (6,8), а также помощь администрации (6,4). Меньший вклад в преодоление трудностей внесли методические мероприятия школьного (5,65) и муниципального уровня (5,25), а также помощь наставника (5,25). Это может быть связано как с недостаточным вниманием, уделяемым подготовке молодых специалистов на уровне муниципальных образований и образовательных организаций, так и нежеланием молодых педагогов показывать свою слабость, перенимая опыт у знакомых им коллег. Среди наименее значимых факторов, способствующих преодолению профессиональных затруднений, были отмечены конкурсы профессионального мастерства, участие в сетевых профессиональных сообществах и подготовка научной работы в магистратуре или аспирантуре. Следует отметить, что выбранные способы преодоления трудностей у всех групп оказались практически одинаковыми. Высокий процент выборов в пользу постоянного самообразования говорит

о том, что молодые педагоги отмечают в себе желание и возможность постоянного профессионального и личного совершенствования. Высокий рейтинг помощи от участия в мероприятиях Ассоциации свидетельствует о востребованности адресной помощи молодым специалистам через вовлечение их в деятельность общественно-профессиональных объединений. Анализ полученных данных позволил нам выявить еще одну интересную тенденцию. Так, по некоторым способам преодоления трудностей, среди которых помощь администрации, участие в конкурсах профессионального мастерства, деятельность сетевых профессиональных сообществ, участие в локальных и муниципальных мероприятиях, наблюдается отрицательная динамика. Чем дольше молодой учитель принимает участие в мероприятиях Ассоциации, тем менее значимыми для него становятся указанные факторы, которые обладают чертами оказания методической и профессиональной помощи учителю в зоне его ближайшего окружения. Эти способы фактически не требуют от педагога проявления собственной активности, так как в основном инициируются школьной администрацией или специалистами муниципальных органов исполнительной власти, курирующими вопросы методической подготовки педагогов. Длительное пребывание педагогу в составе Ассоциации позволяет ему сделать выбор в пользу посещения наиболее ценных в профессиональном плане мероприятий в среде коллег-математиков, а не распыляться в поиске инструментов для повышения собственной предметной, методической и коммуникативной компетенции. Ценность участия в мероприятиях Ассоциации объясняется также и тем, что роль наставника из числа педагогов образовательной организации, в которой трудится молодой специалист, в настоящее время незначительна. Таким образом, участие в деятельности общественно-профессиональных сообществ может стать не только эффективным средством преодоления профессиональных затруднений молодых учителей, но и повысить их профессиональную компетенцию через общение с коллегами и наставниками из числа ведущих специалистов в конкретной области [6].

Следует заметить, что в процессе профессионального становления учителя, как и любого другого специалиста, играет огромную роль наличие у него наставника из числа коллег, имеющих высокий уровень квалификации. Среди опрошенных нами молодых педагогов наиболее низкий процент имеющих наставника учителей приходится на первую группу (24%), в то время как в группе № 3, состоящей из учителей, длительное время входящих в состав Ассоциации, этот показатель значительно выше (88,9%). Именно в этой связи роль мероприятий Ассоциации молодых учителей математики для педагогов первой группы имеет среднее значение 9 из 10 возможных. Таким образом, происходит восполнение недостатка опытных специалистов в ближайшем окружении молодого учителя за счет профессионального взаимодействия с опытными специалистами из числа наставников и руководителей Ассоциации, среди которых методисты Института развития образования, заслуженные учителя Российской Федерации, эксперты предметных комиссий

Орловской области. С другой стороны, возможно, именно участие в работе Ассоциации молодых учителей математики позволило педагогам из группы № 3 в течение нескольких лет найти себе опытных наставников. В любом случае, подобное общественно-профессиональное объединение учителей позволяет молодым специалистам развиваться за счет реализуемой функции наставничества. Это обстоятельство особенно актуально в той связи, что только 55 % всех членов Ассоциации имеют наставника из числа педагогов, работающих с ними в одной образовательной организации.

Анализируя частоту посещения мероприятий Ассоциации, также можно отметить, что представители первой группы чаще находят возможность стать их участником (в среднем 5,7 раз в год). Молодые учителя, достаточно долго входящие в состав сообщества (группа № 3), стараются также не пропускать мероприятия (в среднем 5,3 мероприятия в год на человека), что объясняется не только желанием получить методическую помощь, но и встретиться с наставниками и коллегами. Фактически участие в деятельности общественно-профессиональных сообществ способствует образованию устойчивых социальных связей между педагогами из разных муниципальных образований, что впоследствии может позволить учителям более продуктивно работать в составе предметных комиссий по проверке работ в рамках государственной итоговой аттестации, олимпиадных заданий, проектов исследовательских работ обучающихся. Несколько ниже процент посещения мероприятий Ассоциации педагогами группы № 2 (в среднем 3,2 раза). С одной стороны, это может быть обусловлено занятостью во время проведения мероприятий, погодными условиями или удаленностью муниципального образования от места их проведения, что может стать объективным препятствием, не позволяющим принять участие в работе. С другой стороны, молодые специалисты, имеющие небольшой стаж работы, склонны принижать важность помощи от более опытных коллег, считая, что они сами в состоянии справиться с вызовами, которые им преподносит их профессиональная деятельность.

Представляло интерес также проанализировать степень активность молодых учителей математики при посещении мероприятий Ассоциации. Так, представители группы № 1 заявили, что каждый из них в течение года был слушателем на мероприятиях (100 %), часть участвовала в дискуссиях и круглых столах по вопросам преподавания математики и формирования компетенций учителей (63 %), некоторые делились собственными наработками (37 %). Несколько иная картина наблюдается в группе № 2: в качестве слушателей присутствовали на мероприятиях 70 %, участвовали в дискуссии — 80 %, а выступали в качестве докладчиков — 60 %. Данная особенность также может свидетельствовать как раз о завышении учителями данной группы значимости собственного опыта и мнения. Вместе с тем наблюдается положительная динамика активности участия в мероприятиях молодых учителей в зависимости от стажа участия в мероприятиях Ассоциации. Более взвешенный взгляд на собственную активность имеют педагоги группы № 3, в которой процент пассивного участия в качестве слушателей составляет

77,8%, участия в дискуссии — 66,7%, а публичных выступлений — 22,2%. Необходимо отметить, что ни один из респондентов не указал, что хотя бы раз генерировал идеи для проведения будущих мероприятий Ассоциации. Вместе с тем учителя третьей группы отмечали, что хотели бы принимать участие в составлении плана работы сообщества на новый учебный год. Таким образом, полученные данные свидетельствуют не только о повышении профессиональной активности молодых учителей в процессе участия в региональных образовательных событиях, организуемых Ассоциацией, но и готовы проявлять инициативу и выдвигать идеи для дальнейшего развития деятельности. Кроме того, можно предположить, что в ближайшее время некоторые из педагогов, имеющих большой стаж участия в мероприятиях, будут готовы стать наставниками для своих коллег, которые только пришли работать в образовательные организации региона.

Изучая влияние длительности участия в мероприятиях Ассоциации молодых учителей математики на ценностные ориентации педагогов, мы отметили положительную динамику значимости такой ценности, как «личностное и профессиональное развитие» (среднее значение по группе № 1 — 8,6; группе № 2 — 8,7; группе № 3 — 9,3 из 10 возможных). Данная тенденция может служить показателем профессиональной зрелости молодых педагогов, готовности реализовывать требования федеральных государственных образовательных стандартов, повышать уровень своих компетенций для соответствия профессиональному стандарту. В то же время по ряду ценностей, среди которых общение с коллегами, обучающимися и их родителями, возможность заниматься «интеллектуальным трудом», наличие конкурсов профессионального мастерства, написание научной работы наблюдается отрицательная динамика выбора. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о наличии предпосылок к возникновению синдрома «профессионального выгорания», а с другой — к более реалистичному взгляду на специфику своей профессии. На этом фоне для всех групп респондентов практически неизменной остается значимость такой ценности, как участие в формировании личности ребенка (8,7), что свидетельствует об осознанности выбора профессии педагога. Наряду с этим наблюдается некоторое увеличение ценности заработной платы, стабильности в работе и «соцпакета», что, скорее всего, обусловлено пониманием того, что работа в бюджетной сфере представляет собой неплохой вариант для обеспечения базовых потребностей для жизни в дотационном регионе, к которым относится Орловская область.

Наиболее важным для изучения в рамках данного исследования был вопрос о роли Ассоциации молодых учителей математики, которую она играет в процессе профессионального становления молодых специалистов. Для этого респондентам всех трех групп было предложено оценить себя по нескольким позициям до начала участия в образовательных и методических мероприятиях, организуемых профессиональным сообществом, членами которого они являются, а также в момент проведения анкетирования. Подобный подход позволил выявить положительный эффект от деятельности

в составе данного общественно-профессионального объединения на процесс формирования личности молодого учителя, а также его предметной, методической и коммуникативной компетенции [7]. Желание молодого специалиста продолжать совершенствоваться в выбранной профессии говорит не только о готовности связать дальнейшую трудовую деятельность с работой школе, но и о признании необходимости постоянного саморазвития. Эта черта молодого учителя, в конечном итоге, позволит ему приблизиться к тем идеалам, которые постулирует в качестве важнейших профессиональный стандарт педагога. Молодые учителя математики группы № 1 оценили свое желание совершенствоваться в профессии до начала участия в деятельности Ассоциации в среднем на 6,6 из десяти пунктов, а на момент анкетирования — на 9,0. Таким образом, прирост данного показателя составил примерно 1,5 пункта, или 36,4% от первоначального состояния. Респонденты второй группы также продемонстрировали положительную динамику роста по данному критерию на 2,0 пункта (с 7,5 в начале работы до 9,5 пунктов в момент проведения анкетирования), что дало прирост на 26,7% по сравнению с исходным значением признака. Молодые учителя из третьей группы оценили свое стремление к профессиональному развитию в 7,7 до прихода в Ассоциацию и в 9,2 на апрель 2019 г., что дало прирост признака в 1,5 пункта, или 19,5% относительно его исходного значения. Таким образом, полученный результат свидетельствует о значительном влиянии, которое оказывает участие в деятельности профессионального сообщества на активизацию инициативности и желания молодых педагогов совершенствовать свои компетенции в профессиональной сфере. Прирост по данному критерию наиболее высок среди учителей математики первой группы, что особенно говорит в пользу использования потенциала общественно-профессиональных объединений в процессе становления молодых специалистов, впервые приступивших к работе. Это позволит молодым специалистам быть более подготовленными к профессиональной деятельности в условиях профстандарта педагога и национальной системы учительского роста.

Оценить степень развития инициативности и готовности находить и реализовывать инновационные идеи в профессии стало возможным благодаря изучению отношения молодых педагогов к конкурсам профессионального мастерства. Этот вид деятельности подразумевает наличие у учителя собственных методических разработок, авторских концепций преподавания отдельных предметов, новаторских идей, а также обобщения своего опыта в виде статей, методических рекомендаций, учебных пособий, рабочих программ урочной и внеурочной деятельности. Оценивать заинтересованность респондентов в данном виде деятельности, как и в предыдущем случае, предполагалось по среднему значению признака до начала участия в мероприятиях Ассоциации молодых учителей математики и в момент проведения анкетирования, после чего полученные значения признака сравнивались. Так, по группе № 1 желание участвовать в конкурсах профессионального мастерства и образовательных мероприятиях общероссийского и регионального уровня имело

среднее значение 6,0 до начала работы в Ассоциации и 7,2 пункта в момент анкетирования (прирост 1,2, или 20%), по группе № 2 — 6,2 и 6,5 соответственно (прирост 0,3, или 4,8%), по группе № 3 — 3,3 и 5,2 (прирост составил 1,7 пункта, или 51,5%). Следует отметить, что педагоги третьей группы лучше понимают сложность процедуры участия в профессиональных конкурсах, но при этом на 50% готовы принимать в них участие, что говорит о зрелом восприятии своих возможностей. Как уже отмечалось, респонденты второй группы, по-видимому, склонны завышать ожидания от своих возможностей, поэтому демонстрируют высокий уровень готовности принимать участие в профессиональных конкурсах. Необходимо констатировать тот факт, что участие в мероприятиях, организуемых Ассоциацией молодых учителей математики Орловской области, повышает заинтересованность педагогов в собственном личностном и профессиональном развитии, подталкивает их к поиску и разработке инновационных идей и практик.

Подводя итоги, следует отметить, что общественно-профессиональные объединения могут стать эффективным инструментом в процессе профессионального становления и социализации молодых специалистов в трудовом коллективе. При этом важно учитывать, что в состав сообщества должны входить специалисты, имеющие разный стаж, возраст, место работы, но беззаветно любящие свою работу. В этих условиях молодой специалист получает максимальный импульс к профессиональному развитию, что в частности даст возможность соответствовать требованиям, которые заложены в отраслевом профессиональном стандарте.

Источники

1. *Скавитин А. В.* Профессиональный стандарт педагога: внедрение в образовательной организации // Педагогический имидж. — 2017. — № 3 (36). — С. 18–26.
2. *Пузанова Ж. В., Терехина И. О.* Оценка кадрового обеспечения образовательных организаций в условиях апробации ФГОС НОО // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — № 12. — С. 102–105.
3. *Лузгина Н. Е.* Роль молодежных общественных объединений в формировании трудовой активности молодежи // Дискуссия: социологические науки. — 2013. — № 10 (40). — С. 115–119.
4. *Медник Е. А.* Профессиональные сообщества и их роль в повышении квалификации педагогов // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2015. — № 2 (18). — С. 80–84.
5. *Пономарев А. А.* Реализация общественной активности молодежи в российском регионе (на примере Саратовской области) // Вестник Поволжского Института управления. — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 138–144.
6. *Салимжанова Г. Т.* Роль сетевых профессиональных педагогических сообществ в условиях глобализации // Школьная педагогика. — 2016. — № 1. — С. 27–29. — URL: <https://moluch.ru/th/2/archive/19/552/> (дата обращения: 23.07.2019).
7. *Сорокина Н. Е.* Сетевые формы организации методической деятельности как средство повышения мастерства педагогов // Наука и школа. — 2018. — № 2. — С. 107–111.

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ:
1964–2019 гг.**

Р. Г. Минзарипов

Казанский федеральный университет, г. Казань

E-mail: rminzaripov@yandex.ru

Ф. Ф. Ишкинеева

Казанский федеральный университет, г. Казань

E-mail: farida1967@mail.ru

С. А. Ахметова

Казанский федеральный университет, г. Казань

E-mail: giacint7@mail.ru

Аннотация. В статье на основе осмысления событий более чем полувекового пути развития социологии в Казанском университете сформулированы положения, свидетельствующие о складывающейся в Республике Татарстан социологической школе. Об этом можно судить по применимости ряда критериев: 1) сформированности научных коллективов, проводящих социологические исследования по актуальным проблемам развития регионального сообщества; 2) деятельности педагогических коллективов, готовящих кадры социологов в рамках трехступенчатой системы образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура); 3) работе в течение двадцати лет диссертационного совета по социологии (социальная структура, социальные институты и процессы); 4) реализации совместных исследовательских проектов ученых республики с зарубежными коллегами; 5) интенсивной публикационной активности. Представленный материал, разумеется, имеет ограниченный характер: в перспективе обращение к этой теме с привлечением широкого круга участников данного процесса, работающих в сфере социологии в других учебных и научных учреждениях Казани и республики.

Ключевые слова: социологическая школа, регион, эмпирическое исследование, заводская социология, практика, научный проект, репрезентативность, ошибка выборки, академическая мобильность, публикационная активность.

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF A REGIONAL SCIENTIFIC SCHOOL: 1964–2019

R. G. Minzaripov

Kazan Federal University, Kazan

E-mail: rminzaripov@yandex.ru

F. F. Ishkineeva

Kazan Federal University, Kazan

E-mail: farida1967@mail.ru

S. A. Akhmetova

Kazan Federal University, Kazan

E-mail: giacint7@mail.ru

Abstract. The article based on the analysis of more than half a century of the development of sociology in the Republic of Tatarstan, formulated provisions indicating a sociological school in the region. The authors judge this by the presence of a number of criteria: 1) the formation of research teams conducting sociological research on current problems of the development of society; 2) the activities of pedagogical teams that train cadres of sociologists in the framework of the three-level education system (bachelor, master, graduate students); 3) work for twenty years of the dissertation council on sociology (social structure, social institutions and processes); 4) implementation of joint research projects of scientists of the republic with foreign colleagues; 5) intensive publication activity. The material presented, of course, is of a limited nature: in the future, addressing this topic with the involvement of a wide range of participants in this process — working in the field of sociology in other educational and scientific institutions of Kazan and the republic.

Keywords: sociological school, region, empirical research, factory sociology, practice, research project, representativeness, sampling error, academic mobility, publication activity.

В советское время в российском обществе сформировались социологические школы, в числе которых в обществоведческой литературе упоминаются московская, ленинградская, уфимская, пермская, свердловская, новосибирская. В каждой из них обозначились свои направления исследований, свои творческие коллективы. В Казани формирование социологии имеет давнюю историю, богатое социологическое прошлое и настоящее, свои традиции и свои инновации, имеются и публикации об этом [1; 2]. В данной статье на основе мысленного обращения в далекое прошлое и прослеживание длительного пути становления социологических исследований и социологического образования дается обоснование наличия социологической школы в Казани, в Республике Татарстан. Актуальность темы связана с желанием «встроить» в общий контекст развития социологии в стране образ еще одной региональной социологии для получения более полной картины истории социологии

в советское и постсоветское время. Это суждение созвучно размышлениям петербургских социологов о необходимости представления опыта социологических исследований, в том числе советского периода, для создания целостной истории российской социологии: «...В настоящее время еще нет фундаментальных исследований по истории социологии советского периода. В тех изданиях, что существуют сегодня, не представлены все направления, в полной мере их региональные особенности и деятельность научных коллективов (кроме немногих)» [3, с. 4].

Истоки региональной социологии в Республике Татарстан кроются в 1960-х гг. — в периоде «оттепели» — и непосредственно связаны с развитием социологии в советском и российском обществе. Формирование научной школы в регионе можно охарактеризовать как медленный процесс качественных и количественных изменений, происходивших в параллельно развивавшихся областях социологического знания: социологических исследованиях и социологическом образовании.

После участия советских ученых в работе всемирных социологических конгрессов 1956 и 1959 гг. по решению ЦК КПСС создаются социологические центры сначала в Москве и Ленинграде, затем в других городах страны. В Казанском университете на основании приказа Министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 2 января 1964 г. издается приказ по университету (№ 18 от 31 января 1964 г.) о создании при кафедре диалектического и исторического материализма (заведующий проф. М. И. Абдрахманов) социологической лаборатории под руководством доцента кафедры Н. А. Аитова, впоследствии известного ученого, специалиста в области социологии труда и социального планирования. После его переезда в Уфу в течение ряда лет (1965–1968 гг.) лабораторию возглавлял Р. Г. Балтанов, известный специалист в области религиоведения.

Под его руководством сотрудниками лаборатории (в составе четырех штатных единиц: лаборант, старший лаборант, инженер и младший научный сотрудник) были проведены первые в регионе репрезентативные социологические исследования, касавшиеся изучения состояния религиозности населения республики, в том числе Казани, Бугульмы, сельских поселений (полевые исследования в татарской и русской деревнях, а также в полиэтничном поселении нефтяного района). Материалы исследования религиозности городского населения опубликованы в журнале «Наука и религия» (1967. № 8), сельских жителей — в сборнике «Атеизм — в массы» на татарском языке (Казань, 1972). Одновременно изучались образ жизни казанского студенчества разных вузов города, а также мотивация выбора абитуриентами университетского образования. После перехода Р. Г. Балтанова на работу в Казанский медицинский институт лабораторию в течение 1969–1976 гг. возглавлял доцент кафедры научного коммунизма (создана в 1969 г. на базе кафедры диалектического и исторического материализма) М. А. Нугаев, специалист в области промышленной социологии, впоследствии доктор философских наук, профессор. В своей последней книге он пишет, что гордится тем, что

вместе со своими товарищами — Н. А. Аитовым, Г. Т. Журавлевым, Р. Г. Балтановым — «участвовал в становлении теории и практики этой особенно нужной для становления современного гражданского общества науки» [4, с. 60].

В стране продолжалось формирование академических институтов социологического профиля: 22 мая 1968 г. опубликовано Постановление ЦК КПСС «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР» для активизации исследований, повышения их уровня, разработки методологии, методики и техники. В функции Института входила также координация работы исследовательских центров страны, издание научных работ, подготовка социологических кадров. В течение 1969–1971 гг. ИКСИ осуществил несколько исследовательских проектов, в том числе массовые опросы для партийных организаций.

В Казанском университете сотрудники лаборатории развернули активную исследовательскую работу и одновременно занимались самообразованием, поскольку не были специалистами в области социологии (в составе лаборатории были историк, математик, филологи), в то же время учили азам социологической науки и практики студентов разных факультетов — будущих журналистов, математиков, историков, юристов. — на факультете общественных профессий университета. Наряду с этим сотрудники лаборатории совместно с учеными вузов Казани в 1970–1980-е гг. занимались социологическим просвещением (читали лекции и проводили семинары по методике конкретных социологических исследований) в партийных, профсоюзных и комсомольских организациях, на промышленных предприятиях Казани и Набережных Челнов. При этом симптоматично, что «учителями» партийных работников были беспартийные сотрудники лаборатории.

Это был период расцвета заводской социологии в стране, в том числе в республике: казанские исследователи под руководством М. А. Нугаева были первопроходцами в проведении исследований на строившихся заводах КамАЗа, на промышленных предприятиях Казани. В фокусе внимания была традиционная в то время проблематика: удовлетворенность рабочих организацией и условиями труда, дисциплина труда, текучесть рабочих кадров, исследователи выявляли проблемные зоны, выработывали адресные рекомендации руководству предприятий. Однако исследовательская работа на промышленных предприятиях сопровождалась определенными проблемами: социологи получали дозированную информацию, не было доступа на собрания рабочих коллективов, зачастую пресекались попытки «неформального» общения с рабочими. Все это не могло не сказываться на достоверности получаемых с помощью социологических методов результатов. Не всегда лояльным было отношение к исследователям и со стороны партийных функционеров, их взаимодействие напоминало армейскую субординацию: «у вас — мозги, у нас — власть». При этом представители властных структур вряд ли осознавали трудоемкость социологических исследований, проводившихся на общественных началах по их заданиям, причем, как правило, использовались лишь отдельные результаты для подтверждения

или опровержения тех или иных положений. Не всегда власти республики поддерживали исследовательские проекты, проводившиеся на ее территории: не были поддержаны совместные проекты казанских исследователей с ленинградскими учеными по изучению социальных проблем жителей г. Альметьевска (проф. О. И. Шкаратан), с эстонскими учеными, инициаторами лонгитюда «Пути поколения» (проф. М. Х. Титма), реализованный в девяти бывших советских республиках (1983–1999).

Помимо сотрудников лаборатории социологией овладевали студенты отделения научного коммунизма Казанского университета, первый набор на которое состоялся в 1970 г. Кроме теории студенты осваивали навыки и умения проведения эмпирических исследований. Первой выездной базой практики на протяжении ряда лет была социологическая лаборатория Камского автозавода в г. Набережные Челны (руководитель Н. С. Фатхуллин, впоследствии доктор философских наук, профессор). Постепенно научные связи расширялись, базы практики были организованы в ведущих учебных и научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Горького, Риги, Таллинна, Самары, Уфы, а также в лабораториях социологических исследований Нижнекамскнефтехима (канд. социол. наук В. И. Янковская), Волжского автомобильного завода.

Тесные контакты установились с коллективом НИИ комплексных социальных исследований (создан в 1966 г.) Ленинградского государственного университета, с командой ученых лаборатории социологических исследований проблем молодежи под руководством проф. В. Т. Лисовского (1967), с куратором практикантов ст. науч. сотр. Т. Г. Поспеловой. Особенностью социологической деятельности проф. В. Т. Лисовского было применение диспута как специфического метода исследования и в то же время одной из форм воспитательной работы среди молодежи. Актуальные дискуссионные темы морально-этического характера: «Что значит быть современным?», «О смысле и цели жизни», «Мир вещей и мир идей» и многие другие — привлекали огромные аудитории в клубы и театры города. К сожалению, последователей инновационной деятельности проф. В. Т. Лисовского не оказалось, эффективная воспитательная площадка осталась невостребованной. Контакты с этим коллективом продолжаются благодаря выпускнице казанского университета, ученице В. Т. Лисовского Р. Х. Салахутдиновой, ставшей одним из организаторов кафедры социологии молодежи и молодежной политики социологического факультета СПбГУ (2005).

Интересным и полезным было знакомство практикантов с другими научными и учебными заведениями: с деятельностью Проектно-конструкторского бюро систем управления «Майнор» (Таллин), известного в Эстонии консультационного центра, основанного в 1979 г. как фирма — организатор управленческих инноваций. Одним из ведущих ученых-обществоведов, успешно обучавших казанских студентов основам управленческого консультирования, был Юло Вооглайд. В Уфе, в Башкирском государственном педагогическом институте (проф. Дж. М. Гилязитдинов), практиканты помогали в изучении общественного мнения жителей города, в Риге, на кафедре

прикладной социологии Латвийского государственного университета им. П. Стучки (доц. А. И. Иванов), студенты изучали социальные проблемы молодежи. При этом в выездной социологической практике принимали участие студенты-иностранцы, приезжавшие учиться в КГУ из Республики Куба, из ГДР и других стран, что способствовало формированию интернациональных студенческих коллективов. Практика завершалась проведением в университете Дня социолога и научно-практической конференции с участием студентов и руководителей баз практики. Выездная социологическая практика проводилась на протяжении ряда лет (1975 — начало 1990-х гг.), причем в учебном плане она не значилась: это была инициатива «снизу», со стороны преподавателей кафедры научного коммунизма, державшаяся на их энтузиазме и поддержанная и финансирувавшаяся руководством университета.

Развернувшаяся в стране деятельность социологических служб вызвала потребность в кадрах специалистов-социологов. На смену публикациям в прессе: «Зачем нужен социолог?» приходят другие: «Где взять социолога?». В результате в газете «Правда» появляются аналитические статьи: «Пригласили социолога» (20 августа 1980 г.), «Что заботит социолога» (28 декабря 1981 г.), свидетельствовавшие об изменении отношения к социологии со стороны общества.

Осознание необходимости систематической подготовки квалифицированных социологов побудило коллегию Министерства высшего и среднего профессионального образования СССР принять 3 января 1974 г. решение «О подготовке специалистов в области конкретных социологических исследований». Однако первые робкие действия в этом направлении в Казанском университете начали предприниматься лишь в 1979 г., реальные — в начале 1990-х гг.

Координация деятельности исследовательских центров страны осуществлялась Советской социологической ассоциацией, возникшей в 1958 г. и являвшейся членом Международной социологической ассоциации. В рамках Поволжского отделения ССА с центром в Самаре с 1982 г. действовал Татарский филиал с центром в Казани. Благодаря этому установились тесные научные связи казанских исследователей с учеными Самары и Поволжского региона: проводились совместные конференции, выездные заседания. За плодотворную работу Татарский филиал в 1990 г. получил статус отделения ССА, сохранивший его и в изменившейся организационной структуре — Российском обществе социологов, возникшем в 1991 г. в качестве самостоятельной организации.

Дальнейшее развитие социологии в регионе связано со структурными преобразованиями в Казанском университете: в июне 1983 г. приказом № 759 Министерства высшего и среднего специального образования СССР в КГУ на историческом факультете была создана кафедра научного коммунизма путем выделения ее из состава аналогичной кафедры университета под руководством доктора исторических наук, профессора Э. С. Рахматуллина. В то же время была восстановлена в качестве проблемной социологическая

лаборатория под руководством А. Л. Салагаева, впоследствии доктора социологических наук, специалиста в области девиантологии. В течение ряда лет лаборатория принимала участие во всесоюзных исследованиях по программе «Общественное мнение» (Государственный комитет СССР по народному образованию). Деятельность проф. А. Л. Салагаева — красноречивый пример плодотворных научных контактов казанских исследователей с учеными Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, в котором он защитил докторскую диссертацию и сотрудничал на протяжении всей своей творческой жизни.

Следующий шаг, уже в масштабах страны, ознаменован преобразованием в 1988 г. Института социологических исследований в Институт социологии РАН. Этот факт означал признание социологии в качестве самостоятельной общественной науки. Следствием этого в КГУ стало добавление к названию кафедры научного коммунизма термина «социология», в 1991 г. произошло полное переименование кафедры научного коммунизма в кафедру социологии. В 1990 г., через два десятилетия после первого набора на отделение научного коммунизма, впервые состоялся набор на отделение социологии.

В 1990-х гг. после распада СССР значительные преобразования организационно-структурного и содержательного характера произошли и в социологии. Во-первых, в 1991 г. Институт социологических исследований был разделен на два самостоятельных учреждения: Институт социологии (ИС РАН) и Институт социально-политических исследований (ИСПИ РАН). Во-вторых, при ИС РАН в 1993 г. открылся Центр социологического образования для подготовки социологов-профессионалов региональных образовательных центров. В-третьих, возникает новое исследовательское направление, связанное с «качественной» стратегией исследования. В-четвертых, начинаются совместные исследовательские проекты российских и зарубежных социологов (Франция, Великобритания, Финляндия, Германия, Бельгия).

Для Казанского университета и вузов города 1990-е гг. — новый период в становлении социологии: преобразование кафедр научного коммунизма в кафедры социологии, начавшееся после изменения статуса ИСИ, его превращения в Институт социологии, что означало институционализацию социологии. В Казанском университете создается Центр социологии культуры под руководством доц. С. А. Ерофеева, основная деятельность которого сосредоточилась на повышении профессионального мастерства молодых социологов Поволжского региона, координации их деятельности, инициировании совместных исследований с зарубежными коллегами (Германия, Англия, Бельгия, Италия, США), издании на их основе совместных научных работ (в их числе коллективная монография в сотрудничестве с учеными Великобритании и Италии (Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг. Казань : Казан. ун-т, 2001. 292 с.)).

Новое тысячелетие сопровождается глобальными инновациями в жизни университета: формированием в 2010 г. на базе КГУ Казанского (Приволжского) федерального университета, в деятельности которого органично

сочетаются образовательная и исследовательская компоненты. Руководство кафедрой принял выпускник отделения научного коммунизма КГУ, доктор социологических наук, профессор Р. Г. Минзарипов, ныне первый проректор КФУ, специалист в области социологии молодежи [4]. Активизировались научные исследования, в том числе совместные, с учеными зарубежных стран: восстанавливались прежние связи, устанавливались новые, студенты, аспиранты, преподаватели получили широкие возможности для академической мобильности.

Развитие социологии в постсоветское время характеризуется плавным переходом от прежнего состояния к современному, сохранением преемственности и вместе с тем процессами обновления как в теории, так и на практике. Значительным нововведением стала, помимо высшего профессионального образования по социологии, подготовка в университете кадров высшей квалификации — кандидатов и докторов социологических наук. На протяжении двух десятилетий (с мая 1992 по декабрь 2012 г.) при кафедре социологии действовал диссертационный совет, принимавший к защите кандидатские, с 2009 г. — докторские диссертации. В совете защитились более сотни человек, в числе которых выпускники отделения научного коммунизма и отделения социологии университета, а также других вузов Казани и республики, приезжие из других городов страны (Москва, Ульяновск, Самара, Астрахань), стран ближнего (Казахстан) и дальнего зарубежья (Республика Куба, Лаос, Вьетнам, Эфиопия).

Интенсификация процессов научного сотрудничества отечественных исследователей с учеными других стран в постсоветском российском обществе отразилась в совместных исследовательских проектах. На протяжении ряда лет (1998–2012) по инициативе «снизу» — со стороны коллектива французских социологов и экологов, в составе которого была выпускница отделения научного коммунизма КГУ 1980 г., канд. филос. наук Л. М. Бухараева, представлявших Дом наук о человеке (Париж) — совместно с казанскими исследователями осуществлялся проект по изучению взаимодействия человека и природы, результаты которого опубликованы в коллективной монографии «Горожанин и природа. Трансдисциплинарное измерение устойчивого развития города» (Казань: Казан. ун-т, 2012. 288 с.).

Для реализации научных работ исследователями кафедры все более активно используются гранты. К ним относится, в частности, исследовательский проект, выполненный преподавателями кафедры под руководством доц. Л. Р. Низамовой, на актуальную тему, связанную с отношением населения полиэтноконфессионального региона к мигрантам из стран ближнего зарубежья (Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане. Казань: Казан. ун-т, 2013. 268 с.).

Активизация научной работы связана с созданием в 2012 г. учебно-научной лаборатории социологических исследований [6] под руководством кандидата социологических наук, доцента Ф. Ф. Ишкинеевой. Тематика исследований многообразна: плановые исследования, связанные

с удовлетворением потребностей университета в социологической информации в сферах образования, управления и администрирования, маркетинга и межкультурной коммуникации; а также организация и проведение научных исследований по социально значимым проблемам функционирования и развития Республики Татарстан. Ежегодно в режиме мониторинга проводятся исследования, посвященные социальному самочувствию студентов КФУ, в том числе в фокусе внимания — адаптация иностранных студентов к условиям обучения в инокультурной среде вуза; имидж Казанского университета; качество образования; коррупция глазами студентов и преподавателей и др. В сотрудничестве с Институтом фундаментальной медицины и биологии КФУ и Лондонской школой гигиены и тропической медицины реализован проект «Сердечно-сосудистые заболевания в России» (2014). Проект «Воспроизводство социального и физического здоровья студенчества в институциональной среде вуза: 2015–2018» (грант РГНФ № 16-06-01064) лег в основу научно-исследовательской лаборатории «Медико-психо-социальные маркеры здоровья» в рамках САЕ «Трансляционная 7П-медицина» (одно из приоритетных направлений университета) [7]. В сотрудничестве с Высшей школой информационных технологий и интеллектуальных систем КФУ (грант РФФИ) проведено исследование «Компьютерные модели и математические методы для изучения взаимосвязей социогуманитарных трендов на основе анализа больших данных» (2015–2017). Результаты исследований отражены в ряде коллективных монографий (Социология культурного многообразия. Казань : Казан. ун-т, 2014. 376 с.; Полиэтнический регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы. Казань : Казан. ун-т, 2015. 250 с.), множестве статей, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях.

Сравнение тематики исследований в советское и постсоветское время позволяет судить об их определенной преемственности: традиционной остается студенческая проблематика, сохраняется интерес к теме, связанной с этническими и конфессиональными отношениями, в центре внимания — социокультурные и воспроизводственные процессы в республике. Вместе с тем интенсификация научных исследований, в том числе в сотрудничестве с иностранными партнерами, разнообразие проблематики, несомненное повышение качества исследований, междисциплинарные и межстрановые исследования не могли не способствовать развитию социологической мысли республиканского сообщества. Социологическое образование одновременно с потерями приобретает новые возможности, в том числе расширение международных контактов как для студентов, так и для преподавателей в контексте академической мобильности (Япония, Китай, Швеция, Австрия, Германия, Италия, Бельгия, Великобритания, США).

В результате анализа полувековой истории становления социологических исследований и социологического образования в республике выделены наиболее значимые процессы инновационного характера, способствовавшие формированию казанской научной школы:

1. Плодотворная деятельность первой в Республике Татарстан Лаборатории социологических исследований Казанского университета (1964): организация и проведение первых в регионе репрезентативных социологических исследований по актуальной тематике — состояние религиозности населения республики (1965–1968), сохраняющейся до сих пор.

2. Социологическое самообразование первых «наивных» исследователей и одновременно социологическое просвещение партийных, комсомольских, профсоюзных активистов, работников промышленных предприятий (1967–1976).

3. Приобщение студентов отделения научного коммунизма КГУ в контексте социологической практики к работе заводских социологических служб для освоения специфики работы социолога на промышленном предприятии (1970–1980).

4. Приобщение студентов отделения научного коммунизма КГУ, в том числе иностранных учащихся, к работе ведущих социологических центров, бесценный опыт совместной деятельности практикантов с известными учеными страны (конец 1970-х — начало 1990-х гг.).

5. Координация деятельности регионального научного сообщества в рамках иерархической организационной структуры: Советская социологическая ассоциация / Российское общество социологов (с 1982 г. — Татарский филиал Поволжского отделения Советской социологической ассоциации, с 1990 г. — Татарстанское отделение ССА, с 1991 г. — в составе Российского общества социологов).

6. Институционализация социологии — ее признание в качестве самостоятельной общественной науки (конец 1980-х — начало 1990-х гг.).

7. Интенсивное научное сотрудничество исследователей Поволжского региона и международные контакты под эгидой Центра социологии культуры КГУ (середина 1990-х — начало 2000-х гг.).

8. Повышение рейтинга университета в мировом образовательном пространстве благодаря его преобразованию в Казанский (Приволжский) федеральный университет (2010).

9. Деятельность диссертационного совета (1992–2012) по защите кандидатских и докторских диссертаций по социологии (социальная структура, социальные институты и процессы).

10. Становление в рамках Болонского процесса трехступенчатой системы образования.

11. Участие сотрудников кафедры и лаборатории, вузов города в работе конференций (республиканские, всесоюзные / российские, международные), а также публикационная активность: издание коллективных и индивидуальных научных работ, дающих представление об образе повседневной жизнедеятельности населения региона.

Социологическая школа в регионе формируется с участием творческих коллективов, сложившихся в других учебных и научных учреждениях Казани и республики: это социологи Казанского национального исследовательского

технического университета (КНИТУ-КАИ), Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ-КХТИ), Центра перспективных экономических исследований АН РТ, Отдела этнологии и Центра этносоциологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и многих других.

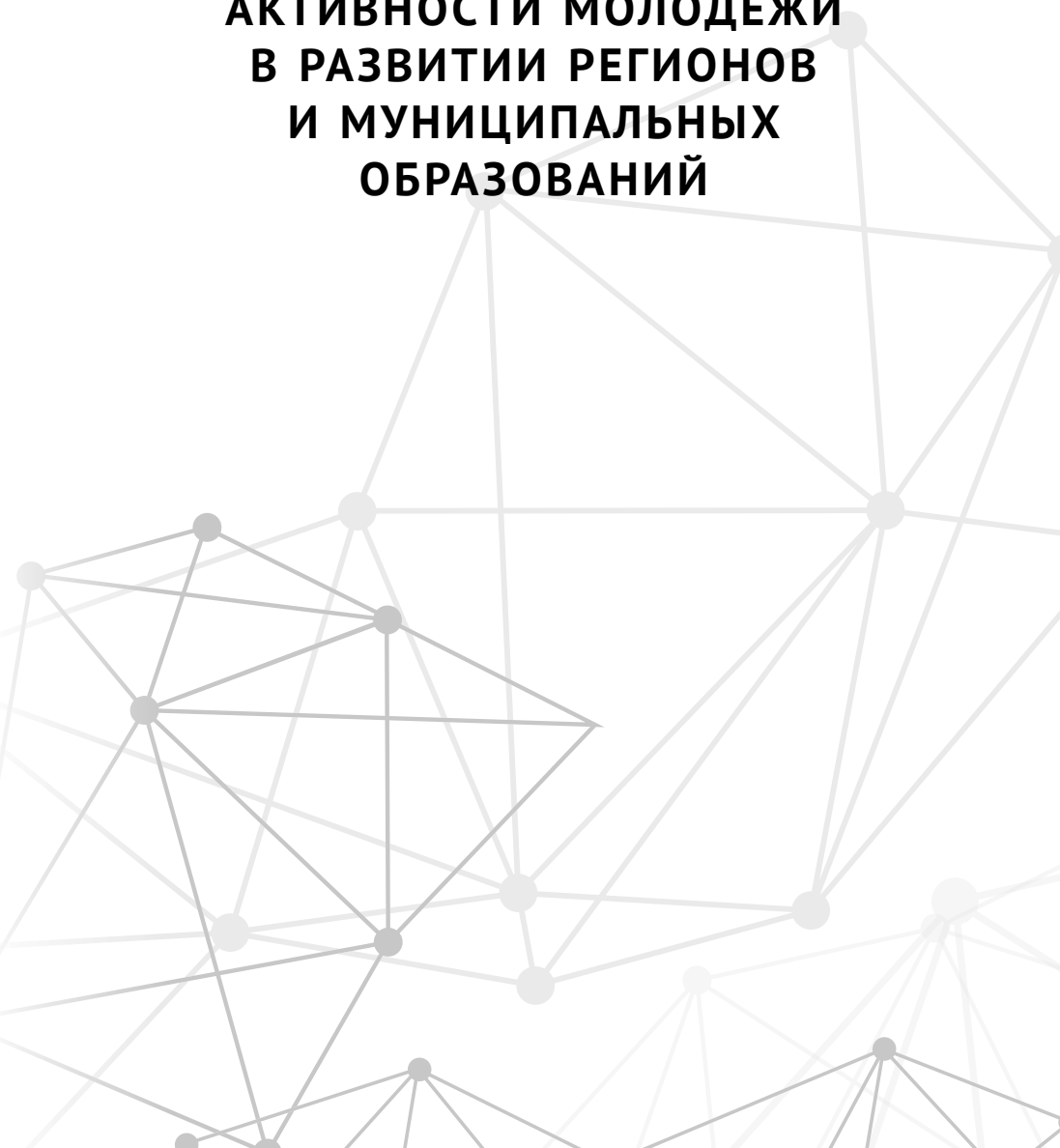
Социология в республике прошла непростой путь развития: от первых полевых исследований, в центре внимания которых были, наряду со студенческой проблематикой, темы, связанные с состоянием религиозного сознания и поведения населения, трудовой активностью рабочего класса, к масштабным проектам различной тематической направленности, в том числе междисциплинарным, в сотрудничестве с медиками, экологами, юристами, философами; от деятельности первых «наивных» исследователей к работе остепененных профессионалов; от преобладавших «количественных» методов в виде формализованных опросов к полноценным исследованиям, сочетающим как «количественную», так и «качественную» стратегии; от парадигмального подхода к изучению социальной реальности к полипарадигмальному; от замкнутых в территориальном пространстве исследований к масштабным проектам в сотрудничестве с учеными других стран. В результате наряду с существованием в стране социологических школ, сложившихся в Москве, Ленинграде — Санкт-Петербурге, Новосибирске, Тюмени, Перми, Уфе, Самаре, можно говорить о функционировании подобной научной школы в Казани, в Республике Татарстан.

Источники

1. Живая связь поколений / под ред. В. З. Гарифуллина, Д. В. Туманова. — 2-е изд. — Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. — 88 с. + фотографии/
2. Ахметова С. А. Социология в Казанском университете: исторические и современные реалии // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. — № 1/2. — Казань : Академия наук РТ, 2017. — С. 135–142.
3. Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине XX века: Межвуз. сб. / под ред. А. О. Бороноева. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 367 с. (Российская социология. Вып. 4).
4. Нугаев М. А. Из жизни социолога. Воспоминания и размышления. — Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. — 98 с. + 24 с. (фото).
5. Минзарипов Р. Г. Воспитание в российских университетах: исторический опыт и перспективы. На примере Казанского университета. — Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. — 160 с.
6. Решением Ученого совета ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» принято Положение О лаборатории социологических исследований от 27 июля 2012 г. — URL: kpfu.ru/portal/docs/F997948068/polozhenie_laboratorii.doc.
7. НИЛ «Медико-психо-социальные маркеры здоровья» // Казанский федеральный университет [сайт]. — URL: <https://kpfu.ru/prioritetnye-napravleniya/laboratorii/sae-39translyacionnaya-7p-medicina39/nil-39mediko-psiho-socialnye-markery-zdorovya39>.

СЕКЦИЯ 2

**РОЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ
АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ
В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ**

УДК 316.334.52

DOI: 10.25990/hse.conf-15.g586-w853

МОЛОДЕЖЬ РЕГИОНА КАК СУБЪЕКТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. В. Каргаполова

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва

E-mail: k474671@list.ru

Н. В. Дулина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Аннотация. В теоретическом плане показано, что сущность молодежи как субъекта инновационного развития состоит в создании и распространении новшеств, обладающих потребительной стоимостью — социальной полезностью. На основе результатов эмпирических исследований выявлены тенденции и проблемы формирования молодежи как субъекта инновационного развития конкретного российского региона — Астраханской области.

Ключевые слова: молодежь, инновация, инновационное развитие, субъект инновационного развития, регион.

THE YOUTH OF THE REGION AS A SUBJECT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF THE ASTRAKHAN REGION)

E. V. Kargapolova

Plekhanov Russian University of Economics, Astrakhan

E-mail: k474671@list.ru

N. V. Dulina

Volgograd State University, Volgograd

E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Abstract. It is shown in theoretical terms that the essence of youth as a subject of innovative development is to create and disseminate innovations with consumer value — social utility. The article based on the results of empirical research shows trends and problems of youth formation as a subject of innovative development of a specific Russian region — Astrakhan Region.

Key words: youth, innovation, innovative development, subject of innovative development, region.

Введение

По мнению Н. И. Лапина, современная Россия исчерпала потенциал первого, гетерогенно-реверсивного этапа антропосоциокультурной трансформации. «Предстоит новый этап трансформации, уже гомогенно российской — этап становления рефлексивно-гомогенных институтов инновационного саморазвития...» [1, с. 9]. Одним из субъектов инновационного развития является молодежь — наиболее активная в инновационном плане группа населения, «которая выступает носителем критических взглядов и настроений в отношении существующей действительности, а также новых идей и способностей к творчеству (в силу повышенных, присущих ей чувственности, восприятия, образности мышления и т. п.)» [2, с. 8]. Такие признаки молодежи, как креативность, мобильность, гибкость, современность, имеют устойчивую коннотацию с высокими технологиями, модернизацией, инновациями [3, с. 235].

Степень изученности проблемы

Характеризуя молодежь как субъект инновационного развития, необходимо обратиться к определению самого термина «инновационное развитие». Напомним, что развитие в классическом его понимании — это направленный социальный процесс, и его направленность имеет позитивный характер, то есть приводит к росту определенной переменной величины, на которую ориентирован данный процесс [4, с. 458]. Й. Шумпетером дефиниция «инновация» рассматривается в терминологии мутации, созидательного разрушения, присущего глубинной сущности капитализма [5]. А развитие предполагает потенциал творческого созидания, креативности человека, его интеллектуальной деятельности. Таким образом, подобное понимание инноваций входит в некоторое противоречие с пониманием социального развития.

Кроме того, одной из определяющих характеристик социального развития, дифференцирующих его в ряду социальных процессов, является последовательность временных этапов [4, с. 460], что связывает развитие с категориями закономерности общественной эволюции, социального планирования, управления и прогнозирования. Тогда как категория «инновация» сопрягается с категориями риска и неопределенности, ограниченности информации и государственной политики, несовершенства знания, сложности прогнозирования (Ф. Хайек) [6].

Инновационность определяется ценностями модерна и постмодерна. Исследователи отмечают, что в качестве таких ценностей чаще всего выступают демократия, рыночная экономика, «конкуренция, ценность личности и ее прав и свобод, внутренний локус контроля, развитое правовое государство и гражданское общество, плюрализм, свобода слова и прочие политические и экономические свободы и т. п. ... Однако содержание перечисленных выше понятий менялось по мере перехода от свободного капитализма

к регулируемому рынку, а затем к господству глобальных монополий. Замена реальности симулякрами и конструктами в эпоху постмодерна делает интерпретацию современности в целом и ее признаков в частности еще более сложной и спорной. Трудно определить, например, что собой представляет конкуренция в мире доминирования глобального капитала, или чем является гражданское действие в условиях практически безграничных возможностей манипуляции общественным мнением и поведением отдельных субъектов» [7, с. 8–9]. То есть затруднительной становится идентификация целей и критериев инновационного развития.

Необходимо также отметить, что инновация в русле западноевропейской рефлексии – это новшество, внедряемое в общественную среду, то есть формирующееся под влиянием внешних факторов, возбудителей. Тогда как социальное развитие – это направленная последовательность социальных изменений, которая «приводится в движение и действует, получая соответствующие импульсы от механизмов, находящихся внутри данного общества – имманентных, эндогенных, замкнутых в рамках данного общества... Процессы, вызванные внешними факторами, не называются развитием, это скорее реактивные или адаптационные процессы» [4, с. 458]. Действительно, понятие «инновация» рассматривается в диалектической взаимосвязи с категорией «адаптация». Совершенно справедливо ряд исследователей вслед за Р. Мертоном определяет инновацию как аномию, нелегальную адаптацию, состоящую в достижении предлагаемых и навязываемых культурой целей вне одобряемых обществом возможностей [8–9]. Последствия внедрения инноваций без учета этих возможностей угрожают стабильности общества, устойчивости развития по причине генерируемого процессом быстрых перемен «нормативного вакуума» и размытости критериев различения между легальным и нелегальным, конформным и девиантным. В результате и основной поток активности, в котором реализуются как институциональные изменения, так и адаптация к этим изменениям, обретают характер и смысл «немножко нелегальных, полуполигальных, легальных в определенном смысле» [10, с. 99]. Инновация, на наш взгляд, может пониматься как устойчивое изменение, жизнестойкость которого обеспечивается при адаптации к существующей системе ценностей. В результате адаптации инновация становится доступной для использования субъектами взаимодействия в социальном пространстве.

В основе развития, понимаемого как инновационное, зачастую лежит стратегия концентрации на перспективных направлениях научно-технического, технологического, экономического и иного развития [10, с. 96–97]. В. В. Гольберт показывает бесперспективность и губительность воплощения подобных стратегий в реальном пространстве-времени современности [10]. Так, например, как отмечает С.С. Бахтина, «несмотря на непрерывный рост затрат на технологические инновации, совокупный уровень инновационной активности в России остается достаточно низким» [11, с. 187].

Согласно В. Я. Ельмееву, развитие, в отличие от изменений, не сводится к изменениям внутри социальной системы. Оно предполагает прежде всего

«преобразование, причем постоянное, условий существования социальной системы» [12, с. 407]. Социальное развитие – это превышение результатов над предпосылками, воспроизводство общественной системы в результате трудовой деятельности, создающей не стоимость (прибыль), а потребительную стоимость (социальную полезность) [12, с. 408–409]. Таким образом, инновации, исследуемые в контексте социального развития, необходимо понимать как полезные новшества (новые знания, идеи, технологии, товары, услуги, методы управления, процессы, социокультурные образцы и т. д.), для создания, разработки, внедрения и распространения которых имеются соответствующие условия и возможности [12].

К сожалению, воплощение идей инновационного развития в современной жизни зачастую происходит через имитацию социальной полезности внедряемых новшеств, которые приносят прибыль небольшой группе людей, а не создают потребительную стоимость, то есть не становятся социально полезными для большинства членов социума. Исследователями подчеркивается значимость социальной полезности внедряемых новшеств, социальных аспектов инновационной деятельности, что связывается «с переходом от линейных к нелинейным инновационным процессам, в которых решающим фактором становится взаимодействие акторов, кооперативная поддержка и сотрудничество» [2, с. 4].

В настоящее время активно разрабатывается категория «социальная инновация», под которой понимается созданная акторами или группами акторов, принятая и институционализируемая как новая социальная практика для удовлетворения общественных потребностей и решения проблем наилучшим, чем это сложилось, образом в определенных областях деятельности [2, с. 5]. Как подчеркивает А. А. Шабунова, «в условиях исчерпания традиционных ресурсов экономического развития и переходом экономически развитых стран к постиндустриальной стадии общественного развития, с характерным для нее усилением роли современных технологий (информационных и др.), социальные инновации являются определяющим фактором социокультурного развития и модернизации общества» [14, с. 91].

Принимая во внимание все вышесказанное, можно сказать, что молодежь как субъект инновационного развития – это авангард создания социально полезных новшеств, распространение которых приводит к удовлетворению подлинных социальных потребностей людей. Необходимо отметить, что молодежь, хотя и с готовностью откликается на вызовы современности, но в то же время несет на себе и ее риски. Так, по результатам эмпирических исследований, проведенных Вологодским научным центром РАН в 2016 г., «примерно в половине случаев молодые люди не проявляют себя в творческом плане, каждый четвертый готов заниматься творчеством в условиях возникновения практической необходимости и только у небольшой части молодежи (5 %) творчество на постоянной основе является следствием внутренних мотивов» [2, с. 8].

Методы исследования

Рассмотрим социокультурные характеристики молодежи как субъекта инновационного развития одного из регионов России — Астраханской области. Источник эмпирической информации — результаты мониторингового социологического исследования, проведенного под руководством Е. В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне — Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). Первый этап был проведен в январе 2010 г. ($N=1000$), второй — в мае-июне 2012 г. ($N=600$), третий — в апреле-мае 2016 г. ($N=1000$). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки — 3%. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Проведен межпоколенческий анализ результатов на основе таблиц сопряженности.

Результаты

По результатам опроса среди молодых людей Астраханской области в 2010 г. в официальном браке состоял примерно каждый третий, в 2016 г. — только каждый четвертый-пятый (22%). То есть снизилась доля состоящих в браке, снизилась также доля холостых (с 64 до 59%), но в 2016 г. в анкете при ответе на вопрос «Ваше семейное положение» появился вариант «живете вместе, но не зарегистрированы», который выбрал примерно каждый десятый молодой астраханец. В молодых семьях снижается также количество детей: если в 2010 г. среди молодежи региона было 70% бездетных, у 23% один ребенок, то в 2016 г. — 76% бездетных и 15% один ребенок. Данная тенденция отражает ситуацию аномии, когда отказ от традиционных ценностей с опорой на либеральный образ «инноватора», ценителя личного успеха, комфорта, потребления приводит к разрушению системы морально-нравственных ориентиров населения и далее к кризису социального института семьи, репродуктивному угасанию и старению нации. В. Э. Багдасарян отмечает, что глобализационные варианты развития, протекающие вразрез с цивилизационной идентичностью территориальных сообществ, приводят к снижению уровня рождаемости. При сохранении традиционных ценностей реализация инновационных, модернизационных процессов не приводит к кризису репродуктивности [15].

Среди молодых астраханцев снижается (с 31 до 18%) доля лиц с начальным специальным (профессиональным) и средним специальным (профессиональным) образованием и растет доля с незаконченным высшим и высшим образованием (с 48 до 59%). Данные результаты являются следствием

значительного снижения числа учреждений НПО и СПО, уменьшения численности учащихся данных учреждений и их выпуска в регионе в целом. Численность студентов вузов в регионе за период 1990–2010 гг. увеличилась значительно и по статистической информации [16; 17]. Это обстоятельство, на первый взгляд, должно существенно обогащать человеческий капитал и инновационный потенциал населения региона. Действительно, исследователи динамики человеческого развития отмечают, что по показателям продолжительности жизни и доходам населения Россия уступает многим государствам со средним уровнем человеческого развития. И главной причиной, по которой России удается занимать высокие позиции в рейтинге Индексов человеческого развития, — высокий уровень образованности населения. «Степень охвата образованием в России — одна из высоких в мире, по начальному и высшему образованию эти показатели даже выше, чем в Норвегии — стране, длительное время лидирующей по уровню развитию человека. ... Однако удельный вес государственных расходов на функционирование этой важнейшей для общества отрасли экономики в России ниже, чем в странах, добившихся больших достижений в области человеческого развития... Беспокойство вызывает то обстоятельство, что численность студентов, обучающихся по программам высшего образования, в России быстро сокращается (в 1,6 раза за 2010–2017 гг.), в то время как в большинстве стран, добившихся высоких показателей по уровню развития человека, этот показатель растет» [18, с. 332–324]. Общероссийская тенденция сокращения численности студентов вузов зафиксирована и в Астраханской области: число студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры снизилось с 444 чел. на 10000 населения в 2010/2011 уч. г. до 420 чел. на 10000 населения в 2015/2016 уч. г., то есть на 5%. При этом численность профессорско-преподавательского состава организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, за этот же период снизилась с 2334 до 1943 чел., то есть на 17% [17]. Отдают ли себе отчет «эффективные» менеджеры, «оптимизирующие» систему высшего образования путем сокращения профессорско-преподавательского состава, о последствиях их деятельности? Отдают ли себе отчет «эффективные» менеджеры о последствиях технологизации в образовании, результатом которой является лояльность ценностям организации, практически несовместимая с креативностью, так необходимой как инноватору, так и простому человеку, существующему в текучей современности рисков и неопределенностей? Отдают ли себе отчет «эффективные» менеджеры о последствиях внедрения подушевого финансирования в образовании, которая значительно нивелирует возможность получения абитуриентом качественных образовательных услуг, а значит, и знаний, умений и навыков, так необходимых для инновационного развития?

Каждый четвертый молодой астраханец оценивает состояние своего жилища как старое и ветхое, только каждый шестой-седьмой — как новое, более половины (58%) — «не новое, но в хорошем состоянии». Подобные оценки отражают состояние антропогенной среды региона, которую трудно назвать

инновационной. При этом молодежь чуть более оптимистично, чем взрослые и пожилые, оценивает состояние окружающей среды по таким индикаторам, как чистота воздуха и воды. Причем к 2016 г. доля молодых оптимистов выросла (по чистоте воздуха с 71 до 76 %). Это противоречит тенденции ухудшения объективных показателей состояния воздуха и воды в регионе, фиксируемой экологами [см., например, 19], свидетельствует о падении планки социальных притязаний населения региона и снижении качества жизни населения, что является одной из целей инновационного развития.

О качестве социальной среды региона свидетельствуют также ответы астраханцев на вопрос «Насколько безопасно Вы себя чувствуете, когда идете в одиночестве в том районе, где Вы живете, после наступления темноты?». В полной безопасности чувствует себя только каждый четвертый представитель молодого поколения, только каждый пятый взрослый и каждый десятый пожилой человек. На вопрос «Были ли случаи за последние пять лет, когда Вы или члены Вашей семьи стали жертвами грабежа, нападения, насилия?» положительно ответило 21 % молодежи, 19 % взрослых и 23 % пожилых.

Молодое поколение астраханцев чувствует себя более защищенным, чем взрослые и пожилые, от таких социальных опасностей, как экологическая угроза, произвол чиновников и правоохранительных органов, бедность, преступность. Причем по всем вышеперечисленным острым социальным опасностям показатели защищенности у молодежи выросли, за исключением бедности. Примерно каждый третий молодой астраханец чувствует себя незащищенным от одиночества и заброшенности, что противоречит классическим подходам к определению молодежи как социально-демографической группы, которая находится в активной стадии процесса социализации, и свидетельствует о существенных деформациях данного процесса. Среди молодежи (как и среди других возрастных групп) с 2010 по 2016 г. растет чувство незащищенности от преследования за политические убеждения (как тут не поверить, что население обладает свойством проскопии, предвидения неких предстоящих событий?), от притеснений из-за возраста или пола (с 9 до 16 %), от ущемления по национальному признаку и религиозным убеждениям (с 11 до 19 % и с 6 до 17 %). Напомним, что Астраханская область – многонациональный и поликонфессиональный регион, основу культурного капитала населения составляли исторически сложившиеся традиции терпимости, но эпоха «толерантности» почему-то проецируется в сознании населения региона ростом чувства незащищенности по национальному и религиозному признакам.

Интересно отметить, что рост незащищенности от опасности притеснений из-за религиозных убеждений среди молодежи сопровождается также ростом религиозности. Так, если в 2010 г. 41 % молодых людей однозначно идентифицировали себя с верующими людьми, то в 2016 г. эта категория составила уже 53 %. Но выросла также на 5 % доля неверующих и атеистов. Среди молодежи за весь период исследования около 60 % православных и 30 % мусульман.

Доля полностью удовлетворенных своей жизнью молодых астраханцев осталась в исследуемом периоде неизменной — 23 %. Увеличилась доля

выбравших вариант «скорее удовлетворен» при снижении доли неудовлетворенных в жизни. В итоге коэффициент удовлетворенности жизнью у молодых людей вырос, но этот рост статистически не значим. Ухудшились краткосрочные ретроспективные оценки положения семьи (с 48 до 36%), причем молодежь более категорична в этих оценках, чем взрослые и пожилые. То же самое прослеживается при анализе краткосрочного оптимизма (снижение с 67% до 43%), и молодежь также более категорична, чем взрослые и пожилые. И это уже опасный симптом. Но молодежь также продолжает демонстрировать самый высокий среди возрастных групп уровень долгосрочного социального оптимизма, значения которого выросли на 6% по доле вполне уверенных в своем будущем. В итоге значение коэффициента защищенности осталось неизменным, коэффициент удовлетворенности жизнью вырос на 3%, коэффициент долгосрочного оптимизма — на 4%, краткосрочные ретроспективные оценки снизились на 7%, уровень краткосрочного оптимизма — на 5%, индекс оптимизма в целом — на 3%, а итоговое значение индекса социального самочувствия молодежи региона остались неизменными.

В результатах мониторинга зафиксированы противоречивые тенденции в отношении молодых астраханцев к малой родине. Так, при ответе на вопрос «Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?» доля выбравших вариант ответа «в нашем регионе люди живут лучше, чем во всех соседних» среди молодежи увеличилась с 11 до 17%. Но также увеличилась доля выбравших вариант «в нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних» с 17 до 22%. Увеличение доли положительных и отрицательных оценок произошло за счет снижения доли затруднившихся ответить с 17% до 8%. Отметим также, что доля отрицательных оценок превышает долю положительных за весь период исследования.

Примерно каждый восьмой опрошенный представитель молодого поколения за весь период исследования демонстрирует миграционные намерения выезда за пределы региона и страны. Эмпирические исследования зафиксировали данные намерения и в других регионах России. Исследователи считают сформировавшийся в российской провинции миграционный паттерн поведения опасной инновацией, так как «он не сводится к действиям, в основе которых лежит недостаток рабочих мест и поиск более высокой зарплаты. Данная модель поведения у молодых людей включает в себя установку на большие возможности для проведения досуга, который предоставляет им столичный город, и на сравнительно легкий труд» [7, с. 14].

Отметим также значительный рост (с 11 до 19%) доли тех молодых людей, которые не испытывают особых чувств к своему региону. Эта тенденция, но в меньшей степени, затронула даже пожилых и отражает одну из характеристик постмодерна последних десятилетий – трансформацию процесса глобализации, которая «осуществляется посредством формирования сетей и потоков. Локальность теряет значение и деградирует, если она оказывается вне потока или узла глобальной сети. Обратной стороной господства высоких технологий и соответствующих социокультурных паттернов в узлах

и потоках является архаизация сообществ, точнее — своего рода новое варварство, поскольку традиция в них тоже утрачена, а точнее, уничтожена модернизационными процессами» [7, с. 10].

Тенденции архаизации в Астраханской области, на наш взгляд, достаточно ярко проявляются при анализе иерархии базовых ценностей астраханцев: по результатам последней волны исследования, 2016 г., зафиксировано резкое падение степени поддержки этих ценностей по сравнению с результатами первой волны, 2010 г. Проведенное исследование базировалось на методике изучения структуры ценностей Н. И. Лапина. Отличительной особенностью данной методики является выявление кластеров ценностей, которые являются основными ориентирами в поведении индивидов. В данной методике используются 14 базовых ценностей, распределенных в иерархическом порядке, по признаку наиболее основополагающего характера для индивида [20, с. 28]. В процессе анализа ценности также были разделены на два кластера: интегрирующий и дифференцирующий. Суть подобного разделения в придании дополнительного смысла каждой ценности, так, для интегрирующих — это функция интегрирования, а для второго кластера — функция сохранения и преобразования социальной структуры [20, с. 31].

На основе межпоколенческого анализа определим иерархию базовых ценностей молодежи региона, степень межпоколенческой преемственности/разрывов в структуре ценностных ориентаций астраханцев. В первую очередь необходимо отметить, что среднее значение поддержки базовых ценностей для каждой возрастной группы находилось в 2016 г. в пределах 3,54–3,58 баллов. Это позволяет сказать, что в целом весь приведенный список ценностей в той или иной мере является одинаково основополагающим для каждой возрастной группы, а различия проявляются в обратно пропорциональной зависимости для части переменных.

Различия между группами «молодежь» и «взрослые» не составляют в 2016 г. более 5% в 10 случаях из 14. Отличия более 5% обнаруживаются в таких переменных, как: своевольность (10,4%), порядок (5,1%), независимость (6,3%), традиция (7,1%). Молодежь больше предпочитает своевольность (и это тревожный симптом), а три другие переменные более характерны для взрослой части населения.

Еще больше различий было обнаружено при сравнительном анализе молодежи и пожилых. Более половины переменных (8 из 14) статистически различаются для групп «молодежь» и «пожилые»: своевольность (23,9%), властность (22,5%), традиция (15,7%), порядок (8,4%), благополучие (7,7%), жертвенность (6,3%), свобода (5,7%), семья (5%). Своевольность, свобода и властность в значительной мере более актуальны для молодежи, в то время как пять других переменных присущи людям старшего возраста.

После нахождения отличительных для каждой группы переменных, были установлены общие для всех возрастных групп ценностные ориентации по степени их поддержки. В 2016 г. это нравственность, инициативность и жизнь человека. Несмотря на количественные отличия, необходимым

представляется анализ кластеров ценностей, что позволит выявить являются ли межпоколенческие отличия качественными. После распределения изучаемых переменных по кластерам, были получены следующие результаты. Во-первых, для населения Астраханской области в 2016 г. предложенные ценностные ориентации не являются основополагающими, так как не наблюдается переменных в диапазоне интегрирующего ядра (свыше 4,4 балла). Во-вторых, для групп «молодежь» и «взрослые» не наблюдается никаких качественных отличий во всех кластерах (разница лишь в иерархии внутри кластеров). Отличия имеет только группа «пожилые»: две переменные в данной группе переместились из дифференцирующего кластера в интегрирующий. И таким образом, интегрирующий кластер ценностей у людей старшего возраста больше, чем у молодежи и взрослых, что является свидетельством большей степени устойчивости системы ценностных ориентаций пожилых.

Основываясь на результатах проведенного анализа, можно сказать, что в качественном плане в 2016 г. не наблюдается значительных отличий между возрастными группами. Однако заметна тенденция: чем моложе возрастная группа, тем менее актуальны для нее базовые ценности.

Необходимо отметить, что в 2010 г. межпоколенческие различия в системе ценностей астраханцев были выражены ярче: у молодежи в интегрирующем ядре ценностей находилась одна ценность, у взрослых две, у пожилых три. Различия также касались числа ценностей в интегрирующем резерве (у молодых — семь, у взрослых и пожилых — по шесть), в оппонирующем дифференциале (у молодых и взрослых по четыре, у пожилых — три).

Анализируя динамику системы ценностей у астраханской молодежи, еще раз подчеркнем, что падение поддержки базовых ценностей «лишило» в 2016 г. молодежь, так же как и остальные возрастные группы астраханцев, интегрирующего ядра ценностей, что проявляет тенденции архаизации, новое варварство. В интегрирующем резерве ценностей молодежи осталось четыре ценности из семи — жизнь человека, общительность, семья, порядок. Либеральные, западные ценности благополучия, свободы и независимости перешли из интегрирующего резерва в оппонирующий дифференциал, то есть в группу ценностей, которая не разделяется большинством членов общества. Но вместе с этими ценностями в оппонирующий дифференциал перешла и ценность традиции.

Данная ситуация может быть описана в терминологии аномии, нормативно-ценностного вакуума, который заполняется опасными инновациями — симулякрами ценностей потребления, успеха, комфорта, вседозволенности. А как отмечает Н. И. Лапин, «модели саморазвивающихся инновационных сред соответствуют положениям постнеклассической научной рациональности, в центре внимания которой оказывается этика стратегических субъектов саморазвивающейся среды, ориентирующая их на сохранение их целостности и их сборку» [1, с. 12].

Знания, умения, навыки молодежи как субъекта инновационного развития реализуются ею, прежде всего, в экономической деятельности. Но, как

отмечает Г.Р. Баймурзина, положение молодежи на рынке труда в современной России остается наиболее сложным и противоречивым: «Общими глобальными вызовами являются развитие нестандартных форм занятости, расширение прекарного труда и дефицит социальной стабильности и защищенности; все большее расхождение между спросом и предложением на рынке труда; растущие неравенство и социально-экономическая дифференциация; усложнение управляемости социально-трудовых и производственных отношений. На фоне этих явлений, разные страны и регионы переживают и решают собственные проблемы (роботизация, безработица и цифровое неравенство, рост числа NEET среди молодежи, приток и адаптация мигрантов, неформальная занятость, утечка молодых и квалифицированных кадров и др.)» [3, с. 235]. Данные тенденции своеобразно преломляются в занятости молодежи Астраханской области. В 2016 г. более половины из них работают в государственном секторе, причем больше всего (20%) — в органах государственной власти, каждый шестой-седьмой — в бюджетных организациях (школах, поликлиниках и т. п.) и на государственных, муниципальных предприятиях. Наиболее предпочтительной желаемой работой являются органы государственной власти или местного самоуправления, где хочет работать уже каждый третий молодой человек, тогда как в бюджетных организациях и на государственных предприятиях желают работать меньше, чем в реальной жизни (10 и 11% соответственно). На наш взгляд, данные результаты отражают одно из проявлений опасной инновации — паттерна успеха и комфорта. «Работник в условиях современной модернизации должен быть ориентирован на успех (в значении карьерного роста), на более высокий уровень потребления, на комфорт. Установка на успех и достижительность вытесняет традиционные ценности труда, ориентацию на поиск “своего дела”. Содержание труда становится вторичным или вовсе теряет значение, важным является лишь возможности карьерного и экономического роста» [7, с. 14]. Вероятно, у молодежи сложился стереотип, что успех и комфорт быстрее и проще всего достигается среди занятых в органах государственной власти.

В частном секторе экономики занято 37% молодых людей, что на 14% меньше, чем число занятых в государственном секторе. Причем больше всего (18%) занято на частных предприятиях, не находящихся в личной собственности опрашиваемых. Это отражает состояние рыночных отношений в регионе. 42% молодых людей выбрали в качестве желаемого места работы предприятия рыночного сектора, что на 11% ниже доли желающих работать в государственном секторе. Только 6% заняты на собственных предприятиях. Хотя 23% молодежи хотели бы работать на собственных предприятиях, и эта цифра может отражать инновационный потенциал молодежи области.

Среди типов трудовой мотивации за весь период исследования преобладающей является мотивация «иметь пусть небольшой, но твердый заработок». Это нерыночный тип мотивации стабильности. Доля приверженцев этого типа мотивации выросла с 2010 по 2016 г. с 44% до 51%. Тогда как доля тех, кто мотивирован иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск, напротив,

снизилась с 23 % до 15 %. И в итоге, если в 2010 г. у молодежи Астраханской области преобладал рыночный тип трудовой мотивации (50 % против 44 %), то в 2016 г. — нерыночная мотивация стабильности (46 % против 51 %). Подобные тенденции зафиксированы среди молодежи в более благополучном по сравнению с Астраханской областью в экономическом плане — Тюменском регионе — по результатам эмпирических исследований по аналогичной методике. «Молодежь действительно выделяется среди остальных возрастных групп более “рыночным” типом трудовой мотивации, но, тем не менее, даже в этой группе преобладает мотивация “стабильности” — низкий уровень притязаний, согласие на малое при гарантии стабильности в завтрашнем дне... Соответственно, предположение, что рыночно ориентированный тип трудовой мотивации будет преобладать среди нового поколения, социализация которого происходила в сугубо рыночных условиях, не подтверждается... Несмотря на длительность проводимых рыночных реформ, патерналистские настроения молодежи не уходят в прошлое, а мотивация “стабильности” только усиливается... Ожидания, что за тридцать лет произошла адаптация к рынку и теперь будет фиксироваться рост доли готовых вести свое дело (потенциальных предпринимателей), особенно у молодежи, не оправдалась» [21, с. 328–330].

Масштабы отчуждения от результатов труда в современной российской рыночной экономике превышают рыночную мотивацию труда населения. Это отражается в результатах опроса. Каждый десятый молодой астраханец весь период исследования идентифицирует себя с нищими, доля бедных при этом выросла с 13 до 16 %, еще более существенно — доля необеспеченных (с 16 до 23 %), при снижении доли обеспеченных с 30 до 28 % и сохранении доли зажиточных и богатых на прежнем уровне. Снижение планки социальных притязаний проявляется у астраханцев в росте самоидентификации с высокими социальными слоями — выше среднего (с 6 до 15 %) и средним (с 34 до 61 %) — при росте необеспеченных и снижении доли обеспеченных при выборе характеристик материального положения. При этом на вопрос «Достаточно ли эффективны действия государства для сокращения больших разрывов между доходами различных групп населения?» вариант «достаточно эффективны» выбрали 13 % молодых астраханцев, 7 % взрослых и только 3 % пожилых. Вариант «недостаточно эффективны» выбрали по 44 % во всех возрастных когортах, вариант «совсем нет действий» — 33 % молодежи, 38 % взрослых и 42 % пожилых. 35 % молодежи предпочли бы сохранить одинаковый для всех подоходный налог, тогда как среди взрослых эту позицию разделяет каждый четвертый, а среди пожилых — только каждый десятый. За введение небольшого повышения для высокодоходных групп выступает 30 % молодежи, 35 % взрослых и 37 % пожилых. Пожилые также активно выступают за небольшое повышение для среднедоходных групп и значительное для высокодоходных (30 % пожилых против 17 % взрослых и 13 % молодых). Эти результаты свидетельствуют об уровне финансовой грамотности молодежи, которая родилась уже в эпоху капитализма в России и должна бы лучше разбираться в финансовых вопросах, чем пожилые. Но результаты не в пользу молодых...

Выводы

Неоднозначность, а порой и противоречивость тех определений, которые дают авторы понятиям «инновация» и «инновационное развитие», лишний раз свидетельствует о сложности и «многоликости» их проявления в реальной жизни. Смещение в настоящее время вектора научного поиска в сторону «социальной инновации» дает возможность лишний раз подчеркнуть, что любая инновация, входящая в жизнь социума, не только исходит от человека и создается им, но и должна быть направлена на удовлетворение социальных потребностей и решение проблем, возникающих в обществе, на укрепление, воспроизводство общества в целом. Вряд ли стоит особо доказывать, что инициатором и «движителем» всех нововведений в стране в силу своих социально-демографических характеристик, в первую очередь, выступает молодежь.

В силу большого разнообразия и многообразия регионов, имеющих свои социальные, религиозные, поселенческие и т. д. особенности, но составляющих единую, целостную Россию, потребности и проблемы, с которыми сталкивается население в отдельных регионах, могут значимо различаться. Наблюдая тенденции как общего, так и инновационного развития Астраханской области в течение последних десятилетий, можно констатировать следующее.

Молодежь Астраханской области в структуре населения занимает значительную роль. По статистической информации на 1 января 2017 г., в регионе проживает 191 114 молодых людей, то есть примерно каждый пятый житель области представляет данную возрастную социально-демографическую группу [22]. Результаты, полученные в ходе социологического исследования, говорят о том, что среди молодежи региона растет доля с незаконченным высшим и высшим образованием, что, казалось бы, должно способствовать инновационному развитию территории. Однако рассчитывать всерьез на молодежь в процессе естественного воспроизводства населения региона не приходится, поскольку наметилась явная тенденция на снижение количества регистрируемых браков и количества детей в семье. И в целом ухудшились оценки положения семьи, причем молодежь более категорична в своих оценках, чем взрослые и пожилые жители. Можно предположить, что данная тенденция является следствием общего ухудшения ситуации в регионе. Так, доля отрицательных оценок того, что астраханцы живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов, превышает долю положительных за весь период исследования. Подтверждается данная оценка и тем, что почти каждый восьмой опрошенный представитель молодого поколения декларирует свои миграционные намерения, причем выезд не только за пределы региона, но и страны. Более того, заметно выросла доля молодых людей, не испытывающих особых чувств к своему региону. Полагаем, что подобная ситуация во многом определяется другой тенденцией, развивающейся в регионе, а именно изменением системы базовых ценностей, а точнее степени их поддержки.

Знания, умения, навыки молодежи как субъекта инновационного развития реализуются ею, прежде всего, в экономической деятельности. В частном секторе экономики занято чуть больше трети (37 %) опрошенных молодых людей, и это меньше, чем число занятых в государственном секторе, а основной мотив трудовой деятельности может быть сформулирован так: «пусть небольшой, но твердый заработок». Молодежь региона, без сомнения, за время реформ не адаптировалась к изменившимся условиям и не готова выступать актором инновационного развития.

К сожалению, цели социально-экономических преобразований на протяжении многих лет формулировались в самом общем и расплывчатом виде как необходимость модернизации для повышения конкурентоспособности. Однако столь серьезные проекты требуют и серьезной подготовки, чего, как свидетельствует практика, сделано не было.

Реализация молодежью региона своего потенциала, готовность преодолевать барьеры, которые встают на пути его капитализации, и пр. возможны в том случае, если к решению проблемы в регионе смогут подойти системно. Любой проект (а проект закрепления молодежи в своем регионе и формирование из нее субъекта инновационной деятельности — для Астраханской области чрезвычайно актуальный проект) от зарождения идеи до полной реализации проходит определенные ступени. Последовательность ступеней образует жизненный цикл проекта, который делится на фазы и стадии, но это уже тема размышлений для другой статьи.

Источники

1. *Лапин Н. И.* Региональные инновационные системы — способ саморазвития российских регионов // Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докл. участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, В. И. Мосин. — Тула : Тульский гос. ун-т, 2018. — С. 7–19.
2. *Устинова К. А., Леонидова Г. В.* Теоретические основы исследования социальной инновационной активности населения // Социальное пространство. — 2018. — № 5 (17). — С. 1–15.
3. *Баймурзина Г. Р.* Занятость молодежи как фактор инновационного развития // Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докл. участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, В. И. Мосин. — Тула : Тульский государственный ун-т, 2018. — С. 234–240.
4. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. — М. : Логос, 2005. — 654 с.
5. *Шумпетер Й. А.* Капитализм, Социализм и Демократия. — М. : Экономика, 1995. — 504 с.
6. *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. — М. : Изограф, 2001. — 256 с.
7. Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: монография / О. В. Аксенова, Н. В. Левченко, А. М. Пахарь, В. Г. Писаревский, М. А. Подлесная, К. В. Подъячев, И. П. Рязанцев, И. А. Халий ; отв. ред. О. В. Аксенова. — М. : ФСНИЦ, 2017. — 207 с.

8. Головацкий Е. В. Политические нововведения: ресурсное обеспечение в современном российском обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 23.00.02 — политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (социологические науки). — Кемерово, 2009. — 53 с.
9. Халий И. А. Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 23.00.02 — политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. — М., 2008. — 49 с.
10. Гольберт В. В. Социально-структурные аспекты инноваций и государственные стратегии мобилизации инновационного потенциала // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. — Т. X, № 4 (41). — С. 94–111.
11. Бахтина С. С. Развитие принципов проектного управления инновационным развитием хозяйственных систем в условиях экономики знаний // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 4–1. — С. 186–193.
12. Ельмеев В. Я. Социальная экономия труда. Общие основы политической экономии. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. — 576 с.
13. Давыдов А. А. Инновационный потенциал России: настоящее и будущее. — URL: www.isras.ru/blog_modern_3.html (дата обращения: 25.04.2011).
14. Шабунова А. А. Социальные инновации как фактор социокультурного развития региона // Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докл. участников XIV Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, В. И. Мосин. — Тула : Тульский государственный ун-т, 2018. — С. 90–100.
15. Багдасарян В. Э. К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной модели демографических процессов. — М. : ЦУП «Научный эксперт», 2006. — С. 11–18.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2005 г. — М. : Росстат, 2005. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b05_14p/Main.htm (дата обращения: 6.06.2019).
17. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2018 г. — М. : Росстат, 2018. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 6.06.2019).
18. Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы // Регионология. — 2019. — Т. 27, № 2. — С. 310–329.
19. Каргаполова Е. В., Дулина Н. В., Островская Е. В., Миронова Ю. Г. Социально-экологическая система региона: тенденции и противоречия (на примере Астраханской области) // Регионология. — 2018. — Т. 26, № 3. — С. 538–557. — DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.538-557.
20. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С. 28–36.
21. Андрианова Е. В., Тарасова А. Н., Печеркина И. Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2018. — № 3 (145). — С. 324–343.
22. Астраханьстат. Население 2016–2017 гг. — URL: http://astratstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/astratstat/resources/8008aa804886db86ae98fef7eaa5adf2/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+2016-2017+%D0%B3.pdf (дата обращения: 6.06.2019).

СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Н. М. Лавренюк

ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан»,
Башкирский государственный университет, г. Уфа

E-mail: nmlavr@yandex.ru

Аннотация. Как отмечают ученые (П. А. Сорокин, И. В. Бестужев-Лада, И. В. Наместникова, Л. Н. Гумилев и др.), в развитии общества прослеживаются две силы: первая стремится к равновесию и отталкивает идеи с потенциалом стать инновациями, а вторая — преобразовательная, новаторская сила, связанная с личностным поиском постоянного совершенствования. Поиск новых «идеальных целей» провоцирует молодежь на активность в процессе занятия своего места в социальной структуре. Системная социальная инженерия позволит в региональном разрезе России оценить возможности и ограничения инновационной активности молодежи.

Ключевые слова: молодежь регионов, инновационная активность, развитие, социальная системная инженерия.

SOCIAL SYSTEM ENGINEERING IN THE DEVELOPMENT OF THE INNOVATIVE ACTIVITY OF THE YOUTH IN RUSSIAN REGIONS

N. M. Lavrenyuk

The institute for strategic studies of the Republic of Bashkortostan,
The Bashkir State University, Ufa

E-mail: nmlavr@yandex.ru

Abstract. According to scientists (P. A. Sorokin, I. V. Bestuzhev-Lada, I. V. Namestnikova, L. N. Gumilev, etc.), there are two forces in the development of society: the first tends to balance and repels ideas with the potential to become innovations, and the second — transformative, innovative force associated with the personal search for continuous improvement. The search for new «ideal goals» provokes young people to be active in the process of taking their place in the social structure. System social engineering will allow in the regional context of Russia to assess the possibilities and limitations of innovative activity of young people.

Key words: youth of regions, innovative activity, development, social system engineering.

Введение

Молодежь — потенциальный и реальный актер достижения целей устойчивого развития. Разделяя понимание «многомерности молодежи» [1, с. 18], объяснить развитие инновационной активности возможно с помощью микс-подхода: с позиций институционально-функционального — институционализацию молодежи в сфере инноваций, культурно-аксиологического — формирование моделей мировоззрения по поводу инновационного развития, ресурсного — изучение скрытого потенциала и мотивации его раскрытия будущим активным субъектом инновационных преобразований в социальной жизнедеятельности, с позиций рискологического — поиск вариантов выхода из неопределенности последствий, выгод и угроз создаваемых и распространяемых инноваций. Ключевым является системно-тезаурусный подход к современной молодежи в социологической интерпретации понятия «тезаурус». «Оно маркирует ментальные структуры, придающие смысл обыденным действиям людей и их сообществ», а также предопределяет самые различные отклонения от обыденности и оказывает воздействие на весь комплекс социальных структур, социальных институтов и процессов [см.: 2, с. 132–144]. «Тегаурус представляет собой полный систематизированный состав информации (знаний) и установок в той или иной области жизнедеятельности, позволяющий в ней ориентироваться» [3].

Другое название тезаурусного подхода, в ряду выделенных В. А. Луковым в социальном конструировании реальности объектно-ориентированного и проблемно-ориентированного подходов, — субъектно-ориентированный. Структура знания строится от «своего» к «чужому» в ценностном плане, а функция социальной ориентации кроется в определенном ценностном отношении «свое—чужое» [см.: 2, с. 27] — по аналогии с суждениями Ю. Хабермаса о соотношении «мы» и «другие» [см.: 4, с. 415]. «Во фрагментарном и хаотичном социальном мире целостность общественно значимых действий обеспечивается тезаурусами активной части общества» [3, с. 30], в нашем случае — активной части молодежи. Именно для «субъектного переструктурирования общества», преодоления социальных различий и установления дистанций в зависимости от ситуации в контексте «свои—чужие» молодежь проявляет инновационную активность. Ключевой характеристикой служит личностная зрелость — «включенность в постоянный процесс саморазвития, направленный на достижение адекватного социального функционирования и самоактуализацию» [5, с. 75], что соответствует пониманию инновационной личности (термин Э. Хагена) [6].

Следует заключить, что молодежь — социальный конструкт (позиция Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапка на основе суждений П. Бергера и Т. Лукмана), а «инновационная активность молодежи» — идеальный тип по М. Веберу. Общество формирует идеальное представление о молодежи и ее активности. Сама она как субъект разделяет эти представления или трансформирует их. Аксиологическое восприятие инновационного развития и инновационной

активности, как самоценных и обладающих инструментальным ценным смыслом для успешной самореализации, свойственно интеллектуальным пассионариям. Самореализация — основной мотив в ядре тезауруса наряду с общими разделяемыми ценностями жизни и здоровья, семьи и детей, дохода и благополучия молодежи. Установки и ценности современной молодежи России были изучены в исследовании «30 фактов о молодежи» специалистами Сбербанка методом фокус-группового интервью в 2017 г. Выявлено, что главное для поколения «центениалов» — найти свой путь и быть счастливыми — имеет прямую связь. Работа должна приносить удовольствие, доход и не отнимать много времени, а создание хорошей семьи — более важная цель, чем профессиональная самореализация. Самое комфортное место для центениалов — Интернет-сеть¹ [7]. Характерно стремление к самообразованию через активность по интересам по принципу «век живи — век учись».

«Становится ли каждое новое поколение более инновационным?» — вопрос открытый. Точнее, каждое поколение становится все более образованным, что подтверждают Всероссийские переписи населения. «Интеллектуальный ресурс», как личностная зрелость человека, означает способность к переосмыслению мира, себя и своего способа жизни с учетом социально-значимых ценностей, способность к изменению мира, к созданию новой социальной реальности [см.: 5, с. 79]. Здесь отражается связь интеллекта и инноваций. Интеллектуальное развитие молодых поколений проявляется в росте уровня образованности. Представитель Минской социологической школы Е. С. Бабосова определила инновационный потенциал личности как своеобразный ресурс личности, который при определенных условиях может проявить себя в качестве фактора инновационной активности. «Инновационная активность... — форма активности, которая предполагает выход за границы и пределы устоявшихся установок и поведенческих стереотипов. При этом необходимо наличие таких ситуативных факторов, как инновационные возможности индивида и наличие среды, которая восприимчива к таким возможностям для их реализации» [8, с. 145].

Таким образом актуален еще один подход — средовой (В. Е. Лепский) [9], который объясняет организацию субъектных сред инновационного развития. Среда включает наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей мирового культурного развития и рассматривается как саморазвивающаяся система. Средовая парадигма саморазвивающихся систем и тенденции

¹ Были проведены 18 фокус-групп с детьми и молодежью в возрасте от 5 до 25 лет, 5 фокус-групп с родителями, ряд глубинных интервью с родителями и с учителями-экспертами. Кроме того, исследование включало в себя анализ блогов молодых людей из разных городов России, а также экскурсии (например, в Барнауле и Саратове). Исследование проводилось в конце 2016 г. совместно с агентством Validata. Результатом стал отчет о жизни современной молодежи. В обзоре представлены такие аспекты жизни молодых людей, как обработка информации, отношения с родителями, самовосприятие, установка и ценности, фрустрация и страхи, ожидания от будущего.

увеличения роли средового подхода [см.: там же, с. 130] дают новые возможности в системной инженерии, где каждый автономный и совокупный субъект действует в силу самопричинности активности и внешнего стимулирования среды. Дружественная инновационной активности среда формируется там, где высока плотность отношений по поводу конструирования достойных и плодотворных целей-ценностей. Источниками активности для молодежи могут стать цели-ценности Декларации о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами [10]: «Принцип 1. Молодежь должна воспитываться в духе мира, справедливости, свободы, взаимного уважения и взаимопонимания, чтобы способствовать установлению равноправия для всех людей и всех народов, экономическому и социальному прогрессу, разоружению и поддержанию международного мира и безопасности... Молодежь должна осознать свою ответственность в мире, которым она будет призвана вершить, и ее должна вдохновлять вера в светлое будущее человечества».

Сегодня такая среда формируется в городах, где выше физическая плотность социальных отношений, а также виртуальная активность жителей. Далее посмотрим, как выдвигаемые гипотезы в связи с вышеизложенным можно проверить на основе официальных статистических данных о социально-демографической, образовательной, интеллектуальной, информационной, инновационной и предпринимательской видах активности в регионах России с разным средним возрастом жителей.

Основная часть

Степень изученности темы. Инновационная активность молодежи является видом социальной активности как общества в целом, так и региональных общностей. «Активность» как социальный феномен подвергается исследовательскому дизайну в различных областях знаний: этнологии, географии, социологии, психологии, биологии. Междисциплинарной ценностью обладает энергоемкий подход к ее изучению и концепция пассионарности Л. Н. Гумилева, поскольку инновационная активность зависит от пассионарного напряжения в молодежной среде. Пассионарность как врожденная способность организма позволяет абсорбировать внешнюю энергию и выдавать ее в виде работы [см.: 11, с. 199]. Пассионарность проявляется в стремлении к изменению окружения, «к нарушению инерции агрегатного состояния среды» с той или иной силой, которая фиксируется в обществе. Чем больше пассионариев в популяции, тем значительнее изменения (О. В. Кабанова) [см.: там же, с. 207].

Инновационная активность предполагает организованный характер, т. к. только на организованные, вовлеченные в системы инновационной деятельности субъекты распространяется целеполагание и целедостижение. Такими единицами выступают формализованные социальные единицы (юридические лица: предприятия и организации) и слабо формализованные социальные единицы (физические лица и общественные объединения).

В зарубежной научной литературе выделяют три подхода к определению инновационности субъекта в зависимости от степени принятия им инноваций (Gauvin S., Sinha R. K., 1993): 1) как способность субъекта быть первым во взаимодействии с инновациями; 2) как фактор, повышающий вероятность того, что субъект будет инноватором, 3) как фактор, ускоряющий принятие субъектом новых технологий [12, с. 93]. Инновационность субъекта ряд авторов объясняют личностными факторами, оказывающими влияние на ее основные параметры: Agarwal R., Prasad J. (1998), Goldsmith R. E. (1984), Hirschman E. (1980), Leavitt C., Walton J. (1975, 1965), Robinson L. Jr. (2005), Roehrich G. (2004) и другие. Grewal R., Kardes F. R. (2000) инновационность рассматривают как способность субъекта брать идеи извне и привносить их в систему, компетентно представляя эти идеи. Многие ученые вслед за Й. Шумпетером связывают ее с предпринимательским потенциалом (Kets de Vries M. (1977), Mac-Millan I. (1988), Scheinberg S., Levine P. и другие).

Широкая палитра мнений о детерминантах активности индивидуальных и групповых субъектов представлена в социокультурном подходе. «Активность человека проявляется в его способности организовать свой социальный опыт в виде когнитивных структур: категории Дж. Брунера, конструкты Дж. Келли, смыслы А. Н. Леонтьева, факторы восприятия Ч. Осгуда» [11, с. 15]. «Преобразовательный» характер социальной активности молодежи, ее стремление к высоким идеалам и преодолению трудностей через ситуативный подход объясняют Э. Эриксон и Л. С. Выготский.

С прагматичной точки зрения инновационная активность представляет интерес не сама по себе, а с позиции результатов — эффектов, которые она дает. В рамках конкурентного развития государств инновационная активность обладает целевым содержанием, а предназначение цели — создание или сохранение целого. В современной ситуации наибольшей ценностью для достижения системных результатов обладает методология системной инженерии, как междисциплинарный подход и способ обеспечения воплощения успешной системы [13]. В данном определении «система» автоматически означает культуру системного мышления и технологии работы с ней. Системное мышление признает первичность целого (системы) и первичность отношения взаимосвязей элементов системы с целым, а системный мыслитель знает, как системы вписываются в более широкий контекст повседневной жизни, как они себя ведут и как ими управлять [см.: 14].

Культура технологии работы с успешными системами строится на инженерном подходе междисциплинарного плана, включая социальную инженерию в понимании А. К. Гастева. Ее отличительная особенность в преимущественной направленности не столько на социальное познание (открытие научных фактов или эмпирических закономерностей), сколько на изменение социальной действительности (внедрение инновационных и практических рекомендаций), что означает субъектное преобразование [см.: 15].

Успешность системы означает удовлетворенность ею всеми заинтересованными агентами, а воплощение (realization) — «перевод в реальность».

С позиций системной инженерии тренд-методология создания успешных систем как «целого» сквозным образом проходит через концептуализацию, архитектуру, дизайн и контекст. «Запуск успешных систем неизменно можно отнести к инновационной и эффективной системной инженерии» [14].

Применяя технологию системной инженерии [см.: там же] в развитии инновационной активности молодежи регионов России, акцентируем внимание на следующих вопросах: 1) «Мы строим правильную систему?»; 2) «Мы строим систему правильно?». Адаптируем и используем следующий чек-лист для оценки сложившейся ситуации инновационной активности молодежи в регионах России: 1) «Строим ли мы целое?»; 2) «Ценное целое мы строим?»; 3) «Верно мы строим ценное целое?».

Построим гипотетическую модель из содержательных и методологических гипотез для анализа сложившейся ситуации.

Основная содержательная гипотеза: «Молодежь — инновационно-активный ресурс общества» — устойчивый стереотип, но не вполне верный. В каждом поколении молодых есть инновационно-активные и инновационно-пассивные, т. е. с разной степенью субъектности. Молодежь обладает как количественным, так и качественным человеческим потенциалом. Необходимо дифференцированный подход к изучению и работе как с разными группами внутри молодежной когорты, так и с разными видами и формами ее активности. Само расширение воспроизводства качества в интеллектуально-инновационном развитии каждого поколения не происходит. Возможно, пока не достигнута «критическая масса» этого потенциала (высокий, средний, низкий) в связи с уровнем социокультурной модернизации для ожидаемого руководством государства прорыва в инновационном развитии страны.

Сопутствующие гипотезы:

1) В региональном срезе России разбалансированы социально-демографическая активность молодежи и интеллектуально-инновационная: регионы, «богатые» на социально-демографический потенциал молодежи («молодые регионы»), «бедные» в интеллектуально-инновационном отношении и наоборот: регионы, «богатые» на интеллектуально-инновационный потенциал («старшие регионы»), «бедны» в социально-демографическом отношении. Гипотеза А. Кетле основана на базовых принципах анализа развития населения и причин, влияющих на него: «1. Население стремится к возрастанию в геометрической прогрессии. 2. Соппротивление (или сумма препятствий его развитию) при равенстве прочих условий равно квадрату скорости, с которой население стремится возрасть» [16, с. 163–164]. Следовательно, инновационная активность — это препятствие для возрастания численности населения (количество) и возможность для интеллектуального роста (качество).

2) Регионы обладают разной плотностью процессов создания ценностей: сами по себе «развитие» и «инновации» как терминальные ценности (по Рокичу) важны только для пассионариев (Л. Н. Гумилев), но не для субпассионариев. Для гармоников — они ресурс для гомеостаза. М. И. Коваленко,

ссылаясь на Л. Н. Гумилева, описал несколько градаций пассионарности, а также личностей с «отрицательной пассионарностью» (субпассионариев) и «нулевой пассионарностью» (гармоничных) [см.: 17 // 9, с. 29] Необходимо, чтобы государственная, негосударственная и самостоятельная политика молодежи ориентировалась на формирование продуцирующей ценности среды.

3) Активность вообще и инновационная активность молодежи в частности — проявления как репродуктивной, так и продуктивной видов деятельности. Инновационная деятельность — понятие родовое, есть социальная, технологическая, маркетинговая, организационная, культурная и другие ее виды, которые не обязательно приносят экономический эффект, как минимум прямой. Для общества-системы важна совокупность эффектов с учетом трансформации тезауруса ценностей молодежи [см.: 7].

Базовая методологическая гипотеза: согласно антропосоциетальному подходу (Н. И. Лапин), с одной стороны, в региональном разрезе по-разному проявляются жизнеобеспечивающий и другие виды ресурсов и активности за них между регионами, с другой — «...сегодня на авансцене появляется человек как социальный субъект, действия которого сопоставимы с деятельностью социальных институтов. Этот субъект не только интернализирует нормы и ценности общества, но и воздействует на их компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при непрерывном возрастании (за счет научно-технологического прогресса) обеспеченности ресурсами как групповой, так и персонифицированной деятельности» [18, с. 331]. Способности видеть цель (как прообраз целого, системы, в переводе с греческого) и создавать целое из имеющихся ресурсов — базовые компетенции Субъекта.

Социокультурный потенциал регионов, как структурных единиц дифференциации России, характеризует многомерное социокультурное пространство, производство, распределение, обмен и потребление различных региональных социальных агентов, включая молодежь. Для целенаправленного развития важен не столько сам потенциал, сколько возможности его реализации, капитализации, накопления [19].

Методы и результаты исследования

Проверим гипотезы с помощью приемов ранжирования и группировки на основе официальных статистических данных и готовых рейтингов, отражающих социально-демографическую (жизнеобеспечивающую), образовательную (интеллектуально-развивающую) и инновационную (преобразующую) виды активности молодежи регионов России.

На первом этапе определим возрастную дифференциацию федеральных округов. Средний возраст жителя России на 1 января 2018 г. составил 39,84 года. Самый старший округ — Центральный, а самый молодой — Северо-Кавказский — единственный округ, где средний возраст населения моложе 35 лет. Разрывы в возрасте в округах составили 6,84 года.

В стране города более сбалансированы по возрастному составу в отличие от сел, где сальдо (разрыв между старшими и молодыми средними значениями возраста женщин) составил 10,56 лет, а мужчин — 7,65 лет (см. табл. 1).

Таблица 1

**Средний возраст населения по федеральным округам РФ
на 1 января 2018 г. (лет)**

Федеральные округа	Все население			Городское население			Сельское население		
	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
Российская Федерация	39,84	37,08	42,22	39,81	36,94	42,22	39,92	37,46	42,21
Центральный	41,65	38,77	44,10	41,36	38,51	43,75	42,98	39,93	45,73
Северо-Западный	40,77	37,65	43,45	40,53	37,34	43,20	42,10	39,20	44,84
Южный	40,44	37,77	42,76	40,49	37,62	42,90	40,37	38,00	42,53
Северо-Кавказский	34,81	33,10	36,36	35,86	33,96	37,52	33,77	32,28	35,17
Приволжский	40,16	37,26	42,64	39,65	36,61	42,16	41,45	38,79	43,96
Уральский	38,52	35,88	40,83	38,29	35,58	40,62	39,54	37,14	41,79
Сибирский	38,42	35,74	40,75	38,35	35,46	40,78	38,61	36,44	40,65
Дальневосточный	38,08	35,63	40,34	38,30	35,78	40,56	37,39	35,19	39,62
Сальдо возрастное	6,84	5,67	7,74	5,50	4,55	6,23	9,21	7,65	10,56

Источник: Составлено автором на основе данных Росстата [20].

На втором этапе определим выборочную совокупность для проверки гипотез. В возрастной градации регионов-субъектов РФ выделим три группы со значением среднего возраста населения: I — «молодые» регионы (до 35 лет), II — 35–40 лет — «срединные» регионы (с параметрами возраста, близкими к среднему значению по стране) и III — «старшие» регионы. Поскольку в число молодых регионов (I группа) вошли 6 субъектов РФ, то во II и в III группах выделим примерно по 6 регионов. В центре группы II — Калининградская область с минимальным отклонением от среднего значения по стране. В группу

вошли 7 субъектов РФ с отклонением от среднего значения не более 0,25 года. В III группе — 7 субъектов, замыкающих рейтинг по старшинству (см. табл. 2). По состоянию на 1.01.2018 г. самый молодой регион в стране — Чеченская Республика, а самый старший — Тульская область.

Таблица 2

Выборка молодых, срединных и старших регионов России

Группа	Регион – субъект РФ	Средний возраст жителя (лет)
I – молодые регионы	Чеченская Республика	28,43
	Республика Тыва	29,62
	Республика Ингушетия	31,10
	Республика Дагестан	32,61
	Республика Алтай	34,20
	Республика Саха (Якутия)	34,36
II – срединные регионы	Свердловская область	39,62
	Примоский край	39,65
	Чувашская Республика	39,71
	Калининградская область	39,94
	Вологодская область	40,04
	Московская область	40,07
	Краснодарский край	40,09
III – старшие регионы	Тверская область	42,08
	г. Москва	42,08
	Псковская область	42,09
	Пензенская область	42,36
	Рязанская область	42,63
	Тамбовская область	43,09
	Тульская область	43,11

Определим индикаторы разных видов активности: репродуктивной, образовательной, интеллектуальной и инновационной. Репродуктивная активность показывает интенсивность рождений и оценивается на основе числа рождений на 1000 человек. Образовательная активность показывает уровень использования образования как социального лифта и оценивается через индикатор — число студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, на 1000 населения. Интеллектуальная активность отражает степень продуктивности интеллектуального труда и оценивается через патентную активность (число поданных заявок на получение патентов). Инновационная активность — через число используемых инноваций. Все индикаторы взяты по состоянию на 2017 г. [21].

Таблица 3

**Репродуктивная, образовательная, интеллектуальная и инновационная
активность в регионах России I–III групп в 2017 г.**

Группа	Регион – субъект РФ	Виды активности			
		Репродук- тивная (место/ число родившихся на 1000 че- ловек)	Образова- тельная (место/число студентов вузов на 1000 человек)	Интеллекту- альная (место, подано заявок на изобретения и полезные модели, единиц)	Инноваци- онная (место, удельный вес организаций, осущест- вляющих инновации)
I – молодые регионы	Чеченская Республика	1 (22)	43 (224)	69 (41)	80 (0,2)
	Республика Тыва	2 (21,9)	77 (142)	81–83 (0)	81 (1,8)
	Республика Ингушетия	4 (16,3)	75 (142)	80 (6)	60 (4,7)
	Республика Дагестан	3 (16,4)	67 (165)	22 (325)	78 (2,8)
	Республика Алтай	5 (15,8)	79 (135)	78 (10)	42 (6,8)
	Республика Саха (Якутия)	7 (14,5)	41 (220)	54 (91)	32 (7,09)
II – средние регионы	Свердловская область	23 (12,3)	24 (281)	6 (775)	18 (9,6)
	Приморский край	48 (10,9)	37 (252)	34 (229)	63 (4,5)
	Чувашская Республика	42 (11,1)	26 (253)	41 (175)	1 (24,7)
	Калининградская область	45 (11,0)	44 (192)	50–51 (111)	65 (4,3)
	Вологодская область	41 (11,4)	72 (161)	15 (480)	54 (5,4)
	Московская область	32 (11,9)	83 (85)	2 (3840)	24 (8,9)
Краснодарский край	27 (12,0)	56 (180)	11 (675)	11 (12,2)	
III – старшие регионы	Тверская область	69 (9,9)	60 (176)	37 (208)	26 (8,7)
	г. Москва	54 (10,7)	1 (442)	1 (7794)	7 (14,3)
	Псковская область	77 (9,5)	61 (183)	64 (65)	37 (7,4)
	Пензенская область	82 (8,9)	39 (249)	45 (147)	3 (20,7)
	Рязанская область	70 (9,8)	22 (257)	30 (256)	12 (12,1)
	Тамбовская область	83 (8,6)	29 (266)	56 (89)	16 (11,0)
Тюльская область	81 (8,9)	52 (182)	39 (194)	21 (9,2)	

Источники: [21: репродуктивная активность – с. 61–62, образовательная активность – с. 344–347, патентная активность – с. 940–941, инновационная активность – с. 949–952].

Принимая во внимание только выделенные индикаторы, наблюдается обратно-пропорциональная зависимость между репродуктивной и интеллектуально-инновационной активностью регионов.

Регионы можно поделить на пассионариев с профицитной энергией, субпассионариев с дефицитной энергией и сбалансированные – с уравновешенной энергией демографического и интеллектуально-инновационной активностью. Во всех регионах проживает молодежь, но она различна в своей активности, т. к. обладает разной пассионарностью и интеллектуальным уровнем развития.

«По словам нобелевского лауреата Р. Лукаса, в настоящий момент на первый план выходят более тонкие и не всегда измеряемые факторы: пассионарность, гибкость, предпринимательская активность, стихийная кластеризация талантливых индивидов» [22].

Современные специалисты отмечают, что категории «человеческий капитал», «инновационный потенциал» не достаточны для объяснения успеха в обществе знаний. На авансцену выходит «креативный капитал». Изначально концепцию креативного класса сформулировал Р. Флорида. Согласно его концепции, экономический рост и социальное развитие регионов в XXI веке обеспечивается творческими людьми, «которые предпочитают места, характеризующиеся разнообразием, терпимостью и открытостью новым идеям», и выделены условия — «Три Т: таланты, технологии, толерантность» [23]. Еще А. К. Гастев писал, что «мир машины, мир оборудования, мир трудового урбанизма создает особенные связанные коллективы, рождает особые типы людей, которые мы должны принять, принять так же, как мы принимаем машину» [24]. Дж. Хокинс, К. Шваб отметили значение городов, аккумулирующих креативный капитал, как культурных и инновационных хабов и выделили условия комфортности и привлекательности для креативных людей: развитая инфраструктура, поощрение индивидуальности и возможности для самовыражения [25; 26].

На третьем этапе проанализируем организацию пространства для инновационной активности молодежи с помощью Индекса креативного капитала в версии фонда Calvert 22 и PwC — «системы оценки реализованного и скрытого потенциала городов в сфере новой (креативной. — *Примеч. автора*) экономики» [22] — по результатам значения Индекса в 2017 г. Структура данного индекса многокомпонентная (см. табл. 4), включает пять структурных блоков, которые с разными весами входят в итоговый Индекс. Данная модель отражения капитализации креативного потенциала в городах является вариантом системного инженерного решения и примером организации пространства для стимулирования субъектной позиции молодежи, включая инновационную активность, в рамках социальной конкуренции и поиска вариантов самореализации.

В 2017 г. исследованию были подвергнуты 15 крупнейших городов России. Возглавили рейтинги города Москва (67,58) и Санкт-Петербург (67,22). Москва лидировала по значениям Индекса по блокам: «Бизнес» (80,02), «Бренды» (79,78), «Город» (64,21), уступая Санкт-Петербургу по блокам «Люди» (65,93 — СПб) и «Власть» (66,56 — СПб). На третьей позиции Казань (56,17), за ней Екатеринбург (55,96). Обе столицы регионов выгодно отличает блок «Бренды» (73,30 и 70,34 соответственно). В исследование Индекса из выборки (II группа, см. табл. 2) помимо г. Москвы и Екатеринбурга вошли Краснодар (50,87) — столица Краснодарского края, Владивосток (48,78) — столица Приморского края и Калининград (47,92) — столица Калининградской области, которые по Индексу креативного капитала заняли также промежуточные, срединные позиции (7–9 места). Аутсайдеры рейтинга Индекса — Уфа (14 место, 43,17)

и Омск (15 место, 39,85). Уфа проиграла всем городам по блоку «Власть» (34,38), а Омск — по блоку «Город» (44,48).

Таблица 4

Структура и характеристика компонентов Индекса креативного капитала городов России

№	Структурный блок	Краткая характеристика	Удельный вес в Индексе
1	«Люди»	Описывает особенности креативного сообщества и предполагает анализ как его базовых социально-демографических характеристик, так и индикаторов, отражающих характер общественного взаимодействия: открытость, толерантность, социальная и культурная активность	31 %
2	«Город»	Отражает текущие условия для развития креативной сферы и позволяет диагностировать состояние экономической, культурной, социальной, городской и научно-образовательной инфраструктуры	25 %
3	«Бизнес»	Базируется на общих показателях креативной экономики, оценке количества и качества креативных проектов и анализе инновационной инфраструктуры, необходимой для коммерциализации талантов креативного сообщества	19 %
4	«Власть»	Включает показатели, отражающие степень заинтересованности местных властей в развитии креативных индустрий, а также уровень их открытости	14 %
5	«Бренды»	Иллюстрирует восприятие города и его ключевых креативных брендов во внешней среде и основывается на экспертных опросах и медиа-анализе	10 %

Источник: [22].

Вне оценки методики, остановимся на результатах блока «Люди», который включает помимо прочих составных элемент «активность». Структура и содержание блока «Люди» представлена в табл. 5. Два раздела: 1.1 — «Базовая образованность» и 3.1 — «Креативное сообщество» напрямую связаны с молодежью.

Значения блока показали более высокую социальную активность, чем экономическую. Самыми социально активными признаны жители Москвы (77,05), Санкт-Петербурга (67,44), Екатеринбурга (64,80) и Краснодара (63,14). Экономически наиболее активны жители Москвы (66,03), Санкт-Петербурга (55,80), Тюмени (55,62) и Казани (50,52). Каждый город имеет свои преимущества. Краснодар отличается активным развитием фриланса, Санкт-Петербург — вовлеченностью жителей и т. д. В столицах регионов с развитой креативной средой выше интеллектуальная и инновационная активность населения в целом. Молодежь, соответственно, в условиях самоопределения статусно-ролевого набора актуализирует свою пассионарность в более вариативных условиях, которые стимулируют инновационную активность.

Таблица 5

Структура и характеристика блока «Люди» Индекса креативного капитала городов России (2017 г.)

№	Подблоки	Краткая характеристика разделов подблоков
1	Образованность	<p>1.1. Раздел «Базовая образованность» показывает уровень и качество знаний школьников и абитуриентов. Он включает показатели доли победителей и призеров российских и международных олимпиад.</p> <p>1.2. Раздел «Научно-исследовательские компетенции» показывает уровень развития научного сообщества, а также включенность местных специалистов в мировой научный контекст. Он включает число лиц, являющихся авторами научных публикаций РИНЦ и Web of Science, и количество таких публикаций.</p>
2	Активность	<p>2.1. Раздел «Экономическая активность» помогает оценить возможности для развития частного бизнеса, а также степень самостоятельности предпринимательской деятельности жителей города. Раздел включает число специалистов, работающих в формате фриланс, стартапов и проектных инициатив, зарегистрированных на популярной краудфандинговой платформе, а также степень удовлетворенности уровнем поддержки малого и среднего бизнеса местным креативным сообществом.</p> <p>2.2. Раздел «Социальная активность» показывает уровень вовлеченности бизнеса и жителей в социальную повестку города. Он включает количество зарегистрированных в городе НКО и крупных компаний, имеющих программы социальной ответственности, а также учитывает посещаемость городских новостных порталов.</p>
3	Креативность	<p>3.1. Раздел «Креативное сообщество» показывает количество специалистов, уже работающих в креативной сфере, а также тех, кто потенциально может войти в эту группу в будущем. Показатель включает количество жителей младше 35 лет, число обучающихся на всех курсах в вузах в области культуры и искусства, а также количество специалистов креативной сферы, зарегистрированных на профильном рекрутинговом ресурсе.</p> <p>3.2. Раздел «Включенность в креативную среду» показывает уровень вовлеченности жителей в креативную повестку, он включает показатели степени популярности профильных тем (таких как дизайн, искусство и развлечения, литература, кино и т. д.) в поисковых запросах, а также посещаемость онлайн-ресурсов в категории «культура и искусство».</p>
4	Открытость	<p>4.1. Раздел «Космополитичность» показывает степень открытости и социального взаимодействия в городе. Он включает число иностранных граждан, приезжающих в город, а также динамику изменения данных показателей. Раздел также учитывает количество доступных путей авиасообщения.</p> <p>4.2. Раздел «Терпимость» позволяет определить уровень толерантности населения к людям, обладающим отличными социальными, экономическими, религиозными, этническими или другими характеристиками.</p>

На четвертом этапе анализируем ситуацию в сельской местности в конкретном регионе. В отличие от организованной креативной среды в крупных мегаполисах, в сельской местности страны ситуация иная. Оценка сельской молодежи и населением системы организации работы с детьми и молодежью, а также возможностей, которые имеются в муниципальном районе, по месту жительства у детей и подростков для их самореализации, была получена от респондентов в социологическом исследовании 2018 г., проведенном ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» в 20 муниципальных районах региона методом интервью по месту жительства (выборочная совокупность составила 4180 человек). Результаты опроса показали, что молодежь, как и более старшие возрастные когорты, в основном позитивно оценила организацию работы с детьми и молодежью по месту проживания. Однако каждый пятый молодой человек негативно высказался по данному вопросу.

Оценки населением, включая молодежь республики, возможностей, которые имеются у детей и подростков для их самореализации, развития и раскрытия своих талантов и способностей, несколько выше. Однако молодые респонденты несколько более критичны: 12 человек из 100 в возрасте 18–34 лет не видят хороших возможностей для саморазвития и развития своих детей там, где они проживают (см. табл. 6). Оценки этих возможностей в Республике Башкортостан в целом выше, однако регион проигрывает многим другим субъектам, что вызывает миграционный отток.

Таблица 6

Оценка населением Башкортостана, включая молодежь, возможностей, которые имеются у детей и подростков для их самореализации, развития, раскрытия своих талантов и способностей (в %)

Возраст, лет	Отлично		Хорошо		Удовлетворительно		Плохо		Всего
	МО	РБ	МО	РБ	МО	РБ	МО	РБ	
18–34	6,5	12,2	47,3	57,2	33,7	27,6	12,4	3,1	100,0
35–54	5,7	9,0	47,1	58,9	35,7	29,3	11,6	2,8	100,0
55+	5,7	8,5	47,1	52,7	36,6	35,2	10,5	3,6	100,0
В среднем	6,0	10,0	47,2	56,9	35,2	30,0	11,7	3,0	100,0

Источник: Данные опроса ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», 2018.

На пятом этапе анализируем потенциал развития инновационной активности у молодежи через компетенции работников отрасли молодежной политики на муниципальном уровне. Инструментарий системной оценки реализован с помощью адаптированной версии swot-анализа к оценке деятельности органов молодежной политики Башкортостана с целью

определения сильных и слабых сторон, угроз и благоприятных возможностей ее реализации. Исследование проведено в ноябре-декабре 2017 г. методом online-самозаполнения бланков опроса при организационной поддержке Министерства молодежной политики и спорта РБ. Опрошено 110 специалистов из 24 муниципальных районов и городских округов Башкортостана.

Полученные результаты показали, что сильными сторонами органов работы с молодежью являются: 1) компетентность; 2) хорошая репутация у молодежи; 3) развитые навыки, которые позволяют быть лидерами в своей деятельности; 4) способности разрабатывать инновационные технологии. В число самых слабых сторон работы специалисты отнесли варианты: 1) «Муниципальный бюджет не способен профинансировать необходимые стратегические изменения»; 2) «Техническое оснащение морально устарело»; 3) «Менеджмент страдает от недостатка талантов и поверхностного мышления».

В качестве благоприятных внешних возможностей опрошенные выделили: 1) высокую динамику развития молодежной политики, чем раньше; 2) упрощение системы контроля со стороны регулирующих органов; 3) возможности расширить аудиторию активной молодежи; 4) потенциал развития сотрудничества с другими отделами в других муниципальных образованиях и городских округах республики. Однако достаточно сильны внешние угрозы, которые обусловлены: 1) невысокой репутацией работы с молодежью в администрации; 2) обстоятельствами, при которых не сами специалисты определяют условия работы, а им их диктуют; 3) отрицательным влиянием на работу демографической ситуации; 4) увеличением доли группы риска среди молодежи с девиантным поведением, которая растет несмотря на усилия в работе. Более подробно см.: [27].

Заключение

Каждый отдельный молодой человек и когорты в целом обладают пассионарностью разной силы. Направление расходования жизненного энергopotенциала зависит от мотивации личности, а она — от уровня интеллектуально-инновационной зрелости. Чем образованнее молодежь, тем значительнее интеллектуальная и инновационная активность и ниже — репродуктивная и, соответственно, наоборот.

Регионы можно поделить на пассионариев — с профицитной энергией, субпассионариев — с дефицитной энергией и сбалансированные — с уравновешенной энергией демографического и интеллектуально-инновационного воспроизводства.

В столицах регионов с развитой креативной средой выше интеллектуальная и инновационная активность населения в целом. Молодежь, соответственно, в условиях самоопределения статусно-ролевого набора актуализирует свою пассионарность в более вариативных условиях, которые стимулируют инновационную активность. Инновационная активность — это

препятствие для возрастания численности населения (количество) и возможность для интеллектуального роста (качество). Поскольку анализ дан в срезе данных в статике, то для подтверждения выводов необходим анализ в динамике.

Вывод общий: системная социальная инженерия позволяет изучать и работать с обществом как социокультурной инжиниринговой системой. Делая ставки в инновационной активности не только на технологические и материальные инновации, но и на организационные, маркетинговые, социальные и культурные инновации, формируя уникальную среду для раскрытия креативного потенциала, города становятся лидерами по плотности самоактуализирующихся зрелых личностей во всех сферах жизнедеятельности, привлекая самую потенциальную молодежь. Однако риски кроются в том, что чем более интеллектуально зрелыми становятся новые поколения, тем больше энергии они расходуют на продуктивную креативную инновационную деятельность, и меньше — на социально-демографическую репродуктивную.

Креативный капитал среды необходимо системно активировать через развитие инструментов самоорганизации и самоуправления молодежи с дифференциацией по группам молодежи и регионов, с учетом специфики сельских и городских территорий.

Источники

1. Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. — Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006.
2. Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. — М., 1999.
3. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории : пер. с нем. — СПб.: Наука, 2001.
5. Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики. — СПб. : Питер, 2004. — 192 с.
6. Hagen E. On the Theory of Social Change. — Homewood, 1962 // Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики. — СПб. : Питер, 2004.
7. Исследование Сбербанка: 30 фактов о молодежи. — URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Бабосова Е. С. Инновационная активность молодежи: особенности и перспективы // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. — 2013. — № 3 (15). — С. 144–154.
9. Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. — М. : Изд-во «Когито-Центр», 2010. — 255 с.
10. «Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами» (Резолюция 2037 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1965 г.) // Сайт Виртуального методического объединения библиотек и организаций, работающих с молодежью. — URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act/ideals.php> (дата обращения: 10.07.2019).
11. Вигорность и инновации (человеческий фактор как основа модернизации) / под ред. М. П. Карпенко. — М. : Изд-во СГУ, 2011. — 29 с.

12. Яголковский С. Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. — М. : НИУ ВШЭ, 2011. — 270 с.
13. Systems engineering is an interdisciplinary approach and means to enable the realization of successful systems. — URL: http://sebokwiki.org/wiki/Systems_Engineering_%28glossary%29 (дата обращения: 4.05.2019).
14. Systems Engineering. Transforming Needs to Solutions. — URL: <https://www.incose.org/systems-engineering> (дата обращения: 2.07.2019).
15. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. — Изд. 2-е. — М., 1972. — С. 26–27.
16. Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей // Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе : учеб. пособие. — М. : ГУ ВШЭ, 2004. — 383 с.
17. Коваленко М. И. Пассионарность как психологический феномен // Психология самореализации личности : сб. науч. трудов. — Вып. 2 / под ред. А. А. Реана, Л. А. Коростылевой. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999.
18. Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. — Изд. 2. — М., 2011.
19. Лапин Н. И. Сверяем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. — 2011. — № 2. — С. 33–73.
20. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 г. : Стат. бюллетень / Росстат. — М., 2018. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения: 21.07.2019).
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сборник / Росстат. — М., 2018. — 1162 с.
22. Индекс креативного капитала [сайт]. — URL: http://creativecapitalindex.com/about_index (дата обращения: 20.07.2019).
23. Florida R. The Rise of Creative Class — Revisited. — New York, 2010.
24. Социоинженерный подход: А. К. Гастев, Н. А. Витке [Электронный ресурс]. — URL: <https://studfiles.net/preview/3571590/page:4/> (дата обращения: 22.07.2019).
25. Howkins J. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas. — Penguin UK, 2013. — URL: http://creativecapitalindex.com/about_index (дата обращения: 20.07.2019).
26. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. — 2016. — URL: <https://www.weforum.org/about/the-fourth-industrial-revolution-by-klaus-schwab> (дата обращения: 20.07.2019).
27. Доклад о положении молодежи в Республике Башкортостан : [коллективная монография] / [Лавренюк Н. М., Адигамова О. Ф., Вишневская Н. Г. и др. ; составитель Чурсина К. В.] ; Министерство образования и науки РФ, Башкирский государственный университет. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. — 213 с.

УДК 574.3

DOI: 10.25990/hse.conf-15.gak5-wm04

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В. И. Мосин

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Центр региональных исторических исследований,
Тульский социологический центр, г. Тула

E-mail: mosin55@bk.ru

Аннотация. От экологической грамотности населения в наше время зависит очень многое. Развитие экологического образования и воспитания является на сегодняшний день делом общенародным. Особенно важно повышать экологическую грамотность молодого поколения. В различных регионах России эта задача решается. В Тульской области есть свои особенности и направления в этой сфере.

Ключевые слова: экологическое воспитание, экологическое образование, молодежь, сельское хозяйство, студенты, экологическая культура.

INNOVATIVE APPROACHES TO THE ENVIRONMENTAL EDUCATION OF YOUTH IN THE TULA REGION

V. I. Mosin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Center of regional
historical research, Tula sociological center, Tula

E-mail: mosin55@bk.ru

Abstract. The environmental literacy of the population has an important influence on many issues today. The development of environmental education and training is a nationwide affair. It is especially important to increase the environmental awareness of the younger generation. In different regions of Russia, this problem is being solved. The Tula Region has its own characteristics and directions in this sphere.

Keywords: environmental training, environmental education, youth, agriculture, students, environmental culture.

Для устойчивого развития общества и рационального использования природных ресурсов следует повышать уровень информированности всех групп населения. Как показывает практика, в различных регионах России этой задаче уделяется много внимания. От экологической культуры общества зависит сохранение окружающей среды. Экологическая культура общества тесно связана с экологическим образованием и воспитанием населения.

В настоящее время формирование экологических знаний и культуры приобретает актуальность. В результате экологической неграмотности и безответственности мы ежегодно несем громадные материальные убытки, подрываем свою экологическую безопасность, что может привести к депопуляции населения России и деградации человечества в целом. Таким образом, экологическое образование является на сегодняшний день задачей приоритетной. Большую роль в этом играют образовательные учреждения всех ступеней. Важной задачей образовательных учреждений является не только расширение знаний учащихся об окружающей экологической среде, но и правильное формирование экологической культуры и заботы об окружающей природе. Как справедливо замечают А. П. Павлов и П. А. Павлов, «образование есть среда, в которой осуществляется процесс воспроизводства человеческих ресурсов для общества. Она включает не только различные аспекты учебно-педагогического процесса, но и социальные, социокультурные детерминанты, которые связаны с учебно-педагогическим процессом опосредованно» [1, с. 71].

В современных условиях мы уже не можем относиться к окружающей среде как раньше. Такое отношение может привести к экологической катастрофе. Важно менять мировоззрение общества, создавать новые ценности в области материальной и нравственной культуры, воспитывать новый вид культуры — экологическую культуру.

Экологическое образование дает возможность объективно рассматривать взаимосвязи между различными проблемами. В настоящее время создаются и внедряются в образовательные процессы различные социально-образовательные программы, направленные на воспитание экологической культуры россиян. Согласно ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды», субъекты Российской Федерации имеют право организации и развития системы экологического образования, формирования экологической культуры.

На территории Тульской области на протяжении более десяти лет проводятся экологические уроки различной тематики совместно с крупными предприятиями региона, которые пропагандируют экологическое производство: SCA Hygiene Products Russia, ООО «Каргилл», ОАО «Тульский кирпичный завод» и др. Цикл экологических уроков проводится в старших классах, соединяя в себе развивающие и интегрирующие задачи образовательного процесса. Экологические уроки направлены на формирование экологической культуры и на борьбу с безразличием в отношении окружающей среды. Тематика уроков самая разнообразная: «Экология и сохранение биоразнообразия», «Экологически чистое будущее России», «Экология и культура — будущее России» и др.

Как показал опыт предыдущих лет, возможно проводить уроки и в младших классах, а именно в 6–8 классах. Так, в Первомайской кадетской школе экологический урок был проведен в 6–7 классах. В зависимости от возрастной группы используются различные формы работы: беседа, дискуссия, игра,

демонстрация видеороликов и т. д. В ходе проведения серии экологических уроков предполагается создать методическую копилку уроков и методических разработок, которые могли бы использоваться учителями в дальнейшей работе. Ведь формирование экологической культуры как главной цели экологического образования в школе возможно только посредством объединения усилий всех участников образовательного процесса, не ограниченных рамками отдельных школьных предметов.

Необходимость предотвращения экологического кризиса опирается на увеличение уровня экологической культуры. Экологическая культура будущих специалистов сельского хозяйства особенно важна в связи с тем, что объектом профессиональной деятельности агрономов, техников-технологов и механизаторов является живая и неживая природа, требующая ежедневного ответственного и бережного отношения.

Экологизация образования является основой формирования экологической культуры у будущих специалистов сельского хозяйства, а также обеспечивает его модернизацию для улучшения качества профессиональной подготовки специалистов. Данный вид культуры позволяет охватывать взаимодействие человека, общества и природы. В связи с этим учебно-воспитательный процесс требует создания модели экологизации образования в конкретном учебном заведении.

В настоящее время не существует единой стратегии и методологии в области экологического образования. Данный факт становится очевидным при анализе документов нормативно-правового обеспечения экологического образования в РФ. Год от года все более активной становится деятельность международных организаций, пропагандирующих практико-направленную экологизацию образования. Сам термин «экологизация образования» пока не имеет конкретного правового освещения. Особую специфику имеет разработка экологизации образования в условиях профессиональных учебных заведений. Этот процесс включает в себя преобразование целей, задач, содержания образовательного процесса, а также методологических приемов и способов контроля.

Так, например, экологизация содержания образования при подготовке специалистов сельского хозяйства на базе ГПОУ ТО «Тульский сельскохозяйственный колледж имени И. С. Ефанова» состоит из нескольких основных этапов. Во-первых, это овладение элементами социально-бытовой экологии при изучении общеобразовательных дисциплин, особенно естественно-научного профиля (физика, химия, биология). Во-вторых, внедрение экологического содержания в общепрофессиональные дисциплины. Целесообразно увеличение числа практических занятий при изучении общепрофессиональной дисциплины «Экологические основы природопользования», «Основы агрономии», «Основы аналитической химии», «Микробиология, санитария и гигиена», «Основы животноводства и пчеловодства», «Ботаника и физиология растений». В-третьих, профилизация профессиональных модулей, касающихся выращивания сельскохозяйственных растений и животных, обработки почвы,

хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, посредством их тесной взаимосвязи с дисциплинами экологического содержания.

Курсовые и дипломные работы обучающихся выполняются по заданиям организаций города Тулы и Тульской области, такими как Научно-производственный центр биотехнологии — Фитогенетика, тепличный комплекс «Чеховский сад» и др., а результаты работ используются организациями и предприятиями. Важное значение имеет включение обучающихся во внеаудиторную деятельность экологической направленности. В рамках экологизации образования специалистов сельскохозяйственного профиля целесообразно использование научно-исследовательской и проектной деятельности при освоении вопросов экологии в процессе изучения дисциплин и профессиональных модулей. Значительный вклад в развитие экологической культуры вносит внеклассная работа, включающая в себя кружковую работу, организацию и проведение научно-практических конференций, круглых столов. Примером эффективной внеклассной работы является организация кружков «Земляне» или «Сельскохозяйственная экология».

Работа различных конференций, таких как «Экологические исследования как основа устойчивого развития сельского хозяйства», позволяет грамотно и органично связать экологическую теорию и практику. Особое значение имеет вовлечение обучающихся в практико-ориентированную экологическую деятельность. Студенты колледжа ежегодно принимают участие в следующих мероприятиях: экологические акции «Водным объектам — чистые берега и причалы», «Лес — живи!», ежегодный всероссийский экологический субботник «Зеленая весна». Ведь личное участие в уборке или посадке растений на общественной территории воспитывает более бережное отношение к окружающей среде. Особое значение в формировании экологической культуры студентов имеют работы по благоустройству города и области. Примером успешного выполнения подобных работ стали: проект по оформлению территории около памятника Петру и Февронии Муромским (в Кремлевском сквере г. Тула), разработка проекта благоустройства и озеленения территорий Фермерской усадьбы по заказу Благотворительного фонда по оказанию помощи лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, «Забота», санаториев «Егнышевка», «Великож», «Слободка», Тульского областного детского туберкулезного санатория «Иншинка», частного детского сада «Лидер» (Пролетарский район г. Тулы), сквера около Обелиска Славы (Веневский район ТО), районной больницы Одоевского района ТО, Прилепского племенного конного завода, цветников музея И. А. Крылова (г. Тула) и мн. др. Студенты профильных специальностей ежегодно участвуют в работах по озеленению учреждений города и ухаживают за уже существующими зелеными насаждениями, осуществляют работы по кронированию, в том числе в Богородичном Щегловском мужском монастыре, ФГБУК Тульский государственный музей оружия, ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Тульской области» (г. Новомосковск), ГУЗ «Городская больница № 11 г. Тулы». Под руководством преподавателя Альбины Алексеевны Решетиной учащиеся

колледжа регулярно принимают участие в ежегодном Международном Яснополянском экологическом форуме «Устойчивое развитие. Рациональное природопользование. Технологии здоровья».

30 мая — 1 июня 2019 г. в Туле состоялся XIII ежегодный Международный Яснополянский экологический форум «Устойчивое развитие. Рациональное природопользование. Технологии здоровья». Организаторами проведения Форума были «Центр экологической политики и культуры», Общественная Палата Тульской области, Союз «Тульская торгово-промышленная палата», ОНФ по Тульской области. Информационные партнеры: телеканал «Первый Тульский», «Тульский бизнес-журнал».

Первый Яснополянский форум прошел еще в 2006 г. В двенадцати последующих Форумах принимали участие более 7000 человек, в том числе делегаты из Швейцарии, Италии, Белоруссии, Германии, США, Вьетнама, Болгарии, Молдовы, Чехии, Польши, Украины.

Молодые представители были как среди участников Форума, так и среди волонтеров. Они активно принимали участие в дискуссиях и помогали участникам Форума лучше узнать Тульский край. Такая практика участия в подобных Форумах повышает уровень экологического сознания молодежи.

Специфика организации профессионального образования предполагает смешанную модель экологизации образования, которая предусматривает не только включение профессиональных экологических дисциплин и экологизацию общеобразовательных дисциплин всех учебных циклов, но и организацию факультативов экологической направленности и ведение внеаудиторной деятельности в этом направлении. Данная смешанная модель позволит организовать непрерывный процесс формирования экологической культуры специалиста и реализовать возможности экологического образования специалистов, переход от этапа экологической грамотности к осознанной экологической культуре, через экологическую образованность и профессиональную компетентность в области экологического компонента.

Еще один яркий пример в области экологического образования показывает молодежь Тульской области. В регионе движение «ЭКА» реализует ряд уникальных проектов по раздельному сбору мусора, который не только уменьшает негативное воздействие на окружающую среду, но и помогает людям. Так, например, проект «Добрые крышечки» помогает людям с ограниченными возможностями здоровья получать новые инвалидные коляски за сданные в пункт приема пластиковые крышки. Проект в регионе стал не только успешным, но и полюбился многим жителям, которые через этот маленький шаг чувствуют сопричастность к большому и важному делу.

Активно занимается вопросами экологического образования Музей-усадьба Ясная Поляна, регулярно проводя волонтерские сезоны. В 2019 г. очередной волонтерский сезон в Ясной Поляне был открыт 5 апреля давними друзьями музея — добровольными помощниками объединения «Мир» (г. Щекино). МИРовцы помогли убрать сухой валежник в Чепыже — старом лесном участке, особенно любимом туристами. Чепыж — место уникальное.

В воспоминаниях о Л. Н. Толстом часто упоминается эта дубовая роща. В ней росли огромные, кряжистые дубы, а позднее писатель сам посадил там березки. В этой роще Л. Н. Толстой любил отдыхать летом в жару, даже построил там для себя избушку.

С середины апреля музей продолжил реставрацию мемориального хвойного участка «Елочки у Подкапустника», расположенного в юго-западной части заповедника. Название «Подкапустник» осталось со времен князя Н. С. Волконского, устраивавшего на этой площади огороды, где сажали в большом количестве капусту. В начале 1870-х гг. здесь сажают елочки, получившие название «Большие елки» — любимое семьей Толстых место дальних прогулок, походов за грибами, пикников.

Музей реставрирует посадку «Елочки у Подкапустника» во второй раз. Впервые посадка была восстановлена в 1949 г., после вырубки 1937 г. Необходимость второй реставрации вызвана нашествием жука-типографа, случившимся несколько лет тому назад. В восстановлении «Елочек у Подкапустника» музею помогали сотрудники компаний «Шекиноазот», «Тулачермет-сталь», «Полюс» (Москва), «Аби Продакшн» (Москва); депутаты и молодежный парламент Тульской области; волонтеры программы «Выходные в Ясной Поляне» (Москва, Воронеж, Тула). Участники проекта высадили 890 саженцев! Елочки приобретались музеем на благотворительные пожертвования, сделанные компаниями — участниками волонтерских акций. В мае 2019 г. была посадка цветов и уход за цветниками, работа в мемориальной теплице и на лесных участках.

В 2017 и 2018 гг. в сентябре на территории Тульской области проходили Молодежные межрегиональные экологические форумы. Данное мероприятие впервые проводилось в 2017 г. на территории предприятия ООО «Полипласт Новомосковск» (г. Новомосковск Тульской области) и собрало более 200 участников. В 2018 г. местом проведения Форума стала территория предприятия ООО «Кнауф Гипс Новомосковск». Организаторами мероприятия выступают министерство молодежной политики Тульской области и Государственное учреждение Тульской области «Тульский областной центр молодежи». Цель Форума: привлечение внимания общества к вопросам экологического развития Тульской области и страны, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности региона. В рамках Форума проводятся панельные дискуссии и презентации социально-значимых проектов участников Форума на экологическую тематику, экскурсии по площадкам предприятия. Участниками Форума являются следующие категории граждан в возрасте от 18 до 30 лет:

- специалисты по работе с молодежью;
- руководители детских и молодежных общественных объединений;
- молодые предприниматели;
- представители профсоюзов;
- представители совета молодых ученых;
- представители военно-патриотических клубов;

- работающая молодежь;
- актив детских и молодежных общественных объединений;
- обучающиеся образовательных организаций высшего образования;
- обучающиеся профессиональных образовательных организаций;
- обучающиеся общеобразовательных организаций, осваивающие программы среднего общего образования;
- представители творческих объединений.

Форум позволяет более широкой аудитории молодежи принять участие в проекте, получить новые знания, обменяться наработанным опытом, установить новые социальные и культурные связи с единомышленниками.

Государственная политика Правительства Тульской области в первую очередь направлена сегодня на развитие экономики, социальной сферы, улучшению демографической ситуации, гармоничного и бережного природопользования. В последние годы региональное правительство активно участвует в разнообразных акциях по воспитанию экологической культуры учащейся молодежи и молодых специалистов. Среди них — конкурсы «Юные таланты», «Чистая вода», «Сдай макулатуру — спаси дерево», «Здоровье среды — здоровье человека», акции в поддержку охраняемых природных территорий, очные, видео-, интернет-конференции, семинары, форумы, в том числе международные, экологические лагеря, молодежные экологические экспедиции. Широко реализовываются целевые IT, исследовательские, образовательные, творческие рекламные проекты в области экологии, молодежные стартапы. Особая активность видна в соцсетях, интернет-сайтах. Главное отличие этой деятельности — нацеленность на результат, креативный, творческий подход, взаимопомощь и большая самоотдача молодых участников. Задачей государства является обеспечение экспертной и организационной, ресурсной и финансовой поддержки в деле формирования и реализации экологической культуры молодежи. Настало время создания молодежного экологического движения «Молодежь за экологию и культуру — будущее России»

Источники

1. Павлов А. П., Павлов П. А. Этосы образования и модернизация российского общества // Siberian Socium. — 2018. — Т. 2, № 4. — С. 70–80. — DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-70-80.

**УЧЕТ ИНТЕРЕСОВ ДОСУГОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ
ПОДРОСТКОВ, ИМЕЮЩИХ ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ,
В РАБОТЕ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНЫХ КЛУБОВ**

И. Р. Насибуллин

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, студент, г. Санкт-Петербург

E-mail: nasibullin0105@mail.ru

А. Л. Редюк

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург

E-mail: redanle@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность решения проблемы организации досуга подростков, имеющих девиантное поведение, на базе подростково-молодежных клубов Санкт-Петербурга с учетом выявленных досуговых предпочтений.

Ключевые слова: подростки, девиантное поведение, социальные нормы, досуг, досуговые предпочтения, подростково-молодежные клубы.

**TAKING INTO ACCOUNT THE INTERESTS OF LEISURE
PREFERENCES OF TEENAGERS HAVING DEVIANT BEHAVIOR
IN THE WORK OF TEENAGE AND YOUTH CLUBS**

I. R. Nasibullin

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
student, St. Petersburg

E-mail: nasibullin0105@mail.ru

A. L. Redyuk

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
St. Petersburg

E-mail: redanle@mail.ru

Abstract. The article discusses the relevance of solving the problem of organizing leisure time for adolescents with deviant behavior on the basis of adolescent and youth clubs in St. Petersburg, taking into account the revealed leisure preferences.

Key words: adolescents, deviant behavior, social norms, leisure, leisure preferences, teen-age clubs.

Введение

Рассматривая досуговую деятельность молодежи в некоторых развитых странах, таких как: Англия, Германия, Россия, Франция, можно выделить некоторую схожесть в организации свободного времени у подрастающего поколения. В данных странах у подростков и молодежи существует множество способов провести свободное время с пользой для себя. Во всех перечисленных странах существуют молодежно-подростковые объединения по интересам, открыто множество театров и музеев, а также спортивных центров. Молодые люди в данных странах предпочитают проводить активный досуг, там организованы зоны для велоспорта, гироскутеров и моноколес, созданы пляжи, где каждый желающий может отдохнуть с книгой или гаджетом с выходом в интернет.

При неорганизованном досуге, который не несет в себе развивающего характера и не является «полезным» для подростков и молодых людей, у них может формироваться девиантное поведение.

На данный момент в Российской Федерации, так же как и во всем мире, увеличивается количество людей, имеющих девиантное поведение, под которым обычно понимают отклонение от общепринятых социальных норм. Наиболее подвержены формированию такого поведения подростки, и в целом молодежь, в силу характерных для них особенностей: переходу от детства к взрослости, психологической незрелости, склонности к риску, референтности группы сверстников, поиску себя и других причин.

В целом, причины формирования девиантного поведения у молодых людей разнообразны. За последнее время появилось достаточно большое количество новых видов поведенческих девиаций, формирование которых связано, в том числе, с развитием компьютерных технологий. Примером может служить кибербуллинг, понимаемый как преследование или оскорбление человека в социальных сетях.

Проблеме девиантного поведения уделялось большое внимание в работах многих известных авторов — Я. И. Гилинского, О. А. Клейберга, Г. С. Остапенко, Р. И. Остапенко и других. О необходимости профилактики девиантного поведения также писали такие авторы, как Ф. С. Махов, И. И. Горбатова, Ю. П. Платонов, Г. И. Макарычева и другие.

Организация досуга подростков, имеющих девиантное поведение, с учетом их досуговых предпочтений является актуальной проблемой и рассматривается в данной работе с целью изучения возможностей воспитательного влияния при осуществлении профилактической работы на базе подростково-молодежных клубов.

Объектом исследования являются подростки, имеющие девиантное поведение и посещающие подростково-молодежные клубы.

Предметом выступает выявление досуговых предпочтений подростков, имеющих девиантное поведение, в условиях подростково-молодежных клубов.

Цель работы: рассмотреть возможности учета досуговых предпочтений подростков, имеющих девиантное поведение, на базе трех подростково-молодежных клубов г. Санкт-Петербурга «Факел», «Лидер», «Спутник».

Задачи работы:

1. Изучить характеристику подросткового возраста как переходного от детства к взрослости.
2. Выяснить особенности девиантного поведения у подростков и возможные последствия.
3. Провести опрос в форме анкетирования с целью выявления досуговых предпочтений подростков, посещающих подростково-молодежные клубы и имеющих девиантное поведение.

1. Характеристика подросткового возраста как переходного от детства к взрослости

Этап взросления, а именно подростковый период, который характеризуется особой остротой протекания в основном с 14 до 18 лет, во все времена является непростым процессом. Сопровождается данный процесс активным ростом, а также наиболее сложными физиологическими и психологическими изменениями, происходящими в организме человека. В настоящее время изменения, вызванные физиологическими процессами организма, гормональным и половым созреванием, во многом могут объяснить различное поведение у подростков, порой определяющееся как девиантное.

Согласно Основам государственной молодежной политики до 2025 года, молодежь — это социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Возрастные границы молодежи определяются от 14 и до 30 лет. Организация работы с молодежью предполагает содействие формированию у молодых людей нравственных чувств, среди которых, в первую очередь, должны формироваться чувства любви к своей стране, уважения к людям, ответственности и долга перед обществом и страной в целом [1].

Девиантное поведение и его сложная природа являются следствиями воздействия различных окружающих факторов, таких как: экономический, социально-демографический и другие. В научной литературе многие авторы объединяют факторы такого поведения в три кластера:

- биологический кластер. Данный кластер выражается в неблагоприятной физиологической или анатомической особенности организма подростка (различные нарушения умственного развития, какие-либо дефекты слуха и зрения, повреждения нервной системы различного характера и другие дефекты здоровья);
- психологический кластер. Психопатологии или акцентуации характера. Данные отклонения в большинстве случаев выражаются в заболеваниях нервно-психических: психопатии, неврастении, а также в пограничных

состояниях, повышающих возбудимость нервной системы и обуславливающих необдуманные, чаще неадекватные, по мнению окружающих, реакции подростка;

- социально-психологические факторы. Эти факторы выражаются в затруднении школьных, семейных или общественных взаимоотношений [2].

Подростковый возраст откладывает сильный отпечаток на нервную систему, когда процессы возбуждения преобладают над процессами торможения. Подобные изменения делают подростков излишне возбудимыми, провоцируют сильные эмоциональные реакции даже на незначительные с взрослой точки зрения воздействия, а также очень импульсивное и истеричное поведение.

В это самое время подросток увлечен поисками себя и формированием собственной идентичности. Самыми значимыми людьми в жизни подростка становятся не родители и родственники, а друзья и компании сверстников. Попытки завоевать авторитет у значимой, референтной группы сверстников могут толкнуть вчерашнего ребенка на совершенно необдуманные поступки в настоящем. Для подавляющего большинства родителей порой бывает сложно принять факт, когда поиск себя и своего места в жизни подросток часто начинает с того, что отвергает родительские ценности и порядки, начинает бунтовать против родительского авторитета и опеки. В этот жизненный период подростки сопротивляются родительской заботе, почти все время, принимая ее за контроль и всячески пытаются отвоевать свою независимость и свободу.

К приобщению к асоциальному сообществу приводит стремление некоторых подростков занять лидирующее положение в группе сверстников, которое сопровождается повышенной приспособляемостью к нормам поведения и ценностям, принятым у референтной группы. Чертой психики подростка является переход подростка от детскости к взрослости. В данной возрастной категории часто имеется склонность к различным реакциям поведения, которые обычно характерны для младшего подросткового возраста, 11–13 лет.

К таким реакциям поведения младшего подросткового возраста относятся:

а) реакция отказа. Выражение данной реакции состоит в отказе от принятых форм поведения в обществе: каких-либо контактов, домашних обязанностей, учебного процесса в школе (колледже) и т. п. Причиной такой реакции становится зачастую внезапная смена привычных условий жизни (отрыв от семьи, перемена школы, развод родителей), а предрасположенностью реакций является психическая незрелость человека, его невротичность;

б) реакция оппозиции и протеста. Данная реакция характерна для подростков, которые действуют в противопоставлении к требующемуся от них поведению, и выражается она — в демонстративной браваде, прогулах учебного заведения и побегах из дома или того же учебного заведения, кражах в магазинах, у родных и знакомых, и, исходя из практики, чаще всего нелепые с виду поступки совершаются как протестные;

в) реакция подражания. Проявление такой реакции может заключаться в копировании действий, совершаемых старшими, зачастую родными и близкими. Данная реакция поведения наиболее свойственна детскому возрасту. Подросток «присматривает» для себя человека в качестве объекта для подражания, наиболее подходящего его идеалу (например, несовершеннолетний, у которого есть мечта играть в театре, имитирует в своих манерах, действиях и поведении любимого актера). Именно для подростка, личностно не сформированного, находящегося в асоциальной среде, и характерна реакция подражания;

г) реакция возмещения. В связи со своей несостоятельностью в какой-либо области подросток начинает компенсировать это другим родом занятости. Асоциальное поведение с учетом данной реакции может возникнуть тогда, когда человеком выбрано девиантное проявление. Так, грубыми и вызывающими выходками неуспевающий в учебе подросток может пытаться добиться авторитета у одноклассников;

д) реакция гиперкомпенсации. Реакция, при которой подросток проявляет интерес в той области, в которой обнаруживает несостоятельность, и начинает добиваться успеха в этой сфере (например, при физической неподготовленности стремится к достижениям в спорте или если он стеснителен, то он стремится к общественной деятельности) [3].

Психологические реакции, возникающие при взаимодействии с окружающим миром, влияя на формирование характерных особенностей подросткового поведения:

- реакция эмансипации. Уход от родительской опеки и взрослых в целом в связи со стремлением индивида к самостоятельности. При данной реакции могут возникать необдуманные поступки, связанные с неблагоприятными условиями окружающей среды. Зачастую реакция проявляется в уходах из дома или школы (лицея, колледжа), эмоциональных вспышках, чаще направленных на близких людей и преподавательского состава;
- реакция «отрицательной имитации». Противоположное поведение подростка по отношению к неблагоприятному для него поведению родных и близких. Выражается данное поведение в борьбе за личную независимость и неприкосновенность;
- реакция группирования. Стремление подростков к основанию различных группировок, интересных подросткам на данный период времени. У таких группировок имеется свой непосредственный лидер, а данное молодежное образование характеризуется определенным, принятым у подростков стилем поведения. Сочетание неукрепленной нервной системы и неблагоприятных условий среды является показателем поведения и асоциальных поступков молодых людей;
- реакция хобби (увлечения). В рамках данной реакции рассматривается внутренний потенциал подростка, который заключается в структуре личности человека. Данный потенциал может проявляться в различных

формах увлечения молодого человека: занятие различным видом спорта, стремление к лидерству среди сверстников, страсть к различным азартным играм, коллекционирование и многое другое [3, с. 21].

Вся дальнейшая жизнь человека во многом зависит от подросткового периода, несмотря на его кратковременность. Закладываются основы личности и формируется характер, а также «шлифуются» многие качества личности, что происходит именно в данный период времени. Множество обстоятельств, которые складываются в подростковый период, делают юного человека наиболее уязвимым. Данными обстоятельствами могут выступать такие факторы, как:

- переход от опеки родителей к самостоятельной жизни;
- смена социального положения (от учебы к другим видам социальной деятельности);
- гормональные изменения организма.

Важнейшим качеством в формировании отклоняющегося поведения также являются негативные или неблагоприятные взаимоотношения в самой семье подростка, а, в частности, выросший на сегодняшний день уровень разводов.

Девиантное поведение несовершеннолетних имеет свою специфическую природу и рассматривается многими авторами как результат социопатогенеза, который идет под влиянием различных как организованных, так и стихийных, неорганизованных воздействий на личность подростка. Социально-психологические, психолого-педагогические и психобиологические факторы необходимы для эффективной профилактики отклоняющегося поведения и играют большую роль. Педагогические и психологические познания являются важными составляющими, благодаря которым изучаются причины возникновения отклоняющегося поведения несовершеннолетних и формируются рекомендации и формы профилактической работы.

В настоящее время актуальность проблемы девиантного поведения является наиболее важной и остро стоящей. Несмотря на все различия, между «агрессивными» подростками имеются некоторые схожие черты. Отсутствие или недостаток ценностных ориентиров, полное отсутствие увлечений или нежелание чем-то увлекаться, а также узкий неустойчивый интерес являются общими чертами подростков, имеющих отклоняющееся поведение. У таких молодых людей преобладают несдержанная грубость, раздражительность и озлобленность, направленные, в первую очередь, на окружающую их социальную среду (родных, близких и общества в целом). Зачастую данные молодые люди проявляют крайность в самооценке (либо максимально положительная, либо максимально отрицательная), увеличенную эмоциональную тревожность, трусость перед обширным социальным общением, высокий эгоизм, отсутствие умения находить выход из сложных обстоятельств. У подростков начинает формироваться приоритет защитных механизмов над иными механизмами, которые регулируют поведение. Девиантное поведение у несовершеннолетних является методом поддержки престижа, демонстрации своей свободы, самостоятельности, а также взрослости.

Автор Е. В. Сурова, рассматривая проявления агрессивного поведения, выделила исследователей, которые классифицируют его по разным основаниям. Так, И. Ю. Кулагина связывает эти проявления с тем, какие трудности в социальной адаптации испытывал подросток в условиях подростковой группы. В этом случае отмечается неумение подростка выстраивать отношения со сверстниками, контролировать собственное поведение, что связано с характерными чертами характера и личностными особенностями подростка. Другой автор, И. Лалаянц, считает, что агрессивное проявление подростков связано с их поведением в семье [5].

Подавленная индивидуальность подростка и блокировка личностных стремлений, то есть отсутствие возможности самореализации, зачастую становятся причиной формирования девиантного поведения. Нередко такие молодые люди испытывают в будущем трудности при выстраивании карьеры, изменении социального статуса и при этом считают неестественными и несправедливыми общепринятые социальные нормы.

Как было замечено ранее, формирование девиантного поведения возникает в подростковый период и имеет свои характерные особенности. Рассмотрение более глубоких причин формирования девиантного поведения в подростковом возрасте необходимо для изучения последствий, которые оно за собой влечет. У каждого подростка свои особенности девиантного поведения и последствия такого явления. Появляется необходимость изучения данных причин для устранения тех или иных проблем.

2. Особенности девиантного поведения у подростков и возможные последствия

Рассматривая поведение человека как процесс взаимодействия живых существ с окружающей средой, следует отметить, что поведение подростка выражается через внешнее проявление процесса становления его характера. Можно сказать, что поведенческие нарушения в подростковом возрасте обычно связаны с проблемами становления характера. С поведенческой точки зрения нарушения поведения не являются симптомом психологического заболевания, а возникают как осложнения психологического развития и часто трактуются как отклонения от нормы [6].

Именно подростки, в отличие от большинства других возрастных групп, зависят от нестабильности экономической и социальной обстановки. Здесь они теряют ту самую необходимую ценностную ориентацию в идеалах, когда прежние духовно-моральные ценности разрушены, а новые еще не сформированы. Современный мир имеет огромный дефицит позитивного воздействия общества на растущее поколение. Вследствие чего проблема трудных подростков вызывает глубокое беспокойство родителей, педагогов, психологов, общества в целом. Несомненно, что для решения данных проблем подростков следует знать, какие методы и технологии работы применять для работы с ними.

Теоретики и практики, рассматривающие проблемы подросткового возраста, иной раз упоминают понятие «трудный возраст» и считают его одной из центральных психолого-педагогических проблем.

Среди современных семей можно явно выделить благополучные и неблагополучные семьи. Благополучной семьей считают ту, где взаимные обязательства супругов по отношению друг к другу и детям полностью выполняются и соблюдаются моральные основы и социальные ценности. В других семьях неблагополучие может быть внешне не заметно, но в них ребенок переживает дискомфорт, стрессовые ситуации, жестокость, насилие, пренебрежение, голод — т. е. неблагополучие.

В настоящее время различные технологии современного мира развиваются с большой скоростью, подросткам становится затруднительно существовать в этом мире, следуя за тенденциями и общественными нормами, которые так же стремительно меняются, как и общество. Насыщенность информации может сильно повлиять на подростков. Экономический кризис, охвативший наше общество, не вызывает у подростков чувства защищенности, ответственности и уверенности в их собственном будущем [7; 8; 9].

Девиантное поведение рассматривали такие авторы, как Н. А. Рождественская и Л. А. Саенко [10; 11]. Наиболее объективное определение можно выделить из работы Е. В. Змановской: «Девиантное поведение подростков — совокупность действий и поступков, отклоняющихся от норм и правил, принятых обществом». Проявляется данное поведение агрессивностью, садизмом, различными правонарушениями, лживостью, бродяжничеством, тревожностью, психологическими расстройствами, целенаправленной изолированностью, попытками суицида, гипербобщительностью, виктимностью, фобиями, нарушениями пищевого поведения, зависимостями, навязчивостями [13].

Основные причины формирования девиантного поведения могут быть разделены на три группы:

а) биологические причины. Возникают они в связи с тем, что у человека по своему биологическому складу заложена предрасположенность к отрицанию «веления» общества;

б) психологические причины. Формирование девиантного поведения в этом случае происходит благодаря его личным психологическим качествам, имеющим врожденный характер, а также под влиянием внешних факторов и раздражителей на подростка;

в) социологические причины. Согласно теории аномии, важнейшую роль играет социальное состояние общества, при котором распадаются ценности и нормы, принятые в нем, создавая при этом некий вакуум [12].

Последствия девиантного поведения могут быть различными, начиная с проблем со здоровьем, заканчивая суицидом. При этом в большинстве случаев страдают родные и близкие, а также одноклассники и знакомые. В зависимости от поведения последствия могут выражаться в патологическом отставании психики; задержке сексуального развития в связи с ранним

началом половой жизни; возникновении различных заболеваний, в том числе из-за употребления алкоголя, табака и психоактивных веществ; различных заболеваниях, передающихся половым путем (ВИЧ/СПИД) и т. д.

При рассмотрении термина «девиация» большинство теоретиков отмечают девиацию как «отклонение». Распространенность данного поведения среди подростковой группы составляет около 40–64%. Такие высокие показатели статистических данных объясняются вполне характерными данному возрастному периоду особенностями: социальной, физиологической и психологической незрелостью. Наиболее подвержены девиантному поведению юноши и девушки в возрасте от 14 до 18 лет, воспитывающиеся в неблагоприятных социальных условиях, имеющие наследственную отягощенность по психическим расстройствам, токсикомании, наркомании, алкоголизму.

В настоящий момент есть несколько классификаций девиантного поведения у подростков. Российский психиатр и психотерапевт В. Д. Менделевич предложил типологию в рамках медицинского подхода. Способы взаимодействия с реальностью, а также характер нарушений общепринятых норм являются основой данной типологии [13]:

- делинквентный тип. Тип, который выражается в совершении правонарушений подростками;
- аддиктивный тип. Формирующееся у подростков стремление уйти от реальности, поддержание интенсивных эмоций. Искусственным путем подростки добиваются изменения психического состояния: используют химические вещества (алкоголизм, наркомания, токсикомания), фиксируют внимание на определенных стимулах, действиях;
- патохарактерологический тип. Поведение обуславливают патологические черты характера, сформированные в процессе воспитания. Данная группа включает акцентуации характера, психопатии (истероидная, шизоидная, эпилептоидная и др.);
- психопатологический тип. Поведенческие реакции подростка — проявление психопатологических синдромов и симптомов психического заболевания. Пример: апатия — симптом депрессии, гипомания — проявление биполярного расстройства.
- гиперспособности. Одаренность, талант, гениальность проявляются действиями, которые отклоняются от норм [14].

Президент благотворительного фонда «Шанс» Елена Иванова на одной из конференций привела следующие сведения, которые основываются на данных Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по городу Москве: по этим данным на учете КДН и ЗП состоят около 4,7 тыс. детей и подростков от 7 до 18 лет.

По данным за 2016 г., в колониях для несовершеннолетних содержалось 12,7 тыс. человек. Из опросов молодежи следует, что почти каждый третий юноша и пятая девушка в возрасте от 13 до 18 лет употребляли алкоголь. По данным на 2018 г., более 50% правонарушений совершается несовершеннолетними.

Обеспечение социального и нравственного здоровья подростков является одной из важных задач нашего государства. Большую тревогу общественности вызывает распространение среди подростков и молодежи употребления алкоголя и наркотиков, увеличение количества и степени жестокости совершаемых преступлений, социальная деградация личности молодых людей, многообразие деструктивных форм девиаций.

Реализация профилактических мер на сегодняшний момент, к сожалению, не полностью обеспечивает снижение количества и видов социальных патологий. Встает задача повышения эффективности мер, предупреждающих формирование девиантного поведения, а также выработка новых способов воспитательного воздействия на подростков и молодежь.

Профилактические меры воздействия должны учитывать не только социальные факторы, но групповые и личностные предпочтения молодежи.

На данный момент в Санкт-Петербурге существует достаточное количество учреждений, где проводится профилактика девиантного поведения подростков и молодежи, разработана нормативно-правовая база, которую должен соблюдать каждый сотрудник при работе с молодыми людьми, обдумываются и применяются на практике методы и технологии работы с молодежью. Так, активно реализуется профилактическая работа на базе более 300 подростково-молодежных клубов Санкт-Петербурга, объединенных в подростково-молодежные центры [15].

3. Выявление досуговых предпочтений подростков, имеющих девиантное поведение, на базе подростково-молодежных клубов

В феврале 2019 г. на базе подростково-молодежного центра одного из крупнейших районов Санкт-Петербурга был проведен опрос подростков в форме анкетирования. Анкетирование проводилось в трех подростково-молодежных клубах.

Цель: выявить досуговые предпочтения подростков, а также их готовность заниматься той или иной досуговой деятельностью в клубе.

Комплекс услуг, которые предоставляют досуговые центры, выступает как одна из ключевых особенностей заведений. При этом немаловажное значение имеет и их качество. По всем показателям культурно-досуговые центры должны опережать прочие заведения массового посещения. При этом они могут выступать экспериментальными площадками для внедрения новых типов услуг. Принципы работы культурно-досуговых учреждений в большей степени ориентированы на удовлетворение различных нужд разных слоев населения на платной, а также на бюджетной основе. В отличие от других заведений, культурно-досуговые центры предназначены для многопрофильного обслуживания.

Способность направлять свою деятельность в свободные от основной занятости часы на достижение общезначимых целей, реализацию своей жизненной программы, развитие и совершенствование своих умений и навыков

во многом зависит от социального статуса и положения подростка, а также его удовлетворенности своими достижениями.

В данном анкетировании приняли участие 60 человек в возрасте от 11 до 18 лет, из них 27 девушек и 33 парня.

Большая часть опрошенных подростков обучаются в школе в 7, 8 и 9 классах, что составило 95 % от числа опрошенных, 4 % респондентов обучаются в колледже, 1 человек ответил, что не обучается вовсе.

В свободное от учебного процесса время подростки считают себя совершенно свободными, не связанными выполнением домашних заданий и обязанностей по дому. Они предпочитают заниматься тем, чем хотят. Зачастую это прогулки по улице, игры на смартфонах и компьютерах, «места встречи» в торговых центрах и так далее.

Активному досугу многие подростки предпочитают выделять от 3 до 6 часов в день. Ответ «от трех до четырех часов» на вопрос «Сколько часов в день Вы можете посвятить отдыху?» предпочли 79 %. На ответы «у меня вообще нет времени на отдых», «менее 3-х часов» и «время вообще не ограничено» ответили по 7 % респондентов (рис. 1).

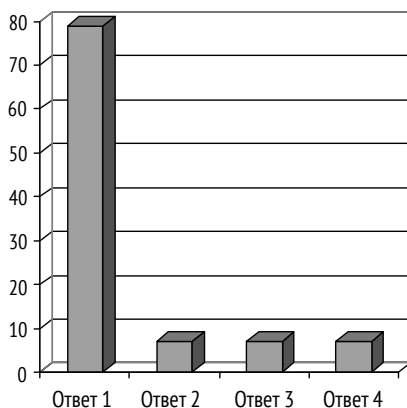

Рис. 1. Ответы на вопрос «Сколько часов в день вы можете посвятить отдыху?» (% респондентов)

На вопрос «С кем вы предпочитаете проводить свой досуг?» 98 % респондентов ответили, что «совместно с друзьями». Это подтверждает мнение о том, что для подростков референтной группой являются ровесники.

В настоящее время каждый из подростков имеет гаджет, которому они уделяют значительную часть своего свободного времени. На вопрос про отдых подростки выбирали следующие ответы:

- ответ «игры за компьютером дома» выбрали 31 % респондентов;
- ответ о готовности «Выехать на природу для проведения каких-либо туристических мероприятий» выбирают 8 % подростков, а вот «пойти в музей, пойти на выставку» выбирают чуть больше респондентов (11 %).

- высказывают желание почитать книгу, посмотреть театральный спектакль и прогуляться по городу только 3% опрошенных;
- значительную часть своего времени подростки уделяют «общению в социальных сетях» — 44%;
- ответ «пойти в компьютерный клуб» является, видимо, неактуальным для современных подростков (только 3% выбрали этот вариант ответа) в связи с тем, что у каждого из подростков, проживающих в Санкт-Петербурге, есть домашний компьютер.

Досуговые предпочтения молодежи значительно изменяются по мере социальных перемен, происходящих в жизни. Так, если 10–15 лет назад ребята предпочитали проводить свое свободное время за просмотром телевизионных программ или чтением книг, то сегодня отмечаются совсем иные предпочтения молодых людей в выборе отдыха.

Изучая исследование Н. В. Савиной за 2009 г. «Досуговые предпочтения воспитанников подростковых клубов», можно отметить, что подростки предпочитали проводить свободное время за компьютером в домашних условиях.

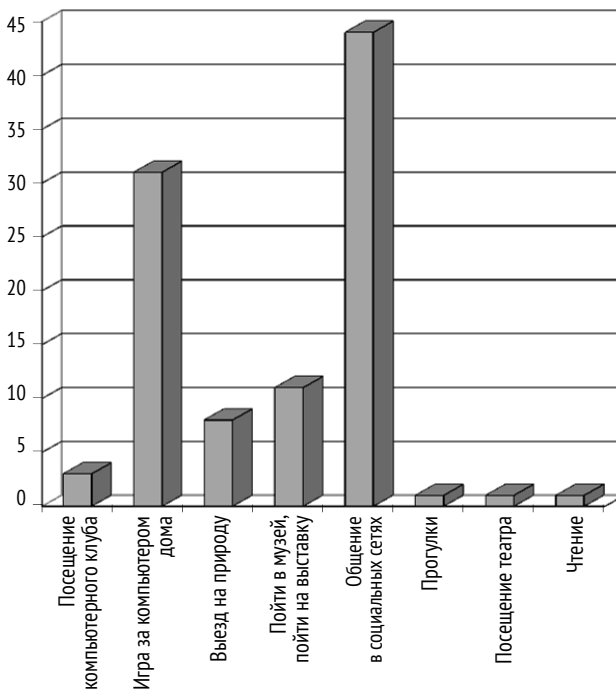

Рис. 2. Предпочитаемые виды отдыха (% респондентов)

За 10 лет развития технологий из «сидения за компьютером» подросток перебрался в многофункциональные смартфоны, в которых присутствуют

практически те же функции, что и на стационарном компьютере. Пользуясь таким смартфоном, молодой человек погружается в виртуальную реальность в любом месте своего нахождения.

На вопрос о количестве времени, проводимого в социальных сетях в день, — большинство подростков не задумываются о «нахождении» в сети Интернет, тем самым не замечая проведенного в сетях времени.

46% респондентов думают, что за целый день они нагнали в сети всего 1–3 часа, чуть меньше (44%) предполагают, что это время составляет 3–4 часа. Только малая часть — 20% опрошенных говорят о часе, проведенном в социальной сети (рис. 3).

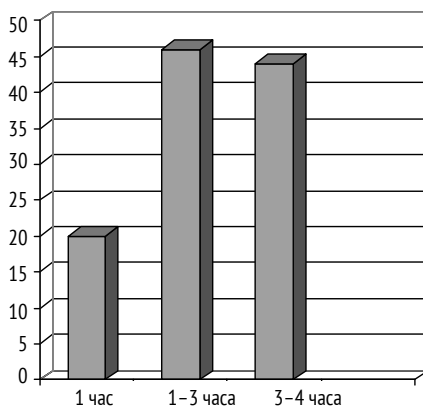

Рис. 3. Количество времени, проведенного в социальных сетях в день (% респондентов)

Как показывает опрос, второй и третий вариант ответа расположились почти поровну. Респонденты действительно не всегда задумываются о количестве времени, проведенном в сети. Так, подростки используют свой телефон когда и где угодно: при употреблении пищи, чтении книг, при прогулке, на занятиях и так далее. Постоянное воздействие гаджетов влечет за собой различные проблемы со здоровьем, но, похоже, данное положение устраивает ребят и показывает безответственное отношение к самому себе.

Ответы на вопрос о регулярности посещения подростково-молодежных клубов и целях их посещения достаточно однотипны.

В данных клубах подростки посещают место свободного общения. Все респонденты ответили о 100%-ном посещении мест свободного общения. Данная форма досуга наиболее приемлема для подростков, имеющих девиантное поведение, так как создает определенную степень свободы.

Место свободного общения (далее МСО) — место свободного неформального общения для подростков, где можно при желании поиграть в настольные игры, организовать мероприятие на любую тематику, обсудить

со сверстниками различные события, которые актуальны и интересны в настоящий момент. Подобное объединение интересно в первую очередь подросткам, имеющим девиантное поведение, так как является пространством, не ограничивающимся жесткими рамками. Целями создания данного пространства может служить следующее: развитие волонтерской деятельности; информационный обмен; реализация объединения по интересам; обучение в неформальной обстановке игре в настольный теннис, бильярд и другие развивающие и настольные игры.

Именно благодаря реализации на практике данных целей и задач подростки с отклоняющимся поведением в большом количестве предпочитают такой формат досуговой деятельности. Данный вид деятельности чрезвычайно популярен в подростково-молодежных клубах, которые расположены в кварталах, где проживают работники промышленных предприятий и их семьи.

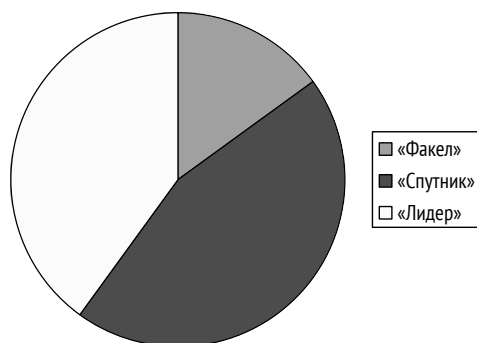

Рис. 4. Регулярное посещение подростково-молодежных клубов

При ответе на вопрос «Какие мероприятия ты готов был бы посещать в подростково-молодежных клубах?», подростки выделили профориентационное мероприятие «Вектор успеха», которому отдали предпочтение 64 % респондентов. Как пояснили подростки, они не выбрали будущую профессию и им интересно участие в подобных мероприятиях.

- Конкурс «Парк поэтов», проводимый в одном из подростково-молодежных клубов, выбрали как наиболее желанный 14 % опрошенных подростков.
- Музыкальные концерты и театральные постановки выбрало, к сожалению, по 2 % ребят, что говорит о достаточно низком культурном уровне.
- Формат Квеста предпочитают 8 % подростков за предоставляющуюся возможность проявлять личную активность.
- Настольные игры подросткам мало интересны. Данный вид досуга предпочитают только 3 % респондентов, а мастер-классы с привлеченными гостями и специалистами — 7 %.

Следующим вопросом, предложенным респондентам, был «В каких секциях, кружках или объединениях ты хотел бы заниматься?». Направление развития интеллектуальных способностей выбрало 15% подростков, в то время как музыкальную студию не выбрал никто, так же как и изобразительную студию. Техническое направление выбрало большинство парней (25%), танцевальное выбрали девушки (18%). Спортивные и туристические направления выбрали 20% воспитанников. МСО предпочитают 20% респондентов, а изучение иностранных языков 2%.

Проведенный опрос подростков в форме анкетирования помог выявить их досуговые предпочтения, а также готовность заниматься той или иной досуговой деятельностью в выбранном клубе.

Учет выявленных предпочтений современных подростков, посещающих подростково-молодежные клубы, позволяет не только выстраивать всю клубную досуговую работу, но и разрабатывать отдельные проекты деятельности, опираясь на интересы подростков и молодежи.

Заключение

Девиантное поведение чаще всего формируется в период перехода человека от детства к взрослости. Это своего рода определенный выбор, когда подросток не может решить те или иные вопросы или проблемы, и начинает использовать другие методы решения трудных ситуаций, и порой эти методы выходят за рамки общепринятых норм. Как было замечено ранее, формирование девиантного поведения возникает в подростковый период и имеет свои характерные особенности. Рассмотрение более глубоких особенностей подросткового периода необходимо для изучения последствий, которые оно влечет за собой.

Особенности девиантного поведения у подростков разнообразны. Причины девиантного поведения многие ученые связывают с переходным возрастом, который длится зачастую с 13–14 и вплоть до 18 лет. Развитие девиаций основано на состоянии дезориентации в системе общественных ценностей и норм. Период возрастного кризиса характеризуется острой потребностью самоопределения, самовыражения. Отсутствие благоприятной социальной обстановки, устойчивой системы ценностей, поддержки значимых лиц (сверстников, взрослых) приводит к образованию патологических поведенческих паттернов. Зачастую в их основе лежит желание привлечь внимание, доказать свою значимость, самостоятельность, независимость, силу.

Соответственно с этими особенностями необходимо всестороннее нормативное регулирование. Для работы с подростками в Российской Федерации разработан целый ряд нормативно-правовых актов, в рамках которых прописаны основные права детей и подростков, способы защиты, возможности осуществления профилактической работы. Это представляет собой определенную правовую основу, носящую обязательный характер не только с целью защиты, но и профилактики девиантного поведения, которое может стать

отправной точкой для повышения уровня детской преступности, безнадзорности. Активную профилактическую работу проводят подростково-молодежные центры и другие учреждения сферы молодежной политики.

Профилактика, осуществляемая в процессе досуга, оказывает большое влияние на предупреждение формирования девиантного поведения подростков. Комплекс услуг, которые предоставляют досуговые учреждения, выступает как один из ключевых моментов деятельности этих заведений. При этом немаловажное значение имеет и качество их работы. Важно не допускать негативности в самоорганизованном досуге подростков, а предоставлять возможности для реализации позитивной направленности досуга.

Сегодня большинство учреждений сферы молодежной политики пользуются технологией социального проектирования, но прежде чем создать тот или иной проект, необходимо учесть мнения и желания самих подростков. Разработка проектов с учетом пожеланий воспитанников подростково-молодежных клубов и других досуговых учреждений в настоящее время является актуальной темой для всех специалистов. Данная технология показала себя на практике с положительной стороны, что позволяет продолжить работу в этом направлении. Многие подростки не умеют правильно самостоятельно организовать свое свободное время и им необходимо организовывать досуг на базе подростково-молодежных центров и подростково-молодежных клубов.

Важно применять новые формы организации досуга по месту жительства молодежи, учитывая не только традиционные формы досуга, такие как работа кружков и секции, бесед и лекций, но также вводя в работу и инновационные решения: квесты, различного рода акции, интерактивные игры и другое.

Источники

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2019).
2. Клейберг О. А. Практикум по девиантологии / под ред. О. А. Клейберга. — СПб. : Речь, 2007. — 276 с.
3. Паикова Е. Н., Михайлова В. П. Исследование эмоционального состояния подростков в ситуации фрустрации // Вопросы общей и дифференциальной психологии. — Вып. 2. — Кемерово : Кузбасс вузиздат, 1998. — С. 96–108.
4. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — Л. : Медицина, 1983. — 256 с.
5. Сурова Е. В. Особенности проявления агрессии у современных подростков: опыт изучения // Молодой ученый. — 2018. — № 6. — С. 154–157.
6. Раздобарова О. А. Причины и профилактика девиантного поведения подростков / под ред. канд. пед. наук проф. В. В. Баркалкина // Аддиктивное поведение: профилактика и реабилитация : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — М. : МГППУ, 2011. — 368 с.
7. Бочарова В. Г. Педагогика социальной работы. — М. : Просвещение, 1994. — С. 41–86.

8. *Тетерский С. В.* Введение в социальную работу : учеб. пособие. — 4-е изд. — М. : Академический Проспект, 2004. — 496 с.
9. *Шукина Н. П.* Технология социальной работы / Федер. агентство по образованию, Самар. гос. ун-т, Каф. социологии и политологии, Каф. теории и технологии социал. работы. — 2007. — Ч. 2. — 231с.
10. *Рождественская Н. А.* Девиантное поведение и основы его профилактики у подростков // Девиация. — 2015. — № 1. — С. 50–52.
11. *Саенко Л. А.* Девиантное поведение в современном обществе // Дискуссия. — 2014. — № 9. — С. 144–177.
12. *Овчарова Р. В.* Справочная книга социального педагога. — М. : Сфера, 2001. — 521 с.
13. *Змановская Е. В.* Девиантология. (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — 2-е изд., испр. — М. : Издательский центр «Академия», 2004. — 288 с.
14. *Кулганов В. А., Сорокина Н. В.* Школьная дезадаптация как один из факторов антисоциального и делинквентного поведения трудных детей // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. — 2006. — № 3 (31). — С. 226–232.
15. *Редюк А. Л.* Формирование позитивного социального опыта подростков с девиантным поведением в условиях клубной деятельности // Специфика педагогического образования в регионах России : сб. науч. ст. / под общ. ред. О. В. Ройтблат, Н. Г. Миловановой, Н. Н. Суртаевой. — Тюмень : СПб. : ТОГИРРО, 2011. — 136 с.

**ИННОВАЦИОННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ
ТРАДИЦИОННОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ СОВЕТА МОЛОДЫХ
ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ)**

Е. И. Огарева

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

E-mail: ogareva-ei@ranepa.ru

Р. Г. Круглов

Санкт-Петербургский государственный институт кино
и телевидения, г. Санкт-Петербург

E-mail: rokrugl@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности Совета молодых литераторов Союза писателей России. Обосновывается позитивная роль творческих объединений в направлении нравственного развития современной молодежи. Противопоставляется популярная в обществе негативная установка относительно ценностных ориентаций молодого поколения и реальный пример просоциального движения молодых литераторов.

Ключевые слова: молодежь, молодежная организация, структура организации, литературное объединение, ценностные ориентации, Совет молодых литераторов, Союз писателей России.

**AN INNOVATIVE VECTOR OF DEVELOPMENT
OF A TRADITIONAL WRITERS' ORGANIZATION
(ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF THE COUNCIL OF
YOUNG WRITERS OF THE UNION OF WRITERS OF RUSSIA)**

E. I. Ogareva

North-West Institute of Management, branch of RANEPa, St. Petersburg

E-mail: ogareva-ei@ranepa.ru

R. G. Kruglov

St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg

E-mail: rokrugl@yandex.ru

Abstract: The article describes the activities of the Young Writers Council of the Russian Writers Union. The positive role of creative associations in the direction of the modern youth moral development is substantiated. The popular negative

social attitude in assessing the younger generation value orientations contrasted with the real example of the young writers pro-social movement.

Keywords: youth, youth organization, organization structure, literary association, value orientations, Young Writers Council, Russian Writers Union.

Молодежь как наиболее восприимчивая к изменениям и мобильная часть социума всегда являлась основным ресурсом развития для любого государства. В то время как современное общество пребывает в состоянии постоянного переосмысления и выработки основных векторов преобразований, молодые склонны самостоятельно (благодаря возрастным свойствам личности) здесь и сейчас конструировать социальную реальность под актуальные запросы и потребности [1; 2; 3; 5]. Поэтому на новое поколение возлагается особая миссия — катализировать общественные преобразования и инициировать благотворные креативные решения. При этом общество постоянно вглядывается в молодежь: какая она? способна ли оправдать возложенные на нее надежды?

Актуальность данного исследования обусловлена потребностью социума в определении инновационного потенциала современной молодежи и оценке ее нравственного облика.

В масштабном исследовании ВЦИОМ [17], направленном на составление образа современной молодежи, ярко обнаруживается амбивалентность в оценке основных психологических качеств. Так, около половины опрошенных считают, что новому поколению свойственны такие качества, как активность (48%), открытость и дружелюбие (47%). При этом мнения о пассивности сегодняшней молодежи придерживается 41% наших сограждан, а о высокомерии молодых людей заявляют 38%. Также сильно расходятся мнения по таким дихотомиям, как «агрессивность — доброжелательность» (41% против 43%), «эгоизм — готовность помочь» (43% против 42%), «патриотизм — равнодушие к стране» (42% против 44%). Подобная «раздвоенность» суждений может свидетельствовать о переходном, кризисном периоде становления личности современного молодого человека. Пожалуй, наиболее однозначными являются оценки по шкале «ориентация на духовные ценности — ориентация на материальные ценности» (10% против 82%).

Отметим, что эти «внешние» по своей природе оценки социологического опроса во многом совпадают и с внутренними ценностными ориентирами современных молодых людей.

Многочисленные исследования, посвященные этой теме, показывают, что основные ориентиры молодежи лежат в сфере сугубо индивидуалистических ценностей (здоровье, любовь, семейное счастье, хорошо оплачиваемая работа, материальная обеспеченность и друзья) [3; 4; 12; 10; 15]. Если стандартную процедуру измерения ценностных приоритетов немного изменить (предложить вместо ранжирования готового списка — открытый вопрос), можно увидеть, что наиболее значимыми жизненными целями молодежи являются: собственный бизнес, возможность приобрести дорогие вещи и получить

престижное профессиональное образование. А основные жизненные страхи связаны с перспективой остаться без средств существования и не создать семью (остаться одному) [15].

Системный анализ значимых ориентиров молодежи выявляет тенденцию к искажению отдельных ценностей со временем. Так, декларируемая направленность на создание семьи при уменьшении важности таких нравственных инструментальных ценностей, как «честность», «верность», «уважение», «чуткость», «ответственность», «терпимость», может свидетельствовать о потере основного смысла семейной ценности [10].

В ходе масштабного исследования ценностных предпочтений современных старшеклассников профессор А. В. Ключев приходит к выводу о том, что в системе нравственных ориентиров молодежи существует явное противоречие между внешней демонстрацией приверженности традиционной системе ценностей («семья», «здоровье», «друзья», «любовь») и заявлением о том, что «многие моральные ценности в современном мире устарели и через них требуется переступить». Происходит смещение социальных и духовных ориентиров молодых людей.

Основываясь на описанных данных, некоторые исследователи склонны строить пессимистические прогнозы в отношении современной молодежи: «в молодежной среде проявляются ретритизм (уход от действительности), социальный пессимизм и даже эскапизм (намеренное несоблюдение норм и законов, принятых в обществе). Потенциал молодого поколения перестает использоваться в полную силу, о чем свидетельствует возникновение категории “НЕЕТ-молодежь”¹. Таким образом, молодежь постепенно перестает играть роль “драйвера” общественных преобразований...» [3, с. 217].

Причины подобных отрицательных сдвигов исследователи видят как в негативных условиях жизнедеятельности молодежи (безработица; распространение модели саморазрушительного поведения; вовлеченность в интернет-сообщества экстремистской и террористической направленности и т. д.) [3], так и в отсутствии единой государственной молодежной политики, осуществляемой с опорой на формирование ценностной системы современной молодежи [4].

По мнению С. О. Елишева, государство совершило своеобразную «переустановку» своей социализирующей функции СМИ, ставшим навязчивым транслятором преходящих потребительских ценностей. Единственным «работающим» (да к тому же «и с все более возрастающей активностью») институтом социализации, который по-прежнему выполняет возложенные на него функции формирования традиционных ценностных ориентаций молодежи, является институт церкви [4]. По сути, автор утверждает, что брошенная в хаос ценностной неопределенности молодежь имеет лишь один путь к спасению — примкнуть к церкви.

¹ От англ. Not in Education, Employment or Training — трудоспособная молодежь, которая предпочитает подолгу нигде не работать и не учиться, в основном существует за счет родителей.

Не оспаривая роли религиозных конфессий в деле нравственного развития молодого поколения, заметим лишь, что современная молодежь все же проактивный участник социальных процессов. Она сама способна во многом инициировать создание «благотворной» среды саморазвития и стать творцом новых ценностных ориентиров.

Отчасти этот процесс реализуется в молодежных творческих объединениях. Как утверждает один из крупнейших современных специалистов по методике преподавания литературного мастерства Н. А. Ягодинцева, «литературное творчество имеет как минимум три измерения: личностное, социальное и культурное. Самодеятельные литературные сообщества — кружки, студии, объединения и клубы совмещают в своей работе все эти измерения <...> Занятия литературой развивают личность, оказывают влияние на общественную жизнь и добавляют крупницы драгоценного духовного опыта в культуру и искусство родного края» [19]. Высказанная позиция имеет под собой прочное искусствоведческое и культурологическое основание.

Русская культура в исторической перспективе литературоцентрична. Основные духовно-нравственные ценности, характерные для русского народа, зафиксированы уже в первых произведениях древнерусской литературы (XI в.), а с конца XIX в. можно говорить о русской литературе как о неотъемлемой части культурного ядра нации [18, с. 14–16]. Литературный процесс играет важнейшую роль в национальном самоопределении и во многом определяет ценностную систему общества.

Как социальный институт писательское сообщество достигло наивысшей точки своего развития в XX веке. Литературная организация в масштабах целого государства впервые сформировалась в России (и в мире) в форме Союза писателей СССР, основные принципы его работы были озвучены на Первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году [11, стб. 1012]. Структура и функции писательской организации изменялись на протяжении ее истории, однако в целом можно сказать, что Союз писателей СССР предполагал, как минимум, номинальную общность идеологических или эстетических позиций литераторов, а также исполнял функцию своего рода писательского профсоюза. Несмотря на государственный контроль, Союз писателей СССР обладал достаточно высоким уровнем самоорганизации — регулированием литературного процесса во всех сферах его протекания, в основном, занимались сами литераторы. Престижность профессии писателя в советский период сама по себе обеспечивала постоянный приток молодых авторов, стремившихся примкнуть к профессиональной литературной среде, однако, как сообщает А. Д. Ахматов, «вопросы преемственности стояли... и тогда» [13, с. 7]. Традиционная литературная организация предполагает не статику, а динамику, связанную с изменением социокультурной ситуации, которая обуславливает смену литературных поколений и направлений.

Закономерно, что в связи с развалом СССР, когда социокультурная ситуация изменилась радикально, преемственность литературных поколений была разорвана. Правопреемником прежней писательской организации стал Союз

писателей России [7], который изначально был ориентирован на сохранение традиций. Тем не менее, в начале третьего тысячелетия стала очевидной ситуация культурного провала между старшим поколением литераторов и молодежью, связанная с нехваткой промежуточного поколения — писателей среднего возраста (следствие общественных потрясений 1990-гг.).

Одна из наиболее актуальных проблем современного литературного пространства — это разрыв между читающей и пишущей молодежью и зрелыми писателями. Согласно Д. К. Леонардову, «причина этой пропасти ... в нежелании слушать друг друга: молодые авторы не приемлют безынициативность и консерватизм старших, инерционность в литературных и общественных делах. Старших возмущает то, что молодые не уважают их знаний и опыта и не пытаются их перенимать...» [9]. Необходимо отметить, что речь идет именно о разрыве преемственности поколений, а не о спаде интереса молодежи к литературному творчеству. В начале XXI в. происходит крупномасштабный всплеск литературного дилеттантства, который во многом распространяется в молодежной среде; согласно новейшим исследованиям, проводимым при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, «в 2000-х годах в России (а также за ее пределами — в Германии, Австрии, Швейцарии и т. д.) начали проводиться поэтические слэмы, конкурсы, фестивали и премии; художественный уровень этих мероприятий очень разный. <...> сетевая и фестивальная активность, безусловно, служат показателем интереса общества» [8]. Популярность литературной самодеятельности при почти полном отсутствии поддержки со стороны государственных организаций (у которых для этого недостаточно ресурсов) ведет к утрате пишущей и читающей молодежью как принципиальной ориентации на высокий уровень мастерства работы со словом, так и ценностных ориентиров, укорененных в классической русской литературе.

Тем не менее в последние два года наблюдается положительная динамика самоорганизации молодежной литературной среды, проявившаяся в создании молодежной писательской организации всероссийского масштаба при Союзе писателей России. Как значится во вступительной статье к первой всероссийской антологии молодых писателей России «Заря», «именно Союз писателей России олицетворяет приверженность традиции <...> для него ориентация на преемственность и передачу опыта от поколения к поколению является принципиально важной» [6]. В 2018 г. группой инициативной пишущей молодежи во главе с московским прозаиком А. Н. Тимофеевым в рамках Союза писателей России был создан Совет молодых литераторов (СМЛ). Цель СМЛ состоит в поиске молодых одаренных авторов, их продвижении, создании общего пространства современной литературы и ее активной популяризации. За год своего существования СМЛ собрал вокруг себя немало людей, равнодушных к настоящему и будущему русской литературы.

Еще раз подчеркнем, что Совет молодых литераторов был создан не в пику, и не вопреки Союзу писателей России, — а как его продолжение, новая перспективная ветвь традиционной писательской организации. Одна из

главных задач, которые решает СМЛ, состоит в том, чтобы сокращать и преодолевать разобщенность литературных поколений. Однако, являясь именно молодежной организацией, Совет решает эту задачу по-своему, отвечая на актуальные вызовы рядом инноваций. Одна из них — изменение структуры организации (рис. 1).

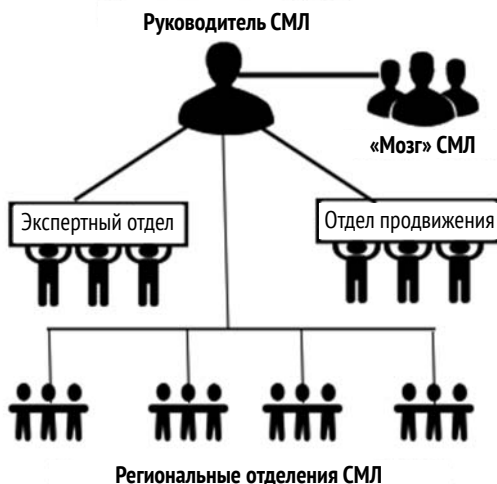

Рис. 1. Структура Совета молодых литераторов Союза писателей России

В отличие от Союза писателей, дочерняя молодежная организация отходит от привычной иерархической структуры с жесткой централизацией и тяжеловесной бюрократической составляющей. По сути, структура СМЛ объединяет в себе принципы дивизиональной и штабной организации. Управление деятельностью СМЛ осуществляет Руководитель (Председатель Совета молодых литераторов), которому непосредственно подчиняются руководители региональных отделений. На сегодняшний день сформировались и работают региональные отделения СМЛ в Санкт-Петербурге, Ульяновске, Челябинске, Новосибирске, Омске и других городах России (всего порядка 20 активно действующих ячеек). Степень развития и уровень активности в регионах разнятся, однако в большинстве случаев организацией литературного процесса занимается группа активистов, к которым постепенно присоединяются новые авторы и читатели.

Вспомогательным органом управления является исполнительная комиссия (или «Мозг СМЛ») — семнадцать человек из разных городов России, которые осуществляют функцию стратегического планирования, анализа текущей ситуации и поиска наиболее продуктивных организационных решений на всероссийском уровне. Общение происходит очно (во время специально организованных встреч), но, по большей части, в выделенном чате на платформе социальной сети «ВКонтакте». Работа «Мозга» осуществляется по типу

«открытой» организации¹, где лидер выступает скорее «фасилитатором» или «модератором» дискуссии, оставаясь в содержательном плане равноправным участником процесса. Подобная структура и формат взаимодействия повышают гибкость организации и делают ее более адаптивной, способной быстро реагировать на новые вызовы.

Самая масштабная часть деятельности СМЛ — это всероссийские совещания, проводимые регулярно в Химках, Ульяновске, Уфе, Ярославле и других городах. На совещаниях молодые авторы, произведения которых были отобраны группой экспертов, участвуют в семинарах прозы, поэзии, критики под руководством опытных мастеров (Станислав Куняев, Нина Ягодинцева, Александр Бобров, Галина Седых, Алексей Ахматов и многих других). Наряду с мастерами в семинарах работают молодые ассистенты, многие из которых прежде получили рекомендацию к вступлению в СПР на предыдущих съездах. Участники семинаров обсуждают произведения друг друга, а мастера подводят итог обсуждению, в результате наиболее зрелые и перспективные авторы получают рекомендации к вступлению или сразу принимаются в Союз писателей России. Таким образом, совещания дают возможность молодому автору не только получить квалифицированную оценку своего творчества, но и воспользоваться своеобразным «социальным лифтом». А Союз писателей, в свою очередь, «обновляет кадры» молодыми талантливыми литераторами.

Наряду с всероссийскими совещаниями СМЛ проводит семинары и обсуждения авторских подборок на региональном уровне. Например, санкт-петербургское отделение СМЛ регулярно разбирает произведения молодых авторов с целью редактуры и повышения художественного уровня произведений. Следующий этап работы — организация публикации произведений молодых авторов в литературных журналах и альманахах. Региональные отделения СМЛ взаимодействуют с местными журналами напрямую; кроме этого, существует электронный архив отобранных для публикации произведений, из которого сотрудничающие с редакциями молодые писатели берут для публикации произведения молодых авторов из других городов.

Помимо высокой степени самоорганизации в условиях отсутствия внешней поддержки, важнейшей особенностью, отличающей СМЛ от традиционной писательской организации советского периода, является активное использование современных технологий вовлечения целевой аудитории. С одной стороны, это очное представление деятельности СМЛ в учебных заведениях посредством анкетирования, проведения презентаций и литературных конкурсов, а также налаживания работы молодежных литературных объединений. С другой стороны, это привлечение информационных технологий — в течение 2018–2019 гг. была налажена работы социальных сетей СМЛ (ВКонтакте, Instagram, Facebook), ретранслирующих на широкую аудиторию литературные произведения молодых авторов, обучающие текстовые и видеоматериалы по литературному мастерству, актуальную информацию

¹ Согласно «парадигмальному» подходу к анализу организаций Л. Константина.

о проводимых литературных конкурсах и совещаниях. В работе виртуальных площадок используются современные технологии (например, внедрение системы хештегов и qr-кодов для навигации по электронным ресурсам СМЛ). Оформление материалов также ведется с учетом особенностей целевой молодежной аудитории. Например, обучающий контент рубрики «Школа_СМЛ» облекается в форму короткого и яркого видео-обращения, предваряемого интригующим тизером¹.

Как справедливо отметила Н. А. Ягодинцева, «для молодежи важны четыре основные мотивации к литературно-творческим занятиям: общение с единомышленниками, получение новых знаний для развития и самореализации, публикации или иные варианты выхода к читателю или слушателю, возможность участвовать в конкурсах и фестивалях, соревноваться, утверждаться в своих способностях» [19]. В современных условиях деятельность СМЛ уникальна тем, что ориентирована на реальную связь литературных поколений и передачу опыта от старших младшим. Регулярный приток новых авторов и читателей свидетельствует о том, что деятельность СМЛ отвечает культурным запросам значительной части молодежи.

Самоорганизация и творческая активность молодежи, вовлеченной в деятельность СМЛ, свидетельствуют об отсутствии ориентации на увеличение достатка и комфорта, напротив, о наличии более сложной мотивации — самореализации, не связанной с преходящими материальными ценностями. Вместе с тем, нельзя не отметить, что существующие запросы молодежи на возможность творческого развития удовлетворены далеко не полностью. Многие инициативы не находят финансовой поддержки, оцениваются как «неперспективные», «не дающие реального материального продукта». По сути, общество и государство, обвиняющие молодежь в «бездуховности», само же и тормозит развитие этой духовности, оценивая предлагаемые культурные проекты по «рыночным» законам.

«В современной ситуации засилия квазикультуры, когда литература почти полностью лишена государственной поддержки, особенно важно организовывать литературный процесс и привлекать к нему начинающих» [15, с. 5]. Поэтому одним из основополагающих принципов молодежной политики, наряду с признанием всей полноты прав, интересов и потребностей молодых граждан как особой общественной группы населения, обеспечением социальной защищенности и содействием развитию самостоятельности, вовлеченности молодежи в процесс формирования государственной молодежной политики, должен значиться и такой пункт, как «приоритетная поддержка общественно значимых институтов молодых людей, их организаций и движений, содействие их общественной деятельности в области социального, духовного и физического развития, создание социальных условий для добровольного и свободного общественно целесообразных и значимых форм деятельности» [14].

¹ От *англ.* teaser «дразнилка, завлекалка» — рекламное сообщение, построенное как загадка, которое содержит часть информации о продукте, но при этом сам товар полностью не демонстрируется.

Заключение

1. Несмотря на то что государство позиционирует молодежь в качестве двигателя общественных преобразований и инициатора необходимых инноваций, в научном сообществе (социологических и психологических исследованиях) явно прослеживается тенденция негативной установки по отношению к современным молодым людям. Речь, прежде всего, идет о нравственном облике (эгоцентрической направленности, ориентации на переходящие материальные ценности, социальной пассивности и негативизме).

2. Однако данные научных исследований зачастую входят в противоречие с реальными общественными процессами, где все большую роль начинают играть молодежные общественные организации. Одной из них является Совет молодых литераторов Союза писателей России — просоциальное молодежное объединение, цель которого заключается в поиске, продвижении и интеграции молодых одаренных авторов в единое пространство современной литературы.

3. Анализ деятельности Совета молодых литераторов обнаруживает, с одной стороны, ориентацию на ценностную преемственность и соответствие высоким стандартам великой русской литературы, с другой — инновационный вектор развития. Инновационный опыт молодежного отделения Союза писателей проявляется в изменении организационной структуры, целевом использовании современных цифровых технологий, ориентацией на новые креативные форматы подачи учебных материалов и творческих продуктов.

4. Одним из основополагающих принципов молодежной политики сегодня должна стать приоритетная поддержка общественно значимых молодежных организаций и движений (таких как Совет молодых литераторов), содействие их общественной деятельности в области социального и духовного развития. Признание и поощрение подобных молодежных инициатив послужат прочным фундаментом становления благополучного будущего государства.

Источники

1. Белый О. И. Определение понятия «молодежь» // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 12. — С. 156–158.
2. Головчин М. А. Молодёжь и социальная перспектива: региональный опыт исследования // Проблемы развития территории. — 2016. — № 2. — С. 112–122.
3. Головчин М. А., Мкоян Г. С. Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2018. — № 3. — С. 215–229. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-na-postsovetskom-prostranstve-v-usloviyah-tsennostnoy-transformatsii-obschestva-na-primere-rossii-i-armenii> (дата обращения: 26.06.2019).
4. Елишев С. О. Молодежная политика в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи // Пространство и Время. — 2012. — № 2. — С. 123–130. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodyozhnaya-politika-v-protse-ss-formirovaniya-tsennostnyh-orientatsiy-sovremennoy-rossiyskoy-molodyozhi-1> (дата обращения: 26.06.2019).

5. *Задонская И. А.* Влияние молодежной политики на формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи // Социально-экономические явления и процессы. — 2015. — № 1. — С. 111–116. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-molodezhnoy-politiki-na-formirovanie-tsennostnyh-orientatsiy-sovremennoy-rossiyskoj-molodezhi> (дата обращения: 25.06.2019).
6. *Заря.* Антология «молодой» литературы России // Совет молодых литераторов СПР — официальная страница VK. — URL: https://m.vk.com/wall-140290518_617?fbclid=IwAR1Z4eWqq5CwBsawZ8gPOPpPOxROBUYSI77aqm2Up5UowtWYCpW9aiLa5A (дата обращения: 29.06.2019).
7. *Крулов Р. Г.* Адмиралы, блогеры и другие профессионалы // Российский писатель [сайт]. — URL: <http://www.rospisatel.ru/kruglov.htm> (дата обращения: 29.06.2019).
8. *Крулов Р. Г.* Хаос и гармония. Русская философская лирика рубежа XX–XXI веков // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начала XXI века : сб. / ред.-сост. А. Л. Казин. — СПб. : «Петрополис», 2018. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2019/05/06/haos_i_garmoniya_russkaya_filosofskaya_lirika_rubezha_xxxi_vekov/ (дата обращения: 29.06.2019).
9. *Леонардов Д. К.* Совет молодых литераторов Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение) // Дом писателя. Санкт-Петербург [сайт]. — URL: http://dompisatel.ru/?page_id=14597 (дата обращения: 29.06.2019).
10. *Лесин А. М.* Особенности ценностных ориентаций студентов-первокурсников // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. — 2018. — Т. 6, № 4 (23). — С. 672–682. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnyh-orientatsiy-studentov-pervokursnikov> (дата обращения: 26.06.2019).
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт науч. информации по общественным наукам РАН. — М. : Интелвак, 2003. — 800 с.
12. *Логинова Е. И.* Изучение ценностных ориентации современной российской молодежи: кросскультурный аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2007. — № 39. — С. 130–134. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-tsennostnyh-orientatsii-sovremennoy-rossiyskoj-molodezhi-krosskulturnyy-aspekt> (дата обращения: 26.06.2019).
13. Молодой Петербург — 2009 : альманах. — СПб. : ВИС, 2009. — 304 с.
14. *Немерюк А. А.* О молодежной политике в современной России // Власть. — 2009. — № 4. — С. 103–105. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-molodyozhnoy-politike-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 25.06.2019).
15. Полилог. Сборник по итогам фестиваля. — СПб. : «Первый класс», 2012. — 356 с.
16. *Ростовская Т. К., Саралиева З. Х.* Жизненные приоритеты и ценностные компоненты молодежи: региональный аспект // Муниципалитет: экономика и управление. — 2018. — № 2 (23). — С. 80–87. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyye-prioritety-i-tsennostnyye-komponenty-molodezhi-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 26.06.2019).
17. Пресс-выпуск: Молодежь 2.0 // Сетевое издание ВЦИОМ. — 2019. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9772> (дата обращения: 26.06.2019).
18. Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917–2017 : в 3 т. / сост., вступ. ст. А. Л. Казина. — СПб. : Алетей, 2016. — Т. 1: 1917–1934. — 544 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»).
19. *Ягодинцева Н. А.* Организация литературной работы: методика, рекомендации. Деловые игры / Челябин. гос. ин-т культуры. — Челябинск, 2019. — 119 с.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕГО АКТИВИЗАЦИИ: ОПЫТ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Ю. М. Пасовец

Курский государственный университет, г. Курск

E-mail: yulia_pasovets@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

Аннотация. В работе предпринимается попытка выявить и охарактеризовать установки молодых людей на самозанятость и предпринимательскую деятельность как показатели ее предпринимательского потенциала на материалах Курской области. В контексте определения возможностей активизации предпринимательской инициативы молодежи рассматривается региональная система поддержки малых и средних предпринимателей, анализируются преимущества организации такой поддержки в других регионах Центрального Черноземья.

Ключевые слова: молодежь, молодежное предпринимательство, предпринимательский потенциал, малый и средний бизнес, регион.

THE ENTREPRENEURIAL POTENTIAL OF YOUTH AND POSSIBLE WAYS OF ITS ACTIVATION: THE EXPERIENCE OF THE REGIONS OF CENTRAL BLACK EARTH REGION

Y. M. Pasovets

Kursk State University, Kursk

E-mail: yulia_pasovets@mail.ru

Abstract. The paper attempts to define and characterize the attitude of young people to self-employment and entrepreneurial activity as indicators of their entrepreneurial potential based on data from Kursk Region. Regional system of support for small and medium-sized enterprises was considered, the advantages of organization such support in the other regions of the Central Black Earth Region were analyzed, and in this context the possibilities of activating the entrepreneurial potential of youth are determined.

Key words: youth, youth entrepreneurship, entrepreneurial potential, small and medium-sized business, region.

Введение

В современных условиях молодежное предпринимательство в экономическом плане выступает ключевым ресурсом развития рыночной экономики, расширения сферы малого и среднего предпринимательства; в социальном — значимым способом повышения уровня занятости населения и решения проблемы безработицы; в личностном — возможностью для самореализации и социального утверждения. Для российского общества продуктивная реализация предпринимательского потенциала молодежи является как источником экономического роста и инновационного развития, так и важным способом социальной интеграции молодых людей.

Несмотря на значительное внимание к проблемам поддержки предпринимательской инициативы со стороны органов управления в настоящее время, на практике молодой возраст предпринимателя не обеспечивает ему особый экономический и правовой статус с наличием льгот и гарантий. Молодые предприниматели зачастую получают поддержку в рамках государственных программ и проектов, рассчитанных на все категории населения, выдерживая конкуренцию вне зависимости от возраста. В научном и экспертном сообществе все чаще утверждается, что в условиях российской действительности молодежное предпринимательство приобрело качество отдельной сферы экономических отношений, и его регулирование требует разработки соответствующей нормативно-правовой базы, отдельных программ и мероприятий поддержки, учитывающих специфику молодых предпринимателей как особой социально-экономической категории населения [1, с. 50; 2, с. 20–21].

Как показывают результаты опросов, для значительной части молодого поколения россиян самозанятость и предпринимательская деятельность не являются предпочтительными формами занятости по ряду причин: из-за рискованного характера деятельности, недостаточности ресурсов для успешной организации и ведения бизнеса, наличия конкурентных отношений в этой сфере и др. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения предпочтений и субъективных оценок молодежи в области предпринимательской деятельности и выстраивания на этой основе социальной политики по активизации предпринимательской инициативы среди молодежи.

Анализ **современного состояния исследований в данной области** показывает, что в последнее время изучение проблематики предпринимательской активности молодежи вызывает существенный интерес у отечественных исследователей. Так, в работах уделяется внимание выявлению и анализу проблем развития предпринимательства и стимулирования предпринимательской активности среди молодежи [1; 2]; предпринимаются попытки рассматривать молодежное предпринимательство как предмет социального управления и определить оптимальные механизмы управления им [6] и т. д. При этом предпринимательская инициатива молодежи рассматривается как компонента социально-трудового потенциала общества [7]; ресурс для инновационного развития российской экономики [8].

Следует отметить, что в современном российском обществе сохраняется существенная пространственная асимметрия, выражающаяся в социально-экономическом неравенстве и социокультурной дифференциации между регионами и обусловленная рядом природных и социальных факторов: ресурсной обеспеченностью территории, специализацией ее экономики, исторической судьбой, этнорелигиозной спецификой и др. [3; 4; 5]. В этом контексте приобретает значимость **исследовательский вопрос**, связанный с определением специфики предпринимательского потенциала молодежи отдельных российских регионов и макрорегионов, а также оценки эффективности направлений и мероприятий по активизации предпринимательской инициативы молодого поколения в рамках региональных систем содействия развитию малого и среднего бизнеса, сложившихся к настоящему времени и имеющих свою специфику.

Методы исследования

Для характеристики обозначенной проблемы исследования на примере одного из российских регионов — Курской области — используются результаты опроса населения, проведенного нами в 2018 г. на основе типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» на территории Курской области. Сбор данных осуществлялся методом полуструктурированного интервью (типичная методика дополнена рядом открытых вопросов) по месту жительства респондента. Общее количество опрошенных составило 550 человек. Выборка исследования репрезентативна для взрослого населения Курского региона; ошибка выборки по одному признаку не выше 3%. В целях анализа динамики показателей задействованы и данные опросов населения Курской области в 2007 г. ($N=1128$ человек), 2009 г. ($N=1000$ человек), 2012 г. ($N=1000$ человек) и 2016 г. ($N=500$ человек), проведенных по вышеуказанной программе и методике.

Результаты исследования

По данным опроса курян в 2018 г., в региональном измерении к числу наиболее востребованных мер по повышению качества жизни населения относятся развитие регионального рынка труда, связанного с созданием новых рабочих мест, и региональной системы здравоохранения, предполагающей улучшение медицинского обслуживания, а также укрепление социального порядка, искоренение преступности и коррупции. Результаты регионального мониторинга обнаруживают, что именно эти проблемные сферы сохраняют приоритетность у большинства курян на протяжении нескольких лет.

Тем самым существенное значение для региона имеет проблема недостатка рабочих мест, в том числе и для молодежи, решение которой связано с сокращением уровня безработицы и повышением уровня занятости населения.

Одним из возможных и наиболее приемлемым для органов власти способом решения указанной проблемы выступает развитие самозанятости и предпринимательской инициативы, что, к сожалению, не находит массовой поддержки у населения. Эту позицию проявляют предпочтения курян в проективной ситуации выбора работы. Так, в настоящее время 12,2% курян выражают желание иметь собственный бизнес и принимать на себя соответствующие риски. Иными словами, только десятая часть населения региона хотела бы включиться в предпринимательскую деятельность. Между тем основная часть населения региона (более 60,0%) отдает предпочтение нерыночным мотивам трудовой деятельности, что в основном связано с работой по найму. Такая иерархия трудовых предпочтений имеет достаточно устойчивый характер: сохраняется у населения области на протяжении последних лет.

В сложившейся ситуации особую значимость имеет вопрос о предпринимательском потенциале молодежи, степени распространенности в молодежной среде установок на предпринимательскую деятельность, что требует создания оптимальных условий в регионе для реализации этих планов на практике.

Анализ данных опроса населения региона в 2018 г. по возрастным категориям показывает, что большую часть тех, кто выбирает предпринимательскую деятельность в качестве предпочтительного вида занятости, составляют лица молодого (в возрасте 18–30 лет) и среднего (31–49 лет) возраста. При этом среди молодежи эта доля составляет 19,8% (табл. 1), то есть практически пятую часть возрастной категории.

Таблица 1

**Предпочтения молодежи Курской области в выборе работы
(в ситуации свободного выбора), в %**

Варианты ответов	2018 г.
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	43,5
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	29,0
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	19,8
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	4,6
Не знаю	3,1
Отказ от ответа	–
ИТОГО	100,0

Вместе с тем около трети молодых курян выбирают работу с высоким уровнем оплаты труда, более 40% — с гарантированной заработной платой независимо от ее уровня (см. табл. 1). Соответственно для них приоритетом выступают доходы от трудовой деятельности в первом случае и стабильность этих доходов — во втором, а не самостоятельность в создании рабочего места и организации своего труда.

Учитывая ограниченную распространенность среди курской молодежи трудовых установок на самозанятость и предпринимательскую деятельность, следует обратить внимание на препятствия, которые сдерживают молодых людей от включения в сферу предпринимательства, и обстоятельства, влияющие на формирование мотивации отказа от такого вида занятости. Как показывают результаты опроса в 2018 г., ключевыми препятствиями для потенциальных предпринимателей из числа городской молодежи выступают материальные и личностные факторы. О таком препятствии, как недостаточность или отсутствие материальных средств, «стартового» капитала, свидетельствуют следующие высказывания респондентов:

- Да, готова, но пока нет на это материальных средств;
- Нет, в связи с финансовыми средствами, с их нехваткой;
- Нет, не готова из-за отсутствия начального капитала на открытие дела;
- Нет, так как нет стартового капитала;
- Нет, это очень затратно и рискованно;
- Нет, это слишком много денег и на рынке большая конкуренция.

О существенном влиянии на отказ от предпринимательства личностных характеристик молодых людей: отсутствие способностей к этому виду деятельности, желания и заинтересованности, уверенности в себе, наличие страха перед возможными трудностями и рисками — указывают такие ответы опрошенных:

- Нет, нет склонности к ведению своего дела;
- Нет, это не мое;
- Не готов, потому что ИП не для меня;
- Нет, это не мое, нет коммерческой жилки;
- Нет, не уверен;
- Нет, опасаясь трудностей, нет большого желания;
- Нет, так как не заинтересован в этом;
- Нет, это большой риск.

К числу личностных факторов, формирующих отрицательную мотивацию к этому виду занятости, можно отнести недостаток знаний и компетенций, необходимых для успешного ведения бизнеса, и опыта работы в этой сфере:

- Нет, не готова в связи с отсутствием опыта в данной сфере;
- Нет, так как нет на данный момент средств и навыков, знаний для этого.

Отметим, что среди этой категории молодежи есть и те, кто допускает для себя самозанятость и предпринимательскую деятельность, но откладывает ее реализацию на отдаленную перспективу: «В ближайшие годы нет, так как получаю высшее образование» и др.

В этом контексте следует сказать, что виды и формы поддержки малого и среднего предпринимательства, действующие в регионе в настоящее время, соотносятся с выявленными ключевыми проблемами молодых людей в этой сфере. Так, основными видами такой поддержки являются:

- финансово-кредитная (за счет средств федерального и областного бюджетов начинающие предприниматели получают субсидии для

- компенсации части расходов на создание и осуществление бизнеса, в том числе в сфере инноваций и для молодых предпринимателей; субъекты малого и среднего предпринимательства — расходов, понесенных в связи с участием в межрегиональных и международных выставочно-ярмарочных мероприятиях, в сфере обрабатывающей промышленности — на возмещение затрат, нацеленных на инновационную деятельность, модернизацию производства);
- имущественная в форме предоставления федерального, регионального и муниципального имущества предпринимателям этих категорий;
 - информационная и образовательно-профессиональная — поддержка в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров (субъекты малого и среднего предпринимательства получают субсидии на возмещение расходов, нацеленных на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации работников);
 - правовая в форме предоставления доступа к базе правовых решений для малых и средних предпринимателей, консультаций;
 - ресурсная как возможность использования инфраструктуры поддержки (фонд содействия кредитованию — некоммерческое партнерство «Областной центр поддержки малого и среднего предпринимательства»; муниципальное учреждение «Курский городской бизнес-инкубатор «Перспектива»; Курская торгово-промышленная палата; учебно-деловой центр — школа маникюрного и парикмахерского искусства «Lady Victory»; более 30 финансово-кредитных организаций (ПАО «Курский промышленный банк», «ВТБ», Ассоциация микрокредитная компания «Центр поддержки предпринимательства Курской области» и др.); а также органы исполнительной власти региона и муниципальных образований, Комитет потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области; Совет по содействию развитию малого и среднего предпринимательства Курской области как координационный совет; общественные организации/объединения — Курское областное отделение общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России», Курская региональная общественная организация «Союз предпринимателей», «Консорциум легкой промышленности города Курска», Курское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация молодых предпринимателей России», Курская общественная организация «Центр содействия развитию предпринимательства «Перспектива» и др.);
 - иная (например, бюджеты муниципальных образований получают субсидии для софинансирования их расходов на проведение соответствующих мероприятий, поддержка фонда микрофинансирования проектов предпринимателей этих категорий посредством взносов от имени области в НК «Областной центр поддержки малого и среднего предпринимательства» и др.) [9; 10].

К настоящему моменту в направлении государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Курской области реализуется ряд программ как в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (сроки реализации: 15.10.2018 г. — 31.12.2024 г.), так и региональных программ. В рамках соответствующего федерального проекта на региональном уровне представлены проекты «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности», «Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию», «Популяризация предпринимательства» и «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» [10]. Наряду с этим действуют программы Курской области «Развитие экономики и внешних связей Курской области» (подпрограмма 2 «Развитие малого и среднего предпринимательства в Курской области») и «Повышение эффективности реализации молодежной политики, создание благоприятных условий для развития туризма и развитие системы оздоровления и отдыха детей в Курской области» [10]. С целью включения молодежи как целевой группы в сферу предпринимательской деятельности в регионе осуществляется федеральная программа «Ты — предприниматель», которая предусматривает информационно-образовательную и консультационную поддержку потенциальных предпринимателей и начинающих свой бизнес из числа молодых курян. В 2018 г. в Курской области более 700 человек в возрасте до 30 лет приняли участие в образовательных проектах в рамках этой программы, 65 молодых людей стали субъектами малого и среднего предпринимательства [11].

В силу реализации федеральных программ и проектов в регионах Центрального Черноземья — Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областях — для активизации предпринимательской инициативы населения, в том числе и молодежи, и создания условий для ее осуществления используются схожие виды и формы поддержки малого и среднего предпринимательства. Вместе с тем региональные системы поддержки предпринимателей имеют свою специфику, обусловленную различиями в уровне социально-экономического развития областей, специализации региональных экономик и др. Так, обратимся к результатам Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации 2018 года, в котором учитываются ключевые для предпринимательской деятельности направления: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы, поддержка малого предпринимательства [12]. В рамках указанных направлений идет оценка регионов по ряду показателей, где учитывается как значение самого показателя, так и его динамика по сравнению с предыдущим периодом. В лидеры рейтинга попадают регионы с самыми высокими/низкими значениями этих показателей и их наибольшим ростом/снижением в зависимости от роли этого показателя для активизации бизнеса [12].

Как среди регионов Центрального Черноземья, так и среди других российских регионов, Курская область имеет лучшие значения по отдельным показателям регуляторной среды (минимальная продолжительность времени по регистрации права собственности на недвижимое имущество и наибольшая степень удовлетворенности субъектами бизнеса от этой процедуры [12, с. 20–21]), инфраструктуры и ресурсов (доступность трудовых ресурсов [12, с. 59]). Липецкая область также отличается в этих направлениях: в рамках регуляторной среды для нее присущ наименьший срок регистрации права собственности [12, с. 20]); инфраструктуры и ресурсов — минимальное число процедур для постановки на кадастровый учет [12, с. 51]. Тамбовская область лидирует только по двум показателям, характеризующим институты для бизнеса: качество регионального законодательства [12, с. 30] и эффективность совета по вопросам развития инвестиционного климата [12, с. 40]. У Воронежской области отмечается несколько лучших показателей: в инфраструктуре и ресурсах (минимальный срок для постановки на кадастровый учет [12, с. 50]; качество телекоммуникационных услуг [12, с. 46]); в поддержке малого предпринимательства (недвижимость, необходимая для осуществления предпринимательской деятельности [12, с. 69]); консультационные и образовательные услуги, оказываемые организациями инфраструктуры поддержки малого предпринимательства в регионе [12, с. 70]). Белгородская область находится в числе регионов с наилучшей оценкой предпринимателями отдельных показателей инфраструктуры и ресурсов (качество телекоммуникационных услуг [12, с. 46]) и мер содействия малому бизнесу (получение малыми предпринимателями в аренду площадей, предоставляемых регионом [12, с. 73]). В 2018 г. именно Белгородская область отмечена как регион с лучшими управленческими практиками, в том числе на основании оценки перспективности инициативного проекта по обеспечению альтернативной экономики в сельских территориях «500/10000» [12, с. 82].

Следует отметить, что ни один из регионов Центрального Черноземья не оказался в группах российских регионов с доступной и достаточной финансовой поддержкой, эффективной финансовой поддержкой малого предпринимательства. Вместе с тем результаты опроса курской молодежи проявляют заинтересованность потенциальных молодых предпринимателей именно в этом виде поддержки.

Заключение

Соотнесение результатов опроса, проявляющего предпочтение и оценки молодежи, с реальными практиками поддержки предпринимательской инициативы в региональном измерении показывает, что, несмотря на наличие достаточно продуктивных идей по стимулированию и поддержке малого и среднего предпринимательства, при их реализации на практике зачастую не учитываются трудовые ориентации и предпочтения значительной части молодых людей. Исходя из этого, разработка программ и проектов по

активизации предпринимательской деятельности молодежи, выбор конкретных мероприятий в рамках этих проектов должны предусматривать формирование у молодежи позитивной мотивации к включению в сферу самозанятости и предпринимательской деятельности и развитие востребованных в этой сфере деятельности личностных характеристик молодых людей, а также популяризацию предпринимательства в регионе.

Источники

1. Меркулов П. А. Молодежное предпринимательство как фактор устойчивого социально-экономического роста // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. — Т. 12, № 3. — С. 42–52. — DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-3-42-52.
2. Вильчинская О. В., Чагина А. В. Проблемы развития предпринимательства в молодежной среде // Вестник управления. — 2014. — № 10. — С. 20–23.
3. Пасовец Ю. М. Пространственная асимметрия российского общества: социально-экономическое неравенство и социокультурная дифференциация регионов // Философские науки. — 2016. — № 4. — С. 58–69.
4. Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья / Когай Е. А., Пасовец Ю. М. и др. ; Курск. гос. ун-т. — Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2018. — 192 с.
5. Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф. Индустриальная траектория роста Тюменской области в контексте истории ее социально-экономической укорененности // Сибирский социум. — 2017. — Т. 1, № 2. — С. 12–46.
6. Ларченко А. В. Молодежное предпринимательство как предмет социального управления: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. — 2015. — № 3 (72). — С. 92–98.
7. Иванова Т. Н. Современная молодежь как социально-трудовой ресурс общества // Балтийский гуманитарный журнал. — 2015. — № 2 (11). — С. 15–17.
8. Кузнецова И. А., Люлюченко М. В., Левченко А. С. Развитие молодежного предпринимательства как фактор повышения качества человеческого капитала в условиях становления инновационной экономики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2017. — № 6. — С. 208–218. — DOI: 10.21295/2223-5639-2017-6-208-218.
9. Администрация Курской области: [официальный сайт]. — URL: adm.rkursk.ru (дата обращения: 28.06.2019).
10. Портал малого и среднего предпринимательства: Курская область[сайт]. — URL: rprtr.rkursk.ru (дата обращения: 28.06.2019).
11. Ты — предприниматель // Комитет по делам молодежи и туризму Курской области[сайт]. — URL: kdmt46.ru (дата обращения: 29.06.2019).
12. Сборник лучших региональных управленческих практик в сфере повышения инвестиционной привлекательности по результатам Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации 2018 года. — М., 2018. — 88 с.

МОЛОДЕЖНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 316.42

DOI: 10.25990/hse.conf-15.zxqr-qd10

СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ САМОУПРАВЛЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю. А. Афанасьева

Фонд «Центр стратегических разработок», г. Москва

E-mail: afanasye8a@mail.ru

Аннотация: Органами государственной власти молодежь часто позиционируется, как двигатель социально-экономического прогресса страны. Утверждается приоритетность развития молодежной политики как в целом по стране, так и на уровне отдельных регионов. Однако реальное влияние государственной политики на активность молодежи в самоуправлении остается нераскрытым. В связи с этим, основной целью данной работы является анализ реализации молодежной политики в Новосибирской области и обзор существующих способов оценки эффективности внедрения механизмов развития молодежной политики для дальнейшего совершенствования государственной регуляции в данной сфере.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, самоуправление.

STRATEGIES FOR INCREASING YOUTH SELF-GOVERNMENT ACTIVITY BY REGIONAL AUTHORITIES ON THE EXAMPLE OF THE NOVOSIBIRSK REGION

Y. A. Afanasyeva

Fund «Center for strategic research», Moscow

E-mail: afanasye8a@mail.ru

Abstract: The government authorities often position young people as the engine of a country's socioeconomic progress. The priority of the development of youth policy is approved both in the whole country and at the level of individual regions. However, the real influence of state policy on the activity of young people in self-government remains undisclosed. In this regard, the main goal of this work is to analyze the implementation of youth policy in the Novosibirsk Region and review existing methods for assessing the effectiveness of introducing youth policy development mechanisms to further improve state regulation in this area.

Key words: youth, youth policy, self-government.

Введение

В Российской Федерации управление молодежной политикой реализуется на двух основных уровнях: федеральном и региональном. На обоих уровнях молодежь оценивается органами государственной власти как категория граждан, на которую в силу особенностей их социально-экономического положения возлагаются большие надежды, связанные с развитием государства. Молодежь рассматривается как сообщество, которое будет стоять в основе эволюции политических и экономических процессов, поэтому так важно в период их становления обеспечить им доступ к возможностям обучения, реализации их способностей, показать им, что от их решений во многом будет зависеть дальнейшее развитие российского общества, молодежь является субъектом инновационной деятельности и одним из драйверов будущей социально-экономической и политической жизни страны.

В сфере молодежной политики на федеральном уровне принято два основных документа: «Основы государственной молодежной политики на период до 2025 года» и государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016–2020 годы [1].

В 2018 г. в новостях периодически появлялись сообщения о том, что в России планируют принять Закон о молодежной политике, мотивируя необходимость его введения тем, что в большинстве регионов подобные законы уже существуют и для принятия федерального закона будут использованы лучшие региональные практики реализации молодежной политики. Однако по состоянию на начало лета 2019 г. закон так и не принят. В свободном доступе можно найти только проект данного закона, который, по сообщениям некоторых СМИ, разрабатывался в прошлом году рабочей группой Совета Федерации [2]. Данный закон должен быть направлен на установление молодежи как значимой социальной группы населения, а также на разумное бюджетирование молодежной сферы с целью привлечения не только государственных, но и частных средств.

Одним из способов повышения активности молодежи в рамках участия в развитии общества, как на государственном, так и на муниципальном уровне, является участие граждан в самоуправлении.

Согласно определению, приведенному из социологической энциклопедии, самоуправление — «это автономное функционирование организационной системы или подсистемы, либо управление делами территориальной общности, организации или коллектива, самостоятельно осуществляемое их членами либо через выборные органы, либо непосредственно» [3]. Самостоятельность в принятии решений развивается на всех уровнях, начиная от муниципальных образований, заканчивая каждым отдельным гражданином, одновременно со становлением и развитием самоуправления в обществе. Так же как участие молодежи в самоуправленческой активности приводит к увеличению влияния роли молодежи как субъекта инновационной деятельности.

В связи с вышесказанным в рамках данного анализа основное внимание будет уделено развитию молодежного самоуправления в Новосибирской области.

Основная часть

По состоянию на 2018 г. молодежь составляла порядка 24 % от населения региона (более 580 тыс. человек). При этом около 350 000 молодых людей (60,2 %) — жители Новосибирска. Инфраструктура молодежной политики области включает в себя 89 учреждений для работы с молодежью, в том числе 3 государственных, 40 муниципальных, 46 негосударственных [4].

В регионе принят ряд законодательных актов, которые формируют местную политику в отношении молодежного, в том числе студенческого самоуправления. В 2004 г. в области был принят закон «О молодежной политике в Новосибирской области», который регулирует полномочия органов власти при работе с молодежью, устанавливает основные меры государственной поддержки молодежи, молодых семей и молодежных организаций, а также описывает организационное обеспечение молодежной политики области [5].

Мерами государственной поддержки молодежных общественных объединений в Новосибирской области в соответствии с законом являются:

- предоставление субсидий на реализацию проектов по приоритетным направлениям в сфере молодежной политики;
- информационная, консультационная поддержка, а также иные нефинансовые меры государственной поддержки в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Новосибирской области [5].

В 2014 г. закон был отредактирован, в том числе появилась статья 15, в соответствии с которой в Новосибирской области в целях участия молодежи в формировании и реализации молодежной политики, предоставления и защиты интересов молодежи, формирования правовой и политической культуры молодежи, а также содействия развитию социальной активности при Законодательном собрании Новосибирской области создается Молодежный парламент Новосибирской области [5]. Также согласно статье 15.1 в Новосибирской области создается региональный реестр общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой в Новосибирской области.

Правительством Новосибирской области в 2015 г. была утверждена программа «Развитие государственной молодежной политики Новосибирской области на 2016–2021 годы». Основной целью данного закона является: «формирование условий для успешного развития потенциала молодежи в интересах социально-экономического, общественно-политического и культурного развития региона» [6]. Финансирование программы осуществляется из областного бюджета Новосибирской области с учетом субсидий из федерального бюджета. Общий объем финансирования на весь период составляет 587,1 млн рублей [6].

Согласно данной программе, основное внимание в области молодежной политики будет сосредоточено на четырех основных направлениях:

- 1) «Развитие молодежного общественно-политического движения»;
- 2) Популяризация инновационной предпринимательской деятельности и трудовое воспитание;
- 3) Обеспечение культурного, нравственного, духовного, интеллектуального и творческого развития молодежи;
- 4) Пропаганда здорового образа жизни и профилактика асоциальных проявлений, в том числе правонарушений в молодежной среде» [6].

Именно в рамках первого направления в соответствии с программой планируется проведение мероприятий, направленных на развитие навыков самоуправления у молодежи, в том числе проведение мероприятий, направленных на развитие органов молодежного и ученического самоуправления. Ежегодный охват молодежи в общественно-политическом движении в Новосибирской области в соответствии с целевыми индикаторами программы должен составить не менее 5000 человек.

В 2018 г. для уточнения и учета последних изменений была также разработана «Концепция развития молодежной политики в Новосибирской области на период 2018–2023 гг.». В концепции помимо прочего описаны диспропорции, которые присущи инфраструктуре, работающей с молодежью [3].

Во-первых, присутствует диспропорция в количестве учреждений для работы с молодежью на территории города Новосибирска и Новосибирской области — 27 учреждений, имеющих 135 инфраструктурных объектов на территории города Новосибирска, и 11 учреждений, имеющих 34 инфраструктурных объекта на территории 30 районов и 4 городских округов Новосибирской области.

Во-вторых, в Концепции отмечена сложившаяся диспропорция в кадровом обеспечении: в Новосибирске организацией работы с молодежью занимается 9 специалистов в городском комитете по делам молодежи, 1897 специалистов в учреждениях сферы молодежной политики. На территории районов и городских округов Новосибирской области — 70 специалистов в администрациях районов (округов), 173 специалиста работают в сельских поселениях и 193 в учреждениях сферы молодежной политики. В ряде районов нет ни одного специалиста по работе с молодежью в сельских поселениях [3].

Поэтому одной из приоритетных целей Концепции является устранение проблемы недостаточности инфраструктурных и кадровых ресурсов на территории области.

В концепции также выделены основные проблемы реализации государственной молодежной политики в Новосибирской области:

- отсутствие системы качественного межведомственного взаимодействия и равноуровневой координации в сфере реализации государственной молодежной политики в ряде муниципальных образований и городских округов;

- восприятие молодежи органами власти и заинтересованной общественностью в качестве объекта молодежной политики (патернализм по отношению к молодежи), слабое использование субъектного подхода в реализации молодежной политики;
- ожидание у большого числа молодежи поддержки и помощи от молодежной политики, низкий уровень мотивации к созданию и реализации молодежными сообществами программ и проектов, направленных на удовлетворение актуальных потребностей и интересов молодых людей;
- отсутствие системного подхода к решению задач просвещения, самообразования, воспитания, повышения общей культуры и разностороннего развития молодежи;
- низкий уровень включенности молодежи в социальное, экономическое, общественно-политическое и культурное развитие территорий;
- слабая развитость инфраструктуры молодежной политики в ряде районов и городских округов;
- несоответствие профессиональных компетенций большого числа работников органов и учреждений сферы государственной молодежной политики требованиям проекта профессионального стандарта «Специалист по работе с молодежью»;
- недостаточный уровень развития информационного поля молодежной политики.

Одной из основных проблем Правительство области считает низкий уровень вовлеченности молодежи в социальное, экономическое, общественно-политическое и культурное развитие территорий. В выборах федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, лишь 33 % молодых граждан в возрасте до 35 лет интересуются политикой. Только 2,7 % молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций [5]. Хотя с другой стороны Правительство Новосибирской области также выделяет проблемы, которые должны решить сами власти. В их числе: недостаточный уровень развития информационного поля, слабая развитость инфраструктуры молодежной политики в ряде районов и городских округов, несоответствие профессиональных компетенций работников, которые работают с молодежью.

Помимо перечисленных двух документов на территории области также реализуются муниципальные программы в сфере молодежной политики (действуют в 33 муниципальных районах/городских округах).

Практическую реализацию молодежной политики в Новосибирской области осуществляет министерство образования Новосибирской области. В 2018 г. в рамках государственной программы было реализовано 390 мероприятий и проектов, охват молодежи составил более 200 тысяч человек [6].

Молодежная политика города Новосибирска очень активно ведется в интернете и в социальных сетях. На официальном сайте, посвященном молодежной политике Новосибирской области, можно найти документы, которые

регулируют молодежную политику в стране и регионе; новости, касающиеся молодежной политики в регионе; анонс предстоящих мероприятий.

У каждого района Новосибирской области, а также у крупных городов есть страница в социальной сети «ВКонтакте», посвященная мероприятиям и проектам в сфере молодежной политики. Таким образом, можно видеть, что местные власти стараются привлекать молодежь к участию в событиях местного масштаба и выходят навстречу молодежи теми путями, которые оказываются более близки молодежи, а именно интернет и социальные сети.

Помимо Отдела молодежной политики управления молодежной политики и высшей школы министерства образования Новосибирской области в молодежной политике Новосибирской области участвуют «Агентство поддержки молодежных инициатив» (АПМИ), «Центр молодежного творчества» и «Дом молодежи».

При поддержке «Дома молодежи» реализуется множество проектов, направленных на активное участие молодежи в жизни региона, а также для более активного проведения досуга для реализации их потенциала. В том числе молодежный губернаторский бал, 100 дней ЗОЖ, фестивали, волонтерский образовательный лагерь. На базе Дома расположены следующие отделы: Волонтерский корпус Новосибирской области, отдел гражданских инициатив и патриотического воспитания, отдел реализации молодежных проектов в сфере здорового образа жизни и творчество [7].

На базе «Центра молодежного творчества» реализуются проекты, направленные на развитие творческих креативных талантов молодежи: КВН, молодежная газета «Рост», видеоканал «ЦМТ–ТВ» и т. п.

«Агентство поддержки молодежных инициатив» (АПМИ) было организовано в 2010 г. Основной его целью является работа над созданием региональной системы вовлечения молодежи в предпринимательскую, научную, политическую и общественную деятельность. АПМИ реализует семь актуальных проектов, среди которых: программа «Ты — предприниматель», Студенческое самоуправление, Работающая молодежь, Молодежные избирательные комиссии, Молодежное Правительство, Молодежный Парламент и студенческие отряды.

Согласно информации с сайта АПМИ, проект «Студенческое самоуправление» направлен на создание, развитие, поддержку органов студенческого самоуправления в образовательных организациях Новосибирской области». Основным информационным ресурсом проекта является группа в социальной сети «ВКонтакте». В рамках данного проекта реализуется ряд мероприятий:

- Парад российского студенчества;
- конкурс лидеров студенческого самоуправления «Студенческий лидер»;
- конкурс на лучший орган студенческого самоуправления;
- акция «Горячий лёд»;
- чемпионат интерпретированной игры «Квиддич»;
- выездной семинар-практикум органов студенческого самоуправления;
- федеральный проект «Диалог на равных» (встреча студентов с известными людьми региона, страны).

Молодежный парламентаризм Новосибирской области ориентирован на вовлечение молодежи в парламентскую деятельность на территории региона. Основной рабочей структурой направления является Молодежный парламент, который избирается путем прямого голосования.

Основные мероприятия, проводимые Молодежным парламентом Новосибирской области:

- выборы Форум молодежного парламентаризма;
- сессии Молодежного парламента Новосибирской области;
- научно-практические конференции в области развития молодежного самоуправления;
- уроки парламентаризма на территории Новосибирской области;
- проект «Точка зрения».

В феврале 2015 г. были проведены выборы, по результатам которых в первый состав Молодежного парламента Новосибирской области вошли 44 человека.

Среди проектов, реализованных Молодежным парламентом I созыва в течение двух лет работы, создание информационных пособий для молодежи Новосибирской области о государственной поддержке молодых семей, молодых специалистов и поддержке молодежи региона в сфере трудоустройства. Молодыми парламентариями было внесено 3 предложения в проекты законов Новосибирской области, привлечено более 2 000 000 рублей грантовых средств. 5 членов Молодежного парламента стали депутатами районного и местного уровней. Молодежный парламент Новосибирской области выступил куратором проведения в регионе Всероссийского теста по истории Великой Отечественной войны «Каждый день горжусь Россией!».

13 февраля 2017 г. в Новосибирской области прошли выборы в Молодежный парламент II созыва [8].

Еще одним действующим органом молодежного самоуправления на территории Новосибирской области является Молодежная избирательная комиссия Новосибирской области — постоянно действующий совещательный и консультативный орган при Избирательной комиссии Новосибирской области. Основная цель создания Молодежной избирательной комиссии — содействие в деятельности по повышению правовой культуры молодых и будущих избирателей, обучению организаторов выборов, организации выборов и референдумов на территории Новосибирской области, формирование осознанного интереса молодых и будущих избирателей к вопросам управления государственными и местными делами посредством выборов, референдумов, формированию кадрового резерва избирательных комиссий Новосибирской области [8].

В 2019 г. было сформировано Молодежное правительство Новосибирской области при Правительстве Новосибирской области. Это консультативно-совещательный орган, действующий на постоянной основе, созданный с целью взаимодействия молодежи, проживающей на территории Новосибирской области, с исполнительными органами государственной власти Новосибирской

области и привлечения ее к участию в общественно-политической жизни и решению социально-экономических задач в Новосибирской области.

Согласно плану мероприятий, на 2019 год в Новосибирской области запланировано проведение 7 разных мероприятий. Ответственным за исполнение мероприятий по направлению студенческое самоуправление в Новосибирской области является «Агентство поддержки молодежных инициатив». Минимальный охват человек при проведении данных мероприятий должен составить 7765 человек [6].

Интересным проектом, реализующимся на территории всей страны в рамках развития молодежного самоуправления, является проект «Диалог на равных» — это проект Федерального агентства по делам молодежи, формат которого предполагает регулярные встречи-дискуссии. Первым героем встречи проекта в Новосибирске в 2019 г. стал директор Новосибирского академического драматического театра «Красный факел».

В апреле 2019 г. в Новосибирской области прошел конкурс лидеров студенческого самоуправления «Студенческий лидер». Конкурс проводится в трех номинациях: «Студенческий лидер образовательной организации высшего образования», «Студенческий лидер образовательной организации среднего специального образования» и «Кубок первокурсника» [9]. Конкурс состоял из заочного и очного этапов. В очном этапе участники проходили интервью «100 вопросов для лидера», отстаивали свою позицию на дискуссии в формате «Диалог на равных», вживались в новые роли и отыгрывали их на сюжетно-ролевой игре.

Помимо этого, в сентябре по всей России пройдет парад российского студенчества, а в ноябре должен пройти форум лидеров студенческих объединений «Я могу!».

На уровне образовательных учреждений управленческая активность проявляется в организации студенческих советов и профсоюзов. Обзор уставов ведущих вузов Новосибирска (НГУ, НГТУ, СГУПС, НГПУ, НГУЭУ) продемонстрировал, что одним из органов управления каждого Университета является в том числе конференция работников и обучающихся Университета.

К компетенции конференции работников и обучающихся Университета относятся избрание ученого совета Университета, принятие программы развития Университета, обсуждение проекта и принятие решения о заключении и изменении коллективного договора, утверждение отчета о его исполнении.

Постановления конференции считаются принятыми, если за них проголосовало более 50% делегатов, при явке не менее двух третей списочного состава. Заседания конференции должны проводиться лишь по мере необходимости, но не реже, чем раз в 5 лет [10].

Однако в рассмотренных вузах Новосибирска и без того идет довольно активная общественная студенческая жизнь.

Так, в Новосибирском государственном университете (НГУ) помимо общественных организаций существует достаточно много клубов по самым разным интересам. Среди которых: музыкальные клубы, юмористические клубы,

интернациональные клубы и т. д. Но наибольший интерес для нас, конечно, представляют Клубы общественной деятельности. Если говорить про самоуправление, то наиболее активным сообществом в НГУ является Профсоюз студентов. В социальной сети «ВКонтакте» в сообществе состоит более 4 тыс. человек, новости о деятельности в рамках вуза появляются регулярно [11].

Профсоюзная организация студентов Сибирского государственного университета путей сообщения СГУПС является «организацией, координирующей и направляющей деятельность студенческих организаций и объединений, работа которых направлена на интегрированное развитие культурно-массовой, социально-бытовой, общественно-политической, спортивной и других сфер жизни студенческого общества» [12]. Согласно информации, представленной на сайте, между профсоюзным комитетом студентов и администрацией вуза заключен коллективный договор о сотрудничестве, по которому: «Администрация признает Профком единственным полномочным представителем студентов по защите прав в области получения образования и социально-экономических и трудовых отношений» [13].

В Новосибирском государственном университете экономики и управления (НГУЭУ) создан Совет обучающихся. Основными целями создания данного Совета являются: «обеспечение реализации прав на участие обучающихся в управлении университетом, в том числе при принятии локальных нормативных актов вуза, затрагивающих права и законные интересы обучающихся; формирование у обучающихся умений и навыков самоуправления, подготовка их к компетентному и ответственному участию в жизни общества» [14]. Помимо этого в университете также выбирается студенческий ректор.

В Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) создан Объединенный совет обучающихся и также действует Совет старост. Главная цель Совета старост НГТУ: «создание условий для успешного обучения студентов, защита их интересов и прав, привлечение студентов к активной общественной жизни, раскрытие и реализация их научного и творческого потенциала» [15].

В Новосибирском государственном педагогическом университете (НГПУ), так же как и в НГТУ, действует Объединенный совет обучающихся. Основным же органом студенческого самоуправления в НГПУ является Профсоюзная организация студентов. Главная цель Профсоюзной организации — защита и представление прав, законных интересов членов Профсоюза по социально-экономическим и другим вопросам в органах местного самоуправления, в суде и общественных объединениях; объединение усилий и координация действий членов профсоюзной организации студентов на факультетах и институтах НГПУ в решении общих задач Профсоюза [16].

Таким образом, мы видим, что во всех рассмотренных нами новосибирских университетах функционирует даже не одно, а несколько объединений, которые отвечают за студенческое самоуправление, вовлекают студентов в активную общественную жизнь и налаживают взаимодействие между руководством вуза и обучающимися в нем.

Однако нельзя не заметить, что несмотря на достаточно большое количество таких объединений, непонятно, имеют ли они влияние при решении проблем студентов. В уставах всех рассмотренных вузов есть упоминание только о конференции работников и обучающихся. Высока вероятность того, что формальное существование студенческих организаций не решает при этом действительно значимых проблем студентов. Необходимо наладить взаимодействие между студенческими советами и руководством университетов, только так можно говорить о том, что в университетах действительно реализуется возможность студенческого самоуправления.

Таким образом, несмотря на то что какие-то механизмы реализации молодежной политики и активизации молодежного самоуправления уже внедрены в Новосибирской области, необходимо оценить эффективность внедрения перечисленных мер поддержки и степень их реального влияния на активность молодежи и ее желание участвовать в делах местного сообщества.

Одним из способов такой оценки является рассмотрение целевых индикаторов, которые предусмотрены в законодательных актах Новосибирской области в качестве критериев оценки эффективности молодежной политики в регионе.

В документе «Развитие государственной молодежной политики Новосибирской области на 2016–2021 годы» можно найти значение целевых индикаторов для каждой задачи, которая была разработана для выполнения в рамках данной программы. В основном речь идет о численности молодых людей, привлеченных на мероприятия, основной целью которых является популяризация предпринимательской и инновационной деятельности, духовного и культурного развития молодежи и т. п. Также есть ключевые показатели количества реализуемых программ по работе с молодежью, количество молодых людей и специалистов, участвующих в обучающих программах и проинформированных о деятельности в сфере молодежной политики в Новосибирской области.

В целом данная методика является достаточно понятной и простой для оценки эффективности. Ведь основным критерием эффективности самоуправленческой активности является количество молодежи, участвующей в подобных мероприятиях. Также очень важно то, что анонсы подобных мероприятий можно найти в социальных сетях, которые популярны среди молодежи. За счет постоянной рекламы и «сарафанного радио» увеличивается охват молодежи, заинтересованной в подобных видах активности.

Однако, несмотря на то что целевые индикаторы реализации программы выставлены на официальном сайте, посвященном молодежи Новосибирской области, и их легко найти и ознакомиться с ними, нет публичных отчетов, которые бы демонстрировали эффективность внедрения данных мероприятий и реальное количество человек, принявших участие в данных мероприятиях. Постоянная отчетность в подобных мероприятиях является практически важной для понимания того, насколько эффективны избранные меры, что больше привлекает молодежь, на какие инициативы стоит делать

упор, а какие, несмотря на их кажущуюся эффективность, на самом деле оказываются бесполезны в целях увеличения активности молодежи. В сфере реализации молодежной политики Новосибирской области можно найти только отдельные новости, которые касаются проведенных мероприятий, но общего отчета по всем направлениям нет.

Помимо проблемы прозрачности итогов реализации программы, также стоит обратить внимание на недостаток механизмов оценки эффективности реализации молодежной политики на региональном уровне.

Через участие молодежи в обсуждении и решении вопросов управления региона на всех уровнях происходит развитие управленческих навыков, осознание молодыми людьми собственной ответственности и самостоятельности, которые помогают им в будущей жизни при принятии общественно значимых решений, а также в возможности принимать участие в местном и государственном управлении.

Согласно Л. Ф. Шаламовой, социальная активность студенчества обусловлена «наличием у него собственной позиции по отношению к различным событиям жизни общества, стремлением участвовать в социально-экономических и политических процессах, которые воплощаются в социально полезной и социально значимой деятельности и предполагают различные формы коллективной самоорганизации» [17].

Последние десять лет все большее внимание молодежной политике стали уделять и в органах власти. Документы федерального и регионального уровней по молодежной политике свидетельствуют о заинтересованной позиции государства в решении молодежных проблем, обозначении приоритета государственной молодежной политики — «...повышение субъектности молодого человека и молодежи как социальной группы в реализации собственных, государственных и общественных интересов». Неслучайно одним из принципов политики властей в молодежной сфере является принцип участия, означающий, что «...молодежь является не только объектом воспитания и образования, но и сознательным участником социальных преобразований» [18].

Заключение

В данной работе были рассмотрены основные законодательные акты, регулирующие молодежное, в том числе студенческое самоуправление в Новосибирской области. В последние годы органы государственной власти делают акцент на том, что необходимо воспитывать активное молодое поколение, которое способно взять на себя ответственность и инициативу в решении проблем российского общества. Схожий посыл можно увидеть и в законодательных актах, принятых на местном уровне в Новосибирской области. Для реализации молодежного самоуправления в законодательных актах предлагается организовывать студенческие объединения на разных уровнях, подключать молодежь к решению проблем муниципалитетов,

оказывать консультационную поддержку молодежным проектам и программам. В Новосибирской области в части молодежной политики мы увидели четыре основных направления, в рамках одного из которых предлагается участие молодежи в общественных организациях.

Если говорить про практическую реализацию планов по повышению активности участия молодежи в общественной жизни региона, то следует указать, что в Новосибирской области были созданы молодежные парламент и правительство, которые работают при органах законодательной власти области, в их компетенцию входит внесение предложений развития жизни молодежи в регионе. Помимо этого организовываются различные мероприятия, мастер-классы, лекции и семинары, которые вовлекают молодежь в общественную жизнь, позволяют ей делиться интересными проектами, генерировать новые идеи.

На уровне университетов действует множество общественных организаций, которые охватывают всевозможные сферы интересов студентов. Внутри университетов ведется активная общественная жизнь, выбираются советы старост, действуют профсоюзы студентов. У всех студентов есть возможность поучаствовать в деятельности таких организаций. Однако, судя по всему, влияние таких организаций на принятие руководством вузов решений, касающихся студентов, не является значительной. Только в Университете путей сообщения (СГУПС) существует нормативный акт, в котором прописано, что «администрация признает Профком полномочным представителем студентов по защите прав в области получения образования и социально-экономических и трудовых отношений» [12].

Одним из основных недостатков в области государственной молодежной политики является отсутствие критериев эффективности и оценки качества проведенной работы. Результаты проведенной работы никак не оцениваются и не предаются всеобщей огласке, что может приводить к стагнации механизмов развития молодежного самоуправления и снижению инициативы молодежи для участия в мероприятиях, посвященных молодежному самоуправлению. Многие меры, принятые органами государственной власти, могут оставаться на бумаге, никак не увеличивая долю молодежи, которая готова и стремится принимать участие в общественных делах как своего региона, так и всей страны.

Источники

1. Правительство Российской Федерации [сайт]. — URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 20.09.2019).
2. Парламентская газета [сайт]. — URL: <https://www.pnp.ru/> (дата обращения: 20.09.2019).
3. Энциклопедия социологии. — URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (дата обращения: 20.09.2019).
4. Концепция развития молодежной политики в Новосибирской области на период 2018–2023 гг. — URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/

- files/wiki/2014/01/konceptsiya_razvitiya_molodezhnoy_politiki_novosibirskoy_oblasti_2018-2023_god.pdf (дата обращения: 20.09.2019).
5. Закон Новосибирской области от 12.07.2004 N 207-ОЗ (с изм. от 11.12.2004) «О молодежной политике в Новосибирской области». — URL: <http://www.zakonprost.ru/content/regional/46/14375> (дата обращения: 20.09.2019).
 6. Постановление Правительства Новосибирской области от 13 июля 2015 г. N 263-п «Об утверждении государственной программы Новосибирской области “Развитие государственной молодежной политики Новосибирской области на 2016–2021 годы”». — URL: <https://pandia.ru/text/81/527/95839.php> (дата обращения: 20.09.2019).
 7. Министерство образования Новосибирской области [сайт]. — URL: <https://minobr.nso.ru/> (дата обращения: 20.09.2019).
 8. Молодежь. Новосибирская область [сайт]. — URL: <http://xn--11acdl.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.09.2019).
 9. Студенческие лидеры состязались в искусстве красноречия // Молодежь. Новосибирская область [сайт]. — URL: <http://mnco.pf/news/2590> (дата обращения: 20.09.2019).
 10. Устав Новосибирского государственного университета. — URL: <https://www.nsu.ru/n/sveden/document/> (дата обращения: 20.09.2019).
 11. Новосибирский государственный университет [сайт]. — URL: <https://www.nsu.ru/n/> (дата обращения: 20.09.2019).
 12. Профсоюзная организация студентов Сибирского университета путей сообщения. — URL: <https://www.stu.ru/about/index.php?page=2402> (дата обращения: 20.09.2019).
 13. Сибирский государственный университет путей сообщений [сайт]. — URL: <http://www.stu.ru/> (дата обращения: 20.09.2019).
 14. Новосибирский государственный университет экономики и управления [сайт]. — URL: <https://nsuem.ru/> (дата обращения: 20.09.2019).
 15. Новосибирский государственный технический университет [сайт]. — URL: <https://www.nstu.ru/> (дата обращения: 20.09.2019).
 16. Новосибирский государственный педагогический университет [сайт]. — URL: <https://www.nspu.ru/> (дата обращения: 20.09.2019).
 17. Шаламова Л. Ф. Студенческое самоуправление как фактор социальной активности молодежи // Высшее образование в России. — 2007. — № 8 — С. 72–74.
 18. Концепция развития студенческого самоуправления в Российской Федерации // Официальные документы в образовании. — 2005. — № 25. — С. 39–47.

ЗНАЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ В ОСВОЕНИИ САМОУПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Ю. С. Галынская

Сибирский университет потребительской кооперации,
г. Новосибирск

E-mail: barlak@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль коммуникативной компетентности в подготовке студентов к самоуправленческой деятельности. Предлагается модель формирования коммуникативной компетентности. Рассмотрены результаты эмпирического исследования уровня коммуникативной компетентности студентов колледжа при Сибирском университете потребительской кооперации в 2018–2019 гг. Автор показывает эффективность использования сказкотерапии и интерактивных образовательных технологий для приобретения обучающимися коммуникативных навыков.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, тренинг, сказкотерапия, интерактивные образовательные технологии, команда, самоуправление.

THE SIGNIFICANCE OF STUDENTS' COMMUNICATION SKILLS IN MASTERING SELF-GOVERNING COMPETENCIES

Y. S. Galynskaya

Siberian University of consumer cooperatives, Novosibirsk

E-mail: barlak@list.ru

Abstract. The article shows the role of the communicative competence in self-government preparation of students. The author presents the model of the formation of communicative competence. The paper covers the results of empirical study of the level of students communicative competence in secondary school of Siberian University of consumer cooperatives in the period from 2018 to 2019. The author reveals the efficiency of the story-therapy and interactive educational technologies in the formation of communicative skills of students.

Key words: communicative competence, training, story-therapy, interactive educational technologies, team, self-government.

Умение работать в команде необходимо сегодня не только лидерам, но и гражданам для управления территориальным сообществом (самоуправления). К ключевым признакам местного сообщества относят коллективный

совместный труд, объединяющий население определенной территории, социальное единство как результат взаимодействия людей [1, с. 75, 78, 82]. Одним из главных условий эффективной работы в команде служит обладание ее членами коммуникативными навыками. Энциклопедический словарь по психологии общения под редакцией известного отечественного специалиста по психологии А. А. Бодалёва дает следующее определение коммуникативных способностей: «индивидуально-психологические особенности личности, обеспечивающие эффективное взаимодействие и адекватное взаимопонимание между людьми в процессе общения или выполнения совместной деятельности ... позволяют успешно вступать в контакт с другими людьми, осуществлять коммуникативную, организаторскую, педагогическую и другие виды деятельности; они определяют качественные и количественные характеристики обмена информацией, восприятия и понимания другого человека, выработки стратегии взаимодействия» [2].

Из восьми правил эффективного руководителя, сформулированных создателем теории менеджмента П. Друкером, два посвящены взаимодействию. Первое правило — ответственность за коммуникации — требует доведения всеми членами команды информации и собственных потребностей до всех участников коллектива, получения обратной связи, обмена мнениями [3, с. 128–129]. Второе правило — думать и говорить «мы», а не «я» — предполагает осуществление коллективных целей совместными усилиями за счёт обеспечения атмосферы доверия в команде.

Гениальный управленец XX века Коносуке Мацусита, создавший в 1979 г. Институт по проблемам государственного управления и менеджмента, свою систему обучения нового поколения политических лидеров базировал на развитии в них пяти качеств, одно из которых — способность к сотрудничеству и взаимодействию с другими [4, с. 153]. Мацусита в целом делает акцент на важности достижения взаимодействия и взаимопонимания между руководством и работниками, руководством и профсоюзом. Для обеспечения единства в команде важно научиться разрешать конфликты путем согласования интересов, выслушивания позиций каждого [4, с. 179].

Сформированность у студентов в процессе учебы коммуникативных компетенций — важнейшая предпосылка формирования у них компетенций самоуправленческих. Ведь субъект самоуправления — индивид в составе группы. И, безусловно, индивид — коммуникативно компетентный. Коммуникативная компетентность представляет собой совокупность знаний принципов социального взаимодействия, личных коммуникативных качеств, а также умений и навыков взаимодействия в различных ситуациях. Коммуникация относится к основным потребностям человека, поскольку представляет собой единственный путь к социальному сближению и взаимодействию. Формирование коммуникативных навыков происходит на всех этапах социализации индивида. Однако самый высокий уровень потребности в общении в группе и в паре приходится на старший школьный и студенческий возраст.

Исследователи и эксперты отмечают высокую значимость и одновременно недостаточно высокий уровень сформированности навыков взаимодействия у студентов: «Мы не проводили специальных замеров уровня понимания студентами-фармацевтами речевого сообщения преподавателя, однако, многолетние наблюдения за студентами показывают, что они *владеют речью на русском языке в ограниченных пределах*, ввиду особенностей организации процесса обучения в вузе, а именно студенты в учебно-образовательном процессе чаще всего молчат: *молчат на лекциях, молчат на лабораторных занятиях* (курсив наш. — Ю. Г.); экзамены, как правило, проводятся в тестовой или письменной формах» [5]; «Следует подчеркнуть, что опыт общения с курсантами психологического факультета, а также наблюдение, обобщение независимых характеристик, анкетирование, предварительные исследования, включающие в себя выполнение курсантами специальных заданий, упражнений и тестов, показывают, что *уровень развития коммуникативной компетентности у многих из них остается достаточно низким* (курсив наш. — Ю. Г.)» [6, с.38], от одной пятой до половины студентов очной формы обучения имеют низкий и ниже среднего уровень сформированности коммуникативной компетентности. У студентов заочной формы обучения («действующих специалистов») уровень коммуникативной компетентности средний и выше среднего. При этом занятия по развитию коммуникативных навыков дают значительный эффект [7]. Исследователи фиксируют значительное повышение уровня сформированности коммуникативной компетентности у студентов в результате проведенных занятий. Так, например, знания о видах коммуникаций, владение способами обеспечения коммуникации, умение определить особенности типа личности партнера по взаимодействию в конце опытной работы увеличились почти в 2 раза. Умение определить индикатор модальности партнера возросло у обучающихся в 15 раз, умение использовать трансактный анализ — в 9 раз [8].

Анализ порядка формирования коммуникативной компетентности

Структуру коммуникативной компетентности можно представить в виде коммуникативных способностей, знаний (видов коммуникации), умений (определять тип личности собеседника, тип его восприятия, Эго-состояние), навыков (речевых, письменных, чтения, активного слушания).

Коммуникативные способности представляют собой индивидуальные особенности личности, которые помогают эффективно взаимодействовать с людьми в процессе общения. В основе способностей лежат врожденные природные особенности (задатки). При низком уровне коммуникативных задатков люди могут испытывать трудности в общении, установлении контактов с партнерами, однако они могут развивать свои коммуникативные способности и достигать определенного уровня коммуникативной компетентности.

Для формирования и развития коммуникативных способностей необходима специально организованная деятельность, которая носит целенаправленный, прогнозируемый характер и позволяет в рамках учебных занятий создать для студентов проблемные условия, требующие использования коммуникативных умений. Следует актуализировать у студентов познавательную установку путем постановки сложных, но выполнимых коммуникативных задач. Высокий уровень мотивации к развитию коммуникативных способностей приведет к заинтересованному освоению знаний в этой сфере, сознательному овладению практикой применения этих знаний (умение) и автоматизированному коммуникативному поведению (навык). Навыки формируются путем многократного повторения (упражнения, тренинга) коммуникативных действий. Благодаря формированию навыков рутинное коммуникативное действие осуществляется быстро, легко и точно. Умение, в структуру которого входит навык, включает в себя возможность творческого применения знаний, выполнения действий в нестандартных условиях.

На основании проведенного анализа и с учетом направленности на оценку и формирование выделенных элементов нами разработана *рабочая модель формирования коммуникативной компетентности* (табл. 1). Модель позволяет выявить проблемные точки в формировании коммуникативной компетентности; уточнить коммуникативные барьеры студентов. Под **коммуникативной компетентностью** мы понимаем степень владения нормами общения, позволяющую эффективно работать в команде.

Нами предложены следующие способы диагностики (табл. 2). Методика К. Г. Юнга позволяет выделить 8 типов людей на основе направленности сознания человека внутрь себя или вовне, рациональности и иррациональности, а также преобладания одной из четырех функций психики (мышление / чувство / интуиция / ощущение). Методика Ю. М. Орлова выявляет интенсивность потребности в общении. Чем больше сумма набранных баллов, тем больше потребность в общении. Стэнфордский опросник застенчивости Ф. Зимбардо предназначен для самоанализа выраженности застенчивости, ее причин и проявлений. Застенчивость может деструктивно влиять на налаживание межличностных отношений.

Методика И. А. Акиндиновой предназначена для определения актуальности потребностей по А. Маслоу: материальных, потребности в безопасности, в межличностных связях, в уважении, в самовыражении. Дифференциально-диагностический опросник Е. А. Климова описывает пять основных групп — склонностей, которые характеризуют личность: Человек — Природа, Человек — Человек, Человек — Художественный образ, Человек — Знаковая система, Человек — Техника. Тест коммуникативных умений Михельсона позволяет оценить различные блоки умений: оказывать и принимать знаки внимания; реагировать на критику, провоцирующее поведение со стороны собеседника; обратиться с просьбой или ответить отказом на чужую просьбу; оказывать или принимать сочувствие, поддержку; вступать в контакт или реагировать на попытку вступить с вами в контакт.

Таблица 1

Рабочая модель формирования коммуникативной компетентности

Элементы модели	Диагностика	Формирование	Признаки сформированности
Задатки ⇒	Тесты на определение темперамента, типа личности по К. Г. Юнгу, Стэнфордский опросник застенчивости Ф. Зимбардо	Имеют анатомическую и физиологическую природу	Уравновешенность / неуравновешенность, инертность / подвижность, сильный / слабый тип нервной системы, стабильность / нейротизм, направленность сознания во внутренний / внешний мир
⇒ Склонности ⇒	Наблюдение; диагностика коммуникативных и организаторских склонностей (В. В. Синявский, В. А. Федорошин); диагностика типа профессии Е. А. Климова	Истории профессионального успеха, значимость коммуникативных навыков в профессиональной деятельности	Коммуникативные и организаторские склонности, тип профессии «Человек – Человек», «Человек – Знак», «Человек – Техника», «Человек – Художественный образ», «Человек – Природа»
⇒ Способности ⇒	Коммуникативные и организационные способности; тест «Оценка уровня общительности» В. Ф. Ряховского	Тренинговые упражнения на развитие способности слушать, риторических способностей, эмпатии	Развитые коммуникативные и организаторские способности, высокий уровень общительности, наличие навыков активного слушания, способности сопереживать
⇒ Потребности ⇒	Наблюдение; диагностическое интервью; методика выявления потребностей в общении Ю. М. Орлова; методика актуальности потребностей (А. Маслоу в модификации И. А. Акиндиновой)	Ситуационные задания, вызывающие коммуникативные затруднения и стимулирующие потребность овладения знаниями, умениями, навыками	Высокая степень актуализации потребностей в общении
⇒ Мотивация ⇒	Диагностическое интервью; диагностика мотивов аффилиации (А. Мехрабиан)	Создание эмоционально позитивной атмосферы, ситуации успеха, элементов соревнования	Высокий уровень «стремления к людям», низкий уровень «боязни быть отвергнутым»
⇒ Знания, Умения, Навыки	Тесты по оценке усвоения теоретических аспектов эффективной коммуникации; тест коммуникативных умений Михельсона; оценка навыков взаимодействия, удовлетворенности отношениями с одногруппниками	Интерактивные лекции, ролевые и деловые игры, тренинг коммуникаций, учебный диалог, дебаты, образовательный квест, публичное выступление	Владеет разными формами коммуникации, средствами общения. Умеет работать в команде, определять тип личности, репрезентативной системы партнера, использовать трансактный анализ в общении.

В табл. 2 обозначены проблемные зоны в формировании каждого элемента представленной выше модели, выявленные в результате авторских исследований.

Таблица 2

Проблемные зоны в формировании коммуникативной компетентности студентов

Элемент модели	Проблемы формирования элемента
Коммуникативные способности	Образовательная среда не требует от обучающихся навыков взаимодействия
Потребности в общении	Не актуализирована потребность в освоении коммуникативных навыков вследствие: а) общения в виртуальном пространстве; б) завышенной самооценки коммуникативных способностей
Мотивация к общению	Неадекватная самооценка коммуникативных способностей
Коммуникативные склонности	Манипулятивный стиль общения, рецептивная ориентация характера, застенчивость
Коммуникативные знания, умения, навыки	Низкий уровень базовой коммуникативной подготовки

Объектом наблюдения выступили студенты направления подготовки «Право и организация социального обеспечения» среднего профессионального образования колледжа при Сибирском университете потребительской кооперации. Всего в работе приняло участие 152 студента юридического факультета в возрасте 17–19 лет. Исследование проводилось с января 2018 по май 2019 г.

Первичная диагностика методом тестирования показала высокий уровень готовности и желания студентов общаться, наличие коммуникативных способностей у большинства опрошенных. Больше половины респондентов (56 %) характеризуются очень высоким уровнем общительности, 37 % студентов коммуникабельны, и только 10 % в целом общительны, но с осторожностью сходятся с незнакомыми людьми («осторожные в общении»). 59 % респондентов относятся к типу профессии «Человек – Человек». Более трети обучающихся (36 %) имеют направленность на общение. Однако уровень удовлетворенности этих потребностей низкий. Так, только у трети студентов (32 %) потребности в общении полностью удовлетворены. Почти пятая часть обучающихся (17 %) характеризуется неудовлетворенностью потребностей в общении, половина респондентов частично удовлетворены своими коммуникациями.

Замер исходного уровня сформированности основных компонентов коммуникативной компетентности производился также с помощью метода экспертной оценки. Экспертами выступили 7 преподавателей, ведущих дисциплины социально-психологической направленности на данных направлениях: из них 4 имеют должность доцента, 3 старших преподавателя,

4 человека имеют ученую степень кандидата наук (1 кандидат юридических наук, 1 кандидат экономических наук, 1 кандидат социологических наук, 1 кандидат философских наук). Большинство экспертов отмечают недостаточно высокий уровень сформированности базовых коммуникативных навыков у студентов 1, 2 курса. Преподаватели отмечают низкий уровень самостоятельной познавательной активности, преобладание рецептивной ориентации характера, выполнение обучающимися исполнительской функции. Это выражается в желании потреблять готовый учебный материал, а не думать, критически осмысливать тексты и вырабатывать собственную точку зрения, активно участвовать в тренингах. В группах доминируют конкурентный стиль взаимодействия, индивидуалистические ценности, отсутствует коллектив, преобладают неформальные группировки, клики. Они препятствуют командной работе и сотрудничеству. Барьерами к общению выступает: неумение слушать, манипулятивный стиль общения (маски, защитные реакции, пересекающиеся трансакции, выбор неконструктивных способов взаимодействия). Низкий уровень подготовки или слабые коммуникативные навыки маскируются агрессивным конфронтационным стилем поведения.

Обобщение данных об ожиданиях студентов показало высокую значимость для них живого общения (71 %) и следующих конкретных коммуникативных навыков.

Большинство молодых людей хотели бы научиться грамотно говорить (ясно, логично) (86 %), три четверти опрошенных указали на желание овладеть навыками разрешения конфликтов (75 %).

Больше половины студентов считает необходимым научиться управлять своим эмоционально-психическим состоянием (58 %), развивать умение убеждать и отстаивать свою точку зрения (54 %), распознавать манипуляции и обман (51 %). Для 46 % респондентов актуальной является проблема преодоления барьеров в общении.

Интерактивные технологии, обеспечивающие активное взаимодействие обучающихся в группе, применялись на дисциплине «Психология социально-правовой деятельности» (1, 2, 3 курс в зависимости от сроков обучения).

Замер *уровня сформированности* основных компонентов коммуникативной компетентности после проведения тренингов показал увеличение уровня коммуникабельности студентов. Так, доля «осторожных в общении» уменьшилась на 11 %, удовлетворенность взаимоотношениями с одноклассниками выросла на 15 %. Проведенные тренинги показали, что у студентов высокий уровень потребности в общении, но при этом недостаточно актуализирована потребность в повышении своей коммуникативной компетентности.

Нами выявлены следующие барьеры участия студентов всех курсов в тренингах: трудности адаптации в группе, манипулятивный стиль участников, рецептивная позиция (по Э.Фромму), языковые барьеры, возникающие вследствие разного уровня владения языком общения, разный тип и уровень мотивации.

Нами разработана программа тренинговых занятий по развитию коммуникативных навыков студентов и преодолению указанных барьеров.

Приведем примеры практических заданий. В начале курса используются упражнения, направленные на развитие способности преодолевать барьеры в общении, избавляться от собственных стереотипов, видеть в партнере добрые человеческие качества. Студенты осваивают пространственные зоны в общении, учатся справляться с волнением и страхом перед собеседником. Каждому предлагается в паре встать напротив друг друга, взяться за руки и, обратившись к партнеру по имени, назвать 10 его положительных качеств. При этом нужно подобрать слова, подходящие партнеру, вызывающие его отклик. После выполнения упражнения всеми участниками наступает стадия обсуждения, рефлексии. Студенты анализируют происходящее, описывают свои чувства, делятся впечатлениями.

Одно из упражнений на развитие способности к адекватному восприятию себя и других, разработанное М. Кипнисом под названием «Одно из трех: Футболка, фрак, военная гимнастерка...» позволяет сравнить самовосприятие и восприятие человека другими членами группы [9]. Известная в практике бизнес-тренингов деловая игра «Стиль» проводится по теме «Деловое общение как форма межличностных отношений. Стили отношений с людьми» позволяет участникам лучше узнать друг друга, изучить ценностные стилевые предпочтения и приобрести навыки работы в команде. Студентам предлагается выбрать животное, близкое им по стилю поведения. Обучающиеся работают индивидуально и в группах, выделяют слабые и сильные стороны в поведении животного, находят его символ и пишут ему хвалебное четверостишие. Игра «Глухой телефон» помогает понять схему коммуникативного акта, виды шумов, причины искажения смысла и потерь информации. Чтение стихов направлено на развитие способности преодолевать барьеры в публичном выступлении, приобретение навыков самопрезентации, анализа конгруэнтности (соответствия вербального и невербального поведения). Студенты учатся понимать, что говорит человек, и говорить так, чтобы тебя поняли, передавать чувства с помощью мимики, интонации, позы, взгляда. Кроме того, данное упражнение позволяет молодым людям выйти на более высокий уровень общения, что обеспечивается приобщением к шедеврам отечественной поэзии. Работа с пословицами и крылатыми выражениями в рамках темы «Психология эмоциональных отношений», а также со сказками при изучении темы «Стратегии влияния и манипулирования в деловом общении» направлена на изучение трансактного анализа в деловом взаимодействии. Сказкотерапия воплощает в себе достижения психологии, педагогики, психотерапии и философии разных культур. Благодаря активизации образного мышления и чувственного восприятия, сказка как метод арт-терапии и как вид художественно-творческой деятельности позволяет моделировать реальные профессиональные ситуации в деловом общении и формировать у студентов коммуникативные навыки. На примере героев сказок человек осмысливает жизненный сценарий и жизненный путь, цели

и средства их достижения, причины успеха или неудачи персонажа; анализ ролей героев сказок может помочь определить верный путь решения проблем, спроецировав поступок героя сказки на свою жизненную ситуацию. Студенты представляют каждого героя как члена трудового коллектива (фирмы), описывают его стратегию, цель, деловые качества; выделяют смысл (мораль) сказки. После презентации работы команд и обсуждения студенты сравнивают свою версию с данной преподавателем.

Упражнение «Треугольник: мысли, чувства и действия» дает возможность отработать правила эффективного слушания собеседника. Студентам дается задание назвать применяемые ими способы выхода из трудной жизненной ситуации. Преподаватель фиксирует все ответы на доске. Участники тренинга разделяют ответы на три группы — мысли, чувства, действия. Студенты в парах по очереди рассказывают друг другу сначала грустную, потом веселую истории, стараясь достоверно передать свои эмоции и чувства. Каждый выступает в роли рассказчика, а затем слушателя. После беседы участники обсуждают эффективность передачи нужного состояния, заражения эмоциями партнера, комфортность для себя каждой роли. Обсуждается взаимозависимость мыслей, чувств и действий, а также роль каждого компонента в рассказанном эпизоде и в целом в деловом общении.

Итоговое занятие проводится по методике «Шесть шляп мышления» Эдварда де Боно [10]. Студенты делятся на шесть команд. Первая группа представляет белую шляпу мышления «Информация» и анализирует все пройденные занятия с позиции фактов и статистики. Ведется подсчет лекций и семинаров, количества присутствовавших, числа занятий, проведенных в игровой форме, и т. п. Вторая группа — красная шляпа «Эмоции». Студенты описывают переживания, настроения, эмоции и чувства, которые они испытали в ходе пройденного курса. Третья группа — желтая шляпа «Позитивное мышление» — должна выделить все положительные аспекты проведенных занятий. Четвертая группа — черная шляпа «проблем и противоречий» — выявляет отрицательные стороны, негативные моменты, представляет критику занятий. Пятая шляпа — зеленая — отвечает за «креативность». Студенты должны представить творческие моменты изученного курса. Шестая шляпа синего цвета — «обобщение, подведение итогов». Студенты говорят о том, как будут использовать на практике полученные знания, умения и навыки.

Тренинг коммуникативной компетентности позволяет преодолеть исполнительскую функцию обучающихся и подготовить активного, творчески и самостоятельно мыслящего студента, готового участвовать в системе коллективного самоуправления. Арт-технологии в образовательном пространстве вуза помогают целенаправленно формировать навыки взаимодействия в команде. В условиях аудиторных занятий одной из наиболее доступных арт-технологий является сказкотерапия.

Применение технологий сказкотерапии связано со следующими выявленными нами особенностями обучающихся: незрелость (рецептивность

позиции по Э.Фромму), инфантилизм (безответственность) и малограмотность. Студенты не умеют разговаривать, слабо мотивированы в отношении профессии, а также имеют неудовлетворительные навыки живого (невиртуального) общения со сверстниками.

Известный специалист по сказкотерапии Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева определяет данную арт-технологию как «процесс образования связи между сказочными событиями и поведением в реальной жизни» [11, с. 9].

Схема размышления над сказками и их обсуждение включает способы группового решения проблем. Герои распределяют обязанности между собой, каждый берет на себя то, что ему удастся делать лучше всех, как и происходит в эффективной команде. Сказочный сюжет учит адекватному распределению ролей и обязанностей в коллективе.

Зинкевич-Евстигнеева выделяет следующие идеи, содержащиеся в народных сказках, на наш взгляд, необходимые для формирования навыков работы в команде: «1. Окружающий нас мир — живой. В любой момент все может заговорить с нами. Эта идея важна для формирования *бережного и осмысленного отношения к тому, что нас окружает*. Начиная от людей и заканчивая растениями и рукотворными вещами. 2. Ожившие объекты окружающего мира способны действовать самостоятельно, они имеют право на свою собственную жизнь. Эта идея важна для формирования *чувства принятия другого*. 3. Разделение добра и зла, победа добра. Эта идея важна для поддержания *бодрости духа и развития стремления к лучшему*. 4. Самое ценное достается через испытание, а то, что далось даром, может быстро уйти. Эта идея важна для формирования механизма *целеполагания и терпения*. 5. Вокруг нас множество помощников. Но они приходят на помощь только в том случае, если мы не можем справиться с ситуацией или заданием сами. Эта идея важна для формирования чувства *самостоятельности*, а также *доверия* окружающему миру» [11, с. 26].

Бережное и осмысленное отношение к другим людям необходимо членам команды, чтобы учитывать индивидуальные особенности, быть терпимыми к недостаткам ради сохранения долгосрочных отношений и сотрудничества. Эта идея похожа на принцип ответственности за отношения П. Друкера. *Чувство принятия другого* — характерная черта эмпатии как составляющей эмоционального интеллекта. Оно необходимо для построения субъект-субъектных отношений в группе, в которых каждый член коллектива представляет собой ценность, цель. Поддержание *бодрости духа и развития стремления к лучшему* нужно для формирования оптимистического настроения, активной жизненной позиции в команде. *Целеполагание* является управленческим навыком и необходимо также в самоуправлении для постановки общей цели команды. *Терпение* требуется для доведения дел до конца, для осуществления намеченного. *Доверие* к окружающему миру является основой положительного восприятия себя и других. На доверии друг к другу строится работа в команде, что подчеркивают классики управленческой мысли.

В процессе изучения темы «Восприятие как психологический процесс» мы знакомим обучающихся с возможностями использования сказок для создания и изменения собственного имиджа в глазах группы. Под имиджем понимается мнение о данном человеке, сложившееся в студенческой группе на основе его образа. Иллюстрацией является авторский тренинг В. Г. Горчаковой по имидж-моделированию с использованием фольклорных образов. Образ — универсальный язык бессознательного, который программирует нашу психику, трансформирует внешние образы во внутренние установки. Любимый фольклорный образ отражает не только особенности национальной психологии, но и позволяет понять ценности, сильные и слабые стороны человека, модель его поведения и жизненный сценарий: «любимые сказки ... раскроют и смысл, и внутренний конфликт, и комплекс, и даже способы гармонизации и личностного роста» [12, с. 242–243]. Студентам предлагается выбрать любимые сказки и сказочные персонажи и выявить их социальные роли. Требуется определить для главных героев смысл образа, конфликт (противоречие), комплекс, способы преодоления трудностей, результат усилий. Формирование у студентов правильного представления о себе создает предпосылки для управления Я-образом. Работа с любимым сказочным сюжетом позволяет человеку понять собственный образ и жизненный сценарий, при необходимости изменить их, скорректировать производимое на значимых других впечатление.

На занятии по теме «Культура делового общения» студенты выделяют в текстах сказок этические категории, общечеловеческие нравственные ценности, дают моральные оценки поступкам героев, выявляют нормативные образцы личности, рассматривают примеры норм управленческой этики, этики сферы бизнеса, этики партнерских отношений. Рассмотрение поведения сказочных персонажей позволяет студентам изучать нравственные дилеммы, проблемы борьбы добра со злом, проявления долга и совести, вопросы смысла жизни и счастья как нравственных ориентиров морального сознания. Студенты приобретают навыки анализа ценностных ориентаций, этических проблем.

Сказка формирует нормы общения через представления о добре и зле, понимание последствий тех или иных поступков, дает ответы на нравственные вопросы, помогает расставить ценностные приоритеты, предлагает образцы поведения и санкции. Моральные нормы являются универсальными ориентирами в общении в любой, в том числе самоуправленческой деятельности.

На занятии по теме «Психология делового общения» мы используем сказочные сюжеты при изучении транзактного анализа. Работа со сказками позволяет анализировать и моделировать реальные ситуации в деловом общении путем перенесения сказочного сюжета в практику бизнеса. На примере героев сказок человек выявляет жизненный сценарий, цели и средства их достижения, причины успеха или неудачи персонажа. Проецирование поведения героев сказок на реальные жизненные ситуации современного мира помогает определить верный путь решения проблем.

Сказкотерапия как образовательная технология выполняет следующие задачи. Во-первых, помогает преодолеть коммуникативные барьеры, поскольку информация в тексте сказки носит символический характер. Доступный для всех образный язык сказки позволяет свободно работать с проблемой даже членам команды со слабыми навыками ведения беседы, дискуссии. При обсуждении сказки они могут развивать свои коммуникативные способности. Во-вторых, постановка перед студентами решаемых коммуникативных задач способствует вовлечению их в живое общение, обучению эффективному взаимодействию в группе, поскольку задания требуют принятия совместных решений. В-третьих, на примерах известных сюжетов обучающиеся легче осваивают тему, формулируют и отстаивают свою точку зрения, вступают в спор и учатся применять различные стратегии поведения в конфликтных ситуациях, размышляют, работают в команде. Таким образом, арт-технологии помогают сформировать атмосферу сотрудничества на занятии, актуализировать образное мышление и творческие способности. Преподаватель получает возможность организовать взаимодействие и сотрудничество в группе, избежать формального контроля и оценки, активизировать аналитическую и рефлексивную деятельность обучающихся.

Эксперты отметили значительное повышение уровня сформированности коммуникативной компетентности у студентов в результате проведенных занятий, нормальную адаптацию, улучшение социально-психологического климата в группе, высокий интерес и активное участие в тренингах, вовлеченность обучающихся в командную работу.

Таким образом, интерактивные образовательные технологии, практикующие активное взаимодействие между студентами на занятиях, позволяют сформировать у обучающихся коммуникативные компетенции, что является важнейшим условием формирования готовности молодых людей к самоуправленческой деятельности.

Источники

1. Волох О. В. Самоуправление в системе публичного управления в России: синергетический подход / О. В. Волох, Е. В. Безвиконная. — М. : Логос, 2010. — 328 с.
2. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. — М. : Когито-Центр, 2011. — 2280 с. — URL: https://www.ereading.club/bookreader.php/1037915/Psihologiya_obscheniya_Enciklopedicheskiy_slovar.html (дата обращения: 22.06.2019).
3. Друкер П. Классические работы по менеджменту : пер. с англ. — 2-е изд. — М. : Альпина Паблишер, 2016. — 220 с.
4. Мацусита К. Философия менеджмента : пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2016. — 188 с.
5. Барышникова Т. Д. Развитие коммуникативной компетенции студентов как условие реализации инновационных технологий обучения // Развитие и достижения в учебно-методическом обеспечении образовательной деятельности : сборник трудов 69-й региональной учебно-методической конференции. — 2015. — С. 37–43.

6. Харина Н. А. Развитие коммуникативной компетентности будущих психологов-практиков УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2013. — № 7 (134). — С. 35–39.
7. Колмогорова Н. С. Изучение взаимосвязи направленности личности и коммуникативной компетентности студентов в контексте становления профессиональной культуры будущего специалиста // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета: Психолого-педагогические науки. — 2004. — Вып.4. — С. 54–61.
8. Антропова Л. В. Коммуникативная компетентность студента как объект формирования в процессе профессиональной подготовки в вузе // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 15–20.
9. Кипнис М. Ш. Тренинг креативности. — М. : «Ось-89», 2006. — 128 с.
10. Эдвард де Боно. Шесть шляп мышления. — Минск : Попурри, 2006. — 208 с.
11. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. — СПб. : ООО «Речь», 2000. — 310 с.
12. Горчакова В. Г. Имиджология. Теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 335 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Д. Д. Васильченко

Курский государственный университет, г. Курск

E-mail: Di.2810@yandex.ru

Научный руководитель: Е. А. Когай, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Курского государственного университета (г. Курск)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

Аннотация. В статье изложены проблемные аспекты реализации в регионах Центрального Черноземья молодежной политики, ориентированной на активизацию участия молодежи в социально-экономической и политической деятельности. Структурированы основные составляющие механизма реализации молодежной политики в макрорегионе. Выявлены интегративные факторы, способствующие развитию потенциала молодежи. Определены приоритетные направления реализации государственной молодежной политики в регионах Центрального Черноземья.

Ключевые слова: молодежь, государство, регион, молодежная политика, Центральное Черноземье, гражданское общество.

SOCIO-CULTURAL BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY IN THE REGIONS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION

D. D. Vasilchenko

Kursk State University, Kursk

E-mail: Di.2810@yandex.ru

Abstract. The article outlines the problematic aspects of the implementation of youth policy in the Central Black Earth Region focused on enhancing the participation of young people in socio-economic and political activities. The main components of the mechanism for the implementation of youth policy in the macro-region are structured. Identified integrative factors contributing to the development of the potential of young people. Priorities for the implementation of the state youth policy in the regions of the Central Black Earth Region have been identified.

Key words: youth, state, region, youth policy, Central Black Earth Region, civil society.

Обладая значительным потенциалом, молодежь выступает носителем прогрессивных интеллектуальных, творческих и новаторских идей. На сегодняшний день молодежная политика является полноценным информационным и ресурсным обеспечением выбора молодых людей, а также активным стимулом инициатив молодежи и ее организаций. В связи с этим современная молодежная политика обязана быть гибкой, сочетая в себе децентрализованную общественную составляющую и централизованную административную. Вместе с тем, в ходе реализации профильных программ государственной молодежной политики необходима их детальная и своевременная корректировка, в контексте объективного и своевременного анализа текущего состояния, а также проблем каждой возрастной и социальной категории на базе постоянного мониторинга активности молодежи.

Молодежная политика государства является одним из основных направлений деятельности нашей страны, представляя собой систему мер организационно-управленческого, кадрового и научного, нормативно-правового, финансово-экономического, информационно-аналитического характера, реализующихся на основе взаимодействия с гражданами и институтами гражданского общества, в частности активного повышения уровня потенциала молодежи, с целью устойчивого социально-экономического развития, расширения возможностей самореализации молодых людей, а также достижения национальной безопасности и глобальной конкурентоспособности Российской Федерации и укрепления ее позиций на мировой арене [8]. Региональная молодежная политика выступает непосредственным структурным элементом политики в целом, в связи с чем она обладает функциями, практическая реализация которых возможна лишь при оптимальном сочетании ее локальной и федеральной моделей при условии учета деятельности всех субъектов.

Сегодня молодежная политика — это стратегия и тактика молодежного движения. Ее цель заключается в постоянном отслеживании желаний молодежи, а также стремления молодых людей к созданию соответствующих услуг, мероприятий и программ. В рамках такой стратегии подразумевается осуществление деятельности той или иной молодежной организации на базе проведенного анализа состояния имеющихся молодежных проектов и программ, потребностей и нужд самой молодежи.

Опираясь на результаты проведенных исследований, необходимо отметить, что в 2018 г. привлечение молодежи к общественной и политической жизни общества необходимым считали около 90 % россиян. При этом по сравнению с 2007 г. (75 %) отмечалось увеличение доли граждан, выражающих такое мнение [6]. Политическая деятельность молодежи, согласно ответам респондентов, находит свое проявление в участии молодого поколения в голосовании и прочих выборных мероприятиях, а также в демонстрациях, санкционированных митингах и других деятельности общественных организаций.

В Российской Федерации механизм координации молодежной политики успешно сформирован и на уровне центральных органов государственной власти включает в себя как различные филиалы Федерального агентства по делам молодежи в субъектах РФ, так и непосредственно Министерство образования и науки Российской Федерации. В регионах нашей страны реализация молодежной политики выступает системным процессом, предполагающим собой всестороннее влияние на молодежь, а частности касаясь целого ряда факторов — образования, досуга, воспитания, занятости, здравоохранения и т. д. В качестве активной стороны в данном процессе функционирует большое количество территориальных и отраслевых институтов. В реализации молодежной политики нашей страны принимают участие не только органы государственной власти. Такие общественные организации и объединения, как «РосПатриотЦентр», «Международный молодежный центр», «Российский центр содействия молодежному предпринимательству», «Федеральный детский оздоровительно-образовательный центр» и т. д. уделяют реализации молодежной политики в регионах непосредственное внимание.

В Российской Федерации на сегодняшний день насчитывается 144 молодежных общественных организаций и 32 детских. Каждая из них имеет свое представительство в регионах и ежегодно реализует свои программы, получая финансовую поддержку от Федерального агентства по делам молодежи РФ.

Достижение целей реализации молодежной политики возможно при условии внедрения механизмов прямого взаимодействия с молодежью, обеспечивающих высокую результативность и оперативность в управлении процессами, проистекающими в молодежной среде. В этой связи приоритетными направлениями являются проекты, которые будут реализованы непосредственно на региональном уровне.

Наше исследование было проведено методом контент-анализа региональных постановлений и программ, анализа публикаций электронных СМИ, а также вторичного анализа результатов проведенных полевых исследований на территории данных регионов с целью выяснения основных проблем, целей и задач молодежной политики регионов Центрального Черноземья. Обратимся к социокультурному контексту реализации молодежной политики в регионах Центрального Черноземья, взяв за основу стратегии социально-экономического развития областей Центрального Черноземья. В соответствии с данными стратегиями долгосрочного социально-экономического развития в областях были разработаны подпрограммы и постановления о молодежной политике. В этих документах нашли отражение вопросы обновления и кодификации законодательных актов, регулирующих общественные отношения во всех сферах жизнедеятельности молодежных субкультур, а также формирования потенциала научного, нормативно-правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, информационного и инфраструктурного ресурсного обеспечения реализации целей молодежной политики.

Для начала обратимся к результатам контент-анализа, которые позволили выявить количество упоминаний молодежи в действующих стратегиях долгосрочного развития регионов Центрального Черноземья: наибольшее количество встречается в стратегии развития Белгородской (66), Орловской (34) и Липецкой (24) областей, значительно меньше в стратегиях регионального развития Курской (13), Тамбовской (9) и Воронежской (4) областей. Как правило, молодежь упоминается в контексте поддержания стратегических направлений развития среди данной категории населения, обеспечения поддержки приоритетных для региона направлений исследований на федеральном уровне, а также обеспечения инфраструктурных условий сотрудничества между субъектами реализации государственной молодежной политики в регионах. Данные показатели свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие интереса к теме молодежной политики, в некоторых регионах Центрального Черноземья она является недостаточно разработанной, что связано в первую очередь с недавним становлением молодежной политики в качестве отрасли политики государства.

В современных условиях роль молодого поколения в жизни общества постоянно растет, отношение к молодежи меняется: она рассматривается не как проблема, а как ресурс общественного развития и экономических реформ. От молодых людей во многом зависят темпы и характер общественного развития. Именно эти факторы определяют приоритеты развития молодежной политики *Курской области*.

Федеральное агентство по делам молодежи подготовило итоговый рейтинг эффективности региональных органов исполнительной власти, реализующих государственную молодежную политику за 2018 г. По итогам работы Курская область вошла в десятку регионов-лидеров (68,09% выполнимости). Помимо этого Курская область занимает 4-е место в стране в рейтинге финансирования социальных проектов на 2018 г. (более 20 миллионов рублей) [6].

Согласно результатам исследования, посвященного оценке жителями Курской области происходящих изменений в России и регионе, проведенного в конце 2018 г. при участии сотрудников научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета ($N=800$), молодежь области испытывает недостаток возможностей самореализации в регионе. Распределение ответов свидетельствует о том, что возможности самореализации в регионе представляют для себя лишь около четверти (23,1%) респондентов. Треть (35%) опрошенных высказали сомнения в возможности самореализации в Курской области, а также третья часть (28,6%) респондентов категорически высказались о том, что у них такой возможности нет [2]. Снижению самооценки собственной самореализации среди молодежи способствует отсутствие позитивных перемен в регионе, а также постоянные сложности в поисках интересной высокооплачиваемой работы. При этом большая часть (58,5%) молодого поколения региона позитивно оценивает возможности самореализации на уровне страны. Однако

треть опрошенных (31,2%) также сомневаются в существовании такой возможности в России в целом.

В связи с тем, что весомый потенциал молодежи используется не в полной мере, можно сделать вывод: государственная молодежная политика в Курской области должна быть нацелена на формирование у молодежи позитивной мотивации развития, а также на активное включение молодежи в социальную практику.

Белгородская область относится к разряду самых благоустроенных и комфортных для проживания городов России. Сохранить лидирующие позиции Белгородской области в будущем может только конкурентоспособная молодежь, подготовленная профессионально, нравственно и физически. И это объясняется, прежде всего, социально-политической ролью молодежи, являющейся интеллектуальным, репродуктивным, экономическим и социальным резервом общества, его стратегическим ресурсом и капиталом.

Основой реализации молодежной политики Белгородской области являются Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации и Стратегия развития города Белгорода до 2025 года [18]. В молодежной среде данного региона наиболее актуальной остается проблема трудоустройства, для ее решения необходимо создание молодежных информационных ресурсов в средствах массовой информации, которые будут доступны, публичны и достоверно отразят для молодых людей адекватную информационную картину современного общества.

Белгородская область характеризуется множеством разработанных мероприятий, законов и программ активизации предпринимательской деятельности, однако некоторые проблемы молодежного предпринимательства до сих пор не решены (несовершенство нормативной базы, которая практически не регулирует предпринимательство среди молодого поколения, низкая эффективность инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства, отток молодежи из сферы бизнеса, неразвитость системы информационной и государственной поддержки молодых предпринимателей и т. д.).

В Белгородской области выделены два приоритетных направления развития государственной молодежной политики — социально-культурное и экономическое. Ключевыми среди них выступают реализация прав на труд, осуществление государственной поддержки молодым семьям, а также обеспечение экономической самостоятельности молодежи. Несмотря на это, задачи приоритетных направлений развития выполняются не полностью, в связи с пониженным уровнем информированности молодежи региона. Такое противоречие имеет место в социально-культурном направлении развития молодежной политики, которое отвечает за осуществление возможности применения имеющихся в стране условий реализации потенциала молодого поколения в рамках региона, а также системное вовлечение молодых людей в общественную региональную жизнь.

Необходимо отметить, что молодежная политика в Белгородской области сталкивается с рядом проблем:

- 1) видоизменяется статус молодежных структур региона в связи с их надеждением несвойственным им функциям (функции развития физкультуры и спорта объединяют с функциями управления молодежной политикой);
- 2) нуждается в совершенствовании качественный и количественный состав работников структур по делам молодежи;
- 3) низкий уровень воспитательной работы с молодежью;
- 4) отсутствует четкая вертикаль взаимодействия с молодежными и детскими общественными организациями;
- 5) в администрациях многих районов и городов области недостаточно внимания уделяется укреплению органов по делам молодежи [18].

Согласно проведенному социологическому исследованию «Социальные проблемы молодежи в г. Белгороде» в 2018 г., молодежь региона относится к местной власти преимущественно отстраненно и негативно. Молодежь не относит к определяющим условиям достижения своих целей помощь властным органам. Практически четверть опрошенных (22,4%) считает, что их проблемы могут быть решены лишь при добросовестном исполнении местной властью своих обязанностей. При этом 21,18% респондентов отметили свое желание получать от муниципалитета какие-либо материальные стимулы, а также 23,32% молодых людей высказали ожидание выделения социальных льгот. Некоторые опрошенные (14,36%) считают, что местная власть им ничем не может помочь. Обобщая результаты данного исследования, необходимо отметить, что уровень общественно-политической активности Белгородской молодежи является средним. Всего лишь третья часть молодых людей региона высказывает свое желание участвовать в общественно-политической жизни, однако проявляет интерес в основном к формам участия, приносящим им личную выгоду. Данный показатель типичен для современной российской молодежи в целом, хоть и не может считаться удовлетворительным. Результаты исследования также позволили сделать вывод о том, что высокий уровень общественно-политической пассивности молодых людей Белгородской области связан с двумя обстоятельствами:

- 1) с ориентацией большинства молодых людей региона на развлечения и удовольствия (при условии, что общественно-политическая жизнь не является средством удовлетворения стремления к удовольствиям, а напротив, требует значительных затрат сил);
- 2) с отсутствием в регионе, как и в стране в целом, системы целенаправленного формирования и развития социально-политической активности молодого поколения [1].

Для преодоления данных проблем в регионе необходимо устойчивое понимание того, что государственная молодежная политика является одним из наиболее важных, стратегических направлений деятельности органов исполнительной власти. Поэтому организация системной работы всех органов власти по выполнению этой задачи должна стать приоритетом.

В *Воронежской области* молодежная политика выступает целенаправленной деятельностью властных органов, общественных организаций и объединений, а также других социальных институтов, ориентированной на решение проблем молодого поколения во всех сферах его жизнедеятельности. Молодежная политика региона предусматривает создание и реализацию необходимых социальных условий инновационного развития области, в частности на базе активного взаимодействия с общественными организациями и объединениями, а также институтами гражданского общества.

С целью регулирования вышеназванных отношений в регионе одним из приоритетных направлений управления в сфере молодежной политики было выбрано программно-целевое, в котором приоритетной является программа «Развитие образования». Помимо этого, в подпрограмме «Вовлечение молодежи в социальную практику» явно определяются главные индикаторы оценки эффективности работы программы: количество молодых людей, участвующих в различных формах самоорганизации и структурах социальной направленности; количество мероприятий, проектов, направленных на патриотическое воспитание молодежи и формирование культурных и нравственных ценностей среди молодежи; количество военно-патриотических объединений/количество участников (воспитанников); количество молодых людей, вовлеченных в программы и проекты, направленные на интеграцию в жизнь общества [10].

Подобные целевые ориентиры редко встречаются в действующих областных программах регионов Центрального Черноземья, что существенно снижает результативность их выполнения. Касательно программы в Воронежской области необходимо отметить определенность и четкость критериев успешности. На основе этого можно отметить ключевые проблемы области: низкий уровень вовлеченности молодежи в социальную практику, снижение интереса молодежи к творческой, научной и инновационной деятельности, а также отсутствие надлежащей системы поддержки молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. Тем самым в Воронежской области особенно остро стоит вопрос необходимости акцента на кардинальное повышение качества человеческого ресурса молодежи, максимально глубокую и эффективную социализацию молодых людей, минимизацию социальных и физических и потерь, а также формирование у молодежи лидерских качеств и установок на самостоятельность.

Таким образом, необходимо отметить, что молодежная политика Воронежской области нуждается в применении качественно новых подходов к решению проблем данной категории населения и совершенствованию системы мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации, эффективной самореализации молодежи, развития ее потенциала в интересах городского округа.

Главным инструментом целеполагания и планирования работы с молодежью на территории *Липецкой области* является Подпрограмма «Развитие гражданского общества Липецкой области на 2015–2020 годы», одно из

основных мероприятий которой — «Реализация комплексных мер по созданию условий успешной эффективной самореализации молодежи». В план реализации Подпрограммы включено 11 мероприятий, в которых ежегодно принимает участие более 30 % от общей численности молодежи региона.

Основной целью работы с молодежью в Липецкой области является создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодых граждан, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах социально-экономического развития региона.

Необходимо отметить возрастание в регионе интереса молодежи к участию в различных сферах общественной жизни, а также поиск новых форм участия. В сфере работы с молодежью на территории Липецкой области созданы и работают: городской общественный координационный Совет по вопросам работы с молодежью под председательством Главы города Липецка, постоянная комиссия Липецкого городского Совета депутатов по образованию, культуре, спорту, молодежной политике, Молодежный Парламент города Липецка, городской Совет лидеров ученического самоуправления и детского движения; создано Молодежное правительство города Липецка; действуют молодежные общественные организации; развивается общественное, ученическое и студенческое самоуправление.

В Липецкой области среди молодого поколения ведется активная работа по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций и развитию добровольчества. Для понимания роли общественных организаций и объединений в повышении социальной и политической активности молодежи в апреле-мае 2018 г. на территории Липецкой области было проведено исследование определения эффективности влияния работы молодежных организаций и объединений на участие молодежи в добровольческой деятельности. Результаты исследования показали, что только 14 % респондентов являются членами молодежных объединений/организаций. В качестве факторов неучастия молодежи в деятельности молодежных объединений/организаций названы следующие причины: 46 % опрошенных считают «невозможным совмещение участия в общественной деятельности с учебой, работой, семьей, друзьями»; 38 % — «отсутствие информации»; 18 % отметили наличие «искаженной информации о деятельности молодежных объединений/организаций», 14 % — «отсутствие личных перспектив». Помимо этого, в ходе исследования было выявлено, что 48 % респондентов имеют лишь общее представление о деятельности молодежных объединений/организаций в регионе, 52 % опрошенных не имеют представления об их деятельности. Тем самым в ходе проведенного исследования выявлен основной фактор, негативно влияющий на критерии выбора молодым человеком молодежной организации/объединения, — это низкий уровень информированности молодежи об общественных организациях/объединениях.

Исходя из этого, необходимо отметить, что Липецкая область нуждается в обеспечении доступной информации о деятельности общественных организаций среди молодого поколения, что позволит привлечь молодежь

к социально ориентированной деятельности. Для региона важна системная работа государственных органов по формированию комплексных программ поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, а также внедрение эффективных методов стимулирования молодежной добровольческой активности [5].

В *Тамбовской области* государственная реализация молодежной политики осуществляется управлением по связям с общественностью администрации Тамбовской области, основной установкой которого является целенаправленность на всестороннюю поддержку молодых людей, осуществление комплекса мер по образованию, воспитанию, трудоустройству, развитию семейных ценностей и высокоморальных качеств молодежи.

Главным документом, регламентирующим государственную молодежную политику Тамбовской области, является Закон «О государственной молодежной политике в Тамбовской области» [4]. В Законе описаны приоритеты и меры регионального уровня в сфере молодежной политики в отношении молодых граждан от 14 до 30 лет, молодых семей и молодежных и детских общественных объединений.

В рамках молодежной политики Тамбовской области необходимо отметить успешную реализацию мер поддержки молодежи по различным направлениям. Так, поддержка молодежи в сфере образования и профессиональной ориентации осуществляется через предоставление студентам областных именных стипендий и ежегодных грантов. Среди прочих областей Центрального Черноземья Тамбовская выделяется тем, что в регионе установлены бюджетные ассигнования по оплате и оказанию образовательных услуг по теоретическому и производственному обучению, стажировке; оплате за аренду помещений образовательных организаций; оказанию поддержки безработным гражданам при их направлении на профессиональное обучение в другую местность и другие [16].

Еще одним положительным аспектом реализации молодежной политики в Тамбовской области является организация целевой контрактной подготовки молодых специалистов для нужд региона. Несмотря на то что целевая контрактная подготовка является достаточно эффективной мерой поддержки молодежи, в области существует ряд проблем, решение которых позволит повысить качество данного направления: слабая связь реальных потребностей студентов региона с планами набора студентов на определенные специальности; отсутствие в системе целевой контрактной подготовки Тамбовкой области возможностей целевого набора организациями любых форм собственности за их счет; слабое взаимодействие между вузами региона и работодателями на протяжении всего срока обучения.

Главной программой, которая призвана развивать молодежную политику на территории Тамбовской области, является Подпрограмма «Развитие социально-экономической активности молодежи Тамбовской области» в рамках государственной программы Тамбовской области «Развитие институтов гражданского общества» на 2014–2020 годы. Безусловно, достижение

индикаторов, представленных в Подпрограмме и других законодательных документах региона, немаловажно для развития молодежной политики Тамбовской области. Однако в погоне за количеством нужно помнить о качестве реализуемых мероприятий. К примеру, достижение Тамбовской областью высокого количества молодежных совещательных структур не означает наличия в этих структурах высокоорганизованной работы.

Значительная доля молодежи в структуре населения **Орловской области** требует особого внимания к проводимой в городе молодежной политике, которая реализуется в соответствии с Ведомственной целевой программой «Молодежь города Орла на 2017–2019 годы» [22]. Реализация программы имеет важное социально-экономическое значение и позволяет добиться существенных позитивных результатов в молодежной политике на территории области. Региональные органы государственной власти Орловской области отвечают за формирование совокупной системы поддержки молодых семей, в частности поддержки финансовой субсидиарной помощью для приобретения или строительства собственного жилья. На сегодняшний день в регионе основной является целевая программа «Обеспечение жильем молодых семей в городе Орле на 2017–2020 годы», созданная с целью помощи молодым семьям в решении жилищных проблем, а также улучшения жилищных условий нуждающихся [14]. Данная программа создана с учетом одновременно реализуемых мер по улучшению ипотечного жилищного кредитования. Помимо этого, программа направлена на повышение доступности жилья и гарантирование ипотечных кредитов молодым семьям. Реализация программы полностью отвечает концепции создания общего подхода к проявлению государственной поддержки разным категориям граждан при улучшении жилищных условий, с помощью средств федерального бюджета путем предоставления возможных субсидий на покупку жилья.

Одной из основных проблем молодежной политики Орловской области является проблема ухудшения здоровья молодых граждан. Уровень жизни молодежи региона можно оценивать только как удовлетворительный в связи с негативными тенденциями, обозначающими состояние здоровья молодых людей.

Анализируя Доклад о реализации молодежной политики в 2016 г. в Орле, можно утверждать, что в городе остро стоит проблема токсикомании и наркомании [12]. Происходит увеличение числа лиц, стоящих на диспансерном учете. О небрежном отношении молодых граждан в Орловской области к своему здоровью свидетельствуют вредные привычки, негативно сказывающиеся на здоровье. Самыми распространенными являются злоупотребление алкоголем и курение. В целях улучшения здоровья молодых граждан и пропаганде здорового образа жизни Постановлением Правительства Орловской области была утверждена государственная программа «Развитие физической культуры и спорта» [15]. Одним из ожидаемых результатов является увеличение количества занимающихся в образовательных учреждениях спортивной направленности до 6,7 тыс. человек в 2020 г.

Одной из основных проблем реализации государственной молодежной политики в Орловской области выступает преступность среди молодых людей. Молодежная преступность является весомой угрозой национальной безопасности страны. В регионе преступность среди молодежи составляет 2,9% от общего числа жителей. С целью решения проблемы молодежной преступности органы государственной власти Орловской области стимулируют молодых людей приобщаться к управлению обществом. В связи с этим Правительство Орловской области утвердило «Положение о Молодежном правительстве Орловской области», основными целями которого выступают: содействие в привлечении молодых людей к участию в формировании и реализации молодежной политики области, а также участие молодых людей в создании концепции экономического и социального развития региона.

Согласно результатам исследования «Социально-политический портрет молодежи Орловской области», проведенного в феврале 2015 г., в Орловской области был выявлен запрос к власти от молодых людей в сфере молодежной политики. В ходе исследования было выяснено, что молодежь оценивает работу муниципальных, региональных и федеральных органов власти как удовлетворительную. Вместе с тем четверть (25,4%) респондентов отмечает, что решением проблем молодежи должны заниматься преимущественно федеральные органы государственной власти и молодежные организации (22,8%). При этом значительная часть опрошенных (14,9%) отдает в этом руководство органам региональной власти, 12,3% — самой молодежи, 10,5% — органам муниципальной власти. Также, согласно результатам исследования, наиболее значимыми проблемами молодого поколения Орловской области на сегодняшний день выступают: рост цен на продукты и товары первой необходимости (15%), падение производства, развал экономики (12%), жилищные проблемы (11,7%) и низкие зарплаты — (10%), образования (8%) и проблема высокой преступности (8%) [26].

Можно отметить, что молодежь Орловской области заинтересована в решении своих проблем и не снимает с себя ответственность, однако ей необходима поддержка всех уровней власти (с особым значением органов федеральной власти, что, скорее всего, связано с наибольшей степенью доверия к данному уровню).

Таким образом, следует сделать вывод о том, что молодежь во все времена являлась, с одной стороны, потенциалом позитивных перемен в обществе, а с другой — возможным фактором социальной нестабильности. В настоящее время в регионах Центрального Черноземья становится исключительно актуальным содействие в адаптации молодых людей к современным социально-экономическим условиям в рамках реализации государственной молодежной политики. Развитие общественно-политической активности молодежи, обеспечение ее стабильности, создание условий для ее профессиональной адаптации и дальнейшего развития является основным механизмом ее социализации. Особую роль при этом должны играть

органы государственного и муниципального управления, реализующие молодежную политику с опорой на научные исследования в молодежной среде города и региона.

Источники

1. *Воронов В. А., Стариков Н. В.* Социальные проблемы молодежи города Белгорода // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. — 2018. — № 14. — С. 174–180.
2. *Гутенева В. В.* Аналитический отчет по итогам социологического исследования «Оценка населением Курской области происходящих изменений в стране и регионе». — Курск, 2018.
3. *Зайцева И. А.* Волонтерство как форма молодежного движения в развитии социально ориентированных некоммерческих организаций // Вестник ЗабГУ. — 2019. — № 1. — С. 54–65.
4. Закон Тамбовской области № 147-3 от 16.12.17 «О государственной молодежной политике в Тамбовской области» // Официальный сайт Администрации Тамбовской области. — URL: <http://www.tambov.gov.ru/> (дата обращения: 13.06.2019).
5. Информационно-справочный портал СМИ Липецкой области «Липецкмедиа». Областное бюджетное учреждение «Издательский дом «Липецкая газета». — URL: <http://lipetskmedia.ru/news/view/110923-Upravlyeniye.html> (дата обращения: 16.06.2019).
6. Итоговый ежегодный рейтинг регионов в сфере эффективности реализации молодежной политики за 2018 год // Росмолодежь [сайт]. — URL: <https://fadm.gov.ru/news/46526> (дата обращения: 23.07.2019).
7. Молодежь и политика: точки соприкосновения. ВЦИОМ. № 3416. 11 июля 2017. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2358> (дата обращения: 16.06.2019).
8. Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 50. — URL: <https://mkult.rk.gov.ru/ru/document/show/296> (дата обращения: 21.06.2019).
9. Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года, утверждённые постановлением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственная_молодежная_политика_в_Российской_Федерации#cite_note-1 (дата обращения: 08.06.2019).
10. Постановление администрации городского округа Воронеж от 23.12.2013 N 1250 «Об утверждении муниципальной программы городского округа город Воронеж “Развитие образования”» (с изм. на 29 марта 2019 года). — URL: <http://docs.cntd.ru/document/440511732> (дата обращения: 11.06.2019).
11. Постановление Администрации Курской области от 18 октября 2013 г. № 746-па «Об утверждении государственной программы Курской области «Повышение эффективности реализации молодежной политики, создание благоприятных условий для развития туризма и развитие системы оздоровления и отдыха детей в Курской области» (с изменениями на 22 февраля 2019 года). — URL: <http://docs.cntd.ru/document/463602585> (дата обращения: 28.06.2019).
12. Постановление администрации Орловской области от 01.07.2016 N 406 «О реализации молодежной политики в г. Орле». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/412376335> (дата обращения: 22.06.2019).
13. Постановление администрации Орловской области от 08.11.2018 N 5051 «О ведомственной целевой программе “Молодежь города Орла на 2017–2019 годы”». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/444785507> (дата обращения: 16.06.2019).

14. Постановление администрации Орловской области от 30.03.2017 N 1239 «Об утверждении целевой программы “Обеспечение жильем молодых семей в городе Орле на 2017–2020 годы». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/446168986> (дата обращения: 16.06.2019).
15. Постановление администрации Орловской области от 31.10.2016 N 427 «Об утверждении государственной программы Орловской области “Развитие физической культуры и спорта”». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/441797436> (дата обращения: 21.06.2019).
16. Постановление администрации Тамбовской области от 23.01.2012 N 36 «О реализации полномочий в области содействия занятости населения на территории Тамбовской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
17. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.06.2019).
18. Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года // Официальный сайт губернатора и правительства Белгородской области. — URL: <http://www.belregion.ru/> (дата обращения: 16.06.2019).
19. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года. Проект. — URL: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 08.06.2019).
20. Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года. Проект. — URL: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 11.06.2019).
21. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 года. Проект. — URL: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2019).
22. Стратегия социально-экономического развития Орловской области на период до 2035 года. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/550304579> (дата обращения: 16.06.2019).
23. Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2030 года. Проект. — URL: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 14.06.2019).
24. Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. N 146 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов и докторов наук» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 7. — Ст. 812. [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/194905/> (дата обращения: 21.06.2019).
25. Федеральный закон Российской Федерации «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» № 98-ФЗ от 28 июня 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 27. — Ст. 2503. — URL: <https://base.garant.ru/103544/> (дата обращения: 08.06.2019).
26. Филатова Е. К. Запрос к власти от молодежи (на примере г. Орла) // Вестник государственного и муниципального управления. — 2016. — № 1. — С. 124–128.

ОТНОШЕНИЕ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И. А. Кох

Уральский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Екатеринбург

E-mail: kia4@mail.ru

Аннотация. В условиях становления рыночных отношений и появления свободного предпринимательства остро встает вопрос о роли молодежи и ее участии в реформах, ценностных ориентациях и мотивах предпринимательской деятельности. Особое внимание уделено малому бизнесу, его роли и месту в экономике страны. Все более актуальной становится проблема поддержки государства малого бизнеса, создание благоприятных условий и мотивации предпринимательской деятельности. В статье анализируется роль государства в развитии и регулировании предпринимательства, ценности и мотивация предпринимательской деятельности молодежи.

Ключевые слова: молодежь, предпринимательство, ценности, ценностные ориентации, рыночная экономика, малый бизнес, государственное регулирование предпринимательства, мотивация предпринимательской деятельности.

ATTITUDE TO ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AND VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS

I. A. Kokh

Ural Institute of management — Branch of RANEPА, Yekaterinburg

E-mail: kia4@mail.ru

Abstract. In the context of the formation of market relations and the emergence of free enterprise, the question of the role of young people and their participation in reforms, value orientations and motives of entrepreneurial activity is acutely raised. Special attention is paid to small business, its role and place in the economy. The problem of support of the state of small business, creation of favorable conditions and motivation of business activity becomes more and more urgent. The article analyzes the role of the state in the development and regulation of entrepreneurship, values and motivation of entrepreneurial activity of young people.

Keywords: youth, entrepreneurship, values, value orientations, market economy, small business, state regulation of entrepreneurship, motivation of entrepreneurial activity.

Актуальность исследуемой темы обусловлена той значимостью малого предпринимательства, которую оно имеет в экономической жизни общества, и огромной роли молодежи в его развитии. Малый бизнес является незаменимой составляющей рыночной экономики. Во всех странах с рыночной экономикой малое предпринимательство занимает видное место в производстве товаров и услуг. На малых предприятиях помимо услуг производятся не только товары социокультурного и бытового назначения, но и комплектующие для крупных промышленных предприятий, выступая неотъемлемым звеном экономической системы страны.

Важнейшую роль в малом бизнесе играет молодежь, которая со свойственной ей энергией, энтузиазмом и творческой активностью ориентирована на поиск новых сфер приложения своих сил, новые перспективные виды профессиональной деятельности, что особенно большое значение имеет в условиях цифровизации экономики, масштабного развития и внедрения компьютерных технологий и быстротечной смены профессий. Молодежь обладает современными знаниями, большой гибкостью, способностью овладевать новыми профессиями. Производство новых товаров и услуг, как правило, начинается с идеи, которая реализуется посредством деловой энергии, креативности и мотивации молодых предпринимателей. Несомненно, студенческая молодежь находится на переднем крае развития предпринимательства в стране, поскольку возрастная активность сочетается с приобретением профессиональных знаний и выбором жизненного пути.

Предпринимательство в силу своих широких возможностей занимает особое место в утверждении экономической свободы и идеалов гражданского общества, выступает неотъемлемым атрибутом развитого демократического государства. Особенное значение имеет малое предпринимательство для устойчивого роста благосостояния граждан и процветания общества, его экономического и социального развития. Малое предпринимательство является важным источником становления среднего класса — основы экономической и политической стабильности в обществе и устойчивого развития страны.

Предпринимательская деятельность — это вид трудовой деятельности, направленный прежде всего на систематическое получение прибыли от какого-либо вида работ, характеризующийся наличием риска и угрозами понести определенные материальные и иные (статусные, репутационные) потери. Предпринимательство предполагает и социальную ответственность, проявляющуюся в участии в решении социальных вопросов, в делах местного сообщества, в благотворительной деятельности и т. д. Предпринимательство отличается от обычного производства и реализации товаров и услуг тем, что в этой деятельности, как правило, присутствуют элементы инновации, применение новых технологий, освоение или создание нового рынка, что ярко проявляется в создании автоматизированных линий, роботизации, разработке компьютерной техники и программного обеспечения, средств мобильной связи, системы «умный дом», «умный город» и др.

Предпринимательская деятельность в России получила свое распространение после 90-х годов прошлого века, когда были сняты многочисленные ограничения на частную предпринимательскую деятельность и торговлю внутри страны и появились благоприятные условия для взаимодействия с зарубежными партнерами. В настоящее время предпринимательская деятельность активно развивается в нашей стране, все больше людей находят в ней источник своего заработка и способ самовыражения, а примеры успешных предпринимателей обращают к этой сфере внимание инициативной студенческой молодежи. Со стороны государства укрепление малого бизнеса становится на современном этапе одним из приоритетных направлений развития российской экономики, переживающей процесс незавершенных рыночных реформ и социальной трансформации общества. Малый бизнес является очень гибким и способен подстраиваться под динамику внутренней и внешней экономической и политической среды, которые в современном мире постоянно изменяются. Предпринимательство также способно развивать инновационный потенциал экономики, внедрять новые технологии.

В связи с этим насущной задачей становится воспитание предприимчивости у молодежи. Осуществить это призваны учебные заведения, прежде всего университеты. Здесь сосредоточена молодежь, занятая поиском профессионального самоопределения. Молодежь — активная часть общества, способная активно принимать и создавать новое, готовая к рискам предпринимательской деятельности.

Малое предпринимательство в России сталкивается с множеством проблем, что сдерживает его развитие. Как отмечает Д. Николаева, малый бизнес в России стагнирует. «В большинстве регионов зафиксировано падение численности небольших компаний (за 2018 год)... а формальный годовой рост численности обеспечен увеличением количества микропредприятий, где заняты до 15 человек. Их в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по-прежнему подавляющее большинство — 95,5%. Число же малых и средних компаний уменьшается со скоростью 6–7% в год» [1, с. 2].

Но вопрос о том, готовы ли сами будущие выпускники вузов использовать свою инициативу и энергию в предпринимательской деятельности, часто остается для них открытым вплоть до окончания учебы. Достаточно ли у молодых людей уверенности в своих силах, наличия необходимых знаний, личной мотивации, а также уверенности в том, что в трудную минуту можно будет полагаться на помощь государства? Другими словами, созданы ли в стране условия для молодых и энергичных предпринимателей, готовых реализовывать свои замыслы и идеи, или институт предпринимательства в нашей стране нуждается в развитии и совершенствовании? Каково отношение студенческой молодежи к предпринимательству?

Для изучения мотивации и отношения к предпринимательской деятельности было проведено социологическое исследование, осуществлен массовый опрос студентов и магистрантов, который дал возможность ответить на ряд поставленных вопросов. Всего было опрошено 320 студентов. Что же

привлекает молодого человека в предпринимательской деятельности? Вопрос не простой, поскольку широко распространено искаженное представление о потенциале предпринимательской деятельности, о свободе поведения и других привлекательных возможностях, которые пропагандируются СМИ на примерах немногих успешных предпринимателей, сумевших разбогатеть и закрепиться на рынке. Такие установки могут привести молодого человека к разочарованию и кризису идеалов. Наш опрос показал, что рассчитывают на возможность быстро разбогатеть 30% опрошенных, возможность иметь свободный график работы — 22% опрошенных студентов. Но стоит выделить и тех молодых людей, которые смотрят на данный вид деятельности не с прагматичной точки зрения, а как на возможность реализовать себя — таких оказалось 18%. Есть также студенты, которые воспринимают предпринимательство как возможность приобрести независимость (12% опрошенных, принести пользу обществу — 9%, подняться в карьерном росте — 6% опрошенных студентов (см. табл. 1)).

Таблица 1

Привлекательность предпринимательской деятельности для студентов

Привлекательность предпринимательской деятельности	В % к числу опрошенных
Высокий заработок	30
Гибкий график работы	22
Свобода самореализации	18
Возможность независимости	12
Полезность обществу	9
Карьерный рост	6

Для ведения предпринимательской деятельности необходимы специальные знания, причем в разных направлениях, прежде всего — экономических, управленческих, правовых, профессиональных. В достаточном ли объеме студенческая молодежь владеет этими знаниями? Результаты опроса представлены на диаграмме 1.

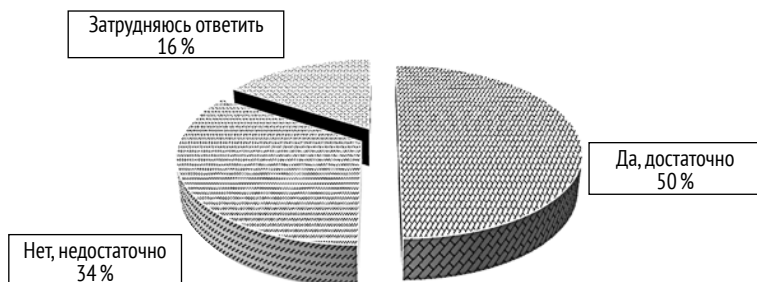

Диаграмма 1. Достаточно ли у Вас знаний для открытия собственного бизнеса?

Объективно видится оценка, что, с учетом возрастной категории и энтузиазма опрашиваемых нами людьми, половина из них все же считает, что имеет достаточно знаний для открытия собственного бизнеса. Вероятно, студенты завышают уровень своих знаний, либо упрощают положение дел, хотя часть опрошенных студентов постоянно или временно работали в структурах малого бизнеса. Треть опрошенных студентов более реалистично оценивают свои знания для организации собственного бизнеса, и только 16% опрошенных затруднились с ответом.

Более адекватно опрошенные студенты оценили структуру знаний, необходимых начинающему предпринимателю (см. диаграмму 2).

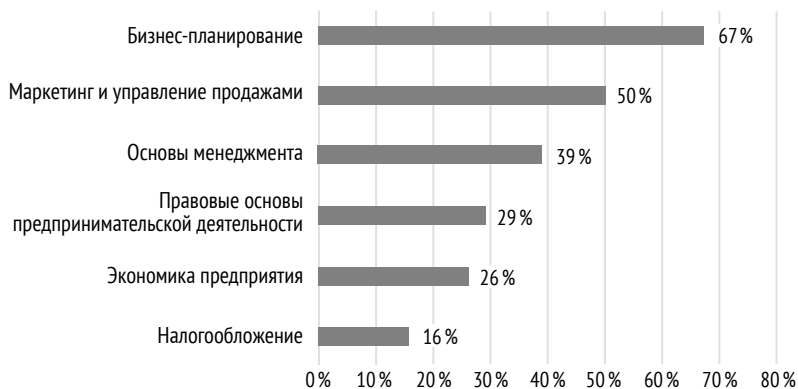

Диаграмма 2. Какие знания необходимы начинающему предпринимателю в первую очередь (можно отметить не более 3-х)?

Действительно, экономикой и налогами должны заниматься специалисты, а для предпринимателя в первую очередь важны планирование, маркетинг и управление продажами. Разумеется, в распределении приоритетов знаний многое зависит от вида деятельности, размеров предприятия, товарооборота и других факторов.

Развитие малого бизнеса зависит от стратегии государства, в данном случае — насколько благоприятные условия для развития предпринимательской активности оно создает. Государство воздействует на предпринимательство различными средствами, прежде всего законодательством, налоговой политикой, а также может оказывать поддержку консультациями, различными льготами, оказывать помощь кредитами, арендой помещений, созданием инфраструктуры обслуживания предпринимательской деятельности, например логистических центров.

Во многих развитых странах с рыночной экономикой создаются благоприятные условия для развития малых предприятий. На них занята значительная доля экономически активных трудовых ресурсов. Так, в США около половины трудоспособного населения задействованы на предприятиях малого бизнеса.

Неудивительно, что около 40% ВВП приходится именно на малые предприятия. Развитые страны делают значительную ставку на поддержку малого бизнеса. Взамен имеют хорошие показатели по налоговым отчислениям, создание и внедрение инновационных технологий, новые места на рынке труда.

Статистические данные ассоциации европейского бизнеса подтверждают, что малое предпринимательство в странах ЕС развивается стремительно и составляет 50–60% в структуре экономики [2], чем выгодно отличается от уровня развития малого и среднего бизнеса в России. По статистике малое предпринимательство в некоторых европейских странах достигает половины от общего количества всех предприятий. Из ряда европейских стран, по данным Института экономики роста, в этом плане выделяются Голландия — 63%, Финляндия — 60%, Германия — 53%, Великобритания — 51% [2], где вклад малого предпринимательства в долю ВВП составляет ровно половину. В этой стране около половины трудоспособного населения занята в сфере малого бизнеса.

В России за последние 10 лет наблюдается уменьшение количества предприятий малого бизнеса. Доля малого бизнеса в экономике России, согласно данным, опубликованным Росстатом, составляет 21,9% по оценке за 2017 г. [2]. Итоги за 2018 г. пока не подведены. Это составляет более 20 трлн руб. за 2017 г. [2].

Согласно статистике, в России в последние годы сложилась устойчивая тенденция, когда только три малых предприятия из ста способны продержаться на рынке больше трех лет. Наиболее сложным для становления бизнеса является начальный этап. Трудности на первых этапах развития испытывают и зарубежные компании, что хорошо видно на примере некоторых развитых европейских стран (см. табл. 2) [3].

Таблица 2

Число фирм, просуществовавших на рынке более 3,5 лет

Рейтинг	Государство	Доля фирм, просуществовавших на рынке более 3,5 лет
1	Греция	12,60%
2	Испания	8,39%
3	Финляндия	6,65%
4	Норвегия	6,15%
5	Россия	3,40%

Эти тенденции продолжают сохраняться. По статистике, более 90% стартапов прекращают свое существование еще в первый год. Это связано прежде всего с недостаточной поддержкой малого предпринимательства со стороны государства, тяжелым налоговым бременем, отсутствием специальных налоговых режимов. В результате малые предприятия не выдерживают конкуренции с крупными организациями, которые имеют специализированные службы по юридическим вопросам, по маркетингу, финансовому планированию.

Вместе с тем следует отметить, что по уровню вовлеченности взрослого населения в создание и функционирование новых предприятий Россия не отстает от многих развитых европейских стран, хотя уступает развивающимся странам БРИКС (см. табл. 3) [3].

Таблица 3

Степень вовлеченности взрослого населения в создание и функционирование новых предприятий

Рейтинг	Государство	Степень вовлеченности взрослого населения в создание и функционирование новых предприятий
1	Бразилия	17,30 %
2	Китай	14,02 %
3	ЮАР	10,59 %
4	Норвегия	6,25 %
5	Россия	5,75 %
6	Греция	5,51 %
7	Финляндия	5,29 %
8	Испания	5,21 %

В странах БРИКС этот показатель значительно выше. Между тем в России на волнах перманентных экономических кризисов продолжается стагнация в малом бизнесе. Число малых и средних компаний уменьшается со скоростью примерно 6–7 % в год [3].

Какие формы поддержки со стороны государства хотели бы видеть студенты — будущие предприниматели? Наш опрос показал, что у потенциальных предпринимателей нет четких представлений об эффективности различных мер государственной поддержки малого бизнеса (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. Желаемые формы поддержки предпринимателей со стороны государства

Судя по полученным данным, опрошенные студенты явно недооценивают значимость образовательной поддержки предпринимателей (отметили всего 7% опрошенных) и явно переоценивают важность финансовой поддержки — 26% опрошенных, а информационно-консалтинговой поддержкой обеспокоены только 9% опрошенных студентов.

Однако развитию предпринимательства в России, по мнению опрошенных студентов, мешают в первую очередь высокие налоги — так считает одна треть опрошенных (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4. Факторы, сдерживающие развитие малого предпринимательства в России

Тем не менее 64% опрошенных студентов готовы заняться предпринимательством, пятая часть опрошенных не имеют таких намерений, остальные 15% пока не определились. Но при этом почти половина (45%) опрошенных студентов намерены заниматься услугами, а производством готовы заняться лишь 16% студентов.

Хотя можно назвать множество объективных причин, сдерживающих малое предпринимательство в России, несомненно многое зависит и от самого предпринимателя, его личных качеств и интересов, готовности к риску, знание и понимание реальностей рыночной экономики. Что обеспечивает успех в предпринимательской деятельности в малом бизнесе? Мнения студентов по этому вопросу представлены на диаграмме 5.

Возникает вопрос, какую цель преследует человек, когда решает открыть свое дело? Войти в конкурентную борьбу на рынке и подвергнуться риску потерять все в случае неудачи? Что движет уже сформировавшимся предпринимателем в принятии им решений? И влияют ли ценностные ориентации и мотивы предпринимателя на успешность его деятельности? Ответ на эти вопросы скрывается в ценностных ориентациях и мотивах предпринимательской деятельности.

Диаграмма 5. Факторы успеха в предпринимательской деятельности в малом бизнесе

Ценностные ориентации являются основаниями оценок человеком действительности, ранжирование объектов по их субъективной приоритетности. Ценности в экономическом поведении предпринимателя — это общие суждения человека, выражающие сравнительную значимость различных аспектов его работы или деятельности, включая ее смысл, содержание и результаты. Ценности упорядочиваются по относительной важности, организуя иерархию личных предпочтений человека, а также зависят от исторической эпохи, культуры, национальной идентичности и многих других факторов. Для тех людей, для которых приоритетом являются социальный порядок, справедливость и взаимопомощь, в своей деятельности ориентированы на их достижение. Анализ ценностей предпринимателей позволит лучше понять стимулы его экономической активности.

Возможность организовать свое собственное дело, исходя из своих представлений о жизненных целях в соответствии с собственными ценностями, выступает очень сильным стимулом предпринимательской активности. Для анализа предпринимательской деятельности более важным является деление на материальные и социальные ценности. Материальные ценности, цели достижения высокой прибыли в бизнесе доминируют. Но специфика предпринимательской деятельности в том, что риск в бизнесе способен вызвать утрату некоторых ценностей, что может негативно отразиться на результатах всей деятельности.

Безусловно, не менее важны и социальные ценности предпринимателя. Успешная предпринимательская деятельность зависит от партнерских связей, возникающих на протяжении определенного времени, а также их

количества и надежности. Их отсутствие или потеря могут пагубно повлиять на предпринимательскую деятельность. Деловые связи, деловая репутация формируют статус предпринимателя, могут способствовать росту доходов и прибыли, стать «подушкой безопасности» и уменьшить риски. Отсюда следует, что очень важны прочные деловые связи и «чистота» деловой репутации.

Для характеристики личности предпринимателя и стимулов его деятельности целесообразно выделить эгоистические и альтруистические мотивы. Главным эгоистическим мотивом предпринимательской деятельности всегда было повышение личного материального благосостояния, альтруистическим — делать добро другим людям, быть полезным окружающим, обществу. Эгоистические мотивы выражают частные интересы предпринимателя, альтруистические — связаны с интересами окружающих, семьи, трудового коллектива. Поведение человека определяется соотношением эгоистических и альтруистических мотивов в структуре его мотивации. Это соотношение не является раз и навсегда заданным, а может изменяться в зависимости от конкретных обстоятельств, внешней среды, сложившейся ситуации, неожиданных поворотов судьбы.

При анализе экономической деятельности часто преувеличивают эгоистические мотивы (например, концепция «экономического человека»). Однако альтруистические мотивы заложены в природе человека, они так же органично присущи человеку, как и эгоистические. В процессе эволюции человеческого общества выжили и развивались те группы людей, которые заботились об окружающих, о потомстве, о детях и стариках, больных и слабых.

Проблема эгоистических мотивов состоит в том, что, если предприниматель будет стремиться, допустим, лишь к максимизации прибыли и достижения своего материального благосостояния любой ценой, не обращая внимания на способы достижения цели, возрастает риск негативных социальных последствий для развития общества.

Альтруистические мотивы выражают готовность предпринимателя действовать на пользу обществу, удовлетворение общественных потребностей иногда в ущерб личным интересам. Заключаются они в выделении денежных средств на развитие культуры, спорта, на благотворительность. Но даже при совершении общественно полезного поступка, направленного на благополучие людей (социальные проекты, благотворительность и т. п.), поведение предпринимателя сохраняет эгоистичную основу, в частности удовлетворяет эгоистические мотивы в самореализации, в общественном признании. Однако существует мнение, что предпринимателем движет стремление к самореализации через решение общественных проблем. Считается, что индивидуальный выбор определяется под влиянием не только личного интереса, но и моральных обязательств, которые детерминируют выбор как целей, так и средств их достижения.

В статье использованы результаты массового опроса, проведенного «ВЦИОМ. Всероссийский центр исследования общественного мнения» [4],

а также проведен вторичный анализ результатов исследований других авторов. Одним из главных аргументов желающих начать предпринимательскую деятельность является стремление быть независимым, работать «на себя» (40%), увеличить уровень дохода желает примерно столько же опрошенных (39%). Меньшее количество участников опроса желает заниматься любимым делом (14%). И только 5% стремятся изменить свой социальный статус, а 2% передать дело по наследству своим детям. Опираясь на данные проведенного нами опроса, можно сделать вывод о том, что главным мотивом деятельности предпринимателя является в первую очередь эгоистический мотив, а ценности преобладают материальные в тесной связи с социальными.

Таким образом, малое предпринимательство имеет большое влияние на экономику, благоприятствует созданию таких экономических условий, которые необходимы для достижения высокой эффективности рыночного хозяйства, а также развитый малый бизнес является одним из важных факторов обеспечения гибкости и устойчивого развития экономики страны. В России в результате проведенных рыночных реформ инициатива создания малых предприятий среди населения возросла. И по мере развития малого предпринимательства менялись стратегии бизнеса. Если первоначально главной проблемой малого бизнеса было удержаться «на плаву», то теперь оно решает задачи более высокого уровня. Однако центральное место в успешности бизнеса принадлежит личности предпринимателя, его ценностным ориентациям, чем обусловлены его поведение, поступки, решения.

Подводя итоги нашего исследования, напрашивается вывод о том, что подавляющее большинство студенческой молодежи положительно относится к предпринимателям, предпринимательской деятельности, не меньше число хотят ими стать. Студенческая молодежь хорошо понимает, что предпринимательство — это всегда риск. Сдерживающим фактором для начинающего предпринимателя выступают конкуренция и превратности современного рынка. В настоящее время большое количество людей уже занимаются предпринимательством, и найти свою нишу на рынке становится все труднее. Только целеустремленные и трудолюбивые молодые люди могут рассчитывать на успех в предпринимательстве.

Стратегия государства направлена на развитие и создание благоприятных условий для малого предпринимательства, однако сегодня, по результатам опроса, государственная поддержка оценивается молодежью как недостаточная. Между тем малое предпринимательство выгодно обеим сторонам — как стране в целом, так и предпринимателю. Решение проблем предпринимательства связано с развитием сети консультационной поддержки начинающих молодых предпринимателей, гибкой налоговой политикой, созданием и развитием большего числа бизнес-школ, проводящих качественную подготовку молодых предпринимателей, другими словами, созданием государственной инфраструктуры поддержки малого предпринимательства.

Источники

1. Николаева Д. Малый бизнес ушел в микромир // Коммерсантъ. — 2019. — № 33 (25 февраля).
2. См. на РБК: <https://www.rbc.ru/economics/30/07/2019/5d403c179a794718406e4102> (дата обращения: 18.02.2019).
3. Голова И. Только 3 процента малых предприятий России «живут» более трех лет // Российская газета. — 2014. — 22 января.
4. ВЦИОМ. Всероссийский центр исследования общественного мнения [сайт]. — URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 18.12.2018).
5. Сайбель Н. Ю., Печенов А. С. Проблемы развития предпринимательства в России // Молодой ученый. — 2016. — № 28. — С. 536–540. — URL: <https://moluch.ru/archive/132/36904/> (дата обращения: 18.02.2019).
6. Чепуренко А. Малое предпринимательство в России. Прошлое, настоящее и будущее : сборник научных трудов. — М., 2004.

УДК 316.7(082)+37.0(082)

DOI: 10.25990/hse.conf-15.a81e-8039

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИУМА: САМОУПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РАКУРС

Е. Б. Мостовая

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, г. Новосибирск

E-mail: 3304146@mail.ru

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-03-00444а)
«Модернизация и новая индустриализация в регионе:
социокультурный контекст».*

Руководитель проекта: д. социол. н. Е. Б. Мостовая, профессор ФГАОУ ВО
«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
(Новосибирский государственный университет, НГУ)

Аннотация. В докладе представлены предварительные результаты аналитической работы по выявлению источников самоуправленческой пассивности сельского населения, сельской и студенческой молодежи. Выявляется важное отличие самоуправленческого поведения сельской и студенческой молодежи от поведения взрослых сельских жителей, а именно: их приверженность к обнародованию своих позиций в отношении решений местной власти в СМИ, в сети Интернет, на митингах и демонстрациях, в пикетах. Раскрывается необходимость овладения респондентами самоуправленческими компетенциями, то есть необходимость трансформации теоретического знания, в неодинаковой степени присущего разным группам обследованных, в умения, применение которых предусматривается в новом российском законодательстве.

Ключевые слова: местная власть, самоуправленческая активность и пассивность, прямое и косвенное влияние населения на местную власть, студенческое самоуправление.

THE ROLE OF YOUTH IN THE MODERNIZATION OF SOCIETY: SELF-GOVERNING ANGLE

E. B. Mostovaya

Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk

E-mail: 3304146@mail.ru

Abstract. The report presents the preliminary results of analytical work to identify the sources of self-governing passivity of the rural population, rural and student youth. The important difference between self-government behavior of rural and student youth from the behavior of adult rural residents is revealed, namely, their commitment to publicize their positions regarding local government

decisions in the media, on the Internet, at rallies, pickets. It reveals the need for respondents to master self-government competencies, that is, the need to transform the theoretical knowledge inherent in different groups of people surveyed in varying degrees into skills, the use of which is provided for in the new Russian legislation.

Keyword: local government, self-government activity and passivity, direct and indirect influence of the population on local government, student government.

Изучение самоуправленческой практики сельского населения Новосибирской области НСО в 2017–2018 гг. показало, что *сельская молодежь* — взрослые, трудоспособные граждане в возрасте 18–34 лет, не проявляя готовности к прямому участию в деятельности местной власти и отождествляя органы местного самоуправления — муниципалитеты (вместе с остальным населением) с низшим звеном государственной власти, *обнаруживает приверженность к более современным косвенным формам воздействия на местную власть, таким как нормотворческая деятельность и интернет-активность.* Этот факт мы расценили как доказательство вызревания в сознании сельской молодежи предпосылок нового, соответствующего новому российскому законодательству понимания роли муниципалитетов, или по крайней мере как свидетельство более высокого уровня информированности сельской молодежи о содержании новых российских законов, предусматривающих возможность нормотворческой инициативы населения и допускающих в законных пределах его интернет-активность.

Предварительно напрашивалось простое объяснение данного факта: сельская молодежь чаще остальных опрошенных сельских жителей выбирает новые косвенные формы воздействия на местную власть, потому что она лучше остальных образована. Действительно, доля лиц с высшим и средним профессиональным и более высоким поствузовским образованием у молодежи 89%, против 83% у лиц среднего (35–55) и 80% — старшего возраста. Различия эти не особенно велики (в опросе участвовали главным образом образованные жители) и, к тому же, самая большая доля лиц с высшим и более высоким образованием выявлена не у молодежи (53%), а у лиц среднего возраста (57%). У старших — 47%.

Но более высокая доля лиц с высшим образованием у жителей среднего возраста, то есть у лиц, родившихся в 1963–1983 гг. и получивших *бесплатное* образование, в сравнении с молодежью, родившейся в период острых социальных трансформаций (1984–2000) и обучавшейся в вузах уже на *платной* основе в 2001–2017 гг., объясняется, скорее всего, именно несходством жизненных условий периодов «застоя» и «эпохи социальных трансформаций» и коренным несходством условий функционирования образовательной подсистемы социума в эти периоды.

Недостаточный уровень вовлеченности сельских жителей в самоуправленческую деятельность, отсутствие у них сформированных навыков самоуправления актуализирует социальную задачу корректировки работы

учреждений, обеспечивающих появление у населения отсутствующих навыков, умений, знаний, то есть — самоуправленческих компетенций. Безусловно, такие учреждения уже существуют в стране — это высшие и средние профессиональные учебные заведения в составе образовательной подсистемы социума. Только в Новосибирске функционируют больше двадцати вузов, в которых осваивают профессиональные и общие компетенции более 80 тысяч студентов. Многие вузы города участвуют в программах мобильности студентов, являются членами мировых научных сообществ, но обеспечивают ли они на практике повышение уровня владения молодежью навыками самоуправления, столь важными как с позиции модернизации российского реального сектора, так и с гражданских позиций? И чего можно ждать от молодежи, которая учится в вузах сейчас и приступит к профессиональной и активной гражданской жизни в ближайшие три–пять лет, то есть в 2022–2025 гг.? Это лица, родившиеся в 2001–2004 гг. при высоком уровне нефтяных цен и в период восстановления повседневного общественного порядка и постепенного подчинения силовым подсистемам государства инициативного и криминального рэкета и других сходных постперестроечных институтов. Чего ждать от новой молодежи, которой досталось более спокойное и благополучное время, чем тем, кого мы обследовали в 1998–2017 гг.? Представляется, что **следует ожидать от новой молодежи более высокого уровня готовности к прямому участию в деятельности местной власти, более глубокого и масштабного усвоения инновационных самоуправленческих компетенций.**

Для проверки этой **гипотезы** зимой 2018–2019 г. был подготовлен анкетный инструментарий и выполнен выборочный экспертный опрос студентов трех ведущих новосибирских вузов. Были выбраны — НГАУ, НГТУ и НГУЭУ (аграрный, технический и управленческий университеты). И выбраны по следующим основаниям:

- Аграрный университет — основной поставщик молодых специалистов для работы в сельском хозяйстве, в том числе в НСО;
- Технический университет — поставщик инженерных кадров для работы с вычислительной техникой на транспорте, на промышленных предприятиях, осуществляющих переработку сельскохозяйственного сырья, и иных востребованных на селе технических специалистов;
- Университет экономики и управления — главная кузница управленческих кадров для разных сфер — финансов, учета, страхования и т. п.

Обращение к анализу самоуправленческой практики городской студенческой молодежи вызвано еще двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что задачи вторичной модернизации аграрной хозяйственной жизни требуют увеличения в составе сельского населения доли специалистов, владеющих не только сельскохозяйственными профессиональными компетенциями, но также общими компетенциями — самообразовательными, техническими, управленческими, коммуникативными и информационными, востребованными в постиндустриальную эпоху. Во-вторых, процесс формирования

и профессиональных, и общих (в том числе — самоуправленческих) умений и навыков стартует именно в молодые годы. И стартует, скорее, в вузовской среде, чем в средней школе или в первые годы работы по найму.

Личные особенности и самоуправленческая практика студентов НГАУ, НГТУ, НГУЭУ

Зимой 2018–2019 г. исследовательской группой было проанкетировано (электронным и бумажным способами) 439 студентов 3–4 курсов данных университетов. Выяснилось, что обследованные студенты:

- здоровы — только 12 % чувствуют себя не совсем удовлетворительно и плохо;
- занимаются спортом регулярно — 53 %, не регулярно — еще 31 % и практически не занимаются — только 16 %;
- материальное положение родительских семей оценили как высокое — 25 %, как среднее — 60 %, как низкое — 15 %;
- свое материальное положение студенты оценили гораздо критичнее: к богатым («практически ни в чем себе не отказываем») отнесли себя 8 %, к обеспеченным (то есть к тем, которым средств «в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов, квартиры, автомобиля приходится делать займы») — 48 %, и еще 44 % — малообеспеченные и бедные. Из этих 44 % почти пятая часть отметила, что «денег не хватает на пропитание и повседневные бытовые затраты»;
- творчески довольно результативны. Имеют творческие работы — одна треть обследованных и еще 23 % — «пытаются сочинять, создавать»;
- не собираются работать по избранной профессии только 10 % обследованных, правда, 48 % не уверены в том, что они найдут работу по избранной профессии;
- ориентированы на продолжение учебы после бакалавриата и специалитета 65 % обследованных;
- с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее 38 %, со смешанными чувствами — 42 %, с неуверенностью и тревогой — 16 %, то есть неуверенность и тревога для студентов не характерны;
- в отношении гражданства определились 85 %, еще 15 % не определились и не задумывались об этом;
- 75 % готовы к службе в армии и только 25 % постараются от службы в армии уклониться (независимо от пола респондентов);
- 62 % готовы трудиться даже в том случае, если у них будет нетрудовой доход и только 23 % откажутся от работы;
- ориентированы на законные источники богатства и благосостояния 70 %, 25 % к богатству безразличны и только 5 % хотят «стать богатыми даже с риском уголовного наказания»;
- большинство считает источником богатства, прежде всего, «высокую должность», затем «присвоение госсобственности и коррупцию»,

а также «личную предприимчивость и стремление к успеху» — эти источники получили первый, второй и третий ранги значимости из десяти. На девятом и десятом месте оказались соответственно — «высокий уровень образования, профессионализм» и «добросовестный труд»; — удовлетворены своей жизнью в целом только 40 %, почти 60 % удовлетворены отношениями с родителями, с преподавателями и со сверстниками, меньше 40 % удовлетворены возможностями для личного развития, проявления способностей и проведения свободного времени. Всего 27 % — удовлетворены своим материальным положением.

Иными словами, опрошенные студенты — достаточно благополучная и вполне социализированная группа, неудовлетворенная только своим материальным положением.

Самоуправленческие компетенции осваиваются студентами не только в вузе, но и в ходе работы молодежи в молодежных организациях — политических, профессиональных, досуговых, творческих и трудовых (в строительных отрядах, в малом бизнесе и т. д.). Молодежный парламент, например, играет заметную роль в реализации государственной молодежной политики в регионах и является важным инструментом подготовки молодежи к участию в работе государственной и муниципальной администрации. Инструментом, обеспечивающим формирование у молодежи самоуправленческих компетенций, является также электоральная активность молодежи и участие в выборах молодежного правительства и парламента. В НСО в 2018 г. в выборах молодежного парламента участвовало более 16 тысяч жителей. Это около 0,7 % населения области и почти 1,5 % избирателей. Избрано 22 человека из 150 кандидатов. Затраты на проведение выборов в сущности являются прямыми затратами государства на подготовку молодежи к общественной жизни, на развитие электоральных навыков населения.

Несопоставимо большие масштабы подготовки (80 тысяч против 16) обеспечивает вузовская подсистема, сложившаяся в НСО. К тому же вузы осуществляют социализацию студенческой молодежи в течение 4–5 лет, и сформированные в эти сроки профессиональные и самоуправленческие знания, умения и навыки не могут не трансформироваться в профессиональные и самоуправленческие компетенции, не могут не повлиять на отношение молодежи к прямому личному участию в деятельности органов местного самоуправления. Иными словами, вузовский период социализации молодежи выступает важным основанием не только профессионального, но и социального акторства, а значит, является залогом превращения российского социума в сообщество граждан.

Студенческое самоуправление учебной, досуговой и трудовой деятельностью должно обеспечивать формирование лидерских, коммуникативных и управленческих компетенций, необходимых для участия в дальнейшем в самоуправленческой деятельности на местном уровне. Что же выяснилось в отношении подготовленности обследованных студентов новосибирских вузов к самоуправленческой активности? Обратимся к данным нашего опроса

студентов старшекурсников, проведенного в декабре 2018 г. и в январе-марте 2019 г. по анкете «Студенчество сегодня».

Выяснилось, что у студентов имеются достаточно грамотные теоретические представления о значимости конкретных управленческих навыков для профессиональной работы. По крайней мере, студенты в своем большинстве считают, что важнейшим управленческим навыком, которым нужно обладать, чтобы в дальнейшем участвовать в управлении страной, является «постановка цели и расстановка приоритетов совместной деятельности», так считают 68 % опрошенных. Далее в порядке убывания значимости названы следующие навыки: формирование команды, группы (38 %); распределения обязанностей и выбора способов поощрения инициатив (35 %); определения и контроля порядка действий (35 %); создания комфортного делового климата в коллективе, в группе (30 %); противодействия теневым коррупционным схемам (20 %); отбора актуальной информации (15 %); противодействия лентяям и бюрократам (15 %).

Таким образом, обследованные студенты явно недооценивают значимость отбора актуальной информации, а также навыков противодействия теневым коррупционным схемам и взаимодействия с недобросовестными сотрудниками. И наоборот, немного переоценивают важность правильного выбора цели и приоритетов, так как в практической работе и цели, и приоритеты довольно очевидны, тогда как преодоление барьеров на пути к целям зачастую становится главным содержанием управленческих действий. И все же теоретические знания у студентов, безусловно, есть.

Общественно-политическая жизнь, однако, не вызывает у студентов большого интереса: половина опрошенных «немного интересуются», около 30 % интересуются и пятая часть не интересуются общественной жизнью. И хотя три четверти опрошенных на вопрос «нужны ли сегодня молодежные организации?» ответили утвердительно, почти половина (46,6 %) заявили о том, что в деятельности молодежных организаций не участвуют и участвовать не хотят.

Только пятая часть опрошенных новосибирских студентов участвует в деятельности разных молодежных объединений. Эти данные согласуются с информацией, опубликованной в 2017 г. ростовскими, в 2014-м — челябинскими и в 2015-м — пермскими социологами, изучающими реалии студенческого самоуправления. Ростовчане, опросив студентов шести ведущих университетов Южного федерального округа, студентов Казанского федерального и Волгоградского государственного технического университетов, установили: «21,4% студентов в целом по обследованным вузам являются членами каких-либо творческих, общественных или любительских объединений, функционирующих в вузе», «9,9% являются членами различных молодежных объединений, функционирующих в городе», «хорошо информированы и участвуют в студенческом самоуправлении 21,5% студентов-иностранцев, 15,4% жителей крупных городов, 14,5% студентов из средних и малых городов и 13,4% выходцев из сельской местности» [1]. Челябинцы из государственного педагогического университета выяснили, что в этом

вузе «в деятельности органов студенческого самоуправления принимают участие 15 % студентов» [2]. В Пермском национальном исследовательском техническом университете «более половины (55,3%) учащихся вуза никак не участвуют в деятельности органов студенческого самоуправления» [3].

В трех новосибирских вузах только 13 % респондентов состоят в студенческих профсоюзах и принимают участие в работе строительных отрядов, в работе институтов студенческого самоуправления — 8 %. В спортивных, туристических, морских, автомобильных и авиаклубах состоят 7 %, в музыкальных, творческих группах, в КВН и в клубах авторской песни — 6 %, еще 5 % участвуют в деятельности неформальных групп (граффитисты, рокеры, металлисты, панки и др.). В работе военно-патриотических объединений, поисковых отрядах и отрядах следопытов участвуют 3 %, в движении «зеленых», экологов, защитников животных, в волонтерском корпусе — 3 %. Еще 1,2 % входят в религиозные общины и группы. И только 5,6 % участвуют в деятельности молодежных политических движений, молодежных союзов и политических партий.

Если предположить, что студенты, выбравшие перечисленные формы участия, — это разные люди, то получится, что в деятельности молодежных организаций участвуют не 21,4 % опрошенных, отметивших личное участие, а много больше половины опрошенных студентов — 61,8 %. Но данное предположение едва ли справедливо, так как многолетнее включенное наблюдение экспертов — преподавателей и сотрудников вузов этого предположения не подтверждает. Эксперты (преподаватели и администрация) свидетельствуют, что как раз около 20 % всех студентов, справляясь с учебными нагрузками, сохраняют силы для участия в общественной жизни.

Так что главная сфера, в которой формируются самоуправленческие компетенции, — это, скорее всего, текущая учебная жизнь студентов.

Действительно, вопросы текущей учебной жизни вызвали у респондентов гораздо больше интереса, чем вопросы об участии в деятельности молодежных организаций. В ответах на вопрос: «Какие вопросы организации учебного процесса требуют личного участия студентов и их общественных представителей?» — проступил не только острый интерес респондентов к организации учебного процесса в вузах, но и их озабоченность качеством его организации. Эта озабоченность фиксируется количеством выбранных подсказок, которые перечислены ниже в порядке убывания их значимости (ранга). Личного участия студентов требует по мнению опрошенных: составление расписания занятий (56 % ответов); организация стажировки и практики (54 %); набор и содержание учебных дисциплин (41 %); формы и методы проведения учебных занятий (38 %); изменение состава преподавателей (20 %); изменение система оплаты обучения (18 %); техническое оснащение аудиторий и лабораторий (15 %); другие вопросы — 2 %.

Даже минимальный уровень озабоченности студентов (техническим оснащением аудиторий и лабораторий озабочены 15 % опрошенных) выше максимальной доли участвующих в деятельности молодежных объединений

и клубов — это 13% участников профсоюзных и строительных студенческих объединений. Интересы студентов, как оказалось, сосредоточены на их учебной жизни и их самоуправленческие компетенции формируются не во внеучебной деятельности. Это обстоятельство не может не сказаться на готовности студентов к прямому личному участию в деятельности органов местного самоуправления.

Сравнительная характеристика готовности сельских жителей НСО и студентов трех новосибирских вузов к участию в местном самоуправлении

Участие жителей в деятельности органов местного самоуправления — сельских муниципалитетов важный индикатор процесса трансформации социального статуса населения, его превращения из *объекта* социальных манипуляций государственной бюрократии и эксплуатации со стороны частных собственников средств производств в *субъект* становления гражданского общества и развития законного бизнеса. Как показывают наши данные, на пути превращения населения из объекта управления в субъект самоуправления условиями жизнедеятельности, то есть на пути превращения жителей, потребляющих управленческие продукты бюрократии и бизнеса, в граждан, производящих управленческие решения сначала на местном, а в дальнейшем — на областном и федеральном уровнях, сделаны пока что самые первые шаги. Прямое личное участие в деятельности органов местного самоуправления считают для себя возможным только 8% респондентов, опрошенных в разных районах НСО в 2018 году, еще 19% сельских жителей считают, что никакое — ни прямое, ни косвенное участие населения в деятельности сельских муниципалитетов невозможно.

Похожие оценки получили при почтовом опросе руководителей (и заместителей руководителей) промышленных предприятий г. Новосибирска (2016 г.) в рамках проекта «Предприятия Сибири в силовом поле “новой индустриализации”»: социально-экономические трудности и ресурсы обновления» научные сотрудники ИЭиОПП СО РАН [4]. Почти половина (45%) опрошенных руководителей назвали в качестве факторов неполного и недостаточно полного использования трудового потенциала работников предприятия социокультурные барьеры, назвав среди них: *отсутствие навыков самоуправления и самоконтроля*, недостаточную мотивацию к труду, средний уровень дисциплины, низкий уровень корпоративной культуры, низкую квалификацию вновь принятых рабочих, слабую систему обучения и слабое доверие между руководителями разного уровня и подчиненными, доставшееся в наследство от прошлых лет. А ведь навыки самоуправления и самоконтроля у рядовых работников — важное условие освоения реальным сектором экономики России новейших технологических укладов, являющихся залогом радикальной модернизации промышленности, ее реиндустриализации и вторичной модернизации [5].

Важным источником формирования самоуправленческих компетенций является участие студенческой молодежи в деятельности «взрослых» организаций — политических партий и профессиональных союзов, церковей разных конфессий и религиозных общин. Но в России только с 2005 по 2015 г. более чем наполовину (55 %) сократилось число профсоюзных объединений и почти на треть (31 %) — число общественных партийных объединений, а число религиозных организаций выросло только на 17 %. И поэтому господствующими формами передачи и усвоения самоуправленческих навыков остаются пока что органы студенческого самоуправления, досуговая сфера, внеучебная работа (в обслуживании, строительстве и так далее) и ежедневное учебное взаимодействие студентов с преподавателями и администрацией вузов.

Прямые вопросы об участии студентов в местном самоуправлении на территории мы задавать не стали, так как пилотажные опросы показали, что студенты на эти вопросы не отвечают, пропускают их в анкете. В «Анкете студента» остались поэтому только два прямых вопроса: «Как население может повлиять на деятельность органов местного самоуправления?», «Готовы ли Вы предложить и реализовывать какой-либо проект для общественного блага?».

Сравнение ответов показывает, что и все опрошенные селяне, и сельская молодежь, и студенты имеют почти одинаковый уровень готовности к самоуправленческой инициативе: *готовы* предложить общественно-значимые проекты и лично участвовать в их реализации 25–30 % респондентов сравнимых категорий; *не готовы* по принципиальным соображениям 25–29 % и на разных стадиях *полуготовности* пребывают от половины сельской молодежи до 40 % остальных респондентов.

Заблуждения в отношении субъекта самоуправления и самоуправленческой инициативы разделяют около 15 % респондентов всех категорий, считающих, что к проявлениям инициативы и к личному участию в реализации проектов их кто-то может обязать. По уровню информированности и содержанию самоуправленческой деятельности студенты отличаются от опрошенных селян и сельской молодежи разительно: не знают к кому обратиться с проектом только 6–7 % студентов и втрое больше (17–16 %) селян и сельской молодежи. Объединяет студентов и сельскую молодежь склонность к отождествлению самоуправленческой инициативы и деятельности с профессиональной управленческой деятельностью: 18–20 % студентов готовы предложить проекты и участвовать в их реализации, «если за это заплатят хорошие деньги», со студентами солидарны 20 % сельской молодежи и только 12 % опрошенных селян.

Таким образом, информирование о содержании самоуправленческой деятельности, актуальное для 17 % селян и для 16 % сельской молодежи, для студентов новосибирских вузов гораздо менее актуально. А вот склонность отождествления самоуправленческого акторства с профессиональным оплачиваемым управленческим трудом, разделяемая пятой частью сельской молодежи и студенчества, требует коррекции. Эта склонность, очевидно, является самым важным барьером на пути овладения сельской молодежью

и студентами самоуправленческими навыками и компетенциями, а значит, и самым важным препятствием для личного самоуправленческого акторства на общественной и, в том числе, — на муниципальной nive.

Другим не менее важным барьером является отказ от социального акторства по принципиальным соображениям, характерный для 29% всех опрошенных селян и студентов. Принципиальное соображение состоит в том, что респонденты отказываются от акторства из-за уверенности в неощутимости или отсутствии его результатов. Основания для такой негативной в отношении социального и, в частности, самоуправленческого акторства у селян, сельской молодежи и студенчества, скорее всего, не одинаковые, но у селян они основаны на опыте взаимодействия с местной властью (такой опыт имеют около 40% обратившихся к местной администрации в последние 2–3 года), а у студентов — на теоретических заблуждениях в отношении природы территориального самоуправления и на опыте взаимодействия с администрацией вузов.

Характер теоретических заблуждений студентов проступает в несходстве их оценок возможности и выбору способов влияния на деятельность органов местного самоуправления. Студенты, с одной стороны, гораздо оптимистичнее селян и сельской молодежи оценивают возможность влияния населения на деятельность местной власти: доля негативных ответов у студентов в 3 раза ниже, чем у селян, и в 3,5 раза ниже, чем у сельской молодежи. Но с другой стороны, возможность прямого личного участия и студенты, и сельские жители оценивают одинаково низко, и хотя в составе мер косвенного влияния студенты в 3,5 раза чаще селян выбирают новые формы, они все-таки предпочитают косвенное влияние на власть прямому, что, на наш взгляд, свидетельствует о их теоретических заблуждениях.

Главное различие между опрошенными сельскими жителями и студентами состоит в несходстве их позиций в отношении такой меры косвенного влияния на администрацию муниципалитетов, как *гласность*, то есть обнародование информации о позициях и делах властных структур и об отношении сельского населения и студентов к этим делам и позициям.

Обнародование информации имеет у населения давние традиции. Обращение в СМИ считают важной мерой косвенного влияния на власть 13% селян, 14% сельской молодежи и 17% студентов. Но интернет-активность — новую форму обнародования информации и заявления позиций выбирают только 8% селян, 7% сельской молодежи и 20% студентов, то есть эту новую форму гласности студенты избирают в 2,5–3 раза чаще остальных опрошенных. К тому же 10% студентов считают также важной формой косвенного влияния на власть участие в митингах, демонстрациях, шествиях и пикетах. Иными словами, разные формы обнародования информации и заявления позиций выбирают 21% сельских жителей, 21% сельской молодежи и 46% студентов. Разрыв двукратный.

Обратимся теперь к характеристике взаимодействия студентов с администрацией вузов, проанализируем практику участия студентов в деятельности

органов студенческого самоуправления, в молодежных организациях для выявления подготовленности студенческой молодежи к партнерским отношениям на рабочих местах и во взаимодействии с исполнительными органами местного самоуправления.

Косвенная оценка студентами эффективности деятельности вузовской администрации содержится в их ответах на два вопроса: «Оцените по пятибалльной шкале *различные составляющие* учебного процесса на Вашем факультете, отделении»; «Оцените Вашу *удовлетворенность* учебным процессом на Вашем факультете, отделении». Содержание подсказок к ответам на эти вопросы раскрывает нашу расширительную трактовку понятия *учебный процесс*. Мы предложили студентам оценить не только их удовлетворенность качеством лекций, семинаров, квалификацией преподавателей, но также их удовлетворенность материально-технической обеспеченностью учебного процесса, бытовыми условиями и качеством питания в вузе. А затем разделили составляющие учебного процесса (в расширительной трактовке) на два подмножества, отличающиеся друг от друга субъектами ответственности за уровень качества. Один субъект ответственности — профессорско-преподавательский состав (ППС) вуза, другой — администрация. К сфере ответственности ППС отнесены следующие составляющие: профессиональный уровень преподавателей; постановка индивидуальной работы со студентами; постановка исследовательской работы студентов; уровень лекций; уровень практических и лабораторных занятий, семинаров.

К сфере преимущественной ответственности администрации вуза были отнесены такие составляющие, как: материально-техническое обеспечение учебного процесса; обеспеченность учебной, научной и справочной литературой; организация практики; работа творческих групп, кружков.

Последний пункт мы отнесли к сфере ответственности администрации вуза, так как участие ППС в организации кружковой работы во многом определяется политикой вузовской администрации, поощряющей дополнительные внеучебные нагрузки ППС или относящейся к такой работе равнодушно.

Оценки разных составляющих учебного процесса оказались довольно высокими, но качество составляющих, зависящих от работы ППС, студенты оценили немного выше, чем качество составляющих, зависящих преимущественно от администрации вузов. Тем самым студенты по-разному оценили качество взаимодействия с администрацией и ППС вуза и возможность установления в вузе партнерских отношений.

Другой ракурс выставленных студентами оценок их удовлетворенности учебным процессом в вузе представлен в распределении оценок в соответствии с зависимостью состояния оцениваемой области от деятельности преимущественно ППС и администрации вуза или от активности самих студентов. Выше всего опрошенные студенты оценили качество преподавания — 4,10 балла, немного ниже — 4,03 балла получили условия, зависящие от активности студентов, ниже всего 3,77 балла оценены условия, зависящие от администрации.

Общая оценка студентами соответствия обучения запросам работы и жизни получила не самый низкий балл — 3,86. Таким образом, при высокой оценке состояния всех элементов учебного процесса и высоком уровне удовлетворенности учебной жизнью студенты фиксируют в оценках свою озабоченность соответствиям деятельности вузов запросам работы и жизни, то есть оценивают эффективность деятельности вузовской администрации и ППС достаточно противоречиво. Проступает в студенческих оценках сосредоточенность администрации и ППС на текущих вопросах организации учебной жизни в ущерб стратегическим задачам социализации (подготовки к жизни) и профессионального обучения (подготовки к работе).

Студенты критически относятся и к текущей работе администрации и ППС вуза. 87% опрошенных считают, что требуется их личное участие в составлении расписания занятий, 56% хотят участвовать в организации практики и стажировки и 43% — в корректировке набора и содержания учебных дисциплин. Эти данные свидетельствуют о стремлении студентов если не к партнерским отношениям, то, по крайней мере, к диалогу с администрацией и ППС вузов. Главным барьером на пути студенческого самоуправления студенты считают не противодействие администрации студенческим инициативам (противодействие и негативную позицию администрации отметили всего 12,5% опрошенных), а «собственное равнодушие, пассивность и неграмотность». Таких оказалось 44%. Оценки студентов разных вузов немного расходятся, но расходятся незначительно.

Критический настрой студентов в отношении стратегических и текущих действий администрации противоречиво сочетается с пессимистическими оценками возможности результативных действий в общественной сфере в целом (табл. 1).

Только 26% всех опрошенных студентов уверены в том, что любое, даже самое незначительное усилие обязательно принесет результат. Таких «оптимистов» больше всего в аграрном университете и почти в 1,5 меньше в университете экономики и управления. По-видимому, знакомство с реалиями управленческой жизни развеивает у будущих управленцев иллюзию легкости достижения результатов. И если студенты-аграрии осознают значимость трудозатрат (усилий), то студенты-технари и студенты-управленцы — важность командной работы, взаимодействия с вышестоящими («необходимы связи») и материального обеспечения инициатив. Различия между студентами довольно велики (по одному из пунктов они расходятся втрое), но одинаковая девятипроцентная доля выбора двух подсказок — «в современных условиях практически никто не способен повлиять на решение общественных проблем»; «всё решено без нас и бесполезно пытаться оказать влияние на что-либо» — свидетельство пессимистического настроения пятой части студентов в отношении результативности деятельности в общественной сфере, то есть около 20% — «пессимисты».

Таблица 1

**Оценка возможности и условий результативности личных действий
в общественной сфере студентами новосибирских вузов, опрошенными
в 2019 г. (в % от опрошенных)**

Вопрос: Считаете ли Вы, что Ваши действия в общественной сфере
могут иметь значимый результат?

	Все опрошенные	В том числе студенты		
		НГАУ	НГТУ	НГУЭУ
Да, я уверен, что даже самое незначительное усилие принесет результат	26	30	28	19
Для получения ощутимого результата нужно приложить очень много усилий	22	25	21	21
Результат будет, если удастся привлечь помощников, собрать команду	20	16	20	24
Для получения ощутимого результата необходимы связи и материальные вложения	13	7	14	21
В современных условиях практически никто не способен повлиять на решение общественных проблем	9	9	10	8
Всё решено без нас и бесполезно пытаться оказать влияние на что-либо	9	12	7	7

Если представление о легкости достижения результатов индицирует незрелость, инфантилизм четверти респондентов, то больше половины студентов осознают трудоемкость (22%), командную природу (20%) и необходимость поддержки властных структур (13%) — социальной («связи») и материальной («вложения»). Эти 55% — «реалисты», озабоченные разными, но вполне реальными условиями результативности.

«Инфанты», которых в составе опрошенных 26%, и «реалисты» (55%) вместе составляют большинство, с оптимизмом оценивающее возможность результативности самоуправленческих инициатив. Что же является источником этого оптимизма? Это, возможно, более высокий уровень удовлетворенности жизнью, материальной обеспеченности, определенность миграционных планов, приверженность востребованным в социуме ценностным ориентациям или какие-то другие причины.

Рассмотрим данные, представленные в таблицах 2–5, в которых сопоставляются характеристики четырех категорий респондентов, по-разному воспринимающих перспективы и результативность самоуправленческих инициатив. Это — *сельские жители* НСО, для которых характерна самоуправленческая пассивность и притерпелость к сложившимся условиям жизни. Это *сельская молодежь* с немного более внятной дифференцированностью

позиций и оценок. Это *студенты*, с оптимизмом (возможно, не вполне оправданным) оценивающие результативность самоуправленческих инициатив. И наконец, — это *студенты-аграрии* — субъекты самых высоких и оптимистичных оценок условий жизни и открывающихся самоуправленческих перспектив.

Таблица 2

Интерес к проблемам общественной жизни и местного самоуправления, проявленный сельской молодежью и новосибирскими студентами, опрошенными в 2018–2019 гг. (в % от опрошенных)

Вопрос 1: Интересуетесь ли Вы проблемами местного самоуправления?

Вопрос 2: Интересуетесь ли Вы проблемами общественной жизни?

	Селяне, ответившие на вопрос 1		Студенты, ответившие на вопрос 2	
	Все опрошенные	В том числе молодежь (до 34 лет)	Все опрошенные	В том числе студенты НГАУ
Интересуюсь	52	47	79	72
Не интересуюсь	48	53	21	28

Интерес этих групп респондентов к общественной жизни и самоуправлению проявляют от 79 до 47% респондентов этих категорий. Самый высокий уровень безразличия у сельской молодежи и сельских жителей в целом, самый низкий — у студентов. Возможно, различия объясняются несходством трудовых и демографических нагрузок, характерных для сравниваемых категорий респондентов. Более высокая заинтересованность общественной жизнью студентов в сравнении с заинтересованностью сельских жителей и молодежи может объясняться, во-первых, тем, что учеба в вузе активизирует у них познавательный интерес как таковой и «консервирует» свойственную не вполне взрослым людям рецептивную позицию. Во-вторых, у студентов интерес к общественной жизни практически не блокируется ни семейными нагрузками, так как студенты в большинстве пребывают в монадной стадии жизни, ни нагрузками трудовыми, внеучебными. А учебные нагрузки — это нагрузки познавательные, и они хорошо согласуются с интересом к общественной жизни.

Для сельской молодежи, наоборот, характерен самый высокий уровень трудовых и семейных нагрузок. Жители трудоспособного возраста до 34 лет имеют невысокий заработок и склонны к самоэксплуатации собственной трудоспособности из-за стремления к повышению уровня заработка. К тому же воспитание детей требует временного прекращения оплачиваемой работы женщин, что повышает трудовые и семейные нагрузки для молодых мужчин. Для селян цветущего возраста трудовые нагрузки снижаются

из-за повышения профессиональной компетентности, а демографические достаточно быстро перестают нарастать из-за завершения формирования семьи и обретения младшими ее членами бытовых навыков и умений. Для старшего поколения характерен рост затрат на самообеспечение (на лечение, отдых и т. д.) и радикальное снижение трудовых и семейных нагрузок. Все эти потребности определяют различия в оценках уровня материальной обеспеченности сельских жителей, сельской молодежи и студентов (табл. 3).

Таблица 3

Уровень материальной обеспеченности сельской молодежи и студентов новосибирских вузов, опрошенных в 2018–2019 гг. (в % от опрошенных)

Вопрос: Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует Ваше материальное положение?

	Селяне		Студенты	
	Все опрошенные	В том числе молодежь (до 34 лет)	Все опрошенные	В том числе студенты НГАУ
Обеспеченные	12	15	10	8
Малообеспеченные	52	46	49	42
Бедные	36	39	41	50

Обеспеченные – «Практически ни в чем себе не отказываем».

Малообеспеченные – «Денег в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов, приобретения квартиры, дачи, машины нужно брать в долг, оформлять кредит. Под вопросом поездки в отпуск».

Бедные – «Денег не хватает на пропитание и повседневные бытовые затраты», «На повседневные затраты уходит вся зарплата», «На повседневные затраты хватает, но покупка одежды и предметов быта затруднительна».

Самые бедные – студенты аграрного университета. Половине студентов-аграриев денег не хватает на повседневные бытовые нужды, на покупку одежды. Доля бедных в составе всех опрошенных студентов немного ниже и составляет 41 %, что почти совпадает с долей бедных у сельской молодежи (39 %). Но материальное положение сельской молодежи более дифференцировано, чем материальное положение молодежи студенческой: у сельской молодежи самая высокая доля обеспеченных – 15 %, что в 1,5 раза больше доли обеспеченных у студентов и почти вдвое больше доли обеспеченных у студентов-аграриев.

Очень возможно, что миграционные планы студентов-аграриев связаны именно с их бедностью: хотят остаться в Новосибирске после окончания университетов 52 % студентов и почти 60 % студентов-аграриев, для которых

«остаться в Новосибирске» — миграционное действие, а не проявление укорененности. Вернуться в родной город, село планируют 10% студентов-аграриев и 7% остальных студентов. То есть студенты гораздо более подвижная в территориальном отношении группа.

Заметно выше у студентов уровень удовлетворенности теперешней (сегодняшней) жизнью (см. табл. 4) в сравнении с сельской молодежью и сельским населением. Объяснения этому обстоятельству мы пока не нашли, но готовы обнародовать гипотетическое соображение: сельская жизнь сохранила, законсервировала командно-административный порядок социальной жизни, закамуфлировала этот порядок чертами патриархальности отношения населения к местной власти. Сформировалась иллюзия защищенности сельских жителей от экономической нестабильности, от криминальных и коррупционных угроз, иллюзия стабильности сельской жизни. Но иллюзия стабильности не обеспечивает сельскому населению высокого уровня удовлетворенности жизнью в целом.

Таблица 4

Уровень удовлетворённости жизнью в целом сельской молодежи и студентов новосибирских вузов, опрошенных в 2018–2019 гг. (в % от опрошенных)

Вопрос 1: Насколько Вы удовлетворены сегодня своей жизнью?

Вопрос 2: Вы довольны или не довольны своей теперешней жизнью?

	Селяне, ответившие на вопрос 1		Студенты, ответившие на вопрос 2	
	Все опрошенные	В том числе молодежь (до 34 лет)	Все опрошенные	В том числе студенты НГАУ
Довольны	52	58	78	76
Не довольны	40	36	22	24
Затруднились с ответом	8	6	–	–

А студенты, усвоившие ценностные ориентиры конкурентной и более подвижной рыночной среды, верят не в стабильные (устойчивые, но обреченные) сельские порядки и подчиняться этим порядкам не хотят. Их более высокая удовлетворенность жизнью объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что ценности, разделяемые студентами, — это преимущественно рыночные ценности (см. табл. 5). И крепнущий в России (хотя и очень слабыми темпами) рыночный порядок повышает уровень их удовлетворенности жизнью. Хотя, возможно, более высокий уровень удовлетворенности объясняется проще — юношеской верой в будущее, оптимизмом, свойственным молодежи подчас без достаточных оснований.

Таблица 5

**Соотношение типов ценностного сознания сельских жителей
НСО и новосибирских студентов, опрошенных в 2018–2019 гг.
(в % от опрошенных)**

Ценности и порядок	Селяне		Студенты	
	Все опрошенные	В том числе молодежь (до 34 лет)	Все опрошенные	В том числе студенты НГАУ
Информационный порядок и творческие ценности	5	8	6	5
Рыночный порядок и рыночные ценности, в том числе:	36	40	64	62
– предпринимательские	12	12	8	10
– пролетарские	24	28	56	52
Командно-бюрократический порядок и ценности, в том числе:	59	52	30	33
– администраторы	23	20	8	8
– исполнители	36	32	22	25

Подтверждением высказанной гипотезы является и то, что у сельской молодежи рыночное сознание наблюдается немного чаще, чем у остальных селян (см. табл. 5) и уровень удовлетворённости жизнью у них также немного выше, чем у остального опрошенного сельского населения (см. табл. 4).

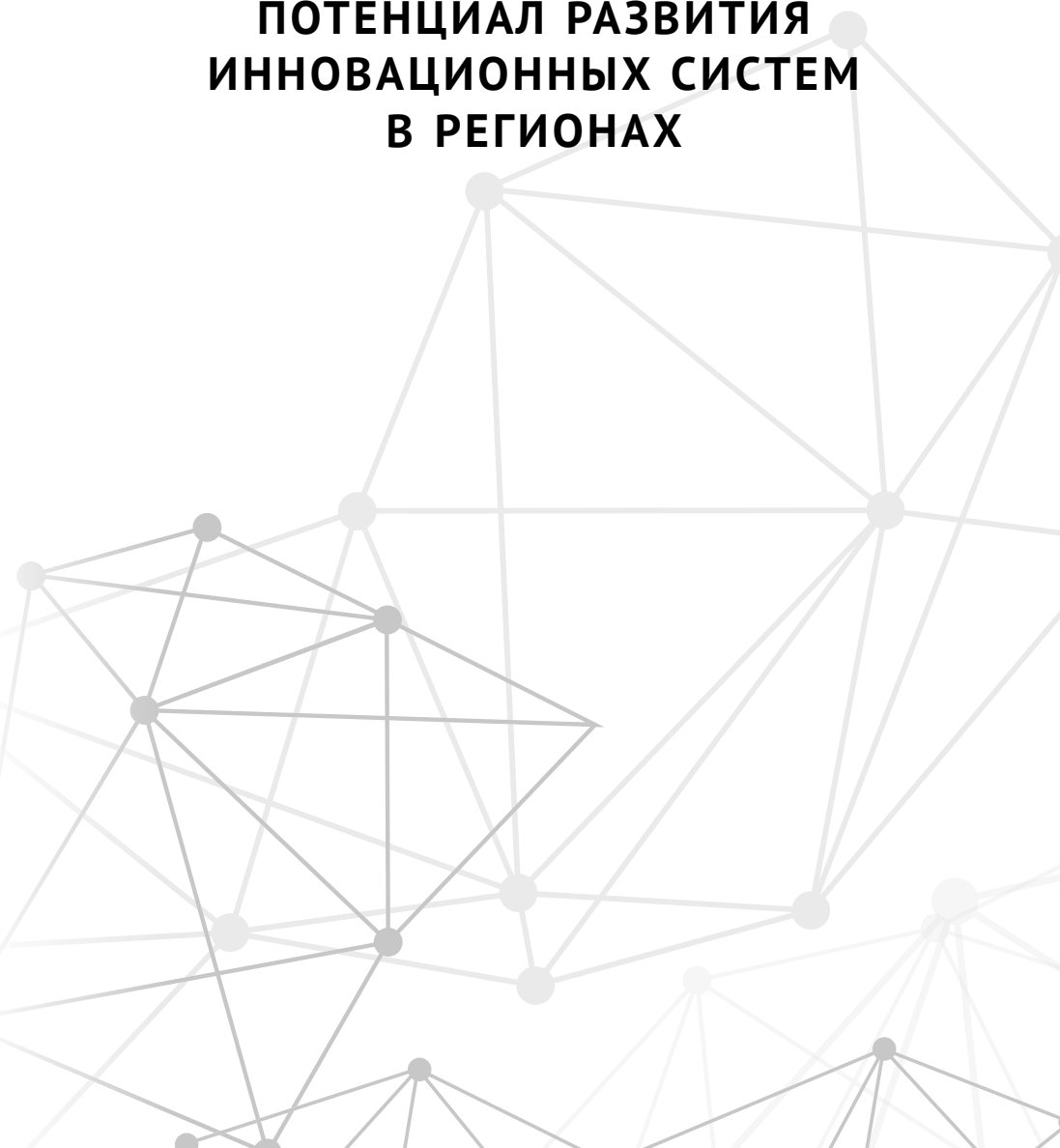
Однако для окончательных выводов требуется расширение их социолого-статистической базы.

Источники

1. Мосиенко О. С., Штомпель Л. А., Загородная Ю. Э., Понеделков А. В. Студенческое самоуправление в современном российском вузе: тенденции развития // Власть. — № 11. — С. 61–69.
2. Черникова Е. Г. Состояние студенческого самоуправления в вузе (на материалах социологических исследований) // Вестник ЧГУ. — 2014. — № 4. — С. 165–176.
3. Лазукова Е. А. Социальный состав студентов, участвующих в самоуправлении // Вестник ПНИТУ: социально-экономические науки. — 2015. — № 3. — С. 16–20.
4. Павлюк Е. А. К проблеме управленческой активности рядовых работников промышленности // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2019». 8–12 апр. 2019 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — М. : МАКС Пресс, 2019. — Секция «Государственное и муниципальное управление», Подсекция «Современные технологии управления человеческими ресурсами». — 1 эл. опт. диск (DVD-ROM).
5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуанци. — М. : «Весь мир», 2011.

СЕКЦИЯ 3

**МОЛОДЕЖЬ КАК РЕСУРСНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ
ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ
В РЕГИОНАХ**

УДК 342.55

DOI: 10.25990/hse.conf-15.c89a-c650

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ: СТРУКТУРЫ, СУБЪЕКТЫ, ПОТЕНЦИАЛЫ

С. Н. Баранец

Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

E-mail: brnts@rambler.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-03-00862.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы становления современного российского стиля управления региональным развитием. В ходе обсуждения проблем регионалистики и процессов обретения устойчивости внутреннего обустройства субъекта Федерации показаны основные элементы и структуры управленческих взаимодействий. Составной частью располагаемых региональных ресурсов выступают природные, социокультурные и организационные возможности регионального сообщества, в процессе формирования которого существенную роль призваны сыграть когорты молодых граждан. Их способности придавать региональному интересу существенную инновационную составляющую на данный момент ограничены. Предложены способы активизации этой инновационной составляющей на примере развития политического потенциала местных молодежных лидеров.

Ключевые слова: регионы, политика, субъектность, молодежь, потенциал, управление, инновации.

REGIONAL DEVELOPMENT MANAGEMENT: STRUCTURES, SUBJECTS, POTENTIALS

S. N. Baranets

North-West Institute of Management of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

E-mail: brnts@rambler.ru

Abstract. The article deals with the problems of the formation of the modern Russian management style for regional development goals. During the discussion of the regionalistics problems and the processes of acquiring the stability of the internal structure of the subject of the Federation, the main elements and structures of managerial interactions are shown. The natural, socio-cultural, and organizational capabilities of the regional community are an integral part of the disposable regional resources; in the process of its construction, cohorts of young citizens are called upon to play a significant role. Their ability to impart

a substantial innovation component to regional interests is currently limited. The ways of activating this innovative component by the example of developing the political potential of local youth leaders are proposed.

Key words: regions, politics, subjectivity, youth, potential, management, innovations.

Долгая история российской государственности, особенно в ее имперской фазе, воспроизводила не вполне явную, но присутствующую в общественном сознании тенденцию к федерализации, которая, в отличие от «классических» вариантов, была отголоском самодержавного великокняжеского правления, способного к выработке практик сосуществования под воздействием скорее «централизаторов», нежели демократизаторов, суверенитистов и либертарианцев. «Страна городов» по мере пространственного расширения становилась со временем «страной регионов», формируемых где-то по национальному, где-то по социально-политическому, где-то по административно-территориальному принципу. В конечном счете, федеративный выбор состоялся для России лишь на советской почве, был искривлен и надломлен, однако переключался в новые времена практически без изъятий. Нынешняя Россия есть, несомненно, федеративная страна с усиленными элементами централизованного регионального управления, особенности которого, думается, еще складываются, постепенно вбирая в себя и перерабатывая предыдущий опыт и вместе с тем делая поисковые управленческие экзерсисы ради разработки адекватных времени и месту, эффективно работающих моделей воздействия на реальность. Общим основанием последних, на наш взгляд, является понимание того, что устойчиво управлять нашей страной ради ее развития можно только в регионалистском ключе, фундированном союзно-федерационными правилами и квазиимперскими (централизационными и легитимно принуждающими) порядками. Единство этих противоположностей и их качественные особенности можно лучше понять через соотношение федерализма и его региональных (местных в том числе) воплощений, спектральный анализ которых вряд ли возможен без учета опыта каждого из нынешних и прежних, виртуально присутствующих в современности, субъектов Федерации [1].

Россия обретала свой цивилизационный статус постепенно, проходя последовательные фазы собственного социально-политического, социокультурного и экономико-технологического развития в соответствии с основными эпохами человеческой истории, однако на свой особый лад — втягивая в себя другие народы разными способами, но так, чтобы сотрудничество преобладало над враждой, а соединение усилий — над конкурентной логикой противостояния. Выступая несомненной частью евроатлантического цивилизационного ареала, она по ряду причин открывалась универсализму глобального типа, весьма произвольным образом самоутверждаясь в континууме мирохозяйственных связей и с XVIII в. «нависая» над афроевразийским континентом географически, геополитически и социокультурально.

Взаимозависимости, возникающие в отношениях с бывшими врагами, и соседские отношения фамиллярно-общинного типа между строанообразующими народностями и нациями, административно-территориальные экзерсисы, отличные и от опыта «рафинированной» европейскости, и от крайностей «азиатчины», выглядели со стороны, вероятно, несколько странно (как всегда странно формализованному уму стихийное диалектическое мышление). Однако именно эта смесь самодержавности, имперскости и православно-ориентированной официальной идеологии породила в первой четверти прошлого века феномен перманентной русской революции, из горнила которой явился советский федералистический авангардизм с его демократическо-централистской идейной основой и союзной (со-узной), но притом относительно свободной государственностью нового типа.

Многогранная и противоречивая история социалистического строительства породила уникальный, на мой взгляд, образец возникновения, существования и развития социокультурной общности нового типа, не имевшего аналогов в известной мировой ретроспективе. Гомогенизация отфильтрованного историей становления страны населения через интернационализацию общественных связей по принципу классовой солидарности, которая, в свою очередь, была сознательно замешана на космологическом универсализме, творческом революционаризме масс и идее материального единства мира, — все это дало основания для разработки продвинутых технологий конструирования новых состояний социума на основе особого отношения к достижениям культуры, которые на тот момент оказались выработаны человечеством. Апокалиптическое мировосприятие мира как места «последней битвы добра со злом» постепенно начало вытесняться конструкционным отношением к будущему, которое подлежало формированию на основе больших данных, получаемых комплексом наук о мире, обществе и человеке, — человеке специфическом, умеющем узнать, понять и раскрыть все свои способности. Думается, что современные утраты, имевшие место в период агрессивного постсоциализма, все же не привели к невосполнимым лакунам культурной почвы, культурной кроны и культурного фона, да и сам субъект исторического действия, к счастью, выходит из искусственной комы, в которую его вогнали социальные обстоятельства «лихих девяностых». Подобным образом федералистический порыв строителей коммунизма оказался созвучен реалиям нового тысячелетия и был завершeн строительством государственных оснований регионального развития, в котором, в соответствии с духом эпохи, приоритетом становится повышение качества жизни любого присутствующего на любой части страны до стандартов, обеспечивающих возможности раскрытия всех наличных и способных к реализации потенциалов. Это повышение может быть осуществлено в условиях управляемой на основе самостоятельности принятия решений коммунитарности и продуктивного сосуществования различающихся между собой субъектов Федерации, связанных так, что свободное развитие каждого из них является условием свободного развития страны в целом.

Тернарная (триангулярная, триадическая) логика российской истории, дополненная западным активизмом, дала выплеск социальной энергии, несравнимый с возможностями, предписанными человечеству в парадигмах особых исторических судеб, народов и осевых времен. Преодоление накопившейся в прошлом социальной инерции традиций, поиск актуальных опор для обретения устойчивости и балансирование на грани «втягивающего» будущего позволили за два десятилетия создать предпосылки для развития общества чаемой социальной справедливости, позже — на собственной основе, которая, как показывает практика, выдержала испытание непростыми условиями транзитного перехода к новым рубежам российской государственности. Единение при неслиянности многих, но притом различных создает основания для эволюции комплекса благоприобретенных системных качеств и дифференций, а безопасность этой эволюции для самих участников процесса обеспечивается и гарантируется правом на разумное государственное усмотрение и легитимное вмешательство общества и каждого его члена при обнаружении деструктивных, инволютивных и иных тенденций, могущих оказаться угрозой благосостоянию, нравственному здоровью и жизненной позиции людей. При этом конституционно закреплены, защищены, обеспечены, активно культивируются и используются склонности человеческих существ к самоорганизации и коммуитарные самоуправленческие начала: ведущим общественно-организующим принципом является соединение усилий и кооперация, восполняющие и компенсирующие социальное бессилие и / или некомпетентность отдельных граждан, социальных групп или институтов. Вертикальная и горизонтальная интеграция людей, объединенных по месту жительства, по месту пребывания, а также по признаку участия во всеобщем, корпоративном и личном процессе созидающего нового труда, вряд ли может быть чем-то иным, нежели соучастием и соработничеством в делах единой страны или любой ее составной части. Такие социально-культурные установки естественным социоисторическим и культуралистическим (а подчас и культуртрегерским) образом преобразуют среду взаимодействия между субъектами деятельно-управленческого, распределяющего и потребляющего типа, равно как и созидаемые ими при этом упорядочивающие организационные структуры. В персоналистическом же аспекте индивидуально-личностные сферы самоопределения и самоутверждения под воздействием благоприятных, но сложных (вынуждающих действовать) внешних обстоятельств своеобразно наполняются практикой поиска новых форм строительства социоприродных оснований, поиска новых опор для существования и уточнения критериев подлинно человеческого бытия, которое, конечно, прогрессирует, но по-прежнему реализуется, существует и являет себя другим в условиях далеко не оптимального состояния социума, неполного и неточного знания о мире и человеке, изменчивого эмоционального-психологического фона и не вполне развитых навыков практического (преобразующего) взаимодействия с предметным миром материальных явлений и духовными вселенными других людей.

Видимо, на данном этапе общественной эволюция нашей страны есть резон начинать разговор о сохранении, а если возможно, и приумножении оснований для новой модели российского федерализма, который может быть истолкован теперь не только как «территориальная форма демократии», но и территориальная форма социализации общностей, групп и индивидов. Обретение социокультурной субъектности каждым из составляющих страну регионов (вплоть до мест с минимальным уровнем антропоного и антропогенного присутствия) есть способ закрепления федералистских для новой России начал, учрежденных политическим путем, гарантированных конституционно и притом неизбежно нуждающихся в их «аккредитации» посредством генерирования культурного и социетального разнообразия в единстве. Единство территории внутри государственных границ не обязательно может быть атрибутировано на предмет меры аккультурации с помощью социологического замера степени интенсивности и плотности социокультурных связей и, что не менее важно, отнюдь не достигается автоматически: полагаемое единство народа есть скорее идея, идеационная и идеологическая формула, может быть — идеал, с которым действительность социальных связей и привычные коммуникативные континуумы сообразовываться вовсе не обязаны.

Особенности современного российского федерализма состоят, как мне представляется, не только и не столько в его централизованном характере и вертикализации властных связей. Есть все же основания полагать, что регионализация сознания и практик современного российского руководства проистекают из так или иначе осознанных потребностей того «глубинного народа» (В. Сурков), которому, думается, далеко не все равно, каким способом будет обеспечен в данном конкретном сообществе на данном конкретном этапе развития страны искомый, необходимый и достаточный уровень социального порядка, способ организации деятельности людей и стиль социального управления государственными делами. К слову сказать, частью, максимально чувствительной к инновациям и минимально опытной в предсказании их последствий, в российском (патриархально устроенном и, значит, традиционно не склонном к торопливости) обществе считается молодежь, которая, впрочем, понимается зачастую не только как особый социальный слой или возрастная группа, а скорее как совокупность людских когорт «младосоискателей будущей жизни», чутких к элементам новизны, ещё способных к сравнительно быстрой адаптации к жизненным параметрам в меняющихся социальных обстоятельствах, но уже отчасти обладающих достаточным уровнем социальной ответственности, чтобы не навредить себе и другим и некоторой степенью свободы в обращении с антропосоциальными условиями своего собственного бытия.

Прямая связь между политико-социальным устройством среднестатистического субъекта в составе Российской Федерации, уровнем развития его культурной среды и социальным капиталом распределенных по его территории сообществ субрегионального (местного и муниципального) масштаба и значения существующим исследовательским инструментарием

обычно не выявляется. Однако разнообразные косвенные влияния векторного (тенденциального) типа обнаружить оказывается гораздо легче, — правда, в том случае, если в распоряжении эксперта имеется хотя бы общая объясняющая гипотеза или наброски базисной теории регионального развития особого типа (для объяснения имеющего место внутри- и межрегиональных контакта в условиях централизующего и вертикально-интегрированного федерализма, пусть и с уклоном в региональное выравнивание условий существования населения) или хотя бы соответствующая месту-времени концепция рационального (научно обоснованного и учитывающего особенности населенной территории) размещения производительных сил с учетом мест сгущения политико-административной, культурно-социальной и правовой ответственности, индивидуальным образом распределяемой среди региональных (субнациональных) и местных (субрегиональных) властей как центров принятия и реализации государственно-значимых или локально важных решений. Определенные шаги к созиданию такой базисной теории уже сделаны: экспликация и содержательный критический анализ заявленной концептуальной базы сформулированных не так давно директивным образом основ государственной политики регионального развития позволяют выявить одну из главенствующих тенденций воплощения системных качеств новой российской государственности как пространства коммуникаций между участниками процессов ее воспроизводства и обновления по поводу базисного набора ценностей. Этот набор сформулирован как своего рода система политикосоциальных координат для выстраивания логики преобразований социально-экономической жизни субъектов федерации как регионов страны и, с другой стороны, регионов как субъектов действия с учетом интереса всех и каждого в пределах обозначенных административных пределов.

Такая логика просматривается если еще не в виде повелевающей необходимости, то совершенно определенно в аспекте свободы проявления интенций генерационных, координирующих и функциональных связей внутри и между участниками процессов качественных и количественных региональных изменений. Понимание особенностей российского федерализма, специфическим образом оформленное в виде системы правовых понятий и закрепленное юридически в рамках нормативных положений соответствующего Указа Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13¹, представляют собой, по моему мнению, своего рода развитие и отчасти обновление его концептуальных и теоретических основ, которое определенным образом смещает идейные акценты его трактовки в сторону поиска, открытия, описания и объяснения иных, более сложных и нетривиальных структурных соотношений, выраженных в диалектике связности частей страны, соотношении их различий и перспективного укрепления ее целостности.

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2010 года» от 16 января 2017 г. № 13. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641> (дата обращения: 16.09.2019).

Общая формула регионального управления страной-федерацией, реализующей себя в модуле социального демократического государства с приоритетом прав человека и с президентским (квазиавторитарным) политическим режимом, в доступной части книжного мира мною обнаружена не была, однако попытки ряда исследователей предложить теоретические модели для нужд регионалистики (например, в работах В. Гельмана, Ю. Косова, С. Рыженкова и ряда других [см.: 2; 3; 4; 5]) заслуживают внимания и должны быть внимательно изучены. На мой взгляд, в такой формуле могут быть учтены особенности российского управленческого стиля, выросшего из имперского и советского опыта, переплавленного в транзите 1990-х и своеобразно выправленного на новом этапе российской государственности усилиями команды действующего президента. Для меня в содержательной части формулы предстает отношение основных участников региональных процессов (которые могут быть субъектами деятельности, акторами, клиентами и т. п.) по сферам основного приложения сил к располагаемым региональным ресурсам, в состав которых, если смотреть укрупненно, входят ресурсы природные, культурно-исторические и социально-организационные. Состав и соподчиненность «игроков на региональной арене» задается наличествующими условиями существования данного субъекта из состава Российской Федерации и его места среди других восьмидесяти пяти субъектов-регионов, самоидентификацией и самоопределением своего состояния (в том числе в виде самоописаний), историческими традициями (в том числе порожденными спецификой национального состава народов, присутствующих на территории данного региона) и образом будущего, доминирующим в общественном сознании регионального сообщества. Тактическое сочетание «игровых позиций», на мой взгляд, должно исходить из правил «гейминга с ненулевой суммой», или, что то же, логики приоритета общего блага при возможном учете степени приобщенности к этому благу каждого человека в его гражданском и иных (неполитических) статусах.

Основными сферами, в пределах которых разворачиваются взаимодействия субъектов на уровне региона, выступают региональная политика (территориально распределенная власть), региональная экономика (территориально распределенное богатство) и региональные сообщества (территориально распределенное гражданство). Региональная политика — это не только политические связи и отношения на уровне регионального политического пространства, включающие в себя местную власть и ее представительства в региональных элитах, но и взаимодействия с уровнем федеральных властей. Региональная экономика есть совокупность (комплекс) народно- и мирохозяйственных связей, способных созидать добавочную стоимость и тем самым увеличивать совокупное общественное богатство региона, выражаемое в виде того или иного имущества, находящегося в чьей-то собственности или бесхозяйного. Наконец, региональное сообщество представляет собой население региона, структурированное социально-классовым, гражданским и персональным образом, но при этом

способное соединяться ради общего интереса и обретать политическую субъектность (идентичность) для реализации или критики выдвигаемых носителями публичного или частного интереса целей различного характера. Отношения между названными сферами и совокупностями людей, их образующими, весьма непросты, и исследовать их для решения научных задач — значит создавать предпосылки управления ими со стороны различных заинтересованных лиц, групп и социальных общностей разного масштаба. Но, помимо отношений между собой, эти сферы, соподчиняясь, имеют некоторое (каждый раз заданное конкретно-исторически) отношение к совокупности структурированных региональных ресурсов (материальных, реальных и формальных возможностей) и человеческих потенциалов, связанных с этими возможностями или же, напротив, с невозможностью их реализовать.

В представленной многослойной и многовекторной картине существования современного российского региона так или иначе находится место для любой из социальных групп, общностей и персон, равно как и для любого вида деятельности. Было бы неверно связывать инновационный потенциал, заключенный в региональном континууме, с какой-то одной сферой, с каким-то одним из субъектов или с какой-то доминирующей направленностью социальных движений консервативного или динамического свойства. Сложность положения, к примеру, молодежных когорт проистекает не только из объективного расклада сил и наличия собственных средств для осуществления себя, то есть существования и развития в рамках избранных жизненных стратегий, но и из способов самоопределения и степени связности с окружающей социальной средой. Поскольку последняя многогосоставна, многомерна, многовекторна и многовариантна [6], сориентироваться в ней не так-то просто, и порой сделать это без поддерживающих усилий специальных тьюторов, менторов, коучей и учителей-наставников не представляется возможным. В указанном отношении открываются широкие возможности для совершенствования деятельности систем образования и воспитания, причем последние на современном этапе эволюции социальности должны включать в себя не только специально созданные и существующие для образовательных целей учебные заведения, но и другие институциональные «заводы», где человеческая «мелочь» может научиться выживать, адаптироваться и влиять, в том числе и с помощью других, на объективную реальность собственного, пусть пока еще неполного и, отчасти, неподлинного социального, культурного и политического бытия.

Существуют и ныне задействованы и в государственной политике, и в деятельности оппозиционных сил немалое число вполне реальных способов выявления, инициации и развития потенциалов неформальных «главарей» в молодежной среде, из которых могут быть сформированы будущие разноплановые политические лидеры и профессиональные исполнители политических решений. Сложность, однако, заключается в том, что для подрастающих поколений будущих граждан России непременно придется

придумывать что-то новое, поскольку в результате расформирования оставшихся в наследство от советской системы структур и методов партийной, комсомольской и пионерско-октябрятской работы из воспитательных и образовательных комплексов были намеренно изъяты целостные, выверенные в теории и на практике, научно ориентированные и гуманистически ориентированные идейно-мировоззренческие компоненты, а на их место имплантированы своеобразные идеологические продукты, не лишенные элементов товарно-денежного фетишизма, а потому лишь отчасти способные разбудить в подростково-юношеской среде инициативу, креативность и склонность к инноватике. К примеру, неутилитарно-эстетический, ценностно-аксиологический и потому гуманистический подход к оценке возможных субъектных позиций человека в мире и его прогрессивных жизненных стратегий самореализации был специальным образом препарирован с помощью концепции так называемого «успеха», который сам по себе, вне вполне определенного понимания логики всемирной истории как истории высвобождения человеческого в человеке, особого смысла не имеет. Вдобавок смещение идеологических и идейных центров тяжести исказило образы нормативной социальности, достойные называться практическим гуманизмом, а уход от научных трактовок реальности и практической концепции критериев истины неназойливо лишает новые поколения верных мировоззренческих, нравственных и смысложизненных ориентиров, возвращая в молодежной среде манеру вполне комфортно проживать в обществе дефицита высоких отношений, непрестижности творчества вне коммерциализации и откровенно навязчивой бездуховности. Согласие государства на передачу функций идейного окормления граждан официальным и самостоятельным религиозным структурам несколько сдерживает указанные тенденции, однако одни лишь конфессиональные усилия современных, социально индоктринированных церквей и общин верующих не могут удовлетворить всех алчущих Большого Смысла для Всемирной Истории, Своей Страны и Собственной Жизни. Общественные экспектации в этом направлении пока не имеют рационального выражения, но для успеха ожидаемых прорывов в просветленное будущее может оказаться востребованным кое-что из запасников некогда забытых вещей. К примеру, по моему ощущению, носится в воздухе старая идея «воспитания воспитателей» в чем-то вроде лицейских инкубаторов для будущих вожаков, лайфхакеров и реализаторов абстракций, возвращаемых в атмосфере устойчиво восходящего духовно-практического развития личности, способных осваивать известные и придумывать новые компетенции, способы и сферы деятельности, не обязательно подверженные капитализации, но всегда настоятельно потребные для целостной социальной компетентности и элитной (не элитарной, но избраннической) социализации той части общества, для которой, как и два века назад, идеалом выступает общественное устройство, при котором свободное развитие каждого может на практике стать необходимым и достаточным условием свободного развития всех.

Источники

1. *Угрин И. М.* Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФ РАН, 2017. — 106 с.
2. *Гельман В., Рыженков С.* Политическая регионалистика России: история и современное развитие // Политическая наука современной России: тенденции развития / ред. Ю. С. Пивоваров. — М. : ИНИОН РАН, 1999. — С. 173–255.
3. *Косов Ю. В., Фокина В. В.* Политическая регионалистика : учеб. пособие. — СПб. : Питер, 2009. — 192 с. — (Серия «Краткий курс»).
4. *Туровский Р. Ф.* Политическая регионалистика : учеб. пособие. — М. : Изд. НИУ ВШЭ, 2006. — 792 с.
5. *Михайленко Е. Б.* Регионалистика. Классические и современные подходы : учеб. пособие. — М. : Юрайт, 2018. — 116 с.
6. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). — М. : ИФ РАН, 2010.
7. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов; сост. А. В. Рубцов. — М. : Прогресс-Традиция, 2018. — 464 с.

МОЛОДЕЖНЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

А. А. Лежебоков

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

E-mail: leghebokov@yandex.ru

Е. А. Сергодеева

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

E-mail: sergodeewa2014@yandex.ru

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 17-03-00259/ОГН
«Перспективы социокультурного развития Ставропольского края».*

Аннотация. В работе рассматривается деятельность молодежных некоммерческих организаций Ставропольского края, проблематика их функционирования. Ставится вопрос о зависимости некоммерческих организаций от специфики развития территории и экономического состояния региона. Обосновывается тезис о том, что в настоящее время молодежные НКО Ставропольского края малочисленны, их вклад в инновационное развитие региона в настоящее время оценивается как незначительный.

Ключевые слова: некоммерческие организации, молодежь, инновационное развитие, регион, Ставропольский край.

YOUTH NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS A RESOURCE FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

A. A. Lezhebokov

North-Caucasus Federal University, Stavropol

E-mail: leghebokov@yandex.ru

E. A. Sergodeeva

North-Caucasus Federal University, Stavropol

E-mail: sergodeewa2014@yandex.ru

Abstract. The work examines the activities of youth non-profit organizations of the Stavropol Territory, the problems of their functioning. The question is raised about the dependence of non-profit organizations on the specifics of the development of the territory and the economic condition of the region. The thesis is substantiated that at present the youth NGOs of the Stavropol

Territory are few in number, their contribution to the innovative development of the region is currently estimated as insignificant.

Keywords: non-profit organizations, youth, innovative development, region, Stavropol Territory.

Введение: актуальность проблемы

Декларация государством курса на модернизацию социально-экономических отношений в современных российских реалиях осуществляется в связке с тезисом необходимости инновационного развития. Реализация программ подобной интенсификации осуществляется в виде целого ряда мероприятий, среди которых наиболее заметными являются создание различных технопарков, территорий инновационного развития, выделение средств на создание инновационных предприятий или финансирование инновационных разработок. Осуществляется поиск новых способов стимулирования активности предпринимательства в сфере новых технологий, предпринимаются попытки предоставления режима наибольшего благоприятствования тем, предприятиям, которые заявляют об ориентации на передовые способы организации производства и оказания услуг.

Приоритетами инновационного развития объявляются не только институты, связанные с экономическими процессами, в сфере внимания государства находятся также социальные системы. Динамика последних, по замыслу разработчиков «Стратегии инновационного развития России» [1], должна привести к их качественной перестройке, повышению уровня образования населения в соответствии с требованиями современного общества. Особая роль отводится процессам нормализации взаимоотношений общественных структур, бизнеса и государства, налаживание конструктивного диалога и объединение усилий для дальнейшего развития. В этой связи пристальное внимание уделяется некоммерческому сектору как своеобразному посреднику государственных структур и социальных институтов.

Актуальность исследования некоммерческого сектора как одной из составляющих инновационного развития связывается с его противоречивым характером в ситуации современной России. С одной стороны, нельзя не отметить буквально взрывной рост активности населения и стремление повлиять на общественные процессы, изменить существующую среду жизнедеятельности. С другой стороны, институционализация и формализация такой активности не может быть признана адекватной, граждане крайне неохотно включаются в регулярную работу любых общественных объединений, предпочитая действовать ситуативно. Еще более интересна ситуация с молодежными некоммерческими организациями, которые по самой своей сути должны быть ориентированы на поиск новаций и продвижение новшеств в жизнь общества. Однако деятельность многих молодежных НКО носит формальный характер, ориентируется на организованные мероприятия, зависит от государственного финансирования. Данные противоречия обостряются

на уровне регионов, что актуализирует изучение состояния и деятельности молодежных некоммерческих организации в субъектах Федерации.

Основная часть: степень изученности темы, исследуемая гипотеза / вопрос, методы исследования, результаты

Деятельность граждан в составе некоммерческих организаций является своеобразной социальной практикой, связанной с выполнением и достижением целей, поставленных как перед организацией, так и выработанных конкретной личностью. М. Вебер [2], Т. Парсонс [3] рассматривали социальные практики как типы социальной деятельности, П. Бурдьё [4] предложил классифицировать их на действия по преобразованию социальной действительности и повседневные. Таким образом, социальные практики граждан, связанные с работой НКО, являются, в первую очередь, деятельностью по преобразованию социальной действительности, кроме того, имеют четко выраженный коммуникативный характер, что, например, подтверждается работами Ю. Хабермаса [5]. По своей сути молодежные организации представляют собой новые социальные движения в том понимании, которое презентуется в работах А. Мелуччи, поскольку могут быть описаны как «результат сложных процессов взаимодействия, опосредованных определенными сетями групповой идентичности» [6]. При этом идентичность складывается под воздействием общих идеалов и ценностей, но не на основе традиционных статусов.

Инновационный характер деятельности молодежных некоммерческих организаций проявляется в непрерывном и активном поиске источников финансирования, что в условиях современной России должно означать разработку и внедрение определенных новшеств при получении финансовой поддержки со стороны. Поскольку деятельность молодежных НКО регламентируется законодательством Российской Федерации [7], которое определяет круг возможных видов деятельности организации, работа молодежных организаций сводится к выполнению конкретных проектов, получивших финансирование и соответствующих целям организации.

Тем самым деятельность молодежных НКО напрямую зависит от финансовых вливаний со стороны различных субъектов социально-экономических взаимоотношений, заинтересованных в реализации определенного проекта. Отметим, что важнейшим условием будет являться наличие субъекта, обладающего ресурсами для поддержки проекта молодежной организации. В реалиях российской современности региональная дифференциация бизнеса оказывает доминирующее воздействие: в регионах со слабой экономической базой, дотационных субъектах, в случае отсутствия предприятий-лидеров и градообразующих предприятий возможности любых некоммерческих организаций, в том числе молодежных, значительно меньше. В таких регионах основным источником финансовой поддержки проектов является государство и его региональные структуры, а также муниципальные органы власти.

«Провинциальные» НКО значительно проигрывают «столичным» в доступе к глобальным структурам, событийным мероприятиям.

Вместе с тем региональные молодежные некоммерческие организации ориентируются прежде всего на проблематику своего региона, что повышает их шансы на получение поддержки. Так, исследовательский вопрос можно представить следующим образом: как региональная специфика влияет на деятельность молодежных НКО и могут ли они являться значимым фактором инновационного развития региона.

Для определения возможностей молодежных НКО Ставропольского края было проведено исследование официальных статистических данных, размещенных на порталах органов власти, изучены материалы о деятельности данных организаций, представленные на сайтах самих организаций, проведено экспертное интервью с руководителями молодежных организаций ($N = 5$).

Результаты анализа показывают, что даже определение численности НКО на уровне субъекта Федерации не является тривиальной задачей. Такое положение обусловлено множеством организационных форм, в которых могут существовать подобные организации. Если в ряде случаев можно достаточно четко отнести организацию к некоммерческой (например, Некоммерческий фонд инновационных инициатив и социальной поддержки «ЗАБОТА», г. Ставрополь, или Ставропольская региональная общественная организация «Центр поддержки сетевых инициатив», г. Ставрополь), то зачастую принадлежность к таким организациям установить затруднительно (например, Негосударственное учреждение здравоохранения «Узловая поликлиника на станции Ставрополь открытого акционерного общества «Российские железные дороги»» является некоммерческой организацией, это зафиксировано в ее нормативных документах).

Органы статистики фиксируют на 01.07.2019 г. 9134 некоммерческих организаций на территории Ставропольского края (из них — 2139, или 23,4% в городе Ставрополь), однако большинство из них представлены организациями типа товарищества собственников жилья, гаражными кооперативами (2136, или 23,3%) или учреждениями (4038, или 44,2%), созданными государственными органами власти [8]. Автономными некоммерческими организациями являются 257 (2,8% от общего числа), кроме того, на территории края осуществляют деятельность 12 общественных и 93 благотворительных фонда.

По данным «Карты НКО Ставропольского края» [9], на территории субъекта действуют 103 общественные организации, из них 59 в городе Ставрополе. На уровне региона наблюдается неравномерное распределение организаций, в ряде муниципальных районов, по данным, представленным в «Карте...», общественных организаций нет вообще. Опрошенные эксперты утверждают, что несоответствие количественных показателей вызвано тем, что «Карта НКО Ставропольского края» учитывает только активные организации.

Молодежных некоммерческих организаций на территории Ставропольского края, не имеющих аффилиацию с какими-нибудь юридическими лицами, всего 28, семь из них — региональные отделения федеральных структур,

например Ставропольское региональное отделение общероссийской молодежной общественной организации «Российский союз сельской молодежи», еще четыре имеют спортивное направление деятельности. Только шесть молодежных организаций края могут быть теоретически причастными к творческой и инновационной деятельности.

Однако данные цифры не означают, что только данные молодежные НКО являются единственными центрами инноватики среди некоммерческих организаций. Само упоминание слова «молодежный» в названии организации не всем опрошенным экспертам представляется как гарантия того, что организация действительно является таковой, кроме того, зачастую организации намеренно не используют данное слово в названии, считая, что таким образом можно столкнуться с ограничениями в деятельности.

Финансирование молодежных некоммерческих организаций, так же как и некоммерческих организаций, в целом зависит целиком от их собственной активности. Такую точку зрения поддерживают все опрошенные эксперты. В настоящее время наиболее существенная поддержка — система грантов для НКО, существующая как на уровне Ставропольского края, так и на уровне федерации. Огромную роль играет система Президентских грантов. Так, первая волна получения Президентских грантов в 2019 г. определила 12 проектов из 97 проектов, которые получают финансирование. Среди них «молодежных» в чистом виде НКО нет.

В целом анализ поддержанных проектов различного уровня в какой-то мере отражает специфику Ставропольского края как многонациональной территории, имеющей уникальную экологическую составляющую, с традициями гостеприимства, терпимости, однако разделяющую общую для страны проблематику в виде острых социальных вопросов. Вместе с тем масштабы работы некоммерческого сектора не позволяют утверждать о его значимом на данное время потенциале инновационного развития Ставропольского края.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, заметим, что Ставропольский край является далеко не флагманом экономического развития страны. Следовательно, возможности оказания существенной финансовой поддержки некоммерческих организаций, в том числе молодежных, со стороны бизнес-структур крайне незначительны. В таких условиях молодежные НКО вынуждены действовать на основе энтузиазма своих членов, а также участвуя в конкурсах на получение государственной поддержки своих проектов. При этом победители конкурсов будут определяться на основе тех векторов развития общества, культуры, которые находятся в перечне приоритетных направлений развития, определенных органами власти.

Данная ситуация в целом препятствует дальнейшему самостоятельному и независимому развитию молодежных некоммерческих организаций

в регионе, создавая неформальные структуры «по интересам» или, в крайнем случае — вызов отток активных членов за пределы Ставропольского края.

Таким образом, молодежные некоммерческие организации Ставропольского края в настоящее время не имеют значимого потенциала для содействия инновационному развитию региона. Для того чтобы соответствующие НКО наращивали свое присутствие в инновационной сфере, следует ориентировать предприятия края на содействие инициативам некоммерческих организаций, осуществлять активный поиск совместных проектов.

Источники

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 1. — Ст. 216.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произв. — М., 1990. — 454 с.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М. : Директ-Медиа, 2007. — 880 с.
4. Бурдье П. Начала. — М. : Socio-Logos, 1994. — 288 с.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева; послесл. Б. В. Маркова. — СПб. : Наука, 2000. — 382 с.
6. Melucci A. The New Social Movements: A Theoretical Approach // Social Science Information. — 1980. — Vol. 19, № 2. — P. 199–226.
7. Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 18.09.2019).
8. Распределение хозяйствующих субъектов, учтенных в Статрегистре Ставропольского края по состоянию на 01.07.2019 г., по организационно-правовым формам // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу [сайт]. — URL: <http://stavstat.gks.ru> (дата обращения: 18.09.2019).
9. Карта НКО Ставропольского края // Северо-Кавказские новости. АНО. — URL: https://sk-news.ru/karta_nko/ (дата обращения: 18.09.2019).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Е. А. Плеханов

Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир

E-mail: eaplekhanov@gmail.com

Д. И. Петросян

Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир

E-mail: ilyich87@yandex.ru

М. В. Соколова

Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир

E-mail: rags33marina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика ценностного сознания молодежи, наметившаяся в связи с социально-экономическими процессами последнего пятилетия. Анализ социологического материала позволил зафиксировать неочевидные, но весьма важные изменения, выразившиеся в девальвации базовых ценностей молодых владимирцев, снижении уровня возрастной солидарности, дроблении жизненных приоритетов и нарастании межпоколенных дистанций. Делается вывод о том, что увеличение роли прагматических и индивидуалистических мотивов в массовом сознании и поведении людей может выступить в качестве серьезного препятствия для социального самоопределения молодежи в качестве субъекта научно-технологических и гуманитарных инноваций.

Ключевые слова: молодежь, социальные инновации, социокультурный потенциал, ценности, ценностные ориентации, региональная модернизация.

THE SYSTEM OF VALUES OF YOUTH IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

E. A. Plekhanov

Vladimir branch of RANEPA, Professor, Vladimir

E-mail: eaplekhanov@gmail.com

D. I. Petrosyan

Vladimir branch of RANEPA, Associate Professor, Vladimir

E-mail: ilyich87@yandex.ru

M. V. Sokolova

Vladimir branch of RANEPA, Associate Professor, Vladimir

E-mail: rags33marina@yandex.ru

Abstract. The article deals with the dynamics of value consciousness of young people resulting from the socio-economic processes of the last five years. An analysis of the sociological material made it possible to record non-obvious, but serious changes, taking the form of the devaluation of the basic values of young Vladimir citizens, a decrease in the level of generational solidarity, fragmentation of life priorities and increasing intergenerational distances. The authors conclude that the increasing role of pragmatic and individualistic motives in the mass consciousness and behavior of people can act as a serious obstacle to the social self-determination of youth as a subject of scientific, technological and humanitarian innovations.

Keywords: youth, social innovation, socio-cultural potential, values, value orientations, regional modernization.

Постановка проблемы

Как бы ни относиться к житейским сентенциям относительно того, что с молодежью всегда связано будущее общества, следует признать существование острой потребности в ясном и разностороннем знании о том поколении, которое сегодня вступает в активную социальную и профессиональную жизнь. Прежде всего, необходимо понять, насколько молодежь, которая ассоциируется с наиболее креативным возрастом, восприимчива к экономическим и социокультурным инновациям, в какой мере она ориентирована на освоение современных производственных, экономических, образовательных и управленческих практик, насколько соответствуют личные жизненные устремления постсоветского поколения россиянам целям и задачам ускоренного модернизационного развития страны. Эти и подобные им вопросы касаются не столько материальных и интеллектуальных возможностей молодых людей, их социального статуса и материального положения, сколько внутренней мотивации к активной творческой деятельности, стремления к реализации личностных ценностей, релевантных потребности общества в технологическом и социокультурном обновлении.

Ответы на поставленные вопросы далеко не очевидны. Во-первых, хотя установки и ожидания определяются реальным положением людей и социальных групп в обществе, они формируются как результат взаимодействия ряда разнонаправленных факторов. Так, молодежь действительно является одной из наиболее уязвимых социальных общностей. Однако эффективная государственная молодежная политика способна нивелировать недостаточную социальную интегрированность этой возрастной группы. Важно также учитывать высокий уровень мобильности и социальной пластичности молодежи, что позволяет многим более успешно адаптироваться к технологическим и культурным изменениям, оперативно усваивать современные модели поведения и системы ценностей.

Во-вторых, взгляды и представления, убеждения и ценности молодежи не остаются постоянными. Этические ориентиры, жизненные интересы, личностные оценки молодых людей 70-х, 90-х и 2000-х гг. существенно разнятся.

Глубокие трансформации в обществе могут приводить к глубоким сдвигам в нравственном сознании людей. Поэтому очень важно социологически достоверно фиксировать динамику ценностных предпочтений молодежи, выявлять формирование установок на определенный тип поведения, диагностировать состояние массового сознания и социальное самочувствие молодежи в конкретных социально-исторических обстоятельствах.

В-третьих, молодежь не является монолитной возрастной группой. Внутренне она весьма стратифицирована по профессиональному, образовательному, гендерному, религиозному, этнонациональному, имущественному и другим признакам. Важную роль играет место жительства, региональная специфика, социальное положение. Поэтому можно говорить о множественности социокультурных обликов современной российской молодежи, которые отличаются конфигурацией систем ценностного сознания.

Еще одно пояснение необходимо в связи с возрастной градацией внутри самой молодежи. Максимальный возрастной диапазон установлен для молодежи от 14 до 35 лет. Для нашего исследования наибольший интерес представляют группы от 18 до 24 лет и от 25 до 34 лет. Преобладающая часть первой группы — учащиеся вузов и колледжей, получающие профессиональную подготовку либо вступающие в самостоятельную трудовую и социальную жизнь. Вторая группа — молодые специалисты, стремящиеся закрепить определившийся профессиональный статус и реализовать социальные запросы и жизненные притязания. Ролевые различия этих демографических групп не могут не отразиться на характеристике менталитета и на ценностных установках их представителей.

Изученность проблемы

Несмотря на обилие научных разработок, посвященных молодежной тематике, специальных исследований, касающихся роли молодежи в инновационном развитии российских регионов, не так много. К их числу относятся публикации С. В. Каргополова [1], Д. И. Петросяна [2], М. И. Кадничанской и Е. П. Галкиной [3, 5], О. В. Котельниковой [4], Г. Р. Баймурзиной [6], Л. Г. Титаренко [7] и некоторых других ученых. Состоявшееся в рамках IX Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» профессиональное обсуждение вопросов места и роли молодежи в социокультурной модернизации регионов [8] показало не только актуальность данной проблематики, но и необходимость ее комплексного исследования на уровне региональных молодежных сообществ. Это относится не только к оценке вклада молодежи в реализацию приоритетных направлений модернизационной политики, но и к выявлению ее инновационного потенциала, определению ценностных ориентиров, способствующих активной самореализации поколения, вступающего в период профессионального и гражданского самоутверждения.

Гипотеза и методы исследования

За последние 5–7 лет в социально-экономической и политической жизни России произошли заметные изменения. Обвал курса национальной валюты в 2014 г., политика экономических санкций, колебания ценовой конъюнктуры на энергоносители — эти и другие макроэкономические факторы вызвали стагнацию общественного производства и отразились на реальных доходах населения, снижении уровня жизни большей части россиян, сокращении покупательной способности и удорожании социальных услуг. Важно учесть и тот комплекс изменений в сфере социальной жизни людей, который Н. И. Лапин обозначил понятием *социогуманитарной рецессии* [9]. Поэтому в качестве гипотезы прикладного исследования выдвинуто обоснованное предположение о том, что негативная динамика социальных факторов наиболее заметно отразилась в сдвигах системы ценностных ориентиров молодежи как наиболее восприимчивой возрастной группы населения России.

Обоснование принятой гипотезы опирается на сопоставительный анализ результатов социологического опроса, проведенного во Владимирской области в 2012 и 2017 гг. по методике Центра изучения социокультурных изменений РАН. Респонденты в возрасте от 18 до 35 лет составляли не менее 40% от числа всех опрошенных. Типичные социальные характеристики молодого владимирца следующие: русский, православный, коренной житель региона, имеющий среднее или высшее профессиональное образование, горожанин, до 24-летнего возраста не состоящий в браке.

Источниками дополнительной информации стали социологические опросы, проводившиеся во Владимире в 2008, 2010, 2013, 2016 гг. В них приняли участие 1000 молодых жителей города, представлявших различные социально-профессиональные группы молодежи: студентов, работников бюджетной сферы, военнослужащих и сотрудников МВД, работников торговли и обслуживания, предпринимателей, учащихся школ и т.д. Средний возраст респондентов составил 22 года, количество мужчин и женщин практически пропорциональное. Квотное задание предполагало собой распределение респондентов по трем возрастным группам: 14–18 лет, 19–24 года, 25–30 лет. На каждую из этих групп приходилось от 30 до 35% респондентов.

Динамика ценностных предпочтений молодежи Владимирской области

Одной из существенных характеристик массового сознания является ориентация людей на те или иные культурные ценности. Результаты всероссийского мониторинга свидетельствуют о формировании в нашем обществе под влиянием экономических и социально-политических процессов противоречивых ориентаций на разнородные, иногда взаимоисключающие ценности, что обуславливает дисфункциональность социальных норм и стереотипов повседневного поведения. Более того, в последние годы на общероссийском

уровне отчетливо зафиксирован «перелом в динамике поддержки базовых ценностей (жизнь, независимость, свобода инициативность)» [9, с. 306].

Сопоставление результатов опроса жителей Владимирской области, проведенного в 2012 [10] и 2017 [11] гг., подтвердило снижение рейтинга всех без исключения базовых ценностей. В повседневной жизни ценности — это те коллективно разделяемые людьми смыслы, которыми они руководствуются в непосредственных межличностных отношениях. Поэтому снижение среднего балла для базовых ценностей свидетельствует о девальвации аксиологических детерминант в поведении и деятельности представителей регионального сообщества. Наибольших значений ценностная девальвация достигла в среде молодежи. Если в среднем поддержка ценностных суждений снизилась на 0,26 балла, то у молодых владимирцев этот показатель составил 0,44. Это говорит о том, что за последние пять лет выросло количество тех, кто либо перестал разделять сформулированные позиции, либо индифферентен к ним.

Таблица 1

Динамика ценностных предпочтений молодежи Владимирской области

	18–24 года		25–34 года	
	2012 г.	2017 г.	2012 г.	2017 г.
Интегрирующее ядро (свыше 4,6)				
Жизнь человека	4,65			
Семья				
Общительность				
Средний балл	4,65			
Интегрирующий резерв (3,91–4,6)				
Жизнь человека		4,4	4,44	4,2
Семья	4,43	4,0	4,42	4,0
Порядок	4,47	4,27	4,39	4,11
Общительность	4,33	4,07	4,35	4,14
Независимость	4,14	3,73	4,24	3,98
Благополучие	4,27	4,05	4,01	3,86
Свобода	4,18		4,01	
Работа	3,92	3,93		
Средний балл	4,25	4,06	4,27	4,05

Таблица 1 (окончание)

	18–24 года		25–34 года	
	2012 г.	2017 г.	2012 г.	2017 г.
Оппонирующий дифференциал (2,81–3,9)				
Свобода		3,85		3,80
Традиция	3,89	3,50	3,80	3,60
Работа			3,80	3,80
Жертвенность	3,67	3,27	3,57	3,57
Инициативность	3,95	3,76	3,46	3,78
Нравственность	3,38	3,14	3,08	3,03
Средний балл	3,72	3,50	3,54	3,60
Конфликтотенная периферия (2,8 и меньше)				
Своевольность	2,69	2,85	2,59	2,49
Властность	2,55	2,65	2,74	2,75
Средний балл	2,62	2,75	2,67	2,62
Общий средний балл	3,81	3,44	3,49	3,42
Плотность ценностного пространства	2,10	1,75	1,85	1,71

Другой важный сдвиг в ценностном сознании выражается в утрате императивности такой ценности, как человеческая жизнь, поддержка которой уменьшилась на 0,25 балла (с 4,63 в 2012 г. до 4,38 в 2017 г.). Среди молодежи этот показатель снизился на 0,49 балла, что привело к его перемещению на нижележащий уровень. Аксиологическое пространство утратило единственную интегрирующую ценность. Это тревожный симптом эрозии молодежного сообщества региона, которое лишается объединяющего ядра, вокруг которого выстраивается возрастная солидарность. Пополнение интегрирующего кластера в данном случае не означает укрепления коллективного консенсуса. Напротив, появляется еще один нестабильный паттерн, где наиболее интенсивно проявляются рассогласованность и дисфункциональность между установками и мотивами молодежного сознания.

Об ослаблении этических регуляторов поведения людей свидетельствует и то, что свобода, традиции и работа из интегрирующего резерва переместились в оппонирующий дифференциал. Другими словами, эти ценности для большинства молодых респондентов перестали быть их собственными жизненными ориентирами. Правда, если в 2012 г. наиболее «нигилистично» были

настроены 25–34-летние жители региона, то сегодня это — лица пенсионного возраста. Представители старшего поколения больше других разочаровались в результатах пятилетнего периода — их вера в императивность ценностей снизилась на 0,71 балла.

В устойчивости к эрозии жизненных предпочтений молодежь значительно уступает 45–54-летним, в глазах которых значимость ценностей уменьшилась лишь на 0,02 балла. Это единственная группа, для которой ценность человеческой жизни по-прежнему сохраняет значение консолидирующего ядра. Эта же когорта демонстрирует самый высокий уровень поддержки ценностных ориентаций — 3,64 балла. Ее представители по сравнению с другими группами более высоко оценивают значимость семьи, порядка, общительности, независимости, работы, традиций, жертвенности, нравственности. Они меньше всего разделяют конфликтогенные установки на властность и своеволие. Им свойственна высокая степень осознанности и самостоятельности в выборе жизненных приоритетов, о чем свидетельствуют высокие показатели плотности ценностного пространства. Таким образом, не 25–34-летние, а поколение, сформировавшееся в период так называемого «застоя», сегодня является социально наиболее ответственной и стабильной возрастной группой, образующей ядро регионального «среднего класса».

Несмотря на то что средний балл ценностей, образующих интегрирующий резерв, практически не изменился, произошло перераспределение поддержки отдельных ориентаций. Так, среди 18–24-летних несколько увеличился престиж работы, хотя в рейтинге ценностей интегрирующего резерва она занимает последнее место. Категория 25–34-летних, демонстрируя стабильность ценностей оппозирующего дифференциала, начала больше ценить инициативность, связывая, по-видимому, с этим качеством возможности личных достижений. Однако следует учитывать, что в условиях сужающегося интервала возможностей активность легко может принимать социально деструктивные формы. Как показало исследование, число молодых респондентов, считающих допустимым использование власти и игнорирование интересов окружающих для достижения личного благополучия, не только не уменьшилось, а, напротив, возросло на 0,13 балла. Тревожным симптомом является сохранение стабильности такой установки конфликтогенной периферии, как властность. Ее поддержка среди 18–24-летних владимирцев выросла на 0,10 балла.

Соотношение базовых ценностей молодежи

В кризисных условиях сознание молодежи в наибольшей степени подвержено ценностным деформациям. С одной стороны, для поколения, вступающего в социально активный период жизни, свойственна повышенная восприимчивость к современным ценностям и образцам поведения. С другой — высокий уровень притязаний при дефиците ответственности

обуславливает приоритет личностно значимых ценностей (благополучие, свобода, работа, инициативность) над коллективными (традиция, жертвенность, нравственность).

Таблица 2

**Соотношение культурных типов базовых ценностей молодежи
Владимирской области в 2012 и 2017 гг.**

Культурные типы ценностей	Терминальные (ценности-цели) 2012 – 4,24; 2017 – 3,95	Инструментальные (ценности-средства) 2012 – 3,5; 2017 – 3,19
Традиционные 2012 – 3,56 2017 – 3,41	Традиция – <i>см.</i> 2012 – 3,85; 2017 – 3,55 Семья – <i>вит.</i> , <i>см.</i> 2012 – 4,14; 2017 – 4,0	Жертвенность – <i>вит.</i> , <i>см.</i> 2012 – 3,62; 2017 – 3,42 Своевольность – <i>см.</i> 2012 – 2,64; 2017 – 2,67
Средние значения	2012 – 4,27 2017 – 3,78	2012 – 3,13 2017 – 3,05
Общечеловеческие 2012 – 3,78 2017 – 3,65	Порядок – <i>инт.</i> 2012 – 4,43; 2017 – 4,19 Благополучие – <i>вит.</i> 2012 – 4,14; 2017 – 3,95 Работа – <i>вит.</i> , <i>см.</i> 2012 – 3,86; 2017 – 3,87	Общительность – <i>инт.</i> 2012 – 4,34; 2017 – 4,1 Нравственность – <i>инт.</i> , <i>соц.</i> , <i>см.</i> 2012 – 3,23; 2017 – 3,08 Властность – <i>инт.</i> 2012 – 2,65; 2017 – 2,7
Средние значения	2012 – 4,14; 2017 – 4,0	2012 – 3,41; 2017 – 3,39
Современные 2012 – 4,13 2017 – 3,94	Жизнь человека – <i>вит.</i> , <i>см.</i> 2012 – 4,53; 2017 – 4,3 Свобода – <i>инт.</i> , <i>см.</i> 2012 – 4,1; 2017 – 3,82	Независимость – <i>соц.</i> 2012 – 4,19; 2017 – 3,85 Инициативность – <i>соц.</i> 2012 – 3,7; 2017 – 3,77
Средние значения	2012 – 4,32; 2017 – 4,06	2012 – 3,95; 2017 – 3,81

По сравнению с 2012 г. в структуре ценностного сознания не произошло заметных изменений. Представители молодежи, так же как и другие возрастные общности, отдают предпочтение современным ценностям, при этом ценности-цели ранжированы выше, чем средства их достижения. Наиболее высокую поддержку терминальные ценности получили у 45–54-летних респондентов, наименьшей популярностью они пользуются у старшего возраста. Что касается молодежи, то для нее характерно разочарование в первую очередь в современных ценностях, поддержка которых снизилась на 0,19 балла. Наиболее устойчивыми оказались общечеловеческие ценности – порядок, благополучие, работа. Среди терминальных целей наибольшую девальвацию претерпели традиционные ценности. Их поддержка снизилась на 0,49 балла. Самыми устойчивыми оказались этически нейтральные инструментальные ценности. Их признание не претерпело заметных изменений.

Структура целевых установок владимирской молодежи

Структура ближайших целей и намерений лучше всего характеризует оценку молодыми людьми своего положения в обществе и возможностей это положение изменить. Общую иерархию целей можно разбить на несколько условных уровней. Как показали социологические опросы, явно выделяется стремление добиться материального благополучия (48,4%). На втором месте находится намерение расширить свой кругозор, повысить уровень культуры и знаний (40,5%). Третью позицию занимает целая тройка намерений, каждое из которых высказано третью (или около трети) молодых респондентов: приобрести профессию (34,6%), добиться делового успеха (33,3%) и найти работу (29,9%).

Таблица 3

Намерения респондентов на ближайшие 2–3 года в зависимости от возраста

	Возраст		
	14–18 лет	19–24 года	25–30 лет
Добиться материального благополучия	42,4	56,7	46,9
Расширить свой кругозор, повысить уровень культуры, знаний	42,1	42,4	35,5
Приобрести профессию	45,3	38,9	16,2
Добиться делового успеха	21,5	38,0	42,4
Найти работу	41,2	31,5	14,1
Добиться успеха в любимом занятии (литература, искусство, спорт)	29,4	28,2	18,3
Встретить настоящую любовь, завести семью	19,7	33,5	19,0
Поступить учиться	40,9	7,4	5,2
Приобрести хороших друзей	23,2	13,9	17,2
Добиться уважения и признания окружающих	13,5	14,5	19,0
Добиться успеха в политической деятельности	3,5	5,3	5,2
Другие варианты ответа	2,6	1,5	1,0
Ответили на вопрос, чел.	340	337	290

Входящие в эту группу цели и намерения можно считать приоритетными. Как видим, интересы молодежи отнюдь не концентрируются только на материальном достатке. Довольно значимыми является и культурные запросы молодых людей.

Показательно и то, что к числу значимых намерений относятся и такие, реализацию которых можно назвать средством достижения наиболее приоритетных. Это не только трудоустройство, но и самореализация в профессиональной или деловой сферах. Так что основные намерения молодежи нацелены не только на конечный результат, выраженный в доходе, но и на создание фундамента, на котором этот доход может быть достигнут.

Относительно важными для молодежи (отмечены не менее чем четвертью опрошенных) можно считать и такие виды личностной самореализации, как достижения в любимой сфере деятельности (спорт, литература, искусство и т.п.) или в личной жизни (встретить настоящую любовь, завести семью).

Почти каждый пятый ставит перед собой вполне конкретную цель поступить в то или иное учебное заведение и повысить свой уровень образования (18,6%).

Намерение завести друзей молодые люди отмечают реже желания встретить любовь (18,4 против 24,3%). Еще реже молодые люди обеспокоены признанием со стороны окружающих (15,3%). Хотя следует иметь в виду, что на самом деле, осознают это молодые люди или нет, все перечисленные выше достижения важны для молодежи именно в той мере, в которой они повышают самооценку и уважение со стороны общества.

Обратим особое внимание на то, что политический успех заметно менее важен для молодежи, чем успех деловой или профессиональный (4,6%).

Таким образом, на высшем уровне приоритетности намерений молодежи находится стремление к материальному достатку. На втором уровне — культурное развитие. На третьем уровне — цели, создающие базу для реализации наиболее приоритетных намерений — получение профессионального образования, поиск работы, достижение успеха в бизнесе. И лишь на четвертом уровне располагаются намерения, связанные с личной жизнью, досуговой сферой, общением с друзьями. С политической деятельностью связаны намерения лишь каждого двадцатого представителя молодежи.

Высоким разнообразием намерений, что совсем не удивительно, отличаются 14–18-летние респонденты. Для тинэйджеров в равной мере важны и материальный достаток, и культурное развитие, и поиск работы, и поступление в вуз, и получение профессии (41–45%). При этом важны два обстоятельства. Во-первых, приобретение профессии все же отмечается чуть большей долей тинэйджеров, чем остальные цели (45%). Во-вторых, все приоритетные намерения этой группы молодежи носят достижительный характер, ориентированы на самореализацию, на получение определенного социального статуса. Любимые занятия, друзья, любовь и семья оказываются здесь менее важными, как и для молодежи в целом.

Обратим внимание и на то, что к числу приоритетных у 14–18-летних не относится достижение делового успеха, являющееся довольно значимым для более старших представителей молодежи (21,5%).

Чаще других на деловой успех ориентированы 25–30-летние (42%). Помимо этого, данную возрастную группу интересует только достижение

материального достатка (47 %) и, в меньшей степени, расширение кругозора (35,5%). Ни одно из других намерений здесь не набирает и 20%. Возможно, это связано с тем, что какие-то из целей уже считаются достигнутыми (например, профессиональное образование, работа, создание семьи). Но нельзя исключать и того, что с возрастом, с переходом к необходимости самостоятельно обеспечивать себя и семью, все кроме материального достатка оценивается как менее важное.

Самым большим разнообразием намерений отличается, пожалуй, средняя возрастная группа (19–24 лет). Выделяется этот возраст и тем, что здесь больше всего респондентов, ориентированных на достижение материального достатка (57%). В силу того, что данную возрастную группу составляют в основном студенты, для них в равной мере важны и культурное развитие (42%), и приобретение профессии (39%), и деловой успех (38%), и просто поиск работы (31,5%), и достижения в любимых занятиях (28%). К тому же каждый третий из 19–24-летних задумывается о любви и создании семьи (33,5%).

Таким образом, возрастные отличия в намерениях вполне очевидны, однако нельзя не обратить внимание на то, что после 25 лет молодежь начинает все более ориентироваться только на материальный достаток и деловой успех.

Возрастные отличия коррелируют с различиями между работающими и учащимися молодыми людьми.

Таблица 4

**Намерения молодежи на ближайшие 2–3 года
в зависимости от рода деятельности**

	В среднем	Работающие	Учащиеся
Добиться материального благополучия	48,4	51,1	45,5
Расширить свой кругозор, повысить уровень культуры, знаний	40,5	38,6	42,4
Приобрести профессию	34,6	21,5	48,0
Добиться делового успеха	33,3	43,7	22,7
Найти работу	29,9	13,5	46,5
Добиться успеха в любимом занятии (литература, искусство, спорт)	25,8	22,1	29,6
Встретить настоящую любовь, завести семью	24,3	25,2	23,5
Поступить учиться	18,6	6,2	31,4
Приобрести хороших друзей	18,4	15,3	21,4
Добиться уважения и признания окружающих	15,3	17,3	13,3
Добиться успеха в политической деятельности	4,6	6,2	3,1
Другие варианты ответа	1,9	0,8	3,1
Ответили на вопрос, чел.	986	503	490

Работающие нацелены в основном на достижение материального достатка (51%), делового успеха (44%) и расширение культурного кругозора (39%). Для учащихся в равной мере важны приобретение профессии (48%), поиск работы (46%), материальный достаток (45,5%), культурное развитие (42%).

И для работающих, и для учащихся намерения, связанные с личной жизнью (любовь, друзья, любимые занятия), в равной мере относятся к целям второго порядка. И все же, несмотря на все гендерные или возрастные отличия, две цели являются самыми важными для всех групп молодежи — достижение материального достатка и расширение кругозора, повышение культурного уровня.

Заключение

Исследование показало, что за последние пять лет в ценностном сознании регионального сообщества, включая молодежь, наметились неочевидные, но весьма важные изменения. К ним относится, прежде всего, ослабление поддержки людьми базовых ценностей, обеспечивающих духовно-нравственную солидарность регионального сообщества; наблюдается дробление жизненных приоритетов, затронувшее в первую очередь молодежь, и нарастание межпоколенных дистанций, затрудняющих трансляцию социального опыта. Происходит деформация нравственных понятий и принципов в результате «сдвига» их традиционных и легитимированных смыслов, что особенно явно в случае со значением понятия «работа», которое сегодня связывается с любыми действиями, приносящими материальную выгоду. «Аналогичные ценностные мутации происходят и с другими социокультурными паттернами, в которых аккумулирован социальный опыт и которые выступают когнитивными схемами понимания и оценки социальных действий и коллективных практик» [11, с. 58]. Значительно увеличилась роль прагматических установок в поведении и поступках людей. По мере утверждения материального благополучия и связанных с ним меркантильных потребностей в качестве ведущих мотивов жизненного самоопределения молодежи девальвируется ценность креативных и общественно значимых видов деятельности — научного познания, искусства, художественного творчества, технического новаторства и др. Поэтому доминирование прагматических и индивидуалистических ценностей в массовом сознании и поведении может выступить в качестве серьезного препятствия для социальной реализации молодежи в качестве субъекта научно-технологических и гуманитарных инноваций.

Источники

1. Каргополов С. В. Менталитет молодежи региона в условиях информационной модернизации // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. — Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. — С. 331–336.

2. *Петросян Д. И.* Информационные предпочтения молодежи как фактор модернизации региона // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. — Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. — С. 354–360.
3. *Кадничанская М. И., Галкина Е. П.* Ценности молодежи в контексте социокультурной модернизации в Ульяновской области // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. — Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. — С. 326–330.
4. *Котельникова О. В.* Модернизационный потенциал молодежи (региональный аспект) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2015. — № 3. — С. 208–212.
5. *Кадничанская М. И., Галкина Е. П.* Инновационный потенциал молодежи как фактор развития региональной инновационной системы (на примере Ульяновского региона) // Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах. — Тула : Тул. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 174–180.
6. *Баймурзина Г. Р.* Занятость молодежи как фактор инновационного развития // Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах. — Тула : Тул. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 234–240.
7. *Титаренко Л. Г.* Модернизационный потенциал студенчества как социокультурный фактор инновационного развития Беларуси // Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах. — Тула : Тул. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 142–148.
8. Эволюция регионов России и стратегия их социокультурной модернизации // Материалы IX научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. — С. 637–688.
9. *Лапин Н. И., Беляева Л. А., Касавина Н. А.* Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. — М. : Весь Мир, 2016. — С. 305–307.
10. *Плеханов Е. А., Калмыкова М. В., Петросян Д. И.* Социокультурные ценности жителей Владимирской области. — Владимир : РАНХиГС. Владимирский фил., 2013. — 276 с.
11. *Плеханов Е. А., Калмыкова М. В., Петросян Д. И., Февралева Л. А.* Социокультурный потенциал Владимирской области в контексте модернизационных процессов. — Владимир : РАНХиГС. Владимирский фил., 2018. — 217 с.

ТРУД ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ДЕНЬГИ ИЛИ ИНТЕРЕС?

А. Н. Тарасова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

E-mail: a.n.tarasova@mail.ru

Е. В. Андрианова

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

E-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-011-00632.*

Аннотация. Приводится анализ динамики изменения ценностей и трудовых установок студентов по данным социокультурного мониторинга Тюменской области в 2006–2019 гг. Студенческая молодежь рассматривается как ресурсный потенциал инновационной системы. Основной исследовательский вопрос — как трансформируются ценностные ориентации молодежи, что для современной молодежи оказывается более важным: деньги, материальное благополучие или интерес к работе, возможности саморазвития. Показан рост ценности содержательной и интересной работы для раскрытия инновационного потенциала молодежи. Зафиксированы ограничения на это материальными возможностями семьи.

Ключевые слова: молодежь, ценности, труд, модернизация, инновационный потенциал, социокультурный, мониторинг.

STUDENTS' VIEW OF LABOR: MONEY OR INTEREST?

A. N. Tarasova

Ural Federal University named after the first president of Russia
B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

E-mail: a.n.tarasova@mail.ru

E. V. Andrianova

University of Tyumen, Tyumen

E-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

Abstract. The analysis of values and labor attitudes dynamics of university students is provided on the evidence of Tyumen oblast socio-cultural monitoring in 2006–2019. Student youth is considered as a resource potential of innovative system. Main research question is the manner of the youth's values transformation, and

whether money and material wealth or interest in work and self-development opportunities are more important for them. The relevance of meaningful and interesting work value as a source of innovative potential exposure is revealed to be increasing among the student youth. Family's financial capacities prove to limit this increase.

Key words: youth, values, labor, modernization, innovation potential, socio-cultural, monitoring.

Оценивая перспективы инновационного развития страны, многие исследователи особые надежды возлагают на молодежь как более адаптированную и к рыночным отношениям, и к современным информационным технологиям. Как верно отметил В. А. Ядов, «выход на арену истории новых поколений россиян... может способствовать качественному сдвигу в реальном становлении практически действующих социальных институтов» [1, с. 63]. Особое значение при этом имеет изучение трудовых установок студенческой молодежи, поскольку, во-первых, ценностные ориентации и установки в трудовой сфере определяют перспективы экономического развития общества, во-вторых, именно студенческая молодежь является наиболее перспективной группой в качестве ресурсного потенциала инновационной системы. В контексте происходящего процесса модернизации актуализируется задача выявить мотивационные факторы участия молодежи в инновационном процессе. Цель настоящей статьи — проследить трансформацию ценностных ориентаций молодежи и ответить на вопрос, что для современной молодежи оказывается более важным: деньги и материальное благополучие или интерес, возможности саморазвития.

Такая постановка вопроса кажется немного странной, учитывая, что очень многими исследователями отмечалось смещение ориентаций молодежи от терминальной ценности содержания труда в сторону инструментальных ценностей заработка и материального благополучия [2; 3]. Однако уже с 2015 г. эта картина постепенно начинает меняться. В своей статье 2016 г. И. М. Козина и Е. В. Виноградова показывают, что среди молодежи появляются группы, для которых характерна сбалансированность аспектов материального вознаграждения и ориентации на содержание выполняемой работы. Авторы выразили надежду, что выделенная ими группа молодых инженеров — это «первые ласточки» [4, с. 229]. И действительно, в более поздних исследованиях и другими авторами отмечается рост ценности самореализации и интересной работы среди студенческой молодежи [5; 6]. Учитывая, что Тюменская область — это регион с высоким уровнем социально-экономического развития, сделано предположение, что обозначенная тенденция также характерна для студенческой молодежи региона.

Основной исследования стала концепция базовых ценностей Н. И. Лапина [7]. Респондентами отмечалась степень согласия или несогласия с рядом утверждений. В данной работе рассматривались лишь три из них: «главное в жизни — забота о своем здоровье и благополучии», «только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным

делом жизни» и «главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве». В методологии Н. И. Лапина заложено 14 утверждений, определяющих ценности человека, однако нами ставилась задача сопоставить значимость только ценностей материального благополучия и интересной работы среди студенческой молодежи в контексте модернизационных изменений. Данные обрабатывались в SPSS с использованием частотного анализа и анализа средних значений.

Эмпирической базой работы послужили результаты мониторинговых исследований 2006–2016 гг. по проекту «Социокультурный портрет региона» [8]. Описание выборок и инструментария даны в [9; 10; 11]. Выборки репрезентируют население Тюменской области старше 18 лет по половозрастной структуре и образованию в разрезе территории проживания и типа поселения. Ошибка выборок по одному признаку по формуле Паниотто не превышала 3%. Результаты мониторинговых исследований были опубликованы в ряде работ, в том числе [12; 13]. Для анализа выделены подвыборки учащейся молодежи (в 2006 г. — 404 человек, в 2009 г. — 216, в 2013 — 206 и в 2016 г. — 132 человека). Дополнительно привлечены данные опроса студенческой молодежи Тюменской области, проведенного в 2019 г. Объем выборочной совокупности составил 1880 человек из различных вузов Тюменской области.

В 1990-е гг. исследователями обозначен отход от прежней системы ценностей и рост значимости материального положения для студенческой молодежи [14, с. 60]. В дальнейшем многочисленные исследования лишь подтверждали тот факт, что студенческая молодежь прагматична и имеет материальные ценностные ориентации, даже в сравнении с американскими студентами [15, с. 238]. Причем такая картина наблюдалась повсеместно. Исследования в Свердловской области [14; 15], в соседней Челябинской области [16], а также во многих других регионах подтверждали, что для студенческой молодежи в России ценность материально обеспеченной жизни была значимо выше, чем ценность интересной работы. Отличаясь инструментарием, методологией, типом используемых шкал, тем не менее все исследования показывали, что в рейтинге ценностей материальный достаток всегда оказывался выше ценности интересной (у А. В. Сотниковой — любимой [17, с. 265]) работы. Даже при анализе ценностей студенческой молодежи в зависимости от типа мировоззрения получалось, что и для модернистов, и для традиционалистов важность материального достатка оказывается выше, чем иметь интересную работу [18, с. 93].

Результаты мониторинговых исследований в Тюменской области подтверждают наличие доминирования ценности здоровья и благополучия над ценностью содержательной интересной работы вплоть до 2013 г. (см. рис. 1). Однако в 2016 г. картина меняется: разрыв между этими ценностями практически исчез, а кроме того, выросла значимость ценности инициативы и предприимчивости, которая за все предыдущие годы исследований практически не менялась. Если сравнивать с 2006 г., то ценность интересной, содержательной работы еще остается на невысоком уровне, однако положительная динамика несомненна.

Рис. 1. Динамика ценностей студенческой молодежи Тюменской области (средние значения оценок в шкале от 1 – совершенно не согласен до 11 – полностью согласен)

Учитывая малую показательность усредненных значений ввиду высокой дисперсии оценок, можно рассмотреть динамику доли тех, кто дал высокие баллы (от 8 и выше) данным ценностям (представлены на рис. 2). Видно, что только в 2016 г. ценность содержательной и интересной работы стала для студенческой молодежи более важной.

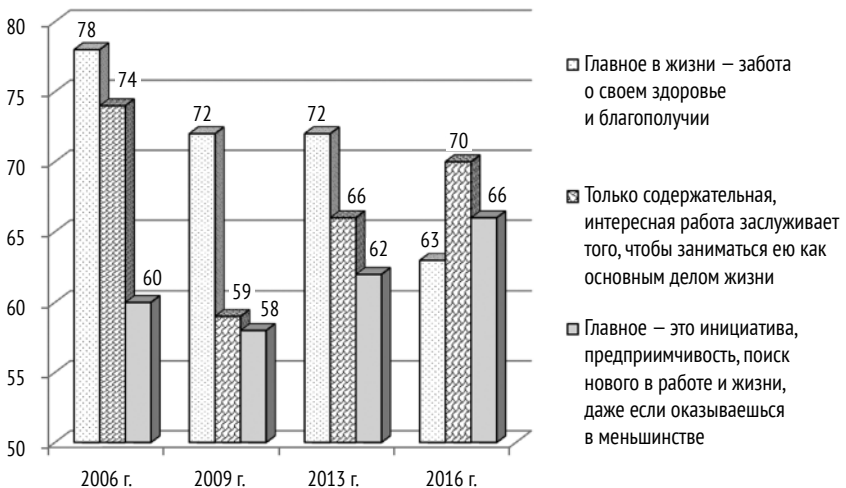

Рис. 2. Доля студенческой молодежи, давшей высокие баллы согласия с приведенными утверждениями (баллы от 8 и выше)

В исследовании студенческой молодежи 2019 г. обозначенные тенденции проявились еще более четко (табл. 1). Ценность материального благополучия в рейтинге опускается значительно ниже, чем интересная работа. Среди ценнейшей студенческой молодежи, связанных с трудовой деятельностью доминирует ценность «развитие и самосовершенствование себя как личности».

Таблица 1

**Рейтинг ценностей студенческой молодежи Тюменской области
(N = 1880, 2019 г.)**

	Среднее значение в шкале от 1 – совершенно не важно, до 5 – крайне важно
Любовь к родителям, семье	4,76
Развитие и самосовершенствование себя как личности	4,75
Крепкое здоровье	4,72
Интересная работа	4,65
Хорошее образование	4,49
Отношения с любимым человеком	4,47
Хорошие друзья	4,47
Любимые увлечения	4,47
Материальное благополучие	4,43
Возрождение России как сильной державы	3,77
Долг перед Родиной	3,17
Доступ к власти	3,15

Изменение структуры ценностей современной студенческой молодежи, когда ценность материального благополучия перестает быть важнее интересной работы и развития, характерно для всех студенческих групп. Обозначенный в табл. 1 рейтинг характерен для студентов разных курсов, направлений, вузов. Единственное исключение – это уровень материального положения (табл. 2). Для студентов, отметивших, что им денег не хватает даже на повседневные затраты, ценность материального благополучия по-прежнему доминирует и над интересной работой, и над развитием и самосовершенствованием. Но для всех остальных, даже тех, у кого на повседневные затраты уходят все денежные доходы, самосовершенствование и саморазвитие, а следом и интересная работа, оказываются ценнее материального благополучия.

Таблица 2

**Распределение ценностей студенческой молодежи Тюменской области
по уровню материального благополучия (средние оценки, N = 1880, 2019 г.)**

Ценности	Денег не хватает даже на повседневные затраты	На повседневные затраты уходят все денежные доходы	Денег на повседневные затраты хватает, но покупка одежды уже затруднительна	В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов надо брать в долг	Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, машины	Практически ни в чем себе не отказываем
	Среднее значение*	Среднее значение	Среднее значение	Среднее значение	Среднее значение	Среднее значение
Любовь к родителям, семье	4,52	4,70	4,69	4,77	4,83	4,77
Развитие и самосовершенствование себя как личности	4,59	4,68	4,74	4,76	4,78	4,78
Материальное благополучие	4,60	4,44	4,43	4,39	4,45	4,38
Крепкое здоровье	4,69	4,67	4,71	4,76	4,74	4,65
Отношения с любимым человеком	4,47	4,42	4,48	4,48	4,50	4,43
Хорошие друзья	4,36	4,55	4,49	4,44	4,49	4,46
Возрождение России как сильной державы	3,79	3,77	3,80	3,75	3,73	3,86
Хорошее образование	4,49	4,44	4,53	4,50	4,48	4,48
Интересная работа	4,69	4,64	4,65	4,64	4,65	4,69
Любимые увлечения	4,48	4,42	4,46	4,49	4,45	4,51
Доступ к власти	3,10	3,38	3,16	3,10	3,09	3,28
Долг перед Родиной	3,18	3,22	3,21	3,09	3,15	3,30

* Среднее значение в шкале от 1 – совершенно не важно, до 5 – крайне важно.

Отдельно отметим, что изменение рейтинга ценностей связано со снижением значимости материального благосостояния, а не ростом значимости ценности интересной работы. Несмотря на то что ценность интересной

работы в молодежной группе выше, чем в старших возрастных группах, существенного роста важности ценности интересной работы не происходит, эта тенденция нами уже была отмечена ранее [13]. Сейчас она продолжается, проявляется явная ориентация на саморазвитие.

Обратим внимание, что трудовая мотивация за десять лет наблюдений при этом особо не меняется. Доля молодежи с рыночной мотивацией практически не растет, а доля желающих иметь свой бизнес даже сокращается (табл. 3).

Таблица 3

**Проективная трудовая мотивация молодежи Тюменской области
(2006–2016 гг., % по столбцу, подвыборка молодежь до 25 лет,
включительно)**

Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?	2006 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2016 г.
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	36	34	38	34	39
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	4	8	7	4	5
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	5	10	6	10	2
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	23	23	18	22	22
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	24	17	21	24	23
Не знаю	8	4	8	–	5
Отказ от ответа	1	5	2	6	3
ВСЕГО	100	100	100	100	100

Полученные результаты соотносятся с выводами других исследователей [5; 6]. Интересна в этом плане статья Б. С. Алишева, где представлен уникальный инструментарий, а также анализ динамики ценностей студенческой молодежи с 2000 по 2016 г. Автор отмечает, что студенты стали больше ценить семью и отдых (развлечения), но меньше – работу; повысились также индексы ценностей «покой», «гармония отношений», «разнообразие жизни и саморазвитие», при этом понизились показатели у ценностей «материальные блага» и «статус» [5, с. 936]. Б. С. Алишев делает вывод о том, что общие изменения в ценностных предпочтениях, произошедшие между 2000 и 2016 гг., связаны с постепенной переориентацией студентов от широких социальных и экономических ценностей (работа, материальные блага, статус, свобода, благополучие и могущество Родины) в пользу ценностей, направленных на индивидуальную жизнь и микросоциальные связи

(благополучие близких людей, семья, отдых, покой, гармония отношений, разнообразие жизни, саморазвитие) [5, с. 939].

В. В. Ретивина приводит результаты исследования 2017 г. на материале анкетного опроса студентов нижегородских вузов [6]. Среди трудовых ценностей на первое место выходит интересная работа и лишь потом высокий доход [6, с. 59]. Возможность самореализации вышла на третье место, что несколько удивляет, поскольку и в нашем исследовании, и в исследовании Б. С. Алишева самореализация имеет значимо большее значение для современной молодежи, чем доход. Но, возможно, здесь проявляются региональные отличия. Несмотря на отмеченное отличие, можно утверждать, что для современной студенческой молодежи содержательный компонент труда является приоритетным. На основании доминирующих ценностей В. В. Ретивиной выделены пять групп установок [6, с. 60], но, к сожалению, не показано, какая доля студентов придерживается той или иной установки. Было бы интересно посмотреть соотношение групп «статусная» и «трудовой самореализации».

Начиная примерно с 2015 г., исследователи начинают фиксировать изменение ценностных ориентаций студенческой молодежи, показывая снижение значимости материального положения и возрастание ценности интересной и содержательной работы. В 2016 г. в Тюменской области исчезает разрыв между ценностями здоровья и благополучия и ценностью содержательной, интересной работы. Растет значимость ценности инициативы и предприимчивости. Ценность интересной, содержательной работы еще остается на невысоком уровне, однако положительная динамика несомненна. В 2019 г. среди ценностей студенческой молодежи, связанных с трудовой деятельностью, доминирует ценность «развитие и самосовершенствование себя как личности».

Итак, с чем же связаны зафиксированные изменения и насколько эта тенденция устойчива? Можно сделать несколько предположений.

1. Действительно вырастает новое поколение с иным взглядом на жизнь, с возвращающимся пониманием важности и ценности интересной работы, а не просто стремлением к материальным благам (то, что Б. С. Алишев назвал «ценностное отрезвление» [5, с. 937]). В этом случае открываются новые возможности и точки роста для раскрытия инновационного потенциала молодежи.

2. Вероятно, изменение ценностей студенческой молодежи связано со значительным экономическим расслоением в обществе. В настоящее время поступление в вуз обусловлено не только и не столько знаниями и талантом молодого человека, сколько материальными возможностями его семьи. Соответственно нынешние студенты — это, в большинстве своем, дети, воспитанные в достатке и комфорте и принимающие свое положение как норму. Поэтому для них стремление к деньгам и материальному положению становится менее значимо. Такая закономерность действительно существует: чем беднее семья, из которой вышел человек, тем важнее для него материальная обеспеченность. Если именно это объяснение окажется более правильным,

то возможности реализации инновационного потенциала молодежи останутся ограниченными.

Исходя из возможных объяснений отмеченной трансформации ценностей, связанных с трудом, возникают новые исследовательские вопросы:

- характерна ли выделенная тенденция изменения ценностных ориентаций в сторону смещения от материальных ценностей к ценностям развития только для студенческой молодежи как наиболее образованной, а в настоящее время и более обеспеченной социальной группы, или же это особенность всего нынешнего подрастающего поколения?
- будут ли, и если будут, то как, меняться ценности данной группы в процессе их взросления?
- может ли данная трансформация ценностей стать основой для реализации инновационного потенциала молодежи? Каким образом скажутся выделенные ценностные установки на инновационной деятельности и экономическом развитии региона / страны?

К сожалению, используя имеющийся в распоряжении эмпирический материал, мы пока не в состоянии дать полноценные ответы на поставленные вопросы. Требуется время, чтобы оценить устойчивость отмеченных изменений, а также их последствия.

Источники

1. Ядов В. А. Трансформации российских социальных институтов // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. — М., 2005. — 584 с.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения // Гуманитарий Юга России. — 2012. — № 3. — С. 23–46.
3. Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. — 2012. — № 6. — С. 121–126.
4. Козина И. М., Виноградова Е. В. Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2016. — № 1. — С. 215–230. — DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.08.
5. Алишев Б. С. Изменения в структуре ценностей студенческой молодежи в начале XXI века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2016. — Т. 158, кн. 4. — С. 929–940.
6. Ретивина В. В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 57–63. — DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63.
7. Лапин Н. И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // Модернизация экономики и общественное развитие : в 3 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М., 2007. — Кн. 2. — С. 210–219.
8. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). — М. : МФ РАН, 2010. — 111 с.

9. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. — М. : Весь Мир, 2016. — 360 с.
10. Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф. «Идентичность места» как критерий поддержки сетевых взаимодействий: теоретический анализ и эмпирические оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10, № 6. — С. 104–119.
11. Ромашкина Г. Ф. Динамика и возможности развития социальных коммуникаций на уровне регионов России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2017. — Том 3, № 1. — С. 84–99. — DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-84-99.
12. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области: Коллективная монография / Науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. — Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета, 2015. — 358 с.
13. Андрианова Е. В., Тарасова А. Н., Печеркина И. Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 3. — С. 298–317. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.17.
14. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Студент 90-х: социокультурная динамика // Социологические исследования. — 2000. — № 12. — С. 56–63.
15. Черкасова А. А. Жизненные ценности в представлениях студенческой молодежи России и США: социологический анализ // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — Вып. 1. — С. 231–240.
16. Зырянов С. Г., Горелова Г. Г. Место образования в системе ценностей студенческой молодежи // Социум и власть. — № 4 (54). — 2015. — С. 7–14.
17. Сотникова А. В. Ценность труда в иерархии ценностей студенческой молодежи в контексте формирования профессиональной мотивации (на примере юга России) // Общество и право. — 2011. — № 1 (33). — С. 262–268.
18. Кошарная Г. Б., Рожкова Л. В. Модернизация ценностей современной студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 6. — С. 91–103.

УДК 304.3

DOI: 10.25990/hse.conf-15.zx6e-2827

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

М. А. Груздева

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук»,
г. Вологда

E-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению социокультурных характеристик молодежи нескольких регионов СЗФО: Вологодской, Мурманской, Калининградской, Новгородской областей и Республики Карелия. С использованием актуальной эмпирической базы данных социологических опросов, проведенных в 2016 и 2017 гг., проанализированы социокультурные характеристики молодых людей в возрасте 18–30 лет, в частности территориальная идентичность, отношение к месту проживания, уверенность в будущем, миграционные настроения, ценностное поле, основные интересы. Получены выводы относительно общих и отличительных особенностей молодежи, которые могут лечь в основу управленческих решений, построения эффективной молодежной и миграционной политики.

Ключевые слова: молодежь, социокультурные характеристики, отношение к региону проживания, уверенность в будущем, миграционные настроения, ценности, главные интересы, СЗФО.

FEATURES OF SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF YOUTH IN THE REGIONS OF THE NORTH-WEST FEDERAL DISTRICT

M. A. Gruzdeva

Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Vologda

E-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the socio-cultural characteristics of young people in several regions of the North-Western Federal District: the Vologda, Murmansk, Kaliningrad, Novgorod regions and the Republic of Karelia. Analyzed the socio-cultural characteristics of the young people aged 18–30 years, in particular, territorial identity, attitude to the place of residence, confidence in the future, migration attitudes, value field, basic interests, using the current empirical database of opinion polls, conducted in 2016 and 2017. The findings of the general and distinctive features of socio-cultural characteristics of the young people of the studied regions can contribute to improving the effectiveness of youth and migration policies.

Key words: youth, socio-cultural characteristics, relation to the region of residence, confidence in the future, migration moods, values, main interests, North-Western Federal District.

Введение

Социальная реальность современной России характеризуется наличием заметной разнородности социокультурного пространства, противоречивостью и неоднозначностью информационной среды, разным уровнем экономического развития территорий. На данный аспект обращают внимание многие исследователи, поэтому факт наличия территориальной дифференциации между регионами России в самых различных аспектах доказан в исследованиях многих ученых [1; 2; 3; 4]. В основе различий в социально-экономическом развитии лежит две группы факторов: естественные (географическое положение, климатические условия, наличие природных ресурсов) и искусственные (производительные силы, демографический, трудовой, человеческий потенциал, сформированность институтов и др.), а также система управления ими. Неравномерность социокультурного пространства регионов обусловлена как наличием условий для его развития (инфраструктура, кадровый состав, потребители) и эффективность системы управления ими, так и непосредственно характеристиками самого населения: его ценностями, установками, активностью, устойчивостью норм, традиций, менталитетом.

Наиболее лабильной и в то же время уязвимой группой населения в данных условиях можно считать молодежь. Эта социально-демографическая группа, с одной стороны, обладающая максимальным потенциалом мобильности, инновационности, креативности, адаптирующаяся под динамичные изменения мира (И. Ильинский, А. Ковалева, М. Реут, А. Тесленко), с другой — находится в зоне повышенного риска, стресса в силу неопределенности, неустойчивости социального и экономического положения (В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс, А. Ю. Жаданов и др.), что может способствовать формированию девиантности, дезадаптации [5; 6; 7]. Важность изучения социокультурных характеристик молодежи и их изменения сложно переоценить, в современных социокультурных условиях молодежь выступает значимым социальным субъектом, выполняющим особую роль в социальном производстве и воспроизводстве. На это обращают внимание многие отечественные исследователи, в том числе составляющие социокультурные портреты регионов и изучающие социокультурную модернизацию [8; 9; 10].

Вместе с тем региональная специфика социокультурных характеристик населения и их сравнение между собой остается малоисследованной. В этой связи важно получить представление о том, какими являются доминирующие социокультурные характеристики населения, в данной рукописи предпринята попытка проанализировать их различия среди молодежи регионов одного федерального округа.

Целью настоящего исследования выступили анализ и сравнение социокультурных характеристик молодежи регионов Северо-Западного федерального округа.

Объектом исследования выступило население пяти регионов Северо-Западного федерального округа: Вологодской, Мурманской, Калининградской, Новгородской областей и Республики Карелия в возрасте 18 до 30 лет. Предметом — социокультурные характеристики. Период исследования — 2016–2017 гг.

Эмпирической базой исследования послужил опрос населения регионов СЗФО «Социокультурная модернизация регионов», проведенный ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» в 2016 и 2017 гг. в ряде регионов Северо-Западного федерального округа. Анкетирование проходило среди населения старше 18 лет (в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях, а также в Республике Карелия). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составил в 2016 г. составил 3101 человек, в 2017 г. — 3108 человек, в возрасте от 18 до 30 лет — 581 человек, ошибка выборки не превышала 5%.

Стоит отметить, что для исследования социокультурных характеристик актуальными являются именно социологические методы, так как именно они позволяют изучить тот или иной срез общества.

Результаты исследования

Ранее в рамках изучения социально-культурной проблематики при непосредственном участии автора данной рукописи были получены результаты, которые легли в основу и данного исследования. Так, было выяснено, что развитие социально-культурных подсистем рассматриваемых регионов неравномерно, жители имеют различный доступ к культурно-досуговой инфраструктуре и различные возможности пользования ею. Наиболее активны в использовании ими жители Новгородской (243% населения участвуют в платных мероприятиях, то есть каждый человек более двух раз посещает их, общая приобщенность к культуре — 2,83 посещения мероприятий на человека) и Вологодской областей (140% и 1,76 раза соответственно), наименее — жители Республики Карелия (удельный вес населения, участвующего в платных мероприятиях культуры, 39%, общая посещаемость чуть более одного раза на человека). В данном случае можно говорить как о недостаточном количестве услуг, так и о различиях в возможностях получения дохода культурными учреждениями. Заметна связь предложения и спроса на услуги в сфере культуры: в регионах, где выше обеспеченность учреждениями, выше и приобщенность и активность жителей в культурной жизни.

Регионы практически однородны по уровню образования и наличию персональных компьютеров в домохозяйствах. Уменьшение вариации по доле безработных с высшим образованием в период 2006–2016 гг. говорит о несбалансированном развитии рынка труда, так как сами доли

высококвалифицированных безработных значительно выросли: в Вологодской области в 4 раза, в Мурманской в 2,7 раза, на 80 % в Республике Карелия. Это приводит к тому, что использование накопленного в ходе образовательного процесса культурного капитала происходит менее эффективно, человек получает профессию, но не может трудоустроиться по ней в своем регионе. Это таит в себе угрозы потери и недоиспользования человеческого капитала, инвестиции в который были внесены ранее (затраты на обучение, повышение квалификации), а также усиления внутренней и внешней миграции.

Заключая вышесказанное, отметим, что среди регионов присутствуют различия по отдельным параметрам развития региональных подсистем в части развития «инфраструктуры культуры», приобщенность населения к культуре через деятельность учреждений отрасли и участие в мероприятиях на платной основе регионы СЗФО дифференцированы достаточно существенно, однако по таким важным характеристикам, как уровень образования и информатизация, они близки. Далее рассмотрим на материалах социологического опроса, какими являются социокультурные характеристики населения этих регионов.

В результате предыдущих исследований было выяснено, что как для всех жителей Вологодской области, так и для молодежи характерны три уровня территориальной идентичности: поселенческая, региональная идентичность, и на третьем уровне — близость к жителям других типов мест [11]. При анализе опроса, проведенного в обследуемых регионах СЗФО, для оценки степени близости были рассчитаны коэффициенты интенсивности [12]. Для всех регионов выводы о наличии трех типов идентичности подтверждены (табл. 1). Наибольшую близость население молодежи исследуемых регионов испытывает по отношению к жителям своего поселения, на втором месте близость к жителям всей области, и менее выражена идентификация себя с жителями более отдаленных мест — будь то москвичи, все жители страны, население стран СНГ и всего мира. Результаты логично объясняются кругом (или радиусом) взаимодействия молодых людей, который в силу особенностей организации жизнедеятельности наиболее наполнен в непосредственной близости к человеку, в месте его проживания, а с удлинением физических расстояний слабеют и социальные связи. Полученные данные позволяют сделать два вывода. Первый: атомизация российского общества весьма значительна, поскольку коэффициенты интенсивности близости в принципе невысоки. Второй: казалось бы, степень близости с жителями области и страны должна быть выше, и можно выразить тревогу относительно патриотизма и любви к Родине (в том числе малой). Однако в данном случае речь идет об оценке территориальной близости в социокультурном контексте. Оценивая свою идентичность с людьми, проживающими в других территориях, с людьми, которых они лично не знают, жители региона опираются на знание о том, что Россия — полиэтничная страна, населенная народами с разным укладом жизни, традициями, религией и языком. Представители разных национальностей соседствуют и в пределах одного региона. Это в большой степени влияет на субъективно оцениваемую близость с ними.

Таблица 1

Коэффициент интенсивности близости с жителями различных типов мест в 2016 г.

Вариант ответа	Вологодская область	Калининградская область	Мурманская область	Новгородская область	Республика Карелия
Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	12,6	43,5	12,1	10,3	15,1
Жители всей моей области	4,5	39,0	7,9	4,8	7,2
Жители Москвы – столицы России	1,2	2,5	1,6	1,1	0,9
Жители всей России	1,0	2,3	1,9	1,3	0,7
Жители бывших республик СССР	0,5	1,0	0,9	0,7	0,3
Жители всей Земли	0,5	0,5	0,4	0,4	0,2

Коэффициент рассчитывается как отношение доли населения в возрасте 18–30 лет, отметившего близость к доле, отметившего отдаленность. *Источник:* опрос «Социокультурная модернизация СЗФО», ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2017.

Заметно выделяется на общем фоне ситуация в Калининградской области: ее жители обладают более высоким уровнем интенсивности близости как с жителями своего города (поселка), так и всей области. Находясь в регионе-эксклаве, калининградцы более остро чувствуют свою связь с городом, регионом и страной. Представители исследовательской группы ЦИРКОН (г. Москва) И. Задорин, НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург) А. Немировская в исследовании приграничных (фронтирных) регионов России (Крым, Приморский край, Калининградская и Мурманская области) пришли к выводу, что специфика гражданской идентичности жителей Калининградской области может лежать в том, что все ее жители когда-то приехали осваивать этот регион и это послужило формированию более высокого уровня толерантности, мультикультурности, терпимости и благожелательности к различным национальностям, конфессиям и диаспорам [13].

Важной характеристикой, отражающей наличие или отсутствие ощущения связи с местным сообществом, является отношение к региону своего проживания. В целом положительные оценки респондентов преобладают над отрицательными (табл. 2). Однако и в данном аспекте наблюдается определенная дифференциация: заметно больше людей довольны своим местом проживания в Калининградской области — 44% всего населения и 48% молодежи рады,

что живут здесь (в других регионах от 7 до 34%). И соответственно негативных оценок также меньше в Калининградской области. В других исследуемых регионах доли молодежи, которая довольна своим местом проживания, меньше, чем среди всего населения. Намного чаще молодые люди высказывают более нейтральные оценки и наряду с удовлетворением отмечают вещи, которые их не устраивают. Наименее позитивные чувства к своему региону испытывают мурманчане: только 17% всего населения и 7% молодежи рады, что живут в регионе.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?», 2017 г. (в % от ответивших)

Вариант ответа	Вологодская область		Калининградская область		Мурманская область		Новгородская область		Республика Карелия	
	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь
Я рад, что живу здесь	24,4	17,9	44,3	47,6	17,0	7,5	34,1	23,9	31,1	21,7
В целом я доволен, но многое не устраивает	36,8	35,1	37,0	32,9	34,7	27,5	45,6	54,9	38,6	34,8
Положительные оценки	61,2	53,0	81,3	80,5	51,7	35,0	79,7	78,8	69,7	56,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	16,7	15,8	8,8	7,3	11,7	11,3	6,9	8,5	10,3	10,1
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	6,9	6,1	3,5	1,2	9,7	7,5	6,6	2,8	8,5	7,2
Негативные оценки	23,6	21,9	12,3	8,5	21,4	18,8	13,5	11,3	18,8	17,3
Хотел бы уехать в другой регион России	6,1	11,5	2,0	3,7	16,5	22,5	2,7	5,6	6,8	18,8
Хотел бы вообще уехать из России	3,1	7,2	0,5	1,2	7,7	21,3	2,5	2,8	3,8	7,2
Желание переехать	9,2	18,7	2,5	4,9	24,2	43,8	5,2	8,4	10,6	26,0
Затрудняюсь ответить	6,1	6,5	4,0	6,1	2,7	2,5	1,7	1,4	1,0	0,0

Следствием недовольства жизнью являются миграционные настроения. Обращает на себя внимание ситуация с желанием переехать у жителей приграничных регионов. Калининградская, Мурманская области и Республика Карелия соседствуют с европейскими странами. Однако жители Калининградской области по большей части удовлетворены своей жизнью в регионе и лишь 2,5 % населения и 5 % молодежи хотят переехать. В Мурманской области и Республике Карелия, где негативных оценок больше, больше и желающих переехать (24 и 11 %), в том числе и за границу (8 и 4 % соответственно). А среди молодежи, ввиду ее более высокой мобильности, желание покинуть место проживания выражено еще активнее — хотят уехать из Мурманской области в другие регионы России 23 % людей в возрасте 18–30 лет, за границу — 21 %. Вероятно, неблагоприятные климатические условия для проживания имеют большое значение в данных оценках, а «бонусы» в виде мер поддержки жителей северных территорий не компенсируют некомфортность жизни. Республику Карелия хотят покинуть и переехать в другой регион 19 % молодежи, и за границу — 7 %.

В целом в исследуемых регионах население, имеющее желание переехать, нацелено преимущественно на межрегиональные перемещения. Обнаруживают сходство отношения к своему региону жители Вологодской области и Республики Карелия, Новгородская и Калининградская области, Мурманская область выделяется относительно более негативными чувствами жителей.

Как показало исследование, несмотря на превалирование в целом положительных оценок места своего проживания, велика доля людей, отмечающих наличие проблем и недостатков. Это оказывает влияние и на их представления о своем будущем. Здесь же молодежь показывает себя более стабильно по сравнению со всем населением региона, высказывая более высокие оценки уверенности в будущем (табл. 3). Опять же, наиболее уверенно себя чувствует молодежь и все население Калининградской области (71 и 61 % соответственно). Наибольшая доля не уверенных в своем будущем в тех регионах, где жители давали негативные оценки своему региону и желали мигрировать из него: Мурманская область и Республика Карелия. В Мурманской области мнение молодежи совпадает с общим, только 35 % не испытывают чувства тревоги по поводу перспектив своей жизни.

Противоречие в субъективных оценках отмечается среди населения Новгородской области, с одной стороны, довольны местом проживания практически 80 % населения и молодежи (практически наравне с Калининградской областью), переехать хотят только менее 10 %, и в то же время 37 % всего населения и 29 % молодежи не уверены в своем будущем. Стоит также отметить, что во всех регионах кроме Калининградской области есть и существенные доли затруднившихся ответить на данный вопрос (от 20 до 28 %), что также косвенно свидетельствует о неустроенности различных сфер жизни населения.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?», 2017 г. (в % от ответивших)

Вариант ответа	Вологодская область		Калининградская область		Мурманская область		Новгородская область		Республика Карелия	
	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь
Вполне уверен(а)	10,5	12,5	21,8	35,4	7,2	10,0	12,7	28,2	6,5	11,6
Скорее уверен(а), чем нет	32,5	34,8	38,8	35,4	28,2	25,0	27,2	31,0	30,3	29,0
Уверены в будущем	43,0	47,3	60,6	70,8	35,4	35,0	39,9	59,2	36,8	40,6
Скорее не уверен(а), чем уверен	24,1	20,8	21,8	14,6	27,7	27,5	30,1	19,7	30,6	29,0
Совершенно не уверен(а)	6,0	3,6	6,8	1,2	12,7	10,0	6,6	8,5	8,0	10,1
Не уверены в будущем	30,1	24,4	28,6	15,8	40,4	37,5	36,7	28,2	38,6	39,1
Затрудняюсь ответить	27,0	28,3	11,0	13,4	24,2	27,5	23,3	12,7	24,6	20,3

Важным аспектом в изучении социокультурных характеристик населения являются ценностные основы жизни. Анализ жизненных ценностей молодежи показал, что они имеют отличия от ценностей населения других возрастов: первые две позиции в иерархии ценностей неизменны для всех — это счастливая и дружная семья, а затем здоровье (рис. 1, 2). Для молодых людей Мурманской области здоровье выходит на первое место, возможно, это связано со сложными климатическими условиями и повышенными требованиями к здоровью при устройстве на работу в основных отраслях экономики региона (топливно-энергетический, горнопромышленный, нефтегазовый комплексы).

Продолжая говорить об иерархии ценностей молодежи, стоит отметить, что она более дифференцирована и разнородна. При изучении ценностей населения регионов всех возрастов было отмечено только то, что здоровье и родительство имеют бóльшую значимость для жителей Вологодской области. А ценность работы и карьеры в Мурманской области и Республике Карелия превосходила ценность родительства (занимало третью строчку после семьи и здоровья).

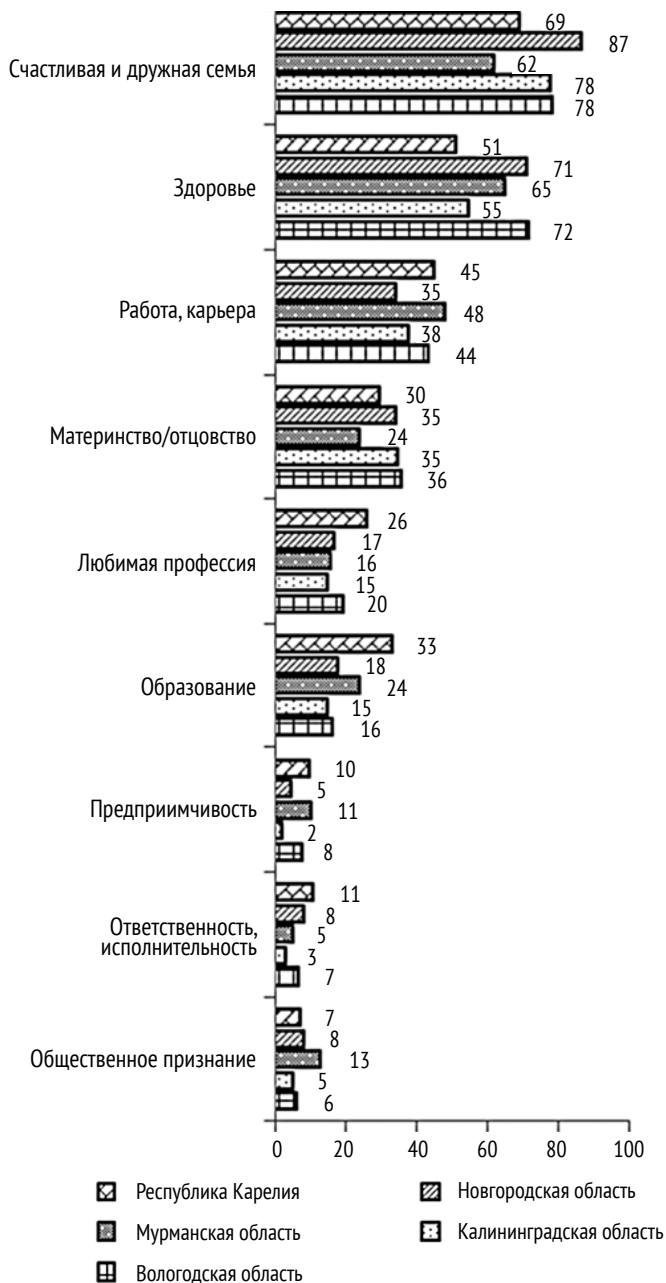

Рис. 1. Иерархия ценностей молодежи, доли ответов на вопрос о наиболее важных жизненных ценностях в %

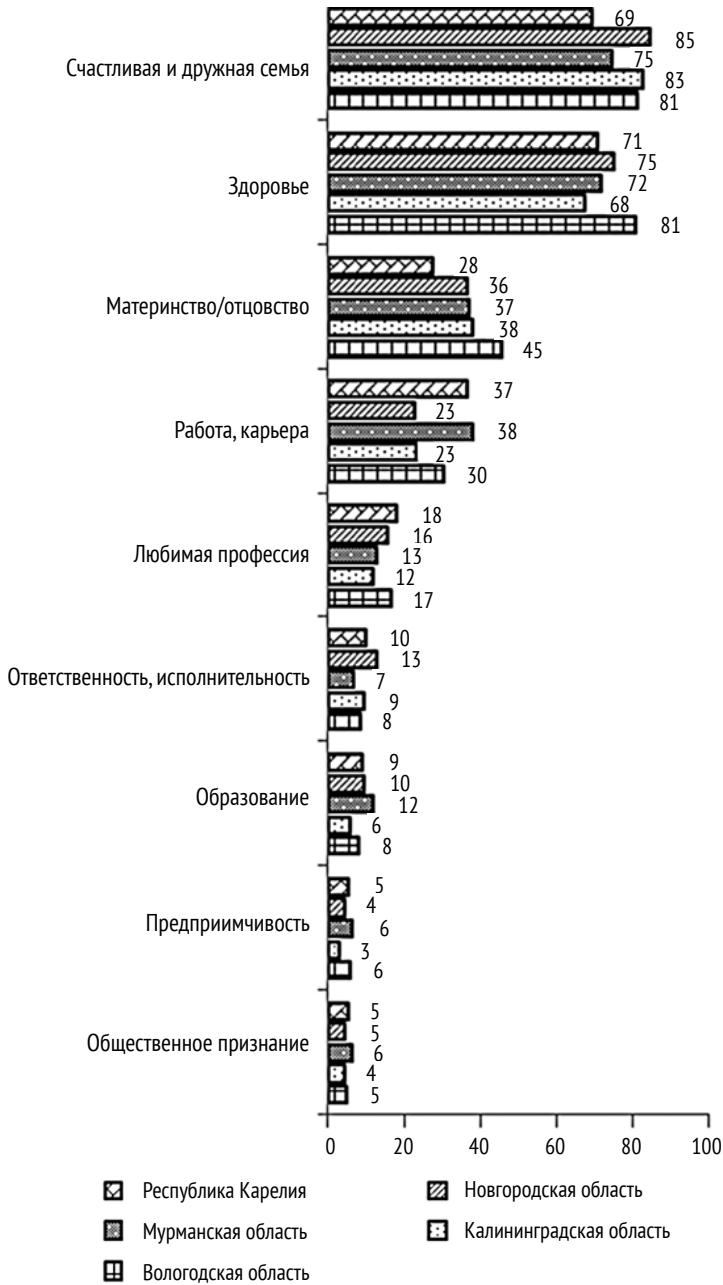

Рис. 2. Иерархия ценностей всего населения, доли ответов на вопрос о наиболее важных жизненных ценностях в %

В ценностном поле молодых людей исследуемых регионов присутствуют существенные отличия: третье место в иерархии устойчиво закрепилось за ценностью работы и карьеры, для молодежи Новгородской области на этой же позиции находится и ценность родительства (табл. 4). Далее можно сделать вывод о превалировании ценности образования в Мурманской, Новгородской областях и Республике Карелия. По остальным местам также видны отличия. Это говорит и о подвижности ценностной структуры молодежи, она может довольно быстро меняться ввиду жизненного периода, а для взрослого населения ценности уже устоялись.

Таблица 4

Иерархия ценностей молодежи

	Вологодская область	Калининградская область	Мурманская область	Новгородская область	Республика Карелия
1-е место	Счастливая и дружная семья	Счастливая и дружная семья	Здоровье	Счастливая и дружная семья	Счастливая и дружная семья
2-е место	Здоровье	Здоровье	Счастливая и дружная семья	Здоровье	Здоровье
3-е место	Работа, карьера	Работа, карьера	Работа, карьера	Работа, карьера Материнство / отцовство	Работа, карьера
4-е место	Материнство / отцовство	Материнство / отцовство	Образование Материнство / отцовство	Образование	Образование
5-е место	Любимая профессия	Любимая профессия Образование	Любимая профессия	Любимая профессия	Материнство / отцовство
6-е место	Образование	Общественное признание	Общественное признание	Общественное признание Ответственность, исполнительность	Любимая профессия
7-е место	Предприимчивость	Ответственность, исполнительность	Предприимчивость	Предприимчивость	Ответственность, исполнительность
8-е место	Ответственность, исполнительность	Предприимчивость	Ответственность, исполнительность	–	Предприимчивость
9-е место	Общественное признание	–	–	–	Общественное признание

Как видно из табл. 4, в двух регионах Мурманской области и Республике Карелия ценность работы (карьеры) и образования значительно превышает ценность родительства. Именно в этих регионах наибольшие доли молодых людей, не уверенных в будущем и желающих сменить место жительства. Вероятно, люди, получившие постоянную работу в профильных отраслях этих северных регионов, стараются закрепиться, ценят свое положение, что особенно важно для молодых специалистов, тогда как оставшаяся часть (для которой, возможно, менее определены карьерные перспективы по различным причинам) нацелена на то, чтобы этот регион покинуть.

Кроме того, в исследовании [13] на материалах качественных социологических исследований показано, что ценностное поле зависит как от географического положения и исторических особенностей заселения приграничных территорий, так и от текущей экономико-политической ситуации. Они приходят к выводу, что соседство с Европой в Мурманской области формирует у жителей представление о себе как о ментально более европеизированных. Это также находит отражение и в ценностях молодежи.

Ценностные ориентации подтверждаются и при определении интересов (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «В какой области находятся Ваши главные интересы?», 2016 г. (в % от ответивших)

Вариант ответа	Вологодская область		Калининградская область		Мурманская область		Новгородская область		Республика Карелия	
	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь
Мои главные интересы в семье и доме	71,5	57,3	71,0	58,9	53,8	33,3	65,0	45,1	52,4	28,9
Мои главные интересы связаны, прежде всего, с моей работой	9,7	13,9	11,3	16,8	18,3	22,6	11,3	17,1	19,7	25,3
Главные интересы в области учебы, образования, повышения квалификации	2,5	9,5	3,8	11,6	3,5	11,8	3,8	15,9	6,5	27,7
Главное дело – обеспечить приличный заработок	6,3	10,2	7,0	7,4	9,8	15,1	6,3	9,8	7,5	8,4

Таблица 5 (окончание)

Вариант ответа	Вологодская область		Калининградская область		Мурманская область		Новгородская область		Республика Карелия	
	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь
Для меня самое важное – это общение с определенным кругом людей	3,5	5,4	2,8	1,1	6,0	9,7	4,0	6,1	5,0	7,2
Для меня главное – мои духовные интересы, культура	3,4	3,1	3,3	2,1	2,8	6,5	5,8	6,1	6,0	1,2
Другое	1,2	0,7	1,0	2,1	1,3	1,1	2,0	0,0	1,0	1,2

Так, несмотря на лидирование интересов семьи и дома, для молодых людей они все же менее значимы, а вот построение карьеры, обучение и обеспечение своего материального благосостояния чаще отмечаются по сравнению с оценками всего населения регионов. Наиболее заметна разница в интересах, связанных с обучением и повышением квалификации: для всего населения они на последнем месте и уступают даже культурным интересам, для молодежи исследуемых регионов они находятся на третьем месте после семьи и работы. В целом ценностные ориентации и интересы молодежи продиктованы ее особенностями как социально-демографической группы, в молодом возрасте получают образование и профессию, стоят карьеру, стремятся к высоким заработкам. Также виден ряд уже ранее доказанных частных характеристик регионов: вновь подтверждается более высокая важность профессиональной реализации для молодежи всех регионов и образования в Мурманской, Новгородской областях и Республике Карелия.

Обобщая полученные результаты, стоит отметить следующие результаты:

- социокультурные характеристики молодых людей имеют характерные отличия в сравнении с другими возрастными группами населения;
- для исследуемых регионов подтверждается наличие у молодежи трех уровней территориальной идентичности, наиболее близки жители всех регионов с тем, с кем живут в одном населенном пункте (поселенческая), затем следует идентичность с жителями региона и жителями других мест. Наибольшая выраженность поселенческой и региональной идентичности характерна для жителей региона-эксклава – Калининградской области. Окруженность европейскими государствами, удаленность от основной территории страны, а также то, что все жители региона когда-то

- приехали осваивать его, влияет на их желание объединяться и более остро чувствовать свою принадлежность к сообществу;
- молодые люди более рефлексивны, их уровень притязаний высок, они реже отмечают полную удовлетворенность местом своего проживания, что чаще выражается в желании сменить место жительства;
 - удовлетворенность положением дел в регионе напрямую связана с миграционными настроениями молодежи и ее уверенностью в будущем. Подтверждает себя вывод о более высокой территориальной мобильности молодых людей, они намного чаще отмечают, что готовы не только к внутрирегиональным перемещениям, но и к тому, чтобы покинуть страну. Более всего это выражено для жителей приграничных территорий. Так, в Мурманской области и Республики Карелия чаще высказывают негативные оценки места своего проживания, неуверенности в своем будущем и имеют больше желающих переехать (44 и 26%). К тому же 21% молодых людей в Мурманской области готовы переехать за границу, а в Республике Карелия — 19% в другие регионы России. Вместе с тем жители Калининградской области, также приграничной, молодые люди по большей части удовлетворены своей жизнью в регионе (80% положительных оценок), более 70% не испытывают чувства тревоги по поводу перспектив своей жизни и имеют менее выраженное желание переехать (5%);
 - ценностная структура молодых людей диктуется особенностями их жизни, вполне логично ими более высоко ценится работа, карьера, образование и повышение квалификации, это отражается и в основных интересах. На этом этапе жизни важно найти свое место в жизни и самореализоваться в профессиональной деятельности. Ценностное поле молодых людей более подвижно и разнообразно, находят себя и внутрирегиональные различия. Так, молодежь приграничных территорий Мурманской области и Республики Карелия выше представителей других регионов ценит работу и карьеру, образование, смещая ценность материнства и отцовства. Их желание переехать из региона может быть связано как раз с необходимостью получения образования и в дальнейшем достойного места работы. Более высокая потребность в профессиональной самореализации жителей этих регионов косвенно подтверждается более значительной заинтересованностью в получении «приличного» заработка и более раннего выхода на пенсию, что законодательно предусмотрено для северных территорий.

Проведенное исследование позволило определить некоторые особенности социокультурных характеристик молодежи исследуемых регионов Северо-Западного федерального округа. Полученные данные могут дополнить информационную базу для принятия управленческих решений, в том числе формирования молодежной, социально-экономической и миграционной политики в регионах. В частности, документы могут учитывать перспективные для развития аспекты социокультурного образа молодежи региона, такие как

территориальная идентичность, представления о будущем, миграционные настроения, ценностные ориентации, рефлексивность на внутренние проблемы региона, и включать шаги по нивелированию проблемных точек.

Источники

1. *Гаджиев Ю. А.* Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития. — URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-1/1/1.htm> (дата обращения: 18.09.2019).
2. *Ильин В. А., Ускова Т. В.* Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // Федерализм. — 2012. — № 3. — С. 3–18.
3. *Зубаревич Н. В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. — 3-е изд. — М.: ЛКИ, 2007. — 264 с.
4. *Минакир П. А.* Мифы и реальность пространственных экономических диспропорций // Федерализм. — 2011. — № 1. — С. 43–56.
5. *Арсентьева Н. М., Харченко И. И.* Противоречия формирования человеческого потенциала в регионе в контексте модернизации системы профессионального образования // Регион: экономика и социология. — 2016. — № 1. — С. 159–181.
6. Молодежь России / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зорская. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. — 96 с.
7. Молодежь России: социологический портрет. — 2-е изд., доп. и испр. — М.: Ин-т социологии РАН, 2010. — 592 с.
8. *Иванова М. Н.* Социокультурный портрет молодежи Чувашии (региональные особенности) // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2012. — № 3. — С. 181.
9. Современная молодежь: представления о действительности и социокультурные механизмы самоорганизации и самоопределения // Россия реформирующаяся: Ежегодник. — 2010. — Вып. 9. — М.: Новый Хронограф, 2010. — С. 226–243.
10. *Пасовец Ю. М.* К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // Социологические исследования. — 2010. — № 3. — С. 101–106.
11. *Груздева М. А., Калачикова О. Н.* Современная молодежь: штрихи к социокультурному портрету // СОТИС — Социальные технологии, исследования. — 2018. — № 3 (89). — С. 33–46.
12. *Латин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). — М.: ИФ РАН, 2010. — 136 с.
13. *Задорин И. В.* Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Политика. — 2018. — № 2. — С. 102–136.

УДК 316.423.2

DOI: 10.25990/hse.conf-15.vtfa-cf16

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУПП)

В. В. Гутенева

Курский государственный университет,
студент факультета философии и социологии, г. Курск

E-mail: vera.guteneva@yandex.ru

Е. А. Когай

Курский государственный университет, г. Курск

E-mail: eakogay@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

Аннотация. Проблемы российской молодежи, проявляемые сегодня и отслеживаемые на перспективу, являются проблемами всего общества в целом. В статье предпринята попытка воссоздать представления студенческой молодежи о будущем развитии регионов Центрального Черноземья. Эмпирической базой исследования стали две фокус-группы, проведенные в г. Курске и г. Белгороде. Проблемы развития регионов, поиски путей их решения, выявление приоритетов социально-экономического развития и ряд других вопросов вызвали неподдельный интерес молодежной аудитории, наводили на серьезные размышления.

Ключевые слова: регионы Центрального Черноземья, студенческая молодежь, будущее, социальные проблемы, приоритеты развития.

PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE PERCEPTIONS OF STUDENTS (BASED ON FOCUS GROUPS MATERIALS)

V. V. Guteneva

Kursk state University,
student of the Faculty of philosophy and sociology, Kursk

E-mail: vera.guteneva@yandex.ru

E. A. Kogay

Kursk State University, Kursk

E-mail: eakogay@mail.ru

Abstract. The problems of the Russian youth, manifested today and monitored in the future, are the problems of the whole society. The article attempts to recreate the ideas of students about the future development of the regions of the Central Black Earth Region. The empirical base of the study was two focus groups conducted in Kursk and Belgorod. The problems of regional development, the search for ways to solve them, the identification of priorities for socio-economic development and a number of other issues aroused genuine interest of the youth audience, led to serious reflection.

Key words: Central Black Earth regions, students, future, social issues, development priorities.

Будущее — весомая ценность для человека и человечества, включающая потенциал и надежды; в будущем человек может увидеть еще не реализованный, а лишь задуманный проект; будущее позволяет надеяться на позитивные качественные изменения как общественного устройства, так и самого человека. Представление будущего — это, прежде всего, то, что напрямую вытекает из проблем настоящего, а также из того, что люди не успели решить в прошлом. Именно поэтому социологические исследования будущего развития крайне востребованы, так как без них прогнозы будущего могут оказаться несостоятельными. Чтоб разработать основания исследования «будущего», недостаточно проводить мониторинг общественного мнения в целом, важно проводить наблюдения за тем, что происходит, отслеживать, какие позиции высказывают те или иные социальные группы. Среди этих групп особое место следует отвести молодежи.

Проблемы российской молодежи, проявляемые сегодня и отслеживаемые на перспективу, представляют собой, по сути, проблемы не только современного молодого поколения, но и всего общества в целом. От решения этих проблем зависит не только сегодняшний, но и завтрашний день нашего общества. Жизненные установки сегодняшней молодежи в значительной мере определяют образ нашего «завтра».

Отметим, что концепт «будущее» занимает особое место в ряде научных дисциплин — философии, социологии, психологии, а также собственно социальном прогнозировании, проектировании и форсайте.

Исследователи различают будущее в физическом смысле и социологическом. Под *будущим* в физическом смысле понимают временной промежуток, который следует за промежутком, считающимся настоящим. То есть будущее — это часть линии времени, события и факты, которые еще не произошли, но произойдут. В социологическом смысле будущее обозначает состояние людей, социальных групп, которое придет на смену их настоящему состоянию. В нашей работе мы в большей мере будем рассматривать будущее в социологическом смысле. И если будущее — это время и события, следующие за настоящим, то можно указать на традиционное различие типов будущего — это ближайшее будущее, непосредственное (25–30 лет); обозримое будущее (70–80 лет) и отдаленное будущее, или фантастическое (свыше 80 лет) [1, с. 17].

Содержательно-логическая связь между представлением о будущем и социальным действием обнаруживается уже в работах К. Маркса, указавшего на роль возрастания производительной силы свободного человека в развитии будущего человечества [2], и М. Вебера, воссоздавшего социологическую связь между картинами мира и типами рациональности и показавшего, как «картины мира» господствуют над поведением человека. Согласно М. Веберу, тип миросозерцания определяет основные параметры действия человека, направленного в будущее. Он полагал, что, хотя интересы индивидов и являются непосредственными импульсами человеческих действий, общее направление исторического развития определяется, в конечном счете, не ими, а идеями, овладевающими людскими умами, крупными идеями, определяющими тип миросозерцания, задающими его основные параметры [3, с. 762].

Будущее всегда связано с переменами. На это выразительно указал О. Тоффлер в своем знаменитом труде «Футуришок». Одной из важных задач общества он считал нахождение способов прийти к согласию с будущим, эффективно адаптироваться к происходящим изменениям. Думать, размышлять, предвосхищать будущее, полагал он, становится для человека одной из первоочередных задач [4].

На важность рассмотрения будущего в контексте гражданской культуры указывает Д. В. Трынов. Он справедливо полагает, что ценность будущего определяется такими вещами, как ясность перспектив; обладание знанием о достижении поставленных целей; умение прогнозировать сценарии развития ситуации; наличие ряда свойственных автономных личности качеств, особо ценимых в обществе данного типа. Данный автор выделяет ряд направлений исследования *представления будущего*: 1) выделение двух уровней образа будущего — уровня социальных перспектив (находит выражение в программах государственного стратегического развития, идеологии, программах развития социальных групп и др.) и уровня личностных перспектив, жизненных стратегий, ценностных ориентаций, ожиданий и т.д. Соответственной важной методологической задачей является установление органической связи между двумя уровнями, построение порядка и способов их взаимодействия; 2) определение возможностей социокультурного подхода в исследовании представления будущего и установление глубинной связи культурных и социальных предпосылок в формировании образа будущего; 3) определение социальных субъектов (а также групп факторов), формирующих представления будущего личности; наконец, 4) определение зон риска при формировании представления будущего, а также определение ценностного значения будущего для личности [5].

К вопросу о представлениях о будущем обращается нидерландский социолог Фред Полак. Он подчеркивает тот факт, что только человек обладает способностью думать об иной реальности, отличающейся от существующей. Он указывает на образный, а не рациональный характер представлений о будущем. Для Полака важна корреляция понятий «образ будущего» — «будущее», так как он считает, что ход истории проектируется настоящими

представлениями о грядущем. Реальность, образ и будущее могут быть рассмотрены в отдельности, однако лишь взятые как единое целое «они обретают смысл» [6]. Тем самым очевидно, что наши субъективные представления о будущем в значительной степени определяют реальный ход событий. Применение в социальном контексте понятия «представление будущего» вызвано стремлением осмыслить не само будущее, а то, как именно оно видится в том или ином настоящем.

Таким образом, будущее — большая ценность для человека и человечества, оно включает в себя его чаяния и надежды; в будущем человек может разглядеть еще не реализованный, а лишь замышляемый проект; будущее позволяет надеяться на позитивные качественные изменения как в рамках социального устройства, так и в рамках жизни отдельного человека. Именно поэтому формирование представления о будущем особенно актуально с точки зрения развития молодого поколения.

С целью воссоздания совокупности представлений студенческой молодежи о будущем развитии регионов Центрального Черноземья нами были проведены два качественных исследования — фокус-группы на тему «Будущее развитие региона в представлениях студенческой молодежи». Первая фокус-группа проводилась в г. Курске — областном центре Курской области. Проведенное качественное социологическое исследование было направлено на изучение общественного мнения жителей Курской области о социально-экономическом развитии региона. В исследовании приняли участие десять человек — студенты, обучающиеся в курских вузах. Состав участников фокус-группы был сбалансирован по полу и возрасту, направлениям подготовки: участники фокус-группы обучаются на разных факультетах и направлениях подготовки университетов, по образовательным программам разного уровня: бакалавриат, магистратура, аспирантура. Вторая фокус-группа была проведена в г. Белгороде — областном центре Белгородской области, в ней также приняли участие десять человек. Из них пять мужчин и пять женщин, диапазон возраста — от 18 до 25 лет. Участниками исследования стали студенты белгородских высших учебных заведений.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что молодые люди имеют довольно четкую картину возможностей и препятствий социально-экономического развития своих регионов, выражают готовность к переменам и к участию в их осуществлении.

Обратимся к аналитической репрезентации результатов проведенных исследований. Прежде всего отметим, что предложенная для разговора тема не оставила равнодушным ни одного из участников проведенных бесед, вызвала оживленные дискуссии. Проблемы развития регионов, поиски путей их решения, выявление приоритетов социально-экономического развития и ряд других вопросов вызвали неподдельный интерес молодежной аудитории, наводили на серьезные размышления.

В Курской области участниками фокус-группы большинством участников были названы следующие приоритеты развития региона: 1) изменения

в кадровом аппарате администрации области в направлениях повышения уровня компетентности и квалификации и постепенного омоложения кадров; 2) решение проблем трудоустройства молодежи, особенно выпускников образовательных организаций высшего образования, усиление связи профиля полученного профессионального образования и работы, снижение уровня безработицы среди молодежи; 3) развитие промышленности в регионе, прежде всего обрабатывающей промышленности, создание новых рабочих мест в сфере промышленного производства; 4) развитие сельских территорий в регионе; 5) развитие транспортной сети в областном центре и регионе, увеличение единиц общественного транспорта по маршрутам, соединяющим новые районы города Курска: пр. Н. Плевицкой, пр. В. Клыкова с другими районами города, ремонт дорог; 6) поддержка общественных организаций со стороны органов власти региона, развитие общественных инициатив; 7) развитие гражданской ответственности инициативы у курян, разработка и реализация программы повышения правовой грамотности у населения, в том числе введение специализированных курсов в программу общеобразовательных школ с применением интересных для школьников методов обучения; 8) обеспечение освещенности и уборки улиц города Курска и районных городов, в частности, города Курчатова; 9) развитие градостроительной политики в регионе; 10) реставрация зданий-памятников культуры, создание исторической зоны в городе Курске с целью формирования привлекательного имиджа города Курска и региона в целом.

По мнению участников, необходимость этих изменений диктуется теми социальными проблемами, которые характерны для Курской области в данный момент. Наиболее актуальными являются такие, как невысокая эффективность управленческих решений; проблемы трудоустройства на работу по профилю полученного образования у выпускников образовательных организаций профессионального образования, отсутствие у многих из них опыта работы, наличие которого требуют многие работодатели; неразвитость транспортной сети в областном центре и регионе; низкое качество работы служб ЖКХ и безответственное отношение курян к вопросу поддержания чистоты в общественных местах и как следствие загрязненные улицы города Курска и других городов региона; недостаток мест в детских садах и школах, прежде всего в новых районах города Курска: на проспектах А. Дериглазова и В. Клыкова; неразвитость гражданской инициативы и правовой грамотности у населения региона и ряд других.

Исходя из заявленных приоритетов развития региона, молодые люди определяют для себя желаемые результаты изменений, а также предлагают возможные варианты решения обозначенных проблем и достижения желаемых результатов в приоритетных направлениях развития. Укажем некоторые из них.

Это, прежде всего, развитие сотрудничества между университетами региона и потенциальными работодателями с целью получения студентами опыта работы и последующего трудоустройства выпускников. В этом направлении,

полагают респонденты, следует активизировать работу самих образовательных организаций высшего образования и расширить полномочия Комитета образования и науки Курской области — посредством развития системы стажировок на предприятиях региона и обмена опытом, в том числе с зарубежными партнерами.

Это также поддержка отдельных отраслей экономики (образования, здравоохранения и др.) и видов деятельности со стороны государства на уровне региона, которая способна привести к созданию новых рабочих мест для молодых специалистов.

Это регулирование спроса и предложения на молодых специалистов на региональном рынке труда, в том числе через развитие системы профориентационной работы среди школьников по повышению привлекательности востребованных в регионе профессий, через повышение престижности среднего профессионального образования в молодежной среде, а также посредством предоставления юношам отсрочки от армии в течение года после завершения среднего общего образования.

Это осуществление ряда мер по обеспечению чистоты и порядка на улицах города: усиление контроля над применением штрафов за административные нарушения, систематическое применение штрафов к тем, кто не соблюдает чистоту; активизация работы коммунальных служб города Курска и муниципалитета; регулярное проведение субботников, в том числе с участием молодежи; развитие гражданской ответственности населения; активизация работы уличкомов в частном секторе города Курска; широкое использование возможностей социальных сетей для популяризации проблем ЖКХ и объединения общественных усилий по их решению.

Как видим, молодые участники проведенного регионального исследования довольно четко определяют круг проблем, с которым сталкиваются сегодня жители региона, довольно прозорливо расставляют приоритеты социально-экономического развития, при этом выражают готовность к воплощению обозначенных ими приоритетов в жизнь.

В Белгородской области участники фокус-группы также обозначили ведущие приоритеты развития региона, причем здесь обнаруживаются как сходства, так и различия с теми сюжетами, что получили развитие в курском исследовании. Укажем сначала отмеченные респондентами ведущие приоритеты социально-экономического развития Белгородской области: 1) это, прежде всего, обращение к экологической проблеме — реконструкция очистных сооружений, решение проблем с очисткой воды; 2) еще одним приоритетом было обозначено решение проблем трудоустройства молодежи, особенно выпускников образовательных организаций высшего образования, усиление связи профиля полученного профессионального образования и работы, снижение уровня безработицы среди молодежи; 3) в качестве приоритета была отмечена также необходимость повышения качества условий жизни людей — создание комфортных условий существования не только для жителей городов, но и для жителей сельских поселений,

проведения дорог в сельской местности; 4) существенное внимание участники фокус-группы уделили решению проблем в здравоохранительной сфере, указав на необходимость оснащения больниц современным оборудованием, а также подбора квалифицированных специалистов; 5) респондентами была обозначена необходимость приведения в соответствие с ценами на товары уровня заработной платы, так как покупательная способность жителей региона остается невысокой; 6) в числе приоритетов оказалась также борьба с бедностью («немало людей живут без средств и условий к существованию»); 7) было указано на важность ротации управленческого аппарата региона, на привлечение молодых кадров к управленческой практике; 8) не остались без внимания молодых респондентов проблемы в научной сфере: участники беседы отметили необходимость создания новых научных центров, а также указали на важность практической реализации научных достижений, их применения в повседневной жизни граждан.

Наиболее важными сферами развития региона были названы экологическая, культура, здравоохранение, образование, сельское хозяйство.

Обратимся к вопросу о том, какие практические шаги предложены участниками беседы в соответствии с приоритетными сферами, а также в рамках реализации национальных проектов на региональном уровне. *Демографическая сфера* является показателем устойчивости развития региона, на нее было обращено особое внимание. Здесь был сделан акцент на важности поддержки трех категорий населения: 1) мигранты — была предложена реализация различных программ поддержки жителей, прибывающих в Белгородскую область из других регионов и стран; 2) жители сел — было рекомендовано создавать комфортные условия жизни на селе, чтобы сельяне не уезжали в города; 3) семейные молодые люди — была обозначена реализации программ по поддержке молодых семей.

Развитие *сферы здравоохранения*, по мнению участников фокус-группы, требует также повышенного внимания. Здесь было предложено осуществлять работу по повышению квалификации медицинских работников, по обновлению оборудования в больницах, по проведению тщательных плановых обследований здоровья населения, а также усилить контроль над образованием студентов-медиков.

Перспективы на будущее в значительной мере связаны с *образованием*. От участников исследования поступили предложения по его развитию для разных возрастных категорий населения: строительство новых детских садов и школ; введение единых, адекватных стандартов в образовательный процесс; замена ЕГЭ на традиционную форму сдачи экзаменов. Ответы свидетельствуют об обеспокоенности молодыми людьми формализацией образовательного процесса, выхолащиванием из него содержательных начал.

Создание комфортной городской среды респонденты представили через строительство новых зон отдыха, особенно для детей, через создание дополнительных парков и скверов.

При проведении фокус-групп как в Курске, так и в Белгороде был задан вопрос о том, на мнение каких социальных групп по вопросу развития региона власти должны обращать внимание в большей мере. Молодежная аудитория единодушно на первое место поставила именно свою возрастную группу: «Мне кажется, власти должны уделять больше внимание молодежи, так как на нас будет держаться все будущее страны» (Иван). «Конечно, на мнение молодежи, ведь именно от них сейчас идет вся инициатива» (Мария). А на вопрос: «Готовы ли Вы сами помогать решать задачи развития региона?» практически все участники заверили, что они готовы оказывать органам власти необходимую помощь и поддержку.

Таким образом, на основании проведенных социологических исследований можно сделать вывод о том, что молодежная аудитория довольно отчетливо выражает спрос на перемены. Более того, она сама готова эти перемены инициировать, вступать в диалог с представителями власти, поднимая проблемы и предлагая варианты их разрешения. Исследование также показало, что оценка ближайших своих перспектив молодыми людьми является далеко не безоблачной. Отсутствие позитивных изменений, непрозрачность каналов вертикальной мобильности, низкий уровень зарплат, неблагоприятная ситуация в сфере здравоохранения, сложная ситуация с достойно оплачиваемыми рабочими местами, скрытая безработица и др. — этот далеко не полный перечень проблем затрудняет осуществление планирования ближайшего и отдаленного будущего молодых жителей регионов, не позволяет им оптимистично оценивать завтрашний день. В этой ситуации крайне важно четко выстроить стратегические приоритеты регионального развития и максимально вовлечь в их реализацию молодое поколение.

Источники

1. Образ будущего в оценках нового поколения россиян / В. В. Гаврилюк, Л. Л. Мехришвили, Н. И. Скок, Х. Н. Садыкова, Ш. Ф. Фарахутдинов, В. В. Маленков, Т. В. Гаврилюк, О. Л. Сотков, И. Н. Голиков. — Тюмень, 2016. — 166 с.
2. Маркс К. Избранные произведения : в 3 т. — Т. 1. — М. : Политиздат, 1980.
3. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
4. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. — М. : АСТ, 2002. — 557 с.
5. Трынов Д. В. Методологические аспекты исследования образа будущего в контексте становления гражданской культуры // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса. — М. : РОС, 2012. — С. 134–139.
6. Полак Ф. Образ будущего // Мир нашего завтра: Антология современной классической пророческой. — М. : Эксмо, 2003. — С. 208–221.

УДК: 394.014

DOI: 10.25990/hse.conf-15.xsxh-n304

**ГРАНТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ
КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБРАЗА ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ РАЙОНОВ
БЛИЖНЕГО СЕВЕРА РОССИИ)**

М. А. Проходская

Институт социальной политики НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург

E-mail: panderlogus@mail.ru

*Руководитель: д-р биол. наук Л. М. Баскин, при участии Н. Е. Покровского,
С. Н. Смирнова, У. Г. Николаевой и др. (2019–2020 гг.).*

*Статья подготовлена при поддержке: исследовательского гранта РФФ
№ 19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации
образа жизни и социального развития современных сельских сообществ
в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)».*

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты инновационной деятельности молодежи локальных сообществ, действующих на территории Ближнего Севера. Анализируется степень вовлеченности молодежи в грантовую деятельность. Показана перспектива реализации инновационной деятельности молодежи как фактора формирования креативных индустрий в локальных сообществах. Отмечается недостаточность подобной деятельности для преодоления деструктивных процессов в текущей социально-экономической ситуации.

Ключевые слова: молодежь, инновационная деятельность, грантовая деятельность, региональный аспект.

**GRANT ACTIVITY OF YOUTH AS AN INNOVATIVE
FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF LIFESTYLE
AND SOCIAL DEVELOPMENT OF RURAL COMMUNITIES
(ON THE EXAMPLE OF THE REGIONS OF
THE NEAR NORTH OF RUSSIA)**

M. A. Prokhodskaya

Institute for Social Policy, Higher School of Economics, St. Petersburg

E-mail: panderlogus@mail.ru

Abstract. The article presents the aspects of innovative activity of the youth of local communities operating in the Middle North. The degree of youth involvement in grant activities is analyzed. An indicator of the prospects for the implementation of innovative activities of youth as a factor in the formation

of creative industries in local communities. There is a lack of such activities to overcome the destructive processes in existing socio-economic situations.

Key words: youth, innovative activity, grant activity, regional aspect.

Молодежь является основой воспроизводства населения, ведущей причиной его территориального перераспределения. Сокращение численности молодежи на определенной территории ведет к сокращению рождаемости и росту смертности населения. В последнее время во многих регионах сложилась устойчивая депопуляция, к их числу относятся и регионы, входящие в концептуальное понятие «Ближний Север» (Республика Карелия и Вологодская область) [14]. Также к Ближнему Северу относится территория Северного Нечерноземья, включающая Новгородскую, Костромскую и Кировскую области, Архангельскую область, восток Ленинградской области, север Тверской, Ярославской и Нижегородской областей [1, с. 16].

Усиливающаяся тенденция сокращения численности населения в регионах Ближнего Севера подтверждается данными государственной статистики на 2018 г.: в девяти из десяти вышеназванных регионов происходит убыль населения: Костромская область — миграционный отток составил 2777 человек [Костромстат], Новгородская область — 1932 [16], Вологодская — 973 [17], Кировская — 2539 [18], Республика Карелия — 1320 [19], Архангельская — 7093 (включая Ненецкий автономный округ) [20], Тверская — 1927 [Тверстат] и Нижегородская — 602 [21].

Как правило, снижение миграционного прироста связано с увеличением числа выбывших мигрантов, вместе с тем, как ранее показало исследование «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», сокращение населения в последние двадцать лет шло быстрее, чем в других регионах Европейской части страны. В 1989–2002 гг. население Центрального округа увеличилось на 0,2%, Южного — на 11,6%, Приволжского — уменьшилось на 2%, в то время как население регионов Европейского Севера сократилось на 6–15%. В следующий межпереписной период население Центрального округа увеличилось на 0,8%, Южного (без Северо-Кавказского) — уменьшилось на 1,1%, Приволжского — на 4,5%, тогда как население регионов Европейского Севера уменьшилось на 6–13% [цит. по: 1, с. 130].

Предметом рассмотрения некоторых аспектов социальной политики в данной статье является Костромская область. Данный регион обладает устойчивой тенденцией сокращения населения, с усилением депопуляции в 1990-х гг., по темпам обгоняя многие регионы Дальнего Востока и Сибири. В настоящее время в Костромской области каждое третье село осталось без жителей. Это существенно больше, чем где-либо в России. «Тяжесть» демографической ситуации распределяется по территории Костромской области неравномерно. За этой неравномерностью стоит неоднородность социального и экономического положения муниципальных образований. К благополучным, по областным меркам, районам относятся Кострома, ee

пригороды и городские округа, за исключением Мантурово. Наиболее сложная демографическая ситуация сложилась в большинстве сельских районов, где у жителей нет полноценной по содержанию и заработкам работы, процветает бедность, остановилось сельскохозяйственное производство и лесопромышленный комплекс. Здесь население сокращается особенно быстро: за последние восемь лет — на четверть. В целом демографическая ситуация остается трудная. Позитивные изменения в смертности и здоровье населения происходят медленно [1, с. 119].

Социально-экономическую обстановку региона можно охарактеризовать как депрессивную, а по оценкам У. Г. Николаевой, М. Б. Денисенко, «если современная демографическая ситуация радикально не изменится и перенесется в будущее, то в 2030 г. в Костромской области будет жить 500 тыс. человек, из которых более 30 % составят люди в возрасте от 60 лет и старше» [1, с. 120].

Действительно, в доле населения происходит резкое сокращение молодежи, по имеющимся на текущий момент статистическим данным на портале за 2015 г., численность молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в Костромской области составила: 120 802 человек, что составляет 18% от всей численности населения региона. Тогда как еще в 2012 г. численность молодежи была 136 836 и составляла пятую часть от численности населения. Преобладает доля молодежи, проживающей в городе — 91 542 человек (75,7%) и 29 260 человек живет в сельской местности. Высшее образование имеет лишь десятая часть от всей молодежи Костромской области — 16 542 человек [22].

В свою очередь, отток молодежи ведет к существенному изменению структуры населения. Что еще в большей степени сказывается на дальнейшем ухудшении социально-экономического положения региона. Возникает запрос на улучшение условий жизни, воспроизводство социальной инфраструктуры, создание рабочих мест и стимулов для личностного и социально-экономического развития молодежи как предпосылок уменьшения убыли населения.

В мае 2019 г. Постановлением Правительства РФ была принята государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» (далее — Программа) со сроком реализации 2020–2025 годы. Основными целями Программы является сохранение доли сельского населения в общей численности населения России на уровне не менее 25,3%, достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%, повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 50% около 2,3 трлн руб., в том числе за счет федерального бюджета — 1 трлн руб. [2]. Возникает предположение, что меры данной Программы могут улучшить сложившуюся ситуацию.

В рамках Программы планируется активизация участия граждан, проживающих в сельской местности, в реализации общественно значимых проектов и формирование позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни.

Заместитель председателя Комиссии Общественной палаты РФ по развитию агропромышленного комплекса и сельских территорий Ю. Оглоблина высказалась о необходимости формирования новых стандартов качества жизни на сельских территориях, реализации инициативных проектов комплексного развития территорий, введении льготной сельской ипотеки и выработки мер поддержки для развития кадрового потенциала села.

Рост частных и государственных инвестиций для достижения целей социального развития является тенденцией в современных развитых и развивающихся государствах. Российская Федерация не стала исключением. Возрастает роль некоммерческих организаций, благотворительных организаций, частных инициатив в воспроизводстве инновационных социальных практик, удовлетворяющих ряд потребностей населения местных сообществ. Что в обозначенной выше ситуации положительно сказывается на перспективах развития данных форм активности.

Опыт социально-экономического развития локальных сообществ средствами федеральной грантовой поддержке рассматривался еще М. Rich в 90-х гг. прошлого века [10]. Ученый продемонстрировал, что распределение грантов в локальных сообществах (с населением 50 000 человек и более), направленных на удовлетворение потребностей, предполагают большую адресность. И, что более актуально для текущего социально-экономического положения, М. Rich выяснил, что, несмотря на ухудшение экономической ситуации, рост уровня абсолютной и относительной бедности, выделение грантов, ведущее к перераспределению финансирования, не ухудшает качества жизни населения. Федеральные грантовые программы оказали огромное влияние в сокращении тяжелого положения людей с низкими доходами [11, с. 126].

Рассмотрим некоторые аспекты реализации молодежной политики в Костромской области, основными направлениями реализации которой являются: добровольчество (финансирование на 2015 г. включало 43 млн руб. и 13 325 привлеченных участников), духовно-нравственное воспитание (финансирование в 2015 г. составило 200 тыс. руб., было привлечено 20 000 участников), патриотическое воспитание (финансирование составило 3187 млн руб., было привлечено 80 000 человек), здоровый образ жизни (90 тыс. руб., 7000 человек), самоуправление (50 млн руб. и 300 человек), молодежные медиа (400 тыс. руб. и 145 955 человек). Анализ затрат на отрасль демонстрирует ограниченность внутренних источников финансирования. Вместе с тем в текущем году администрация Костромской области объявила конкурс для муниципальных районов и городских округов на право получения субсидий из областного бюджета на реализацию муниципальных программ поддержки социально ориентированных НКО.

Ежегодно увеличивается количество принимающих участие в добровольческих мероприятиях на региональном уровне (380 человек в 2013 г., 465 человек в 2014 г. и 489 человек в 2015 г.) и всероссийском (3897 человек в 2013 г., 5146 участников в 2014 г., 5398 участников в 2015 г.). Также в Костромской

области создан региональный реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой, куда входят 15 молодежных общественных организаций.

В регионе реализуется ряд флагманских проектов для молодежи: «Все дома», осуществляющий общественный контроль над организациями, обслуживающими многоквартирные дома, и идею добрососедства; проект «Студенческое самоуправление», представляющий интересы студенчества, проект «Команда Арт-Профи», развивающий инновационную деятельность учащейся молодежи; проект «Наша общая победа», формирующий виде-архив воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны; проект «Юный разведчик», формирующий патриотизм, и экологический проект «ЭКА — зеленое движение России».

Популярным среди молодежи является всероссийский конкурс грантовых проектов «Молодежь России». Участники от 14 до 30 лет могут получить поддержку до 1 млн руб. на реализацию своей идеи. Всероссийский конкурс молодежных проектов для физических лиц проходит по девяти направлениям, каждое из которых включает себя поднаправление.

Автор данной статьи, имея опыт работы в качестве федерального эксперта оценки грантовых заявок Росмолодежь, проанализировал проекты-победители с марта 2018 г. по июнь 2019-го. Было выявлено, что из 2854 победителей 220 проектов принадлежат лицам, проживающим на территориях Ближнего Севера. Лидерами по числу успешных проектов являются Архангельская область — 52 проекта-победителя, Ленинградская область — 37, Республика Карелия — 28, Вологодская область — 21.

В Костромской области за 2018–2019 гг. победителями стали всего семь проектов: «Кострома кинематографическая», «Пространство для путешественников «У напарников», «Кибердружина Костромской области», «География добра», «Школа волонтеров», «Welcome Day», «Добрый пластик». Подобный «неуспех» может определять два фактора: 1) низкую вовлеченность молодежи, 2) отсутствие информационной поддержки по составлению грантовых заявок, заполнение которых предполагает глубокое вовлечение в проектную деятельность.

О последнем из предположений свидетельствует и следующий факт. В 2019 г. от Костромской области было подано 304 заявки на всероссийский конкурс «Доброволец России», из них только шесть волонтерских проектов вышли в полуфинал. Среди них есть проекты, направленные на создание или развитие медийного инфраструктуры (проект «Виртуальный школьный краеведческий музей», «Детская киностудия “Компот”», теле-кафе «Вкус детства»), и волонтерской деятельности («Новые тимуровцы», «По зову сердца»). Стоит отметить, что большинство проектов, реализуемых на территории Костромской области, связаны с IT-технологиями, волонтерской деятельностью и созданием медиапространств.

Большинство поддержанных проектов предполагают реализацию в региональном центре, в местах концентрации молодежи. Таким образом, активная

молодежь оформляет сообщества в университетской среде в региональных центрах, вымывая из периферии остатки потенциальных инвестиций.

Для написания данной статьи применялись качественные методы эмпирического исследования: сбор статистической информации, анализ документов, нормативно-правовых актов, медиаресурсов местных сообществ, включенное наблюдение. Проанализированы кейсы победителей всероссийских грантовых конкурсов.

Анализ отрасли молодежной политики, возрастание активности благотворительных фондов показал, что несмотря на нестабильное социально-экономическое положение и предполагаемую в 2019–2021 гг. экономическую рецессию, финансирование грантовых программ, в том числе для молодежи, Правительство сокращать не планирует. Увеличивается количество программ благотворительных фондов, оказывающих поддержку локальным сообществам (фонд Михаила Прохорова, фонд Тимченко и др.).

В последнее время наблюдается тенденция к росту федеральных расходов на финансирование грантовых конкурсов для молодежи (если в 2017 г. победителями конкурса, проводимых Росмолодежью, становилось порядка 200–500 человек, то в 2018 г. численность победителей возросла в два раза). Вместе с тем грантовая поддержка молодежных проектов не предполагает создания рабочих мест, не способствует росту региональной экономики и не является достаточным фундаментом для комплексного развития территории и поддержания ее устойчивости. Проектная деятельность, осуществляемая «в условиях сжатости социального пространства и ограниченности ресурсов» [23, с. 130], не становится основанием для устойчивого развития и преодоления возрастающих социальных и экономических противоречий.

Таким образом, социальные инициативы молодежи становятся не столько фактором привлечения инвестиций, но сильным основанием для солидаризации местного сообщества. Это ведет к появлению новых форм досуговой деятельности, а социальные инициативы позволяют удовлетворить ряд потребностей различных социальных групп (дети, многодетные семьи, пожилые люди, инвалиды и т.д.). Происходит оформление инновационной деятельности молодежи как фактора формирования креативных индустрий в локальных сообществах. Молодежные группы создают событийность, привлекающую новые ресурсы и людей. Конструируются новые формы взаимодействий между местным сообществом и органами федеральной и региональной власти.

Источники

1. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта: монография / сост. и под ред. Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. — М.: Логос, 2014. — 200 с.
2. Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие

- сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZAw0FaFjnA79v.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
3. Приказ № 230 от 10.07.2019 г. «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди образовательных организаций высшего образования (за исключением казенных учреждений) и физических лиц в 2019 году» [Электронный ресурс]. — URL: <http://grant.myrosmol.ru/winners-and-reporting/> (дата обращения: 20.09.2019).
 4. Приказ № 182 от 11.06.2019 г. «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди физических лиц в 2019 году» [Электронный ресурс]. — URL: <http://grant.myrosmol.ru/winners-and-reporting/> (дата обращения: 20.09.2019).
 5. Приказ № 36 от 09.02.2018 г. «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди физических лиц в 2018 году» [Электронный ресурс]. — URL: <http://grant.myrosmol.ru/winners-and-reporting/> (дата обращения: 20.09.2019).
 6. Приказ № 63 от 12.03.2018 г. «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди молодежных коллективов в 2018 году» [Электронный ресурс]. — URL: <http://grant.myrosmol.ru/winners-and-reporting/> (дата обращения: 20.09.2019).
 7. Приказ № 87 от 26.03.2018 г. «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов “Творческие инициативы молодежи в 2018 году”» [Электронный ресурс]. — URL: <http://grant.myrosmol.ru/winners-and-reporting/> (дата обращения: 20.09.2019).
 8. Приказ № 113 от 23.04.2018 г. «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди молодежных и детских общественных объединений в 2018 году» [Электронный ресурс]. — URL: <http://grant.myrosmol.ru/winners-and-reporting/> (дата обращения: 20.09.2019).
 9. Приказ № 234 от 06.09.2018 г. «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди физических лиц в 2018 году» [Электронный ресурс]. — URL: <http://grant.myrosmol.ru/winners-and-reporting/> (дата обращения: 20.09.2019).
 10. Rich J. M. Targeting Federal Grants: The Community Development Experience, 1950–1986 [Electronic Resource] // The Journal of Federalism. — 1991. — Vol. 21, Iss. 1. — P. 29–49. — URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a037925> (дата обращения: 18.09.2019).
 11. Handley D. M. Strengthening the Intergovernmental Grant System: Long-Term Lessons for the Federal – Local Relationship. Essays on Regional Government and Intergovernmental Relations // Public Administration Review. — 2008. — January-February. — P. 126–136.
 12. Federal Grants to State and Local Governments: A Historical Perspective on Contemporary Issues // Congressional Research Servic. — Updated May 22, 2019.
 13. Hoffman A. The Past, Present, and Future of Community Development in the United State // Investing in What Works for America’s Communities. — 2012. — P. 10–54.
 14. Калущков В. Ландшафт в культурной географии. — М. : Новый хронограф, 2008.
 15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Костромской области [сайт]. — URL: <http://kostroma.gks.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
 16. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новгородской области [сайт]. — URL: <http://novgorodstat.gks.ru> (дата обращения: 01.07.2019).

17. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [сайт]. — URL: <http://volgdatastat.gks.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
18. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области [сайт]. — URL: <http://kirovstat.gks.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
19. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия [сайт]. — URL: <http://krl.gks.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
20. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу [сайт]. — URL: <http://arhangelskstat.gks.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
21. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области [сайт]. — URL: <http://nizhstat.gks.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
22. Статистические данные для оценки эффективности реализации государственной молодежной политики в Костромской области по состоянию на 2015. — URL: <http://kdm44.ru/pages/statistika-kdm.html> (дата обращения: 01.07.2019).
23. Чернега А. А. Роль местных жителей в социальном конструировании туристических достопримечательностей малых городов России // ЭКО. — 2016. — № 5. — С. 120–133.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

А. В. Хорошилова

Курский государственный университет, г. Курск

E-mail: nastyaa2195@yandex.ru

Научный руководитель: Е. А. Когай, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Курского государственного университета (г. Курск)

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

Аннотация. В статье поднимается проблема раскрытия инновационного потенциала молодежи регионов Центрального Черноземья. Рассматриваются существующие программы поддержки и вовлечения молодежной группы населения в инновационную деятельность. Автор приходит к выводу, что, несмотря на многообразие существующих программ по поддержке инновационной активности молодежи, она продолжает оставаться на довольно низком уровне. Решение проблемы видится в создании системы регулирования инновационной активности молодежи, широком привлечении молодых людей к социокультурному проектированию.

Ключевые слова: молодежь, инновации, потенциал, молодежный потенциал, молодежная политика, Центральное Черноземье.

INNOVATION POTENTIAL OF YOUTH IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGIONS

A. V. Khoroshilova

Kursk State University, Kursk

E-mail: nastyaa2195@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of disclosure of innovative potential of youth of the Central Black Earth Region. The existing programs of support and involvement of youth population in innovative activity are considered. The author comes to the conclusion that, despite the variety of existing programs to support the innovative activity of young people, it continues to be at a fairly low level. The solution of the problem is seen in the creation of a system of regulation of innovative activity of young people, the broad involvement of young people in social and cultural design.

Key words: youth, innovations, potential, youth potential, youth policy, the Central Black Earth Region.

С уверенностью можно сказать, что Россия сегодня переходит на инновационный путь развития, и непрерывное обновление технологической и технической базы производства, освоение и выпуск новой продукции, повышение конкурентоспособности возможно только благодаря инновациям и инновационной деятельности возможно. В инновационной системе как России, так и Центрального Черноземья в частности, молодые ученые являются одним из важнейших звеньев. Молодежь в современной политике играет роль главного носителя идеологии, стратегического ресурса, а также источника инноваций. В связи с этим молодежная политика регионов Центрального Черноземья должна основываться именно на таком подходе к роли молодежи в развитии макрорегиона и страны в целом.

Согласно определению В. Н. Лупандина, «...молодежный потенциал — возможность и способность различных групп молодежи выполнять всю совокупность социально-профессиональных ролей и функций в данном обществе» [1, с. 70]. В развитых странах в наши дни инновационный потенциал молодежи относят к наиболее важным ресурсам культурного и социального развития. Важно отметить, что важным пунктом в оценке эффективности государственной молодежной политики является успешная реализация инновационного потенциала молодежи.

Согласно мнению современных исследователей, мировая и российская практика последние десятилетия показывает, что выделение молодежной политики как отдельной отрасли государственной деятельности вовсе не имело бы достаточных оснований, если бы не активизировало инновационный потенциал молодежи, адекватный существующей социальной действительности [2]. Молодежь проще ассоциировать с инновациями по той причине, что именно новому поколению проще придумать что-то новое, нежели искать ответы в прошлом. Знания, усвоенные ранее, не сбивают ее с пути, по непротопанным тропам ей легче идти.

Учитывая все вышесказанное, все больший интерес представляет инновационная деятельность молодежи регионов Центрального Черноземья. Объективной необходимостью является исследование условий наращивания и повышения эффективности инновационной деятельности, особенно ее молодежной составляющей. В связи с этим рассмотрим следующие вопросы: какие программы поддержки и центры инновационного творчества существуют в регионах Центрального Черноземья? Как они влияют на инновационный потенциал молодежи? В качестве методологической базы используем контент-анализ, анализ документов, вторичный анализ данных полевых социологических исследований.

Липецкая область является экономически притягательным регионом по совокупности политических, научно-технических и производственных ресурсов, как и другие регионы Центрального Черноземья. В качестве сильных сторон региона отмечено внедрение *инновационных* форм социального обслуживания граждан на дому в области социальной защиты населения, высокий уровень внедрения *технологических инноваций* в развитии промышленности.

Важно отметить, что уровень *инновационной активности* предприятий в данном регионе ежегодно колеблется, в последние годы он снижается, но остается самым высоким в ЦФО (в 2014 г. удельный вес инновационных предприятий составил 18,6 %, в 2015 г. — 20 %, 2016 г. — 19,2 %, 2017 г. — 18,5 %). Для сравнения, по ЦФО в 2017 г. средний уровень инновационной активности предприятий составлял 9,9 % [3, с. 899]. В действующей стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 г. планируется увеличить эту цифру до 26 % [4]. Ограничения инновационного развития региона проявляются в недостаточном уровне внедрения научных инновационных разработок в агропромышленный и энергетический комплексы.

Инновационная деятельность в данном регионе осуществляется в рамках реализации подпрограммы «Развитие инновационной деятельности в Липецкой области на 2014–2020 годы» государственной программы «Модернизация и инновационное развитие экономики Липецкой области». Молодежь в ней упоминается 40 раз. В большей мере эти упоминания затрагивают деятельность центров инновационного молодежного творчества и вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность. Инновационная инфраструктура Липецкой области в последние годы была расширена. Это было достигнуто благодаря тому, что с целью повысить заинтересованность молодых людей в инновациях и новейших технических разработках на различном производстве были созданы центры молодежного инновационного творчества. На данный момент мы можем отметить пять центров, занимающихся развитием инновационного творчества молодежи в регионе: «Технополис» «Концепт» в Липецке, «Новатор», «Новый горизонт» в Чаплыгине и Елецкий «Pro-арт».

В 2016 г. организация работы ЦМИТ «Pro-арт», созданного на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина», согласно результатам анализа деятельности научно-технических практико-ориентированных клубов творческого развития студентов и школьников, в сфере профессиональной подготовки на инженерных направлениях среди организаций высшего образования России, стала одной из лучших практик.

Также в декабре 2018 г. между администрацией города Липецка и Фондом «Сколково» было подписано соглашение о сотрудничестве и взаимодействии. Это партнерство позволит координировать меры государственной и муниципальной поддержки инновационной деятельности, привлекать талантливую липецкую молодежь к участию в реализации проектов «Сколково», а также создавать условия для внедрения инноваций в различных сферах городского хозяйства.

Белгородская область является регионом с динамичным индустриально-аграрным характером развития. В области создаются предпосылки для интеграции малого бизнеса в *инновационную среду*. Важным элементом инфраструктуры развития инновационного малого бизнеса становится областное государственное учреждение «Белгородский региональный ресурсный инновационный центр», обеспечивающий поддержку инновационной деятельности малых предприятий, развитие кадрового потенциала на

условиях софинансирования из средств областного и федерального бюджетов. В то же время в регионе отмечается низкая *инновационная активность* предприятий. Для решения этой проблемы предполагается повысить уровень инновационной активности предприятий за счет ускоренного развития инновационной инфраструктуры (технопарки, технополисы, бизнес-инкубаторы, промышленные парки) [5]. Отметим, что после 2012 г. отмечается некоторый рост инновационных предприятий в регионе — в 2012 г. их удельный вес среди всех организаций составлял 9,2%, он ежегодно рос, к 2017 г. он достиг 14,8%.

Переход экономики Белгородской области на инновационный путь является целью «Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года». В данном документе молодежь упоминается 173 раза. Документ затрагивает улучшение качества жизни молодежи, участие молодежи в реализации приоритетных национальных проектов, поддержку молодых ученых, развитие кадрового потенциала молодежи, совершенствование молодежного самоуправления и т.д. Сегодня в регионе существует шесть центров молодежного инновационного творчества: «Кластер», «Метаморфоза», «СТАРТ», детские технопарки «Кванториум» и BelRobot, инженеринговая школа НИУ «БелГУ».

Правительство области совместно с Фондом содействия инновациям, для того, чтобы поддержать молодых ученых и малые инновационные предприятия, занимается целенаправленной работой по поддержке проектов малых инновационных предприятий, а также идей талантливых молодых ученых. Занимаясь финансированием разработок на самых ранних стадиях развития, данный фонд является уникальным институтом развития. Чтобы стать участником конкурсного отбора по программе «УМНИК», достаточно иметь идею, план проведения НИОКР и модель продвижения. В случае победы молодой участник получит грантовую поддержку в размере 500 тыс. руб. сроком на два года. Уже после этого, через программу «СТАРТ» уже малому инновационному предприятию на посевной стадии будет оказываться поддержка с финансированием в 5 млн руб. два года. Следующим шагом в содействии и коммерциализации разработок будет участие в программах «БИЗНЕС-СТАРТ», «РАЗВИТИЕ» и «КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ». Перечисленные программы являются основными в Фонде содействия инновациям, которые, впрочем, применяются и в других регионах Центрального Черноземья [6].

Однако, несмотря на существующие программы поддержки инновационных инициатив молодежи, молодежная политика региона все же сопряжена с определенными проблемами. Например, нормативно-законодательная база проработана в недостаточной мере, если речь идет о сфере поддержки молодежи государством; на низком уровне находится заинтересованность молодежи в научной и творческой, инновационной деятельности; проекты молодых людей финансируют в недостаточной мере как предприниматели, так и само государство; потенциал кадров в структурах молодежной политики находится также на низком уровне [5].

Орловская область — регион аграрно-промышленного характера, он имеет необходимую сырьевую базу, трудовые ресурсы для развития агропромышленных кластеров. В 2017 г. здесь созданы Бизнес-парк как структурное подразделение Орловского государственного университета и региональная площадка вовлечения населения в предпринимательскую и инновационную деятельность. В 2017 г. внутренние затраты на научные исследования и разработки в регионе составили 976,4 млн руб., что соответствует лишь 14-му месту из 18 по объемам затрат в ЦФО. Говоря о факторах, сдерживающих развитие промышленного производства в Орловской области, необходимо отметить такие, как: малые объемы производства *инновационной* продукции и низкий уровень *инновационной активности* предприятий. В 2017 г. они составили всего 1,1% от общего количества товаров и услуг (последнее место в ЦЧ и предпоследнее в ЦФО). Заметим, что еще в 2010 г. этот показатель был 9,9% и с этого момента начал падать, достигнув в 2016 г. отметки 0,5% [7].

Базу региональной инновационной политики составляют стратегия социально-экономического развития до 2035 г., в которой молодежь упоминается 47 раз, а также закон «О государственной поддержке инновационной деятельности в Орловской области», но молодежь в ней не упоминается совсем. Упоминания в стратегии касаются профилактики правонарушений среди молодежи, вовлечения молодых людей в предпринимательскую деятельность, вовлечения молодежных организаций в волонтерскую деятельность и создания других условий для социализации и самореализации молодежи. Сегодня в областном центре сложились три основные площадки, помогающие формировать инновационную среду, привлекая предпринимателей из числа молодежи. Первая — это бизнес-инкубатор Государственного университета — УНПК, который сотрудничает с предприятиями реального сектора. Вторая — компания «Инвентос», работающая в сфере интернет-технологий и медиа. И третья — площадка ассоциации молодых предпринимателей. В частности, один из ее проектов — инновационный парк «Васильевский».

Одной из острых проблем молодежной политики в Орловской области является низкая социальная активность молодежи региона. Согласно данным социологического исследования молодежи Орловской области, проведенного Орловским филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) в 2015 г. ($N = 404$), в политической и общественной жизни региона участвуют только 28,7% опрошенных представителей молодежи. О существовании закона о государственной молодежной политике области осведомлены только 19,6%, программы «Молодежь Орловщины» — 24,3%. При этом необходимость участия молодежи в разработке и реализации государственной молодежной политике отмечают 55,3% опрошенных [8]. Исходя из этих данных, мы можем сделать вывод, что, несмотря на невысокую осведомленность молодежи о государственной молодежной политике и незнание существующих законов и программ, молодые люди все же осознают ее необходимость и верят в то, что данная политика будет способствовать решению существующих социально-экономических проблем.

Воронежская область — регион с высоким качеством жизни населения, благоприятной средой для развития предпринимательства, опережающего роста наукоемкой экономики, опорный агропромышленный центр России. Занимая лидирующее место в ЦФО по основным характеристикам образовательного и инновационного потенциалов, Воронежская область заметно отстает от регионов-лидеров по уровню его использования. О слабой реализации инновационного потенциала Воронежской области свидетельствует удельный вес инновационной продукции, по этому параметру данная область в 2017 г. занимала 12-е место в ЦФО (6,1% от общего количества товаров и услуг). Пик объемов пришелся на 2015 г. — тогда он составлял 12,4%. По показателю инновационной активности организаций регион занимает 5-е место в ЦФО, рост наблюдается с 2010 г., — тогда удельный вес инновационных организаций составлял 8,6%, а в 2017 г. — 11,7% [3].

Упоминание молодежи в стратегии социально-экономического развития области на период до 2035 г. мы встретили 35 раз. Упоминания в большей степени касаются волонтерской сферы, обучения и патриотического воспитания, миграции молодежи в Воронежскую область, а также молодежного предпринимательства. В регионе каждый год проводится конкурс на лучшую инновационную идею, именуемый «Правила роста», а также конкурс среди вузов «Кубок инноваций» на лучший инновационный проект. Цель данных конкурсов — создать условия, необходимые для продвижения инновационных разработок, и повышение мотивации молодежи, привлечение ее к инновационному прогрессу [9].

При поддержке правительства региона на базе ВГЛУТУ создано малое инновационное предприятие АО «Питомнический комплекс Воронежской области». В 2017 г. этому вузу было выделено 5 млн руб. на работы по повышению экологической устойчивости особо охраняемых природных территорий в Воронежской нагорной дубраве. Важно также отметить, что в Воронежском институте высоких технологий действуют шесть научно-инновационных подразделений: бизнес-инкубатор, инжиниринговый центр (студенты, аспиранты и выпускники не только получают всестороннюю подготовку, но и имеют возможность инициативных работ), центр трансфера технологий (привлечение инвестиций для обеспечения инвестиционных проектов), научно-образовательный центр устной истории, научный клуб (привлечение студентов к научной деятельности), проектный отдел (привлечение талантливой молодежи к участию в научно-исследовательских проектах и содействие коммерциализации результатов научных исследований).

Среди проблем осуществления инновационной политики региона стоит отметить тот факт, что молодежь в малой мере вовлечена в социальную практику, ее интерес к научной деятельности, творческой и инновационной стремительно снижается. Практически отсутствует система поддержки молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Тамбовская область является аграрно-промышленным регионом, который обладает необходимой сырьевой базой, трудовыми ресурсами для

развития агропромышленных кластеров. У региона очень высокие показатели внутренних затрат на исследования и разработки вновь внедренных инновационных товаров, работ и услуг. Регион обладает значительным научным потенциалом, необходимыми условиями и ресурсами для развития научно-технической и инновационной деятельности.

Проблемой региона является низкий уровень *инновационной активности* предприятий: в 2017 г. регион занял лишь 6-е место в ЦФО по данному показателю (11% от общего числа организаций). Но этот показатель уверенно растет из года в год — в 2011 г. он составил лишь 5,9% *инновационных предприятий*. Также ограничения инновационного развития региона заключаются в недостатке у предприятий собственных денежных средств на внедрение *инноваций*, стоимость которых достаточно высока; недостаточном развитии инфраструктуры по коммерциализации инновационных разработок; низком уровне *инновационной активности* бизнеса и его восприимчивости к инновациям [10].

В регионе также принята новая стратегия социально-экономического развития области на период до 2035 г. Молодежь в ней упоминается 26 раз. В данных упоминаниях поднимается важность поддержки талантливой молодежи, создание центров молодежного инновационного творчества, снижение миграции молодежи из сельской местности в города. В данной стратегии прописано создание детского технопарка и центра молодежного инновационного творчества.

Для саморазвития молодежи создания возможности продвижения ее своих проектов и идей, регионом сегодня реализуются различные социальные программы, а также проводятся регулярные конкурсные проекты, предполагающие участие молодых людей. Так, например, благодаря реализации проекта «Школа Молодого Предпринимателя» происходит вовлечение молодежи в социально-предпринимательскую деятельность. Слушатели с лучшими проектами смогут представить свои идеи на публичной защите, участвуя в экономическом форуме «Технологии успеха-молодежи!». В регионе молодежная политика осуществляется согласно программе, в которую входит региональный форум инициатив молодежи «Конвейер молодежных проектов», который проводится каждый год; конкурс «Молодой предприниматель»; конкурс инновационных стартап-компаний, созданных молодыми людьми, и так далее. В сентябре 2017 г. в Тамбове был открыт инновационный образовательный комплекс «Школа «Сколково-Тамбов»», вмещающий в себя 13 образовательных центров, где каждый ученик может испытать свои силы в различных направлениях научной деятельности.

Курская область обладает выгодным расположением территориально и обладает многими ресурсами, что делает ее стратегически важным регионом страны. В регионе имеется значительный запас полезных ископаемых, культурный и научный потенциал находятся на высоком уровне, транспортная сеть очень развита [11, с. 307]. При этом Курская область является единственной в ЦФО, в которой с 2014 г. процент организаций, осуществлявших

инновации, обеспечивающих при этом повышение экологической безопасности в процессе производства товаров и услуг, уверенно рос и к 2017 г. достиг 100% по всем показателям [3].

Вместе с тем одним из основных ограничений развития человеческого капитала и социальной сферы в регионе является недостаточный уровень развития *инновационной* инфраструктуры и низкая предпринимательская активность выпускников вузов. При этом показатели *инновационной активности* предприятий в регионе в динамике тоже падают: с 2011 по 2017 г. удельный вес организаций, осуществлявших инновации, упал с 13,7 до 5%, что является наименьшим показателем в ЦЧ.

В Курской области завершается обсуждение проекта стратегии социально-экономического развития на период до 2030 г. В документе упоминание молодежи встречается 97 раз. В данных упоминаниях речь идет о развитии молодежного творчества, минимизации миграционного оттока молодежи, необходимости вовлечения молодежи в социально-экономическую жизнь региона, предпринимательскую и трудовую деятельность, а также инновационную инфраструктуру [12]. Что касается инновационной молодежной политики, то следует отметить, что с 2009 г. в регионе реализуется проект «Школа молодых ученых и инноваторов», который ежегодно привлекает широкую аудиторию, активных и талантливых студентов региона. Цель проекта — повысить научный и организационный потенциал молодых ученых, студентов, инноваторов Курска и Курской области, способствовать развитию малых форм бизнеса, инновационных предприятий и предпринимательской активности молодежи. На 2019 г. намечено открытие Центра молодежного инновационного творчества, на площадке которого увлеченные познавательным и созидательным поиском инновационной идеи дети и подростки смогут развивать свои таланты и делать первые шаги в бизнесе. Повышению инновационного потенциала также способствуют молодежные проекты и программы региона. Среди них — международный лагерь молодежного актива «Славянское содружество», областной фестиваль «Студенческая весна Соловьиного края», региональный форум молодых ученых «Молодежь. Наука. Инновации», «Ты — предприниматель», студенческий чемпионат «Дебаты», «Мегаполис», «Содружество православной молодежи» и др. Исходя из фактических данных, можно сделать вывод, что инновационный потенциал молодежи в Курском регионе движется к цели, поставленной в новой стратегии развития — а именно к развитию инновационной инфраструктуры и инфраструктуры молодежного технического творчества.

Таким образом, проведенный анализ документов, свидетельствующих о реализации инновационной молодежной политики в регионах Центрального Черноземья, позволяет нам сделать вывод, что в каждом из них существуют определенные программы повышения инициативности молодежи и поддержки ее в инновационных начинаниях. Те успехи, которые демонстрирует исполнение этих программ, наводят на мысль, что реализация инновационного потенциала молодежи может быть достигнута при широком

и системном привлечении молодых людей к социальному и культурному проектированию.

Вместе с тем инновационная активность молодежи довольно низка. Мы предполагаем, что это может быть связано с амбивалентностью инновационного потенциала молодежи. Другими словами, несмотря на то, что уровень креативности у молодежи достаточно высок, все же имеет место недостаточное развитие социальных навыков и ценностных ориентаций. У молодежи сегодня недостаточно сформирован страх ошибок, и это может привести к тому, что воплощение инновационного потенциала молодежи принесет обществу не только блага, но и навредит. Возможно, по этой причине существует противоречие в действиях государственных структур: на словах развитие инновационного потенциала молодежи всегда приветствуется, а на деле — не поощряется. В связи с этим необходимо грамотное регулирование такого потенциала. Согласно В. А. Лукову, для осуществления позитивного регулирования инновационной активности молодежи социальные инновации должны быть: а) ограниченными в масштабе; б) ограниченными в ресурсах; в) ограниченными во времени; г) соответствующими реализации интереса инициатора [2, с. 14].

Сегодня мы наблюдаем картину, когда инновационный потенциал молодых людей находится в латентном состоянии. Однако инновационные свойства, которые не были активированы в молодости, с возрастом могут полностью угаснуть. По этой причине инновационный потенциал молодежи необходимо воспринимать как источник инновационных свойств, то есть поощрять свободу мышления и креативность. Именно эти свойства выступают важным стратегическим ресурсом развития нашей страны и ее регионов.

Источники

1. Социология молодежи: Учебник для академического бакалавриата / под ред. Р. В. Ленькова. — М. : Юрайт, 2015. — 416 с.
2. Луков В. А., Луков С. А., Погорский Э. К. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook. — 2014. — № 2. — С. 6–18.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 1162 с.
4. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 года // Офиц. сайт администрации Липецкой области. — URL: <http://www.admlr.lipetsk.ru/> (дата обращения: 27.07.2019).
5. Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года // Офиц. сайт губернатора и правительства Белгородской области. — URL: <http://www.belregion.ru/> (дата обращения: 27.07.2019).
6. Поддержка молодых инноваторов в Белгородской области // Инновационный портал Белгородской области. — URL: <http://innovation.derbo.ru/news/all/podderzhka-molodyix-innovatorov-v-belgorodskoj-oblasti> (дата обращения: 19.09.2019).
7. Основные направления стратегии социально-экономического развития Орловской области до 2035 года // Портал Орловской области. — URL: <http://www.orelregion.ru/> (дата обращения: 27.07.2019).

8. *Дорохова Ю. В., Игнатова Т. В., Проказина Н. В.* Молодежь Орловской области в 2015 году: Научное издание. Информационно-социологический бюллетень / под общ. ред. П. А. Меркулова. — Орел : Изд-во Орловского фил. РАНХиГС, 2015. — 72 с.
9. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 // Официальный сайт департамента экономического развития Воронежской области. — URL: <http://www.econom.govrn.ru/> (дата обращения: 27.07.2019).
10. Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2035 года // Официальный сайт Управления экономической политики администрации Тамбовской области. — URL: <http://www.tambov.gov.ru/ekon/> (дата обращения: 01.02.2019).
11. *Васильченко Д. Д., Хорошилова А. В.* Ресурсы и ограничения инновационного развития регионов Центрального Черноземья // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2018. — № 13–2. — С. 307–310.
12. Информация о Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года // Официальный сайт администрации Курской области. — URL: <http://adm.rkursk.ru/> (дата обращения: 27.07.2019).

УДК 378.375 (470.344)

DOI: 10.25990/hse.conf-15.wsta-1e21

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

И. И. Бойко

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары

E-mail: boyko2003@yandex.ru

В. Г. Харитонова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары

E-mail: val1957@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирических исследований, посвященных инновационной активности населения Чувашии и студенческой молодежи. Рассмотрены вопросы формирования инновационного потенциала вузовских студентов с учетом направлений обучения, возрастных особенностей. Раскрыто их отношение к научному и научно-техническому творчеству в зависимости от уровня знаний и личной мотивации. Обозначены некоторые проблемы подготовки студентов к инновационной деятельности.

Ключевые слова: подготовка специалистов, вузы Чувашии, инновационный потенциал, научно-техническое творчество, модернизация.

FORMATION OF INNOVATIVE POTENTIAL OF STUDENTS IN UNIVERSITIES OF THE CHUVASH REPUBLIC

I. I. Boyko

Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Cheboksary

E-mail: boyko2003@yandex.ru

V. G. Kharitonova

Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Cheboksary

E-mail: val1957@rambler.ru

Abstract. the article presents the results of empirical research on the innovative activity of the population of Chuvashia and students. The questions of formation of innovative potential of high school students taking into account the directions of training, age features are considered. Their attitude to scientific and technical creativity depending on the level of knowledge and personal motivation is revealed. Some problems of preparation of students to innovative activity are designated.

Keyword: training of specialists, universities of Chuvashia, innovative potential, scientific and technical creativity, modernization.

Проблемы, связанные с инновационным развитием, являются не только объектом научного интереса специалистов различных отраслей знаний, но и сферой деятельности государства, крайне заинтересованного в получении новых идей, товаров, услуг, технологий и реализации их в интересах общества и государства. Понятие «инновация» чрезвычайно многоплановое, имеет значительный опыт использования и изучения [см. подробнее: 1, с. 181–188]. С позиций рассматриваемой в предлагаемой статье темы интерес представляют труды об организации инновационной деятельности в вузах [2; 3; 4, с. 1911–1915], результатах такой работы, в том числе в отдельных вузах, ведущих подготовку специалистов различных направлений [5, с. 133–144; 6; 7, с. 288–291; 8].

В предлагаемой работе рассматриваются сюжеты, связанные с важнейшим блоком инновационного развития — формированием у будущих специалистов готовности к научным исследованиям, реализации полученных знаний в исследовательской, конструкторской, технологической, проектной и иной деятельности. Иначе говоря, речь идет о развитии в молодых людях креативных способностей с точки зрения их готовности к созданию инновационных продуктов. В статье основное внимание уделено ряду показателей, отражающих некоторые итоги по формированию инновационного потенциала студентов Чувашии. Представляет интерес рассмотреть взаимозависимость и взаимосвязь между его отдельными показателями у студентов различных курсов, направлений подготовки специалистов.

Статья подготовлена в рамках общероссийской программы «Проблемы и тенденции социокультурной эволюции России и ее регионов» [9; 10], к реализации которой специалисты из Чувашии подключились в 2006 г. и с этого времени были осуществлены три волны исследования в 2006 [N — 998], 2012 [N — 1002] и 2016 [N — 1000] гг. По данным этих исследований, инновационную деятельность осуществляли от 14 до 17 % респондентов. При этом около 6 % являлись организаторами различных новшеств, а 8–9 % сопровождали работу по их созданию. Отметим, что сравнительно с данными 2006 г. доля инноваторов увеличилась на 5–7 процентных пунктов, между показателями 2012 и 2016 гг. дистанция практически не наблюдается. Если говорить о направлениях деятельности в сфере инноваций, то чаще респонденты вели речь о создании новых продуктов и услуг, реже — об организации новой фирмы и новых технологиях. Отметим только, что речь идет о показателях и разнице между ними, которые не являются статистически значимыми. По этой причине трудно выявить какие-либо значения таких факторов, как пол, возраст, образование, тип поселения и др. Отметим лишь, что в 2012 г. мужчины чаще выступали в качестве организаторов инновационной деятельности (10 %) сравнительно с женщинами (3 %). Но по результатам третьей исследовательской волны такой дистанции практически не было отмечено.

В целом следует полагать, что в республике расположенность к инновационной деятельности имеет достаточно узкий слой населения и чаще это мужчина с высшим и послевузовским образованием, проживающий в городе. Среди них больше доля тех, кто удовлетворен своей жизнью и уверен в своих перспективах [11, с. 258–259].

С этой точки зрения важно выявить творческий потенциал еще на студенческой скамье и выяснить готовность молодежи к реальному участию в научных и научно-технических разработках, реализации различных проектов. Иначе говоря, речь идет о развитии в молодых людях креативных способностей с точки зрения их готовности к инновационной деятельности.

В исследованиях, выполненных в рамках программы по социокультурному развитию регионов, проблемы развития инновационного потенциала студентов специально не рассматривались, поэтому нами используются материалы социологических опросов студентов Чувашии. В 2017 г. под руководством авторов статьи было проведено исследование, направленное на выявление подготовки специалистов технических направлений в вузах и учреждениях средней профессиональной подготовки республики. Всего был опрошен 601 студент и учащийся. Эти материалы изложены на Тюменском международном социологическом конгрессе, в других публикациях [12, с. 789–794; 13, с. 293–297; 14].

В 2019 г. под руководством авторов был проведен еще один опрос студенческой молодежи республики, при этом участниками исследования были не только будущие инженеры, но и молодые люди, получавшие специальности научно-естественного (химики, биологи, географы, медики и др.) и общественного (юристы, историки, экономисты, журналисты) направлений. Было опрошено 688 человек из пяти вузов Чувашии. На долю студентов общественных направлений пришлось 54 % всех респондентов, естественно-научных — 26 % и остальные 20 % представляли техническое направление. Участниками опроса стали студенты-бакалавры 2–4 курсов, в том числе доля второкурсников составила 21 %, студентов третьего курса — 49 % и четвертого — 30 %.

В вузах республики уделяется значительное место развитию творческого потенциала студентов путем привлечения их к участию в научной и научно-технической деятельности. Формы ее разнообразны, здесь и студенческие конструкторские бюро, СНО, олимпиады и конкурсы и т.д. В ходе опроса выявлялся уровень знаний молодых людей о возможности заниматься в свободное от учебы время таким видом творчества. Абсолютное большинство респондентов (82 %) дали положительный ответ на данный вопрос. Твердое «нет» высказали чуть более 2 %, кроме того, 16 % затруднились ответить. Положительно о наличии в учебном заведении возможностей для занятий исследовательскими, опытными, конструкторскими и технологическими разработками высказались 87 % студентов второго курса, 81 % — третьего и 79 % — четвертого. На третьем и четвертом курсе чаще учились те из респондентов, которые затруднились дать определенный ответ на этот вопрос (17–18 % сравнительно с 9 % у студентов второго курса). Некоторое

недоумение вызывает разница в ответах студентов разных курсов. На первый взгляд, старшекурсники должны в большей степени иметь сведения о наличии подобных возможностей в вузе, но полученные результаты свидетельствуют об обратном, хотя разница и не является весьма значительной. Скорее всего, речь может идти об изменениях в оценках той деятельности, которая в вузах официально называется научной и научно-технической. Иначе говоря, небольшой накопленный опыт иногда ведет к росту критических настроений, в то же время отметим, что доля положительно настроенных респондентов составляет абсолютное большинство на всех курсах.

При анализе информации о возможности участия в научно-исследовательской работе студентов разных направлений обучения, выявилось, что более всего осведомлены об этом респонденты, обучавшиеся на факультетах естественно-научного направления — 87 %, далее следуют «технари» — 83 % и «общественники» — 78 %. Отрицательные ответы не превысили 3 %, и затруднились ответить от 12 % (естественно-научные направления) до 19 % (общественные направления).

Наличие возможности еще не свидетельствует об ее использовании, поскольку об участии в различных видах научного или научно-технического творчества ответили менее половины опрошенных (46 %). Иначе говоря, существует значительная дистанция между теми, кто знает, что в учебном заведении есть реальная возможность создавать что-то новое на различных научных и научно-технических направлениях, и теми, кто реально в этом участвует. Если рассмотреть распределение по курсам, то все-таки самыми активными являются студенты четвертого курса (53 %), в то время как на втором и третьем курсе их доля оказалась немного ниже (49 и 41 %). Более заметны дистанции при учете направлений обучения. Наиболее активно проявляют себя в научной деятельности студенты-естественники (58 %), заметно опережая «общественников» (45 %) и студентов технических направлений (36 %).

Логично, что наблюдается значительная взаимосвязь между видами научной и научно-технической исследовательской работы студентов с их успехами в учебе (см. табл. 1). При этом выделяются два качественных рубежа: между отличниками и «хорошистами», а также между последними и остальными студентами.

Таблица 1

**Участие студентов в научно-исследовательской деятельности
в зависимости от успехов в учебе (%)**

Успехи в учебе	Участие в научных и научно-технических разработках	
	участвуют	не участвуют
В основном отличные оценки	67	33
В основном отличные и хорошие оценки	49	51
В основном хорошие и удовлетворительные оценки	25	75
В основном удовлетворительные оценки	23	77

Следует отметить, что в нашей выборке самые успевающие студенты составили чуть более пятой части всех респондентов (21,3%), на молодых людей с преобладанием отличных и хороших оценок приходилось свыше половины всех участников обследования (53,1%), остальную четверть составили те, кто получал хорошие и удовлетворительные (21,6%) и удовлетворительные оценки (4%).

Приходим к выводу, что взаимосвязь между отличными оценками и стремлением к научной, конструкторской, проектной и др. видам творческой деятельности осуществляется не автоматически, а в основном связана со стремлением реализовать свои возможности. В первую очередь, эти потребности осуществляются в ходе учебной работы, затем интересы молодежи находят свое воплощение в решении различных интеллектуальных задач. Кроме того, следует иметь в виду, что самостоятельные попытки написать научную статью, разработать оригинальную технологию, внести заметные конструкторские наработки и т.д. требуют не просто добротных знаний, но и творческих стремлений к таким действиям. Иначе говоря, очень важно пробуждение интереса к научно-инновационной деятельности у молодых людей. Большую роль при этом играет наличие наставника, руководителя, особенно если его роль не сводится к «поднятию» показателей привлечения студентов к научному творчеству до каких-либо плановых показателей. С этой точки зрения следует говорить об имеющемся потенциале заинтересованности студентов не столько применительно к категории отличников, а «хорошистов».

В составе первых доля участников научного творчества достаточно близка к насыщению, если вести речь не о формальных показателях, а о настоящих творческих поисках, по крайней мере, с точки зрения не только заинтересованности, но и способности студентов. Конечно, мы не можем утверждать о таком интересе со стороны респондентов, участвовавших в нашем обследовании, получены лишь констатирующие ответы, но вкуче с другими оценками они дают представление о содержании проводимой работы с точки зрения проявления творческого начала. Если вести речь о категории молодых людей, учеба которых оценивается на отличные и хорошие оценки, то следует отметить, что даже со статистической точки зрения среди них могут быть выявлены лица, потенциально способные к исследовательским проектам, но пока еще не привлекавшиеся к этой сфере обучения. Безусловно, трудно сказать, будет ли реальная отдача от заметно более широкого участия студенческой молодежи в научном и техническом творчестве. Вопрос в значительной мере риторический. Речь, наверное, в большей степени должна идти о «подтягивании», раскрытии творческого потенциала отдельных студентов с учетом их интеллектуальных возможностей, а не их обязательном участии в каких-то проектах без особой пользы для самих субъектов.

Студенты в большинстве своем считают, что отдача от подобных разработок имеется (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы участвовали в опытных, конструкторских, технологических разработках в рамках СНО, СКБ, олимпиад и др., то была ли польза от этой работы?» (%)

Варианты ответов	Всего	В том числе с оценками			
		Отлично	Отлично и хорошо	Хорошо и удовлетворительно	Удовлетворительно
Да, я получил / получаю конкретные навыки конструктора, технолога, исследователя и т.д.	44	53	43	29	17
Да, мне потребовались дополнительные знания, чтобы выполнить работу	39	25	32	33	33
Да, я получил навыки работы в коллективе	34	13	17	14	17
Никаких новых навыков и знаний я от этой работы не получил	3	5	1	2	–
Трудно сказать	8	4	7	21	33

В целом только десятая часть студентов полагает, что участие в научной и научно-технической деятельности не дает новых навыков и знаний, или же затруднились ответить на данный вопрос. У 9 из 10 респондентов ответ на вопрос был положительным и имел различное содержание. Молодежь говорила как о новых знаниях, так и навыках работы в коллективе, навыках конструктора, исследователя, технолога и т.д. То есть, если вести речь о компетентностном подходе, то имеются в виду специальные (профессиональные) и коммуникативные компетенции.

Интерес представляют взаимосвязи уровня компетенций студентов, выраженного в получаемых оценках, и приобретенных в ходе научной работы различных знаний и умений. У отличников и студентов с отличными и хорошими оценками на первом месте были отмечены конкретные навыки исследователя, а для остальных участников опроса важнее были дополнительные знания. Если рассмотреть ответы респондентов с учетом курса обучения, то важность конкретных навыков научной и научно-технической работы чаще всего отмечали студенты второго курса (51%), что вполне объяснимо. В ходе дальнейшей учебы такие навыки закреплялись (45% – третий курс и 38% – четвертый). О важности дополнительных знаний примерно в одинаковой степени говорили на всех курсах обучения. Навыки работы в коллективе также в наибольшей степени были важны для опрошенных со второго курса (40%), на третьем курсе их отметил 31%, на четвертом – 35% респондентов. Учет направления обучения показывает, что оценки положительного

значения научной и научно-технической деятельности разделились. О важности конкретных навыков исследователя чаще всего речь вели студенты естественно-научных направлений: 51 % против 44 % у студентов технических и 40 % — общественных направлений обучения. Дополнительные знания важнее всего были для «технарей» (46 %), сравнительно со студентами других направлений (по 38 %). Навыки коллективной работы примерно в одинаковой степени были отмечены всеми респондентами.

Определенным итогом приобщения к научно и научно-технической деятельности является написание и публикация статей или же создание практических разработок (табл. 3). У тех респондентов, кто имеет публикации, чаще всего это является результатом участия в студенческих научных конференциях, реже речь идет о реализации конкретной научной проблемы. Для большинства молодых людей такая проблема не является очень актуальной, они лишь задумываются над этим или же полагают, что для них данный вопрос не представляет заметный интерес.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о наличии у студентов научных публикаций (%)

Варианты ответов	Всего	В том числе с оценками			
		Отлично	Отлично и хорошо	Хорошо и удовлетворительно	Удовлетворительно
Да, по результатам выступления на студенческой научной конференции	25	55	22	5	11
Да, в отдельном сборнике по конкретной научной проблеме по результатам моей научно-исследовательской работы	6	8	6	5	–
Готовлю такую работу	3	5	4	–	–
Нет, но задумывался об этом	35	20	37	43	35
Нет, меня это не интересует	31	12	31	47	54

В первую очередь, наличие публикаций связано с успехами в учебе молодых людей, и это вполне закономерно, поскольку различные оценки в зачетных книжках свидетельствуют о разных уровнях знаний, что, в свою очередь, является активным стимулятором приложения их к интеллектуальному творчеству. Сразу же отметим, что более успешные показатели «троечников» сравнительно с более успешной по учебным показателям предыдущей категорией студентов объясняются недостаточной численностью лиц с самыми низкими оценками. С этой точки зрения единичные абсолютные показатели заметно влияют на относительные цифры.

Распределение ответов с учетом курса обучения респондентов показывает объяснимую закономерность: наличие публикаций или по результатам студенческой конференции, или по результатам разработки конкретной темы, в большей степени встречается у студентов четвертого курса (45%), чем у обучающихся на втором (31%) и третьем (35%) курсах. Студенты выпускного курса чаще вели речь, что они готовят такую работу (7%), в то время как среди других опрошенных эта цифра составляла 3–4%. Дистанция, конечно, не является значимой, но она намечена.

Если обратить внимание на публикационную активность студентов различных направлений обучения, то окажется, что здесь с наиболее положительной стороны проявляют себя будущие химики, биологи, географы, врачи и др. Среди них 29% имеют публикации по результатам студенческих конференций и 18% — по результатам реализации своих исследовательских тем. У будущих специалистов обществоведческих направлений соответствующие показатели равнялись 26 и 12%, у студентов инженерных направлений — 17 и 4%. Вели подготовку таких работ 8% опрошенных с естественно-научных направлений и по 3% — остальные студенты. Конечно, было бы преждевременным вести речь о том, что на естественно-научном направлении обучаются наиболее подготовленные студенты. Речь может идти о традициях в отдельных вузах, уровне организации работы со студентами, возможностях публикации коллективных статей и т. п.

Научно-практические разработки по результатам исследовательской деятельности зафиксированы гораздо реже, чем опубликованные статьи. Всего чуть более 8% респондентов ответили, что их имеют. Среди таковых речь шла о конструкторских и технологических наработках, проектах, связанных с компьютерными технологиями и программами, компьютерным моделированием, робототехникой и др. При этом не отмечено зависимости от курса обучения, распределение ответов находится примерно на одном уровне. Абсолютное большинство разработок выполнено студентами технических и естественно-научных направлений. У респондентов общественных направлений отмечено несколько разработок, имеющих отношение к компьютерным разработкам.

Еще один вид творчества студентов — это участие в проектной деятельности, хотя он и не отличается массовым распространением, и об этом свидетельствуют данные табл. 4.

Зависимость участия в проектной деятельности от уровня успеваемости студентов не проявляется так активно, как в случаях с публикационной активностью. Например, среди отличников ровно четверть проявляет себя в разработке социальных проектов, в других их видах активность самых успевающих студентов не превышает заметно показатели других категорий молодежи. У «хорошистов» показатели ненамного превышают средние цифры, а у других групп респондентов — отстают в незначительной степени.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос об участии студентов
в проектной деятельности (%)**

Варианты ответов	Всего
Да, в разработке социальных проектов	13
Да, в разработке экономических проектов	3
Да, в разработке педагогических проектов	3
Да, в разработке инженерных проектов	4
Да, в разработке других проектов	14
Нет, не участвовал	63

Чаще других к проектной деятельности готовы студенты старшего курса, и об этом заявили около 40% респондентов. На третьем курсе таковых оказалось чуть более трети студенческой молодежи (34%), на втором — 26%. По видам проектов дистанцию можно отметить только применительно к работам социальной направленности: от 11% на втором курсе до 18% — на четвертом. По остальным направлениям разница еще менее заметна. Среди других видов проектов отмечены такие проблемы, как развитие молодежных движений, экологические, компьютерные направления и др. Имеется некоторая взаимосвязь между участием в проектной деятельности и направлением обучения. Например, среди студентов общественного направления 17% участвовали в разработке социальных проектов, у студентов естественно-научных направлений таковых оказалось 13%, а у обучающихся по техническим специальностям — 5%. Среди последних не было тех, кто проявлял бы интерес к педагогическим проектам. В то же время только они участвовали в разработке инженерных проектов (22%), а также в других направлениях (23%).

На наш взгляд, склонность к инновационной деятельности проявляется и в общественной активности студентов, участии в волонтерской деятельности, различных молодежных организациях и объединениях и т.д. В данной статье мы ограничились лишь обозначенными выше проблемами и полагаем, что инновационный потенциал студентов зависит, в первую очередь, как от накопленных знаний, так и стремления реализовать их не только на учебных занятиях, но и в различных видах деятельности, наполненных эвристически сложным содержанием. Чаще всего инициативность, готовность к инновационному мышлению и его реализации в практической деятельности проявляют студенты, имеющие значительный багаж знаний и способные воплотить их в различных научных и научно-практических разработках. В то же время у части студентов имеются потенциальные возможности для раскрытия своих способностей, но в рамках действующей системы обучения и привлечения к различным видам научной работы, они не всегда находят реальное воплощение.

Источники

1. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / под ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитоновой. — Чебоксары : ЧГИГН, 2015. — С. 181–188.
2. Гребенюк И. И., Голубцов Н. В., Кожин В. А., Чехов К. О., Чехова С. Э., Федоров О. В. Анализ инновационной деятельности высших учебных заведений России : монография / под ред. И. И. Гребенюк. — М. : Изд-во «Академия Естествознания», 2012. — 464 с.
3. Ашмарина С. И., Плаксина И. А. Оценка инновационного потенциала высших учебных заведений // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. — 2013. — № 11. — URL: uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=2527:2013-11-14-07-38-08 (дата обращения: 18.09.2019).
4. Василенко Н. В. Научно-исследовательская и инновационная деятельность в современных университетах: ресурсы, результаты и границы // Концепт: Научно-методический электронный журнал. — 2014. — Т. 20. — С. 1911–1915. — URL: <http://e-koncept.ru/2014/54646.htm> (дата обращения: 18.09.2019).
5. Михайлов В. А., Михайлов С. В. Инновационная деятельность в вузе глазами преподавателей, студентов и вспомогательного персонала // Вестник Тверского ГУ. Серия «Экономика и управление». — 2014. — № 4. — Т. 1. — С. 133–144.
6. Косушкин В. Г. Инновационная деятельность студентов в региональном техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 6. — URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23789> (дата обращения: 18.09.2019).
7. Быков Е. А. Инновационная деятельность в представлении студентов педагогического вуза // Мир науки, культуры, образования. — 2017. — № 2 (63). — С. 288–291.
8. Китов А. Г. Инновационность как качественная характеристика будущего инженера // Современные научные исследования и инновации. — 2016. — № 8. — URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/08/70830> (дата обращения: 28.03.2019).
9. Лапин Н. И. Общая часть программы: методологические предпосылки, исходные предположения. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике // Социокультурный портрет региона: типовая программа и методика, методологические проблемы / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. — М. : ИФ РАН, 2006. — С. 14–16, 27, 117–134.
10. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФ РАН, 2010.
11. Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования. — Чебоксары, ЧГИГН, 2018. — С. 258–259.
12. Бойко И. И., Карпова О. В. Студенты технических специальностей вузов Чувашии: проблемы реализации творческого потенциала // Динамика социальной трансформации российского общества: Регионал. аспекты : материалы V Тюменского международ. социологич. форума. 5–6 октября 2017 г. — Тюмень : Тюменский государственный университет, 2017. — С. 789–794.
13. Бойко И. И., Долгова А. П., Карпова О. В., Харитоновна В. Г. О профессиональной ориентации студентов инженерных направлений Чувашского государственного университета // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения. Т. 1. — Чебоксары : ЧГУ, 2017. — С. 293–297.
14. Бойко И. И., Ильин И. Е., Кустарин И. В., Харитоновна В. Г. Подготовка инженеров и техников в учебных заведениях Чувашской Республики: по материалам опроса студентов, учащихся и работодателей в 2017 г. — Чебоксары : ЧГИГН, 2017. — 82 с.

УДК 316.324

DOI: 10.25990/hse.conf-15.0jsa-0s11

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ИННОВАЦИОННОГО И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Н. Г. Семедова-Полупан

Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Чебоксары

E-mail: ninapolupan63@mail.ru

Аннотация. В статье дается анализ основных направлений реализации государственной молодежной политики в Чувашской Республике. Определен вектор развития субъекта с учетом реализации социокультурного потенциала и активности молодежи.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, реализация социокультурного потенциала, молодежь.

YOUTH AS A SUBJECT OF THE INNOVATIVE AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE CHUVASH REPUBLIC

N. G. Semedova-Polupan

Cheboksary Branch of The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Cheboksary

E-mail: ninapolupan63@mail.ru

Abstract. The article provides the analysis of the main directions in implementing the state youth policy in the Chuvash Republic. The vector of the subject development is determined taking into account the realization of the socio-cultural potential and the activity of young people.

Keywords: state youth policy, realization of socio-cultural potential, youth.

Молодежь представляет из себя социально-демографическую группу, которая выделяется, основываясь на возрастных особенностях, социальном положении, функциях и месте в социальной структуре общества, а также специфических интересах и ценностях.

Молодежь является основным стратегическим потенциалом дальнейшего развития нашей страны, о чем неоднократно говорил Президент России В. В. Путин. Процессы, происходящие в молодежной среде России, противоречивы и неоднозначны, а зачастую и разнонаправлены. Нужно

сказать, что вопросами воспитания социально активной личности в отечественной педагогике занимаются очень тщательно, они были и остаются в центре внимания.

Перспективы будущего развития нашей страны в наибольшей степени связаны с молодежью как частью российского общества. В социальных переменах, составляя около четверти всего населения России, молодежи должна принадлежать большая роль в реализации современного курса реформ. Современный этап развития государственной политики поддержки молодежи характеризуется как период поиска нового опыта ее функционирования.

Реализация государственной политики по отношению к молодежи с середины XX столетия в нашей стране всегда считалась одной из самых актуальных задач. Таким образом, молодежь государства нужно рассматривать как довольно важную составляющую стратегии социально-экономического развития России.

За последние годы претерпели изменения многие области жизни молодого поколения, такие как образование молодежи, ее культура, ухудшились демографические аспекты. Поэтому сменилось социальное направление молодежи и возникли некие препятствия, с которыми они граничат ежедневно.

В современном мире уделяется большое внимание проблемам молодежи и детей во многих сферах (экономических, политических и др.). Для этого в Российской Федерации формируются целевые комплексные программы, а также выделяются средства из бюджета: федерального, регионального, муниципального уровней. Чтобы решить данные проблемы, связанные с молодежью, необходимо принимать определенные меры, которые окажут действие в решении проблем на всех уровнях.

Острой проблемой современной России остается и эмиграция молодых людей в регионы с более высоким уровнем жизни. Причины подобной утечки молодых рук и мозгов связаны с тем, что студенты, обучающиеся за пределами области, стараются построить карьеру там, где учатся. К тому же рынок образования не согласован с рынком труда, поскольку современные вузы зачастую недостаточно адекватно реагируют на изменения конъюнктуры рынка труда, продолжая плодить юристов и экономистов.

Таким образом, основными задачами государственных органов власти в области поддержки занятости молодежи на муниципальном уровне должны стать: обеспечение всеобщей занятости молодежи, развитие системы социального партнерства, стимулирование мобильности молодежи и усиление гибкости рынка труда.

Вопросы важнейших сторон жизни молодежи находятся в компетенции различных уровней власти государства. Например, высшее профессиональное образование находится в компетенции Российской Федерации, трудовые отношения являются вопросами совместного ведения, обеспечение жильем — вопрос местного значения.

Безусловно, молодежь не хочет и не будет ждать, когда на федеральном уровне будут приняты соответствующие законы, реально изменяющие

положение молодых граждан. На сегодняшний момент органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации ничего не мешает самостоятельно изменить приоритеты и вплотную заняться вопросами обеспечения конституционных прав молодых граждан, борьбой с дискриминацией молодых граждан по мотивам возраста возможно, пересмотрев принципы работы уже действующих в субъектах соответствующих органов.

Требует серьезного и постоянного внимания со стороны как органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, так и правоохранительных органов работа по профилактике молодежной преступности. А вопросы борьбы с молодежным экстремизмом, устранения социальной и экономической базы этого явления должны стать ежедневной заботой всех.

В настоящее время молодежь составляет 22,4 % населения Чувашской Республики, в том числе в городе проживают 64,2 %, а в сельской местности — 35,8 %.

Вместе с тем молодежь Чувашии — это главный объект национально-государственных интересов республики, поскольку сильное, стабильное и защищенное государство немислимо без приоритетов в сфере молодого поколения, его образования, воспитания и защиты.

В республике осуществлением молодежной политики занимается, в основном, Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики, отдельные ее направления реализуются Министерством культуры, по делам национальностей и архивного дела, Министерством труда и социальной защиты, Министерством сельского хозяйства, Министерством физической культуры и спорта, Министерством экономического развития, промышленности и торговли, Министерством цифрового развития, информационной политики и массовых коммуникаций и, конечно же, органами местного самоуправления.

Так, в утвержденной государственной программе Чувашской Республики «Развитие образования на 2012–2020 годы» отмечается, что «...система образования Чувашии за последнее десятилетие совершила инновационный прорыв по целому ряду системообразующих направлений, в том числе по внедрению нового организационно-экономического механизма, оптимизации сети образовательных организаций, созданию системы государственно-общественного управления образованием и независимой системы оценки качества образования, модернизации учебно-материальной базы и др.» [1].

В последние годы идет новый этап развития региональной молодежной политики, который можно охарактеризовать следующими приоритетами: переход к системности, долгосрочным стратегиям и целям; планомерная интеграция молодежи региона в федеральные молодежные проекты; внедрение выверенных региональных стандартов и механизмов работы с молодежью на муниципальный уровень (во всех муниципальных образованиях); ориентация на измеримую, стабильную эффективность бюджетных расходов. Эта масштабная работа, проводимая на республиканском и муниципальном

уровнях, позволяет молодежной политике Чувашской Республики соответствовать современным требованиям и вносить решающий вклад в факторы, влияющие на положение молодежи.

В республике развивается система этнокультурного образования. В регионах России в целях развития школ чувашской диаспоры функционируют более 300 школ с преподаванием чувашского языка, развиваются различные формы сотрудничества и поддержки их деятельности. Уделяется повышенное внимание организации работы внешкольной деятельности.

Развиваются различные формы вовлечения учащихся в творческую и интеллектуальную деятельность. Хорошим стимулом для учащихся стало получение президентской стипендии, которую получают 1 тыс. представителей молодежи. Сокращается численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в интернатных учреждениях республики. Чувашия стала одним из семи регионов страны по реализации крупномасштабного проекта по созданию Межрегиональных центров компетенций (WorldSkills Russia). Чувашия стала вторым регионом России, присоединившимся к мировому движению «Молодые профессионалы» (WorldSkills).

Разрушение экономики, кризисные явления негативно сказались на высшей школе. Уменьшается число вузов, продолжает снижаться качество обучения, сокращается число студентов.

Вместе с тем в Чувашской Республике осуществляются меры по профилактике негативных проявлений в молодежной среде; по развитию добровольческого движения; по развитию молодежного предпринимательства; организуется и развивается международное и межрегиональное сотрудничество в сфере молодежной политики.

Тесное сотрудничество представителей органов власти, научной сферы и реального сектора экономики способствует развитию новых форм интеграции вузовской науки с промышленностью. Активное развитие получила волонтерская деятельность, начиная со школьной скамьи и до серебряного волонтерства [3].

Одним из приоритетных направлений молодежной политики Чувашской Республики является развитие гражданского, патриотического и духовно-нравственного воспитания в молодежной среде. В муниципальных образованиях республики из года в год увеличивается количество объединений патриотической направленности, а также количество занимающихся в них детей, поскольку участие в многочисленных конкурсах, фестивалях, выставках, проектах, презентациях, в военно-спортивных играх, сборах, слетах, оборонно-спортивных лагерях и встречах, посвященных памятным датам истории России, формирует гражданско-патриотическое сознание молодого поколения.

Для молодых специалистов реализуются проекты «Земский доктор», «Земский фельдшер», на стадии внедрения «Земский учитель».

Таким образом, в республике созданы основные предпосылки для инновационных подходов к осуществлению молодежной политики, но вместе

с тем еще не в полную меру используются механизмы ее реализации в правовой, организационной, информационной, научно-аналитической и социальной сферах.

Источники

1. Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования / И. И. Бойко [и др.]; под ред. И. И. Бойко, А. П. Долговой. — Чебоксары, 2018. — 280 с.
2. *Семедова-Полупан Н. Г.* Чувашия на новом этапе социокультурной эволюции // Социокультурные и социальноэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докл. участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (15–17 октября 2018 г., Тула) / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, В. И. Мосин. — Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2018. — С. 129–134.
3. Чувашская Республика // Официальный портал органов власти. — URL: <http://gov.csp.ru/> (дата обращения: 18.09.2019).

ЦЕННОСТНЫЙ ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

М. М. Юсупов

Чеченский государственный университет, г. Грозный

E-mail: musa_y17@hotmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются ценностные представления и понимание социальной активности в молодежной среде. В исследовании применялся аксиологический подход и метод социологического анализа эмпирических данных. Выборка включала три возрастные группы молодежи и категории «работающие – безработные», «традиционалисты – модернисты». Выявлены виды и уровень социальной активности, препятствия самореализации, раскрыта связь активности и ценностной ориентации, обозначены волнующие молодежь проблемы. В заключении делается вывод о зависимости активности от воспитания, социализации в различных сферах жизни и ценностного мировосприятия.

Ключевые слова: ценности, социальная активность, культура, традиция, занятость, мотивация.

VALUE INDICATOR OF SOCIAL ACTIVITY OF THE YOUTH IN THE CHECHEN REPUBLIC

M. M. Yusupov

Chechen State University, Grozny

E-mail: musa_y17@hotmail.com

Abstract. The article considers the value views and understanding of social activity among young people. In a research axiological approach and a method of the sociological analysis of empirical data was applied. Selection included three age groups of the youth and categories «working – the unemployed», «traditionalists -modernists». Types and level of social activity, self-realization obstacles, the relationship between activity and value orientation are revealed, the problems concerning youth are designated. In the end, conclusion about dependence of activity on education, socialization in various spheres of life and value world perception is drawn.

Keywords: values, social activity, culture, tradition, employment, motivation.

Социальные перемены в обществе происходят при непосредственном участии молодежи в познавательной и созидательной деятельности. Ценностное восприятие социальной действительности предопределяет формы

и способы включения юношей и девушек в реализацию программ и стратегии развития страны. Осознанию роли молодежи в социальных преобразованиях способствует теория ценностей и социальной активности, концепции, сформулированные по материалы эмпирических исследований.

Обзор. Теоретические основы изучения природы ценностей заложили в зарубежной классической социологии Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин и другие. В современной социологии и социальной психологии получили признание работы по исследованию ценностей М. Рокича, Ш. Шварца, Р. Инглхарта. В отечественной советской и российской социологической науке в разработку методологии изучения социальных ценностей внесли свой вклад А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, динамики изменения социокультурных ценностей — Н. И. Лапин, этнокультурных ценностей — Л. М. Дробижева, индивидуальных ценностей — Н. М. Лебедева, трудовых ценностей — В. С. Магун и другие.

Ценности, по мнению многих исследователей, оказывают влияние на модели поведения и социальные действия индивидов и групп. Социальная активность (от лат. *activus* — деятельный) рассматривают как сознательную деятельность, направленную на осуществление общественно значимых преобразований, участие в общественных и социокультурных процессах по изменению социальных условий. Она представляет собой на личностном уровне «совокупную способность субъекта к многообразию деятельных отношений с объективной действительностью» [1]. При этом зиждется на мировоззрении, долженствовании, воле [2]. При характеристике социальной активности обращают внимание на степень реализации и развития социальных потенций, возможностей человека (его способностей, знаний, навыков, стремлений, целей, задач) [3]. Активность предполагает жизненную позицию, которую понимают в виде совокупности отношений индивида или группы к значимым ценностям [4]. К индивидуальным базовым ценностям относят принципы, представления относительно желаемого и возможного, а каждая ценность руководит «нашим поведением свойственным ей образом вне зависимости от ситуации» [5]. Ценности определяют установки индивида, как «априорно» положительное или отрицательное отношение к тем или иным воспринимаемым объектам или процессам [6]. На основе материалов социологических исследований делаются выводы о свойственности молодым поколениям в большей мере отчетливого проявления приверженности к ценностям индивидуализма, личной инициативы, самостоятельности [7]. Причем глубокие социологические характеристики «русских европейцев» и «самобытников» не обнаруживают различия в их ценностях и образе жизни [8].

Молодые включены в разные сферы жизни, которые обуславливают формирование жизненных миров каждого и всех. Жизненный мир образует единство объективного и субъективного, синтез реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии; деятельности, поведении людей, условий, в которых они реализуются [9].

Жизненные, социальные среды меняются под воздействием, во-первых, новаций власти, во-вторых, социокультурные изменения происходят в результате новаций массового общества [10].

В последние два десятилетия издано немало работ по результатам прикладных исследований ценностей российской молодежи. Однако с учетом социокультурного многообразия и неравномерности развития субъектов страны весьма актуальным является изучение региональной специфики ценностей молодежи, типов ее социальной активности. В данной статье предпринята попытка на основе социологического исследования «Социокультурные ценности молодежи» выявить ценностные предпочтения и представления о социальной активности молодежи Чеченской Республики.

Объект исследования: работающая и безработная молодежь региона.

Предмет исследования: ценностный аспект социальной активности молодежи.

Цель исследования: выявить роль ценностей в регуляции поведения, социальных действий молодежи.

Гипотеза 1. Социальная и общественная активность молодежи зависит от характера социализации личности в семье, школе, окружающей среде, доминирующего типа культуры в региональном сообществе, уровня материального положения и непосредственно от ценностного мира индивида, его пола, образования, социальной занятости.

Гипотеза 2. Ценностные установки выделенных для опроса возрастных групп молодежи формировались в разные периоды протекания регионального конфликта и в постконфликтной ситуации, социализация проходила в момент разрушений, человеческих потерь и возрождения региона, что может обусловить различие ценностных представлений и разное понимание социальной активности.

Метод и материалы. В исследовании применялись социологический и аксиологический подходы, метод количественного анализа данных социологического опроса «Социокультурные ценности молодежи», проведенного 22 апреля — 5 мая 2019 г. В анкету были включены тематические блоки, используемые федеральными, региональными социологическими службами и отражающие местную специфику. В анкету также были внесены 14 суждений (ценностей) из вопросника интервью типового инструментария «Социокультурный портрет региона» [11].

В качестве основания выявления ценностных предпочтений и уровня социальной активности были определены возрастные когорты: «18–24», «25–29» и «30–35», выделены группы: «работающие — безработные», «традиционалисты и модернисты». Объем выборки квотная, случайная, всего опрошено 240 человек, 120 мужчин и 120 женщин, в каждой возрастной группе (40 мужчин и 40 женщин). Опрос проводился в форме индивидуального интервью по месту жительства, в Грозном, малых городах, сельских населенных пунктах. В выборке незаконченное среднее образование имеют 2,5 %, среднее и среднее специальное — 70,1 %, незаконченное высшее и высшее — 25 %.

Среди опрошенных респондентов работают 39,3%, безработные — 40,6%.

Результаты. Из 240 опрошенных респондентов 152 (63,3%) выразили свое понимание социальной активности посредством продолжения неоконченного предложения: «Социальная активность молодежи — это...». В предложенных респондентами конструкциях выражен когнитивный, деятельный, ценностно-нормативный и другие аспекты. Из числа ответивших, например, 7,8% указали на деятельное проявление в учебе, работе, спорте, столько же отметили участие в общественной и государственной жизни. В целом респондентами сформулированы следующие суждения: Социальная активность — это участие: «молодежи в принятии решений в важных общественных вопросах», «в создании условий и средств для самоутверждения», «в выборах, митингах, демонстрациях и т.д.», «в преобразовании объективных социальных условий», «в мероприятиях, посвященных благим делам, помощи немощным, нуждающимся».

Уровень активности оценивают как высокий 39,3% опрошенных респондентов, средний — 47,5%, низкий — 9,2%, причем мужчины назвали высокий — 37%, женщины — 44,2%. В разрезе возрастных групп наиболее высокая оценка у молодежи 18–24 (43%) и 25–29 (40,4%) лет, в Грозном (44,6%), селе (33%).

В качестве индикатора социальной активности использовался показатель участия в выборах, благоустройстве территорий и членство в партиях, общественных организациях. Из числа опрошенных принимали участие на выборах в голосовании мужчины — 77,6%, женщины — 68,8%, в возрасте 18–24 — 58,8%, 25–29 и 30–35 лет — свыше трех четвертей (74% — 71,8%), работающие — 74,5%, безработные — 61,2%. В Грозном — 56,2%, сельской местности — 73,4%.

В благоустройстве территорий участвовали мужчины — 31,3%, женщины — 27,4%, в возрасте 18–24 лет — 26,6%, 25–29 — 25%, 30–35 — 36,5%, работающие — 28,1%, безработные — 26%.

Среди респондентов не являются членом партий и иных общественных объединений 72,3%, наибольшее число респондентов указали на членство в спортивных клубах — 10,2%, общественных организациях — 5,5%, профсоюзе — 4,3%, художественных коллективах, волонтерских организациях — 1,7%, партиях — 0,9%, правозащитных организациях — 0,9%.

В исследовании категории «традиционалисты» и «модернисты» были определены по признаку отношения к переменам, изменениям и сохранению всего по-прежнему. Среди приверженцев перемен, модернизма удовлетворенных своей жизнью — 82,9%, сторонников традиционализма — 75,4%. Из тех, кому нравятся перемены, мужчины составляют 51,4%, женщины — 48,6%.

Согласно данным опроса часто думают о смысле и цели жизни 60,2%, редко — 30,7%, никогда — 4,1% и затруднились ответить 3,3%. Как видим, две трети опрошенных осмысливают свое сегодняшнее состояние и стремятся предвидеть или спланировать свой жизненный путь.

Группировка респондентов по полу, возрасту, занятости (работающие, безработные), сторонникам традиционализма и модернизма показала, что все выделенные категории в предложенных им 15 видах ценностей отдали предпочтение в первую очередь семье, хорошему здоровью, затем в разной последовательности отметили материальное благополучие, верных друзей, благополучие детей. Периферийными ценностями оказались такие, как приобретение знаний, самоуважение, возможность реализовать способности, участие в общественной жизни. Согласно концепции Инглхарта, ценностная иерархия молодежи региона свидетельствует о том, что ей более присущи материальные ценности, свойственные доиндустриальным и индустриальным обществам; в Чечне, кстати, еще предстоит после известных разрушений заново пройти первичную и вторичную индустриализацию, реализовать меры комплексной модернизации республики.

Приверженность к тем или иным типам ценностей в известной степени характеризует возможную стратегию личной жизни и взаимодействия в группе, обществе, направленность социальной активности. Анализ 14 суждений, аккумулирующих в себе базовые ценности, показывает, что население ЧР, как и в других российских регионах, имеет примерно равные три сегмента типа ценностей: традиционные, общечеловеческие, современные (либеральные). При этом ценности сохранения преобладают над ценностями изменения [12].

Результаты социологического опроса молодежи свидетельствуют, что во всех трех возрастных группах (18–24; 25–29; 30–35) на основе оценки в баллах 14 суждений выстраивается следующая иерархия ценностных предпочтений: интегральное ядро (4,45–4,68 баллов) включает 5–7 ценностей. В первой возрастной группе (18–24) — семья, жизнь человека, жертвенность, свобода, порядок. Во второй (25–29) — семья, порядок, жертвенность, традиция, свобода, благополучие и жизнь человека. В третьей (30–35) — жизнь человека, жертвенность, семья, порядок. По данным исследования, в 2009 г. на общероссийском уровне в интеграционное ядро входили ценности: семья, порядок, общительность [13].

Иерархическое распределение ценностей в интегральном ядре в нашем исследовании показывает, что в первой и второй возрастных группах на первом месте семья, как и в других региональных аналогичных исследованиях. Однако есть и отличительная особенность редко или почти не встречаемая в других регионах, — это вхождение в ядро наряду с ценностями «семья», «порядок», «благополучие» и таких ценностей, как жизнь человека, жертвенность, свобода. Такая ценностная конфигурация, возможно, связана с региональными особенностями, историей и уровнем социального развития этнокультурной общности. Но в данном случае на подсознательном уровне значительное влияние оказывает на спектр ценностей молодых протекавший с начала 90-х годов XX в. в мирной и немирной форме конфликт. Такой предварительный вывод подтверждает и различие ценностной иерархии в первой, второй и третьей возрастных группах. Так, в возрастной когорте 30–35 лет на первом месте жизнь человека, втором — жертвенность, а свобода не вошла как

у более молодых в ядро, хотя на 7-м месте и входит в интеграционный резерв. Думается, ценностный выбор респондентов третьей группы обусловлен тем, что они в малом и подростковом возрасте стали очевидцами конфликтных событий и двух войн, и в глубине памяти многих из них отлегли эпизоды насилия. Другими словами, социальное и эмоциональное неразрывно и важно выявлять наряду с явными и неявными ценностями восприятия прошлой и текущей действительности [14].

Между тем опрошенные юноши и девушки полагают, что в республике есть условия для самореализации молодых — 55,7%, нет — 15,2%. Однако ответы на вопрос о наличии препятствий в реализации жизненных планов позволяют определить существующие на взгляд молодых барьеры. Наибольшее количество ответов указывают на ограниченность рынка труда и общую социально-экономическую ситуацию.

Таблица 1

Препятствия для реализации жизненных планов молодежи (в %)*

Дискриминация молодых со стороны старших поколений	28,3
Невостребованность молодежи на рынке труда	52,8
Менталитет современной молодежи, низкая активность	44,3
Общая социально-экономическая ситуация	50,9
Недоступность качественного образования	36,8
Отсутствие политики по поддержке молодежи	37,7
Незнание, где и как приложить свои силы	50,0

* Допускалось несколько ответов (1–3).

Другой проблемой служит сложившийся в сфере управления подход к подбору кадров и реальная практика трудоустройства, которая не всегда способствует отбору и приему на работу с учетом квалификации и компетентности специалиста.

Таблица 2

Факторы влияния на трудоустройство и карьеры человека в ЧР*

Положительные	Ранг	%	Негативные	Ранг	%
Образование	1	75,5	Родственные связи	1	63,9
Квалификация	2	52,9	Дружеские связи	2	28,4
Деловитость	3	32,3	Взятка должностному лицу	3	26,5
Принадлежность одной партии	4	1,3	Тайповая принадлежность	4	7,7
			Национальная принадлежность	5	5,8
			Земляческие связи	6	5,2
			Принадлежность одному религиозному виду (общине)	7	0,6

* Допускалось несколько ответов (1–3).

На открытый вопрос: «Какие проблемы волнуют молодежь больше всего?» были получены ответы, которые можно подразделить на следующие тематические подгруппы:

Общая обстановка в стране и регионе: «экономический кризис в стране», «социальная политика в стране», «напряженность, свобода слова, экономическая независимость», «возможность реализовать свои идеи», «коррупция в стране», «отсутствие государственных гарантий на рабочее место».

Социальное благополучие и личное обустройство: «хорошая работа и достойная зарплата», «трудоустройство», «безработица», «наркомания, алкоголизм», «благоустройство семьи», «проблемы со здоровьем».

Образование: «плохое образование», «нет бесплатных образовательных курсов», «зависимость от телефона, нежелание учиться».

Досуг: «отсутствие возможности отдыхать», «после учебы больше всего бездельничают, волнует, чем бы себя занять».

Жизненная перспектива: «дискриминация молодых людей со стороны старших поколений», «молодежь не видит свое будущее», «неуверенность в завтрашнем дне».

Ограниченность рынка труда, дефицит рабочих мест сопряжено с рисками формирования иждивенческих настроений, предрасположенности молодых к патернализму, приобретения вредных привычек (наркомания), попадания отдельных лиц под влияние радикально настроенных групп. Так, в 2016–2019 гг. были совершены групповые и одиночные нападения на сотрудников правоохранительных органов, участники этих акций были в основном в возрасте 16–19 лет. В 2019 г. обозначилась, с точки зрения региональных идеологов, проблема юных блогеров, 15 и старше лет, отличившихся критическими комментариями о местной действительности.

На решение обозначенных проблем направлены мероприятия по реализации концепции духовно-нравственного воспитания, государственной молодежной политики. Однако данная работа далека от совершенства, требуется немало организационно-творческих усилий от органов оправления, образовательных и культурных учреждений, общественных организаций со знанием конкретных запросов молодежи.

Заключение. В начале исследования предполагалось, что может быть существенное различие в ценностных представлениях разных возрастных когорт. Такое предположение исходило из того, что выделенные возрастные группы родились (1984–1989; 1990–1994; 1995–2001) и проходили социализацию в разные периоды протекания регионального конфликта. Его фазы и периоды, как показывают наблюдения, ряд исследований, оказывали воздействие на систему социальных связей и иерархию ценностей. Однако данное исследование показывает, что между возрастными когортами молодежи имеется различие по отдельным показателям в пределах статистической погрешности. В целом все три возрастные группы предстают как единая общность молодых с почти одинаковыми ценностными представлениями

и пониманием сущности социальной активности. Возможно, в последующем, с переходом юношей и девушек в среднюю и старшую возрастные группы, более рельефно обозначится различие в ценностной ориентации и модели социального поведения. Как правило, молодые чаще живут настоящим, а повзрослевшие начинают сопереживать пережитое в младенческом и подростковом возрасте. В исследовании в основном подтвердилась гипотеза 1, но не нашла подтверждения гипотеза 2.

Молодежь в большей степени, чем старшее поколение, ориентирована на современность, перемены, но вектор изменений видят преимущественно в традиционном контексте. На социальную действительность у молодых есть разные взгляды, но еще не сформировалась культура открытых обсуждений, создания дискуссионных площадок. В рамках сложившегося регионального административно-политического уклада можно выражать критику, в частности, по вопросам инфраструктуры, улучшения благополучия. Но возможность оппозиционной общественно-политической активности априори воспринимается как угроза стабильности и порядка. Социальная активность многих редуцируется материальными ценностями, потребностями житейского обустройства, исполнения в культурно-бытовой сфере функций повседневной жизни.

В официальной республиканской идеологии значительное внимание уделяется духовно-нравственному воспитанию, мобилизации молодежи в рамках патриотических движений и клубов, вовлечению ее в массовые общественно-политические, зрелищные и спортивные мероприятия. В то же время еще не освоено опыт работы в малых группах и с отдельными индивидами, особенно по месту жительства, выявления категорий молодежи, нуждающейся в идейном прояснении проблемных вопросов, содействия в выстраивании действий жизненного самоутверждения.

Источники

1. Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. — 2007. — № 4. — С. 37–43.
2. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество : учеб. для студ. вузов. — 4-е изд., стереотип. — М. : ИЦ «Академия», 1999.
3. Коморникова О. М. Социальная активность и ценностные ориентации. — URL: http://www.elar.urfu.ru/bitstream/10995/32456/1/klo_2015_30.pdf (дата обращения: 07.07.2019).
4. Сборник социологических исследований в молодежной среде / сост. Т. В. Берестовая, М. А. Кондакова. — Ярославль, 2017.
5. Татарко А. Н., Миронова А. А. Индивидуальные ценности и отношение к коррупции: кросскультурный анализ // Общественные науки и современность. — 2016. — № 6. — С. 21–37.
6. Тамбовцев В. Л. Онтогенез индивидуальных ценностей // Общественные науки и современность. — 2017. — № 1. — С. 156–164.
7. Зоркая Н. А., Дюк Н. М. Ценности и установки российской молодежи // Мониторинг общественного мнения. — 2003, июль-август. — № 4. — С. 66–76.

8. *Бызов Л.* Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома // *Общественные науки и современность*. — 2016. — № 6. — С. 5–20.
9. *Тощенко Ж. Т.* Жизненные миры и его смыслы // *Социологические исследования*. — 2016. — № 1. — С. 6–17.
10. *Голофаст В.* Люди и вещи. Заметки о социально-культурных изменениях // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. — 2000. — № 5. — С. 1–8.
11. *Лапин Н. И.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2010. — 110 с.
12. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН ; сост., общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. — М. : Academia, 2013. — 416 с.
13. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Ин-т философии. ЦИСИ. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» ; сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. — М. : Academia, 2009. — 808 с.
14. *Bombieri L.* Teachers' Values and Social Competences: Towards a Social Skills Modelling Definition [Electronic Resource] // *Journal of Social Science Research*. — 2018. — Vol. 12, Iss. 2. — URL: <https://cirworld.com> (дата обращения: 7.07.2019).

УДК 316

DOI: 10.25990/hse.conf-15.f9qp-y741

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ И ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И. Л. Мерзлякова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону

E-mail: merzlyakovail@mail.ru

Аннотация. В современной России в рамках реализации государственной молодежной политики происходит процесс институционализации, формирования нормативно-правовой базы, определяются цели, задачи и основные направления ее деятельности. Объективная оценка на основе определенных критериев с учетом факторов, способных оказать негативное или позитивное влияние, дает возможность своевременно корректировать, определять наиболее актуальные направления, повышая эффективность всей сферы деятельности по реализации государственной молодежной политики. В работе предложены критерии оценки эффективности и факторы, влияющие на деятельность комитета по молодежной политике Ростовской области как органа исполнительной власти и основного субъекта реализации государственной молодежной политики.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, нормативно-правовая база, цели, задачи, основные направления, критерии оценки эффективности, факторы влияния.

ASSESSMENT OF EFFICIENCY AND FACTORS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE STATE YOUTH POLICY IN THE ROSTOV REGION

I. L. Merzlyakova

Rostov State Economic University (RINE), Rostov-on-Don

E-mail: merzlyakovail@mail.ru

Abstract. The process of institutionalization, the formation of the legal framework, the goals, objectives and main activities are determined in modern Russia, within the framework of the state youth policy. An objective assessment of the activities makes it possible to adjust and determine its current directions in a timely manner at the implementation of the state youth policy, in accordance with certain criteria and taking into account factors that can have a negative or positive impact on it. The paper proposes criteria for evaluating the effectiveness and factors affecting the activities of the Committee on youth policy of the Rostov Region as an Executive body and the main subject of the state youth policy.

Keywords: state youth policy, the formation of the legal framework, the goals, objectives and main activities criteria for evaluating the effectiveness, factors affecting the activities.

Стабильное и устойчивое развитие государственно-политической системы происходит в условиях преемственности поколений, передачи, восприятия и реализации социально значимого опыта. Важная роль в этом процессе отводится молодежи как особой социальной группе, способной стать «угрозой» или «надеждой общества». Эффективная работа с молодежью и реализация государственной молодежной политики является стратегически важной задачей и особым направлением деятельности представителей всех ветвей власти в современной России. В нашей стране на сегодняшний день созданы соответствующие государственно-политические институты, задачей которых является выстраивание активного взаимодействия с молодежью, разработана соответствующая документация, нормативно-правовая база, регламентирующая этот процесс, в вузах страны ведется подготовка специалистов по организации работы с молодежью. Напряженная работа, направленная на реализацию государственной молодежной политики, дает свои положительные результаты, но при этом в стране наблюдается увеличение протестных настроений в молодежной среде, которые проявляются в разных формах деятельности (несанкционированные митинги, протесты, выступления и т.д.). В этой ситуации следует обратить более пристальное внимание на деятельность государственных органов, вовлеченных в процесс реализации государственной молодежной политики, отчеты о деятельности которых фиксируют высокие результаты по всем индикаторам и показателям.

Целью статьи является попытка оценить эффективность деятельности комитета по молодежной политике как органа исполнительной власти и основного субъекта реализации государственной молодежной политики в Ростовской области в 2018 г.

Задачами представленной работы является анализ основных документов, определяющих направления деятельности и функции комитета по молодежной политике; выявление на их основе критериев оценки и факторов, влияющих на эффективность его деятельности; рассмотрение в соответствии с выделенными критериями данных, представленных на официальном портале Правительства Ростовской области и комитета по молодежной политике, о реализации государственной молодежной политики в 2018 г.

Для достижения исследовательских целей и задач нами были проанализированы несколько групп источников, представленных официальными документами.

К первой группе относятся нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность по реализации государственной молодежной политики, разработанные на федеральном уровне: «Основы государственной молодежной политики до 2025 года», утвержденные распоряжением

Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р [1], Приказ от 23 декабря 2008 г. № 72 «Об утверждении Концепции развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации» [2].

Ко второй группе относятся нормативно-правовые документы, разработанные на региональном уровне: постановление Правительства Ростовской области от 24.11.2011 № 156 «Об утверждении Положения о комитете по молодежной политике Ростовской области»; областной закон от 25.12.2014 № 309-ЗС «О государственной молодежной политике в Ростовской области»; государственная программа Ростовской области «Молодежь Ростовской области» (постановление Правительства Ростовской области от 15.10.2018 № 636) [5] и другие.

К третьей группе относятся отчет за 2018 г. о реализации государственной программы Ростовской области «Молодежь Ростовской области», утвержденной постановлением Правительства Ростовской области от 25.09.2013 № 588, и приложения к отчету [6] начальника управления документационного обеспечения Правительства Ростовской области Т. А. Родионченко; доклад председателя комитета по молодежной политике Ю. Ю. Лескина «Об итогах реализации государственной молодежной политики на территории Ростовской области в 2018 году и задачах на 2019 год» [7].

Четвертая группа документов представлена аналитической запиской о возрастном-половом составе населения Ростовской области на 01.01.2018 [8].

Основным исследовательским методом является метод сопоставления данных по интересующей нас проблематике на основе контент-анализа содержания отобранных нами документов и анализа статистической информации. Выбранные для анализа документы размещены в открытом доступе на официальном портале Правительства Ростовской области и комитета по молодежной политике.

В Ростовской области, как и в других субъектах России, реализация государственной молодежной политики осуществляется на основе Конституции РФ, соответствующих федеральных законов и распоряжений Правительства, которые на региональном уровне отражаются в областных законах, программах и концепциях развития. Областной закон от 25.12.2014 № 309-ЗС «О государственной молодежной политике в Ростовской области» является важнейшим нормативно-правовым документом, в котором раскрыта сущность понятия «государственная молодежная политика», определены цели, задачи и направления ее реализации в Ростовской области. В законе определено, что органом исполнительной власти, ответственным за реализацию государственной молодежной политики в Ростовской области, является комитет по молодежной политике, к полномочиям которого относятся помимо прочего «проведение социологических исследований, постоянного мониторинга ситуации в молодежной среде, организация подготовки и дополнительного профессионального образования кадров, работающих с молодежью, осуществление иных полномочий в соответствии с федеральным и областным законодательством» [4].

Важнейшим документом, регламентирующим деятельность комитета, является постановление Правительства Ростовской области от 24.11.2011 № 156 «Об утверждении Положения о комитете по молодежной политике Ростовской области», в котором определено, что комитет должен: «принимать участие в разработке государственных программ по основным направлениям государственной молодежной политики; программ и мероприятий по внедрению достижений науки и техники, передовой практики и современных методов реализации государственной молодежной политики; осуществлять функции уполномоченного органа по взаимодействию с Федеральным агентством по делам молодежи по вопросам осуществления государственной поддержки в сфере молодежной политики; представлять губернатору Ростовской области ежегодные отчеты о реализации государственной молодежной политики в Ростовской области; взаимодействовать с молодежными общественными организациями по вопросам реализации основных направлений государственной молодежной политики; заниматься методическим обеспечением органов местного самоуправления по вопросам молодежной политики; заниматься подготовкой информационно-методических материалов по проблемам деятельности областных органов исполнительной власти и организаций, занимающихся решением вопросов в сфере молодежной политики и так далее» [3].

Сопоставляя полномочия комитета по молодежной политике, представленные в областном законе от 25.12.2014 № 309-ЗС «О государственной молодежной политике в Ростовской области», с его функциями, указанными в постановлении Правительства Ростовской области от 24.11.2011 № 156 «Об утверждении Положения о комитете по молодежной политике Ростовской области», можно выделить критерии оценки эффективности деятельности комитета и определить те функции и полномочия, которые не выполняются в полной мере.

К таким критериям могут быть отнесены: количество проведенных социологических исследований, направленных на изучение и мониторинг ситуации в молодежной среде с представлением аналитических записок и отчетов на сайте комитета по молодежной политике; количество разработанных нормативных правовых актов в сфере государственной молодежной политики; количество государственных программ по основным направлениям государственной молодежной политики, реализуемых в регионе; количество мероприятий по подготовке и получению дополнительного профессионального образования кадрами, работающими с молодежью (количество сотрудников, получивших профессиональное образование по направлению подготовки бакалавров и программам подготовки магистров «Организация работы с молодежью»); ежегодная актуализация информации о деятельности по реализации государственной молодежной политики в муниципальных образованиях; количество внедренных достижений науки и техники, передовой практики и современных методов реализации государственной молодежной политики в деятельности комитета по молодежной политике; ежегодный

мониторинг и актуализация информации о молодежных общественных объединениях, действующих на территории Ростовской области, имеющих официальные сайты, страницы в социальных сетях с представлением этой информации на официальном сайте комитета; количество задействованных молодежных общественных объединений в мероприятиях, организуемых комитетом по молодежной политике; разработка методических рекомендаций по реализации государственной молодежной политики в Ростовской области, в которых должны быть отражены рекомендации по проведению молодежных мероприятий, начиная с аналитического этапа подготовки мероприятия до анализа его эффективности, и обеспечение органов местного самоуправления по вопросам молодежной политики этими материалами; подготовка информационно-методических материалов по проблемам деятельности областных органов исполнительной власти и организаций, занимающихся решением вопросов в сфере молодежной политики; организация мероприятий по формированию и укреплению материально-технической базы системы информационного обеспечения молодежи, молодежных культурных центров; отслеживание вновь созданных за отчетный период молодежных общественных объединений, количество созданных за отчетный период центров социального обслуживания молодежи, профильных учреждений, клубов для молодежи, творческих центров и специализированных служб по вопросам поддержки и развития молодежных инициатив, в том числе молодежного предпринимательства, а также иных организаций, участвующих в государственной молодежной политике и решении проблем молодежи; количество информационных материалов о деятельности и мероприятиях, проводимых комитетом по молодежной политике, распространенных в СМИ и сети «Интернет» (количественный и качественный анализ), анализ медиаобраза комитета по молодежной политике; представление губернатору Ростовской области ежегодных аналитических отчетов о реализации государственной молодежной политики в Ростовской области по указанным критериям с учетом «Стратегии социально-экономического развития региона и статистических данных».

Следует отметить, что работа по определению основных показателей качества деятельности, направленной на реализацию государственной молодежной политики как на федеральном, так и на региональном уровне, активно развивается. В Ростовской области утверждена Система ключевых показателей оценки эффективности реализации государственной молодежной политики. На основе количественных показателей, которым соответствуют определенные баллы, выявляется рейтинг структурных подразделений муниципальных образований Ростовской области.

На официальном портале Правительства Ростовской области представлены «Отчет о реализации государственной программы Ростовской области “Молодежь Ростовской области” за 2018 год» начальника управления документационного обеспечения Правительства Ростовской области Т. А. Родионченко (далее — Отчет) и доклад председателя комитета по молодежной политике

Ю. Ю. Лескина «Об итогах реализации государственной молодежной политики на территории Ростовской области в 2018 году и задачах на 2019 год» (далее — Доклад), в которых дана высокая оценка работе по реализации государственной молодежной политики. Активная деятельность по реализации государственной молодежной политики и ее результаты позволили Ростовской области войти в двадцатку лучших регионов Российской Федерации и занять в итоговом ежегодном рейтинге регионов в сфере эффективности реализации молодежной политики за 2018 г. 16-е место [9].

При сопоставлении данных, представленных в Отчете и Докладе, наблюдаются определенные разночтения, которые, на наш взгляд, необходимо избегать, так как это ставит вопрос о степени достоверности всех данных о деятельности по реализации государственной молодежной политики в регионе.

При анализе информации обращает на себя внимание вопрос о количестве молодежи, проживающей на территории Ростовской области в 2018 г. На официальном портале Правительства Ростовской области в разделе «Молодежная политика» представлена информация о том, что в Ростовской области проживает 985 тыс. 930 человек в возрасте от 14 до 30 лет (21,9% от общего количества населения) [10]. В Докладе Ю. Ю. Лескина отмечено, что в Ростовской области молодежи проживает «850,6 тыс. человек или 20% от общего количества населения» [7]. В аналитической записке о возрастном-половом составе населения Ростовской области на 01.01.2018 представлена другая цифра, которая противоречит данным, указанным в двух предыдущих документах [8].

Далее, объем средств, привлеченных в регион по итогам Всероссийского конкурса молодежных проектов в виде грантов на реализацию молодежных инициатив в соответствии с Отчетом, составил 52,1 млн рублей, а в Докладе Ю. Ю. Лескина указана сумма в размере 54,6 млн рублей.

Охват участников проекта «Молодежная команда губернатора» в соответствии с Отчетом составил 6500 человек, а в Докладе указано 6200 человек.

Несоответствия в данных, на основе которых строится вся последующая отчетная информация, вносят путаницу и снижают степень доверия к деятельности комитета как субъекта реализации государственной молодежной политики.

Количество мероприятий, указанных в Отчете, не соответствует тому, о котором упоминает Ю. Ю. Лесков, отмечающий, что «в Ростовской области проведено порядка 3000 мероприятий добровольческой направленности» [7]. Подготовка мероприятий представляет собой сложный поэтапный процесс, включающий в себя непосредственно подготовку, реализацию и оценку его эффективности. Интенсивная работа комитета по организации и проведению этих мероприятий ставит вопрос о целесообразности и качестве их проведения. При подготовке представленной работы нам не удалось найти на официальных сайтах Правительства Ростовской области и комитета по молодежной политике отчеты о проведенных мероприятиях с оценкой их

целесообразности и эффективности. При планировании мероприятия всегда определяются критерии их эффективности, к которым относится и количество публикаций в СМИ с положительными и отрицательными отзывами о его проведении.

В Отчете сказано, что СМИ было представлено девять сюжетов о мероприятиях, проведенных в 2018 г. в рамках реализации государственной молодежной политики. На наш взгляд, это свидетельствует о низкой активности взаимодействия с представителями СМИ и является серьезным недочетом в работе комитета по молодежной политике.

Положительным фактором деятельности комитета и реализации государственной молодежной политики является повышение информационно-коммуникационной активности в сети «Интернет». Со «второго полугодия 2018 года начато формирование информационной платформы “Дон Молодой”. Количество просмотров официального сайта комитета по молодежной политике увеличено с 34,8 тыс. в 2017 году до 88,5 тыс. в 2018 году. Количество просмотров группы комитета в социальной сети “ВКонтакте” увеличилось с 306,8 тыс. до 602,4 тыс.» [7]. Следует отметить, что в сети «Интернет» в социальных сетях чаще всего дается короткая информация, представляющая собой анонсы мероприятий, пресс-релизы, пост-релизы и фотоотчеты.

В структуру Отчета о реализации программы «Молодежь Ростовской области» входит третий раздел: «Анализ факторов, повлиявших на ход реализации государственной программы», в котором должны быть представлены факторы, повлиявшие как положительно, так и отрицательно на ход реализации государственной программы. Это необходимо для планирования и оптимизации деятельности, направленной на реализацию государственной молодежной политики. Это важная профессиональная компетенция, которой, на наш взгляд, авторы Отчета пренебрегли, указав в соответствующем разделе, что «факторов, повлиявших на ход реализации государственной программы в отчетном периоде, не зафиксировано» [6]. Формальный подход или отсутствие необходимых профессиональных компетенций у тех, кто занимается реализацией государственной молодежной политики, является фактором, снижающим развитие всей сферы молодежной политики и актуализирует проблему развития кадрового потенциала молодежной политики.

В Ростовской области, по данным Доклада Ю. Ю. Лескова, в «отрасли государственной молодежной политики в регионе работает 325 специалистов: 12 сотрудников комитета; 27 сотрудников государственных учреждений, подведомственных комитету — «Агентство развития молодежных инициатив» и «Центр патриотического воспитания молодежи Ростовской области»; 218 специалистов по делам молодежи муниципальных образований Ростовской области; 68 координаторов по работе с молодежью, которые обеспечивают проведение мероприятий в муниципальных образованиях Ростовской области, молодежных общественных объединениях и высших

учебных заведениях» [7]. Эта информация о кадровом составе противоречит той, которая представлена на официальном портале Правительства Ростовской области в разделе «Молодежная политика» [10].

На официальном сайте комитета по молодежной политике дана информация об образовании председателя комитета Ю. Ю. Лескина, который в 2012 г. окончил исторический факультет Южного федерального университета (специальность или направление подготовки не указана). Информации о том, какую профессиональную подготовку имеют остальные сотрудники, вовлеченные в «отрасли государственной молодежной политики в регионе», нет.

Наиболее остро в настоящее время стоит вопрос о нехватке специалистов, реализующих молодежную политику на региональном и особенно муниципальном уровне, и Ростовская область не исключение. «Более чем в половине субъектов Российской Федерации свыше 40 % сотрудников не имеют специальной подготовки в области молодежной политики. Каждый третий из числа руководителей и их заместителей — без специального образования, из числа рядовых специалистов — каждый второй, среди специалистов, работающих в сфере молодежной политики, 59 % имели гуманитарное образование, 15 % — техническое, 6 % — естественнонаучное, 9 % — экономическое» [11]. Значительная часть работников (до одной пятой) оказались сотрудниками органов по делам молодежи потому, что «представилась такая возможность», т. е. случайно [11]. По мнению экспертов, уровень обеспеченности организаций персоналом, способным реализовывать молодежную политику, можно оценить как «средний», и такой показатель является еще одним фактором, влияющим на эффективность реализации государственной молодежной политики в Ростовской области.

Создание условий эффективной реализации государственной молодежной возможно только при условии реализации высокого профессионального потенциала сотрудников, способных к информационно-аналитической, информационно-коммуникационной и информационно-методической деятельности. Работа по выявлению и внедрению эффективных способов, методик и технологий социального взаимодействия в рамках реализации государственной молодежной политики и организации работы с молодежью предъявляет высокие профессиональные требования к сотрудникам комитета и тем, кто курирует эту деятельность в муниципальных образованиях Ростовской области. Качество реализации государственной молодежной политики тесно связано с организацией профессиональной деятельности, подготовкой, переподготовкой, повышением квалификации сотрудников, научно-методическим обеспечением их функционирования.

Развитие кадрового потенциала комитета по молодежной политике необходимо осуществлять на основе комплексной оценки каждого сотрудника, работающего в региональном и муниципальном органе исполнительной власти, которая должна включать оценки: уровня профессионального образования; уровня знаний и навыков; стаж в занимаемой должности; динамику

карьерного роста; деловые, личностные, физические, психологические, нравственные, человеческие и другие качества всего кадрового состава.

Таким образом, результаты анализа документов дают возможность сделать вывод о том, что в Ростовской области происходит становление институциональной и нормативно-правовой основы для реализации государственной молодежной политики. Реализация государственной молодежной политики в Ростовской области осуществляется в соответствии с областными законами от 25.12.2014 № 309-ЗС «О государственной молодежной политике в Ростовской области», с государственной программой Ростовской области «Молодежь Ростовской области», утвержденной постановлением Правительства Ростовской области от 15.10.2018 № 636, «Концепцией реализации государственной молодежной политики в Ростовской области на период до 2020 года», утвержденной постановлением Правительства Ростовской области от 27.03.2013 № 172, и др.

В работе предложены критерии оценки эффективности деятельности комитета по молодежной политике в Ростовской области как органа исполнительной власти. Анализ деятельности комитета в соответствии с этими критериями позволяет говорить о недостаточно активной работе по проведению социологических исследований, направленных на изучение молодежной аудитории в регионе; проведению мероприятий по подготовке и получению дополнительного профессионального образования кадрами, работающими с молодежью; информированию о количестве внедренных достижений науки и техники, передовой практики и современных методов реализации государственной молодежной политики в регионе; оснащению методическими материалами по реализации государственной молодежной политики в Ростовской области по проблемам деятельности областных органов исполнительной власти и организаций, занимающихся решением вопросов в сфере молодежной политики; формированию и укреплению материально-технической базы системы информационного обеспечения молодежи, молодежных культурных центров; количеству информационных материалов о деятельности и мероприятиях, проводимых комитетом по молодежной политике, распространенных в СМИ и сети «Интернет» (количественный и качественный анализ), анализу медиаобраза комитета по молодежной политике; представлению губернатору Ростовской области ежегодных качественных аналитических отчетов о реализации государственной молодежной политики в Ростовской области с учетом факторов ее реализации.

К факторам, которые негативно влияют на оценку деятельности комитета и ее эффективность, можно отнести демографические показатели в регионе, уровень профессиональной подготовки сотрудников, занятых в реализации государственной молодежной политики; степень информированности молодежной аудитории о деятельности комитета и о программах, направленных на улучшение положения молодежи в регионе; уровень обеспеченности органов местного самоуправления по вопросам молодежной политики методической документацией.

Следует отметить, что более критичный подход к оценке своей деятельности с учетом предложенных критериев будет способствовать получению высокой оценки эффективности деятельности комитета по молодежной политике как органа исполнительной власти и основного субъекта реализации государственной молодежной политики в Ростовской области.

Источники

1. Основы государственной молодежной политики до 2025 года, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р. — URL: <http://kos.mos.ru/legislation/lawacts/1482965/> (дата обращения: 25.07.2019).
2. Приказ от 23 декабря 2008 г. № 72 «Об утверждении Концепции развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=98528&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5556671305627134#0263637022972564> (дата обращения: 25.07.2019).
3. Постановление Правительства Ростовской области от 24.11.2011 № 156 «Об утверждении Положения о комитете по молодежной политике Ростовской области». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=144133759&backlink=1&&nd=144031532&rdk=11&refoid=144133764> (дата обращения: 25.07.2019).
4. Областной закон от 25.12.2014 № 309-ЗС «О государственной молодежной политике в Ростовской области». — URL: <http://old.donland.ru/documents/O-gosudarstvennoj-molodezhnoj-politike-v-Rostovskoj-oblasti?pageid=128483&mid=134977&itemId=20018> (дата обращения: 25.07.2019).
5. Государственная программа Ростовской области «Молодежь Ростовской области» (постановление Правительства Ростовской области от 15.10.2018 № 636). — URL: <https://www.donland.ru/activity/1472/> (дата обращения: 25.07.2019).
6. Отчет о реализации государственной программы Ростовской области «Молодежь Ростовской области», утвержденной постановлением Правительства Ростовской области от 25.09.2013 № 588, за 2018 год. — URL: <https://www.donland.ru/result-report/292/> (дата обращения: 25.07.2019).
7. Об итогах реализации государственной молодежной политики на территории Ростовской области в 2018 году и задачах на 2019 год. — URL: <https://www.donland.ru/result-report/353/> (дата обращения: 25.07.2019).
8. Аналитическая записка о возрастном-половом составе населения Ростовской области на 01.01.2018. — URL: <https://www.donland.ru/result-report/343/> (дата обращения: 25.07.2019).
9. Итоговый ежегодный рейтинг регионов в сфере эффективности реализации молодежной политики за 2018 год. — URL: https://fadm.gov.ru/news/46526?is_important=true (дата обращения: 25.07.2019).
10. Молодежная политика. — URL: <https://www.donland.ru/activity/219/> (дата обращения: 25.07.2019).
11. Гегель Л. А., Казакова Е. О. Специалист по работе с молодежью: проблемы подготовки и востребованности // Высшее образование в России. — 2018. — № 2 (220). — С. 88–94.

**ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО У МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ ЕЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В. Г. Немировский

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

E-mail: valnemirov@mail.ru

*Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России, проект № 28.2941.2017/4.6.*

Аннотация. Цель статьи — выявить ценностные элементы образа желаемого будущего у молодежи Тюменской области, которые наиболее эффективно реализуются посредством ее конкурентоспособности. Образ желаемого будущего у молодых респондентов рассматривается на двух этапах их социализации: учебном и производственном. Статья опирается на результаты анкетного опроса учащихся 10–11-х классов общеобразовательных школ, студентов вузов и работающей молодежи Тюменской области. Показано, что в современных условиях посредством конкуренции наиболее эффективно реализуются не только престижно-потребительские элементы образа желаемого будущего у молодежи региона, но и нравственно-альтруистические.
Ключевые слова: образ желаемого будущего, конкурентоспособность, старшесеклассники, студенты, работающая молодежь, регион.

**THE IMAGE OF THE DESIRED FUTURE OF THE YOUTH
IN THE CONTEXT OF THEIR COMPETITIVENESS (BASED
ON EMPIRICAL RESEARCH IN THE TYUMEN REGION)**

V. G. Nemirovskiy

University of Tyumen, Tyumen

E-mail: valnemirov@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the value elements of the image of the desired future among the youth of the Tyumen Region that are most effectively implemented through its competitiveness. The image of the desired future among young respondents is considered at two stages of their socialization: educational and industrial. The article is based on the results of a questionnaire survey of students of 10–11th grades of secondary schools, university students, and working youth of the Tyumen Region. It is shown that in modern conditions, through competition, not only the prestigious-consumer elements of the image of the desired future among the youth of the region, but also the moral and altruistic ones are most effectively realized.

Keywords: the image of the desired future, competitiveness, high school students, students, working youth, region.

Введение

Актуальность данного исследования определяется высокой значимостью формирования конкурентоспособности молодежи как важного фактора повышения и реализации потенциала развития региона. Феномен конкурентоспособности достаточно широко изучен в отечественной и зарубежной научной литературе. Однако ее мотивационно-ценностная основа освещена пока слабо. При этом остается открытым вопрос: чего именно молодой человек хочет достичь, вступая в конкурентные отношения? Обычно по умолчанию подразумевается, что это некий жизненный успех. Но разными социальными акторами он может трактоваться неодинаково. Его спектр весьма широк: от получения тех или иных материальных благ, социального статуса и чувства гордости от успешного «отмщения» своему конкуренту за его реальное или мнимое превосходство в чем-либо, до обретения более широких возможностей для познания, свободы самосовершенствования, помощи окружающим людям и духовного поиска.

Образ желаемого будущего — один из важнейших элементов мотивационной сферы молодого человека — относится к числу значимых социокультурных феноменов. Он выступает как совокупность смысложизненных ценностных ориентаций, выражающих важнейшие цели индивида, достижение которых предполагается им в течение определенного промежутка времени.

При этом конкурентные отношения в социуме — один из важнейших социальных механизмов реализации образа желаемого будущего человека. Структура и содержание образа желаемого будущего раскрывает цели его участия в конкуренции. Ценностно-нормативная система общества, как и сложившиеся в нем социальные практики, могут способствовать эффективному достижению одних жизненных целей человека и активно препятствовать реализации других. Соответственно, уровень конкурентоспособности человека в существующей социокультурной среде свидетельствует о степени соответствия целей, достигаемых им в процессе конкурентных отношений, социально-нормативной системе общества и действующим социальным практикам. Изучение образа желаемого будущего молодежи в контексте ее конкурентоспособности позволяет выявить спектр актуальных на сегодняшний день ценностей, которые могут быть реализованы в социокультурной среде региона посредством конкурентных отношений. Цель настоящей статьи — проанализировать, какие именно ценностные элементы образа желаемого будущего молодежи Тюменской области наиболее эффективно реализуются посредством ее конкурентоспособности. Особенностью реализуемого подхода является анализ специфики образа желаемого будущего у молодых респондентов на двух этапах их социализации: учебном и производственном.

Основная часть

В последнее десятилетие различные аспекты образа желаемого будущего молодежи активно изучались на базе эмпирических исследований отечественными учеными-социологами [1; 2; 3; 4; 5; 6] и др., а также психологами [7; 8; 9; 10] и др. Вместе с тем реализация смысложизненных аспектов образа желаемого будущего у молодежи в конкурентных отношениях остается вне рамок социологических исследований.

Что касается конкурентоспособности различных категорий молодежи, ее анализ также широко представлен в современной отечественной социологической литературе [11; 12; 13; 14; 15] и др. Однако вопросы ее мотивационно-ценностной основы до сих пор слабо изучены.

В целом следует отметить, что в российской науке существуют две широко распространенные точки зрения на природу конкурентоспособности. В соответствии с одной из них она рассматривается как процессуальный феномен («динамический процесс») [5], другой — как структурный («интегральное качество личности») [6, с. 119]. На наш взгляд, тем самым раскрываются две комплементарные стороны конкурентоспособности, хотя в каждом конкретном случае приоритет может отдаваться тому или иному подходу в зависимости от цели исследования.

Образ желаемого будущего может существовать не только в массовом сознании респондентов, но и на уровне их массового бессознательного. Еще в 1991 г. с позиций деятельностного подхода и «на основе методологического принципа минимального универсума нами были выделены шесть смыслообразующих доминант: созидание, потребление, властвование, подчинение, сакральное, мирское, которые образуют ряд концепций смысла жизни, на базе которых выделены следующие ценностные элементы: активные занятия спортом; материальный достаток, вера в Бога, престиж, восхищение окружающих; хорошие возможности для отдыха, развлечений; хорошая семья; руководящая должность; интересная, творческая работа; регулярное чтение книг, посещение театров, концертов; жизнь ради людей, даже в ущерб собственным интересам; духовное развитие, нравственное самосовершенствование; здоровый образ жизни» [16, с. 269–276].

Ценностные элементы образа желаемого будущего у молодежи выступают важными ценностными характеристиками конкурентоспособности, под которой мы понимаем способность социального субъекта к достижению своих целей в обществе в условиях соперничества с другими субъектами. В данном случае в качестве такого актора выступает молодежь Тюменской области.

Формирование образа желаемого будущего происходит в процессе социализации индивида. В данном исследовании рассматривается молодежь, проходящая две стадии социализации: учебная (обучение в 10–11-х классах общеобразовательных школ и в высших учебных заведениях) и производственная (работа на предприятиях, организациях).

Основная гипотеза. В современных условиях посредством конкуренции у молодежи наиболее эффективно реализуются престижно-потребительские элементы ее образа желаемого будущего.

Задачи исследования. 1. Выявить особенности образа желаемого будущего учащихся старших классов общеобразовательных школ, студентов высших учебных заведений и молодежи, работающей на предприятиях и в организациях Тюменской области.

2. Определить, какие ценностные элементы образа желаемого будущего наиболее полно реализуются посредством конкурентоспособности молодежи.

3. Исследовать морально-нравственное содержание конкурентоспособности молодежи с учетом ее образа желаемого будущего.

Методика исследования. С января по март 2019 г. научным коллективом социологической лаборатории Тюменского государственного университета проведено социологическое исследование среди трех социально-демографических групп молодежи: старшеклассников, студентов среднего профессионального и высшего образования, работающей молодежи.

Метод: анкетный опрос по месту учебы или работы респондентов. В выборке представлены респонденты крупного города (Тюмень), средних городов (Тобольск и Ишим), сельских муниципальных образований Тюменской области. Тип выборки: квотная, районированная, гнездовая. Репрезентативность проверялась по признакам: пол, возраст, форма собственности предприятия (для работающей молодежи). Выборочная совокупность: учащиеся 10–11-х классов (1130 человек), студенты (1097 человек), работающая молодежь (942 человек). Общее количество опрошенных составило 3169 человек. Для обработки и анализа эмпирических данных использованы статистические методы лицензионной версии программы IBM SPSS Statistics 23.

В настоящей статье мы опираемся на следующие индикаторы, направленные на исследование образа желаемого будущего и различных аспектов конкурентоспособности молодых респондентов.

В частности, использовался прожективный вопрос (разработанный нами около тридцати лет назад, который в дальнейшем многократно применялся в различных исследованиях), «направленный на выявление у респондентов образа желаемого будущего: “Представьте себя через десять лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?” Каждая ценностная формулировка одного из аспектов их будущей жизни отражала определенную концепцию смысла жизни. Респондентам предлагалось представить самого себя через десять лет и оценить предложенные в анкете 12 характеристик его жизни по трехбалльной шкале: обязательно, возможно, маловероятно» [16, с. 277].

Для анализа конкурентоспособности респондентов был применен метод самооценки. Респондентам (учащимся 10–11-х классов общеобразовательных школ и студентам высших учебных заведений) предлагалось ответить на вопрос: «Считаете ли Вы себя конкурентоспособным (успешным)?» и выбрать

один вариант ответа на четырехбалльной шкале: 1. Да. 2. Скорее да, чем нет. 3. Скорее нет, чем да. 4. Нет.

Работающая молодежь уже может оценить реальные результаты своего участия в конкуренции. В анкету, предназначенную для этой категории респондентов, был включен вопрос: «У разных людей по-разному складывается участие в конкуренции. С каким из суждений вы согласны?» При ответе использовали 10-балльную шкалу, где 10 баллов означает, что Вы полностью согласны с «левым» высказыванием («Как правило, я всегда успешно побеждаю всех своих конкурентов»), а 1 — с «правым» («Мне очень редко удается выходить победителем в конкуренции»).

С целью выявления морально-нравственных принципов конкуренции студентам и работающей молодежи задавался вопрос: «Как Вы относитесь к следующему суждению: “В наше время для победы над конкурентами средства не имеют значения, важен результат”». При этом использовалась следующая пятибалльная шкала: Согласен полностью. — Скорее согласен, чем не согласен. — Сложно сказать. — Скорее не согласен, чем согласен. — Не согласен.

Результаты исследования. Отметим то общее, что объединяет все эти группы молодежи. Наиболее распространенными элементами образа желаемого будущего во всех группах выступают три ориентации: *хорошая семья* (соответственно, 61%, 64% и 78% ответивших), *материальный достаток* (64%, 55% и 62%) а также *здоровый образ жизни* (57%, 51% и 59%). При переходе к профессиональной деятельности для молодых респондентов несколько растет значение *хорошей семьи* и *регулярного чтения книг, посещение театров, концертов*. Более высокая распространенность первой из них во многом определяется возрастом работающих респондентов, в котором она актуализируется и, зачастую, получает свою реализацию.

Наряду с этим при вхождении в самостоятельную трудовую жизнь и столкновении с ее непростыми реалиями в образе желаемого будущего у молодых респондентов происходит падение значения *интересной, творческой работы* (соответственно, 50%, 47%, 45%), *руководящей должности* (35%, 33%, 29%), а также нравственно-альтруистических ориентаций: *духовное развитие, нравственное самосовершенствование* (49%, 43%, 37%) и *жизнь ради людей, даже в ущерб собственным интересам* (16%, 19%, 9%). Очевидно, в процессе производственной социализации у ряда молодых людей возникает понимание того факта, что в «настоящей» жизни далеко не всегда можно получить интересную работу и быстро стать «начальником», а также корректируются некоторые возвышенно-романтические ожидания и ориентации.

Исследование показало, что наиболее высокую самооценку конкурентоспособности демонстрируют школьники, у которых важнейшими элементами образа желаемого будущего выступает *материальный достаток* — 77% из тех, кто рассматривает его «обязательным» атрибутом своего желаемого будущего, при ответе на вопрос: «Считаете ли вы себя конкурентоспособным» выбрали вариант «да». Достаточно близкие результаты получены от респондентов, ориентированных в будущем на *хорошую семью* (67%), *хорошие*

возможности для отдыха, развлечений (66%), здоровый образ жизни (63%), интересная, творческая работа (62%), активные занятия спортом (62%), духовное развитие, нравственное самосовершенствование (61%). Как видим, ценностной основой конкурентоспособности старшеклассников может выступать широкий спектр ценностных ориентаций на будущее, как престижно-гедонистического, так и духовно-нравственного характера.

Вышесказанное относится и к ориентациям на элементы образа желаемого будущего, которые занимают средний уровень выявленной нами иерархии: *руководящая должность* (54%), *регулярное чтение книг, посещение театров, концертов* (46%), также *престиж, восхищение окружающих* (42%).

И все же наиболее низкую самооценку конкурентоспособности демонстрируют те старшеклассники, для которых одними из значимых элементов образа желаемого будущего являются *вера в Бога* (27%) и *жизнь ради людей, независимо от профессии, даже в ущерб собственным интересам* (24%). Иными словами, имеющие религиозные и альтруистические ориентации. Это вполне логично, поскольку как религиозная мораль (для молодежи Тюменской области, в основном, православная), так и альтруистические убеждения противоречат представлениям о целях конкуренции как достижении жизненного успеха, сложившимся у современной российской молодежи [17].

Согласно ответам представителей работающей молодежи, признавшихся: «Как правило, я всегда успешно побеждаю своих конкурентов», в образе желаемого будущего «обязательно» будут присутствовать: *хорошая семья* (78%), *здоровый образ жизни* (77%), *материальный достаток* (72%), *духовное развитие, нравственное самосовершенствование* (69%), *хорошие возможности для отдыха, развлечений* (67%).

Также высоко значимы для этой категории респондентов *интересная, творческая работа* (60%) и *регулярное чтение книг, посещение театров, концертов* (60%).

Несколько менее значимы такие элементы образа желаемого будущего, как *вера в Бога* (51%), *активные занятия спортом* (50%), *руководящая должность* (47%), *престиж, восхищение окружающих* (40%), *жизнь ради людей, даже в ущерб собственным интересам* (40%).

Как видим, у школьной и работающей молодежи ценностная основа конкурентоспособности, рассматриваемая через призму образа желаемого будущего, во многом схожа: из пяти наиболее существенно представленных в самооценке конкурентоспособности элементов образа будущего совпадают четыре: *хорошая семья, хорошие возможности для отдыха, развлечений, здоровый образ жизни, интересная, творческая работа, активные занятия спортом, духовное развитие, нравственное самосовершенствование*.

Но у работающей молодежи ориентация на материальный достаток «приходит на смену» ориентации на интересную, творческую работу, которая широко распространена у школьной молодежи, проходящей стадию учебной социализации.

Тем самым спектр ценностных оснований конкурентоспособности молодежи достаточно широк, охватывая как ее престижно-гедонистические, так и духовно-нравственные смысложизненные ориентации.

Морально-нравственное содержание конкурентоспособности в массовом сознании молодежи выявлялось их отношением к суждению «В наше время для победы над конкурентами средства не имеют значения, важен результат». «Полностью согласны» с ним 12% опрошенных студентов и 10% представителей работающей молодежи, вариант ответа «скорее согласен, чем не согласен» отметили, соответственно, 23% и 22% респондентов, «сложно сказать» ответили 37% и 35%, «скорее не согласен, чем согласен» — 18% и 24%, «совершенно не согласен» — 10% и 9% респондентов. Как видим, в целом около трети молодых людей (35% студентов и 32% — работающих респондентов) в той или иной мере выразили с ним свое согласие.

Подобные результаты корреспондируются с данными представительных исследований, проведенных М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги, в соответствии с которыми, по мнению более половины молодых людей, «современный мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать моральные принципы и нормы» [18, с. 125].

Проанализируем далее, каким образом взаимосвязаны представления различных групп молодежи о морально-нравственных принципах конкуренции с их образом желаемого будущего. Для этого рассмотрим распределение ответов студентов, «полностью согласных» с суждением «В наше время для победы над конкурентами средства не имеют значения, важен результат», выбравших вариант «обязательно» при характеристике того или иного элемента своего образа желаемого будущего. Наиболее часто его выбирают респонденты, ориентированные в будущем на *хорошую семью* (66%) и *материальный достаток* (65%). С ним также согласны около половины опрошенных студентов, отметивших вариант «обязательно» в отношении таких элементов образа желаемого будущего, как *хорошие возможности для отдыха, развлечений* (54%), *здоровый образ жизни* (54%), *руководящая должность* (50%) и *хорошие возможности для отдыха, развлечений* (50%). Напрашивается логичный вывод, что студенты с подобным образом желаемого будущего рассматривают конкуренцию как механизм, не ограничиваемый никакими морально-этическими нормами, предполагающий возможность действовать в соответствии с принципом «цель оправдывает средства».

Промежуточный уровень выявленной иерархии ответов включает ориентации на *активные занятия спортом* (48%), *духовное развитие, нравственное самосовершенствование* (44%), *регулярное чтение книг, посещение театров, концертов* (42%), *престиж, восхищение окружающих* (40%).

Наименее склонны к подобному восприятию конкуренции респонденты, имеющие как элемент образа желаемого будущего *веру в Бога* (37%), а также социально-альтруистические ориентации: *жизнь ради людей, даже в ущерб собственным интересам* (30%).

Заключение

Итак, смысловые ориентации, составляющие образ желаемого будущего, выступают одной из важнейших ценностных основ конкурентоспособности молодежи. Цель данной статьи — анализ возможностей реализации с помощью конкурентоспособности различных ценностных элементов образа желаемого будущего молодежи Тюменской области — представляется достигнутой. Вместе с тем основная гипотеза «в современных условиях посредством конкуренции наиболее эффективно реализуются престижно-потребительские элементы образа желаемого будущего у молодежи» нашла лишь свое частичное подтверждение.

Наши исследования показали во многом схожую картину образа желаемого будущего у молодежи — как на учебном, так и на производственном этапе ее социализации. Логично предположить, что эти основные ценности формируются у юношей и девушек ранее, нежели они становятся старшеклассниками. Безусловно, этот вопрос требует проведения дополнительных исследований. Тем не менее можно говорить о том, что в целом на протяжении процесса социализации представители школьной, студенческой и работающей молодежи усваивают основные ценности, широко распространенные в современном российском социуме — это *семья, материальный достаток и здоровый образ жизни*.

Как высокая самооценка конкурентоспособности (старшеклассники), так и ее успешная практическая реализация (работающая молодежь) опираются не только на образ желаемого будущего, включающий ориентации на создание хорошей семьи, здоровый образ жизни, интересную, творческую работу (материальный достаток у работающей молодежи), активные занятия спортом, но также содержат ориентации на духовное развитие, нравственное самосовершенствование. Готовность опираться в процессе конкуренции на принцип «цель оправдывает средства» проявляют в первую очередь молодые люди, для которых наиболее значимыми в образе желаемого будущего являются престижно-потребительские, статусные и гедонистические смысловые ориентации.

Таким образом, можно говорить, что сегодня в России (в частности, в Тюменском регионе) сложилась система норм, ценностей и устойчивых форм социальной деятельности, посредством которых наиболее успешными становятся молодые люди не только с престижно-потребительскими ориентациями, но и стремлением к духовному развитию и нравственному совершенствованию, здоровому образу жизни. Наряду с этим молодежь, имеющая социально-альтруистические и престижно-статусные ориентации, верящая в Бога, имеет заметно меньшие шансы на успех. Поэтому целесообразно говорить о глубокой противоречивости современной социокультурной ситуации в стране, которая требует специального изучения. Весьма эффективным инструментом для ее дальнейшего анализа, как показывает опыт, выступает модель социокультурного подхода, созданная

Н. И. Лапиным и представителями его научной школы [19; 20]. Именно с его использованием представляется целесообразным продолжить дальнейшие исследования образа желаемого будущего в массовом сознании молодежи в контексте ее конкурентоспособности. В частности, представляется весьма эвристичным использование разработанной Н. И. Лапиным и широко апробированной в общероссийских и региональных исследованиях методики изучения ценностей [21].

Источники

1. *Ильичева Л. Е., Комаровский В. С.* Образ желаемого будущего, идентичность и цивилизационный выбор молодежи // Политика развития, государство и мировой порядок : материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. — М. : «Аспект Пресс», 2018. — С. 228–229.
2. *Дидковская Я. В., Дулина Н. В., Трынов Д. В.* Образ социального будущего молодежи индустриального региона (на примере Волгоградской и Свердловской областей) // *Logos et Praxis*. — 2018. — Т. 17, № 3. — С. 35–44.
3. *Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л.* Роль образа будущего в выборе жизненных стратегий современной российской молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2015. — № 7, ч. 2. — С. 52–55.
4. *Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В.* Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: Ежегодник. — Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. — М. : Новый Хронограф, 2017. — С. 369–394.
5. *Волкогорова О. Д., Малов А. В., Ланина Е. М.* Представления современной вузовской молодежи о будущем // *Мир России*. — 2010. — № 11 (4). — С. 157–178.
6. *Образ будущего в оценках нового поколения россиян : монография / В. В. Гаврилюк, Л. Л. Мехришвили, Н. И. Скок, Х. Н. Садыкова, Ш. Ф. Фарахутдинов, В. В. Маленков, Т. В. Гаврилюк, О. Л. Сотков, И. Н. Голиков.* — Тюмень : ТИУ, 2016. — 166 с.
7. *Абрамова С. Ф.* Образ желаемого будущего в представлениях современных подростков: ожидания и страхи // *Logos et Praxis*. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 97–106.
8. *Даутов Д. Ф., Климова Н. М.* Особенности образа будущего у студентов инженерных специальностей // *Инженерный вестник Дона*. — 2015. — № 3. — URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/issue/121> (дата обращения: 19.09.2019).
9. *Тучина О. Р., Аполлонов И. А.* Представления о будущем и способы социализации современной молодежи: этнический и гендерный аспекты // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции : в 2 т. / отв. ред. В. А. Веренко. — СПб. : Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. — С. 222–226.
10. *Тарасова Л. Е.* Идеальный образ будущего у студенческой молодежи из российской провинции // *Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика*. — 2010. — № 1. — С. 34–38.
11. *Шафранов-Куцев Г. Ф., Ефимова Г. З.* Конкурентоспособность работающей молодежи на основе самооценок (по данным исследования в Тюменской области) // Социологические исследования. — 2018. — № 8. — С. 102–107.

12. *Резник С. Д., Коновалова Е. С., Соколова А. А.* Конкуренитоориентированность и конкурентоспособность студенческой молодежи России. Опыт, проблемы, перспективы. — М. : Инфра-М, 2013. — 213 с.
13. Конкуренитооспособность как фактор успешности молодого специалиста на рынке труда: монография / О. Н. Беленов, О. А. Колесникова, А. В. Звездинская, Е. В. Маслова ; под общ. ред. Е. В. Масловой; Воронежский государственный университет. — Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2017. — 74 с.
14. *Семенов М. Ю., Булашева А. А.* Конкуренитооспособность и оценка старшеклассниками своего будущего // Материалы XXI Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. — Екатеринбург : УрФУ, 2018. — С. 630–639.
15. Социологическое сопровождение обеспечения конкурентоспособности выпускников вуза в условиях современного рынка труда : монография / К. М. Оганян, И. В. Андреева, В. К. Акопян и др. — М. : НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 244 с. — URL: <http://znanium.com/catalog/product/470353> (дата обращения: 19.09.2019).
16. *Немировский В. Г., Невирко Д. Д.* Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 302 с.
17. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет. — М. : ЦСПиМ, 2010. — 592 с.
18. *Маршак А. Л., Рожкова Л. В.* Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социологические исследования. — 2015. — № 8. — С. 157–160.
19. *Лапин Н. И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. — 2000. — № 7. — С. 3–12.
20. *Лапин Н. И.* Антропосоциокультурный эволюционизм — метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 3–14.
21. *Лапин Н. И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С. 28–36.

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. Скворцова

Сибирский государственный университет водного транспорта,
г. Новосибирск

E-mail: skv-ok@yandex.ru

Руководитель проекта: д. социол. н. Е. Б. Мостовая, профессор ФГБОУ ВО
«Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет» (Новосибирский государственный университет)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-03-00444а)
«Модернизация и новая индустриализация в регионе: социокультурный
контекст».*

Аннотация. В работе представлен опыт выявления моделей сознания и поведения студенческой молодежи, соответствующих тому или иному уровню инновационной активности и определение факторов повышения такой активности. Исследование проведено на базе социологического опроса студентов-старшекурсников новосибирских вузов (439 человек) с применением методов кластерного анализа.

Ключевые слова: модернизация, инновационный потенциал молодежи, инновационные сознание и поведение, социологическое исследование, кластерный анализ.

INNOVATIVE ACTIVITY OF STUDENT YOUTH OF THE NOVOSIBIRSK REGION: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

O. V. Skvortsova

Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk

E-mail: skv-ok@yandex.ru

Abstract. The paper presents the experience of identifying models of consciousness and behavior of students corresponding to a particular level of innovation activity and the definition of factors to increase such activity. The study was conducted on the basis of a sociological survey of senior students of Novosibirsk universities (439 people) using the methods of cluster analysis.

Keywords: modernization, innovative potential of young people, innovative consciousness and behavior, case study, cluster analysis.

Ведение

Модернизация социально-экономического пространства региона тесно связана с инновационным климатом и инновационной инфраструктурой этого региона. Наличие у граждан инновационного мышления, характеризующегося как готовностью к инновационной деятельности, так и позитивным отношением к инновациям, является немаловажным условием инновационного развития [1; 2; 3].

Поэтому очень важно оценить способность и готовность населения эффективно участвовать в инновационных процессах.

В «Стратегии социально-экономического развития Новосибирска на период до 2030 года» четко обозначены приоритетные задачи. К ним относятся: модернизация и создание высокотехнологичных производств и инновационной инфраструктуры, обеспечивающей разработку и выпуск наукоемкой конкурентоспособной продукции и услуг; развитие научно-промышленных кластеров (информационный, биомедицинский, авиационный и другие кластеры); формирование индустриальных и технологических парковых проектов; создание условий для подготовки квалифицированных кадров инновационной экономики; создание комфортной и привлекательной для проживания и работы городской среды. Особо выделены задачи развития сферы молодежной политики: содействие включению молодежи в социальную и общественную жизнь города Новосибирска; повышение активности молодежи в решении городских проблем; содействие разностороннему и своевременному развитию молодых людей, их творческих способностей; формирование у молодежи навыков самоорганизации, лидерских качеств; оказание организационной помощи молодежным организациям города Новосибирска и координация их деятельности [4].

Новосибирск, бурно развивающийся мегаполис со своей историей развития и внедрения инноваций. Он в 2012–2013 гг. включен в шорт-лист всемирного рейтинга инновационных городов Innovation Cities Global Index 2012–2013 (178-е место). Из российских городов выше Новосибирска расположились: Москва (74-е место), Санкт-Петербург (84-е), Екатеринбург (160-е) и Казань (172-е). В Новосибирске создана широкая инфраструктура для проведения инновационной политики. Она включает специальные инновационные технологические комплексы (технопарк), площадки при университетах и исследовательских институтах, бизнес-инкубаторы, а также организации и объединения, оказывающие финансовую поддержку для создания и реализации инновационных проектов.

Органами, реализующими молодежную политику (министерство образования Новосибирской области), осуществляется всесторонняя поддержка молодежных инициатив, предлагаются программы по вовлечению молодежи в активную созидательную деятельность. Чаще всего молодежи предлагается участие в конкурсах и грантах на разработку и реализацию проектов по преобразованию социальной среды, так как технологическими инновациями

можно заниматься только на специальных площадках, в исследовательских институтах или университетах, где есть лаборатории, в трудовых коллективах или на производстве.

Итак, в настоящее время активно создаются условия для активизации и реализации инновационного потенциала молодежи, продумываются формы и методы вовлечения молодежи в инновационную деятельность. В связи с этим представляет интерес изучение отклика молодежи на те действия, которые продиктованы молодежной политикой области и государства. Как воспринимает студенческая молодежь, находящаяся в процессе освоения профессиональных знаний и навыков, новые программы вовлечения в инновационную деятельность, имеются ли у нее намерения в осуществлении такой деятельности, демонстрирует ли молодежь новые модели поведения?

Основная часть

Главной **целью** нашего исследования является фиксация различных моделей сознания и поведения студенческой молодежи, соответствующих тому или иному уровню инновационной активности, и определение факторов повышения такой активности.

Гипотеза исследования: существуют модели сознания и поведения студенческой молодежи, соответствующие разным уровням инновационной активности, от самого высокого, соответствующего полному набору операционных характеристик, измеряющих инновационную активность, до самого низкого, не удовлетворяющего большинству заданных характеристик.

Базой послужили данные социологического опроса студентов-старшекурсников аграрного (Новосибирский государственный аграрный университет), ведущего технического (Новосибирский государственный технический университет, НГТУ) и управленческого вузов (Новосибирский государственный университет экономики и управления, НГУЭУ) г. Новосибирска, проведенного зимой 2018–2019 гг. по анкете «Студенчество сегодня»¹. Всего опрошено 439 человек.

Состояние инновационной активности молодежи установим через призму ее поведенческих проявлений, установок и ценностей, зафиксированных в нашем эмпирическом материале.

Сознание индивида, в котором через установки и поведенческие проявления обнаруживается стремление к инновационной деятельности, будет рассматриваться нами как сознание и поведение, поддерживающие и развивающие инновационную деятельность в молодежной среде, формирующее

¹ Анкетный инструментарий исследования, примененный в опросах, разработан чл.-корр. РАО д. социол. н. Л. Г. Борисовой, старшим научным сотрудником ИЭ и ОПШ И. И. Харченко, при участии проф. НГУ, д. социол. н. Е. Б. Мостовой и доработан исследовательским коллективом в рамках работы по гранту РФФИ «Модернизация и новая индустриализация в регионе: социокультурный контекст» под руководством проф. НГУ, д. социол. н. Е. Б. Мостовой.

потенциал для реализации инноваций. Такое сознание и поведение мы будем далее называть инновационным.

Инновационным можно назвать поведение молодежи, которое проявляется в готовности участвовать в самоуправлении территорией проживания. Если население начинает участвовать в этой деятельности, то она своим участием создает условия для инновационных проявлений в социальной сфере, является механизмом вовлечения инновационного потенциала молодого поколения в развитие российских территорий. Однако, опираясь на наши предварительные исследования самоуправленческой активности сельской молодежи, подчеркнем, что такое поведение пока не является распространенным, находится в зачаточном состоянии [5].

Инновационная деятельность объединяет множество процессов и является целостным их результатом, поэтому должна рассматриваться в единстве различных аспектов. Ознакомившись с толкованиями понятий таких, как: Инновации, Социальные инновации, Инновационная деятельность, Инновационное поведение, Инновационные социальные технологии, Инновационный образ мышления [6], подчеркнем следующее. Инновация — это не просто новый, не существовавший ранее продукт, метод или способ деятельности в какой-либо сфере, но который несет в себе обязательно улучшение качеств и свойств, способов жизнедеятельности, социального самочувствия социального или экономического взаимодействия, обязательно внедрен и используется в жизнедеятельности человека. Основой для инновационной деятельности индивида является особое инновационное мышление, определяющее его сознание и поведение. Выделяя операциональные характеристики для измерения уровней инновационной активности, учтем и специфику мышления, необходимого для успешного осуществления инновационной деятельности.

Специфику инновационного мышления охарактеризуем на основе работы В. П. Делия [7]. Автор подчеркивает, что инновационное мышление объединяет в себе:

- творческое мышление, характеризующееся способностью выходить за рамки имеющихся образцов, алгоритмов, моделей;
- научно-теоретическое мышление, характеризующееся как знанием научно-теоретических основ и методологических подходов, которые соответствуют современному уровню науки, так и умением обобщать, анализировать, строить теоретические модели;
- социально позитивное мышление, характеризующееся направленностью на созидание, стремление к улучшению социальных условий;
- конструктивное (технологическое) и прагматическое мышление, характеризующиеся способностью ставить реальную цель, выбирать подходящие методы и средства для ее достижения, планировать порядок своих действий, оценивать результаты внедрения инновации;
- преобразующее мышление, характеризующееся стремлением к преобразовательной деятельности, изменяющей реальный материальный мир или социум.

Таким образом, инновационная деятельность, это творческая, созидательная, конструктивная, преобразующая деятельность, основанная на прочном научном современном знании.

Методы исследования. Описание результатов. Из анкеты мы выделили восемь вопросов, ответы на которые, по нашему мнению, отражают ту или иную составляющую инновационного мышления у респондента (см. табл. 1).

Таблица 1

**Сопоставление измерителей инновационной активности
с характеристиками инновационного мышления**

Характеристики инновационного мышления	Индикаторы (вопросы анкеты)
Творческое научно-теоретическое	Имеете ли Вы собственные творческие работы (литературные, научные, художественные, технические, музыкальные и пр.)? Варианты ответов: 1) да; 2) пытаюсь создавать, сочинять; 3) нет При решении какого рода задач, выполнении какого рода заданий Вам удастся успешнее всего проявлять свои личные и профессиональные качества? Варианты ответов: 1) при решении стандартных задач, заданий по известному алгоритму; 2) при решении нестандартных задач, алгоритм которых приходится; 3) при постановке новых задач; 4) испытываю трудности при решении любых задач Принимаете ли Вы участие в научных конференциях? Варианты ответов: 1) да; 2) нет
Социально позитивное	Выступаете ли Вы в концертных программах, праздниках, на сцене? Варианты ответов: 1) да; 2) нет Участвуете ли Вы в деятельности общественных молодежных организаций, объединений, неформальных групп, клубов? Варианты ответов: 1) участвую; 2) не участвую, но хотел бы; 3) не участвую и не хочу
Конструктивное прагматическое	Есть ли у Вас публикации в научных изданиях или СМИ? Варианты ответов: 1) да; 2) нет Принимаете ли Вы участие в выставках (конкурсах) творческих работ? Варианты ответов: 1) да; 2) нет
Преобразующее	Готовы ли Вы предложить и реализовать какой-либо проект ради общего блага в вузе, в городе, по месту жительства, в студенческой группе? Варианты ответов: 1) Да, с удовольствием; 2) Если обяжут, то буду заниматься; 3) Если за это заплатят хорошие деньги; 4) Хотелось бы, но не знаю, к кому обратиться; 5) Не собираюсь этим заниматься

Всего ответивших на эти вопросы оказалось 388 человек (93%) из числа опрошенных. Из них представителей аграрного университета 34,3%, технического университета — 38,4% и университета экономики и управления — 22,7%.

К эмпирическим данным в программе SPSS мы применили кластерный анализ на базе выбранных индикаторов. В итоге получилось пять кластеров — однородных групп объектов, примерно имеющих внутри каждого кластера схожий уровень инновационной активности (см. табл. 2).

Таблица 2

Кластерное распределение респондентов по уровням инновационной активности в соответствии с характеристиками инновационного мышления, %

Вопрос	Варианты ответов	Кластеры					Все
		I	II	III	IV	V	
		19% (73)	19% (74)	25% (95)	27% (105)	11% (41)	
Творческое, научно-теоретическое							
При решении какого рода задач, выполнении какого рода заданий Вам удается успешнее всего проявлять свои личные и профессиональные качества?	при решении стандартных задач, заданий по известному алгоритму	25	60	55	69	0	48
	при решении нестандартных задач, алгоритм которых приходится искать самому	49	35	34	31	0	33
	при постановке новых задач	22	5	12	0	49	13
	испытываю трудности при решении любых задач	3	0	0	0	37	4
Имеете ли Вы собственные творческие работы?	да	64	15	27	32	29	34
	пытаюсь создавать	22	22	27	20	17	22
	нет	14	63	45	48	54	44
Принимаете ли Вы участие в научных конференциях?	да	75	44	36	39	32	45
	нет	25	56	64	61	68	55
Прагматическое, конструктивное							
Принимаете ли Вы участие в выставках (конкурсах) творческих работ?	да	45	9	12	9	12	17
	нет	55	90	88	91	88	83
Есть ли у Вас публикации в научных изданиях или СМИ?	да	55	32	17	35	29	33
	нет	45	68	83	65	71	67

Вопрос	Варианты ответов	Кластеры					Все
		I	II	III	IV	V	
		19 % (73)	19 % (74)	25 % (95)	27 % (105)	11 % (41)	100 % (388)
Социально-позитивное							
Выступаете ли Вы в концертных программах, праздниках, на сцене?	да	60	22	16	16	17	25,5
	нет	40	78	84	84	83	74,5
Участвуете ли Вы в деятельности общественных молодежных организаций, объединений, неформальных групп, клубов?	участвую	63	26	1	10	7	21
	не участвую, но хотел бы	34	42	7	24	29	31
	не участвую и не хочу	3	32	70	65	59	47
Преобразующее							
Готовы ли Вы предложить и реализовывать какой-либо проект ради общего блага в вузе, в городе, по месту жительства, в студенческой группе?	Да, с удовольствием	83	0	52	0	0	28
	Если обяжут, то буду заниматься	12	15	48	0	2	17
	Если за это заплатят хорошие деньги	4	77	0	0	29	19
	Хотелось бы, но не знаю, к кому обратиться	0	8	0	14	7	6
	Не собираюсь этим заниматься	0	0	0	86	61	30
		Иноваторы	Профессоры	Конформисты	Наблюдатели	Неготовые	

Самый высокий уровень инновационной активности демонстрируют представители первого кластера (см. табл. 2). Они в большей степени, чем остальные, проявляют творческую и общественную активность, показывают способность к самостоятельному нестандартному мышлению, обнаруживают альтруистическое стремление к преобразующей созидательной деятельности. Поскольку представителям этого кластера свойственны все выделенные нами операциональные характеристики инновационной активности, то мы назовем их «**Иноваторы**».

Следующий уровень инновационной активности следует разделить между представителями второго и третьего кластеров. Представители второго кластера проявляют в меньшей степени, чем остальные, творческую активность, но общественную сохраняют на высоком уровне, готовы к преобразующей

деятельности на благо социума, правда, при условии денежного вознаграждения. Это, в свою очередь, дает основания предположить, что они подходят к вопросу реализации проектов основательно, понимая, что это обязательно потребует больших затрат собственных интеллектуальных, моральных и физических сил и свободного времени. Назовем представителей второго кластера «**Профессионалами**». Представители третьего кластера по сравнению «**Профессионалами**» более творчески активны, но гораздо менее активны в общественных делах: подавляющее большинство (70%) не желают участвовать в деятельности общественных организаций, объединений и т. п., однако готовы к преобразующей деятельности, и в половине случаев (48%) не самостоятельной, а под руководством авторитетов. Представителей этого кластера назовем «**Конформисты**», поскольку показывают готовность идти за лидером и поддерживать начинания других.

Следующий уровень демонстрируют представители четвертого кластера, которых, главным образом, от всех остальных отличает стойкое нежелание заниматься преобразующей деятельностью. Поскольку представители этого кластера не готовы к действию, то мы их определяем как «**Наблюдатели**».

И последний уровень инновационного сознания демонстрируют представители пятого кластера. Схожие позиции фактически в равной степени разделяют и те, кто определил себя способным к постановке новых задач в своей профессиональной деятельности, и те, кто испытывает трудности при решении любых задач. Наблюдаемое противоречие в оценке своей деятельности может говорить о том, что представители этой группы, возможно, не понимают суть вопроса, и за новую задачу принимают ту, с которой они не встречались в своей практике, а не ту, которой не существовало вообще в их профессиональной сфере. Возможно, часть из них можно отнести к «Профессионалам», а часть к «Наблюдателям». Ввиду того, что представители последнего кластера выглядят не определившимися, назовем их «**Неготовые**».

Остановимся на подробном описании портрета «Инноваторов» в сопоставлении с портретными характеристиками «Неготовых», так как они демонстрируют два противоположных уровня инновационной активности.

Высокий уровень инновационной активности обнаруживают примерно пятая часть лиц как женского (20%), так и мужского (16%) пола, а также пятая часть (23%) студентов аграрного вуза и столько же технического, и лишь десятая часть (11%) управленческого. Низкий уровень инновационной активности обнаруживают десятая часть лиц как женского (10%), так и мужского (11%) пола, примерно пятая часть (18%) студентов управленческого вуза и 7–8% студентов аграрного и технического вузов. Похоже, что от будущих управленцев не стоит ожидать активной инновационной деятельности.

«Инноваторы» — это те, кто окончили в основном обычную среднюю школу, имеют высокую академическую успеваемость в вузе (две трети из них учатся «хорошо и отлично», причем треть — только «отлично»). Большинство из них совершили самостоятельный выбор профессии. Основными стимулами к учебной деятельности «Инноваторы» называют интерес к получаемым

знаниям (44 % против 36 % в среднем по всем и 12 % «Неготовых»), желание применить свои способности (соответственно 44 % / 37 % / 15 %), понимание, что без качественного образования не найти достойного места в жизни (43 % / 38 % / 27 %). «Неготовые», напротив, в качестве стимулов к учебной деятельности чаще, чем «Инноваторы», отмечают желание скорее получить диплом и начать работать (32 % против 19 %), и значительно чаще, чем все остальные — желание родителей или родственников в получении высшего образования их детьми (29 % «Неготовых» против 11 % всех в среднем и 8 % «Инноваторов»). «Неготовым» в большей степени, чем всем остальным, характерно отсутствие стимулов к учебной деятельности (учатся по «инерции» 34 % «Неготовых», 20 % в среднем всех и 15 % «Инноваторов»).

«Инноваторы» при обучении в вузе, прежде всего, реализуют потребности в творческой деятельности, научных исследованиях, развитии лидерских качеств. Они в большей мере, чем остальные, стремятся получить подготовку для освоения новых видов деятельности, т. е. сформировать умение учиться и переобучаться, планируют продолжение образования в магистратуре или на курсах (см. табл. 3, 4, 5).

Таблица 3

Иерархии потребностей, реализуемых в вузе студентами-старшекурсниками с разным уровнем инновационной активности (в %)

Вопрос: «Как Вы считаете, какие Ваши потребности реализуются во время обучения в вузе?»

	Инноваторы	Профессионалы	Комфортисты	Наблюдатели	Неготовые	Всего
Получение качественного образования, знаний, навыков, компетенций	73	53	75	70	55	67
Практика, получение опыта работы	48	43	43	51	45	46
Исследовательская деятельность, научные достижения	30	11	21	16	18	19
Развитие творческих способностей	29	8	6	12	13	13
Развитие лидерских качеств	29	18	12	12	5	16
Общение, дружба, любовь	26	53	38	35	33	37
Дополнительное образование	11	16	16	14	13	14
Физическое развитие, возможность заниматься спортом	10	16	14	11	10	12
Другие потребности	6	0	4	0	3	2

Таблица 4

Иерархии приобретаемых в вузе навыков студентами-старшекурсниками с разным уровнем инновационной активности (в %)

Во пр о с: «Как Вы считаете, что из перечисленного Вы освоите к моменту окончания вуза?»

	Инноваторы	Профессионалы	Конформисты	Наблюдатели	Неготовые	Всего
Навыки работы в команде, умение контактировать с людьми	63	58	52	60	42	56
Подготовку, достаточную для освоения новых видов деятельности	47	28	46	39	37	40
Профессию, соответствующую современным требованиям	47	32	37	45	32	40
Навыки аналитического мышления	45	42	47	44	37	44
Навыки нестандартного мышления, нахождения новых решений	43	37	39	25	27	34
Организационно-управленческие навыки	43	27	32	38	15	33
Нужные, полезные связи	41	34	25	28	22	30
Умение быть терпимым, толерантным к людям (иной веры, иной расы, иных взглядов)	30	32	27	29	22	29
Компьютер и информационные технологии – свободное владение	27	20	21	28	20	24
Иностранный язык – свободное владение	12	4	15	5	17	10

Среди условий, направленных на улучшение качества получаемого образования в вузе или на факультете, «Инноваторы» чаще, чем остальные, называют повышение материально-технического обеспечения учебного процесса (33% против 24% в среднем по всем и 10% «Неготовых»), тем самым показывая заинтересованность и понимание важности для проведения исследований и экспериментов наличия современного оборудования для учебных лабораторий и мастерских.

Таблица 5

**Мотивы выбора профессии студентов-старшекурсников
с разным уровнем инновационной активности (в %)**

В о п р о с : «Почему Вы выбрали именно это направление
для получения профессии?»

	Инноваторы	Профессионалы	Конформисты	Наблюдатели	Неготовые	Всего
Профессия интересна, мне нравится	77	68	69	58	67	67
Это профессия родителей, родственников	6	11	14	16	7	12
Исследовательская, творческая	19	6	8	14	17	12
Привлекает работа с техникой, компьютером	22	22	17	18	23	20
Будет легко найти работу	16	25	28	16	40	23
Профессия нужна людям, обществу	42	41	39	34	37	38
Дает хороший заработок	42	37	32	28	33	34
Престижна, уважаема	41	25	34	34	27	33
Профессия связана с общением с людьми	29	16	17	17	20	19
Дает перспективы роста, карьеры	42	40	35	41	50	40
Дает возможность работать с детьми	0	0	3	1	0	1
Легко учиться	7	11	6	13	0	9
Профессия знакома со школьных лет	6	13	9	8	7	9
Выбор в значительной мере был случайным	7	28	23	25	45	24
Настояли родители, родственники	1	11	6	11	10	8

Среди «Инноваторов» большая доля по сравнению с остальными не только участников научных конференций (45 % против 28 % в среднем по всем и 33 % «Неготовых»), но и обладателей диплома победителя научной студенческой конференции, конкурса научных работ (27 % / 13 % / 10 %), победителя творческого конкурса, фестиваля, универсиады (21 % / 6 % / 7 %), награжденных премией, подарком или поездкой (14 % / 8 % / 2,5 %). Более половины «Инноваторов» с уверенностью отмечают наличие у себя хороших

интеллектуальных способностей (57 % против 34 % в среднем по всем и 29 % «Неготовых»).

Перейдем к общественной и самоуправленческой активности молодежи. Степень участия в общественной жизни сильно отличает «Инноваторов» от всех остальных. «Инноваторы» в большей мере по сравнению с остальными признают нужность молодежных организаций (95 % против 73 % в среднем по всем и 56 % «Неготовых»), считают себя гражданами своей страны (90 % / 80 % / 76 %), проявляют интерес к общественно-политической жизни (63 % / 28 % / 15 %), являются участниками молодежных организаций (63 % / 21 % / 7 %), среди которых преимущественно студенческие объединения, профсоюз, стройотряды, бизнес-инкубаторы, молодежно-политические движения, парламент.

Мы уже отмечали выше, что «Инноваторов» отличает от представителей других кластеров степень готовности реализовать проект ради общего блага (см. табл. 2). Но, кроме того, они в большей степени понимают, что эффективным средством влияния молодежи на деятельность органов местного самоуправления является использование социальных сетей в сети «Интернет» (64 % против 53 % в среднем по всем и 45 % «Неготовых»), средств массовой информации (43 % / 43 % / 40 %) и каналов территориального общественного самоуправления (32 % / 22 % / 18 %). Эти средства влияния скорее являются новыми для социума, чем традиционными, такими как участие в выборах, участие в деятельности партий, обращения к депутатам. Заметим, что среди «Неготовых» в два раза больше тех, кто считает, что молодежь никак не может повлиять на деятельность органов местного самоуправления (23 % против 15 % в среднем по всем и 10 % «Инноваторов»).

Для «Инноваторов» самыми важными стимулами общественной деятельности являются знакомство с нужными людьми (63 % против 53 % всех в среднем) и стремление развивать лидерские качества (47 % / 26 %). Расширение круга знакомств позволит быть более информированными, заручиться поддержкой и установить контакт с людьми, от которых зависит принятие каких-либо важных решений, стремление к лидерству, в свою очередь, является основой и для реализации задуманного собственного дела, и для формирования команды. Возможно, активная общественная деятельность в вузе для «Инноваторов» является способом приобретения управленческих навыков для дальнейшего участия в управлении страной или местном самоуправлении. Самыми важными управленческими навыками, которыми нужно овладеть в вузе, они полагают определение цели совместной работы, расстановку приоритетов (83 % против 68 % всех в среднем и 58 % «Неготовых») и формирование команды (52 % / 40 % / 33 %).

Разительно отличаются представления «Инноваторов» о результативности преобразующей общественной деятельности (см. табл. 6). Большинство из них уверены, что их действия безусловно или при наличии каких-либо дополнительных условий принесут ощутимый результат. Напротив, «Неготовые» в большинстве своем считают, что все решается без их участия и бесполезно оказывать влияние на что-либо.

Таблица 6

**Представления о результативности преобразующей общественной
деятельности студентов-старшекурсников с разным уровнем
инновационной активности (в %)**

Вопрос: «Считаете ли Вы, что Ваши действия в общественной сфере
могут иметь значимый результат?»

	Инноваторы	Профессионалы	Конформисты	Наблюдатели	Неготовые	Всего
Да, я уверен, что даже самое незначительное усилие принесет результат	46	19	27	19	10	25
Для получения ощутимого результата нужно приложить очень много усилий	26	22	22	24	15	23
Результат будет, если удастся привлечь помощников, собрать команду единомышленников	14	24	28	20	15	21
Для получения ощутимого результата необходимы связи и материальные вложения	10	16	13	12	15	13
В современных условиях практически никто не способен повлиять на решение общественных проблем	0	11	6	13	13	8
Все решено без нас, и бесполезно пытаться оказать влияние на что-либо	1	9	4	12	30	9
	100	100	100	100	100	100

Несколько нетрадиционный взгляд мы встречаем у «Инноваторов» на способы обогащения в современной России. Традиционно большинство опрошенных к таким способам относит высокую должность, власть и присвоение государственной собственности, коррупцию. «Инноваторы» заметно реже остальных отмечают эти способы: высокая должность, власть — 56 % против 65 % всех в среднем, присвоение государственной собственности, коррупция — 27 % / 44 %. Чтобы разбогатеть в России, по мнению «Инноваторов», нужно проявлять личную предприимчивость и стремиться к успеху (49 % / 42 % всех в среднем / 40 % «Неготовых»).

Среди «Инноваторов» в два раза чаще встречаются те, кто имеет опыт занятий бизнесом и коммерцией и намеревается продолжать такую деятельность (21 % против 13 % всех в среднем).

«Инноваторов» отличает хорошее самочувствие (42 % против 32 % всех в среднем), среди них большая доля счастливых (36 % / 24 %) и довольных своей жизнью, удовлетворенных различными ее сторонами, а также тех, кто

признает себя в хорошей форме (19% / 11%). В свободное время «Инноваторам» в большей степени, чем остальным, свойственно читать книги (59% против 45% всех в среднем и 28% «Профессионалов»), заниматься любимым делом (хобби) (91% против 76% всех в среднем и 71% «Неготовых»).

Сферы, в которых «Инноваторы» собираются работать, реализовывать свои профессиональные и управленческие навыки, весьма разнообразны (см. табл. 7).

Таблица 7

Предпочитаемые сферы трудоустройства студентами-старшекурсниками аграрного, технического и управленческого вузов с разным уровнем инновационной активности (в %)

Вопрос: «В какой сфере Вы предпочли бы работать в будущем?»

	Инноваторы	Профессионалы	Комфортисты	Наблюдатели	Неготовые	Все
Промышленность, строительство	15	20	19	16	17	18
Транспорт, связь	12	17	12	16	23	15
Сельское хозяйство	10	27	5	8	6	11
Здравоохранение	7	4	7	2	0	4
Образование, воспитание	10	6	13	11	14	11
Наука, преподавание в вузе	12	9	12	5	11	9
Предпринимательство, коммерция	35	36	31	37	40	35
Финансы	25	32	17	19	9	21
Торговля	12	14	17	17	29	17
Сфера услуг (ателье, кафе, парикмахерские, почта, ремонт, общепит, гостиница)	19	13	15	15	29	17
Культура, искусство (музеи, библиотеки, театр, кино)	9	4	12	15	11	11
СМИ (печать, радио, телевидение)	16	6	5	7	9	8
Сфера развлечений, туристический бизнес	12	4	11	12	11	10
Милиция, охрана	3	13	8	11	9	9
Юридические службы	10	13	9	15	17	12
Аппарат государственного управления	28	10	17	19	14	18
Армия	5	6	4	4	6	5
Служба социальной работы, соцзащиты	3	1	5	3	3	3
Другое	3	3	2	5	3	3
	19	19	26	27	11	100

Так же как у всех остальных, в предпочтении у них — предпринимательство, коммерция (35 % / 35 % в среднем всех / 40 % «Неготовых»), но большая доля по сравнению с остальными выбирает аппарат государственного управления (28 % / 18 % / 14 %) и СМИ (16 % / 8 % / 9 %). Почему? Не исключено, что студенческая молодежь чаще вовлекается именно в социальные проекты, организованные органами государственного управления, получает опыт взаимодействия с этими органами, заводит полезные знакомства, и в итоге сумеет воспроизводить полученный опыт в сфере государственного управления.

Для «Неготовых» также наиболее предпочитаемая сфера трудоустройства — это предпринимательство и коммерция. Однако наряду с ней выделяются еще три сферы, которые «Неготовые» выбирают чаще остальных: «торговля», «сфера услуг» и «транспорт». Скорее всего, именно в этих сферах они собираются реализовывать свои предпринимательские действия. Примечательно также, что среди «Неготовых» большая доля тех, кто желает жить и работать за границей (20 % против 7 % всех в среднем).

Заключение

Итак, подытожим сказанное выше.

— Среди студенческой молодежи выделяются группы с различным уровнем инновационной активности.

— Инновационная активность и самоуправленческая взаимосвязаны: лица с высоким уровнем инновационной активности проявляют и высокую самоуправленческую активность.

— Среди студенческой молодежи выделяется группа с высоким уровнем инновационной активности (19 %), сочетающей активную творческую, учебно-исследовательскую и общественную деятельности, стремление к созидательности и результативности действий. Главное, что отличает представителей этой группы — это интерес к добываемым знаниям, интерес к выбранному делу, к профессии, к учебе; стремление к саморазвитию и к лидерству. «Инноваторы» — это, в первую очередь, *познавательно* активная часть молодежи.

— Среди студенческой молодежи выделяется группа с низким уровнем инновационной активности (11 %). «Неготовые» в противоположность «Инноваторам» выпускники лицеев и гимназий (33 % против 20 %), дети образованных матерей (!) (74 % против 60 % всех в среднем и 53 % «Инноваторов»), но они гораздо менее по сравнению с «Инноваторами» и другими самостоятельны в принятии решений (чаще остальных демонстрируют неготовность к принятию самостоятельных решений), что подтверждается, например, мотивами выбора профессии (см. табл. 5). Они заранее уверены, что все может быть решено без их участия, от их мнения ничего не зависит. У них нет ясных целей в жизни, они пока не знают, чего хотят, они не определились по многим направлениям. В учебной деятельности — это в основном «среднячки», имеющие в качестве основного стимула получение диплома

о высшем образовании. (Выходит, что «Неготовые» — это те, за кого решения принимают их образованные матери.)

— С большой степенью вероятности можно предположить, что самостоятельность и высокая познавательная активность являются основными факторами инновационной активности личности.

Источники

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. — М. : «Весь мир», 2016. — 360 с.
2. Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области на период до 2025 года. Постановление от 1 апреля 2016 г. № 89-п (в ред. постановления Правительства Новосибирской области от 11.07.2017 № 263-п). — URL: <https://www.nso.ru/page/15755> (дата обращения: 10.09.2019).
3. Лапин Н. И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства // Вестник Омского ун-та. Серия Экономика. — 2015. — № 3. — С. 15.
4. Решение Совета депутатов города Новосибирска от 24.12.2018 № 726 «О стратегии социально-экономического развития города Новосибирска на период до 2030 года и признании утратившими силу отдельных решений городского Совета Новосибирска, Совета депутатов города Новосибирска» // Официальный сайт города Новосибирска. — <https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/849/726.pdf> (дата обращения: 11.02.2019).
5. Мостовая Е. Б., Скворцова О. В., Афанасьева Ю. А., Мельникова А. С. Самоуправленческая активность населения и администрации сельских районов Новосибирской области в 2017 году: задачи, инструментарий и первые результаты исследования // Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докл. участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», Тула, 15–17 окт. 2018 г. / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, В. И. Мосин. — Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. — С. 261–268. — DOI: 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-261-268.
6. Толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. — URL: https://gufo.me/dict/social_dict (дата обращения: 19.09.2019).
7. Делия В. П. Инновационное мышление в XXI веке. — Балашиха : Де-По, 2011. — 228 с.

УДК 314

DOI: 10.25990/hse.conf-15.9pvy-wg20

ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

А. Е. Сырчин

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

E-mail: ae2705@yandex.ru

Научный руководитель: А. Н. Тарасова, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Аннотация. Молодые люди, закончившие учебные заведения и не имеющие опыта работы, оказываются одной из наиболее уязвимых групп при поиске работы. А увеличение пенсионного возраста в России, вероятнее всего, еще более осложнит поиск работы для молодежи. Цель исследования — оценить уровень востребованности молодежи на рынке труда. Статья подготовлена по данным проведенного контент-анализа объявлений о вакансиях в Свердловской области и анкетного опроса населения, проведен анализ проблем трудоустройства граждан в разрезе возрастных групп для определения уровня востребованности молодежи на рынке труда в Свердловской области.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, трудоустройство, пенсионный возраст, безработица, ограничения, дискриминация.

OPPORTUNITIES FOR REALIZING THE POTENTIAL OF THE YOUTH IN THE LABOR MARKET OF THE SVERDLOVSK REGION IN THE CONTEXT OF RAISING THE RETIREMENT AGE

A. E. Syrchin

Ural Federal University named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

E-mail: ae2705@yandex.ru

Abstract. Young people who have graduated from educational institutions and have no work experience are one of the most vulnerable groups when looking for work. An increase in the retirement age in Russia is likely to further complicate the search for work for young people. The purpose of the study is to assess the level of demand for young people in the labor market. The article was prepared according to the data content analysis of vacancy announcements in the Sverdlovsk Region and a questionnaire survey of the population, analysis

of the problems of employment of citizens in the context of age groups, to determine the level of demand for young people on the labor market in the Sverdlovsk Region.

Keywords: youth, labor market, employment, pension age, unemployment, limitations, discrimination.

В настоящее время, согласно Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ [1] в России происходит повышение пенсионного возраста с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин. Ни для кого не секрет, что подобное решение приведет к увеличению рабочей силы на рынке труда, а количества рабочих мест для всех работоспособных граждан может просто не хватить. При таком сценарии непременно произойдет рост безработицы и снижение зарплат. Традиционно наибольший уровень безработицы как в России, так и в зарубежных странах наблюдается среди молодежи (на 2018 г. в России уровень безработицы среди молодежи составил 14,8%) [2], поэтому молодежь можно отнести к одной из самых уязвимых групп на рынке труда. Людей предпенсионного возраста на рынке труда призван защищать Федеральный закон «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 03.10.2018 № 352-ФЗ [3], который предусматривает уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста. Подобного закона для защиты молодежи на рынке труда в связи с повышением пенсионного возраста не предусмотрено. Именно поэтому повышение пенсионного возраста в первую очередь окажет серьезное влияние на положение молодежи на рынке труда.

Целью исследования является оценка востребованности молодежи на рынке труда. В качестве методов исследования используется контент-анализ объявлений о приеме на работу в Свердловской области и опрос жителей Екатеринбурга о проблемах трудоустройства. Для выявления ограничений к трудоустройству молодежи анализируются объявления о работе в различных источниках: интернет-источники, печатные СМИ, останочные комплексы (N = 6521 объявлений). Контент-анализ объявлений о вакансиях проводится по следующим показателям: сфера деятельности предприятия, тип предприятия, уровень должности, предлагаемая заработная плата, ограничения по возрасту, наличие скрытой дискриминации по возрасту. Для более детального изучения ограничений для молодежи на рынке труда в связи с повышением пенсионного возраста проведен опрос жителей Екатеринбурга в возрасте от 18 лет. Объем выборки составил 515 человек (квотная выборка). Структура выборки строится в соответствии со структурой генеральной совокупности по полу и возрасту. Анкета составлена таким образом, чтобы выявить существующие проблемы при устройстве на работу, причины отказов работодателей, а также общий уровень нарушаемости трудовых прав граждан в разрезе различных возрастных групп.

Ежегодно на рынок труда Свердловской области выходит свыше 30 тыс./ человек бакалавров, специалистов и магистров, закончивших высшие учебные заведения. Например, в 2010 г. было 42,3 тыс. выпускников, в 2015-м — 35,9, а в 2016-м выпуск бакалавров, специалистов и магистров составил 32,2 тыс. человек [4]. Но далеко не каждый работодатель готов взять на работу человека без опыта работы, только что закончившего учебное заведение. Среди научной общественности вопрос востребованности молодежи является крайне актуальным, так как необходимость изучения проблем трудоустройства молодежи вытекает из высокой безработицы данной социальной группы. Работ по этой тематике очень много, но часто в них подаются схожие мысли и идеи, при этом наблюдается исследовательский пробел в плане эмпирических исследований. Рассмотрим публикации таких исследователей, как Д. М. Кумбиева, Л. Б. Осипова [5], А. Р. Машина, И. В. Иконникова [6].

Авторский коллектив в составе Д. М. Кумбиевой и Л. Б. Осиповой в своей статье «Проблемы трудоустройства среди молодежи» говорят о том, что для молодых людей самой важной проблемой является безработица. При этом молодежь ориентирована в основном на высокооплачиваемую, интересную и престижную работу [5, с. 73]. В общем-то, данный вывод очевиден, но возможности получения такой работы у молодежи очень ограничены. И по причине того, что ожидания молодежи в отношении будущей работы и реалии, существующие на рынке труда, сильно разнятся, мы имеем высокий уровень безработицы среди молодежи.

А. Р. Машина и И. В. Иконникова в статье «Проблемы трудоустройства среди молодежи: способы их решения» опять же констатируют очевидный факт, что молодежь на рынке труда — очень уязвимая группа. Необходимо иметь очень высокий потенциал и личные качества, чтобы быть достаточно конкурентоспособным. Работодатели готовы принимать молодых специалистов на работу, обучать их, но основные навыки, владение новыми технологиями, методиками, знакомство со спецификой той или иной отрасли или предприятия должны давать учебные заведения. Только в этом случае будет возможно достичь желаемых результатов [6, с. 20].

В. П. Чичканов, Е. В. Чистова, А. Н. Тырсин и А. Н. Степанов в статье «Последствия повышения пенсионного возраста для рынка труда регионов России» [7] сделали вывод о том, что повышение пенсионного возраста, без серьезных дополнительных мер направленных на рынок труда, приведет к росту безработицы и снижению заработной платы. Но в данной работе был рассмотрен исключительно экономический аспект, без учета социальных последствий от повышения пенсионного возраста. Социальный аспект влияния повышения пенсионного возраста на рынок труда изучают Р. И. Путин, Д. Н. Ермаков, О. Ю. Казенков в статье «Социальная безопасность российского гражданина в условиях старения населения, повышения пенсионного возраста и перспективы развития рынка труда» [8]. На основе статистики были сделаны выводы о повышении безработицы, коэффициента

социальной напряженности и снижении заявленной работодателями потребности в работниках.

В большинстве Западных стран на данный момент проводится или было проведено увеличение возраста выхода на пенсию. Поэтому нет ничего удивительного в том, что исследователи в этих странах погружены в эту тему гораздо глубже, чем российские. В своих работах они уже отходят от дискуссии о необходимости повышения пенсионного возраста, а рассматривают глубоко различные аспекты этого процесса. К примеру, исследователь из Германии Мориц Хесс в работе «Пенсионные ожидания в Германии — навстречу растущему социальному неравенству?» [9] рассматривает различия в мышлении высококвалифицированных и низко квалифицированных работников. В своей работе он отмечает, что высококвалифицированные работники готовы к позднему выходу на пенсию, а низко квалифицированные работники предпочитают уходить на пенсию раньше, но ожидают, что им придется работать дольше, чтобы обеспечить разумную пенсию. Вероятно, это связано с тем, что люди, получающие высокую заработную плату, ожидают и высокую пенсию, более уверены в своем будущем и имеют больше накоплений. А люди с низкой квалификацией и заработной платой не ожидают высокой пенсии и стремятся выйти на нее раньше, так как все равно планируют продолжить работу.

Немного другой аспект рассматривает Иньонг Шин в работе «Может ли пенсионная система сделать нас счастливее?» [10]. На примере Японии он разбирается в том, насколько уровень счастья связан с пенсионной системой. Он приходит к выводу, что государственная пенсионная система может увеличить продолжительность жизни, однако продление жизни, вызванное государственной пенсией, а не по собственному решению, не может сделать человека счастливее. В рамках государственного бюджетного ограничения государственная пенсия не может сделать уровень счастья выше, в сравнении с частными сбережениями. Я считаю, это связано с тем, что люди ожидают пенсию как нечто должное, то, что им причитается. Именно поэтому государственная пенсия не оказывает влияния на то, счастлив ли человек или нет.

3. Розен-Бахер в своей работе «Повышение нормального пенсионного возраста в эпоху старения в развитых странах: дилемма между обеспечением стабильности пенсионной системы и риском увеличения безработицы» [11] рассматривает, как повышение пенсионного возраста влияет на безработицу среди возрастных групп, уделяя особое внимание самым уязвимым социальным слоям — молодым и пожилым. А такие исследователи, как Б. Эббингхаус, Дж. Радл, в работе «Вытеснены преждевременно? Сравнение объективно вынужденных выходов и субъективных оценок недобровольного выхода на пенсию по всей Европе» [12] рассматривают инвалидизацию населения как последствие повышения пенсионного возраста и делают вывод о том, что поспешный или слишком высокий подъем пенсионного возраста приведет к повышенной инвалидности населения. Из-за этого большое количество

человек будет выходить на пенсию заранее благодаря пособию по инвалидности и повышение пенсионного возраста не приведет к нужному экономическому эффекту.

В целом можно сделать вывод, что тема повышения пенсионного возраста на Западе разработана достаточно хорошо, и связано это прежде всего с тем, что повышение было произведено ранее, благодаря чему можно анализировать уже имеющиеся последствия этого повышения. Также достаточно глубоко разработана тема влияния повышения пенсионного возраста на рынок труда с учетом таких факторов, как инвалидализация населения и досрочный выход на пенсию при помощи социальных пособий. Кроме того, рассмотрено влияние как квалификации, так и уровня заработной платы и уровня жизни на повышение пенсионного возраста.

В целом анализ публикаций по данной теме позволил сделать следующие выводы:

- в сознании молодых людей безработица является одной из важнейших проблем;
- высокий уровень безработицы среди молодежи связан с различиями между ожиданиями молодежи по поводу будущей работы и реалиями на рынке труда;
- только та часть молодежи, что имеет очень высокий потенциал и личные качества, может быть конкурентоспособной без опыта работы;
- многие возлагают высокую ответственность на учебные заведения, которые должны давать больше практических знаний, что повысит лояльность работодателей к молодым людям, окончившим учебные заведения и не имеющим опыта работы.

Исследовательская гипотеза заключается в том, что молодежь не обладает достаточной востребованностью на рынке труда. Из-за этого повышение пенсионного возраста еще больше усугубит ситуацию с безработицей среди молодежи. В качестве методов исследования использовался контент-анализ объявлений о приеме на работу в Свердловской области, а также анкетный опрос жителей Свердловской области о дискриминации на рынке труда.

Эмпирической базой исследования стали данные, полученные благодаря участию в проекте Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Татьяны Георгиевны Мерзляковой по изучению дискриминации на рынке труда Свердловской области [13]. В рамках этого проекта проведен анализ проблем трудоустройства различных возрастных групп.

В ходе работы над проектом было собрано и проанализировано 6521 объявлений о вакансиях в Свердловской области, в том числе 4924 объявлений интернет-источников, 769 — из печатных СМИ и 828 на остановочных комплексах. В ходе анализа оказались охвачены все возможные сферы деятельности организаций, при доминировании объявлений из сектора торговли и сферы услуг, что вполне закономерно.

Анализ показал, что 2% проанализированных объявлений о вакансиях в Свердловской области содержат явные дискриминационные требования

к возрасту. Большая часть объявлений с ограничением по возрасту содержит ограничения для лиц людей старших возрастных групп. В целом из 111 таких объявлений порядка 70 объявлений — это предложение работы для молодых, 29 объявлений ориентированы на поиск кандидатов среднего возраста (от 30–35 до 45–50 лет) и всего 12 объявлений были направлены на отбор людей старше 45–50 лет.

Кроме ограничивающих требований к возрасту работодатели в объявлениях допускают ограничения к наличию опыта соискателей (498 объявлений содержат требования к опыту работы и стажу). В целом только 8% объявлений содержат в себе требования к стажу работы, но не стоит исключать того факта, что такие требования могут быть предъявлены при собеседовании. Следует отметить, что эти требования хоть и с юридической точки зрения дискриминацией не являются, но вместе с тем ограничивают возможности для трудоустройства молодежи. Поэтому можно сделать вывод, что ограничения для молодежи на рынке труда хоть и зачастую не относятся к дискриминации, но при этом являются серьезным барьером для трудоустройства на работу.

Что касается распределения по типу предприятия, анализ показал, что частные предприятия чуть чаще вставляют требования к опыту работы и стажу в свои объявления, чем государственные и муниципальные организации, однако эта разница не является статистически значимой (проверка реализована с помощью непараметрического теста Манна-Уитни: значимость $> 0,05$). По сферам деятельности предприятия чаще всего ограничения по опыту работы и стажу встречаются в сферах: водоснабжения, водоотведения, организации сбора и утилизации отходов; строительстве; деятельности финансовых и страховых организаций; предоставлении прочих видов услуг и других видов экономической деятельности.

Таблица 1

Наличие в объявлении требований к опыту работы соискателя

Наличие в объявлении требований к опыту работы	Частота	Проценты
Таких ограничений нет	6023	92
Требования к наличию опыта работы	498	8
Всего	6521	100

Вторым этапом проекта было проведение опроса в форме анкетирования, с целью выявить проблемы при приеме на работу в разрезе различных возрастных групп. Объем выборки составил 515 человек, что допускается расчетами репрезентативной выборки с допущением 5-процентной ошибки. Выборка квоцировалась по двум основным показателям — пол и возраст респондентов. Выборочная совокупность отражает основные процентные соотношения по полу в каждой возрастной группе. Значительное совпадение ответов в близких возрастных группах позволило создать укрупненные группы (от 18–29 лет, 30–44 лет, 35–59 лет) при обработке результатов исследования.

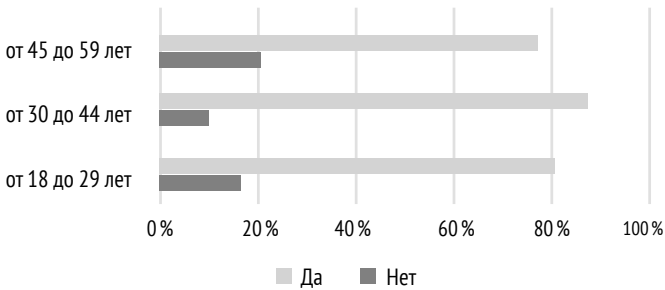

Рис. 1. Распределение ответов респондентов по возрасту о наличии/отсутствии у них работы в настоящее время

По полученным результатам о наличии/отсутствии у респондентов работы можно сделать вывод, что меньше всего безработных оказалось среди средней возрастной группы, а молодежь и люди предпенсионного возраста чаще не имеют работы в настоящий момент.

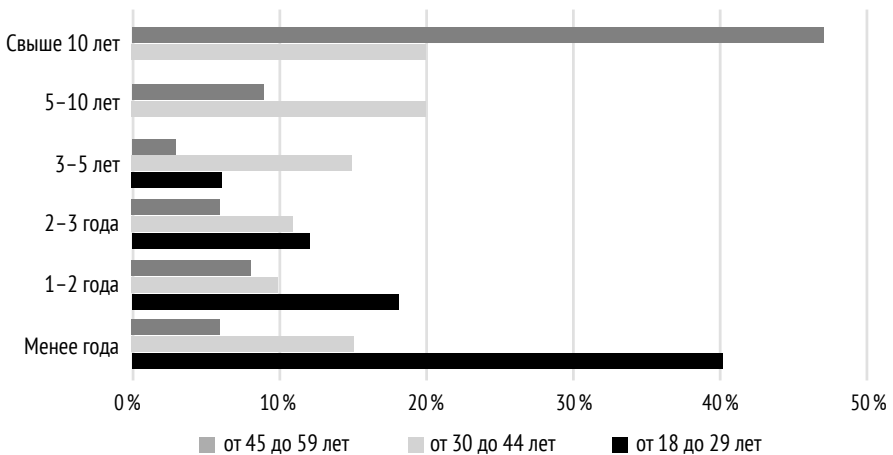

Рис. 2. Распределение ответов респондентов по возрасту о стаже их работы на последнем рабочем месте

Проанализировав ответы респондентов об их стаже на последнем рабочем месте, можно заметить явную тенденцию, что более возрастные группы склонны к сохранению рабочего места (47% респондентов старшего возраста имеют стаж работы на последнем рабочем месте более 10 лет). Что касается молодежи, то они напротив готовы к переменам и довольно часто меняют свое рабочее место (40% респондентов молодого возраста имеют стаж работы на последнем рабочем месте менее 1 года).

Из данных, полученных при ответе на вопрос о сфере деятельности респондентов, можно сделать вывод, что большинство молодых людей занято в сфере услуг. При этом в сфере военной службы и службы в правоохранительных органах подавляющее большинство составляют люди среднего возраста. Кроме того, абсолютное большинство людей в возрасте заняты в сфере образования, здравоохранения и культуры.

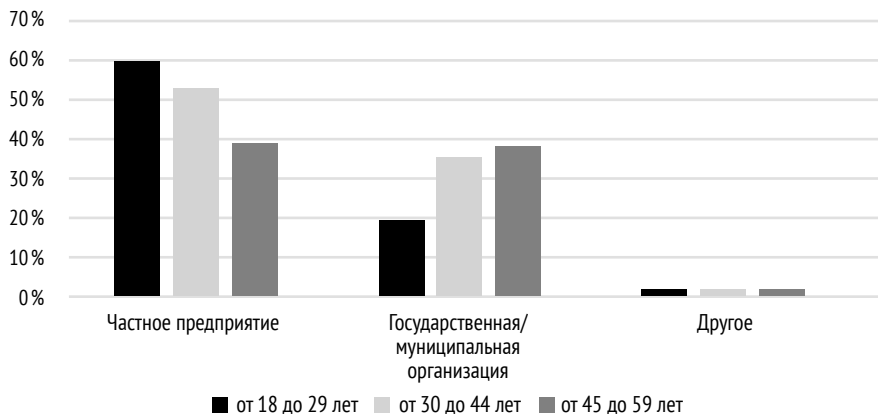

Рис. 3. Распределение ответов респондентов по возрасту о типе предприятия, на котором они работают

Проанализировав ответы на вопрос о типе предприятия, мы видим тенденцию, при которой происходит рост от младшей возрастной группе к старшей процента респондентов, работающих на государственных и муниципальных предприятиях. Возможно, что молодые люди больше отдают предпочтение частным предприятиям, а люди постарше государственным и муниципальным. Также это может быть связано со сферами деятельности, так как сфера образования, здравоохранения и культуры представлена в основном государственными и муниципальными организациями, а сфера услуг наоборот наполнена частными предприятиями. Также возможным вариантом может быть то, что частная сфера больше нацелена в будущее и готово к обучению молодых сотрудников, а государственный сектор больше рассчитывает на опытных и возрастных работников.

Что касается причин отказа в приеме на работу, то самыми частыми причинами стали: отсутствие стажа, отсутствие нужных знаний и умений, неподходящий работодателю возраст соискателя. При этом процент респондентов старшего возраста, которых сразу приняли на работу, меньше, чем в других возрастных группах. Также стоит отметить, что основной причиной отказа в приеме на работу для людей младшего возраста стало отсутствие стажа, а людей старшего возраста — желание работодателя принять на работу сотрудника другого возраста.

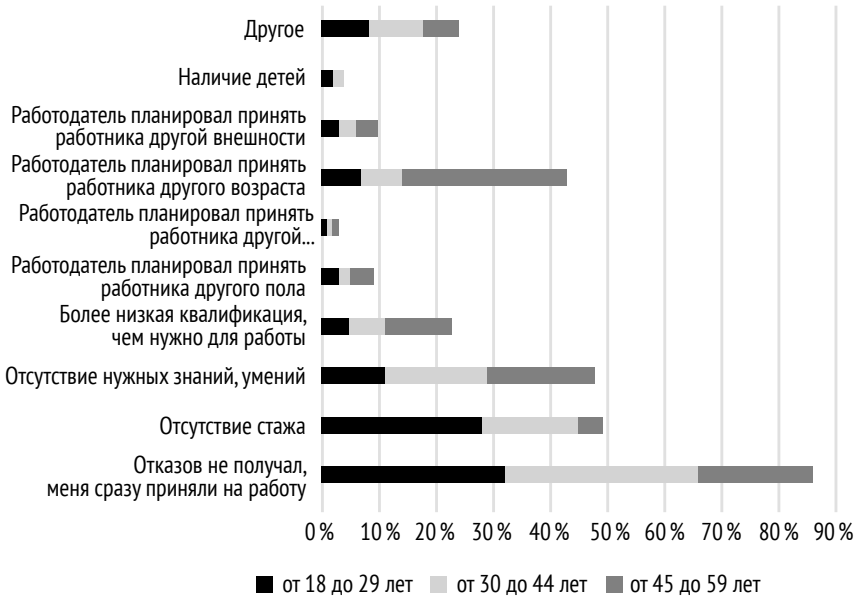

Рис. 4. Распределение ответов респондентов по возрасту о причинах отказа в приеме на работу

Также стоит обратить внимание на то, что большая часть работающих (54%) отметили, что их работа не связана с той специальностью, по которой они учились или учатся в настоящее время. Таким образом, можно сделать вывод, что для молодежи проблема не столько просто трудоустроиться, сколько получить работу именно по своей специальности. А это значит работу в той сфере, которая была бы им интересна, по которой они имеют хотя бы в теории какие-то знания и навыки, а соответственно могли бы гораздо быстрее освоиться и реализовать карьерный рост. Такой результат подтверждается и данными статистики. Так, в 2017 г. в России лишь 68,9% выпускников, окончивших высшие учебные заведения за последние три года, имеют работу, связанную с полученной профессией (специальностью) [2]. Статистический анализ связанности основной работы с полученной специальностью в разрезе отдельных направлений подготовки проведен в статье «Конкурентоспособность молодежи в условиях новой индустриализации» [14].

Что касается типа трудового договора, то только 57% молодежи работает по трудовому договору, 9% по иному договору (подряд, оказание услуг и пр.). Остальная же часть работает без трудового договора, а это значит, что 34% молодых людей, работающих без трудового договора и 9% работающих по иному договору, не имеют записи в трудовой книжке, и следовательно, при следующем трудоустройстве они не могут доказать свой опыт работы и стаж работодателю.

Из анализа полученных результатов можно сделать следующие выводы:

- 1) ограничения при приеме на работу для молодежи на рынке труда хоть и не являются дискриминацией, но при этом являются серьезным барьером для трудоустройства на работу (8% объявлений о приеме на работу содержат ограничения к опыту работы соискателей);
- 2) большинство молодых людей трудоустраиваются с первого раза, но, к сожалению, у многих эти рабочие места не связаны с полученной (получаемой) специальностью;
- 3) для остальных основная причина отказа в трудоустройстве — это отсутствие стажа и необходимого опыта;
- 4) большинство молодежи занято в сфере услуг и преимущественно на частных предприятиях;
- 5) большая часть даже трудоспособной молодежи официально не получает стаж и опыт работы (43% молодежи работает без трудового договора).

Поэтому можно сделать вывод, что изначальная гипотеза подтверждается: молодежь действительно не обладает достаточной востребованностью на рынке труда.

Источники

1. Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 25.09.2019).
2. Обследование рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 20.07.2019).
3. Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 352-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308154/ (дата обращения: 25.09.2019).
4. Регионы России. Социально-экономические показатели-2017 // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 18.07.2019).
5. Кумбиева Д. М., Осипова Л. Б. Проблемы трудоустройства среди молодежи // Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права / Тюменский индустриальный университет. — 2015. — С. 72–74.
6. Машина А. Р., Иконникова И. В. Проблемы трудоустройства среди молодежи: способы их решения // Успехи современной науки. — 2017. — № 4 (7). — С. 18–20.
7. Чичканов В. П., Чистова Е. В., Тырсин А. Н., Степанов А. Н. Последствия повышения пенсионного возраста для рынка труда регионов России // Экономика труда. — 2018. — № 17(6). — С. 1037–1055.
8. Путин Р. И., Ермаков Д. Н., Казенков О. Ю. Социальная безопасность российского гражданина в условиях старения населения, повышения пенсионного возраста и перспективы развития рынка труда // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке : сб. науч. тр. — 2018. — С. 171–178.

9. Хесс М. Пенсионные ожидания в Германии — навстречу растущему социальному неравенству? // *Societies*. — 2018. — № 8 (3). — Ст. 50.
10. Иньонг Шин. Может ли пенсионная система сделать нас счастливее? // *Cogent Economics & Finance*. — 2018. — № 6 (1). — Ст. 1452342.
11. Rozen-Bakher Z. The raising of the normal retirement age (NRA) in the ageing era in the advanced countries: the dilemma between securing the stability of the pension system versus the risk of increasing unemployment // *Policy Studies*. — 2018. — DOI: 10.1080/01442872.2018.1554805.
12. Ebbinghaus B., Radl J. Pushed out prematurely? Comparing objectively forced exits and subjective assessments of involuntary retirement across Europe // *Research in Social Stratification and Mobility*. — 2015. — Т. 41. — С. 115–130.
13. Специальный доклад за 2019 год Уполномоченного по правам человека в Свердловской области о реализации прав граждан при приеме на работу «Добро пожаловать, или Вход воспрещен». — URL: <https://ombudsman.midural.ru/uploads/library/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).
14. Тарасова А. Н. Конкурентоспособность молодежи в условиях новой индустриализации // Образование: молодежь, конкурентоспособность : сб. докл. Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию юбилею академика Российской академии образования, доктора философских наук, профессора Г. Ф. Шафранова-Куцева, г. Тюмень, 21–22 сентября 2018 г. / [под ред. М. М. Акулич, Е. В. Андриановой, Г. З. Ефимовой]. — Тюмень : Изд-во ТГУ, 2018. — С. 45–49.

**МОЛОДЕЖЬ О ПРОБЛЕМАХ СВОЕГО РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Т. К. Петрушенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

E-mail: tatpetr52@mail.ru

Т. Н. Федорова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

E-mail: laetitia05@mail.ru

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (исследовательский грант № 17-03-00862 «Социокультурный портрет Ленинградской области: состояние, перспективы развития»).

Аннотация. Современная общественная трансформация неизбежно порождает проблемы социальной адаптации к переменам как всего российского социума, так и молодежного слоя населения в особенности. Процессы социализации молодежи и ее приспособление к радикальным переменам в обществе влияют на перспективное состояние страны и ее будущее в целом. В процессе исследования были выявлены и типологизированы основные противоречия происходящих перемен в сознании молодежи Ленинградской области. Обстоятельством, дополнительно осложняющим ситуацию адаптации сельской молодежи, выступает необходимость приспособления к нивелирующему в социокультурном отношении воздействию города.

Ключевые слова: молодежь, развитие региона, стратегия, демография, исследование социокультурных проблем, рынок труда, самореализация, социально-экономическая сфера, фокус-группа.

**THE YOUTH ABOUT THE PROBLEMS OF THEIR
REGION (ON THE EXAMPLE OF SMALL TOWNS
AND SETTLEMENTS OF THE LENINGRAD REGION)**

T. K. Petrushenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

E-mail: tatpetr52@mail.ru

T. N. Fedorova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

E-mail: laetitia05@mail.ru

Abstract. In the context of the radical social transformation taking place in the country, the problem of social adaptation to changes both in the whole Russian society and in particular the youth layer of the population is especially acute. The perspective state of society as a whole largely depends on the forms and pace of the current social adaptation of youth. The contradictions of the process of social adaptation of the youth of the Leningrad Region in the context of the ongoing changes are identified and typologized. A circumstance that further complicates the situation of adaptation of rural youth is the need to adapt to the socio-cultural leveling effect of the city.

Keywords: youth, regional development, strategy, demography, research of social and cultural problems, labor market, self-realization, socio-economic sphere, focus group.

Ленинградская область — чрезвычайно значимый регион РФ в экономическом, геополитическом, историческом, культурном отношениях. Область граничит не только с субъектами Российской Федерации, но и с двумя странами Евросоюза (Финляндия, Эстония), в чем заключается специфика ее географического положения. Поэтому стратегия развития области должна быть приоритетной для развития всего Северо-Запада России, обеспечивать экономический рост и высокую конкурентоспособность на межрегиональных и международных рынках. В июле 2016 г. Законодательным собранием Ленинградской области была принята «Стратегия социально-экономического развития области до 2030 года», в соответствии с которой достижение стратегической цели благосостояния населения и инновационного развития региона подразумевает реализацию трех взаимосвязанных направлений:

- 1) создание условий для эффективной занятости;
- 2) развитие человеческого капитала региона;
- 3) повышение эффективности государственного и муниципального управления [1, с. 15].

Стратегическая цель и направления развития Ленинградской области формируют ряд задач «Стратегии»:

1. Инфраструктурное развитие региона.
2. Модернизация социальной сферы региона.
3. Повышение уровня социальной обеспеченности населения.
4. Достижение высоких стандартов качества жизни населения.
5. Развитие современного промышленного производства продукции высокой добавленной стоимости.
6. Использование потенциала внутреннего рынка и экспортных рынков.
7. Внедрение новых технологий в государственном управлении, в первую очередь — проектного подхода.
8. Устранение административных барьеров, повышение инвестиционной привлекательности экономики.
9. Развитие институтов гражданского общества.
10. Сбалансированное развитие муниципальных образований региона [1, с. 16–17].

Практика реализации таких программ показывает, что заметных результатов можно достичь только при широкой вовлеченности местного населения. Невозможно добиться изменений, если в процессе развития участвуют только представители органов власти, руководители предприятий. Необходимо наметить пути вовлечения местного населения в комплексное развитие сельских населенных пунктов, методы мотивации общественной деятельности.

К проблемным моментам развития Ленинградской области можно отнести несоответствие как в количественном, так и в качественном вариантах трудовых ресурсов потребностям экономики области; дефицит территорий, имеющих инженерную инфраструктуру; значительное территориальное неравенство и неравномерность распределения инвестиционных ресурсов, экономического потенциала; проблемное состояние жилищно-коммунального хозяйства, медицины, сферы образования и т.д.

Как показали наши исследования, решающую роль в оценке положения и развития территории муниципальных образований играют ресурсный потенциал, структура производства, наличие социальной инфраструктуры и других параметров, определяющих уровень и качество жизни населения.

Проблемы развития территорий заключаются в малочисленности экономически активного населения, в спаде производства, кризисе в производственной инфраструктуре, недостаточной обработке земель сельскохозяйственного назначения.

Анализ обращений жителей, поступивших в районную администрацию Ломоносовского района Ленинградской области за прошедший год, показал, что самыми болевыми оказались проблемы здравоохранения, ЖКХ, благоустройства. Количество таких обращений за последние годы увеличилось втрое и в 2017 г. достигло 7 тысяч. Людей волнует то, что доля агропромышленного комплекса в общей продукции района занимает в настоящий момент лишь 1%, хотя традиционно Ломоносовский район был сельскохозяйственным, обеспечивал сельхозпродукцией Ленинград, славился своими растениеводческими и животноводческими хозяйствами, птицефабриками. Земли сельхозназначения используются на сегодня малоэффективно, несмотря на то, что господдержка агропромышленного комплекса района в 2017 г. составила 130 млн рублей (из районного бюджета было выделено на это всего 3,7 млн) [2]. Основная масса трудоспособного населения деревень и поселков ездит на работу в Санкт-Петербург, вместо того чтобы работать в сельском хозяйстве по месту жительства.

Недостаток стимулирования внутреннего спроса на сельскохозяйственную продукцию, а также постоянно меняющиеся условия работы на рынке, диспаритет цен на товары и услуги можно отнести к внешним факторам, влияющим на диспропорции в развитии как отдельных муниципальных образований, так и района в целом.

В вопросах, переадресованных впоследствии губернатору, хорошо заметны «болевы точки» района: проблемы вывоза и утилизации отходов, затянувшиеся вопросы газификации частного сектора населенных пунктов,

многочисленные и длительные отключения электроэнергии и долгое ожидание в очереди на подключение мощностей для новых потребителей.

К числу важнейших вопросов социально-экономического развития сельских поселений относится вопрос о нахождении путей решения проблем, связанных с обеспечением достойного уровня и качества жизни человека в деревне, прежде всего, молодежи. Качество и уровень жизни большинства сельских жителей по-прежнему остается на ненадлежащем уровне. Слабое развитие новых рабочих мест, прекращение работы подсобных предприятий в аграрной сфере отрицательно влияют на занятость и доходную составляющую населения. Это выражается в том, что люди не могут найти работу, вынуждены совершать каждый день многочасовые переезды на работу в более крупные населенные пункты. Остаются нерешенными такие проблемы, как недостаточные финансовые базы муниципальных образований для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, низкий уровень заработной платы. Одна из наиболее острых проблем Ленинградской области, относящаяся к вопросу трудовой занятости населения, связана с тем, что город оттягивает активных людей от области.

Таблица 1

Чувства, испытываемые населением по отношению к своему региону (области)

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
	Я рад, что живу здесь	518	50,0	50,3	50,3
	В целом я доволен, но многое не устраивает	296	28,6	28,8	79,1
	Не испытываю особых чувств по этому поводу	84	8,1	8,2	87,3
	Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	30	2,9	2,9	90,2
	Хотел бы уехать в другой регион России	25	2,4	2,4	92,6
	Хотел бы вообще уехать из России	69	6,7	6,7	99,3
	Затрудняюсь ответить	6	0,6	0,6	99,9
	Отказ от ответа	1	0,1	0,1	100,0
	Итого	1029	99,4	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	6	0,6		
ИТОГО		1035	100,0		

Тем не менее половина опрошенных (см. табл. 1) испытывает положительные эмоции от проживания в своем регионе, но около трети (28,6%) многое в нем не устраивает.

Местных жителей беспокоят, прежде всего, коррупция, криминал — 18,4%, медицинское обслуживание — 15,9% и жилье — 12,3% (см. табл. 2). Отстаивание интересов региона волнуют 2,1% опрошенных.

Таблица 2

Необходимые меры по улучшению качества жизни региона

		Ответы		Процент наблюдений
		N	Процент	
Что, по Вашему мнению, необходимо сделать	Оздоровить природу	315	11,8 %	30,8 %
	Развивать малый и средний бизнес	310	11,6 %	30,3 %
	Усилить государственный контроль за экономикой	146	5,5 %	14,3 %
	Улучшить медицинское обслуживание	425	15,9 %	41,6 %
	Решительнее отстаивать интересы региона в центре	57	2,1 %	5,6 %
	Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией	492	18,4 %	48,1 %
	Создавать новые рабочие места	209	7,8 %	20,5 %
	Быстрее строить новые дороги	134	5,0 %	13,1 %
	Улучшать образование	215	8,1 %	21,0 %
	Строить доступное жилье	328	12,3 %	32,1 %
	Другое	22	0,8 %	2,2 %
	Затрудняюсь ответить	11	0,4 %	1,1 %
	Отказ от ответа	4	0,1 %	0,4 %
ВСЕГО	2668	100,0 %	261,1 %	

По мнению опрошенных, улучшение жизни жителей в большей степени зависит от общероссийской власти (см. табл. 3–5). 17,5% местных жителей считают, что полностью зависит, почти 40% (38,3%) — что, пожалуй, зависит. Сравним с этими же показателями мнение о зависимости улучшения жизни от районной и областной властей: соответственно — 7,1% и 6,7% жителей признают полную зависимость от районной и областной власти и треть (30%) местного населения и 24,3% соответственно считают, что такая зависимость, пожалуй, существует. Правда, число сомневающихся в такой зависимости тоже по результатам опроса оказалось значительным — 24,5%, 28,3% и 20% соответственно.

Таблица 3

Зависимость улучшения жизни от районных, городских властей

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
	Полностью зависит	74	7,1	7,5	7,5
	Пожалуй, зависит	311	30,0	31,6	39,1
	Не знаю, трудно сказать	254	24,5	25,8	64,9
	Пожалуй, не зависит	192	18,6	19,5	84,5
	Совсем не зависит	153	14,8	15,5	100,0
	Итого	984	95,1	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	51	4,9		
ИТОГО		1035	100,0		

Таблица 4

Мнение по поводу зависимости улучшения жизни от областной власти

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
	Полностью зависит	69	6,7	7,0	7,0
	Пожалуй, зависит	252	24,3	25,4	32,4
	Не знаю, трудно сказать	293	28,3	29,5	61,9
	Пожалуй, не зависит	183	17,7	18,4	80,3
	Совсем не зависит	195	18,8	19,7	100,0
	Итого	992	95,8	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	43	4,2		

Таблица 5

Мнение по поводу зависимости улучшения жизни от общероссийской власти

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
	Полностью зависит	181	17,5	18,2	18,2
	Пожалуй, зависит	396	38,3	39,7	57,9
	Не знаю, трудно сказать	207	20,0	20,8	78,6
	Пожалуй, не зависит	98	9,5	9,8	88,5
	Совсем не зависит	115	11,1	11,5	100,0
	Итого	997	96,3	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	38	3,7		
ИТОГО		1035	100,0		

Возможно, объяснение таким ответам подскажет таблица 6.

Таблица 6

Желательный для населения тип предприятия в качестве основной работы

		Ответы		Процент наблюдений
		N	Процент	
На предприятии какого типа Вы хотели бы работать в качестве основной работы?	Органы государственной власти или местного самоуправления	1	0,1%	0,1%
	Государственное предприятие	218	21,7%	22,2%
	Акционерное предприятие с участием государства	83	8,3%	8,5%
	Акционерное предприятие без участия государства	79	7,9%	8,1%
	Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	282	28,0%	28,7%
	Частное предприятие (не Ваша собственность)	87	8,6%	8,9%
	Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	3	0,3%	0,3%
	Крестьянское, фермерское хозяйство	2	0,2%	0,2%
	Личное подсобное хозяйство	11	1,1%	1,1%
	Индивидуальная трудовая деятельность	74	7,4%	7,5%
	Другое	4	0,4%	0,4%
	Не хочу иметь работы	40	4,0%	4,1%
	Не знаю	69	6,9%	7,0%
	Отказ от ответа	53	5,3%	5,4%
ВСЕГО		1006	100,0%	102,5%

2-е место по частоте ответов занимает государственное предприятие — 21,7%, в то время как личное подсобное хозяйство — 1,1%, крестьянское, фермерское хозяйство — 0,2%. Не хотят иметь работы — 4%. Местные жители, таким образом, не желают заниматься традиционными сферами сельскохозяйственного труда в своем селе, деревне, поселке. Как рассказали нам респонденты, с уходом из жизни старшего поколения социокультурные практики, которые определяли традиционное сознание в культуре повседневности современной деревни, постепенно вымываются.

Важно отметить, что прогрессивные реформы могут быть успешными лишь при заинтересованности и активном участии в них молодого поколения, так как молодежь — важный субъект социальных перемен, двигатель инноваций.

По данным Петростата [3], по состоянию на 1 января 2018 г. доля молодежи от 15 до 35 лет в структуре населения Ленинградской области составляет 25,8%. По сравнению с данными 2010 г. [4], количество молодежи, проживающей в области, сократилось на 39 456 чел. На сегодня область относится к числу регионов с наиболее неблагоприятной демографической обстановкой, так как по уровню рождаемости Ленобласть занимает последнее место в Российской Федерации. На наш взгляд, актуально проследить причины оттока молодой активной части населения, так как эта тенденция ведет к системным проблемам в социально-экономической сфере, что закономерно влечет за собой сбой в решении ряда других жизненно важных для области задач.

Часть молодежи покидает родные деревни, поселки, малые города для получения образования в более крупных городах области или в Санкт-Петербурге. Возникающие проблемы с дальнейшим трудоустройством молодые люди зачастую решают, переезжая уже в другие регионы, где им проще получить работу и жилье.

В рамках нашего исследования социокультурных проблем Ленинградской области мы задались целью выявить основные проблемы, с которыми сталкивается молодежь, не покинувшая родных мест, а также причины, по которым другая часть молодежи принимает решение об отъезде. Предположительно основными мотивами отъезда служит материальная заинтересованность (более высокие зарплаты в крупных городах), развитость рынка труда (широкие возможности для самореализации), более комфортные условия проживания, сама городская инфраструктура как таковая. Факторами, удерживающими молодежь в сельских поселениях и малых городах области, предположительно можно назвать наличие возможности для самореализации на местах (сельскохозяйственная деятельность, ведение бизнеса, занятость в традиционных ремеслах, трудоустройство в сфере промышленности, образования, здравоохранения и культуры), желание вести привычный образ жизни, привязанность к родным местам. В качестве методов исследования были выбраны анкетный опрос (общая выборка составила 1000 чел.), а также проведение фокус-групп.

Замеры социального самочувствия, проведенные с помощью анкетирования, показали, что почти у половины опрошенных жителей (49,8%) ничего не изменилось в жизни, даже несмотря на последствия кризиса и в сравнении с жизнью в прошлом году. Удовлетворенность жизнью выразили 2/3 местных жителей. С оптимизмом смотрит в будущее (ближайший год) треть респондентов, 40% опрошенного населения не верит в улучшения и пытаются любыми средствами самостоятельно поправить свое положение.

При анализе материалов, полученных в ходе проведения молодежных фокус-групп в нескольких малых городах и сельских поселениях области,

были выявлены следующие проблемы. Так, основные группы ответов на вопрос о том, почему молодежь не возвращается в родные места, получив образование, сводились преимущественно к следующим формулировкам:

- *проблемы с работой (нет работы, мало работы),*
- *низкий уровень заработной платы,*
- *нет благоустроенного жилья,*
- *плохая организация молодежного досуга,*
- *недостаточно возможностей для личностного и карьерного роста,*
- *плохое медицинское обслуживание,*
- *неразвитость инфраструктуры,*
- *отсутствие поддержки и понимания со стороны местных администраций.*

Участники фокус-групп рассказали, что после девятого и одиннадцатого класса те, кто уезжает на учебу, обратно практически не возвращаются. По их мнению, молодежь не возвращается, потому что «здесь нечего делать, нет интересной работы, возможности карьерного роста»; «Нет перспектив, заработка, развития»; «Здесь очень скучно, мало возможностей для устройства на работу или обучения профессии»; «Все учебные заведения находятся очень далеко, все, кто там учится, там обживаются и остаются»; «Уезжают по причине неосознанности, неумения организовываться и большой разобщенности»; «Здесь все разрозненны, село сообща не работает»; «Негде проводить время, не с кем»; «Многие сидят в соцсетях, трудно дозваться даже выйти на улицу»; «Основное — молодежный досуг, секций не хватает»; «Негде провести свободное время, мало развлечений»; «Мало или совсем нет спортивных секций, нет кружков детского творчества»; «Многие уезжают из деревни даже в ближайшие города: в Сясьстрой, в Волхов — там больше возможностей для трудоустройства и проведения досуга»; «Пообещали предоставить жилье как молодому специалисту (врачу) через 5 лет, но не сдержали слова, пришлось уехать»; «Несмотря на проживание в сельской местности, не удается получить участок под строительство или даже встать на очередь. Отсутствует информационная поддержка, не знаем, куда обращаться»; «Сотрудничества с администрацией не получается, нет поддержки»; «Есть необходимость в прямом общении глав администраций с народом»; «Всеякие стратегии устойчивого развития регионов — это больше красивая картинка и формулировка»; «Мы смотрели документы, пытались что-то найти, — то, что закладывалось, и то, что было сделано. Во-первых, не было отчета как такового, потому что не было реализовано половины того, что планировалось. И пытаются красивыми словами завуалировать, что у нас все хорошо»; «Надо улучшать качество жизни... В деревне бедность, от бедности все бегут»; «Я думаю, у нас другое поколение, в деревнях живет старшее поколение. Все молодые уезжают, кому финансы позволяют»; «Раньше труд ценился и достаточно хорошо оплачивался. Сейчас труд обесценен. Раньше люди работали и получали квартиры, сейчас трудятся, чтобы оплачивать ипотеку».

Молодежь, получающая образование по специальности «Государственное управление» и проходившая практику в государственных учреждениях, не

рассматривает работу по выбранной специальности как перспективную в отношении заработной платы: «Я проходила практику в соцзащите. Не хочется туда идти. Объем работы невероятный — и бумаги, и компьютеры, и люди, а зарплаты там очень маленькие. Чтобы дорасти до специалиста, надо начинать с низов. Это 20 тысяч. На эту зарплату не прожить. Пять дней в неделю. Мы устали за несколько часов в неделю»; «Я бы пошла работать, если бы была хорошая зарплата, но зарплаты очень плохие»; «Если сравнивать труд в администрации — прием заявок — и работу официанта, то по часам работать примерно одинаково, но зарплата в два раза больше и проблем меньше, голова не забита»; «Никто не хочет идти работать с бумагами, с людьми за копейки»; «У нас другое мировоззрение, мы по-другому смотрим на вещи. Мы лучше поедим в Финляндию, клубники нарвем, заработаем кучу денег, чем будем за три копейки картошку у нас копать. Мы не хотим, это не престижно для нас. Мы другие, не такие, как наши родители»; «Потому что поменялся менталитет. Это теперь не престижно, не привлекательно. Никто не поедет на картошку жить в палатках. Мы больше потребители. Я бы уже не согласилась ехать осваивать земли. Может быть, это эгоизм. Мы больше берем, чем даем. И никто не поедет».

Молодежь отмечает нарастание конфликтности в межпоколенных межличностных отношениях. Респонденты старшего поколения, по их словам, более критично относятся к поступкам молодежи, чем наоборот. Их пугает постепенная утрата нравственно-гуманистических ориентиров, этнической самобытности.

Позиции молодых людей, вернувшихся в родные места после получения образования или принявших решение остаться на своей малой родине, можно свести к следующим пунктам:

- *хорошая экология,*
- *привязанность к родным местам,*
- *возможность вести фермерское хозяйство,*
- *возможность заняться традиционными ремеслами,*
- *возможность построить экотуристический бизнес, заняться краеведением,*
- *ощущение нужности полученной специальности и возможности приносить пользу людям на своей малой родине.*

Вот высказывания респондентов: «Я бы поехала подальше от города, там хороший воздух»; «В сельское поселение тоже нужно возвращаться, не хочется уезжать отсюда, где ты родился, где ты живешь»; «У меня нет желания куда-то выезжать, потому что здесь я родился и живет душа»; «Я вернулась, и мне повезло — здесь таких специалистов, как я, вообще не было»; «Возвращаются к родителям и не находят работу. Но и в Питере точно так же нет этой же работы... В городе много перспектив, но там очень сложно. Там на одно такое место десятки тысяч народу»; «В деревне раскрыть талант намного сложнее, но есть много людей, которые нашли себя в том деле, в котором они приносят пользу людям»; «Почему кто-то из нас не может взять колхоз в свои руки

и не начнет его развивать?»; «Это все от нас зависит, от нашего желания. Если мы хотим, чтобы что-то у нас здесь в деревне было, мы должны к этому стремиться, мы должны собрать людей, которые сидят дома, мы можем им показать, что важно что-то делать сообща»; «Все же есть перспективы развития. Есть государственные программы. Надо в них участвовать и пробывать, это возможно»; «В деревне мне оказалось проще, так как у меня способности к ремеслу, которому меня обучил мой дед (резьба по дереву). Я считаю, что многого добился в деревне. Я пытался работать в городе, но там очень сложно, появляется множество новых проблем и конкуренция»; «В деревнях есть множество ремесел, надо их возрождать. В одной деревне одно, в другой — другое»; «Если есть цель — взаимодействие с администрацией, объединение поколений, ...то кто-то из нас со временем, возможно, придет на должность главы администрации...».

Девушка, получившая образование в Санкт-Петербурге (колледж культуры и искусств), вернулась в родное село. Она состоит в молодежном совете своего сельского поселения, очень активна, работает в сельском клубе с детскими коллективами, участвует с ними в различных фестивалях, конкурсах. После учебы она начала работать в городе. Но, по ее словам, ощущала себя «каким-то предателем», так как знала, что дети нуждаются в таком преподавателе, как она: «И я вернулась сюда обратно. Сначала было нелегко, но те, кто говорит о том, что здесь нечего делать, не правы — это все равно зависит от нас. Приехавшие привозят интересные идеи, тем более, очень многое идет сейчас к нам в руки. Сейчас это все можно решить, если мы этого на самом деле захотим...».

Наши респонденты рассказали, что если проявить активность, для них на селе есть много перспектив, способных соединить культурный, экономический и социальный аспекты жизни. Например, это и занятие экотуризмом, и резьбой по дереву, и постройкой лодок, и созданием уникальной ремесленной продукции. Имеется в виду не сувенирная продукция, а артефакты, сочетающие в себе практическую значимость и культурно-историческую ценность.

Важнейший этап и процесс социализации личности молодого человека на селе, его социальная адаптация оказался в наши дни связанным с переориентацией ценностных установок, поведенческих особенностей, взглядов на жизнь.

Для того чтобы государственные программы заработали, а не оставались красивыми формулировками, нужна активная и даже самоотверженная работа на местах. Для решения возникающих проблем молодежь начинает самоорганизовываться, создавать инициативные группы, советы молодежи. В области организовано и активно работает отделение Российского союза сельской молодежи. По словам председателя Совета молодежи одного из сельских поселений, необходимо научиться брать на себя ответственность и смело становиться лидерами: что казалось когда-то утопией, в самом начале деятельности Совета молодежи, превратилось в конкретные мероприятия:

спортивные, патриотические, деятельность по благоустройству поселений и т. д. Появилось много мотивирующих идей, у каждого члена совета есть определенная должность: «Я вижу людей, которым денег не надо, они готовы предпринимать любые действия для нашего села; если эти люди через десять лет станут заниматься управлением, село расцветет». Молодежь рассчитывает, что она будет услышана и что любая важная инициатива может выйти на федеральный уровень.

Позитивно настроенная, социально активная молодежь стремится к тому, чтобы территориальные сообщества стали социальными общностями, лично значимыми для взаимопонимания (коммуникаций) жителей региона. Молодежь любит свой регион, находит его перспективным, имеющим много возможностей для инициативных людей.

Для получения сведений об уровне культурного потенциала молодежи, а также о накоплении и содержании культурного капитала, участникам исследования в Ленинградской области был задан ряд вопросов об их участии в культурной жизни региона. В табл. 7 представлена частотность посещаемости учреждений культуры респондентами в возрасте до 35 лет.

Таблица 7

Посещение учреждений культуры респондентами возрастной группы до 35 лет (в %)

	Библио-тека		Театр		Цирк		Музей		Стадион		Клуб		Диско-тека		Кино-театр	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Раз в неделю	3,7	6,3	0,4	1,3	-	0,8	0,6	1,5	2,5	1,8	6,0	4,4	1,6	2,2	7,9	7,0
1–3 раза в месяц	6,6	5,9	5,7	6,9	0,2	0,4	7,3	11,0	4,3	2,0	6,2	5,4	6,2	10,1	23,0	26,2
1–3 раза в полгода	8,4	11,9	15,0	25,8	2,1	2,4	22,7	24,1	11,5	6,2	3,9	5,2	11,1	15,1	16,3	14,7
1 раз в год и реже	21,7	20,2	25,0	14,6	32,9	30,8	15,8	12,5	22,5	27,9	18,1	17,8	20,4	16,3	3,0	2,9
Не посещал	10,8	7,3	4,9	1,6	16,2	17,2	4,3	1,2	10,4	14,4	17,2	19,4	11,7	8,8	0,6	0,2

Судя по ответам, молодежь не очень активно посещает учреждения культуры (библиотеки, музеи, театры), клубные мероприятия, кружки самодетельности.

Чаще всего посещаются дискотеки и кинотеатры. Преобладает заданная в анкете периодичность 1–3 раза в полгода и 1 раз в год и реже (девушки проявляют несколько большую активность, чем молодые люди).

Для сравнения представим полученные данные о частотности посещения учреждений культуры средним (предпенсионным) поколением областных жителей (см. табл. 8).

Таблица 8

**Посещение учреждений культуры респондентами возрастной группы
от 36 до 60 лет (мужчины) и от 36 до 55 лет (женщины) (в %)**

	Библио-тека		Театр		Цирк		Музей		Стадион		Клуб		Диско-тека		Кино-театр	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Раз в неделю	0,6	0,4	0,4	1,0	-	0,0	0,0	0,2	0,8	0,8	1,8	1,2	0,0	0,0	1,8	0,4
1–3 раза в месяц	0,2	1,6	3,5	4,8	0,4	0,2	4,1	3,9	1,8	1,0	1,6	1,4	1,0	0,4	7,1	5,9
1–3 раза в полгода	2,5	2,8	10,0	11,9	2,1	2,4	10,8	10,4	5,3	2,0	2,5	1,0	2,1	1,2	10,4	10,0
1 раз в год и реже	12,5	8,3	11,8	6,0	15,6	12,5	10,3	8,3	11,5	8,2	8,8	5,6	11,5	6,0	6,9	6,5
Не посещал	13,6	13,1	4,0	2,7	11,9	11,5	4,6	3,3	10,4	14,2	15,2	16,8	15,4	18,5	3,6	3,9

Налицо вполне объяснимые возрастом и различием в отягощенности хозяйственными и прочими нагрузками лидирующие позиции молодежи в участии в культурной жизни.

Конечно же, имеется в виду, что население посещает не только учреждения культуры, расположенные рядом с домом, но и в черте мегаполиса, в самой культурной столице, что становится затруднительным в случае проживания далеко от города. Молодежь, как видим, стремится в город гораздо более активно.

В пространственном развитии продолжается «размывание» границ города федерального значения и охватывающей его области, усиливается тенденция стягивания населения в ближний пояс Санкт-Петербурга и дальнейшее уменьшение населения в удаленных от границ города муниципальных районах области. Проблемы реализации инновационного потенциала молодежи, по мнению самой молодежи, состоят в недостаточной поддержке со стороны государства, отсутствии обратной связи, низком уровне информированности о способах поддержки инновационной активности, что, очевидно, свидетельствует о неэффективном функционировании органов местного самоуправления [5, с. 16].

Проведенное исследование тем не менее выявило много положительных тенденций в настрое областной молодежи, готовой рационально решать насущную задачу повышения качества жизни и эффективного использования сельских и городских территорий. Высокий социокультурный статус Ленинградской области в сочетании с фактором социокультурного, экономического разнообразия и потенциала способен оказывать влияние на социально-экономические процессы, создавая все необходимые условия для сохранения и формирования необходимых возможностей для более динамичного развития региона как в интересах его жителей, так и в более широком геополитическом, макрорегиональном значении.

Источники

1. Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года [Принята Законодательным собранием Ленинградской области 13 июля 2016 года]. — URL: lenoblinvest.ru/images/Strategy_2030.pdf (дата обращения: 19.09.2019).
2. Отчет главы районной администрации / Ломоносовский районный вестник. — 2018. — № 4. — С. 2.
3. Возрастно-половой состав населения Ленинградской области на 1 января 2018 года : статистический бюллетень / Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). — СПб. : Петростат, 2018. — 111 с.
4. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года на территории Ленинградской области: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). — СПб. : Петростат, 2012. — 74 с.
5. *Лапин Н. И.* Региональные инновационные системы — способ саморазвития российских регионов // Социокультурные и социальноэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докл. участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», Тула, 15–17 окт. 2018 г. / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, В. И. Мосин. — Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. — Тула, 2018. — 419 с.

**ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ
КАДРОВ В РЕГИОНЕ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Ю. О. Ушакова

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук»,
г. Вологда

E-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru

Аннотация. Наличие квалифицированных научно-технических кадров, обеспечивающих генерацию знаний и внедрение новых идей и технологий, способствует переходу экономики страны и региона на инновационный путь развития. Вологодская область является типичным для России регионом, где в 1990-е гг. происходит разрушение научно-технического потенциала, снижение персонала, занятого исследованиями и разработками. В связи с этим целью исследования является выявление проблем подготовки научно-технических кадров на примере Вологодской области.

Ключевые слова: подготовка кадров, научно-технические кадры, проблемы подготовки кадров, инновационная экономика, регион, кадр.

**PROBLEMS OF TRAINING OF SCIENTIFIC AND
TECHNICAL PERSONNEL IN THE REGION
(ON THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA REGION)**

Y. O. Ushakova

Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Vologda

E-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru

Abstract. The presence of qualified scientific and technical personnel to ensure the generation of knowledge and the introduction of new ideas and technologies contributes to the transition of the economy of the country and the region to the innovative path of development. The Vologda Oblast is a typical region for Russia, where in the 1990s the scientific and technical potential was destroyed, and the staff engaged in research and development declined. In this regard, the purpose of the study is to identify the problems of training of scientific and technical personnel on the example of the Vologda Region.

Keywords: personnel training, scientific and technical personnel, problems of personnel training, innovative economy, region, personnel.

Введение

Современное экономическое развитие во многом определяется целями и задачами, которые обозначены в «Стратегии научно-технологического развития РФ», национальных проектах «Наука» и «Цифровая экономика», направленных на повышение конкурентоспособности результатов научных исследований и разработок в областях, определенных приоритетами научно-технологического развития [1; 2; 3]. Для решения этой задачи необходимо наличие квалифицированных научно-технических кадров, обеспечивающих процесс создания, внедрения и использования инноваций.

Вологодская область является промышленно развитым регионом. Однако в 1990-е гг. в регионе происходит разрушение производственного и научно-технического потенциала, которое проявляется в оттоке персонала из научной и научно-технической сфер, снижении персонала, занятого исследованиями и разработками, и т.д. [4]. Так, например, численность персонала, занятого исследованиями и разработками, за период с 1992 по 2017 г. сократилась на 73,7%. Количество исследователей и техников за рассматриваемый период снизилось на 41,7% и 85,7% соответственно [5]. Представленные данные свидетельствуют о значительной потере накопленного в советское время кадрового потенциала. Вологодская область является типичным для России регионом, который, обладая внутренними возможностями и ресурсами, использует их недостаточно эффективно [4]. Одной из составляющих научно-технологического потенциала является наличие высококвалифицированных кадров [6].

В связи с вышеизложенным целью исследования является выявление проблем подготовки научно-технических кадров на примере Вологодской области.

Основная часть

Одним из показателей, характеризующих кадровую составляющую инновационной экономики, является численность персонала, занятого исследованиями и разработками. Так, в Вологодской области на 2017 г. насчитывается 3,9 человек в расчете на 10 тыс. человек населения, что в 12 раз ниже среднероссийских значений. В период с 2007 по 2017 г. число исследователей в регионе значительно увеличилось на 48%, при этом их количество почти в 10 раз меньше средних значений по стране. Кроме этого численность техников в Вологодской области за последние 10 лет сократилась на 75% [5]. Сложившаяся ситуация свидетельствует о крайне низком уровне кадровой обеспеченности региона. По рассматриваемому показателю Вологодская область занимает одно из последних мест среди регионов РФ, а разрыв со среднероссийскими значениями за последние 10 лет не становится меньше.

Таким образом, переход к инновационной экономике требует развития наукоемких технологий, НИОКР, где главную роль играют научно-технические кадры, однако их численность продолжает сокращаться.

В целях получения информации об обеспеченности предприятий научно-техническими кадрами, в 2017 г. Вологодским научным центром РАН был проведен мониторинг научно-технической деятельности (опрос руководителей промышленных предприятий). Сведения об обеспеченности предприятий научно-техническими кадрами были получены путем выборочного исследования 100 промышленных предприятий Вологодской области.

Результаты проведенного опроса показали, что большинство (47 %) руководителей предприятий оценивают степень обеспеченности кадрами на 4 балла, в то же время порядка 43 % респондентов отметили о существенной нехватке кадров (рис. 1) [7].

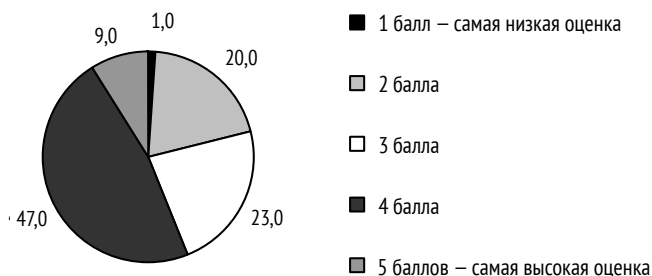

Рис. 1. Степень оснащенности кадрами промышленных предприятий Вологодской области

Рассматривая текущую потребность предприятий Вологодской области в работниках, связанных с инновационной деятельностью, респонденты отметили, что в настоящее время отсутствует потребность только лишь в руководителях специализированных подразделений. Однако предприятия указали на высокую нехватку инженеров, технологов, конструкторов и специалистов для работ на сложном технологическом оборудовании (табл. 1). В условиях перехода к инновационной экономике возрастают объемы производства высокотехнологичной продукции, что, соответственно, требует наличия инженерно-технических кадров, способных ее производить. Однако сложившаяся ситуация в регионе свидетельствует о проблеме обеспеченности квалифицированными специалистами.

В экономике, основанной на знаниях, роль образования усиливается. Система и качество образования играют решающую роль в пополнении кадрового потенциала.

Таблица 1

**Ответ респондентов на вопрос: «Какова текущая потребность
Вашего предприятия в работниках, связанных с инновационной
деятельностью?» (в %)**

Ответ	Руководители специализированных подразделений	Инженеры	Технологи	Конструкторы	Специалисты для работ на сложном технологическом оборудовании	Специалисты по компьютеризации, программисты, системные администраторы
Отсутствует	47	20	16	21	22	31
Низкая	21	19	16	13	23	23
Средняя	21	27	36	26	31	27
Высокая	11	26	27	33	20	16
Очень высокая	0	8	5	7	4	3

В 2017 г. Вологодским научным центром РАН был также проведен опрос, в котором приняли участие учащиеся и студенты. Выборочная совокупность составила 250 человек — учащиеся старших классов средней школы и 55 человек — учащиеся высших учебных заведений. Оценка условий подготовки научно-технических кадров и инженерно-конструкторских кадров региона проводилась по трем направлениям: с целью выявления интересов и склонностей школьников и студентов, исследования условий среды для их реализации, а также определения профессиональных планов обучающихся.

Результаты опроса показали, что более половины (63%) опрошенных школьников отметили, что интересуются наукой и научно-техническим творчеством, из них 13% активно участвуют в данной деятельности (рис. 2). Доля студентов, занимающихся научно-технической деятельностью, больше, чем школьников, и составляет 53,8% (рис. 3).

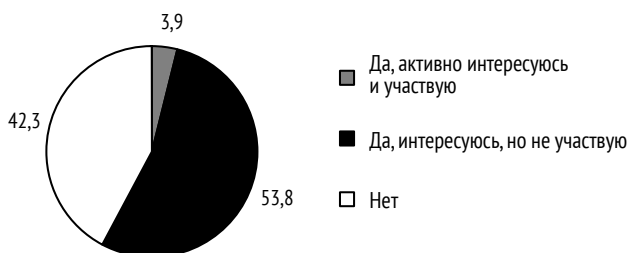

Рис. 2. Ответ респондентов (школьников) на вопрос: «Вызывает ли у тебя интерес наука, научно-техническое творчество (исследовательская деятельность, технически кружки, мероприятия и т.д.)?»

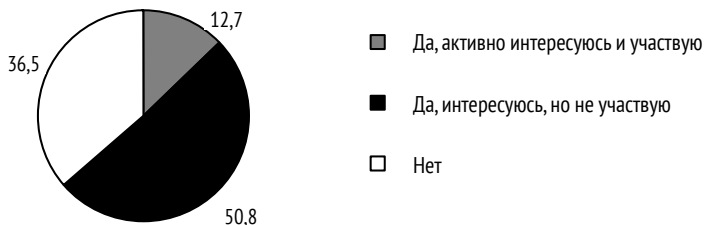

Рис. 3. Ответ респондентов (студентов) на вопрос: «Вызывает ли у тебя интерес наука, научно-техническое творчество (исследовательская деятельность, технически кружки, мероприятия и т.д.)?»

Такая существенная разница объясняется целью, которую ставят перед собой высшие учебные заведения. Одна из главных задач обучения в вузе — формирование конкурентоспособного специалиста, который сможет найти практическое применение своим знаниям и навыкам.

Результаты опроса показали, что интерес к научному и научно-техническому творчеству как среди школьников, так и среди студентов появляется в большинстве случаев в средней школе (рис. 4–5). Кроме этого, около 44% ответивших студентов отметили также, что интерес к данной деятельности у них появился после окончания школы, что связано с введением дисциплин научно-технического творчества в учебную программу только после 4 класса.

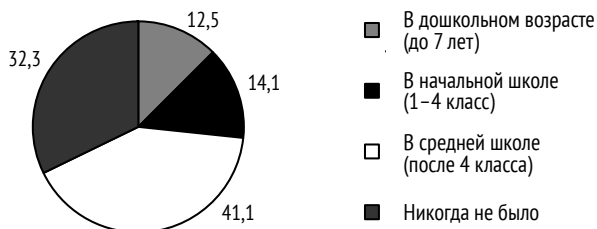

Рис. 4. Ответ респондентов (школьников) на вопрос: «Когда у тебя появился интерес к научному и научно-техническому творчеству?»

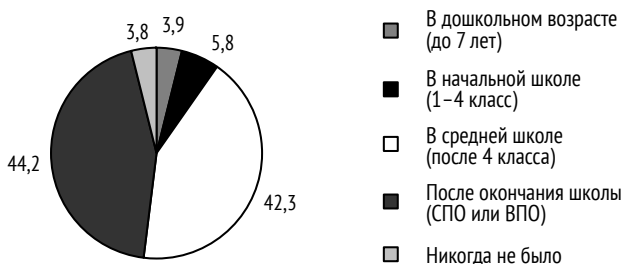

Рис. 5. Ответ респондентов (студентов) на вопрос: «Когда у тебя появился интерес к научному и научно-техническому творчеству?»

Таким образом, анализ данных проведенного опроса позволил сделать вывод о том, что большая часть школьников и студентов имеет интерес как к самому процессу обучения, так и к изучению предметов естественнонаучного цикла, который появился в средней школе в связи с введением данных дисциплин в школьную программу. Однако в условиях перехода к инновационной экономике требуется системная подготовка кадров на всех этапах обучения. Необходимо работать над выявлением и развитием способностей к научно-технической деятельности начиная с раннего возраста. В связи с этим является важным введение элементов научно-технического творчества уже на этапе дошкольного и школьного обучения [8].

Кроме оценки имеющихся интересов и склонностей обучающихся важно проанализировать наличие условий для их реализации и занятия научно-техническим творчеством. Согласно опросу большинство школьников и студентов отмечают, что для занятия научной и научно-технической деятельностью в учебных заведениях имеется недостаточно условий. Кроме этого около 10–15 % указали на отсутствие каких-либо возможностей (рис. 6–7).

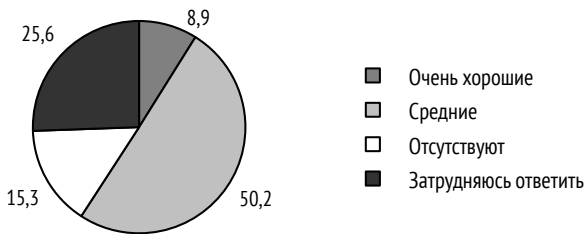

Рис. 6. Ответ респондентов (школьников) на вопрос: «Как бы ты мог оценить существующие в школе возможности заниматься научным и научно-техническим творчеством?»

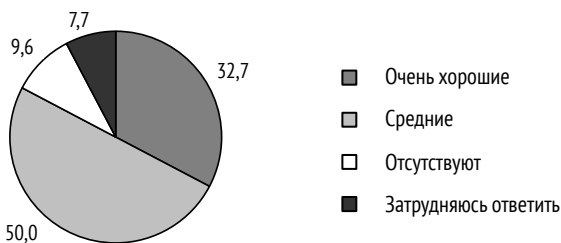

Рис. 7. Ответ респондентов (студентов) на вопрос: «Как бы вы могли оценить существующие в вузе возможности заниматься научным и научно-техническим творчеством?»

Развитию творческих способностей, приобретению дополнительных знаний, умений и навыков способствует дополнительное образование. Из опрошенных 250 учащихся школ около 27 % школьников ответили, что посещают учреждения дополнительного образования по предметам гуманитарного

цикла. О желании заниматься естественнонаучной, математической и технической деятельностью отметили примерно треть опрошенных (табл. 2).

Таблица 2

Ответ респондентов на вопрос: «Посещаешь ли ты учреждения дополнительного образования научно и научно-технической направленности?» (в %)

Ответ	Гуманитарной направленности (русский язык, английский язык, литература, история)	Естественнонаучной направленности (химия, физика, биология)	Математической направленности (математика, алгебра, геометрия)	Технической направленности (конструирование, моделирование, робототехника, IT)
Да	26,6	12,1	17,7	11,3
Нет, но есть желание	39,9	35,5	32,7	28,2
Нет и нет желания	23,4	37,1	32,7	44,0

Большинство школьников, не посещающих учреждения дополнительного образования научной и научно-технической направленности, связывают это с недостатком времени (48%) и отсутствием интереса к занятию данной деятельностью (35%) (рис. 8).

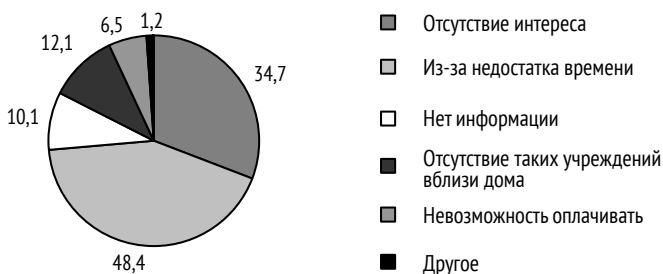

Рис. 8. Ответ респондентов на вопрос: «Если ты не посещаешь учреждения дополнительного образования научной и научно-технической направленности, то с чем это связано?»

Таким образом, опрос показал, что большинство опрошенных школьников и студентов, изъявивших желание заниматься научно-техническим творчеством, указали на недостаток или отсутствие условий для реализации своих интересов.

На вопрос о профессиональных планах около 46% школьников и 60% студентов ответили, что хотели бы связать свою жизнь с деятельностью в сфере науки, инноваций и высоких технологий (создать свою компанию). Большая

часть опрошенных заявили, что в будущем планируют заниматься научной деятельностью, проводить исследования, писать статьи и книги, а также заниматься изобретательством, инженерно-конструкторской деятельностью (на промышленном предприятии, проектной организации, IT-компании). Вместе с тем 50% школьников и 40% студентов не планируют в будущем заниматься деятельностью в сфере науки (табл. 3).

Таблица 3

Ответ респондентов на вопрос: «Планируете ли Вы в будущем (после получения образования) связать свою жизнь с деятельностью в сфере науки, инноваций, высоких технологий?»

№	Ответ	% ответивших	
		Школьники	Студенты
1	Планирую заниматься научной деятельностью (проводить исследования, писать статьи, книги, получить ученую степень)	15,8	15,4
2	Планирую заниматься изобретательством, инженерно-конструкторской деятельностью (на промышленном предприятии, проектной организации, IT-компании)	15,3	19,2
3	Планирую самостоятельно заниматься бизнесом в сфере инноваций и высоких технологий (создать свою компанию)	18,5	25,0
4	Не планирую	50,4	40,4

В рамках интервьюирования, проведенного в 2017 г. Вологодским научным центром среди руководителей средних учебных заведений (МОУ СОШ № 1 с углубленным изучением английского языка; МОУ «Гимназия № 2»; МОУ СОШ с углубленным изучении отдельных предметов № 8; МОУ СОШ № 36; МОУ «Лицей № 32; МОУ «Школа № 1 адмирала А. М. Калинина»), были получены ответы на вопросы об интересе детей к занятию научно-технической и инженерно-конструкторской деятельностью; о возможностях школ для углубленного изучения отдельных предметов (физика, химия и др.) и для развития творческого потенциала и интереса детей к научно-технической и инженерно-конструкторской деятельности; насколько в учебных заведениях развито дополнительное образование и в каком направлении оно сконцентрировано; действуют ли в школе научные сообщества и насколько активна их деятельность и т.д.

Проведенное исследование показало, что интерес школьников к занятию научно-технической и инженерно-конструкторской деятельностью зависит от возраста обучающихся. Среди учеников старших классов наблюдается высокий интерес к творческим предметам и занятию научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими проектами. Кроме того, в большинстве школ учащиеся посещают учреждения дополнительного образования, связанные с развитием научно-технологического потенциала, такие как «Мезон»,

«Аэлита», ДЮЦ «Лидер», «Фаблаб», что свидетельствует о заинтересованности обучающихся в сферах компьютеризации, робототехники, IT-технологий и т.д.

По мнению руководителей учебных заведений у школ недостаточно возможностей для развития творческого потенциала и интереса детей к научно-технической и инженерно-конструкторской деятельности. Несмотря на то, что большинство исследованных школ имеют в наличии современное компьютерное и мультимедийное оборудование, стенды и графические материалы, респонденты отметили о существовании проблемы финансирования, заключающейся в недостатке денежных средств для осуществления учебного процесса. Кроме этого руководители указали на отсутствие специалистов, способных обеспечить реализацию данных программ обучения. Как показало исследование, на уровне учителей происходит взаимодействие между школами, что позволяет обмениваться опытом и информацией.

Практически все руководители школ, принявшие участие в интервьюировании, отметили, что для углубленного изучения отдельных предметов учебные заведения имеют все необходимые методические и материальные средства. В частности, углубленно изучается математика, физика, информатика, русский язык, химия и биология. Однако дополнительное образование осуществляется другими учреждениями на коммерческой основе.

Таким образом, респондентами было отмечено наличие интереса учащихся к научно-техническому творчеству. По мнению руководителей школ, в учебных заведениях создано недостаточно условий для занятий инженерно-конструкторской деятельностью. В этом их ответы совпадают с ответами школьников и студентов. Главная причина отсутствия недостаточно созданных условий, с точки зрения руководителей учебных заведений, заключается в низком финансировании, отсутствии специалистов, способных вести подготовку инженерно-конструкторских кадров, коммерческой основе дополнительного образования.

Заключение

Таким образом, в условиях перехода к инновационной экономике требуется наличие квалифицированных специалистов, способных обеспечить конкурентоспособное развитие региона. В связи с ускорением темпов научно-технического прогресса возрастает потребность в кадрах, занятых в научно-технической сфере. Однако анализ обеспеченности Вологодской области специалистами, необходимыми для формирования инновационной экономики, показал, что их численность сокращается. Задача кадрового обеспечения инновационной экономики ложится на учебные заведения, которые в современных условиях должны формировать у учащихся необходимые теоретические знания, практические навыки и профессиональные компетенции.

Результаты опроса, проведенные ВолНИЦ РАН, показали, что на сегодняшний день в системе подготовки кадров существуют следующие проблемы. Во-первых, данные опроса школьников и студентов свидетельствует

о наличии у обучающихся интересов к научно-технической и инженерно-конструкторской деятельности, однако, как ими же и было отмечено, условий для их реализации в учебных заведениях недостаточно.

Во-вторых, согласно результатам исследования интерес к научно-техническому творчеству возник только на этапе обучения в средней школе, что обусловлено введением данных дисциплин в учебный процесс в более старших классах. Это обстоятельство делает процесс подготовки кадров недостаточно системным и целостным.

В-третьих, респондентами отмечено, что, несмотря на наличие в учебных заведениях научных сообществ, дополнительное образование в области технического творчества осуществляется на коммерческой основе, что становится доступным не для всех желающих.

В-четвертых, руководители школ, принявшие участие в опросе, указали на недостаток финансирования для осуществления учебного процесса в области научно-технического творчества.

В-пятых, отсутствуют квалифицированные педагогические работники, способные реализовать данные программы обучения.

В связи с обозначенными проблемами требуется разработка мероприятий по подготовке кадров в условиях перехода к инновационной экономике, которые будут обозначены на следующих этапах исследования. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы региональными органами власти с целью разработки мероприятий по совершенствованию системы подготовки специалистов в условиях перехода к инновационной экономике.

Источники

1. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/48053.html/> (дата обращения: 19.09.2019).
2. Национальный проект «Наука» от 24.12.2018. — URL: <http://government.ru/projects/selection/740/35565/> (дата обращения: 19.09.2019).
3. Национальный проект «Цифровая экономика» от 24.12.2018. — URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 19.09.2019).
4. Ускова Т. В. Преодоление барьеров неэффективной экономики — требование времени // Проблемы развития территории. — 2012. — Вып. 2 (58). — С. 7–17.
5. Федеральная служба государственной статистики [сайт]. — URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 19.09.2019).
6. Постановление Правительства Вологодской области от 28 июня 2010 г. № 739 «О стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/424083385> (дата обращения: 19.09.2019).
7. Мазилев Е. А., Усков В. С., Кузьмин И. В., Теребова С. В. Анализ и моделирование расширенного воспроизводства кадров: отчет о НИР. — Вологда, 2017. — 177 с.
8. Ушакова Ю. О. Специфика довузовской подготовки кадров для инновационной экономики // Научные записки молодых исследователей. — 2018. — № 6. — С. 47–52.

**МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Н. В. Дергунова

Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск

E-mail: comm3@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе многолетних социологических исследований в Ульяновской области (2006–2019 гг.) рассматривается отношение современной провинциальной молодежи к государственным и общественным интересам. Сравнительный анализ ответов респондентов показал усиление индивидуалистических настроений, прагматизм и амбициозность молодежи в реализации своих жизненных ценностей. Традиционные механизмы формирования гражданской активности не востребованы молодежью. В реальности происходит стихийный рост социальных форм участия.

Ключевые слова: молодежь региона, гражданская идентичность, цели и ценности деятельности, гражданское участие.

**THE MECHANISMS OF FORMATION OF CIVIC ACTIVITY
OF YOUTH (BASED ON THE EXAMPLE OF UNIVERSITY
STUDENTS OF THE ULYANOVSK REGION)**

N. V. Dergunova

Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Ulyanovsk

E-mail: comm3@yandex.ru

Abstract. This paper based on the multiyear sociological studies in Ulyanovsk Region from 2006 until 2019 considers attitudes of the modern youth in the province towards state and public interests. Comparative analysis of the answers of the respondents shows the reinforcement of the individualistic sentiment, realism and ambitiousness of youth in realization of their life values. Traditional mechanisms of formation of civil activity are not popular among young people. In reality there is a spontaneous growth of the social forms of participation.

Keywords: youth of the region, civil identity, objectives and values of activity, civil participation.

Ульяновская область относится по социально-экономическим показателям к регионам скромного достатка. Молодежь в Ульяновской области

составляет четвертую часть населения области, ее численность уже несколько лет имеет тенденцию к снижению [1, с. 15]. Социологические исследования, проводимые в регионе социологами УлГУ с 2006 г. по настоящее время, показывают, что ценности провинциальной молодежи образуют два вектора. Во-первых, это вектор духовности, характеризующийся господством нравственных установок гуманизма и человеколюбия. А во-вторых, это ценности, нацеленные на индивидуализм, приоритет материального над духовным, отличающиеся утилитаризмом и практицизмом [2, с. 84–101]. Сложный электоральный цикл 2021–2024 гг. требует особого внимания к гражданской активности молодого поколения.

Содержание и методология исследования

В ноябре 2016 г. и в мае 2019 г. были проведены социологические исследования молодежи города Ульяновска, в основном студенчества. Изучались проблемы формирования этнокультурной и гражданско-государственной идентичности, ценностные ориентации и инновационная активность молодого поколения. Опрос 2016 г. содержал в том числе и блок вопросов, касающихся векторов гражданского и социально-политического самоопределения, используемых форм гражданского участия. Исследования можно рассматривать как определенный мониторинг процесса формирования социокультурной идентичности в основных ее проявлениях, и прежде всего гражданско-государственной. Студенческая молодежь, выпускники вузов являются своеобразным «окончательным» продуктом деятельности всех агентов социализации молодого поколения: семьи, системы образования, СМИ, органов власти и ближайшего окружения молодых людей. Формирование политической культуры является основой стабильности общества и динамичного функционирования всех его важнейших сфер. Для этого необходимо формирование гражданской и государственной идентичности молодежи в рамках процесса политической социализации.

Студенты-выпускники, начинающая трудовой путь молодежь должны продемонстрировать уже сформированный в рамках первичной и вторичной социализации тип идентичности, проявляющийся в развитии трех его компонентов (когнитивный, эмоциональный и действенный), и уровень его сформированности (поверхностный, средний, глубокий). На данном этапе более всего, как представляется, должен преобладать деятельный компонент сформированной социокультурной и гражданско-государственной идентичности. Это патриотизм, это выбор места жительства, это воспроизводство и смена идентичности, мультикультуризм, космополитизм, это лояльность или оппозиционность власти, это выбор форм гражданского или политического участия¹.

¹ В опросе участвовало 439 человек, студентов выпускных курсов вузов г. Ульяновска. Среди них 89 % заканчивают бакалавриат, 4 % — магистратуру, 7 % — специалитет.

Результаты исследования 2019 г. сравнивались с результатами опроса Ульяновской молодежи 2006 г. «Российская молодежь в регионах среднего достатка», проведенного в Ульяновской, Пензенской областях и Республики Мордовия и социокультурного портрета Ульяновской области 2008 г. [3, с. 88–129].

Основная часть

Один из разделов исследования был посвящен нравственным ценностям, идеалам и настроениям современной молодежи, поэтому одной из главных задач исследования было изучить, какие цели ставит перед собой современная российская молодежь и как она участвует в общественной жизни региона. На вопрос, какие цели ставят перед собой молодые люди, предполагалось четыре варианта ответов: уже добился; пока нет, но это мне по силам; вряд ли смогу и нет такой цели. Одни и те же вопросы задавались в 2006 и в 2019 гг. Сравнительный анализ по сумме первых двух вариантов (уже добился; пока нет, но это мне по силам) показал, что провинциальная молодежь стала более уверена в себе и более амбициозна, видит реальные возможности достижения своих целей.

Уверенность в возможности «получить хорошее образование» возросла с 84 до 93 %; в представлении молодежи повысилась возможность реализовать свою профессиональную карьеру с 67 до 85 %; 90 % (в 2006 г. — 77 %) респондентов уверены, что смогут иметь собственное жилье; 75 % считают, что смогут побывать в разных странах (в 2006 г. так считали только 43 %), 86 % — заниматься любимым делом (в 2006 г. — 80 %), с 42 % до 58 % возросла уверенность, что смогут стать богатым человеком.

Осталось на высоком уровне стремление «создать счастливую семью» (90–85 %); «воспитать хороших детей» (93–88 %); «честно прожить жизнь» (81–85 %). Не изменилось число респондентов, стремящихся достичь власти (27–28 %).

Для выяснения уровня поддержки молодежью региона базовых ценностей респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Определите, пожалуйста, насколько значимы (ценны) для Вас лично следующие качества?». Ответы в сравнении 2006–2019 гг. показали некоторое изменение приоритетов. Из приведенной таблицы (графа «очень значимо») видно, что самыми ценными для молодежи в 2006 г. являлись семья, здоровье, дружба, безопасность, любовь, справедливость, свобода. На последних местах здесь же находятся у молодежи карьера, вера в Бога, адаптация, патриотизм, творчество.

В 2019 г. самыми ценными для студенческой молодежи стали здоровье, свобода, безопасность, дружба, семья, справедливость и любовь. Набор наиболее значимых ценностей остался тот же, но на первое место вышли сугубо индивидуальные ценности. На последних местах оказались патриотизм, вера в Бога, творчество и адаптация. Показатели значимости данных ценностей по сравнению с 2006 г. снизились на 10–15 %. Молодежь показала себя более

прагматичной и конформистской, по сравнению с 2006 г. Особенно заметно снижение значимости таких ценностей, как патриотизм, вера в Бога, семья, любовь, дружба. Обнадеживает существенный рост значимости ценности творчество.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько значимы (ценны) для Вас лично следующие качества?» по показателю «очень значимо» в сравнении 2006–2016 гг. (в %)

Насколько значимы (ценны) для Вас лично следующие качества?	Очень значимо 2006 г.	Очень значимо 2016 г.	Дельта
Патриотизм	37,9 %	26,8	-11,1
Свобода	84,7%	85,0	+0,3
Законность	73,0 %	69,2	-3,8
Безопасность	89,7%	82,9	-6,8
Справедливость	85,1 %	77,8	-7,3
Вера в Бога	47,6 %	29,5	-18,1
Честность	80,6 %	75,8	-4,8
Дружба	91,5 %	81,7	-9,8
Любовь	89,1 %	77,4	-11,7
Семья	94,7%	80,3	-14,4
Здоровье	93,5 %	86,1	-7,4
Образование	72,1 %	65,0	-7,1
Творчество	31,1 %	47,1	+16,0
Любимая работа	72,8 %	68,3	-4,5
Карьера	55,5 %	55,9	-0,4
Адаптация	42,4 %	50,4	+8,0

В исследовании 2016 г. респондентам было предложено определить ранг основных личных ценностей, на которые они ориентируются в жизни и которые лежат в основе деятельности, поведения индивида.

Первые девять жизненных ценностей носят сугубо личный характер, затем идут жизненные ценности, связанные с социальной жизнью личности, ее взаимодействием с другими людьми (10–17), последние позиции занимают общие, коллективистские ценности: человечество, природа и государство. Оказалось, что государство занимает последнее место среди жизненных ценностей студентов вузов. Это проблема для формирования гражданско-государственной идентичности и патриотизма (табл. 2).

Таблица 2

**«Расположите в порядке значимости для Вас жизненные ценности
(от 1 до 20, где 1 – наиболее значимая ценность,
20 – наименее значимая ценность для Вас)»**

Ценности	Среднее значение ранга (20-балльная шкала)
1. Здоровье	5,32
2. Счастливая семейная жизнь	5,45
3. Любовь	6,65
4. Уверенность в себе	8,03
5. Собственное развитие	8,54
6. Свобода	8,55
7. Материально обеспеченная жизнь	8,66
8. Личность	8,93
9. Интересная работа	8,98
10. Психологически комфортное социальное окружение	9,74
11. Справедливость	9,87
12. Уважение окружающих	10,97
13. Активная деятельная жизнь	11,44
14. Творчество	12,24
15. Счастье других	12,44
16. Права и обязанности	12,87
17. Развлечения	13,11
18. Экологически благоприятная для существования природная среда	13,27
19. Человечество и его существование	13,43
20. Государство	15,15

Таким образом, по результатам исследования в целом студенты выпускных курсов продемонстрировали противоречивость основ своей общей культуры: с одной стороны, в структуре сознания современной молодежи полностью доминируют личные интересы, готовность принимать самостоятельные решения и их отстаивать. С другой стороны, к риску готовы только не более трети респондентов, остальные надеются на помощь близких и государства в трудных, кризисных ситуациях. Современная молодежь скорее амбивалентна по культурному синдрому Триандиса [4, с. 50–62]. Примерно половина молодых людей стремится придерживаться индивидуалистических ценностей, около 38% готовы в той или иной степени к риску, 44% на первое место ставят достижение личных целей, и в целом практически все респонденты весьма индифферентны к общественным и государственным интересам. С другой стороны, даже те, кто в личной жизни является индивидуалистом,

в общественной жизни проявляет коллективистскую позицию. В целом респонденты продемонстрировали четкое разделение частной и общественной сфер своей жизни с преобладанием частной сферы, куда входят личная жизнь и семейные интересы.

Гражданственность может пониматься как активность личности в общественно-политической и социальной жизни, волонтерство, участие в НКО, общественно-политической деятельности, контроль деятельности государства. Однако ответы молодых респондентов показывают другое понимание: самый элементарный и распространенный уровень активности респонденты проявляют в рамках семьи и родных (забота о близких — 66%), затем следует интеллектуальная активность (знание истории страны — 56%). Более деятельностные и публичные формы активности — участие в выборах и выполнение конституционной обязанности (армия) — готовы проявлять 51% респондентов (табл. 3).

Таблица 3

«В чем проявляется Ваша личная гражданская позиция?» (в %)

В Вашей заботе о близких	66
Знание истории своей страны	56
Выполнение гражданских обязанностей — хождение на выборы, служба в армии и т. д.	51
Защита национальных интересов своей страны	21
Публичное высказывание своего мнения, комментарии о событиях в своей стране в социальных сетях	10
Участие в политических акциях, митингах	5
Другое	1
Затрудняюсь ответить	6

Ответственное и публично активное проявление гражданской позиции не свойственно респондентам: публичное высказывание своей позиции выбрали только 10%, участие в политических акциях — 5%. Неконкретный ответ (защита национальных интересов страны) выбрали 21% респондентов. Обобщение полученных ответов показывает, что большинство респондентов достаточно хорошо знают демократические и правовые основы современного общества. С другой стороны, молодые люди весьма реалистично и критически оценивают состояние российского социума и его отношения с властью. В итоге только у 30% респондентов сформирована активная позиция на участие в общественно-политической жизни. Таким образом, ответы свидетельствуют, что у молодежи в основном сформирована амбивалентная, скорее подданническая политическая культура и государственная идентичность порогового (поверхностного) уровня.

Одним из завоеваний трансформационных изменений России в 1990-х гг. считается конституционное закрепление гарантии прав и свобод личности.

Распределение ответов респондентов в отношении нарушений их прав и свобод приведены в табл. 4. Дано сравнение ответов на данный вопрос в исследовании 2008 г. («социокультурный портрет региона» [3, с. 76–79]) и 2019 г.

Сравнительный анализ ответов респондентов показал, что практически по всем правам молодежь стала чаще сталкиваться со случаями их нарушения, особенно это коснулось права на свободу слова и свободу личности, права на тайну переписки и получения образования, свободы совести.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?» (в %)

Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?	Не сталкивался с нарушениями прав 2008	Не сталкивался с нарушениями прав 2019	Дельта	Не пытался отстаивать нарушенные права 2008	Не пытался отстаивать нарушенные права 2019	Дельта
Свобода слова	69,4 %	41,1	+28,3	8,4 %	10,8	+2,4
Безопасность и свобода личности	64,3 %	45,8	+18,5	9,4 %	10,3	+0,9
Свобода объединений, групп, союзов	74,9 %	64,2	+10,7	5,4 %	7,8	+2,4
Право народа на собственный язык и культуру	77,3 %	66,8	+10,5	5,0 %	9,5	+4,5
Религиозные свободы и свобода совести	77,4 %	60,6	+16,8	5,2 %	10,3	5,1
Равенство перед законом	58,7 %	51,2	+7,5	12,7 %	13,8	+1,1
Право на труд	64,2 %	59,0	+5,2	8,7 %	13,4	+4,7
Право частной собственности	69,4 %	60,6	+8,8	8,9 %	11,8	+2,9
Право на образование и обучение	76,0 %	57,0	+19,0	6,2 %	13,4	+7,2
Право на тайну личной переписки	78,7 %	53,9	+24,8	3,2 %	9,7	+6,5
Право на эмиграцию	78,8 %	71,2	+7,6	1,5 %	7,3	+6,1

Вместе с тем увеличилось, хоть и незначительно, число респондентов, которые никогда не пытались отстаивать свои права (от 1 до 7 % по разным правам и свободам личности). То есть, несмотря на рост числа нарушений прав, молодежь стала еще менее активна в их отстаивании.

Эту же тенденцию подтверждает и отношение молодежи к участию в общественно-политической жизни. Существенного увеличения членства молодежи

в общественных организациях, за исключением студенческих профсоюзов (студсоветов), не наблюдается. Закрепляется среди молодежи лишь такая форма активности, как волонтерство — 8 % участвует (чему способствовали Олимпиада-2014, Универсиада, Чемпионат мира по футболу-2018). Более 70 % молодых респондентов ответило, что не состоит ни в каких организациях.

Гражданская активность проявляется и в готовности активно участвовать в тех или иных акциях поддержки или протеста. Сравнительные данные о готовности респондентов принять участие в акциях протеста представлены в табл. 5.

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека?» (в %)

Варианты ответов	Частота ответов в 2008 г.	Частота ответов в 2019 г.	Дельта
Готов	17,7 %	18,7	+1,0
Пожалуй, готов	17,2 %	24,2	+7,0
Пожалуй, не готов	13,2 %	21,1	+7,9
Не готов	43,4 %	20,8	-22,6
Затрудняюсь ответить	6,2 %	15,3	+9,1
Отказ от ответа	2,3 %	–	–
ИТОГО:	100,0 %	100,0 %	

Сравнительный анализ показал возрастание готовности молодежи к участию в протестных акциях.

В своем исследовании мы исходили из понимания гражданского участия как идеи включения управляемых в управление общественными делами, а также, насколько это возможно, государственными делами; включения граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов; влияния на принятие решений и контроль их исполнения; самоуправления на низовом уровне [5]. При этом мы исходили из положения, что именно «активистский» опыт, распространенный в обществе, является одним из условий эффективности и осмысленности диалога с властью [6].

В ходе исследования в 2016 г. все показатели участия заметно уменьшились по сравнению с 2006 г. Были выделены формы коллективной общественной жизни и был задан вопрос о частоте использования этих форм респондентами. Самой популярной формой коллективной общественной жизни остаются выборы и референдумы (35,6 %). 12,3 % респондентов отметили участие в общественных и политических организациях, а 8 % отдельно выделили участие в профсоюзах. Остальные формы коллективной общественной жизни не являются особо популярными, но все же были выделены: участие в митингах, пикетах, демонстрациях (7,4 %); подписание петиций (7,4 %); участие

в сходах, общих собраниях (5,9%); обращения в органы власти (4,9%); участие в политических организациях (4,2%); участие в мероприятиях, проводимых общественными организациями (4%); территориальное общественное самоуправление (1,9%); участие в обсуждении вопросов (1,6%).

В западной политической науке выявлена закономерность соотношения количественного вовлечения граждан в различные по степени активности формы участия, которая получила название кумулятивная пирамида Мемми (идеальный тип). Смысл «эффекта кумулятивности» выражается в том, что переход к более высокому уровню политического участия означает приращивание политической активности, когда к освоенным видам действий добавляются новые. В основании пирамиды располагается наиболее распространенный вид политических действий — участие в дискуссиях, которым обычно охвачено от 20–40% населения. Далее следует более активный слой политических акторов (от 10–30%), который демонстрирует свою принадлежность к политической партии или организации и ориентирован на коллективные действия. За ним следуют участники митингов и политических мероприятий, составляющих примерно 10%. Слой активных участников избирательных кампаний составляет от 2 до 4%. Наконец, замыкает пирамиду 1% населения, который осуществляет функцию государственного управления [7]. На основе данной пирамиды возможно изучение соотношения различных степеней участия, где каждая из них характеризуется и определенными формами участия.

По итогам исследования 2016 г., основание пирамиды Мемми оказалось минимальным — только 1,6% респондентов участвовало в различных дискуссиях по подготовке тех или иных решений. На 10% (с 35% до 24,5%) уменьшилось число респондентов, состоящих в политических и общественных, в том числе и в профсоюзных, организациях, и более чем в два раза сократилось число участников демонстраций, митингов, пикетов (с 18% до 7,4%). В условиях управляемой демократии без определенного уровня политической культуры и свободы дискуссии взаимодействие институтов гражданского общества с властью постепенно превращается в имитацию. Имитация низовой демократии привела к отстранению населения от совместного обсуждения жизненных проблем. Вместе с тем произошел некоторый рост социальных форм участия: ТСЖ, волонтерство, неформальные соседские практики взаимопомощи.

При рассмотрении индивидуального и коллективного участия перевес в сторону коллективного участия также заметен. Индивидуальные формы, например, выступления в прессе, обращения в органы власти, в 2006 г. не имели большой популярности среди опрошенных. А выборы, участие в общественных организациях или митингах имели наибольший процент — по самооценке респондентов. С течением времени ничего не изменилось в предпочтениях граждан. Опросы следующих лет показывают такую же ситуацию. Горизонтальное участие более активно начинает использоваться гражданами, хотя эффективность вертикальных форм участия оценивается выше.

Отдельно хотелось бы уделить особое внимание динамике изменения такой формы гражданского участия, как дискуссии на условиях партнерства власти и институтов гражданского общества. Они являются начальной формой вовлечения граждан в общественно-политическую жизнь и основой стабильности демократических режимов. Дискуссии выступают также и формой гражданского и политического просвещения, практического обучения методам и формам взаимодействия власти, активных граждан и институтов гражданского общества, подготовкой к более активным формам участия.

Наибольший опыт публичных выступлений респонденты, по их мнению, получили в вузе и по месту работы. В вузе научились: «умение вести дискуссию» — 47 % и «умение формулировать свою позицию» — 31 %. По месту работы: «умение разбираться в сложной проблеме» — 64 %, «умение вести дискуссию» — 44 %, а также по 37 % получили ответы «умение формулировать свою позицию» и «научились понимать, как работает власть». Цель функционирования дискуссионных форм респонденты видят: в «обмене мнениями» граждан и органов власти — 38 %; «для совместной с властью выработки решений» — 19 %. Можно с большой долей уверенности предположить, что значительная часть молодежи с высшим и средним специальным образованием готова участвовать в дискуссиях с представителями органов власти.

При ответе респондентов на вопрос о причинах участия в общественной жизни в разные периоды жизни — в школе, в вузе, по месту работы и по месту жительства, — выявились следующие тенденции: интерес к общественной деятельности постепенно спадает: от 37 % в школе до 26,8 % в вузе и до 16 % и 15,6 %, соответственно, по месту работы и месту жительства. Относительно участия по месту жительства картина меняется. Основной причиной участия для 16,1 % респондентов является уже не просто интерес, а желание решить проблему, которая их волнует. В итоге можно проследить нисходящую динамику интереса к общественной жизни. Если в школе и в вузе было интересно попробовать себя в такого рода деятельности вообще, то с течением времени появляется специальный интерес, когда участие в таких мероприятиях нужно для решения какой-либо конкретной проблемы.

При анализе зависимости участия в общественных организациях от возраста респондентов были получены следующие результаты. Самый большой процент респондентов молодого возраста от 18 до 34 лет являются сейчас членами общественных организаций (4,9 % из 12 %), что является положительной характеристикой, так как именно молодое поколение, которое сейчас активно участвует в общественной жизни, видит в таком участии возможности для дальнейшего развития.

Самыми эффективными действиями в отношении власти третья часть респондентов (33,3 %) считает обращение во властные структуры. Но это говорит скорее о склонности к патернализму, нежели налаживанию партнерских отношений с властью. Также большой процент тех (28,9 %), кто считает эффективным выдвижение кандидатуры для участия в выборах или руководство общественно-политическим движением, партией. По 9 % опрошенных

отметили, что эффективно создание оппозиционной информации в социальных сетях и протестные действия при голосовании. Это новые формы выражения несогласия, но они являются анонимными, что тоже не характеризует культуру молодежи как активистскую. Довольно большой процент тех, кто считает эффективными неконвенциональные формы протеста (18%).

Выводы

1. Ценности, на которые ориентируется молодежь при определении своих жизненных приоритетов и целей деятельности, становятся более индивидуалистическими. Интерес к деятельности в защиту коллективных, в том числе и государственных, интересов не высок. Примерно 25–30% молодежи проявляет заинтересованность и готовность участвовать в общественно-политической жизни региона в той или иной форме.

2. Традиционные формы политической и общественно-политической деятельности не используются молодежью, за исключением профсоюзов (и студсоветов).

3. Наибольший интерес молодое поколение проявляет к индивидуальным и добровольным формам гражданского участия без фиксированного членства, что более соответствует индивидуальным ценностям современной молодежи: волонтерство, социальный контент и сети, протестные акции и т.д.

4. В регионе недостаточно и формально используются дискуссионные формы гражданского участия как основного механизма вовлечения молодых граждан в общественно-политическую жизнь региона и приобретения первых навыков участия в публичной политике.

Источники

1. Народы и конфессии Ульяновской области в начале XXI века / под ред. А. В. Кобозева, Д. В. Русина. — Ульяновск : НИИ истории и культуры им. Н. М. Карамзина, 2015. — 111 с.
2. *Пасовец Ю. М., Кадничанская М. И., Галкина Е. П.* Молодежь российских регионов. — Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017.
3. Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области / под ред. Н. В. Дергуновой, А. В. Волкова. — Ульяновск : УлГУ, 2008. — С. 88–92.
4. *Дергунова Н. В., Лукичева Л. Ю.* Проблемы формирования этнокультурной и гражданско-государственной идентичности студенческой молодежи вузов г. Ульяновска. // Ульяновская область как субъект социогуманитарного анализа: аналитика, исследования, рейтинги : сб. науч. трудов / под общ. ред. Н. В. Дергуновой. — Ульяновск : УлГТУ, 2019. — С. 6–140.
5. *Горный М. Б.* Общественное участие некоммерческих организаций // Публичная политика-2006 : сб. ст. / под ред. А. Ю. Сунгурова. — СПб., 2006. — С. 10–30.
6. *Седова Н. Н.* Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. — 2014. — № 2. — С. 48–71.
7. *Memmi D.* L'Engagement politique // Traite de science politique / Sous la direction de M. Grawitz et J. Lega. — V. 3: L'action politique. — Paris: Presses Universitaires de France, 1985. — P. 3:31.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

М. И. Кадничанская

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

E-mail: m-i-kad@yandex.ru

Е. П. Галкина

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

E-mail: pyh2000@mail.ru

Аннотация. Глобальные тенденции меняющегося мира доказывают, что стратегические преимущества будут у тех государств мира, которые смогут эффективно развивать и применять инновационный потенциал, основным носителем которого является молодежь. Цель по достижению инновационного, устойчивого развития страны предъявляет специфические требования к молодому поколению, ее мировоззрению, образованию, профессиональной квалификации, умению работать в высококонкурентной среде, лидерским качествам и предпринимательским способностям молодежи. В статье рассматриваются проблемы развития и реализации инновационного потенциала молодежи как важного компонента развития российского государства (на примере Ульяновской области).

Ключевые слова: развитие, реализация, проблемы, инновация, инновационный потенциал, молодежь.

THE MAIN PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE YOUTH OF THE ULYANOVSK REGION

M. I. Kadnichanskaya

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

E-mail: m-i-kad@yandex.ru

E. P. Galkina

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

E-mail: Pyh2000@mail.ru

Abstract. The global trends of the changing world prove that the strategic advantages will be for those States of the world that will be able to effectively develop and apply the innovative potential, the main carrier of which is the youth.

The goal of achieving innovative, sustainable development of the country has specific requirements for the younger generation, its Outlook, education, professional skills, ability to work in a highly competitive environment, leadership skills and entrepreneurial abilities of young people. The article deals with the problems of development and implementation of innovative potential of young people as an important component of the development of the Russian state (on the example of the Ulyanovsk Region).

Key words: development, implementation, problems, innovation, innovative potential, youth.

Введение

В современном обществе инновационная деятельность становится одним из главных средств влияния на изменения во всех сферах жизни. В виде попытки эмпирически зафиксировать инновационный потенциал молодежи чаще представляется анализ ценностных ориентаций молодежи, формирующих ядро субъективных ресурсов личности. Такое свойство молодежи, как инновационность, является важнейшим показателем успешной социализации в современном обществе.

В рамках изучения проблем развития и реализации инновационного потенциала молодых людей необходимо учитывать смысл понимания ими термина «инновации», уровень их готовности к нововведениям: в каких аспектах жизни они видят и готовы к тем или иным инновациям, а в каких нет; где они готовы сами их осуществлять, а где это должен сделать кто-то другой; необходимо проанализировать степень целевой определенности и масштабы распространения.

Вышеперечисленное обуславливает актуальность исследования проблем развития и реализации инновационного потенциала молодежи российских регионов как стратегически значимого условия развития российского государства.

Основная часть

Проблемы молодежи и инновационного потенциала активно исследуются в современном обществе. Во всем мире давно ценится инновационный потенциал молодежи. Однако до сих пор недостаточно исследованы вопросы степени развития инновационного потенциала молодежи и механизмы его оценки.

Для того чтобы выявить проблемы развития и реализации инновационного потенциала современной молодежи в РФ, необходимо выявить его специфику.

Инновационный потенциал молодежи характеризуется социологами с разных позиций:

1. Как способность к восприятию информации и накоплению профессиональных знаний.

2. Как склонность к созданию новых конкурентоспособных идей.

3. Как способность к нахождению нестандартных способов решения поставленных задач.

Инновационный потенциал молодого человека следует рассматривать как «комплекс способностей инновационного потенциала будущего работника:

- к восприятию новой информации;
- к приращению своих профессиональных знаний;
- к выдвиганию новых конкурентоспособных идей;
- к нахождению решений нестандартных задач и новых способов решения стандартных задач» [4, с. 52].

Среди основных черт инновационного типа личности выделяются: стремление к изменениям; признание плюрализма мнений; способность преодолевать жизненные трудности; формирование стратегий для достижения поставленных целей; способность прогнозировать последствия реализации нововведений; чувство справедливости; способность рисковать; наличие креативного мышления; высокая ценность образования; развитая способность к рефлексии и самоанализу [9].

Одной из характерных черт инновации является способность создавать дополнительные ценности, которые приносят пользу только после успешного внедрения. Все это возможно через реализацию инновационного потенциала молодежи путем привлечения ее к социальному и культурному проектированию в форме участия в социокультурных проектах [2, с. 35].

Но придание особого значения в современном обществе инновационности как качеству молодежи, содержит в себе опасность создания культа инновации и отрицания «неинновационных» сторон жизни человека.

Сегодня особое внимание уделяется формированию инновационного потенциала молодых людей как одной из приоритетных задач преобразования системы образования РФ. Большое количество объявленных конкурсов, мероприятий для школьников и студентов имеет в названии термин «инновационный потенциал». Подразумевается, что результатом этих мероприятий, с одной стороны, будет формирование нового гражданина с набором необходимых знаний и умений, а с другой стороны создастся инфраструктура для успешной реализации инновационного потенциала молодых людей. Итогом усилий социума станет общество, стремящееся к максимальной реализации потенциала своих молодых граждан через их самореализацию и саморазвитие.

Несмотря на то что «государством предпринимаются усилия по привлечению молодежи в научную и инновационную деятельность, в реальности наблюдается несколько проблем:

- недостаточно развитая инфраструктура государственных, общественных, частных учреждений по работе с молодежью;

- отсутствие на местах новых организационных форм и методов управления научно-инновационной деятельностью, способных к привлечению и удержанию молодых людей в научно-инновационной сфере деятельности;
- отсутствие должной системы объективной оценки и комплексного мониторинга области привлечения молодежи к научно-инновационной деятельности;
- недостаточное информационное обеспечение при разработке и реализации молодежной политики в профессиональных учебных заведениях и регионах;
- отсутствие эффективных систем работы с молодежью на уровне региона в научных и образовательных структурах» [8, с. 3].

Одной из проблем развития инновационного потенциала молодежи и, как следствие, его реализации, являются проблемы в системе образования в России. В последнее время наблюдается рост количества институтов мнимого образования, которые производят символы несуществующих знаний — симулякры знаний, так как общество провоцирует спрос не на самообразование как таковое, а на получение формальных символов знаний (дипломы, аттестаты). Такая ситуация приводит к формированию NEET молодежи (Not in Employment, Education or Training), которая не учится, не охвачена профессиональной подготовкой, экономически неактивна в возрасте 15–29 лет [1, с. 76]. Лишь небольшое число молодых людей из способных к получению знаний, самообразованию, саморазвитию, развитию личных и профессиональных качеств войдут в состав профессиональной элиты.

Все это требует разработки новых моделей и механизмов, способных стимулировать научно-инновационную деятельность, с привлечением и использованием огромного творческого потенциала молодежи.

Инновационный потенциал молодежи реализуется путем научной, творческой и предпринимательской активности. Государственная поддержка инновационных проектов осуществляется как на федеральном уровне посредством создания государственных фондов, корпораций и институтов, так и на региональном, созданием муниципальных и региональных фондов и программ. Получить частные инвестиции можно от фондов прямого инвестирования, венчурных инвестиционных и посевных фондов, бизнес-ангелов, фондового и благотворительного рынков, краудфандинга и коммерческих банков.

Приоритетным направлением Государственной молодежной политики (ГМП) РФ является реализация инновационного потенциала молодежи. В Ульяновской области реализуются системные мероприятия по реализации инновационного потенциала молодежи, поддержке молодежных инициатив, включению молодежи, но вовлеченность молодежи остается все еще на достаточно низком уровне.

Анализ «Концепции внедрения интеллектуальных цифровых технологий в Ульяновской области “Умный регион” на 2017–2030 гг.» на конец 2018 г. показал, что в ее основе лежит задача по формированию у граждан культуры

информационного общества и компетенций цифровой экономики (прежде всего — у детей и молодежи), а также «уберизация» работы с талантливыми детьми и молодежью. Запланированные мероприятия, способствующие привлечению школьников в ИТ-сферу (в том числе «Техноград-2018»), на 2017 г. были проведены [5].

Анализ целевых подпрограмм свидетельствует о том, что ГМП эффективно реализуется. На региональном уровне активно ведется работа по привлечению молодежи к инновационной деятельности. В г. Ульяновске в «Школе развития высокотехнологичного предпринимательства» регулярно проводятся профессиональные специализированные семинары для бизнеса. С декабря 2017 г. функционирует Научно-образовательный центр «Креативные индустрии и развитие городских территорий» (НОЦ). Он является проектным офисом стратегического проекта «Культура. Регион. Перезагрузка», призванного выстраивать взаимодействие Ульяновского госуниверситета в культурной сфере с муниципальными образованиями региона. Также НОЦ отвечает за поддержку деятельности Центра инноваций Ульяновского государственного университета (УлГУ) в области творческого предпринимательства.

В рамках проекта «Развитие инновационного кластера Ульяновской области» и в целях развития технологического предпринимательства в регионе создан коворкинг-центр «Точка кипения» Ульяновского государственного университета, а также подписано соглашение с Университетом 20.35 НТИ. Университетская «Точка кипения», которая создана при поддержке АНО «Платформа НТИ» и Агентства стратегических инициатив. Это создает возможность объединить усилия бизнесменов, чиновников, ученых и студентов. Деятельность «Точки кипения» на базе университета, прежде всего, направлена на работу с людьми, их потенциалом и проектами, которые они создают. Задача сети «Точки кипения» на базе университетов — вовлечь в реализацию Национальной технологической инициативы и в процесс изменения образовательной системы страны максимальное большее количество людей за короткий срок. На площадке «Точки кипения» вузы могут экспериментировать с подходами к собственной научно-учебной деятельности, введением новых образовательных форматов и применением новых моделей коммуникации в образовании. Основная цель этих изменений — повышение уровня качества человеческого капитала страны [7].

Инновационный потенциал молодежи реализуется путем научной, творческой и предпринимательской активности. Одним из его механизмов является стартап. Он лучше других механизмов позволяет реализовать инновационный потенциал молодежи на практике в таких сферах, как биотехнологии и медицина, IT (программное обеспечение и интернет-проекты), социальная сфера, природные ресурсы и экология, индустрия развлечений. Создание инновационных продуктов не в крупных корпорациях, а в маленьких компаниях обусловлена тем, что разработка технологий, как правило, осложнена бюрократией, сложной процедурой принятия решений, недостаточной мотивацией сотрудников. Члены команд стартапа в высшей степени

мотивированы, готовы к рискам и работают очень быстро. Впоследствии крупные компании выкупают стартапы на этапе, когда технология уже создана.

В г. Ульяновске запущены проекты инновационного кластера, такие как «Технокампус 2.0», включающий в себя объединенный университетский инкубатор, центр молодежного инновационного творчества и технический колледж, которые будут готовить подрастающее инновационное поколение; «Технологическая долина 2.0», «Сантор».

В рамках программы по созданию нанотехнологических центров ОАО «РОСНАНО» в регионе действует ООО «Ульяновский Центр Трансфера Технологий» (Ульяновский наноцентр). «В 2016 г. наноцентр стал лидером пилотного рейтинга по оценке деятельности технопарков России, по версии Ассоциации кластеров и технопарков совместно с корпорацией Intel» [6, с. 13]. В 2017 г. по итогам рейтинга Ассоциации кластеров и технопарков РФ Ульяновский наноцентр ULNANOTECH представлен в I Группе (A+) «Наивысший уровень эффективности функционирования технопарка».

В целях вовлечения молодежи в инновационную экономику на территории региона созданы детский технопарк «Кванториум» и Центр молодежного инновационного творчества, направления деятельности которых соответствуют тенденциям FutureSkills.

Обобщая, можно сказать, что в России и в Ульяновской области, в частности, происходит вовлечение молодежи в созидательную деятельность в масштабе страны, создаются наукограды, проводятся молодежные форумы и конференции, однако многие мероприятия носят исключительно формальный характер.

Авторами были проведены социологические исследования «Инновационный потенциал современной молодежи: проблемы реализации и информированность об условиях его развития в г. Ульяновске» методом анкетного опроса. Выборка городская, квотная (n = 304, 2018 г.) и «Ценностные ориентации, образ жизни и инновационное поведение молодежи в Ульяновской области» методом анкетного опроса. В опросе приняла участие учащаяся, студенческая и работающая молодежь. Выборка квотная (n = 495, 2019 г.). Значение понятия «инновация» для молодежи не изменилось. Под ним как «что-то новое и прогрессивное» понимают 46 % опрошенных, как «внедрение новых разработок в производство» — 35 %, «что-то, улучшающие жизнь людей» — 23 %, «что-то, способствующие развитию общества, страны» — 22 %. Данный опрос позволил выявить, что молодежь не только правильно понимает смысл данного слова, но и выражает позитивное отношение к открытиям: лишь единицы наделяют термин «инновации» негативным смыслом, понимая под этим обман и отмывание денег — 2 %.

Выявлена высокая заинтересованность современной молодежи инновациями и инновационной деятельностью: 76 % принявших участие в опросе отметили, что обращают внимание на материалы об инновациях в «Интернете», а 66 % смотрят телепередачи. Большая часть молодежи (53 %) знает о реальных случаях успешных инновационных проектов/стартапов,

37 % — о неудавшихся. 69 % молодежи указали, что их интересуют инновации, научные открытия.

Исходя из ответов респондентов, можно говорить о том, что в сознании молодежи образ успешного инноватора неотделим от таких характеристик, как трудолюбие и целеустремленность. Большинство из них желают принимать участие в креативных проектах, соответственно, вышеописанные черты считают присущими себе.

Ульяновцев в возрасте от 15 до 34 лет привлекают следующие возможности участия в такого рода проектах: расширить свои горизонты, получить новые знания (81 %); обеспечить свой профессиональный, карьерный рост (55 %); познакомиться с новыми интересными людьми (52 %); раскрыть свой творческий потенциал (42 %). Таким образом, основной мотивацией для участия в проектах разработки инноваций респондентам представляется расширение кругозора и получение новых знаний.

19 % высказали мнение, что готовы приступить к разработке и реализации инновационных идей/стартапов в случае получения помощи со стороны государства, 36 % респондентов выбрали ответ «скорее да, чем нет», 22 % ответили, что «скорее не готовы, чем готовы», а 11 % «вовсе не готовы», 12 % — «затруднились ответить».

Был применен корреляционный анализ для поиска отличий поколения миллениалов от других. Коэффициент корреляции Пирсона в ответах на вопрос о желании приступить к разработке и реализации инновационных проектов и возрастом респондентов от 15 до 18 лет (поколение Z) и от 19 до 34 лет (поколение Y) средний ($r = 0,6$), что говорит о наличии зависимости между двумя переменными. Соответственно, среди представителей поколения центениалов больший процент людей, ориентированных на инновационность.

Результаты ответов позволили подтвердить гипотезу об отличительных чертах разных возрастных групп молодежи. Люди в возрасте от 30 до 34 лет продемонстрировали большую пассивность в отношении желания открывать стартапы и разрабатывать новые продукты и услуги.

46 % опрошенных считают, что менталитет современной молодежи и ее низкая активность в большей степени мешают реализации инновационных проектов молодыми людьми. Каждый третий опрошенный считает, что отсутствует действенная государственная молодежная политика по поддержке молодежи и незнание, где и как приложить свои силы. Почти половина (43%), выбравших вариант «недоступность качественного образования», — в возрасте от 20 до 24 лет.

Проведенный факторный анализ позволил выделить три фактора: «Интерес», «Участие», «Отношение». Первый фактор собрал положения, которые относятся к проявлению интереса к тематике инноваций. Второй фактор собрал положения, которые относятся к тем, которые сами имеют непосредственное отношение к инновациям. Третий фактор собрал положения позитивного отношения к процессу инновационных разработок (см. табл. 1).

Таблица 1

Факторная модель

Название фактора	Высказывания
Фактор «Интерес»	<ul style="list-style-type: none"> – «Я считаю проблему развития и внедрения инноваций одной из важнейших для страны» – «Я иногда смотрю телепередачи об инновациях» – «Я обращаю внимание на материалы об инновациях в Интернете» – «Я читаю статьи, книги по тематике инноваций» – «Меня интересуют инновации, научные открытия»
Фактор «Участие»	<ul style="list-style-type: none"> – «Я участвую в разработке и внедрении инноваций» – «У меня есть знакомые, которые разрабатывают и внедряют инновации»
Фактор «Отношение»	<ul style="list-style-type: none"> – «Мне нравятся креативные люди» – «Я считаю, что государство должно поощрять, стимулировать процесс инновационных разработок» – «Я знаю о реальных случаях успешных инновационных проектов/стартапов в последние годы»

Результаты социологического исследования показывают, что интерес к инновациям проявляется, прежде всего, у студентов (48%) и сохраняется у работающей молодежи (49%). Активное участие в инновационной деятельности принимают опрошенные студенты (48%). Среди студентов наиболее активными являются студенты Ульяновского государственного университета (УлГУ) (48%) и Ульяновского государственного технического университета (УлГТУ) (44%) (см. табл. 2).

Таблица 2

Значения выделенных факторов в зависимости от статуса респондентов (в %)

	Отсутствует	Слабое	Сильное
Школьники			
Интерес	60	36	4
Участие	39	61	0
Окружение	4	96	0
Студенты			
Интерес	52	44	4
Участие	52	47	1
Окружение	6	92	2
Работающие			
Интерес	51	47	2
Участие	58	39	4
Окружение	11	88	2

По мнению опрошенных, для достижения успеха молодому инноватору нужно много работать и быть целеустремленным (66%), обладать предпринимательской хваткой и лидерскими качествами (59%), иметь стартовый капитал (32%) и хорошее образование (31%) (см. рис. 1).

Рис. 1. Качества, необходимые молодому инноватору для достижения успеха, %

При этом респонденты выделили следующие проблемы, затрудняющие развитие инноваций в России, отсутствие стартового капитала (61%), бюрократия и коррупция (53%), недостаточная поддержка со стороны властей и организаций (43%), высокие налоги (41%) (см. рис. 2).

Рис. 2. Проблемы, затрудняющие развитие инноваций в России, %

Заключение

Проведенный анализ позволяет делать следующие выводы:

1. Реализация инновационного потенциала молодежи действительно является приоритетным направлением ГМП РФ. Удалось выявить, что на государственном уровне инновационный потенциал молодежи чаще понимается однобоко. Колоссальная поддержка направлена на проекты в рамках «умной экономики» и техники, при этом социокультурная сфера представлена слабо. Необходимо отметить, что государственной молодежной политикой охвачена в основном учащаяся/студенческая молодежь, а работающая, которая могла бы привнести большой вклад в рост инноваций, вовлечена недостаточно.

2. В Ульяновской области реализуется ряд системных мероприятий по развитию инновационного потенциала у молодых людей, воспитанию у них чувства патриотизма и толерантности, выявлению молодежных инициатив, поддержке молодых семей, талантливой молодежи, включению ее в активные социальные, культурные, политические практики. Однако следует отметить, что вовлеченность молодежи остается все еще на достаточно низком уровне, особенно это относится к работающим молодым людям. В рамках реализации ГМП создаются все возможные условия для успешной социализации, самореализации, выявления и развития инновационного потенциала детей и учащихся молодежи вне зависимости от социального статуса через реализацию программ и проектов в сфере дополнительного образования на всей территории Ульяновской области.

3. Основными проблемами развития и реализации инновационного потенциала молодежи являются отсутствие адаптированной к современным условиям инфраструктуры по работе с молодежью, проблемы в системе высшего образования, характерные особенности современного поколения, уровень развития городов, а также отсутствие системы мониторинга привлечения молодежи к научно-инновационной деятельности.

4. Анализ результатов исследований выявил проблемы реализации инновационного потенциала молодежи в представлениях самой молодежи, желание и готовность принимать участие в креативных творческих и социальных проектах, а также установил низкую информированность молодых людей о способах поддержки инновационной активности.

5. Сдерживающим фактором развития и реализации инновационного потенциала молодежи являются неэффективные каналы распространения информации о возможностях инновационной активности в регионе. Одной из причин этого можно считать отсутствие эффективного канала коммуникации государственных структур с молодежью. Распространение информации о способах реализации инновационного потенциала современной молодежи должно осуществляться специалистами, организующими поддержку творческой молодежи, в том числе и в социальных сетях, поскольку 27 % современной молодежи в возрасте от 13 до 24 лет, по данным исследования Google, проводит в социальных сетях по 5 часов в день, в возрасте от 25 до

34 лет — 19%. Еще 23% проводят от 3 до 5 часов [3]. На данный момент о поддержке инновационной активности молодежи с помощью государственных программ можно узнать на сайтах государственных структур.

6. Главным результатом реализации ГМП РФ должно стать улучшение положения молодежи в обществе и, соответственно, увеличение значимости молодых людей в развитии страны. Оценку реализации стратегии ГМП РФ в отношении развития инновационного потенциала молодежи можно будет производить по результатам повышения разного рода активности молодежи (деловой, предпринимательской, творческой, спортивной), повышения уровня самоорганизации и самоуправления молодежи в жизни общества.

Источники

1. Голицуова Ю. В., Ключарев Г. А. О стратегиях занятости современной молодежи // Социологические исследования. — 2017. — Вып. 15. — С. 72–90.
2. Луков В. А. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: Монография. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2013. — 718 с.
3. Новое поколение интернет-пользователей: Исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн. — URL: https://www.thinkwithgoogle.com/_qs/00404_Google_Youth_Study_RU.pdf (дата обращения: 8.06.2019).
4. Носова С. С., Кужелева-Саган И. П. Инновационный потенциал молодежи как социокультурный феномен // Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании. — 2011. — Вып. 1. — С. 50–53.
5. Отчет по итогам выполнения мероприятий, заявленных в плане мероприятий по реализации «Концепции внедрения интеллектуальных цифровых технологий в Ульяновской области “Умный регион” на апрель 2018 года»: По сост. на 20 июня 2018 г. — URL: <http://it-fund73.ru> (дата обращения: 20.06.2019).
6. Стратегия развития инновационного кластера Ульяновской области: По сост. на 20 июня 2018 г. — URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/213095222> (дата обращения: 20.06.2019).
7. В УлГУ откроется университетская «Точка кипения». Программа мероприятия // Ульяновский государственный университет [сайт]. — URL: <https://www.ulsu.ru/ru/news/new/5108/> (дата обращения: 17.07.2019).
8. Цутеладзе Д. Д. Методология создания самоорганизующейся российской экосистемы инновационного бизнеса // Инновации. — 2011. — № 6 (152). — С. 9–18.
9. Inkeles A. Model of the modern man: theoretical and methodological issues // Comparative Modernisation / Ed. C. E. Black. — New York: Free Press. — 1976. — P. 320–348.

Город федерального значения Москва

Афанасьева Юлия Александровна — старший аналитик центра социально-экономических исследований, Фонд «Центр стратегических разработок» (г. Москва), afanasye8a@mail.ru

Беляева Людмила Александровна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва), bela46@mail.ru

Давыдова Юлия Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (г. Москва), ylkadav@mail.ru

Каргаполова Екатерина Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (г. Москва); k474671@list.ru

Касавина Надежда Александровна — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва), kasavina.na@yandex.ru

Королевский Егор Олегович — студент факультета маркетинга Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (г. Москва), korollegor@yandex.ru

Лапин Николай Иванович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, председатель Научно-координационного совета секции ФПСПП Отделения общественных наук РАН, советник РАН (г. Москва), lapini31@mail.ru

Немировская Анна Валентиновна — кандидат социологических наук, кандидат филологических наук, доцент, руководитель департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения, старший научный сотрудник международной Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва), annanemirov@hse.ru

Слободский Александр Иванович — руководитель отдельной дисциплины «Основы безопасности жизнедеятельности и военной подготовки» Московского суворовского военного училища (г. Москва), slobodskoy51@mail.ru

Соболева Наталья Эдуардовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва), nsoboleva@hse.ru

Город федерального значения Санкт-Петербург

Баранец Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Санкт-Петербург), brnts@rambler.ru

Бушенкова Ирина Афанасьевна — заведующая Центром дополнительного образования детей Государственного бюджетного образовательного учреждения «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург), bushenkovairina@yandex.ru

Князева Вера Владимировна — директор Государственного бюджетного образовательного учреждения «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург), knyazeva_vera@mail.ru

Козырева Лариса Дмитриевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Санкт-Петербург), kozyreva-ld@ranepa.ru

Круглов Роман Геннадьевич — кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствознания, заместитель декана факультета экранных искусств по научной работе Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения; председатель Совета молодых литераторов Санкт-Петербурга, секретарь Союза писателей России, поэт, критик, редактор (г. Санкт-Петербург), rokrugl@yandex.ru

Ломоносова Марина Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), lomonosovamv@mail.ru

Насибуллин Ильдар Римович — студент кафедры социальной работы и права Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (г. Санкт-Петербург), nasubullin0105@mail.ru

Никитина Дарья Олеговна — аспирант факультета социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Санкт-Петербург), shvyrkova.darya@mail.ru

Огарева Екатерина Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); член Совета молодых литераторов Санкт-Петербурга, член Союза писателей России, поэт и прозаик (г. Санкт-Петербург), ogareva-ei@ranepa.ru

Петрушенко Татьяна Константиновна — старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), tatpetr52@mail.ru

Проходская Маргарита Александровна — магистрант, стажер-исследователь Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), panderlogus@mail.ru

Редюк Анна Леонидовна — старший преподаватель кафедры социальной работы и права Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (г. Санкт-Петербург), redanle@mail.ru

Семенова Анастасия Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург), Semyonovaa@mail.ru

Федорова Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), laetitia05@mail.ru

Салахутдинова Резида Халяфутдиновна — кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного и Муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Санкт-Петербург), rezeda_soc@mail.ru

Любавина Светлана Вячеславовна — специалист по учебно-методической работе 1 категории департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), slyubavina@hse.ru

Республика Башкортостан

Лавренюк Наталья Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Государственного автономного научного учреждения «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета (г. Уфа), nmlavr@yandex.ru

Республика Татарстан

Ахметова Симбуль Абдуллоевна — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского федерального университета (г. Казань), giacint7@mail.ru

Ишкинеева Фарида Фалесовна — кандидат социологических наук, доцент, заведующая Лабораторией социологических исследований Казанского федерального университета (г. Казань), farida1967@mail.ru

Минзарипов Ряз Гатауллович — доктор социологических наук, профессор, первый проректор Казанского федерального университета (г. Казань), rminzaripov@yandex.ru

Чеченская Республика

Юсупов Муса Мовлиевич — кандидат социологических наук, доцент Чеченского государственного университета, директор Центра социально-стратегических исследований (г. Грозный), musa_y17@hotmail.com

Чувашская Республика

Бойко Иван Иванович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары), boyko2003@yandex.ru

Семедова-Полупан Нина Григорьевна — кандидат социологических наук, доцент Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Чебоксары), ninapolupan63@mail.ru

Тарасов Владимир Тимофеевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Чебоксары), tarvlad2015@yandex.ru

Харитонов Валентина Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары), val1957@rambler.ru

Пермский край

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), julyamarkova@gmail.com

Плотникова Елена Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), plotnikova1958@yandex.ru

Ставропольский край

Лежебоков Андрей Александрович — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), leghebokov@yandex.ru

Сергодеева Елена Александровна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), sergodeewa2014@yandex.ru

Владимирская область

Петросян Дмитрий Ильич — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Владимир), ilyich87@yandex.ru

Плеханов Евгений Александрович — доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Владимир), eaplekhانov@gmail.com

Соколова Марина Владимировна — кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Владимир), rag33marina@yandex.ru

Волгоградская область

Дулина Надежда Васильевна — доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии Волгоградского государственного университета (г. Волгоград), nv-dulina@yandex.ru

Каргаполов Станислав Викторович — соискатель кафедры социологии Волгоградского государственного университета (г. Волгоград), avestas@list.ru

Вологодская область

Груздева Мария Андреевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), mariya_antonovarsa@mail.ru

Калачикова Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, заместитель директора, заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), onk82@yandex.ru

Леонидова Галина Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), galinaleonidova@mail.ru

Морев Михаил Владимирович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), 379post@mail.ru

Ушакова Юлия Олеговна — инженер-исследователь Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), j.uschakowa2017@yandex.ru

Шабунова Александра Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), aas@volnc.ru

Курская область

Васильченко Диана Дмитриевна — студент Курского государственного университета (г. Курск), Di.2810@yandex.ru

Гутенева Вера Витальевна — студент факультета философии и социологии Курского государственного университета (г. Курск), guteneva@yandex.ru

Когай Евгения Анатольевна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Курского государственного университета (г. Курск), eakogay@mail.ru

Пасовец Юлия Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета (г. Курск), yulia_pasovets@mail.ru

Хорошилова Анастасия Вячеславовна — аспирант Курского государственного университета (г. Курск), nastyaa2195@yandex.ru

Новосибирская область

Галынская Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социологии Сибирского университета потребительской кооперации (г. Новосибирск), barlak@list.ru

Крупчатникова Вера Витальевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск), krupchatnikova@corp.nstu.ru

Мостовая Елена Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политической экономии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (г. Новосибирск), 304146@mail.ru

Скворцова Оксана Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры Высшей математики и информатики Сибирского государственного университета водного транспорта (г. Новосибирск), skv-ok@yandex.ru

Орловская область

Ланцев Виктор Леонидович — заведующий отделом организационно-методической работы дополнительного профессионального образования Бюджетное учреждение Орловской области дополнительного профессионального образования «Институт развития образования» (г. Орел), vic_lan@mail.ru

Ростовская область

Мерзлякова Ирина Леонидовна — доцент кафедры исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону), merzlyakovail@mail.ru

Самарская область

Звоновский Владимир Борисович — доктор социологических наук, Президент Фонда социальных исследований, заведующий кафедрой социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, (г. Самара), zvb@socio-fond.com

Прохоров Денис Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, директор научно-образовательного и консалтингового центра системных и стратегических решений в области экономики и управления Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (г. Самара), devipr@yandex.ru

Цлаф Виктор Михайлович — кандидат технических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, научный руководитель научно-образовательного и консалтингового центра системных и стратегических решений в области экономики и управления Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (г. Самара), victor.tslaf@yandex.ru; ssu_econcentre@mail.ru

Свердловская область

Кох Иван Адамович — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и социологии управления, доцент Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Екатеринбург), kia4@mail.ru

Руденкин Дмитрий Васильевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), d.v.rudenkin@urfu.ru

Сырчин Андрей Евгеньевич — магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), ae2705@yandex.ru

Тарасова Анна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), a.n.tarasova@mail.ru

Тульская область

Мосин Василий Иванович — кандидат философских наук, доцент, генеральный директор Тульского социологического центра, старший научный сотрудник Центра региональных исторических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула), mosin55@bk.ru

Тюменская область

Андрианова Елена Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (г. Тюмень), e.v.andrianova@utmn.ru

Давыденко Владимир Александрович — доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета (г. Тюмень), vlad_davidenko@mail.ru

Немировский Валентин Геннадьевич — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, главный редактор научного журнала SIBERIAN SOCIUM, главный научный сотрудник, Тюменский государственный университет (г. Тюмень), профессор кафедры социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск), valnemirov@mail.ru

Ромашкина Гульнара Фатыховна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике Тюменского государственного университета (г. Тюмень), gr136@mail.ru

Ульяновская область

Галкина Елена Петровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск), ruh2000@mail.ru

Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры методики гуманитарного и поликультурного образования Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (г. Ульяновск), comm3@yandex.ru

Кадничанская Марина Ивановна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск), m-i-kad@yandex.ru

Проект

РЕЗОЛЮЦИЯ **участников конференции** **«Условия и способы повышения активности молодежи** **как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов»** **(9–11 октября 2019 г., Санкт-Петербург,** **СПб филиал НИУ – ВШЭ)**

XV Всероссийская научно-практическая конференция по межрегиональной программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» посвящена теме «Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов». Ее цель состояла в том, чтобы привлечь внимание как самой молодежи, так и представителей органов управления, науки, образования, бизнеса, широкой общественности России и ее регионов к проблемам активизации инновационной деятельности молодежи в контексте устойчивого развития регионов и всей страны. Участники конференции сосредоточили внимание на трех основных направлениях: I. Потенциал и факторы инновационной активности молодежи; II. Роль инновационной активности молодежи в развитии регионов и муниципальных образований; III. Молодежь как ресурсный потенциал развития инновационных систем в регионах.

Представлены около 70 докладов опытных и молодых специалистов из 19 субъектов Российской Федерации. Работа конференции проходила в форме пленарного заседания и трех секций. Их тематика соответствует названным направлениям и специализирована в виде 8 подтем, которые обсуждались на заседаниях круглых столов. Итоги конференции подведены на открытом заседании Научно-координационного совета секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, который осуществляет научно-методическое руководство исследованиями в рамках межрегиональной программы.

В докладах на пленарном заседании рассмотрены, с одной стороны, масштабные проблемы российской молодежи в эпоху изменений ее структуры в ответ на новые вызовы социализации не только в России, но и в других странах Европы и мира. А с другой стороны — конкретные возможности использования молодыми специалистами синергичного эффекта сетевого коммуникационного пространства на площадках региональных инновационных систем. Представлены актуальные проблемы труда молодежи Ленинградской области и Санкт-Петербурга, роль социальных проектов промышленных предприятий в повышении активности молодежи. На основе методов математической статистики показано положительное влияние омоложения персонала исследователей на их инновационную активность

в регионах, проанализированы возможности и риски молодого поколения в контексте цифровизации экономики и общества. Показано, что в типичных регионах — областях России средний возраст начала использования Интернета и гаджетов составляет 6,8 года, при этом у дошкольников — 3,6 года, у подростков 15–17 лет — 9,2 год. Время пребывания в сети превышает допустимые возрастные нормы более чем в 3 раза, признаки интернет-зависимости выявлены у 9% детей.

На заседаниях секций и круглых столов охарактеризован ряд процессов, свидетельствующих о повышении инновационного потенциала молодежи во многих регионах и вместе с тем — о наличии серьезных затруднений в его реализации. Сохраняют актуальность классические представления о действии в обществе двух сил: одна стремится к равновесию и отталкивает идеи с потенциалом стать инновациями, а другая — преобразовательная, новаторская, связанная с личностным поиском постоянного совершенствования.

Важно также, что в регионах продолжаются исследования трансформации ценностных ориентаций молодежи, конкретизация понимания того, что для современной молодежи является более важным: деньги, материальное благополучие или интерес к работе, возможности саморазвития. Показан рост ценности содержательной и интересной работы для раскрытия инновационного потенциала молодежи. Зафиксированы ограничения, которые исходят от материальных возможностей семьи. В целом активность зависит от воспитания, социализации в различных сферах жизни и ценностного мировосприятия. Среди молодежи возросли индивидуалистические настроения, прагматизм и амбициозность в реализации своих жизненных ценностей.

Отмечены три типа ситуаций изменения жизненных обстоятельств молодого человека, влияющих на его инновационную активность: ситуация новых возможностей, ситуация новых целей и ситуация новых проблем. В целом, в молодежной среде имеется высокий запрос на участие в инновационных проектах, наиболее активно проявляет себя группа 25–29-летних. Участие студентов в проектах, разработках, изобретениях повышается с ростом их компетенций.

Процесс цифровизации значительно меняет культуру молодых людей. Они понимают, какие перспективы предоставляет им виртуальный мир и какими рисками он им грозит. Выпускники вузов, не имеющие трудового опыта, оказываются одной из наиболее уязвимых групп при поиске работы, из-за недостатка высококвалифицированных рабочих мест. В этом контексте социально-гуманитарные науки должны углублять критический анализ влияния новой реальности, в том числе цифровой, на жизненный мир новых поколений.

Это более чем актуальная задача. Результаты большинства эмпирических исследований с возросшей остротой показывают, что инновационная активность молодых людей совершенно недостаточна для поступательного движения к инновационной экономике. Основными проблемами — опасностями для населения России длительное время остаются: произвол чиновников,

бедность и потеря работы. Это в полной мере относится и к активности молодежи, довольно низкой в сфере гражданского участия. В более молодых когортах повышается частота обращения к Интернету и снижается доверие к институтам власти. Возникла склонность молодежи к обнародованию своих позиций в отношении решений местной власти — в СМИ, в сети Интернет, на митингах и демонстрациях, в пикетах.

Реальное влияние государственной политики на активность молодежи в самоуправлении остается нераскрытым. Традиционные механизмы формирования гражданской активности не востребованы молодежью. Происходит стихийный рост социальных форм участия. Существующие программы поддержки и вовлечения молодежи в инновационную деятельность малоэффективны. Способности придавать региональному интересу существенную инновационную составляющую ограничены. Одним из способов ее активизации может стать развитие политического потенциала местных молодежных лидеров, привлечение молодых людей к социокультурному проектированию.

Все более актуальной становится проблема поддержки государством малого бизнеса, стимулирующего участие молодежи в инновациях, создание благоприятных условий и мотивации для предпринимательской деятельности, прежде всего — региональная система поддержки малых и средних предпринимателей, создания РИС.

Наиболее острой и опасной проблемой для экономического, социального и культурного развития России остаются низкие доходы малообеспеченной половины населения, особенно тех, чьи источники доходов ограничены заработной платой. Всем известно, что в России наименее доходным 10% населения противостоит многократное, до сих пор практически не измеренное превосходство баснословных доходов российских долларовых миллиардеров. Но меньше известна тоже впечатляющая дифференциация начисленной заработной платы по 10%-ным группам работников организаций: средний размер зарплаты (32,2 тыс. рублей) наиболее оплачиваемых 10% работников (это в основном руководители организаций) почти в 15 раз выше среднего размера зарплаты наименее оплачиваемых (2,2 тыс. рублей) (см. таблицу 6.6 в сб. «Социальное положение и уровень жизни населения России — 2017 г.» (электронная версия. Росстат. М., 2019). Как распределяется по этим децилям молодежь, живущая на свою зарплату? Явно недостает не только комплексных, но и вообще специализированных исследований молодежного содержания этой ключевой проблемы.

В нашей межрегиональной программе необходимо возможно быстрее преодолеть создавшийся досадный пробел. Почти 15-кратный разрыв — это в полтора раза больше опасных, по меркам современных цивилизаций, различий (8–10 раз). Необходимо определить, насколько опасны существующие разрывы зарплаты в каждом регионе, т. е. какие границы неравенств зарплат (не вообще доходов) население регионов, в том числе молодежь, считает допустимыми, а сверх которых они становятся недопустимыми и могут вызвать массовые протесты.

Неравенство доходов, в том числе зарплат, — проблема всех стран и эпох. Она включает в себе не только экономические и социально-экономические, но и цивилизационные смыслы. Следует рассмотреть, не целесообразно ли нам изучать проблемы социокультурной модернизации регионов более широко — в контексте российского цивилизационного процесса в целом.

Доклады участников конференции опубликованы в виде сборника статей, содержание и реквизиты которых отвечают современным требованиям. Этот сборник будет полезен молодым специалистам, ориентированным на реализацию своих компетенций в регионах как стартовых площадках молодых лидеров России, учащимся и преподавателям университетов и других вузов, государственным и муниципальным служащим, ответственным за развитие регионов и местных сообществ, а также всем интересующимся судьбами России и ее регионов сегодня и в ближайшем будущем.

Участники конференции выражают благодарность руководству и экспертам РФФИ за финансовую поддержку исследований и конференций межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов».

Научное издание

**УСЛОВИЯ И СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ
АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ
КАК СУБЪЕКТА ИННОВАЦИЙ
И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ**

Сборник докладов / статей
участников XV Всероссийской
научно-практической конференции
в рамках инициативной программы
«Проблемы социокультурной эволюции
России и ее регионов»

*Санкт-Петербург,
9–11 октября 2019 года*

Составители: *Н. И. Лапин, Р. Х. Салахутдинова*
Ответственный редактор *А. В. Немировская*

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Художественное оформление *Т. Б. Тиунова*
Корректоры *Л. А. Брисовская, М. Л. Водолазова, А. А. Нотик*
Оригинал-макет *А. Л. Афанасьев, Л. А. Харитонов*

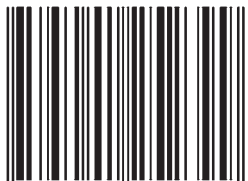
Подписано в печать 01.10.2019. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,5. Тираж 150 экз.
Заказ № 226Р.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Ренеме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISBN 978-5-00125-239-9

9 785001 252399